З. В. УДАЛЬЦОВА

ИТАЛИЯ И ВИЗАНТИЯ В VI ВЕКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ИТАЛИЯ и ВИЗАНТИЯ в VI веке

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1959

Ответственный редактор

Е. А. КОСМИНСКИЙ

ОТ АВТОРА

Основной задачей предлагаемой читателю работы является изучение начальной стадии формирования феодальных отношений в Италии в конце V—VI в.

Советская историческая наука внесла ценный вклад в разработку проблемы генезиса феодализма в Западной и Восточной Европе, однако до сего времени еще не появилось специальных монографических исследований, рассматривающих ранний этап формирования феодального строя на Апеннинском полуострове. Между тем восполнение этого пробела крайне необходимо для понимания общего процесса генезиса феодализма в странах Западной Европы. Это и определило интерес автора к данной теме. Поскольку становление феодальных отношений на Апеннинском полуострове в конце V—VI в. происходило в обстановке острой социальной борьбы народных масс, осложненной сначала остготским, затем византийским завоеваниями, перед автором возникла необходимость определить влияние этих факторов на процесс формирования феодализма в Италии той эпохи. В соответствии с задачами исследования работа распадается на две части. В первой части складывание феодальных отношений прослеживается в связи с изучением социально-экономического и политического строя Остготского королевства в Италии. Вторая часть посвящена рассмотрению борьбы остготов и народных масс Италии против византийских завоевателей; в ней дана характеристика византийского завоевания и его роли в исторических судьбах этой страны.

Настоящее исследование отнюдь не претендует на разрешение всех вопросов, связанных с социально-экономической историей Италии конца V—VI в.; оно является лишь первым опытом монографического исследования проблемы.

Автор глубоко благодарен своему покойному учителю академику Евгению Алексеевичу Косминскому за постоянную помощь в работе.

Автор выражает сердечную признательность сотрудникам сектора византиноведения и другим специалистам — Е. Ч. Скржинской, К. А. Осиповой, Г. Г. Литаврину, Н. Н. Леману, Р. А. Наследовой, А. Я. Сыркину, К. В. Хвостовой, которые своими советами и поддержкой помогли созданию этого труда.

Кроме того, автор благодарит академика С. Д. Сказкина, доктора исторических наук А. И. Неусыхина, доктора исторических наук М. Я. Сюзюмова, М. Л. Абрамсон, М. А. Заборова и всех других ученых, принявших участие в обсуждении его книги.

ВВЕДЕНИЕ

Крушение рабовладельческой формации и становление феодальных отношений на территории Римской империи было длительным и сложным процессом. Развитие новых, более прогрессивных феодальных отношений происходило хотя и неуклонно, но медленно и отнюдь не прямолинейно. Силы старого, рабовладельческого мира упорно и настойчиво сопротивлялись утверждению феодализма, и история этих бурных столетий знает периоды временного торжества реакции, сменяемые новым подъемом волны народных движений, притоком свежих сил варваров для еще более решительной борьбы с миром рабовладения.

История социальной борьбы угнетенных масс в эти столетия знаменуется взлетами и падениями. И все же, несмотря на горечь неудач и тяжесть поражений, именно героическая борьба народных масс и их повседневный созидательный труд дали простор силам прогресса и неуклонно расчищали путь для развития феодализма, подготовляя окончательное торжество более передового социально-экономического строя.

Падение Западной Римской империи под ударами восстаний рабов и колонов и варварских вторжений являлось важной вехой в борьбе сил прогресса против рабовладельческого строя. Оно было в то же время и одной из крупнейших побед народных масс в эту отдаленную эпоху. Однако с падением Западной Римской империи эта борьба отнюдь еще не закончилась. В Италии, центре рабовладельческого мира, в конце V и в VI столетии рабовладельческий строй, хотя и испытавший ряд сокрушительных ударов в предшествующий период, все же еще сохранялся в таких масштабах, что тормозил дальнейшее прогрессивное развитие общества, и остатки рабовладельческого класса еще представляли известную силу, способную к сопротивлению, тем более, что они опирались на помощь рабовладельцев Восточной Римской империи.

Весь этот период истории Италии наполнен ожесточенной и непримиримой борьбой нарождающихся сил феодального общества с остатками рабовладельческой системы, и только в свете этой борьбы прогресса и реакции, нового и старого, растущего и отживающего можно понять историческое значение как остготского периода итальянской истории, так и византийского завоевания Италии, а также оценить последствия нового взрыва народных восстаний в середине VI в. и завоевания лангобардами значительной части Апеннинского полуострова.

Все эти события по своему существу являлись лишь этапами борьбы новых сил феодального строя с пережитками рабовладения, этапами в развитии более прогрессивных феодальных отношений, рождавшихся в муках ожесточенной классовой и политической борьбы, завершившейся полным торжеством феодализма. В эти критические столетия итальянской истории с крушением рабовладельческого государства элементы феодализма, созревавшие внутри рабовладельческой формации, получили бо́льший простор для своего развития; в этот период интенсивно начался процесс их слияния, синтеза с новыми общественными отношениями, выраставшими у варваров-завоевателей на основе разложения первобытно-общинного строя. Но вместе с тем в Италии этот процесс шел несколько медленнее, чем в других провинциях бывшей Западной Римской империи, ибо здесь — в центре римской цивилизации — значительно сильнее были пережитки рабовладельческого строя, упорнее сопротивление римской сенаторской аристократии, интенсивнее влияние остатков римской культуры, государственности, правовых и социальных институтов римского общества на общественный строй новых варварских государств. Именно вследствие этого в родившемся на территории Италии недолговечном Остготском королевстве (493—555) и могло произойти в столь неприкрытом виде временное сближение новой феодализирующейся знати с осколками римской рабовладельческой аристократии, нашедшее свое яркое выражение в политике остготского правительства в правление Теодориха. Именно в этом старом гнезде рабовладения на Западе сопротивление рабовладельческой знати было особенно длительным и упорным.

Потребовались новые героические усилия со стороны народных масс и новые грозные удары полчищ лангобардов для того, чтобы окончательно уничтожить последние очаги сопротивления гибнущего рабовладельческого мира.

Часть первая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИТАЛИИ В ПЕРИОД ВЛАДЫЧЕСТВА ОСТГОТОВ

Глава I

ЗАВОЕВАНИЕ ОСТГОТАМИ ИТАЛИИ

В последние десятилетия V в., в эти суровые годы варварских вторжений и борьбы народов с миром рабовладения, на Италию, истерзанную и разоренную, обрушилась новая волна завоевателей. Осенью 488 г. остготы, предводительствуемые королем (рейксом) Теодорихом Амалом, с согласия восточноримского императора Зинона, трепетавшего перед полчищами варваров и мечтавшего от них избавиться, покинули придунайские земли, где они тогда жили, и двинулись в Италию (Procop. BP, I, 18. 3; BG, I, 16.2; II, 14.24).

Поход остготов в Италию отнюдь не был лишь военным набегом воинственных варваров, а переселением целой группы германских и других племен, двинувшихся в путь со своими женами, детьми и всем своим скарбом (τὰ ἔπιπλα.—Procop. BG, I, 1. 12). Основным ядром войск Теодориха были паннонские остготы, к которым присоединились остготские племена, жившие во Фракии, и родственное готам племя ругов (BG, II, 14. 24; III, 2. 1—2; IV, 5. 13—14; Ennod. Paneg. VI, 26) [1].

В Италии к этому времени уже расселилось много других варваров (герулов, аланов, гепидов, сциров, ругов, сарматов, туркилингов и др.) — солдат и земледельцев, уже подвергшихся в той или иной степени романизации. Таким образом, этническая основа государств Одоакра, а затем и Теодориха была весьма пестрой [2].

---

[1] Часть остготских племен осталась на прежних местах жительства в Нижней Мёзии (Iord. Get., 292), во Фракии (Procop. BG, I, 16.2), в Эпире.

[2] Этот тезис был выдвинут и обоснован в работе О. Л. Вайнштейна «Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха» («Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 134—158).

Источники, к сожалению, не сохранили нам данных об общей численности остготов, принявших участие в переселении в Италию [3]. Поэтому этот вопрос до сих пор остается спорным. Большинство ученых считает наиболее правдоподобной цифру в 100 тысяч человек, включая женщин и детей [4]. Если учесть, что вместе с остготами в Италию переселилась и часть некоторых других племен, можно предположить, что всего на Апеннинский полуостров с Теодорихом прибыло около 150 тысяч человек.

Каковы же были причины, вызвавшие переселение остготских племен в Италию?

Естественно, что эти причины нужно искать не в особенной личной храбрости и предприимчивости короля остготов Теодориха или воинственности остготских племен, как полагают некоторые буржуазные ученые [5–6], а прежде всего в глубоких

---

[3] Основываться на сообщении Прокопия (BG, I, 16.11; III, 4.12 и III, 21.4) о численности остготских войск, насчитывавших, по его словам, около 150—200 тыс. воинов в 30-х годах VI в., нельзя, так как эти данные явно преувеличены (см. ниже, стр. 282).

[4] J. B. Bury. History of the Later Roman Empire, vol. I. London, 1931, p. 422; G. Pfeilschifter. Theoderich der Grosse. Mainz, 1910, S. 30; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949, p. 54; Дж. Луццатто. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 156; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I. Gotha, 1897, S. 71, 80; L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung, Bd. I, Die Ostgermanen. Berlin, 1934, S. 293; W. Enssli n. Theoderich der Grosse. München, 1947, S. 66. Вместе с тем часть ученых явно преувеличивала численность завоевателей Апеннинского полуострова: так, Ф. Дан полагает, что их было не менее 250 тысяч (F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. II, S. 78), П. Н. Кудрявцев — 200 тысяч (П. Кудрявцев. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850, стр. 71), а Д. М. Петрушевский доводит их численность даже до 200—300 тыс. человек (Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1922, стр. 203); итальянский ученый Чиполла настаивает на самой большой цифре в 300 тыс. чел. (C. Cipolla. Della supposta fusione degli Italiani coi Germani nei primi secoli del Medioevo. — «Rendiconti della Reale Accad. Naz. dei Lincei, Cl. di Scienze Moral. e Filol.», ser. V, vol. IX. Roma, 1900, p. 370—373. Вместе с тем некоторые итальянские ученые, связывая этот вопрос с проблемой происхождения итальянской народности, настойчиво стремятся преуменьшить численность остготов и других варваров и доказать, что итальянская «нация» хотя и впитала варваров, но сохранила свою романскую основу, единство культуры, языка и т. п. См., например, G. Salvioli. Sullo stato e la popolazione d'Italia prima e dopo le invasioni barbariche. Palermo, 1899, p. 32—63 и др.

[5–6] Немецкие националистически настроенные буржуазные ученые полагают, что личная храбрость Теодориха и его стремление создать по примеру других германских королей свое королевство подняли воинственный пыл остготских племен и воодушевили их на поход в Италию

изменениях общественного строя остготов к моменту их похода в Италию.

Ко времени завоевания Италии остготы по уровню своего социально-экономического развития находились на стадии разложения общинно-родового строя и зарождения элементов феодализма [7]. Основным занятием остготов к моменту их переселения в Италию, наряду со скотоводством, было также и земледелие; об этом, в частности, свидетельствуют археологические данные [8], а также сообщение Эннодия о том, что, отправляясь в Италию, остготы погрузили на повозки не только хлеб, но и земледельческие орудия, в том числе и ручные мельницы для размола зерна (Ennod. Paneg., VI, 26). Внутри остготского общества на основе развития производительных сил с переходом к индивидуальным формам труда и с ростом частной собственности уже происходил процесс разложения общинно-родового строя и рост имущественной и социальной дифференциации [9]. Старая родовая аристократия еще сохраняла свое влияние, но

(F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. III, S. 64; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 66; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 37). Ф. Альтгейм объясняет переселение остготов особенностями германцев, будто бы склонных к миграциям (F. Altheim. Niedergang der alten Welt, Bd. I—II. Frankfurt, 1952). С шовинистических, расистских позиций трактует этот вопрос Г. Феттер (G. Vetter. Die Ostgoten und Theoderich. Stuttgart, 1938, S. 30 f.).

[7] Вопрос об общественном строе остготов до завоевания Италии разбирался в упомянутой выше работе О. Л. Вайнштейна; автор приходит к выводу, что у остготов еще до их поселения в Италии родовые отношения разложились, а родо-племенные связи были разорваны (указ. соч., стр. 134—135). Значительный материал по этому вопросу собран в кандидатской диссертации И. А. Дворецкой «Общественный и политический строй Остготского королевства». М., 1956 (машинопись). История, общественный строй и быт остготов в период, предшествовавший их переселению в Италию, рассматриваются в трудах некоторых русских и зарубежных исследователей: Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. Готы и их соседи до V в., СПб., 1899; F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. II. München, 1861; K. Martin. Theoderich der Grosse bis zur Eroberung Italiens. Freiburg, 1888; H. Bradly. The Goths from the earliest times to the end of the Gothic domination in Spain. London — New-York, 1890; A. Alföldi. Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien, Bd. I—II. Berlin — Leipzig, 1924—1926; W. Ensslin. Die Ostgoten in Pannonien. — «Byzantinisch - Neugriechische Jahrbücher», Bd. VI, 1927—1928, S. 146 f.; L. Schmidt. Die Ostgothen in Pannonien.— «Ungarische Jahrbücher», Bd. VI, H. 4, 1926, S. 459 f.; L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme, Bd. I. Berlin, 1934.

[8] J. Werner. Die archäologischen Zeugnisse der Gothen in Südrussland, Ungarn, Italien und Spanien.— «I Goti in Occidente. Settimane di Studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo», III. Spoleto, 1956, p. 127 sg.

[9] Наиболее подробно это показано в первой главе диссертации И. А. Дворецкой «Общественный и политический строй Остготского королевства».

рядом с ней росла и крепла новая знать из числа военачальников, дружинников и приближенных рейкса. Большое значение для дальнейших судеб остготских племен имел рост социального неравенства внутри остготского общества, обеднение части рядовых воинов и превращение их в зависимых от знати людей. Весьма характерны в этом отношении известия историка готов Иордана. По его словам, Теодорих Амал в борьбе за власть над остготскими племенами в Паннонии опирался на дружинников своего отца и на приверженцев из народа (общей численностью около 6 тысяч человек), которых он сделал своими клиентами («asciitis certis ex satellitibus patris ex populo amatores sibi clientesque consociens, paene sex milia viros...». — Iord. Get., 282).

Это важное свидетельство такого заслуживающего доверия источника, как Иордан, указывает на рост влияния остготской знати, группировавшей вокруг себя «клиентов» из числа остготов, лично свободных, но уже, по-видимому, связанных с нею узами экономической и политической зависимости, что дает основание Иордану, применяя римскую терминологию, называть их клиентами этой знати. Можно предположить, что эти взаимоотношения, характеризуемые Иорданом как клиентела, уже являлись одной из ранних форм зависимости, сыгравшей в дальнейшем известную роль в оформлении феодальных отношений у остготов.

Еще до завоевания Италии остготы знали рабовладение, и остготская знать имела в своем распоряжении рабов и слуг из зависимых от нее людей [10]. Рабство, однако, носило патриархальный характер и существенной роли в жизни остготского общества не играло.

Итак, еще в то время, когда остготские племена жили в Паннонии и Мёзии, внутри остготского общества уже начинали зарождаться элементы классовой дифференциации, развитие которых значительно ускорилось после завоевания Италии и продолжалось уже на основе синтеза римских и германских общественных отношений.

В V в. у остготов, как и у других германских племен, успехи в земледелии, скотоводстве и ремесле, т. е. общий прогресс в развитии производительных сил, привели к значительному приросту населения и явились одним из важных стимулов к поискам нового места жительства [11]. По словам Иордана, остготские племена накануне похода в Италию испытывали нужду

---

[10] Iord. Get., 274; Ennod. Paneg., VI, 23—27; ср. E. Theod., 70; см. ниже, стр. 69.

[11] Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 371—376.

в плодородных землях для обработки, возник голод, и это послужило непосредственным толчком к началу их переселения на Апеннинский полуостров (I o r d. Get., 290—291). Важной причиной похода было также стремление военной знати посредством войны и захвата добычи обогатиться и занять главенствующее положение, окончательно оттеснив родовую аристократию от кормила правления остготскими племенами. Теодорих Амал и его приближенные надеялись новыми завоеваниями не только укрепить свою власть и пресечь междоусобицы знати, но и дать выход недовольству, растущему среди рядовых воинов,— недовольству, порожденному развитием зависимости от знати, нехваткой земель и голодом.

Все эти существенные изменения в общественном строе остготов и обусловили их завоевательные походы, увенчавшиеся покорением Италии.

Вместе с тем нельзя забывать и о международной обстановке, повлиявшей на решение Теодориха начать поход в Италию. Известно, что остготские племена во второй половине 80-х годов V в. служили Восточной Римской империи в качестве федератов и участвовали в войнах с ее врагами; правда, при этом они нередко обращали свое оружие и против самой империи. В 487 г. они даже задумали поход на Константинополь. Желая предотвратить этот поход, император Зинон начал с Теодорихом переговоры о завоевании для империи Италии, находившейся в то время под властью одного из вождей варварских племен Одоакра (P r o c o p. BG, I, 1. 10—11). Предложение императора вполне совпадало с желаниями остготской военной знати, и между Зиноном и Теодорихом, видимо, было заключено соглашение, по которому Теодорих обязывался завоевать Италию, а император в награду за победу над Одоакром обещал предоставить ему управление завоеванной страной [12]. Однако есть основания полагать, что обе стороны отнюдь не были намерены до конца выполнять этот договор: император Зинон, отправляя Теодориха в Италию, надеялся избавиться от опасного союзника и хотел, чтобы тот прочно завяз в войне с Одоакром (во всяком случае имперские войска не были посланы в Италию на помощь Теодориху даже тогда, когда тот терпел

[12] Anon. Vales., XI, 49; I o r d. Get., 291—292. Эти сообщения источников толкуются некоторыми исследователями в том смысле, что Теодорих при завоевании Италии выступал исключительно как имперский чиновник (magister militum), исполнявший волю императора (L. M. H a r t m a n n. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 72; «Cambridge Medieval History», vol. I, 438; ср. Th. M o m m s e n. Gesammelte Schriften, Bd. VI. Berlin, 1910, S. 444 f.). В. Энсслин полагал, что по договору Теодориху в награду за победу над Одоакром было обещано регентство в Италии до прибытия туда самого императора (W. E n s s l i n. Theoderich der Grosse, S. 65).

неудачи). Вместе с тем Зинон явно мечтал руками одних варваров отвоевать для империи Италию, оказавшуюся под властью других варваров. Что же касается остготской знати и ее вождя Теодориха, то они, видимо, с самого начала рассчитывали создать в Италии самостоятельное государство по типу других германских королевств, возникших на территории Западной Римской империи. Путь остготов пролегал из Нижней Мёзии в Паннонию, вдоль берегов Истра (Дуная), через Виминаций (ныне Костолац) и Сингидун (Белград) к Сирмию (около современной Митровицы) (Iord. Get., 292, Procop. BG, I, 1. 13). У Сирмия остготы разбили гепидов, занявших этот район и стремившихся помешать дальнейшему продвижению остготов на Запад (Ennod. Paneg., VII, 28—30). Войско варваров двигалось медленно, поскольку его продвижение задерживал большой обоз, в котором находились жены и дети остготов и все их имущество. Перезимовав в районе Сирмия, остготы лишь с наступлением весны 489 г. отправились далее на запад и на пути в Аквилею разбили сарматов (Ennod. Paneg., VII, 35). Часть побежденных гепидов и сарматов, видимо, была включена в армию Теодориха и участвовала в дальнейшем походе.

Летом 489 г. полчища остготов и других варваров перешли Юлийские Альпы, достигли границ Италии и расположились лагерем на берегу реки Сонций (Sontium, ныне Изонцо) (Iord. Get., 298). К этому времени, получив известие о появлении Теодориха на северной границе своих владений, Одоакр поспешил навстречу врагу. Здесь, на берегу Изонцо, несколько выше впадения р. Виппах, 28 августа 489 г. произошла первая встреча превосходящих своей численностью остготов с войсками Одоакра. Кровопролитное сражение закончилось полной победой новых пришельцев (Ennod. Paneg., VIII, 36—37; Anon. Vales., XI, 50; Cons. Ital., p. 316; Fasti Vindob., 639). Потерпев поражение, Одоакр отступил с остатками своих войск к Вероне. Через месяц — в последних числах сентября того же 489 года — на полях близ этого города остготы одержали новую победу. Разбитый наголову, Одоакр бежал в Равенну. Эта кровавая битва принесла большие потери как побежденным, так и самим победителям (Anon. Vales., XI, 50; Ennod. Paneg., VIII, 38—39; Auct. Prosp. Havn., a. 490; Cons. Ital., p. 316—317).

Не располагая достаточными силами для осады Одоакра в хорошо укрепленной Равенне, Теодорих двинулся в Северную Италию к городу Медиолану (Милану) (Anon. Vales., XI, 51). Здесь он надеялся пополнить обескровленную веронским сражением армию, найдя поддержку у живших там варварских племен. Расчеты Теодориха до некоторой степени оправдались,

поскольку в Милане на сторону остготов перешли расквартированные там варварские войска под командованием одного из военачальников Одоакра — Туфы (Anon. Vales., XI, 51). Кроме того, Теодорих пытался найти поддержку у местного католического духовенства и сумел установить доброжелательные отношения с епископами Милана и Тичина (Павии) (Ennod. Dict., I, 12—16; Ennod. V. Epif., 109—124; Coll. Avell. № 95, 63).

Видимо, в это же время Теодорих завязал тайные сношения с римским сенатом и добился его поддержки. Такой вывод можно сделать, в частности, из сообщения Павла Диакона о том, что когда Одоакр направился (в 489 или 490 г.) к Риму, ворота древней столицы Италии оказались запертыми перед ненавистным римским сенаторам «тираном». Именно благодаря сопротивлению сенаторской аристократии Рим не попал в руки соперника Теодориха, и разгневанный Одоакр должен был ограничиться лишь опустошением окрестностей непокорного города [13].

Однако поддержка войск Туфы, посланных Теодорихом осаждать Равенну, оказалась непрочной [14], и они скоро вновь возвратились под знамена Одоакра. В городе Фавенции (ныне Фаэнца) Туфа коварно заманил в ловушку и захватил в плен нескольких готских военачальников, а затем привез их в Равенну и передал Одоакру, чтобы выдачей важных пленников искупить свою вину перед прежним повелителем (Anon. Vales., XI, 52). Возвращение Туфы и его войск подняло дух противников остготов и дало им возможность перейти в контрнаступление. Весной следующего года войска Одоакра овладели важными опорными пунктами остготов в Северной Италии, Кремоной и Миланом [15], и заставили армию Теодориха отступить в крепость Тичин (Anon. Vales., XI, 53; Ennod. V. Epif., 109—111, 127; Paneg., VIII, 46—47; IX, 48; Iord. Get., 292; Cass. Chron., 1319—1321). Осажденный в Тичине и теснимый войсками Одоакра, Теодорих в столь критический момент принужден

---

[13] Pauli Diac. Hist. Rom., XV, 15—16. Следует оговорить, что вследствие крайней краткости и расплывчатости сообщения Павла Диакона установить точно хронологическую последовательность событий, связанных с походом Одоакра на Рим, не представляется возможным. Некоторые исследователи, например, Э. Каспар (E. Caspar. Geschichte des Papsttums, II, 748), поддержанный Э. Штейном (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 55), считают, что этот поход имел место в 490 г.

[14] Л. Шмидт (L. Schmidt. Op. cit., Bd. I, S. 296) даже пришел к выводу, что Туфа действовал по заранее разработанному плану.

[15] Следует отметить, что, заняв Милан, Одоакр приказал арестовать епископа Милана Лаврентия (Ennod. V. Epif., 109 sq.),— факт, еще раз подтверждающий проготскую позицию высшего католического духовенства Италии.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ К СХЕМАМ

территория, входившая в состав Византии до завоевательных войн Юстиниана

территория, завоеванная Юстинианом до войны с остготами

земли Остготского государства, находившиеся под властью византийцев к концу периода, отраженного в данной схеме

территория, отвоеванная остготами к концу периода, которому посвящена данная схема

земли Остготского государства, захваченные франками, бургундами и лангобардами

ГОРОДА, КОТОРЫЕ НАХОДИЛИСЬ К НАЧАЛУ ПЕРИОДА, ОТРАЖЕННОГО В ДАННОЙ СХЕМЕ:

в руках византийцев

в руках остготов

ГОРОДА, КОТОРЫЕ В ПЕРИОД, ОТРАЖЕННЫЙ В ДАННОЙ СХЕМЕ, ПОДВЕРГАЛИСЬ ОСАДЕ:

византийцами

остготами

ПОДЧЕРКНУТЫ НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ, ВЗЯТЫХ (В ПЕРИОД, КОТОРОМУ ПОСВЯЩЕНА СХЕМА):

византийцами

остготами

франками

Медиолан
539
(Милан)

Под чертой – дата взятия

Современные названия – в скобках

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВОЙСК

ВИЗАНТИЙЦЫ

наступление или перебазировка

обход крепости

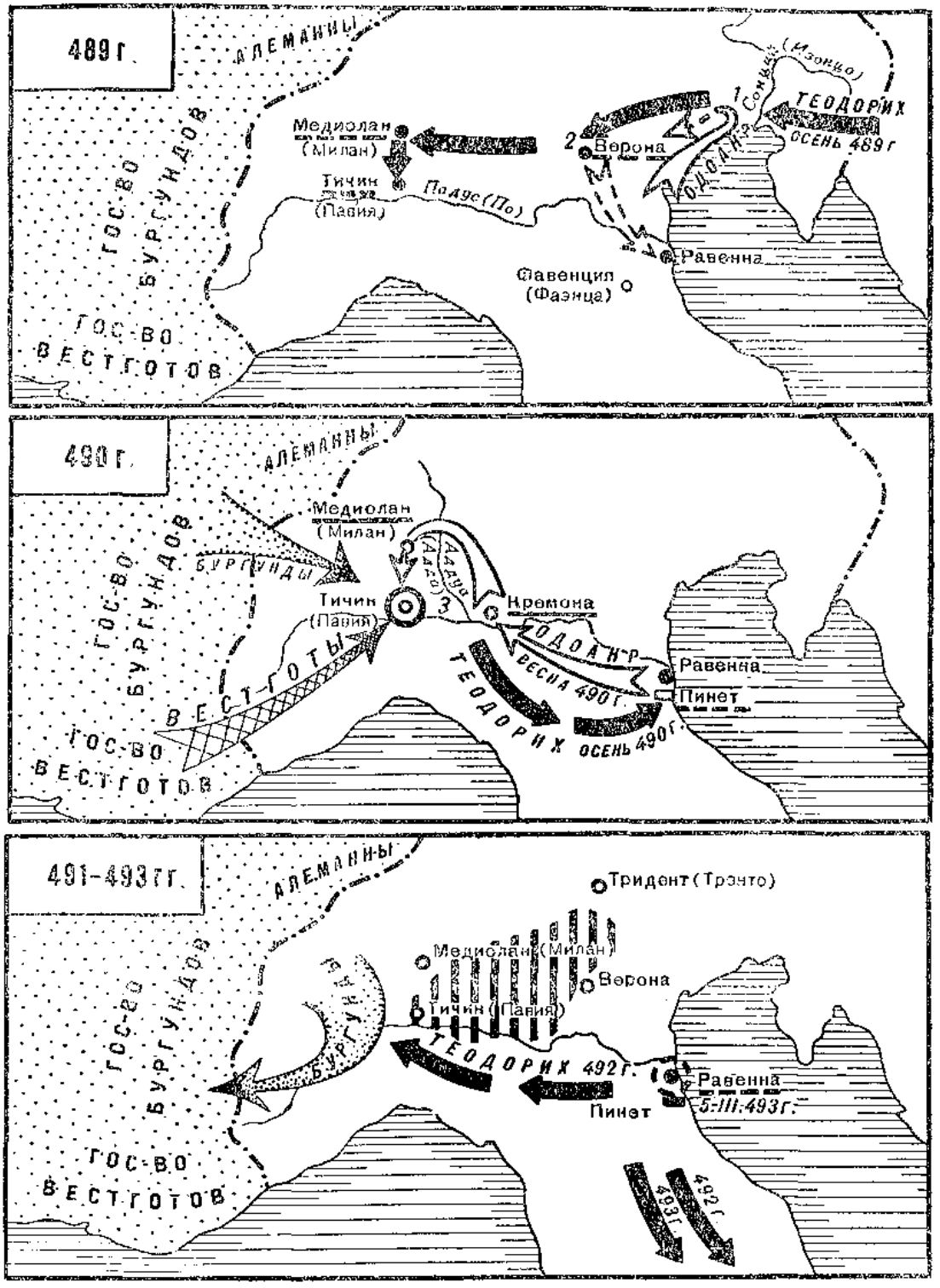
отходы после поражения

ОСТГОТЫ

наступление или перебазировка

отступление

Места битв



Район восстания ругов и других варварских племен

1 – победа остготов на р. Сонций (Изонцо) 28.VIII.489 г.

2 – победа остготов у Вероны в конце IX.489 г.

3 – победа остготов на р. Аддуа (Адда) 11.VIII.490 г.

Схема 1. Борьба за Италию в 489—493 гг.

был обратиться за помощью к вестготам. Получив ожидаемую помощь, Теодорих пошел на третье и теперь уже решающее сражение со своим противником. Это сражение произошло 11 августа 490 г. на берегу реки Аддуа (Addua, ныне Адда) и закончилось победой остготов (Anon. Vales., XI, 53; Cons. Ital., p. 316—317, 319; Auct. Prosp. Havn., a. 491). Преследуемый по пятам войсками Теодориха, Одоакр вновь бежит в Равенну и ищет спасения за ее стенами, а воины победителя разбивают свой лагерь в нескольких километрах от города в местности Пинет (Pinetus). Начинается осада Равенны войсками остготов, длившаяся более двух с половиной лет (Anon. Vales., XI, 53; Auct. Prosp. Havn., a. 491; Cass. Chron., 1323; Procop. BG, I, 1. 14—16, 24).

Уже в первый год осады Теодорих и его приближенные поняли, что их войскам не взять штурмом прекрасно укрепленный город, а осада Равенны окажется бесплодной, если у них не будет прочно обеспечен тыл. Поэтому Теодорих, оставив часть войск у Равенны, сам с основной армией двинулся на север и в течение сравнительно короткого срока завоевал Северную Италию. Эмиссары Теодориха одновременно действовали в пользу остготов в Средней и Южной Италии и проникли даже на остров Сицилию.

Однако затяжка войны в Италии привлекла внимание правителей соседних варварских государств, которые решили, воспользовавшись тем, что Теодорих и Одоакр заняты взаимной борьбой, поживиться за счет захвата плохо охраняемых областей. В 490 г. вандалы напали на Сицилию под предлогом помощи Одоакру, но уже в следующем, 491 г. они принуждены были отступить, отбитые населением (быть может, с помощью войск остготов), и даже отказаться от дани, которую жители острова платили им во времена Одоакра (Ennod. Paneg., XIII, 70; Cass. Chron. 1327; Cass. Var., I, 3.3)[16]. Видимо, в том же 490 г. на Италию с северо-запада внезапно напали бургунды, предводительствуемые королем Гундебадом. Воинственные варвары, опустошая все на своем пути, достигли долины реки Падус (По) и только здесь были отбиты войсками Теодориха и возвратились в свое королевство. Однако остготы не смогли помешать бургундам увести около 6 тысяч пленных италийских земледельцев, обращенных ими в рабство (Ennod. V. Epif., 138—141; 158—162; 170—172; Ennod. Paneg., X, 54; Cass. Var., XII, 28. 2; Pauli Diac. Hist. Rom., XV, 17).

---

[16] См. L. Schmidt. Geschichte der Wandalen. München, 1942, S. 110.

Положение Теодориха еще более осложнялось не только нападениями соседних варварских народов, но и серьезными беспорядками и восстаниями в его собственном разноплеменном войске. Племя ругов, занимавшее самостоятельное положение в армии Теодориха и имевшее своего вождя Фридериха, подняло в Тичине восстание против остготов. Восстание было подготовлено при помощи других варваров, живших в Северной Италии. Во всяком случае Фридерих заключил союз с Туфой, который спасся во время сражения у Аддуи и вновь собрал войска против Теодориха. Объединение Фридериха с Туфой было очень опасно для Теодориха и грозило ему потерей всех завоеваний на севере страны. Только междоусобицы и раздоры, вспыхнувшие между вождями восстания, помогли остготам. В конце 492 или в начале 493 г. войска бывших союзников, превратившихся теперь во врагов, напали друг на друга. Решающая битва, по данным хронистов, произошла между городами Тридентом и Вероной. Войска Туфы были разбиты, а сам он пал в сражении. Но и руги понесли в этой битве очень большие потери и вынуждены были вскоре вновь возвратиться под власть Теодориха (Auct. Prosp. Havn., a. 493; Fasti Vindob., 645; Cons. Ital., p. 320—321; Ennod. V. Epif., 118 ; Ennod. Paneg., X, 55).

Между тем осада Равенны затягивалась, чему немало способствовали затруднения Теодориха и осложнившиеся его отношения с населением Северной Италии. Сопротивление Одоакра и его сторонников было столь упорным, что в течение всей осады, несмотря на нехватку продуктов питания и на болезни, они не прекращали вылазки, нанося серьезный урон врагу. Во время одной такой вылазки в июле 491 г. герулам Одоакра удалось даже ворваться в лагерь остготов в Пинете; но вылазка была все же отбита превосходящими силами остготов, а военачальник Одоакра Либила пал в ожесточенной схватке (Fasti Vindob., 640; Anon. Vales. XI, 54; Cons. Ital., p. 318; Auct. Prosp. Havn., a. 491, Agn., 39). Сознавая необходимость овладеть во что бы то ни стало Равенной, Теодорих принимает решение захватить город измором, организовав его блокаду не только с суши, но и с моря. И только когда остготам летом 492 г. удалось осуществить этот план и в осажденной Равенне начался голод, произошел окончательный поворот в войне. Весть о безнадежном положении Одоакра облетела страну и вскоре вслед за Северной Италией власти остготов была подчинена почти вся Средняя Италия (Iord. Get., 294). Теперь дни отрезанной от всей страны Равенны были уже сочтены.

По словам равенского хрониста не меч, а голод погубили Одоакра и привели к сдаче города (Anon. Vales., XI, 54). Немалую роль в гибели Одоакра и его сторонников сыграло также

предательство римской знати и католического духовенства. Ненавидя «тирана» Одоакра, они предпочли пойти на соглашение с его противником. По инициативе католического духовенства Равенны в начале 493 г. начались переговоры между Одоакром и Теодорихом. Эти переговоры вел епископ города Иоанн, тайно действовавший в пользу Теодориха (Procop. BG, I, 1. 25; Cons. Ital., p. 321). По его настоянию Одоакр, наконец, согласился на капитуляцию, правда, на весьма почетных условиях. По условиям соглашения, заключенного 25 февраля 493 г., Одоакр и Теодорих должны были совместно управлять Италией, пользуясь равными правами. Для гарантии выполнения условий договора Одоакр выдавал Теодориху заложником своего сына Телу, которого он незадолго до того провозгласил королем Италии (Anon. Vales., XI, 54; ср. Auct. Prosp. Havn., a. 493). Однако это соглашение явилось для Одоакра ловушкой, искусно расставленной при участии католического духовенства (Ennod. Dict., I, 12—16; Ennod., V. Epif. 109). Историк равеннской церкви Агнелл намекает, что для равеннского епископа Иоанна новый правитель, прибывший с Востока, был более желателен, чем «тиран» Одоакр (Agn., 39).

По настоянию равеннского епископа ворота города были открыты, и 5 марта 493 г. войска остготов вступили в столицу государства Одоакра. Захватив Равенну, Теодорих отнюдь не собирался выполнять условия договора, и через несколько дней (15 марта) Одоакр был предательски убит на пиру самим остготским королем. Вслед за этим Теодорих беспощадно расправился со всеми родственниками и наиболее влиятельными сторонниками Одоакра (Marc. Chron., a. 489; Cons. Ital., p. 320—321; Iord. Get., 293—295; Ennod. Paneg., X. 50—53; Chron. Caesaraug., a. 492; Cass. Chron., 1326, 1331; Ioh. Ant., 99; Procop. BG, I, 1. 24—25; Fasti Vindob., 648—649). Таково было кровавое начало царствования в Италии остготского короля, столь прославляемого некоторыми буржуазными историками за его мнимую гуманность.

Вскоре после падения Равенны власть остготов признали и другие области Италии.

Каковы же были причины победы остготов и почему завоевание Италии оказалось все же значительно более трудным и длительным предприятием, чем предполагали организаторы похода и чем это стараются изобразить многие буржуазные историки? [17]

---

[17] Завоевание остготами Италии подробно рассмотрено во многих работах буржуазных ученых. Немецкие националистические историки тенденциозно изображают остготское завоевание как непрерывную цепь

В зарубежной буржуазной историографии, особенно в немецкой, успех остготского завоевания нередко объяснялся в первую очередь превосходством военной организации остготов, личным мужеством Теодориха и его воинов [18]. Едва ли можно признать такое объяснение достаточным: в мужестве нельзя было отказать и сторонникам Одоакра.

Успехи остготов в Италии были обусловлены, конечно, многими причинами как внутреннего, так и внешнеполитического характера, но решающее влияние на ход событий оказала расстановка классовых сил в стране и политика остготов по отношению к различным социальным слоям населения Италии.

Действуя от имени восточноримского императора против «узурпатора» и «тирана» Одоакра, Теодорих с самого начала завоевания Италии повел весьма искусную политику по отношению к влиятельным кругам римской сенатской аристократии и высшему католическому духовенству. В отличие от других предводителей варварских войск, которые иногда, подобно Алариху, вступали на землю Италии как враги римской

побед доблестного германского племени, как триумфальное шествие его вождя Теодориха. Переселения остготских племен, с их точки зрения,— великие завоевания германской нации: R. Pallmann. Die Geschichte der Völkerwanderung. Th. 2. Gotha, 1864; B. Reiprich. Zur Geschichte des Ostgothischen Reichs in Italien. Oppeln, 1885; G. Pfeilschifter. Theoderich der Grosse. Mainz, 1910; W. Pastor. Theoderich im Leben, in der Kunst, im Ruhm. Berlin. 1920; L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme, Bd. I. Berlin, 1934; M. Brion. Theoderich, König der Ostgothen. Frankfurt, 1936; E. Gamillscheg. Immigrazioni germaniche in Italia. Leipzig, 1937; G. Vetter. Die Ostgothen und Theoderich. Stuttgart, 1938; W. Ensslin. Theoderich der Grosse. München, 1947. Буржуазные ученые романистического направления, наоборот, всячески подчеркивают, что поселение остготов в Италии носило характер мирного проникновения, расселения воинов-федератов с согласия империи; см.: F. Lot. Les invasions germaniques. Paris, 1945; L. Halphen. Les barbares.— «Peuples et civilisations», vol. V, Paris, 1948. В более умеренно-романистическом духе написана работа Ф. Мартруайя (F. Martroye. L'Occident à l'époque Byzantine. Goths et Vandales. Paris, 1904), содержащая большой фактический материал.

К числу фактологических по характеру, но более объективных работ можно отнести некоторые фундаментальные исследования зарубежных авторов, см.: T. Hodgkin. Italy and her invaders, vol. III, book IV, 2 nd ed. London, 1916; J. B. Bury. History of the Later Roman Empire, vol. I. London, 1931; J. B. Bury. The invasions of Europe by the barbarians. London, 1928; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I. Stuttgart — Gotha, 1923; G. Romano, A. Solmi. Le dominazioni barbariche in Italia, 3 ed. Milano, 1940; P. Villari. Le invasioni barbariche in Italia, 3 ed. Milano, 1920; R. Latouche. Les grandes invasions et la crise de l'Occident au V-e siècle. Paris, 1946.

[18] См., например, G. Pfeilschifter. Theoderich der Grosse. Mainz, 1910; W. Pastor. Theoderich im Leben, in der Kunst, im Ruhm. Berlin, 1920 и др.

государственности и поэтому нередко являлись союзниками восставших рабов и колонов, Теодорих, выражая интересы остготской знати, не только не боролся против римской аристократии и католического духовенства, но, наоборот, попытался привлечь их на свою сторону. Для этого он завязал сношения с наиболее видными представителями сенаторской аристократии и высшей церковной иерархии. Так, мы уже упоминали о его связях с епископом Милана Лаврентием и епископом Тичина Епифанием, а также и о позиции равеннского епископа Иоанна. Теодориху удалось привлечь на свою сторону часть высшей римской аристократии и воспользоваться ее услугами; его послом ко двору восточноримского императора, отправившимся в Константинополь осенью 490 г., был экс-консул и prior senatus Флавий Фест (Anon. Vales., XI, 53, ср. XII, 57)[19].

Флавию Фесту была поручена важная миссия: добиться от восточноримского императора признания Теодориха королем Италии. Это поручение, данное представителю высшей римской знати, свидетельствует, что Теодорих с самого начала завоевания Италии хотел сохранить мирные отношения с Восточной Римской империей и надеялся достигнуть этого при поддержке римской аристократии. Недаром преклонявшийся перед могуществом империи Иордан всячески восхваляет Теодориха за его лояльное отношение к восточноримскому императору и противопоставляет Теодориха «тирану» Одоакру. Изображая Теодориха лишь исполнителем воли Зинона, Иордан в то же время подчеркивает стремление остготского короля установить дружественные отношения с римским сенатом и вкладывает в его уста верноподданническую речь, якобы произнесенную перед императором еще накануне похода в Италию: «Полезно ведь,— будто бы говорил Теодорих,— чтобы королевством этим владел как вашим даром я — слуга ваш и сын (servus vester et filius), а не тот, неведомый вам, который подчинил своей тиранической власти ваш сенат и поработил (captivitate servitio premat) часть вашего государства» (I o r d. Get., 291). Соглашаясь на поход остготов в Италию, Зинон, по словам Иордана, поручил защите Теодориха сенат и римский народ (I o r d. Get., 292; ср. Anon. Vales., XI, 49). Расчеты Теодориха, по утверждению Иордана, оправдались, и он получил поддержку внутри Италии в своей борьбе с Одоакром (I o r d. Get., 294). Однако эта поддержка новым завоевателям на этот раз исходила не от широких народных масс, а со стороны части господствующего класса Италии. Более того, мы располагаем некоторыми

---

[19] О Фесте и его посольстве в Византию см.: I. S u n d w a l l. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919, S. 187—189; E. S t e i n. Op. cit., t. II, p. 56 sq.

данными о том, что народные массы Италии отнюдь не сочувствовали остготам, а оказывали поддержку армии Одоакра. (Ennod. V. Epif., 122—135). Сочувственное отношение народных масс Италии к правлению Одоакра объясняется тем, что Одоакр, придя к власти в условиях острой социальной борьбы, принужден был на первых порах несколько облегчить налоговый гнет (Ennod. V. Epif., 106)[20] и довольно решительно действовать против римской землевладельческой аристократии, экспроприировав землю у крупных посессоров и раздав их своим воинам (из герулов, ругов, сциров и других племен). По словам Прокопия, «передав варварам третью часть земель (τριτημόριον τῶν ἀγρῶν), он тем самым крепко привязал их к себе и удерживал тиранническую власть в течение десяти лет» (Procop. BG, I, 1.8)[21].

---

[20] Ср. I. Sundwall. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums, S. 178; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 43. Г. Гейсс подвергает сомнению эту точку зрения, но не приводит против нее каких-либо веских аргументов (H. Geiss. Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen im staatlichen Aufbau Italiens während der Gotenzeit. Stuttgart, 1931, S. 45). Снижение налогов Одоакром отнюдь не исключает того, что он, использовав поддержку народных масс для захвата власти, в дальнейшем счел необходимым легализовать свою «узурпацию» соглашением с Восточной Римской империей и даже в отдельных случаях заигрывал с сенатской аристократией, идя ей на некоторые уступки. Так, при нем было восстановлено древнее право сената чеканить медную монету, создана должность prior senatus, которому были переданы некоторые прерогативы городской префектуры; высшая администрация при Одоакре оставалась в руках римской знати. И все же в коренном вопросе о разделе земель Одоакр должен был прежде всего удовлетворить требования своих воинов, что задевало интересы римской знати. Этим в первую очередь и можно объяснить столь ожесточенную ненависть к Одоакру со стороны сенатской аристократии. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением Э. Штейна, идеализирующего Одоакра и утверждающего, будто «древняя свобода римской знати, за которую отдали свою жизнь Кассий и Брут в битве при Филиппах, никогда не была восстановлена в такой полноте, как именно в правление этого первого варварского короля, царствовавшего в Италии» (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 41). Приводимые Э. Штейном аргументы в пользу этой концепции (ibid., p. 42—43), на наш взгляд, мало убедительны, ибо ссылки на пожалования Одоакром земель римской знати единичны, предположение же об облегчении налогового обложения сенаторского сословия весьма гипотетично и не подтверждено данными источников.

[21] О правлении Одоакра см. следующие работы: A. Juris. Über das Reich des Odovacar. Kreuznach, 1883; F. Bertolini. La signoria di Odoacre a la origine del Medio Evo.— «Saggi critici di storia italiana». Milano, 1883, p. 103—149; K. Kleissl. Odovacar in seinen Beziehungen zum byzantinischen Kaizer Zeno und zu dem ostgothischen König Theoderich. Görz, Progr., 1883; E. Loncao. Fondazione de regno di Odoacre e suoi rapporti con l'Oriente. Scansano, 1907; C. Cipolla. Considerazioni sul concetto di Stato nella monarchia di Odoacre — «Rendiconti della Reale Accad. Naz. dei Lincei, Cl. di Scienze Moral. Stor. e Filol.», ser. V,

В Теодорихе и его воинах народные массы Италии видели лишь новых завоевателей, открыто заигрывавших к тому же с ненавистными народу представителями старого господствующего класса как светскими, так и духовными. У населения Италии рождалось опасение, что новые завоеватели отнимут те земли, которые в предшествующий период ослабления империи на Западе перешли от крупных землевладельцев к мелким собственникам. В связи с этим длительное сопротивление остготам сторонников Одоакра как в самой Равенне, так и в других областях страны, быть может, объясняется поддержкой со стороны народных масс Италии. Однако перевес сил был все же на стороне войск Теодориха, которому к тому же явно и тайно помогали представители старой римской аристократии и католического духовенства [22], т. е. те социальные круги внутри Италии, которые крепкими нитями были связаны с отживающим строем и ожидали, что войска остготов освободят их от «тирании» Одоакра.

Итак, существенной особенностью остготского завоевания является то, что уже с самого начала вторжения в Италию остготская знать декларировала свой союз с Восточной Римской империей, от имени которой она действовала. Прикрываясь этим союзом, Теодорих и его приближенные попытались, и не без успеха, заключить соглашение с высшим католическим духовенством и римской аристократией, помощь которых содействовала их окончательной победе. Вместе с тем именно подобное поведение новых завоевателей должно было оттолкнуть от них широкие массы населения Италии, кото-

---

vol. XX, 1911, p. 353—468; M. Dumoulin. The Kingdom of Italy under Odovacar and Theodoric.— «Cambridge Medieval History», vol. I, 1924, p. 432—455, 675; G. Romano, A. Solmi. Le dominazioni barbariche in Italia. Milano, 1940, p. 118—140; W. Ensslin. Zu den Grundlagen von Odovakers Herrschaft.— «Serta Hoffilleriana». Zagrabiae, 1940, S. 381.

О национальной принадлежности Одоакра см.: R. L. Reynolds, R. S. Lopez. Odoacer; German or Hun? — «American historical review», vol. 52, 1946, p. 36—53.

[22] Католическое духовенство, сыгравшее, как мы видели, столь активную роль в капитуляции правительства Одоакра, имело с ним особые счеты. По данным Эннодия, Одоакр пытался наложить руку на земельные владения церкви, чем вызвал ожесточенную ненависть со стороны высшего духовенства Италии.—Ennod. V. Epif., 106—109; Dict., I, 12—16; (Coll. Avell. № 95,63.) О взаимоотношениях Одоакра с римским сенатом и католической церковью см.: A. Gubo. Odovacar und die Kirche. Cilli, Progr., 1884; O. Bertolini. L'aristocrazia senatoria e il Senato di Roma come forza politica sotto i regni di Odoacre e di Theodorico.— «Atti del I Congresso Nazionale di Studi Romani», vol. I, Roma, 1929, p. 462—475; G. B. Picotti. Sulle relazioni fra re Odoacre e il senato e la Chiesa di Roma.—«Rivista storica italiana», ser. V, vol.IV, 1939, p. 363—386.

рые оказали поддержку Одоакру, что и привело к затяжке войны.

Тем не менее, несмотря на такую компромиссную политику знати, остготское завоевание объективно нанесло серьезный удар по остаткам рабовладельческого строя в Италии, мешавшим дальнейшему развитию общества, и тем самым имело немалое значение для формирования новых феодальных отношений. Это нашло свое выражение прежде всего в изменениях социально-экономического и политического строя Италии, которые произошли в результате этого завоевания.

Глава II

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИТАЛИИ В КОНЦЕ V — НАЧАЛЕ VI ВЕКА. МЕЛКАЯ И КРУПНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

§ 1. Расселение остготов в Италии и наделение их землей

Расселение остготов в Италии не было единовременным актом оккупации страны, а происходило в течение довольно длительного времени и постепенно охватило значительную часть территории Апеннинского полуострова.

Основная масса готов была расселена в Северной и Средней Италии. По данным источников, можно прийти к заключению, что поселения остготов имелись в Лигурии (Procop. BG, III, 1. 27), Эмилии (Agath., I, 15; Procop. BG, II, 29. 41), Венетии (Procop. BG, III, 1. 27; 33. 7; IV, 24. 8), в частности Вероне (Procop. BG, III, 3. 3. IV, 26. 21), Пицене (Procop. BG, II, 10. 1—2; Cass. Var., IV, 14. 1; V, 26—27), Тусции (Cass. Var., IV, 14), Умбрии (Cass. Var. VIII, 26) и Самнии (Cass. Var., III, 13. 1—2; V, 26—27; Procop. BG, 1, 15. 1). Вся дальнейшая история Остготского государства и весь ход войны с Византией показывают, что наиболее длительным и наиболее прочным господство остготов было именно в Северной и отчасти в Средней Италии, где они опирались на значительную массу поселенных там остготских воинов-земледельцев и где находились наиболее крупные земельные владения знати и королей.

Выбор Равенны столицей тоже был не случаен, а обусловлен тем, что центр владычества остготов находился на севере и северо-востоке Апеннинского полуострова. Здесь же, в Северной и Средней Италии, в основном и был произведен раздел земель между остготами и римлянами.

Что же касается Южной Италии, то здесь остготы, видимо, занимали своими гарнизонами лишь основные крепости и города (такие, как Регий, Неаполь, Кумы и некоторые другие [1]), а не селились большими массами среди местного населения. Во всяком случае Прокопий, рассказывая о завоевании византийцами Южной Италии, сообщает следующее: «Еще раньше добровольно сдались Велисарию жители Калабрии и Апулии, в стране которых не было готов» (Γότθων σφίσι τῇ χώρᾳ οὐ παρόντων.— Procop. BG, I, 15. 3). По-видимому, и в Сицилии готы ограничились размещением своих гарнизонов в укрепленных пунктах и прежде всего в таких крупных центрах, как Сиракузы и Панорм (Procop. BG, I, 5.12—19). Однако остготские гарнизоны в Сицилии, по данным Прокопия, были немногочисленны (Procop. BG, I, 5. 12—17; III, 16. 17—19). О расселении же остготов на территории всего этого острова среди его туземного населения прямых сведений в источниках не имеется.

Таким образом, густота и характер остготских поселений в отдельных областях Италии были совершенно различными [2]. Если в Северной и Средней Италии остготы заняли как города, так и сельские местности, широко расселившись среди римско-италийского населения, то на юге страны, и особенно в Сицилии, их поселения ограничивались гарнизонами крепостей и городских центров [3].

Одновременно с расселением остготов в Италии происходил раздел земель между остготами и римлянами и наделение землей остготской знати, а также рядовых остготских воинов.

Новые завоеватели Италии, по праву победителей, придя к власти, прежде всего захватили земли и другое имущество своих противников. После вероломного убийства Одоакра все его родственники и большинство сторонников из числа знатных варваров, а также часть рядовых воинов были перебиты, а их земли перешли в руки победителей (Cons. Ital., p. 318—321. Marc. Chron., a. 489; Iord. Get., 193—195; Cass. Chron.,

---

[1] Procop. BG, I, 8.1—4; III, 18.27 (Регий); I, 3.15; 8. 5—7; 28.41; 10.13—29 (Неаполь); Procop. BG, I, 14. 2—3; III, 6.3; IV, 34.19—20; 35.37; Agath., 1, 8, 20 (Кумы) и др.

[2] Это подтверждается также и данными археологических изысканий; см. J. Werner. Die archäologischen Zeugnisse, S. 127—136; A. Götze. Gotische Schnallen. Berlin, 1927. N. Åberg. Die Gothen und Langobarden in Italien. Uppsala, 1923.

Ср. И. А. Дворецкая. Раздел земель в Остготском государстве в Италии в VI в. и рост дифференциации среди остготов.— «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. CIV, 1957, вып. 5, стр. 114 сл.

[3] Кроме Италии, поселения остготов имелись в Далмации, Либурнии (Procop. BG, I, 7.37) и Паннонии.

1326, 1331; Chron. Caesaraug., a. 492; E n n o d. Paneg., X, 50—53; J o h. A n t., 99).

Необходимо, однако, отметить, что полной конфискации были подвергнуты имения лишь наиболее видных и активных сторонников Одоакра [4]. Конфискованы были также все отошедшие в свое время правительству Одоакра императорские домены и владения фиска.

Львиная доля конфискованных земель, конечно, перешла в руки королевского дома Амалов и ближайших приближенных короля Теодориха. Королевские домены рода Амалов включали наиболее плодородные и богатые природными ископаемыми земли, расположенные в различных областях Италии.

За счет конфискованных земель фиска (иногда пустующих), имений Одоакра, его родственников и придворных, также захвативших в свое время значительные земельные владения в Италии, происходило наделение землей и представителей остготской знати. Именно раздачей этих земель были заложены основы крупного землевладения высшей остготской знати в Италии.

Однако удовлетворить потребности в земле всех знатных готов и рядовых остготских воинов за счет конфискованных у политических противников земель все же не представлялось возможным. Поэтому Теодорих, подобно своему предшественнику Одоакру и другим правителям варварских королевств, возникших на территории Западной Римской империи, должен был прибегнуть к разделу земель между остготами и римлянами. Но раздел земель, произведенный в Остготском королевстве, как по своему общему характеру и масштабам, так и по социальной направленности, во многом отличался от земельных разделов в других варварских государствах.

Прежде всего, стараясь как можно меньше ущемить интересы крупных римских землевладельцев и опасаясь вызвать с их стороны недовольство, остготское правительство приняло решение взять у римско-италийских землевладельцев лишь одну треть земель, тогда как в Вестготском и Бургундском королевствах новые поселенцы получили половину или две

---

[4] Так, известен факт конфискации имений военачальника Одоакра Туфы (C a s s. Var., IV, 32). По словам Прокопия, после расправы с Одоакром и его приближенными «тех варваров, которые раньше были его врагами и теперь еще уцелели, Теодорих привлек на свою сторону и, таким образом, получил единоличную власть над готами и италийцами» (P r o c o p. BG, I, 1.25). В рассказе Прокопия, по-видимому, речь идет о привлечении Теодорихом на свою сторону некоторых представителей варварской знати из числа сторонников Одоакра и, конечно, части рядовых воинов из ругов, сциров и других племен, поддерживавших прежнее правительство.

трети недвижимого имущества галло-римлян[5]. Решение это, несомненно, было подсказано расстановкой классовых сил внутри Италии в момент завоевания и являлось одним из наиболее ярких проявлений общей политики Теодориха, направленной к компромиссу с римско-италийской знатью. И характерно, что Прокопий не упрекает Теодориха в том, что «он тоже распределил между своими готами ту часть земельных владений, которую Одоакр передал своим приверженцам» (πλήν γε δὴ ὅτι τῶν χωρίων τὴν μοῖραν ἐν σφίσιν αὐτοῖς Γότθοι ἐνείμαντο, ἥνπερ Ὀδόακρος τοῖς στασιῶταις τοῖς αὐτοῦ ἔδωκεν.— Procop. BG, I, 1. 28).

Идеолог старой сенаторской римской аристократии, Прокопий, конечно, сожалеет, что Теодорих не уничтожил «несправедливости», совершенной по отношению к римским землевладельцам его предшественником, но вместе с тем радуется, что остготский король на этот раз ограничился захватом только одной трети земель своих римских подданных. Тем самым Прокопий как бы примиряется с разделом земель, проведенным остготами, и считает такой раздел «наименьшим злом» для римской аристократии. Подобное отношение Прокопия к разделу земель между остготами и римлянами отнюдь нельзя считать случайным; оно показывает скорее всего, что этот раздел не был особенно тяжел для знатных римских землевладельцев.

И действительно, лишь в свете политики сближения с римской знатью, проводимой правительством Теодориха, можно понять, например, тот факт, что остготское правительство столь важное и сложное дело, как расселение готов в Италии, поручило комиссии во главе с римским сенатором Петром Марцеллином Феликсом Либерием, который занял пост префекта претория в правительстве Теодориха (Cass. Var., II, 16)[6]. Само

---

[5] И. И. Грацианский. О разделах земель у бургундов и у вестготов.— «Средние века», вып. I, М.— Л., 1942, стр. 7—10, 14—19; автор считает, что у бургундов и вестготов разделы земель проводились дважды, причем при первичном разделе бургунды, по-видимому, получили $^1/_2$ владения, т. е. меньше, чем при вторичном, когда они захватили $^2/_3$ земель (указ. соч., стр. 7—8). Вестготы же, наоборот, при первичном разделе получили $^2/_3$ земель галло-римлян, а при вторичном — $^1/_2$ (указ. соч., стр. 17—18). Вторжение вандалов в Африку также сопровождалось массовыми конфискациями земель знати и их разделом между победителями (вандальской знатью и рядовыми вандальскими воинами-общинниками) и местным населением. См. З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, т. VI, 1953, стр. 90 сл.; Г. Г. Дилигенский. Аграрные отношения в Вандальском королевстве. ВВ, т. XI, 1956, стр. 8 сл.

[6] Политическая карьера патриция Либерия весьма характерна для позиции той части старой римской аристократии, которая пошла на службу к новым завоевателям, но не порывала связей и с Восточной Римской империей. Либерий (родился около 465 г. в Италии) находился при Одоакре на военной службе и был враждебно (inimicus) настроен по отноше-

это назначение Либерия главой комиссии по разделу земель между готами и римлянами уже являлось важной уступкой со стороны остготского правительства крупным землевладельцам Италии. Разумеется, Либерий, представитель высшей римской аристократии, при осуществлении столь важной миссии действовал в интересах римской землевладельческой знати, хотя и стремился удовлетворить требования новых завоевателей. Поэтому деятельность комиссии Либерия была направлена к тому, чтобы наделить остготов землей главным образом за счет конфискации земель у тех новых землевладельцев, которые приобрели земли в предшествующий период — во время правления Одоакра, но не за счет сохранившихся еще крупных поместий римских собственников. Разделу подлежали в первую очередь крупные имения тех римских землевладельцев, которые перешли на сторону Одоакра и получали от него земельные пожалования. Рядовые же остготские воины расселялись главным образом на земельных участках воинов Одоакра [7], уже выделенных из владений римских possessоров. В связи с этим поселение остготов наиболее широко производилось именно в Северной и Средней Италии, где ранее были расквартированы герулы, руги и сциры, служившие прежнему правителю Италии. На

нию к готам (Cass. Var., II, 16.2), но затем перешел на сторону Теодориха и был назначен *префектом* претория; с 500 г. стал патрицием. Он стоял во главе посольства, отправленного Теодатом к Юстиниану с известием о смерти королевы Амаласунты. Позднее он эмигрировал на Восток и занимал, несмотря на преклонный возраст, видные посты в административном и военном аппарате империи. В 549 г. он был отправлен во главе византийского флота в Сицилию, но действовал без успеха; еще в 552 г. он командовал византийской армией, посланной для завоевания Испании (Lord. Get., 303). Пагль (RE, Halbbd., 25, 1926, Sp. 94) полагал, что Либерий еще во времена Одоакра руководил земельным разделом, но В. Энеслин считает это предположение мало вероятным (W. Enss-lin. Theoderich der Grosse, S. 94).

Для характеристики политической роли патриция Либерия в Остготском государстве большое значение имеет также упоминание об особых милостях, которыми его наделяло как остготское, так и византийское правительство. Так, в Прагматической санкции Юстиниана за «славнейшим мужем» Либерием закреплялись земельные владения, полученные им в качестве пожалования от остготского правительства (Pragm. Sanc., 1). Едва ли можно сомневаться в том, что подобная милость была дарована Либерию византийским правительством за особые заслуги перед римской землевладельческой аристократией, в интересах которой была издана Прагматическая санкция, и в том, что она свидетельствует о его полной преданности империи.

[7] Земельные участки тех воинов из отрядов ругов и сциров, которые оказали особенно упорное сопротивление завоевателям, были полностью конфискованы и розданы остготам. Те же воины Одоакра, которые перешли на сторону победителей и были включены в состав остготской армии, видимо, сохранили свои земельные наделы. Остготскому правительству при разделе земель в Италии, очевидно, нельзя было не считаться в известной мере и с интересами этой части варварского населения страны.

юге же страны и на острове Сицилия, где крупное римское землевладение латифундиального типа еще прочно сохраняло свои позиции и где крупные землевладельцы оказывали решительное сопротивление захвату их владений, раздел земель между готами и римлянами был произведен в значительно меньших масштабах [8].

Очень сомнительно, однако, чтобы комиссии Либерия удалось ограничиться разделом земель исключительно сторонников Одоакра. Из документов, собранных в «Вариях» Кассиодора, видно, что раздел коснулся в какой-то мере и земель римских посессоров (см., например, Cass. Var., II, 16, 17).

По данным «Варий», реальный раздел земель между остготами и римлянами в Италии происходил следующим образом: из земельных владений прежних хозяев выделялись так называемые терции (tertiae), равные $^1/_3$ имения (Cass. Var., II, 14; II, 16. 5), и из этих терций составлялись наделы (sortes) остготов (Cass. Var., II, 17).

Земельный раздел был произведен комиссией Либерия в течение нескольких лет и в основном закончен к 507 г. (Cass. Var., III, 16).

При вышеуказанном составе комиссии по разделу земель не могло быть и речи о том, чтобы реальный раздел в равной степени коснулся как крупных, так и мелких земельных собственников Италии. Бесспорно, высшая земельная аристократия добивалась всевозможных изъятий и льгот в свою пользу. Именно такой льготой, на наш взгляд, являлась замена фактической передачи готам $^1/_3$ земель уплатой денежного взноса с земельного владения в пользу остготского правительства или знатных готов (Cass. Var. I, 14; II, 17) [9]. Вполне естественно,

---

[8] Дж. Луццатто полагает, что раздел земель между остготами и римлянами был произведен главным образом в областях между Миланом и Адриатическим морем. Это утверждение автора связано с его общей романистической концепцией, ибо он стремится доказать, что остготы якобы занимали преимущественно имевшиеся в этих областях пустоши и тем самым раздел земель не задевал существенных интересов местного населения. (Дж. Луццатто. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 156 сл.).

[9] В том случае если из земельного владения какого-либо посессора реально выделялась в пользу совладельца $^1/_3$ земель, с него тотчас снималась уплата денежного взноса с его владения (Cass. Var., II, 17). П. Виноградов одним из первых обратил внимание на то, что так называемые терции остготов могли быть и земельными участками, равными трети владения римлянина, и трети доходов с имения римлянина, получаемой остготами или Остготским государством (П. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880, стр. 85—88. Ср. F. Dahn. Op. cit., Bd. III. S. 143). Э. Штейн предполагает, что уже в правление Одоакра крупные землевладельцы вместо реальной передачи земли варварам иногда вносили в казну $^1/_3$ доходов со своих земельных владений. Взносы обычно уплачивались деньгами. E. Stein. Op. cit., t. II, p. 42 (см. ниже, стр. 189 сл.).

что за редким исключением (например, в случае малого плодородия почвы или отсутствия рабочих рук для обработки земли), крупному землевладельцу было значительно выгоднее и спокойнее уплатить денежный взнос в пользу остготского правительства, чем иметь у себя в имении такого опасного соседа, как какой-либо знатный гот, который являлся бы для него постоянной угрозой. Кроме того, римские землевладельцы всегда могли рассчитывать уплатить этот взнос за счет дополнительных платежей и подборов, взысканных ими с зависимого населения (колонов и сельских рабов) их поместья. Поэтому можно предположить, что замена терций (реальных участков земли) уплатой денежных взносов (тоже называвшихся терциями) в пользу государства или отдельных представителей остготской знати была важной привилегией, которой в ряде случаев добилась римская землевладельческая аристократия.

Вместе с тем эта замена в некоторых случаях соответствовала и интересам Остготского государства, так как иногда реальный раздел земель между остготами и римлянами провести было крайне затруднительно, ибо, как правильно отмечает П. Виноградов, «число готов и густота их поселения в различных местностях не могли быть точно согласованы с числом и размерами римских владений»[10].

В отдельных случаях и для мелких и средних римских поссессоров выделение терций, земельных участков, заменялось уплатой денежного взноса с их владений. Ведь некоторым знатным готам, уже получившим земли согласно королевским пожалованиям, но все же претендовавшим на треть владений римских поссесоров, было выгоднее получить у мелких и средних собственников не $^1/_3$ их небольших участков, а какую-то часть их доходов в виде денежных или натуральных взносов. В подобных случаях, по-видимому, мелкие собственники по соглашению с остготской знатью вносили эту подать непосредственно новым землевладельцам, а не государству.

Таким образом, социально-политическая направленность деятельности комиссии патриция Либерия сказалась также и в том, что земельный раздел коснулся далеко не в равной степени различных категорий римско-италийских земельных собственников. При разделе земель комиссия Либерия учитывала не только политическую позицию, но и социальный вес и политическое влияние местного землевладельца, делая в пользу более влиятельных землевладельцев важные уступки.

Комиссия патриция Либерия не только передавала остготам земельные участки, конфискованные у сторонников Одоакра и выделенные из имений римлян, но и определяла размеры каж-

---

[10] П. Виноградов. Указ. соч., стр. 86.

дого надела. Само собою разумеется, что не было и не могло быть никакого равенства и в наделении землей остготов различного социального и имущественного положения. Размер земельного участка, получаемого остготами, зависел от политического влияния нового владельца и его ранга в остготской армии [11]. При таком характере раздела лучшие земли и бóльшую их часть, естественно, присваивала остготская знать из числа приближенных короля, а рядовые остготские воины в большинстве случаев должны были мириться с получением лишь небольших участков земли (C a s s. Var., V, 12). Остготская знать, приближенные и дружинники Теодориха, конечно, не желали довольствоваться лишь $^1/_3$ небольших земельных участков мелких и средних земельных собственников. Поэтому можно предположить, что бывали случаи, когда представители остготской знати, занимавшие высокие посты в армии, получали терции из участков нескольких владельцев. Возможно, эти терции были расположены чересполосно среди владений местного римско-италийского и варварского населения страны. В угоду влиятельным представителям остготской знати правительство Теодориха иногда соглашалось даже на новое перераспределение земель, по-видимому, в ущерб мелким остготским землевладельцам, которые получали новый надел худшего качества и, возможно, меньших размеров (C a s s. Var., V, 12).

В связи с разделом земель между остготами и римлянами встает очень важный вопрос о том, какие права на полученные участки земли приобретали новые владельцы, т. е. как юридически оформлялся земельный раздел и на каком праве давались терции остготам?

Как известно, воины Одоакра селились в Италии лишь в качестве федератов, на основе римского права военного постоя, связанного с передачей воину $^1/_3$ владений римских земельных собственников. По всей вероятности, раздел земель при Одоакре еще не был юридически оформлен. Иную картину мы видим во время остготского завоевания. Права на землю новых собственников обязательно получали юридическое оформление. Так, комиссия патриция Либерия осуществляла свою деятельность через особых должностных лиц (delegatores), которые выдавали новым владельцам земель грамоты (pittacium), подтверждавшие их права на владение землей; в случае же отсутствия подобной грамоты приобретение собственности

---

[11] Во всяком случае, при выдаче донативы (donativum — подарков) солдатам и командирам остготской армии правительство Теодориха руководствовалось принципом вознаграждения по заслугам на службе королю (C a s s. Var., V, 27.1); естественно предположить, что тем более этот принцип применялся при наделении землей остготских военачальников и солдат.

считалось незаконным. По этому поводу было издано особое постановление остготского правительства, которое гласило: «Если в течение того времени, как мы перешли с помощью божьей через Сонций и впервые приняли власть над Италией, какой-либо варвар незаконно захватил имение римлянина (Romani praedium), не получив предварительно грамоты (pittacium) от нашего уполномоченного (delegatoris), он должен немедленно возвратить захваченное прежнему владельцу» (Cass. Var., I, 18. 2).

Весьма характерно, что юридически оформлялись права собственности не только на участки (sortes), передаваемые готам, но и на земли, оставшиеся у римско-италийских землевладельцев, равные $^2/_3$ их прежних владений. Питтакий, удостоверяющий право владения участком, полученным по разделу, выдавался комиссией патриция Либерия как остготам, так и римлянам. Известно, например, что некий римлянин по имени Ромул и его мать получили от комиссии Либерия питтакий, подтверждающий их право на участок земли, доставшийся им после раздела (Cass. Var., III, 35).

Выдача подобных специальных королевских грамот должна была вместе с тем оградить как новых владельцев-остготов, так и старых владельцев-римлян от возможных претензий со стороны третьих лиц и предотвратить судебные тяжбы по поводу прав собственности на поделенные участки. При этом очевидно, что римские собственники могли отчуждать только оставшиеся у них после раздела земли, но теряли какие-либо права распоряжения земельными участками (sortes) своих совладельцев-готов. Так, в равеннском папирусе 540 г. сохранилась купчая грамота, согласно которой римлянин Домник продал нотарию Монтану свое имение, свободное от всяких возможных исков со стороны совладельцев и каких-либо других претендентов и наследников, а также свободное от варварского надела (sorte barbari.— Mar., 115). В данном случае эта оговорка, внесенная в акт о продаже земли, скорее всего показывает, что из земельного владения, являющегося объектом сделки, уже была выделена $^1/_3$ земли в виде надела готскому воину. Владелец имения Домник может продать лишь оставшуюся у него и свободную от притязаний со стороны готов часть имения. Продавец же хочет иметь гарантии в том, что покупаемое им имение уже более не подлежит разделу и не может быть предметом тяжбы с совладельцем-готом [12].

[12] П. Виноградов, исходя из теории о том, что раздел земель между остготами и римлянами не носил характера реального выделения готам участка земли, считает, что и в Равеннском папирусе 540 г. под термином sors barbarica нельзя подразумевать реальный земельный участок, выделенный варвару, но что речь идет лишь о праве совместного владения

Но на каком же праве получали свои sortes сами остготы? Довольно значительная степень разложения общинно-родовых отношений и развития социальной дифференциации у остготских племен привела к тому, что во время расселения в Италии (и чем дальше, тем все больше) остготская знать, да и часть остготских воинов стремились закрепить за собой полученные по разделу земельные участки в полную собственность. Немалую роль при этом, конечно, сыграло также и влияние на остготов римских частнособственнических институтов и римского права. Хотя вряд ли можно сомневаться в том, что при поселении на землях Италии остготы так же, как и их предшественники, использовали в своих интересах римское право военного постоя, но полученные ими земельные участки — терции — уже переходили к ним в полную безусловную собственность. Приобретение новыми владельцами прав безусловной частной собственности на полученные по разделу участки земли подтверждается тем, что остготы,— владельцы этих участков (как и других полученных земель), по данным равеннских папирусов, могли впоследствии свободно распоряжаться ими: дарить, завещать и отчуждать их любым способом (M a r., 85, 86, 114—117, 118; T j ä d e r, 13). Женщины, как и мужчины, в равной мере получали право наследовать приобретенные участки и свободно распоряжаться ими (Mar., 86, 114).

Таким образом, мы видим, что раздел земель при остготах во многом отличался от наделения землей варваров-федератов при Одоакре. И хотя по своим масштабам, по количеству вовлеченных в него земель этот раздел и не был столь широким, как в некоторых других варварских государствах, но по своим результатам он имел большое значение, поскольку повлек за собой укрепление свободного землевладения в Италии того времени.

Вопрос о разделе земель был теснейшим образом связан с вопросом об использовании рабочей силы новыми землевладельцами и о формах эксплуатации зависимого населения.

Раздел земель в других германских варварских королевствах обычно сопровождался получением новыми владельцами определенной части зависимого населения. Так, известно, что у бургундов при первом разделе земель к новым поселенцам перешла и $^1/_3$ рабов галло-римлян. Возможно, что и у вестготов земли галло-римлян передавались завоевателям вместе с населявшими эти участки рабами [13].

Что же касается остготов, то прямых свидетельств о разделе между завоевателями и римлянами рабов и другого зависи-

римлянина и гота и вытекающем из него пользовании долей дохода (П. В и н о г р а д о в. Указ. соч., стр. 87—88).

[13] Н. П. Г р а ц и а н с к и й. Указ. соч., стр. 18.

мого населения у нас нет. Но на основании данных источников об ожесточенной борьбе, завязавшейся между остготской и римской знатью за приобретение рабов и колонов уже вскоре после расселения остготов в Италии (см. ниже, стр. 225 сл.), можно предположить, что остготская знать не получила при разделе достаточного числа рабов и колонов и постоянно нуждалась в рабочих руках для обработки своих имений. Это вполне естественно, если учесть, что земля, по-видимому, переходила к завоевателям вместе с зависимым населением, жившим на ней, лишь в тех случаях, когда терции остготов выделялись из имений, конфискованных у крупных римских землевладельцев, являвшихся политическими противниками новых завоевателей. И поскольку немалая часть земель была захвачена остготами у мелких и средних землевладельцев, не имевших рабов и колонов или имевших их в крайне незначительном числе, постольку потребность остготской знати в рабочих руках далеко не была удовлетворена. В связи с этим можно выдвинуть предположение о том, что остготская знать в тех случаях когда она получала крупные имения из фонда королевских владений и пустующих земель фиска, могла помещать на этих землях дружинников и зависимых от нее людей, прибывших вместе с ней в Италию. Наделение остготских дружинников и воинов землей в поместьях знати послужило основой развития их зависимости от владельцев земли. Вполне вероятно, что с течением времени какая-то часть лично свободных готов, поселенных на землях крупных землевладельцев, превращалась в колонов своих патронов — крупных земельных собственников из высшей остготской военно-служилой знати [14].

Значительная нужда в рабочих руках ощущалась также и в королевских доменах и на землях фиска. Естественно предположить, что земли самого Одоакра и государственного фиска перешли в руки остготского правительства вместе с населявшими их зависимыми людьми. Однако заселение пустующих земель фиска и новых патримониев короля производилось, видимо, путем помещения на этих землях свободных остготов в качестве арендаторов. Действительно, мы располагаем данными о том, что среди свободных арендаторов королевских доменов (conductores domus regiae) были и остготы (Ennod. Epp., VII, 1; Cass. Var., V, 30.6; VIII, 33; см. ниже, стр. 37). Примечательно, что домены остготских королей, находившиеся в Южной Италии (в Апулии, Лукании и Бруттии), обрабатывались преимущественно при помощи свободных арендаторов

---

[14] См. М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I. М., 1898, стр. 240—241.

(C a s s. Var., I, 16; V, 39). Это заставляет предположить, что именно на юге Италии, где не было в значительных масштабах раздела земель между остготами и римлянами, остготское правительство охотнее всего селило свободных остготов на положении арендаторов королевских доменов. Некоторые представители остготской знати, не довольствовавшиеся доставшимися им земельными владениями, также снимали в аренду (обычно долгосрочную) земли короля или королевского фиска. Так, например, в Лукании и Бруттии, наряду с мелкими свободными арендаторами, на королевских землях имелось немалое число крупных, среди которых были и представители остготской знати (C a s s. Var., V, 39; XII, 5). Для обработки арендуемых земель они использовали труд местных зависимых земледельцев - рустиков (см. ниже, стр. 105 сл.).

Итак, приведенные факты свидетельствуют, что раздел земель был далеко не единственной формой наделения остготов землей: королевские пожалования, помещение остготской знатью своих дружинников на приобретенных ею землях, наконец сдача в аренду владений фиска — вот разнообразные пути и формы для того, чтобы обеспечить остготов-завоевателей основным средством производства — землей.

Было бы, однако, наивным полагать, доверяясь напыщенным посланиям ученого министра короля Теодориха — Кассиодора, что расселение остготов в Италии и наделение их землей протекали мирно, без борьбы с римлянами. Выражая официальную точку зрения остготского правительства, проводившего политику сближения с римской земельной аристократией, Кассиодор в своих посланиях старается доказать, что раздел земель в Италии не только происходил мирным путем, но и принес пользу и готам и самим римлянам.

Однако лишь в свете этой чисто классовой политики компромисса между остготской и римской знатью становится более ясным истинный социальный смысл хвастливых заявлений Кассиодора о результатах деятельности комиссии по разделу земель между остготами и римлянами. Остготское правительство благодарило патриция Либерия за то, что он провел раздел земель, удачно разместил войска и установил порядок в провинциях Италии. От имени Теодориха Кассиодор писал: «Нам очень приятно заметить, что наш уполномоченный при распределении терций умел соединить и имущество и души готов и римлян: ибо соседство их не только не подает повода ко взаимной вражде, но, напротив, общее владение еще более поддерживает согласие между ними» (C a s s. Var., II, 16.5). Ибо, продолжает Кассиодор, «потерею скреплена дружба обоих народов и уступкою части поля приобретен защитник, который и весь участок сохранит неприкосновенным (amicitiae populis per

damna creverunt et parte agri defensor adquisitus est, ut substantiae securitas integra servaretur. —C a s s. Var. II, 16.5).

Какой горькой иронией звучат эти демагогические и хвастливые уверения Кассиодора о дружбе остготов и римлян в свете всей последующей истории их взаимоотношений в Италии: сближение остготской и римской знати оказалось весьма непрочным. И сам Кассиодор должен был признать, что тяжбы и столкновения (indisciplinatio) между готами и римлянами из-за разделенных участков земли стали обычным явлением (assolet) в жизни Италии того времени (C a s s. Var., VII, 3.1).

Как мы увидим дальше, остготская знать уже вскоре после раздела земель стала считать себя обделенной и отнюдь не удовлетворилась полученными ею землями. Ее аппетиты росли с каждым годом, и в связи с дальнейшим развитием социального неравенства внутри остготского общества, ускорившимся с момента поселения остготов в Италии, возрастали и претензии остготской знати на все новые и новые земельные владения.

В результате этого начались самовольные захваты земель римлян могущественными лицами (potentes) из числа остготской знати. От этих захватов страдали прежде всего мелкие и средние землевладельцы Италии, наиболее беззащитные перед лицом новых завоевателей. Вместе с тем стремление остготской знати к расширению земельных владений рано или поздно должно было привести и действительно привело к разрыву временного союза остготского правительства с римской земельной аристократией (см. ниже, стр. 226 сл.).

Каковы же были результаты и историческое значение расселения остготов в Италии и произведенного ими раздела земель?

На наш взгляд, не следует преуменьшать значения тех социально-экономических изменений в Италии, которые были связаны с переселением на полуостров довольно значительного числа остготов и наделением их землей.

Мелкие свободные землевладельцы из поселившихся на землях Италии варваров, по крайней мере на первых порах, находились, конечно, в более независимом положении от крупных собственников и даже от государства, чем большинство мелких римско-италийских посессоров. Юридическое оформление прав новых владельцев на земельные участки дало им возможность свободнее распоряжаться землей и быть более самостоятельными в ведении хозяйства, чем, например, римские муниципальные землевладельцы, опутанные различными повинностями в пользу курии. Кроме того, остготы-землевладельцы, видимо, находились и в более независимом, чем римские посессоры, положении и в отношении государства, поскольку, как мы увидим далее, они были освобождены от уплаты налогов за полученные ими по разделу участки земли и должны были

лишь нести воинскую повинность (см. ниже, стр. 181 сл.). Все это давало свободным остготам-земледельцам сравнительно бо́льшую хозяйственную самостоятельность и делало их значительно более заинтересованными в своем труде [15]. Вместе с тем размещение на доменциальных землях свободных варваров-арендаторов, видимо, также благоприятно отразилось на интенсификации обработки королевских доменов, поскольку

---

[15] В научной литературе вопрос о масштабах мелкого землевладения в остготской Италии еще не нашел окончательного разрешения. Многие ученые полагали, что в результате остготского завоевания и раздела земель римских посессоров в Италии получило явное преобладание мелкое и среднее землевладение (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. 1, S. 109; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 245). М. М. Ковалевский («Экономический рост Европы...», т. I. М., 1898, стр. 241) признает за остготами «почин в демократизации земельной собственности в смысле раздробления прежних обширных имений между туземными собственниками и завоевателями». Другие считают, что остготы были не столь многочисленны, а их господство не столь длительным, чтобы внести коренные перемены в поземельные отношения Италии. Так, П. Виноградов приходит к выводу, что влияние крупного землевладения и зависимость от него «земледельческих классов» не были разрушены поселением готов в Италии (П. Виноградов. Указ. соч., стр. 104), хотя сам факт завоевания и поселения на территории Италии свободных остготов повлек за собой изменения в распределении собственности, и «значительная часть латифундий распалась на более мелкие участки, число свободных мелких и средних собственников возросло» (там же, стр. 85 сл.). Влияние остготских общественных институтов, однако, не было столь значительным, чтобы привести к уничтожению крупного землевладения. По мнению автора, «мелкие владения не вытеснили латифундий и, по-видимому, не получили даже перевеса над ними» (там же, стр. 90). Подобную точку зрения разделяют некоторые буржуазные исследователи романистического направления. См., например, P. S. Leicht. Operai artigiani agricoltori in Italia dal secolo VI al XVI. Milano, 1946; G. A. Punzi. L'Italia del VI secolo nelle Variae di Cassiodoro. Aquila, 1927; G. Salvioli. L'Italia agricola nelle lettere di Cassiodoro.— «Studi di storia napoletana in onore di M. Schipa». Napoli, 1925. В советской литературе распространено мнение об увеличении удельного веса свободного землевладения в Остготском королевстве. См. З. В. Удальцова. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания.— ВВ, т. XI, 1956, стр. 29 сл.; И. А. Дворецкая. Раздел земель в Остготском государстве..., стр. 123 сл. К выводу об укреплении мелкой земельной собственности в других варварских государствах в изучаемую эпоху приходит также и А. И. Неусыхин. Характеризуя изменения общественного строя в Западной Европе в результате варварских завоеваний, А. И. Неусыхин обращал внимание прежде всего на то, что вторжение бургундов, вестготов и других германских народов привело к «торжеству характерного для варварских племен мелкого сельскохозяйственного производства»; правда, еще до завоевания германцами на этих территориях сохранялась старая (римская) мелкая собственность, но варварские вторжения повлекли за собой, во-первых, резкое возрастание числа мелких хозяев и, во-вторых, распространение общинного строя (А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 25).

свободные арендаторы были значительно более заинтересованы в труде, чем рабы и колоны.

Большая же заинтересованность значительной массы свободных крестьян — мелких землевладельцев и арендаторов — в более интенсивной обработке полей в итоге привела к некоторому подъему сельского хозяйства Италии в конце V — первой половине VI в.[16] Прежде всего поселение варваров-земледельцев на пустующих землях фиска (особенно в Северной Италии) вызвало расчистку новых земель и расширение посевных площадей. Возможно, что улучшилась в какой-то степени и обработка почвы в связи с тем, что часть земель перешла в руки свободных земледельцев. Остготское правительство поощряло занятие земледелием (Cass. Var., IX, 10.2) и в целях осушения болотистых мест и расширения посевных площадей проводило в различных областях Италии мелиоративные работы (Cass. Var., II, 21, 32, 33; CIL, X, 6850; XI, 10; Iord. Get., 151; Ennod. Paneg., XVII, 81).

Важнейшей отраслью сельского хозяйства Италии в остготский период являлось хлебопашество. Основными зерновыми культурами, возделываемыми во многих областях Италии, были по-прежнему пшеница (triticum) и просо (panicum). Весьма важным показателем известного подъема сельского хозяйства в первые десятилетия существования Остготского государства является то, что Италия, лишенная подвоза хлеба из Северной Африки и Египта, снабжалась почти исключительно хлебом, производимым в самой стране и на острове Сицилия. Сицилия по-прежнему была житницей Италии (Iord. Get., 308); сицилийский хлеб поступал в виде натуральных податей и скупался государством через особых скупщиков (prosecutores frumentorum)[17]. Хлеб производился и во многих провинциях самой Италии, в Лигурии (Cass. Var., II, 20; XI, 14), Тусции, Кампании, Лукании (Cass. Var., IV, 5), Апулии и Калабрии, а также в Истрии (Cass. Var., XII, 22—24), которая снабжала зерном Равенну и некоторые города Северной Ита-

---

[16] Об экономическом положении Италии и развитии сельского хозяйства при остготах см. следующие специальные работы: H. Geiss. Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen im staatlichen Aufbau Italiens während der Gothenzeit, Stuttgart, 1931; G. Salvioli. L' Italia agricola nelle lettere di Cassiodoro; B. Reiprich. Die Agrikultur Italiens unter der Herrschaft der Ostgothen.— Progr. kgl. Gymnas. Gr. Strechliz, 1885.

П. Виноградов признает, что в результате поселения свободных остготов в Италии произошел известный экономический подъем: «производительная сила Италии получила как бы новый приток крови, заброшенные местности снова попали в обработку» (указ. соч., стр. 91). С этим выводом соглашается и Д. М. Петрушевский (указ. соч., стр. 204).

[17] Cass. Var., IV, 7.2. Ср. B. Pace. I barbari ed i Bizantini in Sicilia.— «Archivio storico siciliano», v. XXXV, 1910, p. 65—80.

лии. Особенно славились своими богатыми урожаями Апулия и Калабрия, которые, как и Сицилия, снабжали хлебом Рим, Равенну, города Северной Италии, а в случае продовольственных затруднений даже такие сравнительно отдаленные области, как Южная Галлия [18].

Помимо хлебопашества, широкое распространение имело виноградарство, садоводство, огородничество, выращивание оливок. Богатыми виноградниками и производством вина особенно славились Истрия (Cass. Var., XII, 22—23), Лигурия (Cass. Var., XI, 14.3), Венетия (Cass. Var., X, 27; XII, 4, 26), Бруттий и Лукания (Cass. Var., VII, 12). О Бруттии Кассиодор прямо говорит, что там нет хлебопашества, но зато произрастают виноград и оливки (Cass. Var., XII, 14.1).

Важной отраслью хозяйства было также скотоводство. Природные условия Бруттия и Лукании, богатых прекрасными пастбищами, благоприятствовали разведению скота. Бруттий славился табунами коней (equinis... armentis. Cass. Var., VIII, 31.5. Ср. Cass. Var., I, 4. 17) и изобилием крупного рогатого скота (boum... ubertate. Cass. Var., XI, 39.3); в Лукании было особенно много свиней (Cass. Var., XI, 39.3). О прогрессе скотоводства, связанном с поселением на территории Остготского королевства варварских племен, свидетельствует письмо Теодориха жителям Норика, где им рекомендуется обменять местных быков, отличавшихся меньшими размерами (minores... membris), на более дорогих (pretiosiores) и более рослых быков, принадлежавших алеманнам, переселявшимся на находившуюся под властью остготов территорию [19]; в результате этого, по словам Теодориха, на полях Норика появились бы стада более крупных животных (armentis grandioribus.— Cass. Var., III, 50.2).

Довольно широко развивались и такие важные промыслы, как рыболовство и пчеловодство. Рыболовство было одним из основных занятий жителей Венетии, где природные условия мало благоприятствовали развитию земледелия, но зато прибрежные воды изобиловали различной рыбой. В этой провинции, кроме рыболовства, важной отраслью хозяйства являлся соляной промысел (Cass. Var., XII, 24.6). Большое хозяйственное значение рыболовство имело для Истрии, Лигурии и для некоторых прибрежных областей Южной Италии (Cass. Var., XII, 14.3). Пчеловодством также занимались преимущественно в южных провинциях, особенно в Бруттии (Cass Var., XII,

[18] Cass. Var., I, 35; II, 26; IV, 7. Продовольственные затруднения и даже голод были довольно частыми явлениями в некоторых областях Остготского государства, но обычно они вызывались стихийными бедствиями (Cass. Var., I, 35; IV, 50) или нападением внешних врагов (Cass. Var., I, 16; II, 20).

[19] См. об этом W. Ensslin. Op. cit., S. 136.

14). В Северной Италии, в долине реки По, изобилующей густыми лесами, большое распространение получили лесные промыслы.

На основании сохранившихся источников крайне трудно, а быть может, и совсем невозможно, точно определить, каковы были действительные масштабы подъема сельского хозяйства Италии в конце V — начале VI в. Однако наличие этого подъема (по сравнению с последними годами существования Западной Римской империи) представляется весьма вероятным. Правда, этот подъем не был сколько-нибудь длительным и прочным: определенные внутренние и внешние причины, анализ которых будет предметом дальнейшего исследования, привели вскоре к новому экономическому упадку Италии.

§ 2. Мелкое и крупное землевладение в Италии в конце V — первой половине VI века

На рубеже V и VI вв. мы можем проследить в Италии несколько типов мелкого землевладения. Это прежде всего землевладельцы городского типа, среди которых было еще немало мелких собственников (tenues.— Cass. Var., I, 19.2); далее, италийские сельские собственники и различные пришельцы-варвары, ранее жившие в Италии; наконец, рядовые остготы и другие варвары, расселившиеся вместе с ними среди италийского населения. Судьбы городских собственников будут рассмотрены нами в особой главе; сейчас мы остановимся только на положении двух последних категорий.

В эдикте Теодориха к свободным людям, в том числе к мелким свободным землевладельцам, обычно прилагается общий термин ingenui [20]. В «Вариях» Кассиодора мелкий свободный земледелец обозначается термином cultor agri (Cass. Var., IV, 51; X, 27), а в более отвлеченном, риторическом смысле — agricola [21]. Кроме того, у Кассиодора свободные мелкие землевладельцы довольно часто скрываются под более общими, порою весьма неопределенными терминами — посессоры, трибутарии и рустики.

Термин possessores в источниках конца V—VI в. имеет весьма широкое значение и применяется как к крупным, так и к мелким землевладельцам. В труде Кассиодора этот термин встречается довольно часто; нередко он носит обобщающий характер и относится к различным по своему имущественному положению группам владельцев земли. Однако чаще всего этим термином у Кассиодора обозначаются мелкие землевладельцы.

---

[20] E. Theod., 8, 17, 59, 63—66, 78—79, 82, 83, 94, 96, 97, 103.

[21] Cass. Var., IV, 51.5; V, 39.1; VII, 45.1; IX, 10.1; IX, 10.2; X, 27.1; XII, 22.5.

Это явствует из того, что посессоры приравниваются в его труде к плательщикам государственных налогов — трибутариям (Cass. Var., V, 39.14; XI, 7.3; XII, 2; 16; 28). Конечно, и крупные землевладельцы являлись плательщиками государственных налогов, внося подати за своих колонов и других зависимых от них людей, однако красочные описания бедствий и разорения трибутариев Италии, которыми буквально пестрит труд Кассиодора [22], убеждают нас в том, что в приведенных у Кассиодора рескриптах и посланиях остготских королей речь идет в первую очередь о мелких посессорах, владеющих небольшими участками земли. Именно для этой части свободных землевладельцев были особенно обременительными налоги и притеснения налоговых сборщиков. Необходимо отметить, что в остготское время термин possessor значительно определеннее, чем другие термины, указывал на владельческие права земельных собственников (в том числе и мелких) на их участки земли (Cass. Var., VIII, 31.4). Следовательно, можно предположить, что этот термин в Остготском королевстве применялся по отношению к той категории мелких и средних земельных собственников, которые в большей степени, чем другие группы свободного крестьянства, сохраняли владельческие права на землю. Привлекает особое внимание также и то обстоятельство, что термин possessor в Остготском королевстве применялся не только к муниципальным землевладельцам [23], но и к лицам, владевшим землей вне курий и не являвшимся представителями сословия декурионов. Так, в эдикте Теодориха не проводится разделения на посессоров, владевших землями в составе городских территорий, и землевладельцев, имевших земли вне курий (E. Theod., 10—12, 76, 132—136).

Наряду с этим, как мы увидим ниже, термин possessores применялся и для разграничения двух различных по своему характеру видов собственности в городских общинах — посессоры, владеющие землями на территории городской общины и платящие государственные налоги, противопоставлялись муниципальным землевладельцам — куриалам (см. ниже, стр. 128).

Итак, в Остготском королевстве термином possessores обозначались нередко средние и мелкие земельные собственники, владевшие участками земли в сельских местностях и на территории городских общин. Довольно широкое применение этого термина к мелким и средним свободным собственникам, на наш

---

[22] Cass. Var., IV, 36; V, 39; IX, 9; X, 27; XI, 7, 25; XII, 2, 16, 28.

[23] Е. М. Штаерман полагает, что термин possessores в Поздней Римской империи применялся преимущественно к муниципальным землевладельцам (Е. М. Штаерман. К вопросу о крестьянстве в Западных провинциях Римской империи.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 105—108).

взгляд, служит косвенным свидетельством некоторого укрепления этой прослойки свободного сельского населения Италии в конце V — начале VI в. и сохранения в той или иной степени ее роли в последующем десятилетии.

Термин tributarii, в эпоху Поздней Римской империи обозначавший, по мнению некоторых исследователей, зависимых людей, близких по своему положению к рабам [24], в «Вариях» Кассиодора встречается уже в ином значении. В большинстве случаев у Кассиодора под этим термином скрываются плательщики государственных налогов из числа лично свободных людей, имеющих свое маленькое хозяйство и возделывающих трудом своих рук небольшое поле [25]. В рескрипте 509 г. на имя префекта претория Фавста Теодорих упоминает о том, что королевские войска во время своего похода опустошили возделанные поля трибутариев в области Коттийских Альп, так что они не могли больше платить налоги (Cass. Var., IV, 36.3). Рассказывая о притеснениях налогоплательщиков в Испании, Кассиодор сообщает, что сборщики податей обременяли налогами наследственное имущество посессоров (patrimonia possessorum.—Cass. Var., V, 39.5). В этом послании прямо говорится, что трибутарии имеют свое имущество (substantia), которое следует охранять от посягательств налоговых сборщиков и других чиновников (Cass. Var., V, 39.12). В послании Теодата от 535/536 г. трибутарии Лигурии и области венетов названы термином cultores (Cass. Var., X, 27. 1—2).

Следовательно, во времена первых остготских королей под понятием «трибутарии» подразумевались чаще всего мелкие

---

[24] См. А. Г. Гемп. Трибутарии и инквилины в Поздней Римской империи.— ВДИ, 1954, № 4, стр. 77—81.

[25] Так, в послании Кассиодора от 533 г., обращенном к налогоплательщикам с увещанием аккуратно платить государственные подати, о трибутариях прямо говорится как о лично свободных людях, хозяевах своего поля. Указывая плательщикам, как дурно платить налоги под угрозой штрафа, Кассиодор особо подчеркивает, *сколь достойно свободного человека ничего не быть должным чиновникам казначейства* (Cass. Var., XI, 7.2; ср. ibid., XII, 28.9). «Только то поле,— пишет автор,— приятно для хозяина, где явившийся сюда сборщик не вызывает страха» (ille solus delectabilis ager est domino, in quo supervenire non timetur exactor). Он предписывает правителям провинций «побудить владельца, чтобы тот в три приема в определенные сроки выполнил свои обязанности» (Cass. Var., XI, 7.3). В другом месте этого послания трибутарий опять-таки выступает как владелец (possessor) участка земли, за который он платит налоги: «Пусть владелец,— пишет Кассиодор,— платит только то, что он должен фиску» (ibid., § 4).

Предписывая налогоплательщикам аккуратно, без всяких отсрочек и промедлений, вносить установленные подати, Кассиодор указывает, что добросовестность владельцев при уплате налогов наиболее приятна государству (Cass. Var., XI, 7.4—5; XII, 16.2; ср. ibid., XII, 2.1—5; 16. 2—3).

свободные землевладельцы Италии, платившие налоги государству [26].

Вместе с тем, однако, и в Остготском королевстве термин «трибутарии» продолжал сохранять оттенок некоторой приниженности, зависимости, характерный для положения «податного сословия», поскольку теперь он применялся преимущественно к той части мелких свободных землевладельцев Италии, которая в силу экономических причин все более и более сближалась по своему положению с зависимым населением, хотя и сохраняла еще свои участки земли, за которые уплачивала налоги государству.

По своему этническому составу посессоры-трибутарии в основной массе принадлежали к коренному римско-италийскому населению. Вместе с тем в их состав входили также и мелкие собственники из различных варварских племен, некогда поселившихся на территории Италии, так называемые antiqui barbari (Cass. Var., V, 14).

Завоеватели-остготы, освобожденные от уплаты налогов за полученные ими по разделу участки земли, становились налогоплательщиками лишь в том случае, если они сверх своих sortes приобретали земли римских посессоров и тем самым превращались в трибутариев (см. ниже, стр. 183 сл.).

В источниках остготского времени свободные мелкие земледельцы иногда, правда довольно редко, обозначаются также и термином «рустики» (rustici. – Cass. Var., VIII, 31—33; XII, 14.3).

Значительную массу свободных мелких землевладельцев Италии на рубеже V и VI вв. составляли рядовые остготы и союзные с ними воины, например гепиды или алеманны, получившие земельные участки (sortes) в период непосредственно после завоевания Италии или наделенные ими в последующие десятилетия. О том, что остготские воины были вместе с тем и землевладельцами, свидетельствуют разнообразные источники. Так, Аталарих, обращаясь к готам, поселившимся в Умбрии, писал в 526 г.: «Вас питают собственные земельные участки (sortes propriae)» (Cass. Var., VIII, 26.14). Прокопий свидетельствует, что еще в 40-е годы VI в. основная масса

---

[26] Однако неопределенность и расплывчатость терминологии, свойственные источникам конца V — начала VI в. (в том числе и труду Кассиодора), приводят к тому, что термином «трибутарии», кроме основной массы мелких и средних земельных собственников, обозначались и другие категории сельского населения Италии, например свободные наследственные арендаторы — перпетуарии королевских имений (Cass. Var., V, 39.6; VI, 8.5), а иногда и зависимые от землевладельцев люди, в том числе колоны (Cass. Var., VI, 8.2; 9. 2—3).

воинов Витигиса имела свои поля (ἀγρούς), которые остготы сами возделывали (Procop. BG, II, 29.35).

Возникает вопрос, сохранились ли у остготов и союзных с ними племен после их расселения в Италии общинные отношения. В отличие от буржуазных ученых [27] советские исследователи А. И. Неусыхин и И. А. Дворецкая склоняются к положительному ответу на этот вопрос. Однако А. И. Неусыхин затрагивает проблему остготской общины лишь мимоходом, не приводя аргументации [28], а И. А. Дворецкая, на наш взгляд, в ряде случаев произвольно истолковывает свидетельства источников и усматривает известия об общине там, где на самом деле о ней и речи нет [29]. Это, как нам кажется, оправдывает попытку еще раз вернуться к вопросу об общине в остготской Италии.

Прямое и бесспорное упоминание общины в источниках остготского времени встречается, насколько нам известно, лишь один раз, и тем более удивительно, что И. А. Дворецкая не обратила на него внимания. В «Вариях» Кассиодора идет речь о гепидах, которые должны пройти через Венетию и Лигурию в Галлию для охраны границ Остготского королевства. Чтобы они не грабили в дороге и имели средства торговать с жителями этих провинций, им выдается по 3 солида на каждую кондаму (per unamquamque condamam). В следующем послании Кассиодор подчеркивает, что эти выдачи должны были быть сделаны не в натуре (species ipsae), ибо припасы трудно доставить и они могут оказаться испорченными, но в золоте, по 3 солида на каждую кондаму (Cass. Var., V, 10.2; V, 11).

Уже Т. Моммзен показал, что condama этих писем есть не что иное, как кондома [30], однако Моммзен ошибочно считал ее гуфой, т. е. земельным наделом. В действительности же речь

---

[27] Ярче всего теория отрицания остготской общины отразилась у П. Виноградова, который утверждал, что в силу самого характера расселения остготов среди римлян формы землевладения, распространенные у германцев, не сохранились в неприкосновенности, а подверглись сильному воздействию римского индивидуального землевладения; «сила родовых групп должна была значительно уменьшиться вследствие того, что они были перерезаны столькими чуждыми элементами, а территориальные группы, сельские общины или марки, не могли ни сложиться, ни держаться» (П. Виноградов. Указ. соч., стр. 90. Ср. также Д. М. Петрушевский. Указ. соч., стр. 204).

[28] А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 25.

[29] Нам, например, представляется произвольной попытка И. А. Дворецкой (указ. соч., стр. 123) видеть в рескрипте остготского правительства о восстановлении дороги и прилежащей к ней полосы земли, распаханной посессорами Лукристанской области (Cass. Var., I, 29.2), свидетельство о наличии общинных земель. Правительство исходило из простых государственных интересов, ибо захват дороги мешал проезду и перевозке государственной почты.

[30] Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. VI, S. 437, A. 2.

идет о гепидах, оторвавшихся от земли и движущихся по направлению к Галлии; поэтому видеть в кондаме Кассиодора земельную меру невозможно. Термин condama обозначает здесь, подобно кондоме более поздних документов[31], семейную общину.

Характерная для общинных порядков терминология: consortes (Cass. Var., VII, 3. 1), vicini (Cass. Var., VIII, 3. 3), vicinitas (Cass. Var., II, 16. 5), довольно часто встречается в «Вариях». Уже И. А. Дворецкая[32] обратила внимание на сохранившееся в «Вариях» постановление, запрещавшее привлекать к уплате чужих долгов тех, кто был связан соседством с должником. Но Дворецкая не заметила при этом, как раскрывается в этом документе термин «соседство» (vicinitas).

«Соседство» составляют братья (germani), родители и дети, муж и жена и другие родственники (Cass. Var., IV, 10. 2). Иными словами, понятие «соседство» в сознании остготов еще совпадало с «родством», соседями были прежде всего сородичи, члены кондомы.

Таким образом, весьма вероятно, что остготы и их союзники в период расселения в Италии еще сохраняли (пусть в пережиточной форме) элементы семейной общины. Однако влияние частнособственнического римского права и интенсивность процесса имущественной и социальной дифференциации были здесь настолько значительными, что распад семейной общины в Италии сопровождался не формированием общины-марки, а образованием свободно отчуждаемой собственности в духе римского права. Во всяком случае, источники не засвидетельствовали существования территориальной общины у остготов Италии.

Иначе говоря, наделы остготов в Италии сразу же стали их аллодами. По словам Ф. Энгельса, «аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность. С момента установления аллода германцев на бывшей римской территории он стал тем, чем уже давно была лежавшая рядом с ним римская земельная собственность,— товаром». Вместе с тем, окончательное разложение общинно-родовых отношений и превращение земельных наделов остготов в их аллодиальную собственность неминуемо способствовали формированию новой крупной земельной собственности феодального типа. «Итак,— пишет Ф. Энгельс,— с того момента, как

---

[31] М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.). — ВВ, т. VII, 1953, стр. 165.

[32] И. А. Дворецкая. Указ. соч., стр. 122.

возник аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупного землевладения стало лишь вопросом времени»[33].

Но если существование территориальной общины у остготов не находит документального подтверждения, то это отнюдь не исключает того, что в других областях как социально-экономической, так и политической жизни остготского общества пережитки общинно-родового строя еще продолжали существовать и после переселения остготских племен в Италию.

Наиболее живучими оказались, по-видимому, отношения родовой и общинной взаимопомощи, несомненно, сыгравшие свою роль в борьбе двух характерных для этого периода тенденций общественного развития (рабовладельческой и феодальной). Соседские связи сохранили известное влияние в быту остготов и других сельских жителей Италии. Так, соседи привлекались в качестве свидетелей при составлении и подписании таких документов, как акты об отчуждении земельного участка или об его передаче по наследству (E. Theod., 132—133).

Командиры подразделений остготских войск — «тысяч» — еще в VI в. назывались millenarii. Так, в послании короля Теодориха сайону Гудуину от 523/526 г. «милленариям-тысячникам», командующим готскими войсками, живущими в Пицене и Самнии, отдается приказ явиться ко двору за получением донативы для своих воинов (Cass. Var., V, 27.1)[34].

Непосредственно после завоевания остготские воины находились в более привилегированном положении, чем масса римских посессоров-трибутариев; они были освобождены от налогов за свои участки (sortes) и обладали исключительным правом несения военной службы. Свободные остготские воины-земледельцы бесспорно пользовались известным политическим влиянием в остготском обществе, что нашло отражение в законодательных и нарративных источниках. Так, правительство Теодориха было принуждено принимать некоторые административные меры против насильственных захватов знатью земель мелких собственников и против других беззаконий могущественных лиц (potentiores). Именно воздействием этой общественной прослойки Остготского государства можно объяснить включение в эдикт Теодориха ряда постановлений (при этом в большинстве случаев являющихся нововведением самого остготского правительства), защищающих неприкосновенность личности свободного (но не обязательно знатного) человека и охраняющих

---

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 392.
[34] См. об этом И. А. Дворецкая. Указ. соч., стр. 122. Милленарии — командиры подразделений («тысяч») были и у вандалов. См. Г. Г. Дилигенский. Указ. соч., стр. 11.

его права в остготском обществе. Особенно интересна в этом отношении статья эдикта, запрещающая арест свободного человека (ingenuus) без приговора судьи: свободный человек, совершивший какое-либо преступление, должен быть приведен в суд или содержаться под охраной в частном доме (E. Theod., 8). За нарушение этого предписания эдикт угрожает смертной казнью (E. Theod., 9).

Защите личности свободного человека посвящена и другая статья эдикта Теодориха, запрещающая под страхом смертной казни посягать на жизнь свободного человека. Она гласит: «Если кто-либо прикажет или попытается убить без вины человека, не выслушав его и не имея на то власти (sine potestate), и без соответствующего приговора судьи, то пусть будет предан смертной казни как виновный в человекоубийстве» (E. Theod. 99).

Защита личности свободного человека имеется в виду и в тех постановлениях эдикта, которые были направлены против похищения свободных людей и продажи их в рабство (E. Theod., 78—79, 82—83, 94—95). Остготское законодательство устанавливало суровые наказания за совершение подобных преступлений. Так, эдикт Теодориха предписывал: «Тот, кто похитит свободного человека (ingenuum plagiando), то-есть, переманив, переселит в другое место, или продаст, или подарит, или сделает своим рабом, пусть будет наказан смертной казнью» (E.Theod., 78; ср. C.Th., IX, 18.1). За намеренное удержание в рабстве свободного человека виновный подвергался тюремному заключению (E. Theod., 79; ср. C.Th., VII, 16.31; IX, 35.9). Судья, подкупленный кем-либо и незаконно признавший свободного человека рабом, присуждался к высокому штрафу (E.Theod., 2; ср. P a u l. Sent., V, 23, 10; 24,4; C. J., I, 51.3).

В эдикте Теодориха специально оговаривается, что если свободный человек был похищен и это будет доказано, то его статус не потерпит никакого ущерба и он останется свободным гражданином [35].

Однако лишь известная часть свободных остготских воинов смогла сохранить (да и то ненадолго) свою собственность и полноправие. Большинство же мелких остготских земледельцев по своему экономическому положению постепенно все более сближалось с массой италийского земледельческого населения. Несмотря на тенденцию наших источников к идеализации

---

[35] E. Theod., 82. Исключение составляют только такие случаи, когда будет установлено наличие сговора между свободным человеком и его продавцом относительно того, что свободный человек дает согласие на продажу в рабство при условии передачи ему продавцом части той суммы, которая будет выручена за его продажу. В таком случае свободный человек за намеренное сокрытие с корыстной целью своего свободного происхождения лишается свободы (E. Theod., 82; ср. C. J., VII, 16.2; 18.1).

остготских порядков, мы все же можем видеть, что положение свободного земледельческого населения в Италии начала VI в. было весьма тяжелым.

Естественный процесс имущественной и социальной дифференциации привел у остготов, как и у других варварских племен V—VI вв., к выделению знати из массы рядовых свободных, причем знать и рядовые свободные пользовались различной правовой защитой. Правительство Теодориха для оформления этого правового различия использовало сложившиеся в позднеримском праве принципы, разграничивавшие права знатных (honestiores) и незнатных (humiliores), и дополнило это разграничение, проведя строгую грань между имущими и неимущими.

Прежде всего как в имущественном, так и в правовом отношении в Остготском государстве фактически существовала резкая грань не только между свободными и несвободными людьми, но также и между знатными и богатыми, с одной стороны, и свободными бедняками — с другой.

В эдикте Теодориха защита привилегированного общественного положения знати проявляется в различии наказаний за одни и те же преступления для лиц знатных (honestiores) и незнатных (humiliores). В частности, за сокрытие или продажу в рабство свободного человека знатные лица карались конфискацией трети имущества и ссылкой на 5 лет, а люди низкого происхождения (humiliores) — значительно более суровой карой: после наказания палками они отправлялись в вечное изгнание [36].

В противоположность римскому праву, законодательство остготов устанавливает и резко подчеркивает различие не только между знатными и незнатными, но и между имущими и неимущими (E. Theod., 59, 64, 97, 111). В ряде статей эдикта Теодориха различие между знатными и незнатными отступает на второй план и заменяется противопоставлением богатых и бедных; при этом внимание акцентируется не на происхождении данного лица, а на его имущественном положении. Особенно ярко эта тенденция проявляется в статье 97, касающейся поджога. За поджог чужого имущества состоятельный человек наказывается лишь возмещением причиненного пожаром ущерба, бедняк же после наказания палками отправляется в пожизненную ссылку. За изнасилование свободной девушки знатный человек (nobilis) обязан передать ей треть своего имущества, если он женат, и, кроме того, жениться на ней, если он холост. В случае же если насильник не имеет имущества (nullo patri-

---

[36] E. Theod., 83. Ср. E. Theod., 62, 75, 89.

monio) и принадлежит к незнатному роду, он карается смертью (E. Theod., 59)[37].

За подкуп свидетелей и судей humiliores наказывались смертной казнью, в то время как для богатых и влиятельных лиц (potentes) смертная казнь заменялась конфискацией имущества[38].

Таким образом, остготское законодательство не только заимствовало из римского права противопоставление знатных и незнатных членов общества и защиту прав и привилегий первых, но и дополнило и развило его проведением резкой грани между имущими и неимущими, для которых вводились гораздо более суровые и унизительные наказания[39]. Обычно в тех случаях, когда богатые отделывались денежным штрафом, бедняки за подобные проступки подвергались позорному наказанию палками.

Подобное деление общества в равной степени относилось к лицам как готского, так и римского происхождения, ибо в эдикте Теодориха и других законодательных постановлениях остготских королей нигде особо не оговаривается различие между готами и римлянами. Одновременно смягчение наказания за проступки знатным и богатым гражданам по сравнению с римским правом не только является свидетельством социальной направленности остготского законодательства, но также проливает некоторый свет и на бесправие свободных неимущих граждан.

Возникает вопрос, какие же причины могли обусловить процесс имущественной дифференциации, процесс разорения и обнищания рядовых земледельцев остготской Италии. Разумеется, известную роль в этом могли играть такие факторы, как периодические неурожаи и стихийные бедствия, войны, налоговый гнет и злоупотребления чиновников, ростовщичество, однако основная причина состояла не в этом; эти факторы

---

[37] За изнасилование девушки — чужой рабыни (ancilla) или оригинарии — свободный и состоятельный человек наказывается передачей двух рабов господину девушки; бедняк же, жестоко битый палками, становится коллегиатом соседней городской общины (E. Theod., 64) (см. ниже, стр. 121). За предание земле мертвеца на территории Рима богатый человек должен был заплатить фиску штраф, равный четверти его имущества; бедняк же, побитый палками, изгонялся из города (E. Theod., 111; ср. C. Th., IX, 17.6).

[38] E. Theod., 91. Для могущественных лиц наказание было смягчено по сравнению с римским правом, предусматривавшим в этом случае, помимо конфискации имущества, также и ссылку (P a u l. Sent., V, 25.2).

[39] Резкая грань между знатными и незнатными, имущими и неимущими проводится также и в «Вариях» Кассиодора, где всегда особо оговаривается имущественное положение и происхождение того или другого лица (C a s s. Var., II, 24, 25; IV, 39, 40; III, 5, 20, 36; VIII, 31; IX, 18).

могли лишь способствовать процессу дифференциации, ускорять его или вызывать его проявление в данное время и в данных условиях. Конечной причиной разорения свободной бедноты был рост богатств остготской знати — процесс, начавшийся еще задолго до расселения остготов в Италии, но в значительной мере ускоренный благодаря тому, что в условиях господства частной собственности процесс распада варварской общины и выделения аллода стал протекать значительно более интенсивно. Быстрое разложение общины у остготов лишало остготских земледельцев того могущественного средства объединения и взаимопомощи в борьбе против притязаний крупных землевладельцев, каким была община-марка у других народов. Все это способствовало углублению социального неравенства среди остготов.

Вместе с тем этот процесс был осложнен тем, что на территории Италии остготской знати пришлось встретиться с местной римско-италийской знатью (как светской, так и церковной) и в какой-то степени считаться с ее интересами.

Таким образом, рост крупной земельной собственности был оборотной стороной процесса разорения мелких свободных земельных собственников.

В Остготском королевстве существовала крупная земельная собственность нескольких категорий: собственность короля, остготской знати, римско-италийской знати, католических и арианских церквей и монастырей.

В источниках остготского времени упоминания королевских доменов в Италии встречаются очень часто, причем домены короля обозначаются различными терминами, как-то: regia domus (Cass. Var., V, 19—20, 39), domus nostra (ibid., V, 18. 1; X, 5.1), domus nostrae praedia (ibid., V, 6.1), praedia regalia (ibid., V, 18. 3), praedia nostra (ibid, V, 18; 39,6). Иногда особо подчеркивался наследственный характер владения и тогда применялись термины: nostrum patrimonium (Cass. Var., VI, 9. 2; VII, 23) или patrimonia divinae domus (Cass. Var. VII, 43).

Королевские владения были разбросаны в различных частях Остготского королевства: в Южной Италии (Cass. Var., I, 16; V, 7; VII, 33; IX, 3.2; XII, 5.5), в Кампании (Cass. Var., IV, 32), в долине По (Cass. Var., V, 18—20), а также за пределами Италии: в Галлии (Cass. Var., VIII, 10.8), Далмации (Cass. Var., IX, 9.3) и Испании, которая временно входила в состав Остготского государства (Cass. Var., V, 39). Хозяйственная структура королевских доменов была также весьма разнообразна: в королевских владениях, расположенных в долине реки По и богатых лесами, были развиты различные промыслы, связанные с добычей и обработкой дре-

весины и строевого леса, в имениях короля в Кампании преобладало хлебопашество, а в Лукании и Бруттии — виноградарство.

О размерах и доходности королевских земель в Италии косвенным образом можно судить по рассказу Прокопия о том, что послы византийского императора обещали Теодату предоставить из дворцовых земель имения с ежегодным доходом не менее 1 200 либр золота (Procop. BG, I, 6.19).

Источники, к сожалению, не позволяют судить ни об удельном весе королевских доменов, ни о тенденции их роста. Мы можем сказать лишь, что в отдельных случаях королевские владения росли за счет конфискации земель [40], тогда как в других случаях они раздавались светской и духовной знати в награду за службу королю.

На основании равеннских папирусов можно составить некоторое представление о хозяйственной структуре имения крупного земельного собственника в Италии VI в. Поместье (massa, fundus) богатого землевладельца обычно состояло из жилых построек и различных угодий: пашен, лугов, пастбищ, виноградников, оливковых рощ, фруктовых садов, источников и проточных вод. Наряду с хлебопашеством в имениях крупных собственников значительное распространение получило садоводство и виноградарство, а также разведение крупного рогатого скота, овец, свиней. Имения представляли единый хозяйственный комплекс и обычно включали в свой состав все перечисленные выше угодия (Mar. 82—85; 113—119; Tjäder, 10—12).

Каковы же были пути роста крупной земельной собственности в остготской Италии? Мы можем выделить два основных направления, по которым идет в классовом обществе рост земельных владений. В одном случае крупный собственник расширяет свои имения за счет королевских пожалований или же путем покупок или захвата владений других крупных собственников. Здесь, следовательно, имеет место лишь процесс перераспределения земельной собственности в руках господствующего класса. Другой путь — расширение земельных владений крупного собственника за счет мелкой собственности, т. е. переход земли от одного класса к другому. Если второй путь непременно связан с социальными сдвигами, то этого нельзя сказать о первом: значение первой формы роста крупной собственности выходит за пределы простых тяжб лишь в том случае, когда перемена господина сопровождается и переменой в характере эксплуатации земли, иными словами —

---

[40] Cass. Var., IV, 32; Procop. BG, I, 2.3—6; E. Theod. 22, 59, 83, 91, 104, 108, 155 и др.

когда смена собственника совпадает с изменением системы хозяйства (переход от рабовладельческой формы хозяйства к феодальной и т. п.). Проследим в свете этих общетеоретических замечаний конкретные черты процесса роста крупной земельной собственности в остготской Италии [41].

Все остготские короли, в том числе и Теодорих, щедро раздавали своим приближенным как готам, так и римлянам земельные владения в Италии из фонда королевских земель, из владений фиска и во вновь завоеванных областях. Королевские пожалования даровались в большинстве случаев в полную наследственную собственность (Cass. Var., I, 7; V, 12). Под страхом штрафа никто не смел оспаривать их законность (Cass. Var., VIII, 25. 4). Пожалования делались в награду за личную (главным образом военную) службу королю.

Конечно, Теодорих в первую очередь раздавал земельные пожалования своим родственникам, приближенным и военачальникам остготской армии. Остготское правительство с особой щедростью награждало землями высших военачальников, отличившихся во время войн. Так, за подчинение власти остготов части Южной Галлии во время войны с франками и бургундами командир остготских войск Тулуин получил в дар от Теодориха обширные поместья в завоеванной стране (Cass. Var., VIII, 10.8). Остготский полководец Питца за воинские заслуги был награжден земельными владениями в Сирмийской Паннонии (Ennod. Paneg., XII, 62—63). Кассиодор прямо говорит о земельных пожалованиях Теодориха готским военачальникам (militi nostro.— Cass. Var., I, 7.2). После смерти Теодориха его племянник Теодат получил от Аталариха, кроме наследства своей матери, еще и другие земли в виде королевских пожалований (Cass. Var., VIII, 23.4).

Между 507 и 511 гг. Теодорих пожаловал знатному готу Ферриолу земельное владение в Педонской городской общине, ранее уже переданное правительством некоему Бенедикту на условии несения службы королю. После смерти Бенедикта король отобрал это пожалование у малолетних сыновей умершего, которые не могли выполнять службу отца, и фактически передал Ферриолу, хотя формально и сделал последнего их опекуном (Cass. Var., I, 36. 1—2).

Милостями остготских королей пользовалась не только готская знать, но и те знатные римляне, которые верно служили новым правителям Италии. За особые заслуги перед остготским правительством Теодорих, Амаласунта, Аталарих и даже Теодат награждали земельными пожалованиями представителей

---

[41] См. об этом подробно: З. В. Удальцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в.— ВВ, т. IX, 1956, стр. 85 сл.

римской аристократии (Pragm. Sanc. I; ср. Cass. Var., VIII, 23.1; X, 3.6).

Кассиодор сообщает, что некий сиятельный муж по имени Маги, принадлежавший к высшей римской аристократии, находился в виде исключения на военной службе и попал в плен к франкам. По возвращении из плена Маги за свою верную службу получил высокие награды от остготского правительства. По личному предписанию Теодориха, датированному 508/511 г., все утраченное Магном имущество, все его земли и рабы как городские, так и сельские вновь ему возвращались. Более того, правительство Теодориха не только гарантировало этому знатному римлянину, ищущему покровительства остготского короля, прочное владение всем, чем он некогда владел, но и даровало новые пожалования (Cass. Var., III, 18. 1—2).

Наследники римских аристократов—префекта города Рима Арголика и vir clarissimus Амандиана — получили от Теодориха имение (massa) Паллентиан в компенсацию за их владение (casa) Арбитан (Cass. Var., V, 12.2). Референдарий римлянин Иоанн получил близ Лукулланского лагеря (Lucullanum castrum) земельные пожалования из королевских земель (Cass., Var., VIII, 25. 2—3). Позднее, при Теодате, патриции Либерий и Максим с разрешения остготского правительства поделили между собой некогда конфискованные государством обширные земли императора Марциана (Pragm. Sanc. 1).

Эти рескрипты Теодориха и его преемников показывают, что остготское правительство, стремясь привлечь на свою сторону высшую римскую аристократию, пыталось возместить земельные потери римской знати, лишившейся своих владений в связи с расселением готов и захватами земель остготской знатью, за счет раздачи им новых земельных пожалований из фонда королевских и государственных земель.

В правление Теодориха и его ближайших преемников продолжался дальнейший рост и церковно-монастырского землевладения, восстанавливались и строились церкви (арианские и католические) в Равенне, Риме, Вероне, Милане и других городах Италии.

Патримонии римской и других католических церквей были разбросаны по всей стране: в области Коттийских Альп, в Лации, Кампании, Апулии, Лукании, Бруттии и Сицилии. Особенно богатыми патримониями владела католическая церковь в Сицилии (Procop. BG, VII, 15.9). Арианские церкви и монастыри также располагали значительными земельными владениями в Равенне и Равенской области (Mar., 87 =Tjäder, 2; Agn. 85), в Риме и других областях Италии.

Крупное церковное и монастырское землевладение росло также в значительной мере за счет пожалований остготских королей.

При Теодорихе и его ближайших преемниках остготское правительство заботилось в первую очередь о наделении землей арианской церкви. Наиболее распространенным явлением была передача арианской церкви земельных владений из фонда государственных земель (Cass. Var., I, 26.2). В качестве личной милости Теодорих иногда жаловал земельные участки арианскому духовенству: так, арианский священник гот Бутилан получил от короля земельное владение, расположенное в Тридентской области (Cass. Var., II, 17).

Однако, поощряя рост земельных владений арианской церкви и укрепляя ее положение в стране, остготское правительство из политических соображений стремилось сохранять доброжелательные отношения и с католическим духовенством.

С целью укрепления церковно-монастырского землевладения остготское правительство официально подтвердило законность всех земельных вкладов, сделанных католической церкви прежними правителями империи (Cass. Var., IV, 17, 20). Наряду с закреплением за католическими церквами и монастырями полученных ранее дарений, само остготское правительство совершало в их пользу земельные и денежные пожалования. Так, Теодорих подарил земли католическим церквам в Лукании и Бруттии, которые позже вновь получили особое подтверждение своих прав на эти земли [42].

Специфической формой королевских земельных пожалований была передача угодий на условии проведения необходимых мероприятий по улучшению этих земель. Землевладельцы, проводившие работы по осушению непригодных к обработке заболоченных земель фиска, получали их после осушения в наследственную собственность и даже освобождались в виде поощрения от уплаты налогов (Cass. Var., II, 21; 32—33). К сожалению, недостаточно ясен вопрос о социальном статусе лиц, получавших дарения подобного рода; в одном случае, впрочем, мы знаем, что получателем был землевладелец средней руки: диакону католической церкви Хельпидию за осушение болот близ города Сполеция (Сполето) остготское прави-

---

[42] Cass Var., XII, 13. 1—4. Кроме земельных пожалований, остготские короли делали в пользу церкви значительные денежные вклады и пожертвования. Так, Теодорих передал крупные денежные суммы на постройку церквей, в том числе на реставрацию католического храма св. Петра в Риме и других католических церквей Италии. Преемники Теодориха в отдельных случаях прощали крупные долги папскому престолу (Cass. Var., XII, 20).

тельство передало участок земли для постройки дома в этом городе (Cass. Var., IV, 24).

Если королевские пожалования знати и церкви приводили лишь к перераспределению земельной собственности в руках господствующего класса, то гораздо более сложен вопрос о характере приобретений земли путем покупки или вкладов. В памятниках первой половины VI в. сохранилось немало известий о продаже и дарении земельных участков, однако эти известия далеко не всегда содержат точные данные о социальном статусе контрагентов [43]. Лишь в некоторых случаях наличие титулов позволяет заключить, что мы имеем дело с представителями господствующего класса. Так, в 539 г. honesta femina, вдова Париана Тулгилона и ее дети Домника и Девтерий продали 20 югеров земли наследственного имения Конкордиак, в Фавентинской области, некоему vir strenuus Перегрину за 110 солидов (Mar., 114); возможно, что причиной продажи было обеднение семьи в связи со смертью ее главы. В 540 г. vir clarissimus, нотарий Монтан, по-видимому, принадлежащий к римской служилой знати, купил у vir honestus Домника земельные владения в Равенской округе общей стоимостью в 40 солидов (Mar., 115).

Однако менее ясен социальный статус контрагентов в другой сделке, заключенной в том же году: диакон Гундилен продает 4 унции своей наследственной виллы Каббалария некоей варварке Ангефриде (Mar., 118); размеры угодий заставляют предполагать, что в данном случае и продавец и покупатель принадлежали к зажиточным кругам остготского общества. Купчая 542 г. (Mar., 117), согласно которой клирик Минул продал сапонарию Исаакию 2 унции имения Домициан за 20 солидов, скорее всего регламентировала взаимоотношения между мелкими собственниками городского типа. По-видимому, мелкими собственниками были также землевладельцы Мелаций и Геронтий, которые продали в 540 г. некоему Лаврентию $1^1/_2$ унции имения Роборат, расположенного на территории Фавенции (Mar. 116).

Особыми формами отчуждения земельной собственности были передача за долги и вклады церкви: обе эти формы обычно, хотя и не всегда, означали передачу угодий мелкого собственника крупному. Кассиодор сообщает, например, о некоем Иоанне, который взял на себя уплату долга казне за разорившегося владельца: если бы этому владельцу не удалось выплатить долга в установленный срок, все его имущество (facultas

---

[43] О критериях определения социального статуса раннесредневековых вкладчиков см.: Л. Т. Мильская. Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. М., 1957, стр. 22 сл.

eius universa) должно было перейти Иоанну (C a s s. Var., V, 7.3).

Включение в эдикт Теодориха ряда постановлений (в большинстве случаев почерпнутых из римского долгового права), регулирующих взаимоотношения между кредиторами и должниками (E. Theod., 122—127), было вызвано реальными потребностями и указывает на распространенность долговых обязательств и кредитных сделок, а также на рост задолженности разоренного населения Италии. Остготская и римская знать широко использовала долговые обязательства для незаконного приобретения имущества несостоятельных должников. Так, весьма распространенным способом приобретения знатью чужого имущества являлись самовольные захваты кредиторами залогов у несостоятельных должников (E. Theod., 123; C a s s. Var., IV, 10; P a u l. Sent., XXVI, 4), а также насильственный захват кредиторами у должника имущества, даже не отданного в залог (E.Theod., 124). Последнее предписание распространялось и на случай захвата кредитором земельного участка, поскольку оговорена обязанность кредитора возвратить прежнему хозяину стоимость урожая (de fructibus violenter ablatis), собранного с этого владения (E. Theod., 124). Эдикт Теодориха запрещал под страхом потери отданной в долг суммы передачу долговых обязательств могущественным лицам с целью при их помощи добиться взыскания долга (E. Theod., 122; ср. C.Th., II, 13.1). Вполне возможно, что могущественные лица, использовавшие свое влияние для взыскания долга, по договоренности с кредитором получали в свою пользу какую-то часть долга.

Вклады церкви делали лица самого различного имущественного и социального положения, что нашло свое выражение в дарственных грамотах из собрания равеннских папирусов. К сожалению, от времени господства остготов сохранилось лишь крайне незначительное число дарственных грамот подобного рода. Так, строго говоря, ко времени до византийского завоевания относятся, видимо, всего две грамоты о дарении имущества частными лицами Равеннской церкви. Первая из них составлена в 491 г. и говорит о передаче римлянкой Марией участка земли Равеннской церкви, видимо, на основе прекарной сделки (M a r., 84 = T j ä d e r, 12). Второй документ, относящийся к 523 г., является фрагментом дарственной грамоты, оформляющей дарение остготской женщины Хильдевары каких-то земельных владений (possessiones) Равеннской церкви (M a r., 85).

Крупные землевладельцы преимущественно из римской аристократии и высшего духовенства не только делали богатые вклады католическим церквам и монастырям, но и основы-

вали новые монастыри в различных областях Италии. Так, в 538 г. Кассиодор основал монастырь в своем поместье Виварий, в области Бруттий, а в 529 г. Бенедикт Нурсийский — монастырь в Монтекассино, близ Неаполя. Конечно, примеру их следовали и другие представители римской знати. Ценные вклады монастырям и церквам делались одновременно с отдачей знатных римских девушек в монастырь (Pragm. Sanc., 17). Все имущество духовных сановников и клириков, умерших без завещания и не имевших законных наследников, передавалось церкви (E. Theod., 26). Тем самым церковно-монастырское землевладение росло и за счет переходящего в распоряжение церкви выморочного имущества самого духовенства, а фиск не мог предъявлять никаких претензий на это имущество.

Росту церковной собственности способствовал эдикт Теодориха от 508 г.[44], запрещавший как католическому, так и арианскому духовенству отчуждать церковные земли и другое имущество церкви. Согласно этому эдикту, духовенство получало право распоряжаться лишь доходами с церковных владений. За незаконное отчуждение духовными лицами церковных владений предписывалось суровое наказание: конфискация всего имущества духовного сановника, виновного в этом проступке. Церкви разрешалось лишь сдавать свои патримонии в аренду или передавать в пользование узуфруктуариям. Если кто-либо присваивал церковное имущество в собственность, а не во временное пользование (ultra usufructum retenere cepit), то он должен был возвратить епископу или клиру захваченное владение со всеми его доходами.

Это предписание имело целью сохранить неприкосновенным церковное имущество и защитить от расхищения пожертвования в пользу церкви, которые были одним из главных источников роста церковного землевладения.

Немаловажным источником расширения крупного землевладения остготской и римской знати был насильственный захват земель, главным образом мелких собственников. Весьма распространенным явлением в те тревожные времена было прямое насилие со стороны знати, опиравшейся на отряды вооруженных людей, состоящие из зависимых от нее лиц. Только значительными масштабами распространения насильственных захватов земли знатью можно объяснить включение в эдикт Теодориха ряда предписаний (почерпнутых из римского права), запрещающих под страхом суровых наказаний захваты

---

[44] Theoderici regis edictum Symmacho papae directum contra sacerdotes substantiae ecclesiarum alienatores. Edicti Theodericiani Appendices.— MGH, Legum sectio I, t. V, p. 169—170. Ср. Nov. Just., VII.

чужих владений, особенно при помощи вооруженных отрядов [45].

Для совершения насильственных захватов чужих земель знатные и могущественные лица (potentiores) использовали своих рабов (E. Theod., 77; ср. C.Th., IX, 10) и колонов (E.Theod., 104): по приказанию крупных землевладельцев их рабы и колоны нарушали границы чужого поля, вырывали межевые знаки и выкорчевывали деревья, указывающие на границы владений соседа (E. Theod., 104; ср. P a u l. Sent., V, 22.2).

В эдикте Теодориха особо оговаривались случаи захвата имущества частных лиц путем запугивания при помощи отряда войск или незаконного присвоения власти. Знатные лица (honestiores), виновные в этом преступлении, наказывались изгнанием (E. Theod., 89).

Разумеется, насильственные захваты земель в Италии производились в первую очередь остготской знатью, на стороне которой была сила оружия. Вместе с тем эдикт Теодориха (E. Theod., 34, 43) и Кассиодор сообщают, что подобные захваты земли совершались также и знатными римлянами, по-видимому, в первую очередь той частью римской аристократии, которая перешла на сторону остготов и заключила временный союз с представителями остготской знати. Так, в «Вариях» имеются указания на незаконные захваты земель знатными римлянами, в том числе префектом претория 507—512 гг., сенатором Фавстом, который, используя свое высокое положение, беспощадно грабил население. На Фавста поступили в королевскую курию жалобы по поводу незаконного захвата земли римского посессора Кастория (C a s s. Var., III, 20). Для того чтобы подобные преступления не повторялись, Теодорих установил за их совершение высокий штраф в 50 либр золота (C a s s. Var., III, 20.4). Не брезговали захватом чужих поместий и другие высшие государственные чиновники. Например, управляющие королевскими доменами с целью увеличения своих доходов стремились к расширению королевских патримониев за счет земель римских посессоров (C a s s. Var., IV, 9.6).

Насколько серьезно остготское правительство должно было считаться со все возрастающим влиянием землевладельческой и служилой остготской знати, ярко свидетельствует заключи-

---

[45] Так, эдикт Теодориха запрещает захват чужого владения, дома или виллы при помощи отряда вооруженных людей, посланных знатным лицом с целью совершения насилия (E. Theod., 75; ср. P a u l. Sent., V, 26.3). За подобные преступления лицо, пославшее своих людей для захвата чужого имения, карается смертной казнью, как виновное в совершении насилия. Имущество, захваченное насильственным путем, должно быть в течение года возвращено законному владельцу с восстановлением его права собственности на это владение (E.Theod.,76; ср. C. Th., IV, 22.4; P a u l. Sent., V, 6.7. См. также E. Theod. 74, 105).

тельная статья эдикта Теодориха. В этой статье наглядно проявляются весьма основательные опасения законодателя, что предписания эдикта не будут выполняться представителями могущественной и непокорной знати. По этому поводу Теодорих заявлял следующее: «Пусть никакой знатный, или богатый, или могущественный человек, занимающий какую-нибудь должность, или военный пост, никоим образом не дерзает идти против того, что здесь разумным образом установлено». Правители провинций, если они сами не смогут воздействовать на могущественного нарушителя предписаний эдикта, будь то варвар или римлянин, или же прокуратор, заместитель, или даже кондуктор (арендатор.— *З. У.*), должны немедленно передавать дело в королевскую курию. Ибо, заключает законодатель, «то, что установлено для обеспечения спокойствия всех провинциалов, должно всеми ревностно охраняться» [46].

Строгие предписания эдикта Теодориха, направленные против захвата чужих земель остготской и римской знатью, не принесли и не могли, конечно, принести сколько-нибудь ощутимых результатов. Достаточно напомнить, что спустя 20 с лишним лет после издания эдикта Аталарих, продолжая политику своего деда и под влиянием многочисленных жалоб населения, вновь вынужден был принимать меры против подобных насилий знати (C a s s. Var., IX, 18. 1—3; см. ниже, стр. 239).

Наряду с насильственными захватами земли остготская знать для расширения своих земельных владений широко применяла и другие методы, и в частности различные незаконные сделки.

Ряд постановлений эдикта Теодориха направлен против разного рода незаконных сделок, заключенных могущественными лицами — представителями знати, высшего командования остготской армии, влиятельными чиновниками администрации — с целью вымогательства имущества у людей, стоящих на более низкой ступени общественной лестницы и не имеющих возможности оказать им сопротивление.

Под страхом материальной ответственности запрещалось начинать незаконную тяжбу о чужом имуществе (E. Theod., 11,74; C a s s. Var., IX, 18.2); запрещалось вторичное разбирательство одних и тех же судебных дел под угрозой проигрыша процесса (C a s s. Var., IX, 18.11). Однако представители знати обходили эти предписания. Так, по настоянию знатной

---

[46] E. Theod., 155. Весь этот параграф является оригинальным предписанием остготского правительства. Правда, некоторые издатели эдикта ставят под сомнение принадлежность этой статьи Теодориху, но не приводят в пользу этого достаточно убедительных аргументов. См., например, Fontes juris romani antejustiniani, pars II. Florentiae, 1940, p. 709—710.

остготской женщины Теодагунды дважды возобновлялся судебный процесс о правах собственности на земельное владение римлянина Рената (Cass. Var., IV, 37. 2).

Специальное постановление эдикта Теодориха запрещало запугивание именем сильного человека частных лиц, составляющих завещание (E. Theod., 31). Другое предписание эдикта не разрешало передавать ведение судебного процесса относительно владения имуществом «могущественному римлянину или варвару» (Nullus ad potentem Romanum aut barbarum proprias quolibet titulo transferat actiones). Из этого предписания вытекает, что подобная передача ведения судебного процесса могущественному лицу делалась с целью использовать его влияние на суд и могла повлечь за собой незаконное решение суда в пользу могущественного покровителя и в ущерб другой тяжущейся стороне (E. Theod., 43; ср. C. Th., II, 13; Dig., IV, 7).

Нет сомнения, что могущественное лицо, пользующееся большим политическим влиянием, принимало на себя ведение судебного процесса отнюдь не бескорыстно, а, по-видимому, заранее договорившись о получении части спорного имущества [47]. На подобные же факты указывает и другое постановление эдикта Теодориха, запрещающее могущественному римлянину или варвару вмешиваться в судебное дело в качестве защитника или покровителя одной из тяжущихся сторон (defensor aut suffragator.—E.Theod., 44.Ср. C. J. II, 14; Lex Burg.Gundeb.22). О судебных процессах с участием могущественных лиц,оказывавших давление на суд, сообщает также и Кассиодор (Cass. Var., II, 24—25; III, 5; 20, 36; IV, 39—46; VIII, 31). Нередко знатные и влиятельные лица надеялись приобрести чужое имущество, подкупив судью и добившись незаконного решения суда (Cass. Var., IV, 40). Распространенным явлением были незаконные иски знати к малолетним наследникам с целью лишения их наследства (Cass. Var., I, 8; IV, 35), различные тяжбы из-за границ земельных владений (Cass. Var., III, 52).

Не только светская знать, но и церковь (как арианская, так и католическая) не гнушалась для приобретения новых земель заключать неблаговидные сделки и даже применять прямое насилие. Имеются, например, сведения о насильственных захватах церковью земель разорившихся крестьян. Для этих захватов церковь использовала зависимых от нее людей. Так, в одном из рескриптов короля Теодориха от 507/511 г. мы можем прочесть о захвате людьми церкви (homines

---

[47] Косвенным образом об этом свидетельствует разрешение истцу дарить выигранное по суду имущество лишь после окончания судебного процесса (E. Theod., 43).

ecclesiae) в епархии Поленского епископа Антония хижины (casa), законным владельцем которой в течение многих лет был римский посессор Стефан. Остготское правительство предписывает епископу Антонию в случае справедливости этого сообщения возвратить потерпевшему захваченное у него имущество и впредь не разрешать своим слугам (familiares) чинить насилия (Cass. Var. IV, 44. 1—2).

Нередко в распоряжении видных духовных сановников Италии находились вооруженные отряды, составленные из зависимых людей церкви. Эти отряды применялись не только для защиты церковных владений, но и для насильственных захватов чужих земель. Так, в одном из писем Кассиодора, датированном 507/511 г., рассказывается, что римский посессор Юлиан обратился к остготскому правительству со слезной жалобой на епископа Оригена, люди которого напали на жену жалобщика и захватили ее имущество. В ответ на эту жалобу остготское правительство потребовало от епископа Оригена в том случае, если справедливость обвинения подтвердится, немедленно возвратить захваченное имущество законному владельцу, а виновных в совершении этого преступления предать наказанию (Cass. Var., III, 14).

С целью присвоения чужих земель духовенство прибегало к подделке завещаний, захватывая земли законных наследников, на что поступали жалобы в королевский суд (Cass. Var., III, 37; XII, 5). Так, сын одного римского землевладельца Фомы, по имени Герман, жаловался в королевскую курию на то, что епископ Петр незаконно присвоил часть его наследства (Cass. Var., III, 37).

Для целей нашего исследования, как мы уже говорили, важно выяснить не только, кто захватывал земли, но и кто был объектом этих захватов. Частично объектом захватов становились крупные и средние собственники (преимущественно из числа римской знати), способные оказать сопротивление захватчикам. Это приводило к острым столкновениям, а порою даже к частным войнам между землевладельцами Италии (Cass. Var., VII, 28). Кассиодор упоминает о случаях самообороны частных лиц, защищавшихся от вооруженных нападений, главным образом высших командиров остготской армии.

Так, племянник Теодориха, будущий остготский король Теодат, один из крупнейших землевладельцев Италии, славившийся своей исключительной жадностью и стяжательством, захватывал земли не только мелких римских посессоров, но посягал даже на владения римской аристократии, что вызвало значительное недовольство знатных римлян и обеспокоило Теодориха. В рескрипте 507/511 г. сообщалось, что знатный римлянин vir spectabilis Домиций обратился к Теодориху

с жалобой на людей Теодата, которые незаконно захватили его поместья. Король предписал сайону Дуде позаботиться, чтобы отобранные Теодатом владения со всем захваченным там имуществом были немедленно возвращены законному владельцу. Если Теодат имеет справедливые притязания на какие-либо земельные владения, он должен предъявить гражданский иск, и после разбора дела с участием обеих тяжущихся сторон может быть вынесено решение в соответствии с законом (Cass. Var., IV, 39).

В рескрипте от 523/526 г., адресованном также на имя Теодата, Теодорих вновь упрекал своего корыстолюбивого родственника в позорящей их царственный род скупости и приводил данные о новых насилиях Теодата, сообщая, что наследники знатных римлян Арголика и Амандиана обратились с жалобой на людей Теодата, недостойным образом захвативших их имение Паллентиан. Теодорих предписал Теодату, если справедливость жалобы подтвердится, немедленно возвратить захваченные земли законным наследникам (Cass. Var., V, 12).

Как мы видим из рассказа Прокопия, бесчинства и беззакония, чинимые Теодатом, продолжались и позже, в правление Амаласунты (Procop. BG, I, 4. 1—3, 6—8).

В отдельных случаях представители светской знати совершали нападения и на земли церкви. Так, Кассиодор сообщает, что правительство Теодориха было обеспокоено жалобами миланского епископа Евсторгия, просившего защитить от насильственных захватов патримонии его церкви, расположенные в Сицилии. Особым рескриптом 507/511 г. остготское правительство предписывало комиту Адиле оказать помощь и защиту имениям и людям Миланской церкви в Сицилии, и не допускать насилия по отношению к ним со стороны готов или римлян (Cass. Var., II, 29).

Вместе с тем несомненно, что от захватов знати страдали особенно часто мелкие земельные собственники, которые не могли оказать сопротивления могущественным лицам. Именно в силу этого подобные казусы крайне редко попадали на страницы источников, что может привести при недостаточно критическом отношении к искажению действительности.

При этом показательно, что потеря собственности мелкими землевладельцами приводила рано или поздно к потере ими — полностью или частично — статуса свободного человека. Эдикт Аталариха говорит о лишении свободных земли как о массовом явлении; автор подчеркивает, что свободные, потерявшие собственную землицу (juris proprii agellum) вместе с пекулием (cum suo peculio), оказываются вынужденными стать рабами. Правда, Аталарих заявляет, что духу времени враждебна тенденция «возложить ярмо рабства (servitutis juga) на свобод-

ные выи (libera colla)» (Cass. Var., VIII, 28.3), однако он не в состоянии скрыть, что эта тенденция имела место в его время. В том же документе приводится конкретный пример, иллюстрирующий это общее положение: два италийских посессора Констанций и Венерий, чьи земли были захвачены знатным готом, оказались вынужденными стать его рабами.

Не исключена возможность, что и церковь использовала в своих интересах бедственное положение несостоятельных должников из числа мелких посессоров и куриалов; уплатив за них долг, она могла присваивать их земельные участки, а их самих превращать в зависимых людей (E. Theod., 76, 126).

Концентрации земельной собственности в руках знати и потере мелкими землевладельцами их свободы весьма способствовали такие формы поземельных отношений, как патронат и прекарий, зародившиеся в Италии в более раннее время и получившие в период владычества остготов дальнейшее развитие.

Эдикт Теодориха указывает на развитие патроната и на рост частной власти крупных землевладельцев в Италии в конце V — первой половине VI в. Весьма показательными в этом отношении являются предписания эдикта (представляющие при этом оригинальные постановления остготского правительства, а не рецепцию римского права), из которых явствует, что знатные лица использовали права патрона для приобретения земель отдавшихся под их покровительство землевладельцев. С этой целью, в частности, они ставили свои tituli (межевые знаки с обозначением имени владельца имения) на землях разорившихся мелких посессоров, ищущих их защиты и покровительства [48].

Соглашаясь на установление в своих владениях титулов знатных лиц, обедневшие мелкие землевладельцы, видимо, надеялись выиграть тяжбу при покровительстве могущественного патрона. В наказание за подобный проступок виновный терял свое владение (possessio) или хижину (casa), а также право возобновлять тяжбу (E. Theod., 46). Вступление под патронат знатного вельможи и установление межевых знаков с обозначением имени патрона на землях разорившихся посессоров рано или поздно влекли за собой переход этих земель в руки патронов.

Остготское правительство, опасаясь чрезмерного усиления землевладельческой знати, принимало некоторые меры по

---

[48] Обычай устанавливать титулы во владениях фиска и высшей знати восходит еще ко времени Римской империи. Установление титулов с именами владельцев было связано с дарованием некоторых налоговых льгот. Титулами обозначалось привилегированное положение того или иного земельного владения.

ограничению патроната. Так, оно сделало право установления титулов исключительной привилегией фиска. Крупные землевладельцы не могли теперь ставить своих титулов не только на чужих (alienae rei), но даже и на своих землях. Титулы разрешалось ставить лишь на землях короля и во владениях фиска (E. Theod., 45) [49].

В обход этого предписания закона землевладельческая знать ставила в чужих имениях титулы (titulis ingravavit) от имени фиска, с целью захвата этих земельных владений (privata usurpatione detinuit.—C a s s. Var., III, 20. 2). Остготское правительство запретило подобные злоупотребления под страхом смертной казни (E. Theod. 47). Однако вряд ли эти законодательные меры были достаточно действенными. Не случайно Аталариху пришлось вновь запрещать знатным землевладельцам под страхом уплаты штрафа в пользу хозяина земли ставить межевые знаки в чужих владениях. При этом в королевском эдикте прямо указывалось, что некоторые лица находили незаконные пути обхода предписаний Теодориха, ставя межевые знаки на чужих землях от имени короля (majestatem regii nominis.—C a s s. Var., IX, 18.2; см. ниже, стр. 111 сл.). Установление межевых знаков и при преемниках Теодориха, несмотря на строгие запрещения законов, продолжало являться одним из средств захвата знатью чужого имущества, расширения патроната и частной власти крупных землевладельцев.

Рост влияния остготской знати и феодализация остготского общества нашли свое выражение, в частности, в том, что крупные остготские землевладельцы иногда выступали в качестве патронов римлян (C a s s. Var., II, 24—25; III, 5, 20, 36; IV, 39—40, 42; VIII, 31).

Наряду с ростом патроната в Италии в период господства остготов продолжали развиваться и прекарные отношения. К сожалению, крайняя скудость источников не позволяет подробно проследить этот процесс на столь ранней его стадии. Известно только, что в конце V — первой половине VI в. в Италии обедневшие мелкие землевладельцы отрекались от верховного права собственности на свой участок земли и передавали его крупному землевладельцу, оставляя за собой лишь право прекарного пользования этим владением. Сохранившиеся документы сообщают главным образом о прекарных держаниях во владениях церкви. Так, в равеннских папирусах зафиксирована передача Равеннской церкви земель под видом

---

[49] Еще в период Поздней Римской империи крупным землевладельцам было запрещено ставить свои титулы в чужих владениях или прилагать титулы фиска к частным имениям (C. Th., XII, 4.1). Правительство Теодориха, как видим, пошло еще дальше и совсем лишило частных землевладельцев права устанавливать титулы в их имениях.

дарения при условии сохранения права пользования за прежним владельцем. В 491 г. вдова римского посессора Мария вторично оформляла акт дарения Равеннской церкви уже уступленного ею раньше владения, которым она продолжала пользоваться. Владение было небольшим и состояло из маленького именьица, называемого Домицилий, с домом и двором (Mar., 84=Tjäder, 12).

Правительство Теодориха, запретив в 508 г. отчуждение церковных имений, санкционировало, однако, предоставление их в пользование, видимо на условиях прекария и узуфрукта (MGH, Legum Sectio I, t. V, p. 169 sq). Сохранение в документах известий преимущественно о прекарных держаниях на землях церкви отнюдь не исключает наличия прекариев на землях светских землевладельцев.

Отношение остготского правительства к процессу концентрации земельной собственности в руках светской и духовной знати было столь же компромиссным, как и его политика в проведении раздела земель. С одной стороны, правительство Теодориха и его ближайших преемников старалось сохранить слой свободных землевладельцев-воинов, с другой стороны, оно благоприятствовало тенденции остготской знати, римской аристократии и церкви к расширению земельных богатств. Отсюда вытекают постоянные колебания правительства остготов, попытки поставить предел расширению земельных владений, приостановить безудержные захваты наиболее ретивых военачальников и придворных. Но все эти попытки оказывались, как мы видим, непоследовательными и бесплодными.

В эдикте Теодориха мы встречаем неоднократно широковещательные запреты присваивать чужую земельную собственность. Наиболее показательной в этом отношении является статья 34 эдикта Теодориха, категорически запрещающая незаконные захваты чужого имущества. Далее эдикт Теодориха предписывал, чтобы всякого рода претензии на владение имуществом предъявлялись лишь в судебном порядке. Самовольный захват чужого имущества без соответствующего решения суда преследовался законом. Судьи и чиновники их канцелярий, на которых возлагалась обязанность следить за выполнением этого предписания как в провинциях, так и в Риме, в случае если они своими силами не смогут справиться с теми, кто захватывал чужие владения, должны обращаться за помощью в королевский суд (E. Theod., 10).

Однако все эти угрозы эдикта в адрес могущественных лиц оставались, как правило, на бумаге, и остготская администрация не могла (и не хотела) обуздать их посягательства на земли мелких собственников. Кассиодор рассказывает о случаях, когда провинциальные судьи были не в состоянии справиться

с potentiores и вынуждены были прибегать к помощи королевской курии (Cass. Var., III, 21; IX, 18.1).

Но более того, сама королевская власть своей политикой земельных раздач откровенно содействовала росту богатств землевладельческой знати, как светской, так и духовной, и увеличению ее политического могущества.

Анализ рассмотренного материала приводит к выводу, что после раздела, осуществленного остготами и приведшего на некоторое время к укреплению мелкой свободной земельной собственности, снова начался процесс роста крупного землевладения, обусловленный внутренними экономическими причинами,— в первую очередь самым фактом существования в остготской Италии свободноотчуждаемой собственности на землю, аллода. В первой половине VI в. интенсивно складывается крупная собственность, будь то собственность остготской или римской знати, католической или арианской церкви.

Однако возникает вопрос о характере этой собственности. Необходимо выяснить, была ли она по своей природе рабовладельческой или феодальной или же представляла собой тот переходный тип вотчины, который возникал в варварских королевствах в период генезиса феодализма [50]. Сами по себе размеры имения еще не определяют его характера; чтобы установить природу крупной собственности, необходимо выяснить, каковы были формы присвоения прибавочного труда в ней, иначе говоря, необходимо выяснить, каковы были экономические формы реализации права частной собственности в остготской Италии.

---

[50] См. об этом: А. И. Данилов. К вопросу о роли светской вотчины в эпоху генезиса феодализма.— «Средние века», вып. XII, 1958, стр. 127 сл.; А. И. Неусыхин. Основные проблемы истории свободного и зависимого крестьянства в Германии IX—XI вв.— «Средние века», вып. XIII, 1958, стр. 19 сл.

Глава III

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИТАЛИИ В КОНЦЕ V — НАЧАЛЕ VI ВЕКА. ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Кардинальным вопросом истории Остготского королевства для историка-марксиста является вопрос о положении народных масс и формах их эксплуатации. В буржуазной историографии он не получил достаточно глубокого научного освещения. Между тем источники, несмотря на всю их односторонность и тенденциозность, содержат довольно обширный материал, дающий возможность воссоздать, хотя бы в общих чертах, картину положения народных масс, выявить различные категории зависимого населения и проследить изменения, происшедшие в их положении в период правления остготов в Италии.

Изучение законодательных памятников того времени, и прежде всего эдикта Теодориха, показывает несостоятельность теории буржуазных ученых, пытавшихся доказать, что Теодорих заботился об улучшении положения широких народных масс и своими законодательными мерами якобы эффективно защищал интересы угнетенного населения от произвола и притеснений со стороны знати [1].

Ни в чем так ярко не проявляется классовый характер политики остготского правительства, как в законодательных мероприятиях, касающихся народных масс Италии. Во всех без исключения случаях, когда речь идет о взаимоотношениях раба и господина, зависимого человека и его патрона, законодательство самыми суровыми, иногда беспощадными мерами, часто даже более сурово, чем римское право, ограждает интересы господствующего класса, закрепляет зависимое и

[1] E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 132 sq., W. Enßlin. Theoderich der Grosse. S. 97, 227 f.

бесправное положение большинства трудового населения Италии [2].

Эта политика остготского правительства не была обусловлена одним лишь влиянием римского права и римских условий жизни. Она показывает глубокую эволюцию самого остготского общества, рост внутри него социального неравенства, обострение классовых противоречий. Остготская знать потому так охотно использовала суровые постановления римского права относительно зависимого населения, что они соответствовали ее реальным, классовым интересам. Мало того, она еще более развивала и переосмысливала эти постановления, способствуя дальнейшему ухудшению положения народных масс. В этом она находила полнейшую поддержку римской аристократии. Именно на этой основе, на наш взгляд, и оформился, хотя и не надолго, союз остготской и римской знати, направленный фактически против широких масс трудового населения как римлян и италийцев, так и остготов.

§ 1. Рабовладение в Остготском королевстве и положение рабов

В законодательных памятниках, а также в трудах хронистов VI в. сохранилось немало ценных сведений о положении различных категорий зависимого населения Италии в период остготского владычества. Особенно большое внимание уделяется в них вопросу о рабах [3].

Остготское законодательство весьма тщательно регулировало взаимоотношения между рабом и господином, всегда защищая интересы рабовладельцев. Так, из 155 статей эдикта Теодориха в 44 идет речь о рабах и их взаимоотношениях с господами. Довольно часты упоминания о рабах и в «Вариях»

---

[2] О положении зависимого крестьянства в Остготском королевстве см. З. В. Удальцова. Сельское зависимое население Италии VI века. — ВДИ, 1955, № 3, стр. 85 сл.; И. А. Дворецкая. К вопросу о положении зависимого крестьянства в Остготском королевстве.— «Научные доклады высшей школы. Истор. науки», 1959, № 1, стр. 172 сл.

[3] В источниках этого времени раб обозначался терминами: servus (E. Theod., 19, 21, 48, 56, 61, 63, 65, 66, 69, 77, 80, 84—87, 97, 98, 100—102, 104, 109, 117, 118, 120, 121, 148; Cass. Var., V, 16.4; V, 29.2; VI, 8.2; VIII, 28.3; VIII, 33.4); famulus (E. Theod., 142; Cass. Var., I, 30.5; II, 19.2; VI, 1.4—5; VI, 8.1; VI, 9.2; VIII, 31.8; XI, 10.1; XII, 11.3); mancipium (E. Theod., 51, 54, 64, 70, 80, 81, 84, 142, 150, 152; Cass. Var., I, 11.2; III, 18.2; III, 31.4; III, 43. 2). Термин mancipium в большинстве случаев употребляется для обозначения раба (E. Theod., 51, 64, 70, 81, 150); однако иногда под этим названием подразумевались не только рабы, но и другие категории зависимого населения (E. Theod., 80, 84, 142, 152). О рабах см. еще E. Theod., 22, 78, 79, 82, 83, 88, 94, 96, 103, 128, 141, 151.

Кассиодора. Столь пристальное внимание к вопросу о рабах со стороны остготского правительства уже само по себе является свидетельством того, что рабовладение сохранилось в Италии еще в довольно значительных масштабах. Видимо, в этом древнем центре рабовладения изживание рабовладельческих отношений шло несколько более замедленными темпами, чем в Северной Африке, Галлии или других провинциях Западной Римской империи.

С другой стороны, особое внимание к вопросу о рабах, которое мы встречаем в памятниках остготского периода, указывает, что остготская знать, придя к власти в Италии, пытается использовать в своих интересах пережитки рабовладения, нуждаясь в труде рабов для обработки захваченных земель. Это было вполне закономерно, поскольку остготская знать уже и раньше знала рабовладение (хотя и в форме домашнего рабства) и во время завоевания Апеннинского полуострова привела с собой своих рабов, слуг и других зависимых людей, которых она захватила еще в предшествующий период [4]. При разделе земель между остготами и римлянами к остготской знати частично отошли земли, населенные рабами и колонами, и тем самым остготская знать могла использовать труд рабов и колонов, полученных ею по разделу [5]. В период правления остготов в Италии рабство имело еще распространение как во владениях частных лиц, так и в имениях фиска и остготских королей и в патримониях церкви.

Рабы в это время представляли еще важную составную часть имущества как старой римской аристократии, так и новой остготской знати. В эдикте Теодориха особо оговаривается, что в состав движимости включаются также и рабы (mancipia.— E. Theod., 51).

О распространении рабства в имениях крупных землевладельцев не раз упоминается у Кассиодора. Сошлемся, в частности, на послание Аталариха от 527 г., в котором рассказывается, что знатные граждане Бруттия отказываются жить в городах, предпочитая оставаться в своих сельских имениях; тем самым они лишаются удовольствий городской жизни и обречены проводить всю свою жизнь в окружении рабов (cum famulis.— Cass. Var., VIII, 31).

Об использовании труда рабов в имениях (praedia) крупных землевладельцев говорится специально в одном из предписаний эдикта Теодориха (E. Theod., 69). О частновладельческих

---

[4] Ennod. Paneg., VI, 23—26; E. Theod., 70; Iord. Get., 274; См. F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. III, S. 54; Bd. IV, S. 178.

[5] G. Sartorius. Versuch über die Regierung der Ostgothen während ihrer Herrschaft in Italien. Hamburg, 1811, S. 172 f.

рабах, выкупаемых у их господ государством для зачисления во флот, сообщает Кассиодор (C a s s. Var., V, 16.4). У него же мы можем найти документы, особо упоминающие о рабах, принадлежащих римским сенаторам (C a s s. Var., I, 30.5). «История войны с готами» Прокопия содержит немало упоминаний о рабах римско-византийской и остготской знати [6].

Особое внимание привлекают сообщения источников о государственных или королевских рабах (regiae domus famuli). В приведенных у Кассиодора формулах comitivae privatarum и comitivae patrimonii содержатся данные о рабах (famuli, servi), живущих на землях короля. В формуле comitivae patrimonii, в частности, говорится, что одной из основных обязанностей comes patrimonii является надзор за рабами королевских имений (C a s s. Var., VI, 9.2) [7].

Из этих формул явствует, что в королевских имениях рабы имелись в значительном количестве и играли еще важную хозяйственную роль в обработке королевских доменов, хотя с течением времени (еще в правление Теодориха) подобное положение стало несколько меняться, поскольку увеличился удельный вес труда свободных арендаторов.

Наряду с сельскими рабами, жившими в королевских доменах, государственные рабы работали в королевских ремесленных мастерских — оружейных, по изготовлению пурпура (C a s s. Var., VII, 19—20), гончарных (C a s s. Var., II, 23), использовались на общественных работах при сооружении дворцов, храмов, водопроводов (C a s s. Var., III, 31), привлекались для строительства королевского флота (C a s s. Var., V, 16). Труд рабов применялся в рудниках при добыче ценных металлов и в горных разработках. Среди государственных рабов немало было и королевской челяди, обслуживавшей дворец короля (Cass. Var., VI, 9; VII, 11.10). В положении отдельных категорий государственных рабов имелись существенные различия. В то время как большинство государственных рабов выполняло самые тяжелые работы в рудниках, каменоломнях, королевских мастерских и в доменах короля, известная их часть использовалась в качестве вооруженных отрядов вилликов, находившихся в ве-

---

[6] Οἰκέται — P r o c o p. BG, I, 25. 2—3; III, 16.14 и 25; δοῦλοι — ibid., I, 16.15; IV, 30.2.

[7] В формуле comitivae privatarum при этом подчеркивалось, что прежде comes privatarum почти не мог выполнять полномочий судьи, поскольку он имел дело исключительно с рабами, лишенными по закону каких-либо юридических прав (C a s s. Var., VI, 8.2). Теперь же функции его расширились, и он стал разбирать судебные дела об имуществе свободных лиц, по-видимому, из числа свободных арендаторов, населявших королевские имения, а также ведать городскими владениями короля (C a s s. Var., VI, 8. 4—5).

дении комита патримониев; этим отрядам поручался надзор за основной массой рабов и зависимых людей, работавших во владениях короля, и за порядком в королевских доменах (C a s s. Var., V, 39.15). Некоторые рабы из личных слуг короля могли пользоваться его милостями (C a s s. Var., XI, 10), выполнять его особые поручения или даже занимать низшие хозяйственные должности при дворе (C a s s. Var., XII, 11.3). Однако положение раба всецело зависело от воли господина.

Рабами владела и церковь — как арианская, так и католическая. Так, в эдикте Теодориха сказано, что духовенство не только располагало рабами, но и могло принимать беглых рабов, нашедших убежище в церкви, при условии соответствующей компенсации их хозяевам (E. Theod., 70).

Историк Равеннской церкви Агнелл рассказывает, что Юстиниан после победы византийских войск над остготами конфисковал имущество арианских церквей, в том числе их рабов (servos) и рабынь (ancillas) (A g n., 85) [8].

Труд рабов использовался не только в имениях крупных землевладельцев из числа римской и остготской знати, во владениях фиска и церкви, но также и в хозяйстве мелких земельных собственников и даже рустиков. Об этом говорит эдикт Теодориха, запрещающий кому-либо использовать труд раба, принадлежащего чужому рустику, без согласия на то самого рустика, его кондуктора или господина (E. Theod., 150).

В большинстве статей эдикта Теодориха, касающихся вопросов о рабах, речь идет в первую очередь о сельских рабах, труд которых непосредственно использовался в сельскохозяйственном производстве. В статье 142 эдикта Теодориха упоминается о сельских рабах (*mancipia rustica*) обоего пола, живущих в имениях (praedia) землевладельцев, причем сельские рабы противопоставляются городским. Раб (servus) вместе с колоном называется в качестве виновника пожара, возникшего на поле господина, в результате чего были повреждены соседние фруктовые деревья или леса, виноградники или посевы (E. Theod., 98). Рабы и колоны совместно упоминаются в статье эдикта, запрещающей нарушать границы чужого поля и уничтожать межевые знаки (E. Theod., 104). Эдикт сурово преследует раба, поджигающего виллу или хижину (E. Theod., 75, 97).

Рабы и оригинарии строго наказываются за угон скота (E. Theod., 56—58). О потраве посева скотом и о воровстве, совершенном рабом, говорится в одной и той же статье эдикта

---

[8] В письме папы Пелагия I (556—561) строго предписывалось одному из епископов Италии заботиться о том, чтобы не уменьшалось число зависимых от церкви людей, в том числе и рабов (mancipia); папа требует, чтобы епископ соблюдал интересы церкви при обмене рабов-ремесленников (artifex) на рустиков или колонов (JK 956).

(E. Theod., 117). Во многих статьях эдикта раб упоминается совместно с колоном, оригинарием или рустиком, т. е. с различными категориями зависимого сельского населения Италии (E. Theod., 142, 150, 152).

В источниках проводится четкое разграничение между сельскими и городскими рабами. Кассиодор не только отчетливо противопоставляет сельских (mancipia rustica) и городских рабов (mancipia urbana), но и указывает на различие их положения. При этом он считает, что положение сельского раба, работающего на полях, улучшается в том случае, если его переводят в число городских рабов (Cass. Var., III, 18; VIII, 33; ср. E. Theod., 142).

Прокопий рассказывает как Велисарий выселил из осажденного готами Рима городских рабов, опасаясь их союза с врагами империи (Procop. BG, I, 25.2).

О применении рабского труда в ремесленном производстве сохранились крайне скудные сведения. Помимо рабов, работавших в государственных ремесленных мастерских, известны servi urbani или mancipia urbana, принадлежавшие городской знати и занятые в частновладельческих мастерских. Рабы-ремесленники в Остготском государстве, как и в других государствах того времени, ценились выше чем рабы-земледельцы [9]. Рабы-рыбаки освобождались от набора в королевский флот (Cass. Var., V, 16.5).

Итак, в Остготском королевстве труд рабов еще не потерял своего значения в производстве и применялся как в сельском хозяйстве, так и ремесле. Вместе с тем римская и остготская знать использовала рабов и в качестве домашних слуг (Cass. Var., V, 29, 30; VIII, 33).

Мы видели, таким образом, что остготская знать была заинтересована в сохранении рабства и использовании труда рабов для обработки своих имений. Поэтому неудивительно, что королевская власть, выражавшая интересы остготской знати, открыто и последовательно защищала неограниченные владельческие права господ на их рабов.

Эдикт Теодориха и другие законодательные предписания остготских королей всецело охраняют права господ на владение их рабами. Раб по-прежнему считается полной и неотъемлемой собственностью господина. В случае убийства кем-либо чужого раба (или рустика) господин может по своему усмотрению или

---

[9] Так, в «Диалогах» папы Григория I подробно рассказывается о том, как некий епископ Павлин, добровольно продавший себя в рабство, лишь после того как он заявил хозяину, что не знает никакого ремесла, был послан выращивать овощи и ухаживать за садом, т. е. хозяин отправил его на сельскохозяйственные работы (Greg. I, Dial. III, 1—3).

возбудить уголовное дело и требовать смертной казни преступника, или же предъявить виновному гражданский иск и взыскать в качестве возмещения за убитого двух других рабов той же стоимости [10].

Закон строго ограждал права собственности рабовладельца на раба. Беглый раб разыскивался и возвращался хозяину; беглец не мог быть ни продан, ни подарен лицом, его принявшим (E. Theod., 87). Продажа раба, уже неоднократно совершавшего побеги, не признавалась законной, и в случае если бы раб убежал от нового хозяина, прежний господин раба обязан был вернуть его стоимость (E. Theod., 141).

Защита интересов рабовладельцев особенно ярко проявляется в предписаниях эдикта Теодориха, касающихся церковного убежища для беглых рабов. Статья 70, посвященная этому вопросу, гласит: «Если какой-либо раб любого племени будет искать убежища в какой-нибудь церкви [11], пусть он немедленно будет передан господину при условии прощения: мы предписываем, чтобы он там оставался не более одного дня. В случае его отказа покинуть убежище пусть духовное лицо, архидиакон той самой церкви или пресвитер и клирики, принудят (compellant) его возвратиться к господину и пусть без промедления передадут его господину, и пусть он дарует прощение рабу».

Таким образом, духовенство, выполняя свою социальную функцию защиты интересов господствующего класса, обязано было прежде всего заботиться о возвращении беглых рабов их хозяевам, даже применяя для достижения этой цели меры принуждения. Лицемерная оговорка о прощении господином беглого раба как условии его возвращения вряд ли имела реальное значение, ибо если господин даже и давал обещание простить «провинившегося» раба, то, получив беглеца в свои руки, он мог, конечно, в дальнейшем безнаказанно нарушать это обещание и расправляться с рабом по своему усмотрению.

В отдельных случаях духовенство имело право оставить у себя беглого раба, но обязано было выдать за него другого раба той же стоимости (E. Theod., 70). Не подлежит сомнению, однако, что это делалось отнюдь не из гуманных стремлений духовенства облегчить участь беглого раба и спасти его от гнева господина, а из чисто практических соображений возможности использовать труд раба в церковном хозяйстве, а

---

[10] E.Theod., 152. В основном это предписание носит оригинальный характер. По-видимому, принцип возмещения ущерба, приведенный в данной статье эдикта, восходит к нормам германского права (возврат не цены раба в двойном размере, а возвращение господину двух других рабов той же стоимости). (F. Bluhme in: MGH, Legum sectio I, t. V, p. 168). Из римского права (C. Th., IX, 20) заимствована лишь альтернативная замена уголовного процесса гражданским иском.

[11] Имеются в виду как католические, так и арианские церкви.

также в целях идеологического воздействия на народные массы путем создания у них представления о церкви как о защитнице всех угнетенных и обездоленных.

В конечном же счете все законодательные предписания, касающиеся права церковного убежища для беглых рабов, защищают интересы господ, используя для этого авторитет церкви. В особенно неприкрытом виде эта социальная направленность остготского законодательства проявляется в заключительной части вышеприведенной статьи, где говорится, что если господин сможет захватить вне церкви беглого раба, укрывавшегося в церковном убежище, то он немедленно забирает его себе.

Таким образом, постановления остготского правительства, предписывавшие духовенству возвращать укрывавшихся в церкви рабов их прежним хозяевам, фактически сводили на нет право церковного убежища для беглых рабов. Это право было выгодно прежде всего самой церкви, так как поднимало ее политический авторитет. Государство охраняло привилегии церкви, способствовало укреплению ее влияния, но взамен этого церковь верой и правдой служила интересам господствующего класса, выполняя свои социальные функции.

Это все показывает лживость и лицемерность созданной буржуазной историографией теории, согласно которой церковь в средние века якобы являлась защитницей всех страждущих и угнетенных, заботилась об освобождении рабов и их защите от произвола господ и постепенно смягчала рабство [12].

Потерянный господином и вновь найденный раб возвращался старому хозяину. Так, по приказанию Теодориха, знатному ретийскому землевладельцу Мониарию были возвращены его рабы, похищенные племенем брионов (Cass. Var., I, 11). Другой крупный землевладелец Маги, как мы видели, по возвращении из плена получил обратно не только утерянные им имения, но и всех своих сельских и городских рабов (mancipiis urbanis aut rusticis. — Cass. Var., III, 18; см. выше, стр. 53).

Подобную политику Теодорих проводил и в завоеванных остготами землях. Так, после завоевания его войсками Южной Галлии был проведен массовый возврат прежним владельцам всех рабов, захваченных другими собственниками (Cass. Var., III, 43.2).

Вместе с тем в некоторых случаях правительство Теодориха в угоду остготской знати особо ограждало интересы новых владельцев и гарантировало их права на вновь приобретенных ими рабов и колонов. Эдикт Теодориха подтверждал право 30-летней давности владения рабом (servus). Это предписание

---

[12] A. Hadjinicolaou-Marava. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin. Athènes, 1950. См. рецензию М. Я. Сюзюмова на эту книгу (ВВ, т. V, 1952, стр. 280—284).

защищало интересы новых хозяев от притязаний как со стороны частных лиц, так и со стороны фиска. При этом особо оговаривалось, что закон о 30-летней давности владения рабом вступает в силу лишь в том случае, если старый хозяин не уплачивал за раба государственные налоги [13]. Эта статья направлена не на охрану прав старых владельцев, которые могли добиться возврата своих рабов, мотивируя тем, что они уплачивали за рабов государственные подати, а на пресечение всяческих «мошеннических махинаций», связанных с ложными показаниями об уплате налогов прежними господами.

Права новых владельцев учитываются и в другой статье эдикта Теодориха, которая гласит следующее: «Рабы и колоны, захваченные в плен и вернувшиеся на родину, возвращаются прежнему господину, за исключением того случая, когда они были проданы врагам и куплены каким-либо другим лицом» (E. Theod., 148).

К новым господам переходят и все обязательства, связанные с владением рабом; так, в эдикте особо оговаривается, что в случае продажи или дарения раба, совершившего воровство, за его проступок отвечает уже новый хозяин, а в случае отпуска на волю — сам вольноотпущенник (E. Theod., 120; ср. Paul. Sent., II, 31.8).

В эдикте Теодориха и в «Вариях» Кассиодора имеются прямые свидетельства того, что крупные землевладельцы Италии, остготы и римляне, были настолько заинтересованы в использовании труда рабов, что не останавливались перед любыми незаконными способами их приобретения. Например, весьма распространено было насильственное похищение свободных и превращение их в рабов. Это явление приобрело столь опасные размеры, что правительство должно было принять против него строгие меры и наказывать подобные преступления смертной казнью (E. Theod., 78). О насильственном удержании в рабстве свободнорожденных лиц и о превращении в раба свободного человека сообщают и другие статьи того же эдикта (E. Theod., 79—83).

О многочисленности подобных случаев насильственного обращения в рабство свободных людей сообщает и Кассиодор. В одном из писем Теодориха, датируемом 523/526 г., рассказывается как свободный гот по имени Гудила был незаконно обращен в рабство могущественным лицом из остготской знати (Cass. Var., V, 29; ср. ibid., II, 18; IX, 24). Остготское правительство принуждено было в силу ряда причин, указанных

---

[13] E. Theod., 69. В основе постановления лежит закон Майориана о куриалах (Maiorian. Nov. VII, 1.1—2), однако в значительно измененном виде.

выше, несколько ограничить эти незаконные захваты свободных людей знатью и превращение их в рабов[14]. Однако правящие круги остготского общества были слишком заинтересованы в приобретении дешевой рабочей силы[15], поэтому под их давлением в законодательство были включены такие оговорки, которые могли при благоприятных обстоятельствах дать возможность богатым и влиятельным лицам обойти строгие предписания закона.

Так, особая статья эдикта освобождала от ответственности лиц, купивших рабов у их похитителя (plagiator), в том случае если они не знали, что те были похищены (E. Theod., 81). Богатым и влиятельным лицам не стоило, понятно, особого труда доказать, что они не знали о похищении, и тем самым освободиться от ответственности.

Другое предписание эдикта Теодориха открывало знати некоторые обходные пути для удержания свободных людей в рабстве. Согласно этому постановлению свободный человек, похищенный, а затем проданный кому-либо, мог окончательно потерять свою свободу, если покупателю удавалось доказать, что тот с целью извлечения выгоды добровольно по договоренности с продавцом дал согласие на продажу в рабство (E. Theod., 82). На основании подобного рода показаний знатные и влиятельные лица получали возможность удерживать в рабстве свободных людей[16].

Остготское правительство в угоду крупным землевладельцам пошло даже на некоторое смягчение установлений римского законодательства, направленных против лиц, удерживающих свободных людей в рабстве или занимающихся их куплей-продажей. Так, по эдикту Теодориха, тот, кто скроет происхождение свободного человека, продастего или купит, зная, что это свободорожденный, подвергается, если он из людей низкого происхождения (humiliores), после наказания палками вечной ссылке,

---

[14] В варварских правдах также запрещалось похищение, переманивание чужого раба и принятие беглого (Lex Salica, XXXIX, 1—3; Lex. Burg., VI; Lex. Alam. Carol., III, 2—3; LXXXV).

[15] Превращение свободного земледельца в раба обычно связано с захватом его участка земли, что также могло привлекать могущественных лиц (Cass. Var., VIII, 28).

[16] Следует, кроме того, отметить, что наследники обычно не отвечали за похищение свободных людей, совершенное их родителями. Так, одно из предписаний эдикта Теодориха устанавливало, что, если похититель (abactor), переманиватель (sollicitator) и вор (fur) умрет до того, как он будет обвинен по приговору судьи, то его наследники не отвечают за преступление, кроме тех случаев, когда пострадавшему необходимо возвратить именно то имущество, которое они получили по наследству (E Theod., 88). Это постановление также было некоторым смягчением строгих мер, принимаемых против похищения свободных людей и их порабощения.

если же из знатных (honestiores), то после конфискации трети имущества он карается ссылкой на 5 лет (E. Theod., 83). В римском же праве за подобные преступления устанавливалось значительно более суровое наказание: лицо незнатного происхождения наказывалось ссылкой в рудники или распятием на кресте, знатные же граждане, после конфискации половины имущества, отправлялись в вечное изгнание [17].

Смягчение наказания за подобные преступления в остготском законодательстве, в котором в подавляющем большинстве случаев наказания значительно строже, чем в римском праве, нельзя считать простой случайностью; наоборот, оно свидетельствует, что остготская знать, находившаяся у кормила правления в Остготском королевстве, была заинтересована в сохранении рабства.

Наряду с насильственным захватом свободных людей и обращением их в рабство крупные собственники прибегали и к другим средствам приобретения рабочих рук, необходимых для возделывания их полей. Так, весьма распространенным явлением в те времена было переманивание крупными землевладельцами чужих рабов и оригинариев. В остготском законодательстве оно обычно наказывалось не только возвращением раба господину, но и возмещением потерпевшему убытков [18].

Кассиодор также рассказывает о переманивании крупными землевладельцами чужих рабов и о их возвращении по предписанию правительства прежним хозяевам (C a s s. Var., III, 43). Кроме того, крупные землевладельцы часто принимали и укрывали у себя беглых рабов и колонов, используя их труд в своих имениях. Эдикт Теодориха запрещает принимать беглого раба или чужого колона под страхом материальной ответственности. Виновный в совершении подобного проступка должен возвратить хозяину не только беглого раба вместе с его пекулием, но и в придачу передать ему еще другого раба той же стоимости (E. Theod., 84). При этом в эдикте указывается,

---

[17] Dig., XLVIII, 15.6 § 2.

[18] «Тот, кто переманит (sollicitaverit) чужого раба, пусть отдаст господину трех других (рабов) той же самой стоимости и его самого с его пекулием». «Если кто-либо принимается кем-нибудь, bona fide на основании того, что он называет себя свободным, у принявшего его должно возникнуть опасение, как бы тот не привел его к тяжбе, и следует, чтобы он открыто заявил, что он свободный; если это будет сделано, то тогда, когда раб (servus) или оригинарий будет потребован и будет доказано его зависимое положение, пусть он будет возвращен один, без причинения ущерба принявшему его» (E. Theod., 80). Это важное предписание эдикта Теодориха, как по своему содержанию, так и по форме является вполне оригинальным постановлением остготского правительства и лишь в незначительной степени испытало влияние римского права. (C. J., VI, 2).

что «тот, кто против воли господина держит у себя чужого раба, совершает кражу» (E. Theod., 86) [19].

Законодательством вводилось разграничение различных случаев удержания беглых рабов: тот, кто без переманивания (sollicitatio) удерживает у себя беглого раба или колона, обязан возвратить этого раба вместе с его пекулием прежнему хозяину и дать в придачу одного раба; если же это случится во второй или в третий раз, то виновный наказывается уже как sollicitator, т. е. он должен вернуть прежнему хозяину, кроме беглого раба, трех других рабов той же стоимости (E. Theod., 84).

Эдикт Теодориха предусматривал случай, когда господин раба сам подсылал его с корыстными целями в чужой дом, ибо при этом господин мог рассчитывать получить обратно не только своего раба, но в придачу еще троих. Для раскрытия подобных злоупотреблений закон предписывал пытать раба, и если выяснялось, что он действительно был подослан господином, раб немедленно передавался фиску (E. Theod., 84). Таким образом, за преступления своих господ в конечном счете расплачивались рабы, подвергавшиеся жесточайшим пыткам при расследовании дела, а господа рисковали лишь потерей раба.

Не подлежит сомнению, что постановления остготского законодательства, направленные против укрывательства беглых рабов, прежде всего отражали стремление правительства оградить права рабовладельцев на их собственность — рабов. Но с другой стороны, эти постановления свидетельствуют о борьбе внутри господствующего класса за использование труда рабов; причем в этой борьбе крупные землевладельцы широко применяли такие методы, как похищение и переманивание чужих рабов, а также принятие беглых рабов и колонов. Вместе с тем все эти данные показывают, что рабство как особый институт оставалось весьма распространенным явлением социально-экономической жизни Италии VI в.

В течение всего периода владычества остготов в Италии продолжала существовать и работорговля. Источники, и в частности законодательные памятники, упоминают о торговле рабами и о заключении различных сделок, касающихся купли и продажи рабов [20], а также их дарения [21].

---

[19] Это же постановление повторяется и в другой статье эдикта: «Если кто-нибудь, будучи осведомленным, примет рабов, переманенных или воровским образом похищенных другим лицом, тот обязан не только заявить об этом и отдать их, но и должен быть привлечен к ответственности за совершение кражи» (E. Theod., 85).

[20] E. Theod., 78, 81—83, 87, 101, 120, 141, 142, 148. Прокопий рассказывает, что во время войны с Византией остготы купили за большие деньги у герулов рабов (ἀνδράποδα) и скот (Procop. BG, II, 22.6).

[21] E. Theod., 51, 87, 120.

Источниками рабства, помимо работорговли, являлись как военные походы, дававшие, по-видимому, некоторый приток рабов, так и насильственное обращение в рабство свободнорожденных италийцев (E. Theod., 78, 81, 82, 83; Cass. Var., VIII, 28.1) и обедневших готских воинов (Cass. Var., V, 29. 1; 30). Сохранились также и другие страшные язвы рабовладельческого общества — самопродажа бедняков и продажа в рабство детей (E. Theod., 94; Cass. Var., VIII, 33).

Случаи самопродажи, по-видимому, имеются в виду и в предписании эдикта Теодориха, сообщающем, что бедняки добровольно соглашались на продажу в рабство за известное вознаграждение, получаемое ими от продавца (E. Theod., 82).

В одном из правительственных рескриптов (от 527 г.), приведенных у Кассиодора, рассказывается, как разорившиеся свободные крестьяне Южной Италии были принуждены вследствие крайней нужды продавать своих детей (pueri ac puellae diverso sexu) в рабство на ярмарке в Лукании, близ местечка Левкотеи, богатым горожанам (Cass. Var., VIII, 33.4).

Источником рабства по-прежнему оставался и естественный прирост рабов. Согласно предписаниям остготского законодательства, заимствованным из римского права, дети, рожденные от союза свободного человека и рабыни, становились рабами [22]. Таким образом, в Остготском королевстве не были уничтожены те источники, которые питали институт рабства в Римской империи.

В Остготском государстве переход из рабского состояния на положение свободного человека был по-прежнему затруднен (E. Theod., 96). Остготское законодательство в этом отношении не только заимствовало постановления римского права, но и внесло в них существенные изменения. Так, в эдикт Теодориха было включено особое постановление о том, что если «человек из рабского состояния (ex possessione servitutis) взывает к свободе, то его защитник (defensor) обязан доказать, что он по происхождению свободный (E. Theod., 96). Таким образом, свободный человек, обращенный в рабство, не мог без посредничества какого-либо влиятельного покровителя, выступающего его защитником, возбудить дело о своем освобождении. В отличие от этого, согласно предписаниям римских юристов, свободный человек, незаконно обращенный в рабство, самостоятельно мог возбудить дело о возвращении ему свободы, без посредства защитника, и мог сам выступать в качестве истца (Dig., XL, 12.7; C. J. VII, 16). Таким образом, законодательство остготского правительства, фиксируя изменения в социаль-

---

[22] E. Theod., 65; C. Th., V, 10.1; Dig. I, 5.

но-экономических отношениях того времени, особо оговаривает участие какого-либо защитника, обычно из числа знати или высшего духовенства, в судебных процессах, занимающихся разбором дел о возвращении свободы незаконно обращенным в рабство людям [23]. Тем самым фактически освящалось такое положение, когда «взывающий к свободе» человек отдавался во власть какого-либо могущественного лица, выступающего в качестве его защитника. Ибо ясно, что подобный «защитник» оказывал высокое покровительство отнюдь не бескорыстно; скорее всего, получивший его защиту, даже и освободившись от рабства, попадал в зависимое положение от своего покровителя. Иными словами, правительство Теодориха открывало еще один путь остготской и римской феодализирующейся знати и высшему духовенству Италии для приобретения столь необходимых им рабочих рук.

Этнический состав рабов в Италии в период остготского владычества был весьма пестрым: наряду с рабами из местного итальянского населения было много рабов-варваров, в частности готов, ибо, как известно, обедневшая часть свободных готов нередко превращалась в рабов (E. Theod., 70; Cass. Var., V, 29—30).

Юридический статус раба в Остготском государстве почти не изменился; раб, как и раньше, оставался лишенным всех гражданских и политических прав, а между свободными и рабами в правовом отношении продолжала сохраняться резкая, непроходимая грань. Кассиодор особо подчеркивает, что свободнорожденные не должны выполнять рабские работы (ab ingenuis famulatum quaerere non decet), — тем самым он весьма отчетливо противопоставляет свободнорожденных и рабов (Cass. Var., V, 39.15).

Рабы в Остготском государстве по-прежнему не могли занимать государственные должности и нести военную службу (Br. C. Th., X, 5.5). Лишь в некоторых, по-видимому чрезвычайных, случаях остготское правительство принуждено было несколько отступить от установленного правила, запрещавшего рабам нести военную службу.

Так, правительство Теодориха, не имея своего флота и крайне в нем нуждаясь, производило набор моряков из числа пригодных к морскому делу и желавших поступить на морскую службу рабов. Однако при этом рабы освобождались, а их хозяевам государство выплачивало соответствующее вознаграждение. И только после того как раб становился сво-

---

[23] Лишь в отдельных случаях, в виде исключения, по предписанию короля свободные готы, обращенные незаконным образом в рабство, могли сами отстаивать в суде свою свободу (Cass. Var., V, 29).

бодным человеком, он зачислялся во флот и получал государственное содержание [24] (C a s s. Var., V, 16).

Рабы не имели юридической правоспособности (E. Theod., 48, 51, 96; C a s s., Var., VI, 8.2). Они не могли выступать в суде в качестве свидетелей против своих господ (E. Theod., 48). Остготское правительство, следуя в этом отношении за предписаниями римских юристов, запрещало выслушивать показания вольноотпущенников, оригинариев или рабов, доносивших на своих господ и патронов или на их детей (E. Theod., 48). Уличенные в совершении доноса на своих господ, они карались смертной казнью еще до разбора дела (E. Theod., 48; ср. C.Th., IX, 6.3; C. J., III, 6). Исключение делалось лишь в случае совершения преступления об оскорблении величества, ибо по столь важным политическим делам принимались во внимание показания даже рабов [25]. Если раб являлся свидетелем, он всегда подвергался пытке. Остготское правительство, ограждая в своих законодательных постановлениях интересы господствующего класса, включило в эдикт Теодориха ряд предписаний, отличающихся крайней жестокостью по отношению к рабам. Например, тот, кому было необходимо получить показания чужого раба во время судебного разбирательства, мог, уплатив хозяину стоимость раба (в размере, назначенном самим господином), подвергнуть его пытке (E. Theod., 100; ср. P a u l. Sent., V, 16.3). Тем самым фактически узаконивалось право господина торговать жизнью раба, ибо жестокие пытки, которым подвергались рабы во время судебных расследований, всегда могли закончиться их смертью [26].

В эдикте Теодориха предусматриваются случаи, когда рабовладельцы, желая скрыть свои преступления и опасаясь, как бы рабы под пыткой не разоблачили их, прибегали к незаконным уловкам, чтобы помешать допросу рабов. Так, одним из наиболее распространенных методов устранения чужого раба, который мог бы стать опасным свидетелем, была его покупка. В подобном случае закон предписывал не только расторгнуть акт о продаже и вернуть хозяину стоимость раба, но и

---

[24] Содержание отпущенного на волю раба было меньшим, чем свободного, который получал 5 солидов, тогда как бывший раб — всего 2—3 солида, в зависимости от рода службы во флоте (C a s s. Var., V, 16.5).

[25] E. Theod., 49. Согласно Вестготской Правде, рабы тоже не могли давать свидетельские показания против своих господ, за исключением дел о государственной измене и о чеканке фальшивой монеты (Lex Visig., VI, 1.3. См. А. Р. К о р с у н с к и й. Рабы и вольноотпущенники в Вестготском государстве VI—VII веков.— «Средние века», вып. IV, 1953, стр. 14).

[26] Это постановление было выгодно и хозяевам рабов, которые, воспользовавшись тем, что для покупателя было крайне важно приобрести раба-свидетеля, могли назначать за него любую, весьма высокую цену.

произвести расследование против того, кто «таким бесчестным образом его купил» (E. Theod., 100; ср. P a u l. Sent. V, 16.7). Во время этого расследования раб все равно подвергался пытке. Законодательство предусматривало и случаи, когда господа отпускали своих рабов на свободу из страха, что те под пыткой раскроют их преступления. Однако закон предписывал, чтобы расследование все равно состоялось, а раб, даже отпущенный на волю, подвергся пытке (E. Theod., 102; ср. P a u l. Sent. V, 16.9).

Вместе с тем последнее постановление показывает, что в известных случаях (не только при государственной измене) рабы действительно могли давать показания против своих господ [27]. Однако внесение в эдикт Теодориха подобных предписаний отнюдь не свидетельствует о проявлении правовой самостоятельности рабов, как полагают некоторые исследователи [28], ибо для раба привлечение к судебному процессу было всегда связано с унизительнейшей и опасной для жизни процедурой дачи показаний под пыткой [29].

Остготское правительство, заимствуя подобные предписания из римского права, исходило прежде всего из государственных интересов, поскольку показания рабов нередко помогали раскрыть преступление.

По сравнению с законодательством других варварских королевств нормами остготского права реже разрешалось обращать в рабство лиц, совершивших преступления, но это делалось отнюдь не из гуманного отношения к рабам: закон стремился оградить свободных от обращения в рабство [30].

В остготском законодательстве, как и в римском праве, проводится резкое различие в мере наказания за проступки, совершенные рабом и свободным человеком [31].

Вместе с тем в эдикте Теодориха различалось, совершил ли раб или другой зависимый человек преступление по соб-

---

[27] Согласно остготскому законодательству, рабы подвергались жестоким пыткам также и для раскрытия различных злоупотреблений их господ, в частности таких, как злонамеренная посылка раба в чужой дом с корыстными целями (E. Theod., 84).

[28] И. Д в о р е ц к а я. К вопросу о положении зависимого крестьянства в Остготском королевстве, стр. 181.

[29] Пытки рабов при расследовании различных судебных дел были узаконены и в некоторых варварских правдах (Lex Salica, XL; Lex Burg. Gundob., VII). Свободные же люди в Остготском, да и в других варварских государствах очень редко подвергались пыткам (C a s s. Var., III, 46).

[30] В Остготском королевстве обращением в рабство карался конкубинат (C a s s. Var., IX, 18.7). В других варварских королевствах обращение в рабство в качестве кары за различные преступления было более распространено (Lex Burg. Gundob., XXXVI; Lex Alam. Hlotharii, XXXIX).

[31] E. Theod., 56, 61, 63, 64, 104.

ственной воле или по приказанию своего господина. Если преступление было совершено рабом по собственной воле, господам предоставлялось право возместить из своих средств ущерб или же передать дело в суд. Уголовные преступления рабов обычно наказывались по решению суда: тем самым функцию сурового наказания рабов (как и в Поздней Римской империи) принимало на себя государство, несколько ограничивая произвол господ (Cass. Var., I, 36) [32].

Однако даже в том случае, когда преступление было совершено рабом по прямому приказанию господина, раб все же подвергался жестокому наказанию, в то время как его хозяин, истинный виновник преступления, обычно отделывался лишь денежным штрафом. Так, эдикт Теодориха устанавливает, что если раб или колон по приказанию своего господина нарушил границы чужого поля и уничтожил межевые знаки, то господин наказывается лишь конфискацией третьей части имущества, а сам раб или колон карается смертной казнью [33].

Крайне жестоко в отношении рабов и другое предписание эдикта Теодориха, гласящее, что раб, если он похитит чужую рабыню или оригинарию с ведома или по приказанию кондуктора, подвергается смертной казни, а кондуктор наказывается как соучастник преступления. Если же похищение произведено с ведома и по приказанию господина, то раб все равно карается смертной казнью, в то время как господин терпит лишь материальный ущерб (имение, из которого происходил похититель, отбирается в пользу фиска) [34].

Бывали случаи, когда рабовладельцы принуждали своих рабов совершать самые тяжкие преступления. Так, напри-

---

[32] Так, если по неосторожности раба или колона на поле господина возникнет пожар, который причинит ущерб соседям, то господин вправе возместить убыток пострадавшим или выдать раба для наказания судье (E. Theod., 98). Если раб или оригинарий угонит скот, господин выдает его судье для казни или же возмещает причиненный им ущерб в четырехкратном размере (E. Theod., 56. Ср. E. Theod., 109, 117, 118, 120, 128).

[33] E. Theod., 104. Ср. ibid., 21, 117, 118. Следует подчеркнуть особую оговорку эдикта о том, что раб и колон караются смертной казнью независимо от того, было ли преступление совершено ими по приказанию господина или нет. Оговорка эта была внесена остготским правительством, а отнюдь не заимствована из римского права. Более того, в римском праве за нарушение границ чужого поля рабы ссылались в рудники (Paul. Sent., V, 22.2); в эдикте же Теодориха за аналогичное преступление они предаются смертной казни. Следовательно, в беспощадности в отношении рабов остготское законодательство в данном случае идет даже дальше, чем римские юристы.

[34] E. Theod., 22. Ф. Дан полагает, что эта норма заимствована из германского права (F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 86). В Салической Правде за похищение девушки свободный человек карался денежным штрафом (Lex Salica, XIII, 1—6), а раб — смертной казнью (Lex Salica, XIII, 7).

мер из статей 77 и 75 эдикта Теодориха можно видеть, что господа нередко использовали рабов для вооруженного нападения на владения соседей и насильственного захвата чужого имущества. Аналогичные данные содержит и статья 109. Закон предписывал в подобных случаях беспощадно наказывать рабов, хотя они являлись лишь орудием выполнения воли господина. Кассиодор рассказывает об одном сенаторе, который приказал своему рабу убить свободного человека. Когда же преступление было раскрыто, ему пришлось во избежание королевской немилости выдать раба для казни и уплатить высокий денежный штраф в 40 либр золота (Cass. Var., I, 30). В большинстве случаев, однако, ответственность господина была значительно меньшей [35].

Эдикт особенно сурово карал рабов за те правонарушения, которые носили характер социального сопротивления со стороны угнетенных или задевали классовые и сословные привилегии господствующего класса. Так, за поджог дома или виллы рабов сжигали (E. Theod., 97). За связь со знатной женщиной раб предавался сожжению, а женщина — смертной казни за то, что уступила рабской страсти (servili libidini.—E. Theod., 61) [36]. Если чужой раб (servus alienus) или оригинарий совершит насилие над свободной (ingenuam) девушкой или вдовой, то он после расследования дела в присутствии господина карается смертной казнью (E. Theod., 63). Свободный же человек, совершивший насилие над чужой девушкой-рабыней (ancillam alienam virginem) или оригинарией, уплачивал лишь вознаграждение в пользу хозяина девушки. Бедный человек подвергается более строгому наказанию, но все же, конечно, наказывается значительно мягче, чем раб [37].

---

[35] Так, в статье 118 эдикта читаем: «Если за кражу, совершенную рабом, господин будет вызван в суд и предпочтет скорее выдать раба, чем защищать его на суде, он все же обязан уплатить ту сумму, какую он, как будет доказано, получил от этого воровства» (ср. Dig., IX,4.33; C. J., III, 41.4). Другими словами, даже если господин явно соучаствовал в краже, он отвечал точно так же, как и в случае, если кража была совершена по инициативе самого раба, т. е. или соглашался возместить потерпевшему убытки, причиненные рабом, или же предавал раба казни (noxae datio. E. Theod., 117; Lex Rom. Burg., 15,1). По Салической Правде за кражу раб подвергался телесному наказанию, а свободный уплачивал штраф (Lex Salica, XII, 1—2; XL, 1).

[36] Согласно предписанию Бургундской Правды, раб за связь со свободной женщиной подвергался смертной казни; женщину же, совершившую подобное преступление, или убивали ее родные, или обращали в рабство (Lex Burg. Gundob., XXXV, 3).

[37] E. Theod., 64. Согласно Бургундской Правде, за насилие над свободной или рабыней богатый человек наказывался лишь денежным штрафом; неимущий же за насилие над свободной карался смертной казнью, а за насилие над рабыней — телесным наказанием (Lex Burg. Gundob., XXX, XXXII—XXXIII).

В эдикт Аталариха включены еще более суровые предписания, направленные на пресечение «позорных» связей между свободными людьми и рабынями. В эдикте, например, указывается, что если свободная женщина, презрев святость брачных уз, станет конкубиной женатого человека, то она отдается его жене в рабство вместе со своими детьми, рожденными от незаконной связи. По решению суда она должна испытать власть той, которую хотела унизить при помощи незаконной и бесчестной страсти. Если же такое преступление совершит рабыня-служанка, она должна испытать всю меру мщения оскорбленной матроны (за исключением смертной казни) и иметь ее своим беспощадным судьей. (Cas. Var., IX, 18. 7)[38].

Все сказанное свидетельствует, что в Остготском королевстве правовое положение рабов не улучшилось по сравнению с их положением в римское время. Однако более важен вопрос, изменилось ли экономическое состояние рабов в этот период, и если изменилось, то каковы были эти изменения.

В Остготском королевстве, как и в Римской империи, рабы юридически были лишены прав состояния (Dig., IV, 5.3; XV, 1.4). За кражу, совершенную рабом, материальное возмещение пострадавшей стороне уплачивал его господин (E. Theod., 109, 117). Вместе с тем остготское правительство, защищая имущественные интересы знати, включило в эдикт Теодориха предписание, освобождающее господина от всякой материальной ответственности за долг его раба, колона или других подчиненных ему лиц: «Если прокуратору, или кондуктору, или колону, или рабу кого-либо против воли или без ведома господина кто-нибудь даст в долг деньги, то ни сам господин, ни его имущество пусть не терпят никакого ущерба, но из пекулия раба или колона (ex peculio servi vel coloni) возмещается требуемое кредитором, при соблюдении и сохранении прежде всего неприкосновенности (имущества) господина» (E. Theod., 121; C. Th., II, 30, 2; 31, 1; 32,1).

В этом предписании эдикта Теодориха особое внимание привлекает упоминание о возмещении долга раба или колона из их пекулия. В этом отношении общая направленность данного постановления вполне совпадает с предписаниями римского права, возлагавшего на господина материальную ответствен-

[38] Cass. Var., IX,18.6.Салическая Правда тоже не признавала законными браки рабов и свободных; свободные, вступавшие в брак с рабами, теряли свободу (Lex Salica, XIII,8,9;XXV,5,6).В Алеманской Правде эти суровые предписания несколько смягчены: свободной женщине, вышедшей замуж за раба, давалась возможность сохранить свою свободу (Lex Alam., XVI, 3; Lex Alam. Carol., XVIII, 2). У бургундов за связь свободной девушки с рабом наказанием была смертная казнь для обоих виновников преступления. (Lex Burg., XXXV, 2). См. А. И. Неусыхин. Цит. соч., стр, 144, 306—307.

ность за долги раба (сделанные без его ведома и согласия) лишь в пределах пекулия (Dig., XIV, 5.1; XV, 1; XXIX, 1). Однако следует подчеркнуть, что в эдикте Теодориха основное внимание обращено прежде всего на охрану интересов господина (а не кредиторов), причем специально оговаривается, что имущественные права господина ни в коем случае не должны быть ущемлены долговыми обязательствами раба или колона (E. Theod., 121). Если долг раба или колона превышал размеры пекулия, кредитор не имел права предъявлять какие-либо претензии к их господину.

В то же время раб (как и колон) уже мог в какой-то степени располагать своим пекулием для уплаты долга. Иными словами, рабы фактически могли заключать сделки и гарантировать их своим пекулием, т. е. имели известную возможность распоряжаться им.

Эдикт Теодориха предписывает возвращать прежнему хозяину переманенного кем-либо или беглого раба обязательно вместе с его пекулием (E. Theod., 86). Это доказывает, что рабы переходили от одного владельца к другому вместе со своим пекулием. Остготское законодательство подтверждает права господина на пекулий раба, но в то же время признает, что в реальной действительности получило широкое распространение переманивание рабов и колонов вместе с их пекулием. Очевидно, существовала уже весьма тесная связь раба с его пекулием, ибо вместе с ним раб переходил к новому хозяину [39]. Одновременно это служит доказательством того, что новых хозяев мог интересовать не только сам раб, но также в известной степени и его пекулий. Эти предположения подтверждаются и другим постановлением эдикта Теодориха, предписывающим тем, кто преднамеренно примет беглого раба (или чужого колона) и спрячет его, немедленно возвратить прежнему хозяину беглеца

[39] Согласно установлениям римского права, пекулий раба целиком принадлежал господину и являлся его собственностью (C. J., IV, 14—15; ср. Paul. Sent., III, 4.8); господин мог по своему произволу отобрать у раба пекулий, а также уменьшить его размеры. Продажа и завещание раба не должны были обязательно сопровождаться также и передачей пекулия (Dig., XVIII, 1. 29). Отпуская раба на волю, господин мог по своему усмотрению или оставить за ним пекулий, или отнять его (C.J., IV, 14—15). Раб не мог передавать имущество по наследству и составлять завещание (Paul. Sent., III, 4.8; Brev. Paul., III, 6. 1). В том случае если раб при переходе к другому господину захватывал с собой какие-либо вещи, входившие в пекулий, его прежний хозяин имел право потребовать их возврата в судебном порядке. О рабском пекулии в Римской и Византийской империях см.: М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1, стр. 55 сл.; А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв.— ВДИ, 1954, № 2, стр. 52 сл.; Е. М. Штаерман Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 86 сл.

вместе с его пекулием [40]. Пекулий сельских рабов в Остготском королевстве, видимо, мог состоять из небольшого клочка земли, домика с двором, маленьким садом или виноградником. Во всяком случае в VII в. большинство сельских рабов Италии, согласно данным равеннских папирусов, было уже посажено на землю (M a r., 76; 93; T j ä d e r, 20; см. ниже, стр. 464), а этот процесс, конечно, начался много раньше. Вместе с тем в состав пекулия сельского раба (а особенно городского) входило движимое имущество, в частности орудия труда и скот [41] (E. Theod., 80, 84). В Остготском королевстве хозяйственная связь сельских рабов с землей, полученной ими в качестве пекулия, была, по-видимому, прочной.

Весьма важные изменения в экономическом положении рабов, выражавшиеся в установлении более прочных хозяйственных связей раба с его пекулием (в частности, с переданным ему в качестве пекулия участком земли), явились результатом длительного экономического развития, связанного с разложением рабовладельческого строя и вызреванием элементов феодализма. Такого типа сдвиги были зафиксированы еще законодательством Поздней Римской империи [42].

---

[40] E. Theod., 84. В подобных случаях пекулий раба состоял из движимого имущества. Тогда же, когда пекулий раба включал земельный участок, переход к другому хозяину раба вместе с его пекулием можно понимать лишь как одновременный захват новым владельцем и того земельного владения (или его части), где находился земельный участок, составлявший пекулий раба. Вряд ли подобное предположение может быть отнесено к случаям, касающимся принятия новыми хозяевами беглых рабов.

[41] Рабы у алеманнов в качестве пекулия могли иметь дом с хозяйственными пристройками (Lex Alam. Carol., LXXXI).

[42] Это нашло свое выражение в предписании римского права о запрещении продавать рабов-цензуариев без земли (C. Th., XI, 1.20, C. J., XI, 48.7). Вряд ли можно столь важное нововведение сводить в основном к налоговой политике императоров, стремившихся обеспечить регулярное поступление налогов от землевладельцев в соответствии с зафиксированным в описях составом рабочего населения поместья, как это полагает А. Р. Корсунский («О положении рабов, вольноотпущенников и колонов..», стр. 53 сл.). Трудно предположить, чтобы правительство Римской империи решилось на столь серьезное вмешательство в права рабовладельцев, как запрещение продавать рабов-цензуариев без земли, вопреки хозяйственным интересам самих рабовладельцев. Скорее это постановление как раз и было вызвано экономическими интересами той части крупных землевладельцев и рабовладельцев, которые стремились сделать труд рабов более эффективным и для этого выделяли им небольшой участок земли в виде пекулия. Можно предположить, что первоначальное запрещение продавать рабов за пределы провинции являлось лишь этапом в развитии этой экономической тенденции, отражавшей борьбу старых экономических форм с новыми. Часть рабовладельцев еще цеплялась за старые методы использования труда рабов и противодействовала этому нововведению. Но неуклонный ход экономического развития привел все же к признанию необходимости фиксировать более прочно хозяйственную связь раба

Для определения того, насколько прочной была хозяйственная связь раба с его пекулием, весьма важным является то обстоятельство, что в остготском законодательстве пекулий раба обычно приравнивается к пекулию колона или оригинария (E. Theod., 80, 84, 121).

Приравнивание пекулия раба к владению колона, который все же был более прочно связан с землей, чем раб, указывает, по-видимому, на то, что в этот период связь раба с его пекулием (уже включавшим небольшой участок земли) была значительно прочнее, чем в предшествующее время [43]. Это нашло отражение в статье 142 эдикта Теодориха, являющейся нововведением остготского правительства. Она давала разрешение господам по своему произволу переселять в другие имения или в город, а также отчуждать без земли сельских рабов. Это предписание показывает, что к моменту издания эдикта в реальной действительности сложились такие отношения, мало-помалу закрепляемые обычаем и законом (C. J., XI, 48.7), когда связь сельского раба с землей, на которую он был посажен, стала уже настолько прочной, что отчуждение рабов без земли для господ было весьма затруднительным; в противном случае специальное разрешение такого рода, да еще оформленное в виде законодательного акта не имело бы никакого смысла. Подобное предписание выражало стремление остготского правительства разорвать сложившуюся в реальной действительности прочную связь раба с его пекулием, с тем участком земли, на котором он теперь жил и который обрабатывал. Однако возникает весьма важный вопрос: почему остготское правительство, издав подобное предписание, в данном случае решило изменить сложившиеся отношения и приняло столь решительные меры против закрепления рабов за их прежними местами жительства? Об этом можно высказать некоторые предположения.

Прежде всего подобные изменения были вызваны хозяйственными интересами остготской знати, стоявшей у кормила правления. В период, когда в Италии происходило перераспределение земельной собственности, новым землевладельцам из числа остготской знати было весьма важно получить право свободного распоряжения посаженными на землю рабами и колонами, для того чтобы иметь свободу действий при заселе-

---

с землей. Данное предписание было вызвано еще и крайней нуждой в рабочих руках и стремлением закрепить за поместьями живших в них работников; с другой стороны, оно явилось завоеванием и самих угнетенных масс, под давлением классовой борьбы которых правительство должно было идти на некоторые уступки.

[43] Следует отметить, что в тех случаях, когда свободный человек, имеющий небольшой участок земли, превращался тем или иным способом в раба, его надел обычно становился пекулием (C a s s. Var., VIII, 28).

нии вновь приобретенных ими владений необходимыми для их возделывания работниками. Запрещение отчуждать сельских рабов без земли было для остготской знати весьма стеснительным, ибо сужало возможность приобретения рабов у их старых владельцев из римской рабовладельческой аристократии. Мы видели, что нуждаясь в рабочих руках для обработки приобретенных ими земель, могущественные лица прибегали к различным незаконным способам, начиная от похищения и порабощения свободных людей, насильственного захвата и переманивания чужих рабов и кончая укрывательством беглых. Однако, по-видимому, не всегда эти незаконные методы можно было применить, поэтому для остготской знати было необходимо открыть себе легальный путь приобретения рабов: право покупать их и без земли, а также приобретать путем законных сделок с их прежними владельцами. Таким образом, предписания статьи 142 эдикта Теодориха выражали ту же самую общую тенденцию остготской знати к расширению своих владений и приобретению необходимых работников, которая вообще присуща законодательным памятникам остготского правительства.

Кроме того, для остготской знати было весьма важно получить право свободно переселять сельских рабов из одного имения в другое, чтобы регулировать потребности в рабочих руках,а также приобрести право переводить в город рабов-ремесленников и использовать рабов в качестве домашних слуг. Возможно, с другой стороны, что и для римской рабовладельческой аристократии могло быть иногда выгоднее продавать рабов «на вывод», без земли, сохраняя по крайней мере хоть землю от притязаний своих могущественных соседей из числа остготской знати. Правительство Теодориха, отражая интересы остготской знати и одновременно не желая особенно обострять отношения со старой римской аристократией, издало это предписание, которое фактически значительно ухудшало положение посаженных на землю рабов, отдавая их всецело на произвол господ, разрывая те установившиеся хозяйственные связи раба с его пекулием, которые являлись важным завоеванием предшествующего времени. Теперь по произволу господина раб отрывался от обрабатываемого им участка земли, от своей семьи и мог быть в любую минуту продан «на вывод» или переселен в город.

Таков был социальный смысл статьи 142 эдикта Теодориха. Однако это предписание не смогло на деле привести к сколько-нибудь длительному и значительному по своим масштабам разрыву хозяйственной связи сельского раба с его пекулием. Экономическое развитие Италии и социальная борьба рабов и других угнетенных слоев италийского общества вели к укреплению связей сельских рабов с землей, к усилению их хозяйственной

самостоятельности, чему не могло помешать остготское законодательство.

Укрепление связи раба с пекулием и сближение в этом отношении положения рабов и колонов является одним из очень важных свидетельств разложения рабовладельческого строя и развития феодальных отношений в Италии в VI в.

В эдикте Теодориха и в других законодательных памятниках остготского периода встречается сравнительно мало упоминаний о вольноотпущенниках (liberti. — E. Theod., 30, 48, 103). Эдикт не включает статей относительно условий отпуска рабов на волю, а сообщает лишь о нескольких особых случаях дарования свободы рабам, например с целью избежать их участия в судебном деле в качестве свидетелей, из-за страха разоблачения рабами преступления, совершенного их господином [44].

Как уже указывалось, вольноотпущенникам, согласно эдикту Теодориха, запрещалось под страхом смертной казни давать показания против своих патронов и их детей (E. Theod., 48). В данном случае вольноотпущенники приравнивались к рабам и оригинариям [45].

Столь редкое упоминание о вольноотпущенниках в эдикте Теодориха и других законодательных актах, хотя и не может служить доказательством сокращения числа либертинов или падения их роли в хозяйственной жизни Италии VI в., но все же, на наш взгляд, не является простой случайностью, если учесть, что в законодательных памятниках Поздней Римской империи вопросу о положении либертинов и регулированию их взаимоотношений с патронами отводится значительное место [46].

Подобное умолчание о вольноотпущенниках в эдикте Теодориха, по-видимому, можно объяснить общей тенденцией остготского законодательства к закреплению трудового населения за крупными землевладельцами, к консервации рабовладения и ухудшению положения различных категорий зависимого населения, чему отнюдь не соответствовало бы законодательное санкционирование отпуска рабов на волю. Подобные тенденции остготского законодательства в свою очередь находят объяснение в стремлении остготской знати к порабощению местного итальянского населения и обедневших остготских землевладельцев, что засвидетельствовано фактами насильственных захватов знатью свободных людей и превращением их в рабов.

---

[44] См. выше, стр. 82.

[45] Ср. C.Th.,IX,6.3; см.Br.C. Th., IX, 3. 2. См. А. Р. Корсунский. Указ. соч., стр. 57. О вольноотпущенниках еще см.: E. Theod., 30, 103.

[46] См. А. Р. Корсунский. Указ. соч., стр. 55—58.

Законодательство первых остготских королей отнюдь не санкционирует какого-либо улучшения положения вольноотпущенников, а, напротив, ограничивается подчеркиванием их неполноправия по сравнению со свободнорожденными гражданами [47].

Таким образом, мы можем прийти к следующим выводам: рабовладение в Остготском государстве еще имело довольно большое распространение, причем рабство сохраняло значение как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. Рабский труд еще применялся в хозяйстве крупных землевладельцев из числа остготской и римской знати, в церковных патримониях, на землях фиска и остготских королей, а также и в хозяйстве мелких землевладельцев (в том числе и зависимых людей — рустиков). Наличие и даже известное упрочение рабовладения в Остготском государстве является ярким свидетельством живучести рабовладельческого строя в Италии — в этом центре рабовладельческого мира — и показывает трудности, с какими сталкивались народные массы в их борьбе с рабовладельческой системой хозяйства.

В угоду знати остготское правительство даже стремилось разорвать установившуюся прочную связь части сельских рабов с землей и отдать их на произвол господ. На первый взгляд может показаться несколько парадоксальным то, что остготская землевладельческая знать, являющаяся носительницей тенденции феодализации, использовала в своих имениях, наряду с трудом колонов, в довольно значительных масштабах и труд рабов и даже законодательным путем санкционировала сохранение рабства. Однако это явление станет понятным, если мы вспомним, что иногда господствующие классы нового общества временно использовали в своих интересах старые, отсталые формы эксплуатации трудового населения, ежели они в какой-то степени еще оставались экономически оправданными.

Применение остготской феодализирующейся знатью труда рабов для обработки своих имений в Италии было обусловлено классовыми интересами: необходимость в рабочих руках толкала остготскую знать на использование старых, уже изживающих себя форм эксплуатации и прежде всего рабства.

---

[47] Иного мнения придерживается И. А. Дворецкая (указ. соч., стр. 179). Она утверждает, что в Остготском королевстве положение вольноотпущенников мало чем отличалось от положения свободных, в связи с чем вольноотпущенников и именовали уже не liberti, а ingenui. Но в подтверждение своей точки зрения автор вынужден приводить документ (Mar., 76), относящийся к... VII в. Точно так же на документах конца VI и VII в. И. А. Дворецкая основывает утверждение о массовом отпуске рабов при остготах (указ. соч., стр. 178, прим. 52).

С другой стороны, живучесть рабовладельческих отношений в Италии того времени объясняется тем, что старый, отживающий класс рабовладельческой аристократии, далеко еще не полностью разбитый, не хотел уступить своих позиций и упорно цеплялся за сохранение рабовладения.

Основой временного союза остготской знати и старой римской рабовладельческой аристократии при первых остготских королях и была общая классовая политика в отношении народных масс, в особенности в отношении рабов. Естественно, что суровые предписания остготского законодательства, направленные против неповиновения рабов, были внесены в эдикт Теодориха и другие законодательные предписания того времени не без влияния римской рабовладельческой аристократии, живо сохранившей память о народных восстаниях недавнего прошлого и стремившейся к укреплению власти господина над рабами.

Поэтому следует ясно различать объективное положительное значение варварских завоеваний, способствовавших разрушению рабовладельческой империи и уничтожению рабовладельческого строя, несущих и созидательный элемент в виде свободного крестьянства и тех новых форм эксплуатации, которые давно уже складывались у варваров в процессе разложения первобытно-общинных отношений [48], и политику варварской знати и варварских правителей, иногда даже тормозящих разрушение старого мира, что весьма ярко сказалось в правление Теодориха и его ближайших преемников.

§ 2. Колонат в Остготском королевстве и положение колонов

В экономической жизни остготской Италии уже значительно бо́льшую роль, чем рабство, играл колонат. Доказательством широкого распространения колоната в Остготском королевстве является включение в законодательство остготского правительства ряда предписаний, касающихся положения колонов, а также довольно частые упоминания о колонах в других памятниках этого времени.

Свидетельством возрастания удельного веса колоната в экономической жизни Италии VI в. по сравнению с предшествующим временем являются существенные изменения положения колонов, зафиксированные остготским законодательством. Так, во многих случаях постановления римских императоров о рабах эдиктом Теодориха были распространены и на колонов [49].

[48] См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 162.

[49] E. Theod., 56, 84, 97, 98, 104, 109, 121, 128, 142, 148.

При этом дополнения были внесены остготским правительством в весьма важные постановления эдикта, касающиеся существенных вопросов социально-экономической жизни. Упоминания о колонах вносятся остготским правительством обычно в такие предписания римского права относительно рабов, которые направлены на охрану собственности господ и защиту их прав на зависимое население. В большинстве случаев эти постановления связаны с сельским бытом и указывают на распространенность труда колонов в сельском хозяйстве Италии.

Так, в предписании, запрещающем принимать беглых рабов, в основу которого положено постановление Константина от 317 г.[50], остготским правительством было сделано чрезвычайно существенное дополнение: запрещалось принимать и укрывать не только беглых рабов, но и чужих колонов [51].

В данной статье эдикта раб и колон приравниваются друг к другу в том отношении, что за прием и укрывательство того и другого устанавливается одинаковое наказание. Вместе с тем дополнение, внесенное в эту статью, показывает, что колоны составляли важную для землевладельцев категорию сельского населения и бегство колонов наносило значительный ущерб их хозяйству.

Весьма важным предписанием эдикта Теодориха, свидетельствующим, что защита прав землевладельцев в отношении их колонов являлась одной из главных задач остготского законодательства, было постановление о возвращении прежним хозяевам не только освободившихся из плена рабов, но и колонов, или же о закреплении их за новыми владельцами, если они уже были кому-либо проданы [52]. Это нововведение остготского

---

[50] C. J., VI, 1: «Всякий, кто примет в (свой) дом или поле беглого раба без ведома его господина, пусть возвратит его вместе с другим (рабом) равной стоимости или уплатит 20 солидов». Ср. C. Th., V, 9; Br. C. Th., IV, 8.3; Lex Rom. Burg., VI, 2.

[51] При этом в эдикте Теодориха было изменено также и наказание за подобный проступок: отменена уплата альтернативной денежной суммы в 20 солидов за каждого раба и оставлено возмещение лишь в виде еще одного раба (или колона) (E. Theod., 84). Эдикт гласит: «Тот, кто, будучи осведомлен, примет беглого раба (servum) или чужого колона (sive colonum alienum) и спрячет его, пусть возвратит господину беглеца с приплатой (mercedibus) и с его пекулием и даст еще другого (раба) такой же стоимости». Можно предположить, что в связи с общей натурализацией хозяйства, сокращением денежного обращения и острой нуждой в рабочих руках землевладельцам выгоднее было получить возмещение в виде самих рабов (или колонов), а не в форме денежной компенсации. Не исключена возможность, что подобное изменение было внесено в эдикт Теодориха также и под влиянием германского права (F. Dahn. Op. cit., Bd. IV, S. 83).

[52] При этом в специальном предписании римского права, касающемся этого вопроса, говорится лишь о возвращении прежним хозяевам освободившихся из плена рабов (C. J., VIII, 5, 1—2; E. Theod., 148).

правительства является очень показательным для выявления масштабов распространения колоната и его удельного веса в экономической жизни Италии.

Неограниченные права господина не только на сельских рабов (mancipia rustica), но и на колонов-оригинариев, простирающиеся вплоть до права продажи их без земли, переселения в другие имения, или в город, санкционируются статьей 142 эдикта Теодориха [53].

В эдикте особо оговаривалось, что долг колона (как и долг раба), сделанный без ведома господина, возмещается из пекулия (E. Theod., 121). Колон упоминается наряду с рабом в статье эдикта, говорящей о пожаре, возникшем на поле господина (E. Theod., 98), в то время как в аналогичном предписании римского права речь идет только о рабе (P a u l. Sent., V, 20.3—4); то же самое мы видим и в предписании эдикта о насильственном похищении какого-либо имущества, совершенном рабом или колоном (E. Theod., 109).

Весьма показательным для общей социальной направленности остготского законодательства является то, что дополнительное упоминание о колонах наряду с рабами чаще всего встречается в статьях, которые касаются тех правонарушений со стороны угнетенных слоев сельского населения, которые явно носили характер социальной борьбы.

Так, колон упоминается вместе с рабом и оригинарием в статье 97 эдикта, карающей сожжением за поджог дома или виллы. При этом все упомянутые категории зависимого населения противопоставлены свободным людям. Следовательно, между колоном и свободным человеком проводится резкая грань [54].

В эдикте Теодориха особо оговаривается участие колонов, совместно с рабами в самовольных захватах земель и нарушении границ чужого поля (E. Theod., 104). За эти преступления колон, как и раб, подлежит смертной казни [55].

Колон-оригинарий вместе с рабом упоминается в статье 56 эдикта, говорящей об угоне скота. Среди лиц, бежавших от произвола господ, наряду с рабами в эдикте названы также и колоны (E. Theod., 84). Все эти статьи, направленные против

---

[53] Ф. Дан (F. D a h n. Op. cit., Bd. IV, S. 35) ошибочно считает, что это нововведение было сделано Теодорихом в духе старого германского права.

[54] В римском праве эпохи Поздней империи, как и в варварских бревиариях, встречается противопоставление колона свободному человеку. См. Br. Nov. Valentin. III, IX, 1; C. Th., V, 10.1; C. J., XI, 48.16; ср. ibid., X, 71.3.

[55] В аналогичном предписании римского права упоминаются только рабы (P a u l. Sent., V, 22.2).

социальных выступлений народных масс, указывают на участие колонов совместно с рабами в классовой борьбе.

На основании приведенных данных мы можем прийти к заключению, что правительство короля Теодориха стремилось распространить на колонов те суровые постановления, которые оно почерпнуло из римского права относительно рабов, закрепляя за господами владельческие права на колонов и строго преследуя сопротивление зависимого населения. Вместе с тем все это является свидетельством роста удельного веса колоната в экономике страны, увеличения заинтересованности крупных земельных собственников в использовании труда колонов; это служит в свою очередь выражением борьбы двух тенденций экономического развития — рабовладельческой и феодальной — в сельском хозяйстве Италии того времени.

В источниках той эпохи, в частности в законодательных памятниках, колоны обозначаются тремя особыми терминами, указывающими на существование некоторых различий в положении отдельных групп внутри этой социальной категории. Наряду с термином coloni [56] сельское зависимое население обозначается в источниках термином originarii [57], а иногда и термином rustici [58].

а) Оригинарии

Среди колонов Италии в период остготского владычества самой низшей категорией, наиболее близко стоявшей по своему положению к рабам, были колоны-оригинарии, во многих отношениях представлявшие промежуточную социальную группу между рабом и колоном. Низкое положение колонов-оригинариев генетически объясняется уже самим происхождением этой категории зависимых людей из посаженных на землю рабов [59].

Неполноправное положение колонов-оригинариев сохранялось и в Остготском королевстве, что явствует из ряда предписаний эдикта Теодориха, в которых рабы и оригинарии, хотя формально и различаются, но по существу приравниваются друг к другу. Так, за похищение девушки-рабыни или ориги-

---

[56] E. Theod., 84, 97, 98, 104, 109, 121, 128, 146, 148. Ср. Cass. Var., VIII, 31.4.

[57] E. Theod., 48, 56, 63—68, 80, 97, 142.

[58] E. Theod., 69, 150, 152. Cass. Var., I, 2.5; II, 13.1; VI, 9.2; VIII, 31.5; 32.4; 33.2; XII, 5.4; 14.3.

[59] Сам термин originarii — «уроженцы» восходит ко второй половине IV в.; первоначально он относился преимущественно к посаженным на землю рабам и лишь позднее стал применяться к низшей категории колонов (П. Виноградов. Указ. соч., стр. 93).

нарии закон устанавливает одинаковое наказание, как бы уравнивая тем самым их положение (E. Theod., 21). За угон скота, совершенный рабом или оригинарием, в равной степени отвечает их господин, который может по своему желанию или компенсировать причиненный ими ущерб, или выдать их судье на смертную казнь (E. Theod., 56).

Оригинарий приравнивается к рабу и в статье эдикта, касающейся насилия над свободной женщиной (E. Theod., 63). Бесправное общественное положение оригинариев, близкое к положению рабов, засвидетельствовано предписанием эдикта Теодориха о том, что свободный человек, вступив в связь с чужой рабыней или оригинарией, должен дать ее господину установленное законом возмещение; если же он не может этого сделать, то остается во власти своего хозяина, причем он не имеет права не только расторгнуть с ней свой союз (contubernium), но даже уйти от господина, после ее смерти (E. Theod., 64).

Можно предположить, что в реальной действительности подобные случаи были нередки и что такого рода союзы являлись одним из способов прикрепления свободных бедняков к поместью и превращения их в зависимых лиц. Таким образом, в этом предписании проявляется общая тенденция остготского законодательства к ухудшению положения народных масс, стремление остготского правительства закрепить трудовое население Италии за поместьями крупных собственников [60].

Однако остготское законодательство все же проводит совершенно определенную грань между рабом и оригинарием. Так, в эдикте Теодориха особо оговаривается, что все потомство, рожденное от союза свободного человека, оригинария или раба и рабыни (ancilla), наследует положение матери, т. е. превращается в рабов ее господина (E. Theod., 65). Если же чужой раб или свободный человек вступит в связь с оригинарией, то дети, рожденные от этого союза, все же (nihilominus) наследуют статус матери, т. е. остаются оригинариями (E. Theod., 66). В случае же если чужой оригинарий вступит в связь с ори-

---

[60] В эту статью были внесены весьма существенные изменения по сравнению с аналогичным постановлением римского законодательства. Согласно римскому праву, свободный человек, вступивший в связь с зависимой женщиной и оставшийся жить в поместье ее господина, сохранял свою свободу (salva ingenuitate), хотя и терял право ухода (Nov. Valent. III, 30.5 от 451 г.); в остготском законодательстве эта чрезвычайно важная оговорка отсутствует. На наш взгляд, подобный пропуск нельзя считать простой случайностью. Весь контекст статьи эдикта — прямое указание на то, что свободный человек должен дать обязательство оставаться во власти господина женщины (mansurus in domini mulieris potestate); умолчание о сохранении им свободы—свидетельствует, что, вступив в связь с рабыней или оригинарией и оставшись жить в поместье ее господина, он превращается в зависимого человека (E. Theod., 64).

гинарией, то две трети потомства получает господин отца, треть — господин матери (E. Theod., 67).

Зависимое, совершенно бесправное, но все же отличающееся от рабского положение оригинариев в Остготском королевстве со всей отчетливостью видно из весьма жестокого заимствованного из римского права предписания эдикта Теодориха: «Оригинария, покинувшая место своего рождения, может быть возвращена обратно в течение 20 лет. Если же оригинария по истечении 20 лет окажется согласно этому предписанию утраченной для своего господина, тем не менее ее потомство, рожденное в течение этого 20-летнего срока, пусть не будет потеряно господином матери, сообразно с требованием нового закона» (E. Theod., 68).

Эти столь жестокие и унизительные предписания остготского законодательства показывают, что оригинарии рассматривались в Остготском государстве как лица, принадлежащие господам вместе с их потомством и находящиеся от своих господ не только в поземельной, но и в личной зависимости [61].

Оригинарии, наряду с рабами и вольноотпущенниками, под страхом смертной казни были лишены права выступать свидетелями по делу своих господ или их детей, даже в том случае, если давали показания в их пользу (E. Theod., 48; C. Th., IX, 6.3). Тем самым лишний раз подтверждалась их юридическая неправоспособность и зависимое положение.

Иногда оригинарии, как и другие категории зависимых людей обозначаются в источниках общими, собирательными терминами. Так, термин mancipia в документах V—VI вв. обозначает иногда понятие более широкое, чем только рабы, и является термином, включающим, кроме рабов, также колонов-оригинариев, собственно колонов (coloni) и даже рустиков, причем подчеркивается право собственности господина на этих лиц [62].

---

[61] C. Th., V, 18. 1; X, 12. 2; C. J., XI, 50.2. В этих предписаниях римского законодательства колон также рассматривается как лицо, принадлежащее господину. С V в. хозяева имений, в которых живут колоны, именуются господами колонов, а не их патронами (Br. C. Th., V, 11.1; Nov. Valent. III, XXXI; C. J., XI, 48.12; Br. Nov. Valent. III, IX). В эдикте Теодориха также сохраняется эта терминология, и владельцы оригинариев называются их господами (domini.— E. Theod., 48, 56, 63—68, 80, 142).

[62] Так, в ст. 80 эдикта Теодориха под термином mancipium, как выясняется из всего контекста статьи, подразумевается и раб (servus) и оригинарий (originarius). В статье 84 понятие mancipium объединяет и раба (servus) и колона (colonus), положение которых уравнивается, а статья 152 включает в понятие mancipium не только раба, но даже и рустика (rusticus). То же самое мы видим и в статье 142, где термин mancipia rustica также объединяет рабов и оригинариев. При этом, однако, следует отметить, что включение в термин mancipia рабов во всех случаях обязатель-

Эволюция термина mancipia, на наш взгляд, отражает реальные изменения в положении различных категорий непосредственных производителей Италии в V—VI вв. Эта эволюция показывает, что в Остготском королевстве владельческие права господ распространялись не только на рабов, но все более и более и на оригинариев, колонов и в отдельных случаях даже на рустиков. Это находится в прямой связи с общей тенденцией остготского законодательства к ухудшению положения зависимого населения и усилению власти крупных землевладельцев.

Анализ употребления термина mancipia как в самом эдикте Теодориха, так и в других памятниках того времени, таким образом, доказывает, что в статье 142 эдикта речь идет о разрешении господам переселять и отчуждать без земли не только сельских рабов, но и других зависимых людей, в частности, колонов-оригинариев [63].

Вместе с тем, на наш взгляд, упоминание в статье 142 наряду с рабами именно такой категории зависимого населения, как колоны-оригинарии, отнюдь не случайно. Оригинарии по своему положению более других категорий зависимых людей приближались к рабам, и поэтому остготскому правительству было легче законодательным путем санкционировать переведение на положение городских рабов или отчуждение без земли этой наиболее бесправной и зависимой части колонов, в меньшей степени способной, по-видимому, оказать сопротив-

---

но. В других раннесредневековых источниках также встречается употребление термина mancipia в собирательном смысле — для обозначения не только рабов, но и колонов. Так, например, в одном из писем папы Пелагия I термин mancipia объединяет как рабов, так и колонов (Regesta Pont. Rom., p. 127; ср. Br. Nov. Valent. III, 12; 18 int.; Salv. De gubernat. dei, V, 8, 44). Некоторые буржуазные ученые (E. Stein. Histoire..., t. II, p. 132—133; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 246; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 114—118, 121 и др.) полагают, что термин mancipia rustica в статье 142 эдикта Теодориха относится исключительно к сельским рабам, но не к колонам-оригинариям, и считают, что originarius является прилагательным к mancipia. Они не анализируют самый термин mancipia в его эволюции. Противоположной точки зрения придерживаются другие исследователи; см.: H. Geiss. Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen..., S. 61; П. Виноградов. Указ. соч., стр. 93 сл.; F. Dahn. Die Könige..., Bd. III, S. 55, Bd. IV, S. 97; М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I, М., 1898, стр. 238; Д. М. Петрушевский. Очерки по истории средневекового общества и государства, стр. 204 и др. В советской историографии мнение о том, что под термином mancipia надо подразумевать не только рабов, но и колонов, высказывал А. Р. Корсунский (указ. соч., стр. 66).

[63] Это подтверждается также анализом употребления термина оригинарий. Как было показано выше, остготское законодательство всегда различает рабов и оригинариев, хотя иногда и уравнивает их положение. См. выше, стр. 96.

ление этому весьма тягостному для них постановлению правительства Теодориха.

О том, что оригинарии упомянуты в статье 142 отнюдь не случайно, свидетельствует также и весьма показательное уточнение, внесенное в это предписание эдикта, запрещающее с противляться распоряжениям господ «даже выдвигая в качестве предлога происхождение» (sub oppositione originis). Это весьма существенное уточнение относилось в первую очередь к оригинариям и свидетельствовало, что до издания эдикта оригинарии, ссылаясь на свое происхождение, не желали покидать имений, где они родились, и оказывали сопротивление попыткам господ продать их без земли, перевести в другое имение или в город. По этому поводу, по-видимому, возникали судебные процессы, основанием для которых являлись законодательные предписания, относящиеся к эпохе Поздней империи и запрещающие продавать колонов без участка земли и переводить их, подобно рабам, в состав городских слуг [64].

Не подлежит сомнению, что для колонов-оригинариев вопрос о сохранении известных гарантий пользования участком земли, на котором они жили и который обрабатывали, был одним из важнейших моментов в их борьбе за отвоевание трудовой собственности и свободы. Потеря этих гарантий, безусловно, значительно ухудшала их положение, обрекала на то, чтобы стать жертвой неограниченного произвола господ, которые могли теперь в любую минуту их продать, променять, подарить (cedere, vendere vel donare cui libuerit) или перевести в городские эргастерии на положение городских рабов (urbanis ministeriis adplicare).

Трудовое население Италии оказывало решительное сопротивление новым попыткам господ фактически низвести их на положение рабов и лишить наследственного, уже освященного обычаем права жить и трудиться на тех землях, на которых родились они сами и их отцы.

В период господства остготов в Италии остготская феодализирующаяся знать, широко применявшая труд колонов для обработки захваченных ею земель, была особенно заинтересована в свободном распоряжении колонами, в частности оригинариями, с целью переселения их из одних имений в другие, а также приобретения новых колонов путем купли-продажи, обмена и дарения. Остготская знать требовала от правительства уничтожения всяких преград, мешавших свободе хозяйственной деятельности новых землевладельцев в целях обеспечения своих имений рабочими руками. С другой стороны, правы те исследователи, которые подчеркивают, что остготская

---

[64] C. Th., V, 6.3; C. J., XI, 48. 7. Nov. Valent. III, 18.

знать была также заинтересована в использовании земельных наделов римских колонов-оригинариев (а также и пекулиев сельских рабов) для наделения ими свободных остготских воинов из числа их дружинников [65]. Не исключена возможность, что и сами свободные остготы-воины не прочь были в данном случае получить земли сгоняемых с участков и переводимых в город оригинариев и сельских рабов. Вместе с тем влиятельные еще круги римской рабовладельческой аристократии, на первых порах находившие поддержку у остготского правительства, упорно стремились возродить наиболее жестокие, близкие к рабству, формы эксплуатации трудового населения и вновь пытались низвести колонов, в частности оригинариев, до положения рабов.

В интересах именно этих группировок господствующего класса Остготского королевства и было издано столь суровое предписание правительства Теодориха, отменявшее ранее существовавшие установления римского права: запрещение продавать колонов без земли [66]. Это вполне совпадает с общей социальной направленностью всего остготского законодательства и с другими предписаниями эдикта Теодориха, касающимися положения колонов-оригинариев [67].

---

[65] См. выше, стр. 34.

[66] Nov. Valent. III, 12. См. А. Р. Корсунский. Указ. соч., стр. 60.

[67] Ф. Дан основные причины, вызвавшие столь суровое нововведение короля Теодориха, видит в интересах рядовых готов — держателей участков земли, получавших право приобретать рабов и колонов. Кроме того, по его мнению, готы, которые привели с собой в Италию немалое число своих слуг, теперь получили законное основание продавать рабов и колонов, живших на полученных готами землях, или переводить их в городские дома, заменяя своими слугами, которых они якобы не могли поместить на земле иным способом (F. Dahn. Op. cit., Bd. IV, S. 97). Однако, на наш взгляд, это предписание эдикта Теодориха было издано в интересах как готской знати, так и крупных римских землевладельцев и имело не этническую, а классовую направленность. Л. М. Гартманн подчеркивал, что при издании статьи 142 правительство Теодориха исходило из интересов остготской знати, стремившейся к свободному приобретению и произвольному использованию труда рабов и отчасти других категорий зависимого населения Италии (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 121). П. Виноградов (указ. соч., стр. 92—93) подчеркивает ухудшение положения колонов-оригинариев в результате уничтожения их крепости земле, что ограждало зависимых земледельцев от произвола крупных собственников. Вместе с этим он высказывает интересное предположение о том, что в связи с неограниченной возможностью для господ переселять колонов в другие имения и переводить в город одновременно была отменена и установленная обычаем норма оброка. П. Виноградов считает, что издание статьи 142 явилось результатом бессилия государства регулировать отношения между «помещиком» и крестьянином и тем самым свидетельствует об усилении власти помещика и развитии феодализирующих тенденций. На наш взгляд, причина издания этого предписания крылась не в бессилии остготского государства

Вместе с тем следует отметить, что остготское правительство проводило это мероприятие все же с некоторой оглядкой, опасаясь, по-видимому, выступлений народных масс и недовольства со стороны части господствующего класса, ибо оно не распространило это предписание на все категории сельского зависимого населения Италии, а особо оговорило, что предписание относится лишь к сельским рабам, посаженным на землю, и к низшей категории колонов — к оригинариям.

Итак, колоны-оригинарии являлись низшей категорией зависимого сельского населения Италии, близко стоявшей по своему положению к рабам, посаженным на землю, к которым они восходили генетически. Оригинарии не обладали юридической правоспособностью[68] и находились от своих господ не только в поземельной, но и личной зависимости. Более того, в Остготском государстве в правление короля Теодориха их положение даже ухудшилось, ибо остготское правительство расширило права господ на оригинариев вплоть до разрешения продажи

перед знатью, а в том, что само это государство в своей политике отражало классовые интересы остготской и римской феодализирующейся знати и законодательным путем санкционировало то, что было ей выгодно. Д. М. Петрушевский (указ. соч., стр. 204) в основном солидаризируется с П. Виноградовым в оценке значения статьи 142 эдикта Теодориха, хотя и не делает прямого вывода об ухудшении положения колонов в период владычества остготов в Италии М. М. Ковалевский (указ. соч., т. I, стр. 239) на основании анализа статьи 142 приходит к заключению, что это новшество остготского правительства ухудшало положение большинства зависимого населения и в первую очередь колонов. «Сказать, что Теодорих улучшил судьбу крестьян,— пишет по этому поводу Ковалевский,— отменив прежнюю их крепость к земле, значило бы навязывать фактам прошлого идеалы и стремления современности». Причины издания остготским правительством подобного постановления М. М. Ковалевский (указ. соч., стр. 240) усматривает в стремлении дать остготской знати возможность произвольно распоряжаться землей колонов-римлян, переселяя их в город, а наделы передавая свободным остготам из своей свиты. Иными словами, статья 142, по его мнению, была призвана урегулировать взаимоотношения крупных остготских землевладельцев с зависимым римским населением и, конечно, в интересах остготов. В новейшей буржуазной историографии широко распространено мнение, что статья 142 была издана в целях общего урегулирования распределения рабочей силы в Италии того времени (W. Enssln. Theoderich der Grosse, S. 246 f.). И. Дворецкая (указ. соч., стр. 78) считает, что ее издание было вызвано стремлением господ избавиться от невыгодного в сельском хозяйстве труда рабов и колонов-оригинариев. При этом она исходит из своей общей, на наш взгляд недостаточно аргументированной, концепции о полном разложении рабства в период правления остготов и об уменьшении значения труда рабов и колонов-оригинариев в сельскохозяйственном производстве (там же, стр. 182).

[68] В Бургундской Правде также указывается на юридическую неправоспособность колона-оригинария. Кредитор, давший в долг известную сумму оригинарию (или рабу) без ведома господина, терял свои деньги (Lex Burg. Gundob., XXI, 1).

их без земли. Однако господа все же не имели в отношении своих оригинариев права жизни и смерти, и это отличало положение оригинариев от положения рабов.

б) Колоны

Несмотря на известную неясность и путанность терминологии памятников остготского времени, можно наметить определенную грань между оригинариями и собственно колонами (coloni). В эдикте Теодориха originarii и coloni обычно не смешиваются и упоминаются раздельно [69].

Если в остготском законодательстве оригинарии в большинстве случаев прямо приравниваются по своему положению к рабам, то в отношении колонов эта тенденция выражена в значительно меньшей степени, хотя имелись некоторые черты, которые сближали их с рабами. При этом законодательство остготских королей в ряде случаев стремилось закрепить и даже развить юридические принципы римского права, которые сближали положение раба и колона.

Так, в остготском законодательстве колон рассматривался как собственность господина, подлежащая возврату [70].

В своем стремлении обеспечить крупных землевладельцев рабочими руками остготское правительство санкционирует возврат прежним владельцам не только рабов, но и колонов, поскольку, как мы видели, труд колонов приобретал все большее значение в хозяйственной жизни Италии (E. Theod., 148).

В случае бегства колонов эдикт Теодориха разрешал во время судебного расследования подвергать их пытке, как и рабов [71].

Если господин не желал защищать на суде своего раба, колона или сына, находящегося в его власти, то он мог передать их для наказания судье; сын (как свободное лицо) мог и сам защищаться на суде, в то время как раб и колон в данном случае оба были лишены юридической правоспособности (E. Theod., 128).

Колон, как и раб, в случае насильственного похищения чужого имущества (E. Theod., 109) или совершения поджога (E. Theod., 98) мог быть выдан господином судебным властям для наказания, если господин не пожелает возмещать за него убытки (ср. C. J., XI, 26; III, 26.8). Господин мог принудить колона, как и раба, к совершению преступления с целью извлечения для

---

[69] Так, в ст. 97 колоны, хотя и причисляются наряду с рабами и оригинариями к категории зависимых людей, противопоставляемых свободным гражданам, но упоминаются отдельно и от рабов, и от оригинариев. Ср. E. Theod., 146.

[70] См. выше, стр. 93.

[71] E. Theod., 84; ср. C. J., XI, 50.2; Nov. Valent. III, 23.

себя выгоды [72], что указывает на возрастание личной зависимости колона от господина.

Однако наряду со стремлением сблизить положение не только оригинариев, но и собственно колонов с положением рабов в остготском законодательстве проводится между ними четкое разграничение. Так, в ряде случаев эдикт Теодориха признает за колонами такие права, которые существенным образом отличают их как от рабов, так и от оригинариев.

Прежде всего, колон обладал некоторой юридической правомочностью в гражданских делах. В качестве наиболее яркого примера можно привести предписание эдикта, согласно которому судебное дело о краже плодов, похищенных из имения (fundus), может возбудить не только господин, но и колон, ибо «это важно и для того, и для другого» (E. Theod., 146; ср. P a u l. Sent., II, 31.30). В данном случае закон признает правоспособность колона и считает его юридической стороной в судебном деле, в то время как раб, согласно римскому праву, не мог возбудить иск, если у него была совершена кража; за него это должен был сделать его господин (Br. Paul., II, 32.21). Однако необходимо подчеркнуть, что остготское законодательство признает юридическую правоспособность колона именно в таких судебных делах, когда колон выступает защитником не только своих интересов, но и имущества своего господина.

В эдикте Теодориха колоны не упоминаются в числе лиц, которым было запрещено выступать в качестве свидетелей против своих господ (E. Theod., 48). Тем самым, по-видимому, остготское правительство молчаливо следовало установлениям римского права эпохи Поздней империи, не запрещавшим колонам выступать на суде в качестве свидетелей (Br. C. Th., V, 11. 1. Ср. S y m m. Epp., VII, 56). Это так же доказывает признание остготским правительством за колонами некоторой, хотя и ограниченной правоспособности [73].

Законодательство остготских королей умалчивает о статуте потомства колонов, в то время как потомство оригинариев по закону считалось собственностью господ. Брачный союз оригинариев рассматривается не как законный брак, а как

---

[72] Например, господин мог принудить колона к совершению насильственного похищения чужого имущества (E. Theod., 109 и 75), к захвату чужой земли (ст. 104), подослать в чужой дом с корыстной целью (ст. 84) и т. д. Крупные землевладельцы в эпоху Поздней империи также использовали колонов в вооруженных отрядах с целью нападения на владения своих соседей (C. Th., XIII, 72.3; XV, 15.1; S i d o n. A p o l. Epp., III,3).

[73] В римском праве колонам запрещалось возбуждать гражданские иски против господ, за исключением дел, касающихся незаконного повышения господами размера оброка сверх установленного обычаем (C. J., XI, 50.1—2). С разрешения господ колоны могли вести в суде процессы по гражданским делам (Br. C. Th., V, 11.1).

сожительство (conturbernium. — E. Theod., 64; Ср. Br. Nov. Valent. III, 30.5), тогда как браки колонов, видимо, считались законными.

Но особенно важными для определения положения колонов являются предписания остготского законодательства, указывающие на тесную экономическую связь колона с землей, которую он обрабатывал. Несмотря на то, что участок земли, полученный колоном от господина, в эдикте Теодориха называется так же, как и рабский надел, пекулием (E. Theod., 121), права колона на этот земельный участок были, бесспорно, более прочными, чем права раба или оригинария. Более прочная связь колонов с землей явствует в частности и из ст. 142, согласно которой господам разрешалось отчуждать без земли лишь оригинариев, а отнюдь не собственно колонов. Несмотря на то, что ограждая имущество господина, законодательство предписывало возмещать долг колона (так же как долг прокуратора, кондуктора и раба) из его пекулия (E. Theod., 121), в пределах стоимости этого пекулия колон мог заключать различные сделки [74]. Тем самым остготское законодательство подтверждало некоторые права колона на распоряжение своим имуществом.

Однако оно одновременно вполне твердо и определенно обеспечивало верховное право господина на земельный участок колона (E. Theod., 56, 98, 109). Обычно колоны были приписаны к определенному земельному участку и самовольно не могли его оставить. Как и в римском праве (C. J., XI, 48.23), в рескрипте Аталариха от 527 г. колоны сравниваются с куриалами, которые не могут покинуть курию, как колоны не могут бросить возделывать свои поля [75].

---

[74] Характерно, что в аналогичном предписании римского права речь идет о пекулии актора (управляющего), серва и прокуратора (C. Th., II, 32.1). В эдикте Теодориха actor заменен colonus (E. Theod., 121). В Восточной Римской империи колон в VI в. имел право распоряжаться пекулием (C. J., XI, 48.19).

[75] В «Вариях» Кассиодора упоминание о колонах встречается только один раз (Cass. Var., VIII, 31.4): призывая посессоров и куриалов Бруттия возвратиться в города, Кассиодор указывает, что в их общинах (in civitatibus suis) имеются колоны (coloni), которые старательно возделывают поля. Столь редкое употребление термина coloni в переписке Кассиодора, на наш взгляд, еще не может служить доказательством незначительной распространенности этой категории зависимого населения в Италии VI в., ибо при расплывчатости терминологии Кассиодора собственно coloni часто могут скрываться под более общим названием рустиков (rustici) или трибутариев (tributarii.—Cass. Var., V, 39; IX, 9; X, 27; XI, 7, 15; XII, 16, 28). В частности, в том же письме, в котором Кассиодор упоминает о колонах, он призывает посессоров и куриалов Бруттия отделиться от деревенщины (rusticitate), подразумевая под этим термином всех сельских жителей, в том числе и только что упомянутых им колонов (Cass. Var., VIII, 31.4).

За пользование землей колоны платили землевладельцу ренту как деньгами, так и натурой [76]; к сожалению, размеры ее для этого периода из-за отсутствия источников определить не представляется возможным.

Таким образом, колоны, в отличие от оригинариев, ближе стоявших по своему положению к рабам, имели некоторые юридические права, а также обладали большей хозяйственной самостоятельностью. Их зависимость от землевладельцев была скорее поземельной, чем личной. Они сохраняли больше черт, присущих свободным гражданам, чем оригинарии, статус которых в ряде случаев приближался к положению рабов.

При этом необходимо подчеркнуть, что длительное и фактически наследственное владение колонов их участками затрудняло сгон с земли этой более способной к сопротивлению категории зависимого населения.

в) Рустики

В период остготского владычества в Италии значительно ближе к свободным крестьянам, чем колоны, стояли по-видимому, рустики (rustici). Однако выяснение реального значения термина «рустик» наталкивается на большие трудности, ибо его значение в источниках крайне расплывчато, а иногда даже и противоречиво.

В источниках остготского времени термин rustici довольно часто употребляется как собирательное, обобщающее понятие для обозначения всего сельского, преимущественно зависимого населения Италии (кроме, конечно, рабов) [77].

---

[76] Mar., 138—139. Некоторые исследователи высказывают предположение, что в Остготском королевстве колоны уплачивали крупным земельным собственникам из числа римской и остготской знати ренту за пользование участками земли преимущественно в денежной, а не в натуральной форме (H. Geiss. Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen..., S. 7 f; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 199). На наш взгляд, это предположение еще нуждается в более убедительном обосновании данными источников.

[77] Такое собирательное, обобщающее значение имеет термин rusticus в ст. 69 эдикта Теодориха, где говорится о бегстве различных категорий населения (рабов, коллегиатов и куриалов) с их прежних мест жительства и о закреплении их по прошествии 30 лет за новыми хозяевами. В этом предписании подчеркивается, что с согласия самих беглых рустиков и куриалов возникают различные злоупотребления с целью нарушения закона о 30-летней давности, причем термин rusticus здесь применяется для обозначения различных категорий зависимого сельского населения, в противоположность куриалам (E. Theod., 69). Термин rusticus носит характер собирательного обозначения всех зависимых от господина сельских жителей (исключая рабов), и в ст. 152 эдикта, гласящей, что в случае убийства раба или рустика их господин может по своему усмотрению или возбудить уголовное дело, или же предъявить убийце гражданский иск

По утверждению Кассиодора, среди работавших в Лукании рустиков было много полусвободных и несвободных людей (C a s s. Var., VIII, 31.5; 32.4; 33.2).

В некоторых случаях рустиков как определенную категорию зависимых сельских жителей Кассиодор (как и Эннодий) включает в обобщающее понятие homines. Так, иногда они упоминаются в качестве homines ecclesiae (C a s s. Var., II, 29) или familiares (ibid., IV, 44), которые могут быть несвободными людьми или вольноотпущенниками (E. Theod., 30, 48 102, 103, 120).

В рескрипте остготского правительства от 507/511 г., приведенном Кассиодором, рустики выступают как зависимое сельское население, находившееся под патронатом знатного магната по имени Венанций [78]. Этот Венанций, нуждаясь в деньгах для уплаты долга за несостоятельного должника, поручителем которого он являлся, захотел добыть нужную ему сумму в 400 солидов, взыскав ее с зависимых от него земледельцев (rustici). Однако притязания Венанция правительство сочло незаконными и послало особое распоряжение сайону Фрумариту, с тем чтобы он пресек вымогательства Венанция (C a s s. Var., II, 13.1—2). Кассиодор упоминает о рустиках как о зависимом сельском населении Италии и в других местах своего обширного труда. Лишь в редких случаях rusticus у Кассиодора является синонимом раба (famulus) (например, C a s s. Var., VIII, 31.9), но, как правило, в документах, собранных в «Вариях», рабы и рустики противопоставляются друг другу (C a s s. Var., VI, 9.2).

Вместе с тем термин rustici носит двойственный характер и обозначает не только зависимых сельских тружеников, но и свободных земледельцев. Так, в одном месте труда Кассиодора рустики предстают перед нами как обедневшие свободные люди, правда, уже теряющие свою свободу, т. к. они могут быть подвергнуты позорному наказанию палками [79]. Рустики,

---

и потребовать материальной компенсации. Подобное значение этого термина встречается и в «Вариях» Кассиодора. Наиболее ярким примером употребления термина rusticitas (деревенщина) в широком, собирательном значении может являться одно место из переписки Кассиодора, где «деревенщине», т. е. «сельским жителям» противопоставляются те посессоры и куриалы Бруттия, которым остготское правительство даровало почести и назначало на общественные должности (C a s s., Var., VIII, 31.4. Ср. E n n o d. Dict., 10.5).

[78] См. о нем: RE, 2. R., Hbd. 15, Sp. 675.

[79] В этом письме, адресованном от имени Аталариха правителю Лукании и Бруттия — Северу, рассказывается, как во время ежегодной ярмарки в Лукании вследствие «наглой дерзости» местных рустиков происходили нападения на торговцев. Виновные в подобном преступлении рустики подвергались наказанию палками (fustuariae subdatur protinus ultioni). К установлению порядка и преследованию рустиков привлека-

жившие в патримониях короля, противопоставляются как свободные люди рабам (Cass. Var., VI, 9. 2). Подобная двойственность терминологии, видимо, в какой-то степени отражает реальную двойственность самого положения рустиков в Италии в период остготского владычества.

Употребление этого термина в источниках показывает сочетание черт свободы и зависимости в положении данной категории сельского населения Италии конца V—первой половины VI в.

Под термином rustici в Остготском государстве подразумевалось по преимуществу зависимое сельское население, по своему положению сходное с колонами, но ближе, чем колоны, стоявшее к свободным людям и в связи с этим пользовавшееся некоторыми, довольно существенными преимуществами.

Наиболее показательно для характеристики положения рустиков в Остготском государстве чрезвычайно важное предписание эдикта Теодориха, являвшееся нововведением самого остготского правительства: «Никому не дозволяется против воли господина требовать от чужого рустика (rustico alieno) работы или услуг (operas aut obsequium imperare) и не разрешается пользоваться его рабом (eius mancipio) или быком, за исключением того случая, когда это делается по желанию самого рустика, или кондуктора, или господина». Нарушитель этого постановления был обязан уплатить в качестве возмещения за день работы рустика или быка по одному солиду золота (E. Theod., 150).

При анализе этой статьи эдикта Теодориха прежде всего бросается в глаза явная двойственность в положении рустика. С одной стороны, он выступает как человек зависимый, подчиненный воле господина, без разрешения которого запрещается использовать его труд. С другой стороны, рустик обладает и некоторыми преимуществами по сравнению с другими категориями зависимых людей. Прежде всего ему принадлежат некоторые права на имеющиеся у него средства производства, состоящие из рабов и рабочего скота. В известных случаях рустик может ими распоряжаться независимо от воли господина, ибо в эдикте особо оговаривается, что без согласия самого рустика нельзя использовать труд его раба или быка (E. Theod., 150). Следовательно, использование находящихся в распоряжении рустика средств производства было возможно при соглашении с самим рустиком [80].

лись не только государственные чиновники, но и посессоры и кондукторы окрестных имений (Cass. Var., VIII, 33. 1—2).

[80] П. Виноградов (указ. соч., стр. 92) считает, что ст. 150 характеризует положение всех категорий колонов Италии. При этом он подчеркивает, что с момента издания эдикта Теодориха воля господина заменяет закон и наступает период господства обычая, а не права.

Это предписание эдикта Теодориха, на наш взгляд, является важным свидетельством того, что рустики как наиболее близкая к свободным крестьянам категория зависимого населения, имели возможность довольно свободно распоряжаться своими средствами производства и что остготское правительство было принуждено не только признать, но и санкционировать это право рустиков [81]. При сравнении положения рустика с положением оригинария и колона показательным является то, что рустик в данном предписании эдикта сам выступает как лицо, владеющее рабами, а также рабочим скотом. Из этого следует, что по своему реальному экономическому положению рустик стоял выше не только раба, но и колона-оригинария [82].

Ценные свидетельства о том, что рустики Италии в правление первых остготских королей обладали своим небольшим хозяйством и имели такие средства производства, как рабочий скот и даже рабы, мы находим и в «Вариях». Так, описывая плодородие и богатства области Регия, Кассиодор сообщает, что в садах рустиков постоянно трудились работники (agmen habetur operosum), занимающиеся возделыванием и поливкой овощей (Cass. Var., XII, 14.3). Среди работников, трудившихся в садах рустиков, могли быть не только сами рустики и члены их семей, но, возможно, и их рабы, о которых прямо говорит ст. 150 Эдикта Теодориха. Привлекают внимание и слова Кассиодора о садах и огородах рустиков.

В письме Аталариха от 527 г., включенном в «Варии», сохранилось и другое ценное известие, также подтверждающее наши предположения. Упомянув, что рустики Сцилатинской территории похитили коней у знатного путешественника близ источника Аретузы, король Аталарих предписывает схватить преступников и временно содержать их в собственных домах (teneantur in suis laribus quieti). Таким образом, в этом послании прямо указывается, что рустики принадлежали к той категории сельского населения, которая имела свои дома (Cass. Var., VIII, 32.5).

---

[81] А. Р. Корсунский (указ. соч., стр. 61), толкуя статью 150, акцентирует внимание на том, что, согласно этому предписанию, собственник земли мог распоряжаться средствами производства, находящимися в пользовании колона-рустика. Однако он оставляет в тени то обстоятельство, что сам рустик также мог давать согласие на использование его раба и быка (eius mancipio aut bove), что указывает на наличие праву самого рустика на эти средства производства.

[82] Ф. Дан (op. cit., Bd. IV, S. 100) полагает, что включение в эдикт Теодориха ст. 150 было вызвано тем, что остготы после завоевания Италии широко использовали труд рабов и рустиков своих соседей римлян; против этих злоупотреблений и выступает теперь остготское правительство. Однако следует добавить, что в этот период труд несвободных людей, принадлежащих другим лицам, использовала не только остготская, но и римская знать.

В другом письме того же короля рустики именуются людьми среднего состояния (mediocres), правда, в противоположность могущественным лицам (praepotentes) (C a s s. Var., VIII, 31.5).

Однако, стремясь изобразить картину процветания провинций Италии в правление остготских королей, Кассиодор впадает в явную идеализацию положения рустиков. Так, яркими красками живописуя идиллическую картину богатств и красот природы Бруттия, Кассиодор пишет: «Живут там деревенские жители (rustici), пируя, как горожане; люди с умеренным состоянием (mediocres) наслаждаются изобилием, подобно самым могущественным, ибо ясно, что даже малое состояние недалеко от богатства» (C a s s. Var., VIII, 31,5). При всей тенденциозности данного описания жизни рустиков, все же это место из «Варий» Кассиодора привлекает особое внимание упоминанием собственного, хотя и незначительного, состояния у рустиков. Всем сказанным подтверждаются данные эдикта Теодориха о том, что рустики обладали своим хозяйством и некоторыми средствами производства.

Кроме участков земли, которые рустики арендовали у крупных земельных собственников, они могли приобретать свое недвижимое имущество. Так, согласно купчей грамоте, сохранившейся в собрании равеннских папирусов, один рустик, живший на земле Равеннской церкви, купил в 504 г. у аргентария Флавия Василия за 18 солидов участок поля под названием Ветезека, расположенный на территории равеннской округи (M a r., 113). Рустики могли самостоятельно заключать кредитные и торговые сделки. Так, рустик Епифан, живший также на церковной земле, занял у одного богатого гота весьма значительную сумму в 400 солидов, за которую расплачивался работой в имении кредитора (E n n o d. Epp., VII, 1).

Правовое положение рустиков отличалось от положения других категорий зависимых людей: колонов, оригинариев и особенно рабов. За насилие, поджог, нарушение прав собственности соседа колоны и рабы наказывались смертной казнью (E. Theod., 61, 97, 104); рустики же, как и низшие категории свободных (humiliores), подвергались лишь телесному наказанию (C a s s. Var., VIII, 33. 2). Они лично отвечали перед судом за совершенные правонарушения, господин же не нес за них судебной ответственности (C a s s. Var., VIII, 32). Связь рустика с господином в основном ограничивалась поземельной зависимостью; господин имел на личность рустика меньше прав, чем на личность колона; он не мог даже полностью распоряжаться трудом рустика (E. Theod., 150).

Повинности, которые несли рустики в пользу своих господ, видимо, были уже регламентированы. Так, когда упомянутый выше землевладелец Венанций захотел собрать с сидевших на

его землях рустиков незаконные поборы, они отказались их платить, а правительство в ответ на настойчивые жалобы и протесты рустиков принуждено было признать их правоту (C a s s. Var., II, 13).

Подобное предписание остготского правительства указывает, что рустики платили своим патронам уже определенно фиксированные и освященные обычаем взносы, и в случае незаконных вымогательств со стороны крупных землевладельцев оказывали сопротивление, с которым правительство должно было в какой-то степени считаться, запрещая взыскивать с рустиков незаконные поборы.

Платежи рустиков состояли, видимо, из натуральных и денежных взносов и отработок на земле господина. Так, Венанций, добиваясь получения нужной ему суммы денег, пытался взыскать ее с подвластных ему рустиков в виде денежных платежей (C a s s, Var., II, 13). Об использовании же труда рустиков для обработки имений землевладельцев сообщает эдикт Теодориха (E. Theod., 150) и нарративные источники (E n n o d. Epp., VII, 1). Труд рустиков имел и в это время наибольшее распространение на королевских землях и в патримониях церкви. В королевских имениях Южной Италии земли обрабатывались преимущественно рустиками под надзором королевских арендаторов-посессоров и кондукторов (C a s s. Var., II, 13.1; VIII, 31—33; XII, 5.4; 14.3).

В формуле comitivae patrimonii, приведенной у Кассиодора, указывается, что в обязанности comes patrimonii входит управление наследственными владениями королевского дома и населявшими их рустиками (C a s s. Var., VI, 9.2). Рустики патримониальных владений короля подчинялись суду comes patrimonii. В формуле comitivae patrimonii предписывается, чтобы comes patrimonii проявлял по отношению к рустикам, принадлежащим к имуществу королевского дома, твердую власть в соединении со снисходительностью, ибо его обязанностью является защита имущества частных лиц, а не их притеснение (C a s s. Var., VI, 9.1—2). Иногда рустики, жившие в патримониях остготских королей, помимо возделывания земли, занимались различными подсобными промыслами: рыболовством, добыванием и изготовлением пурпура и др. (C a s s. Var., I, 2.5). Среди земледельцев, обрабатывающих в этот период церковные земли, также было немало рустиков (E n n o d., Epp., VII, 1; M a r., 113), но особенно широкое распространение их труд на церковных землях получил в конце VI — начале VII в. [83]

---

[83] См. ниже, стр. 469.

С течением времени рустиков все больше прикрепляли к земле, которую они обрабатывали. Так, остготское правительство в интересах землевладельческой знати покровительствовало закреплению рустиков за имениями знати: поселившегося в имении беглого рустика можно было возвращать на старое место жительства только с согласия владельца имения, его управляющего или кондуктора (E. Theod., 69).

Таким образом, несмотря на расплывчатость термина rustici в источниках конца V — первой половины VI в., все же на основании сопоставления вышеприведенных данных можно сделать некоторые наблюдения об экономическом и правовом положении рустиков. Рустики этого времени в большинстве случаев сельские жители, некогда свободные, но теперь уже потерявшие или теряющие свою свободу и попадавшие в зависимость как от светских землевладельцев, так и от фиска и церкви. Однако они еще сохраняли некоторые преимущества по сравнению с другими низшими категориями зависимых людей: так, они имели бо́льшую хозяйственную самостоятельность, чем другие категории колонов, распоряжались своими средствами производства, имели небольшое хозяйство, активно отстаивали установленную обычаем норму оброка за пользование землей. По своему положению они стояли ближе к свободным мелким землевладельцам, чем собственно колоны или колоны-оригинарии.

Вместе с тем положение свободных мелких землевладельцев также изменялось; углубление социальной и имущественной дифференции среди свободных готов и римских посессоров приводило к тому, что часть обедневшего сельского населения Италии превращалась в зависимых людей, теряла свою землю и, движимая тяжкой нуждой, вступала под патронат могущественных лиц (см. выше, стр. 63 сл.).

Формы зависимости, в которую теперь попадали разорившиеся мелкие римские и остготские землевладельцы Италии, были, видимо, весьма многообразны. Часть обедневших посессоров, как мы видели, превращалась в колонов, обрабатывающих земли крупных земельных собственников, или даже в рабов, посаженных на землю. Помимо этого существовали, однако, и другие переходные, несколько более мягкие формы зависимости: с одной стороны, они напоминали римскую клиентеллу, с другой — предвосхищали будущие отношения феодала и его вилланов. Однако основой всех этих форм зависимости почти всегда было предоставление земельным собственником зависимому человеку участка земли при условии выполнения определенных повинностей и служб в пользу господина. Зависимого человека и его патрона также связывали и узы личной службы, поэтому часто в источниках того времени земле-

владельцы называли зависимых земледельцев «своими людьми» (sui homines.— C a s s. Var., V, 12.2; X, 5). Этот термин нередко применялся и в отношении зависимых людей церкви (homines ecclesiae.— C a s s. Var., II, 29.2; III, 14; IV, 44.1).

Источники упоминают о том, что крупные собственники как светские, так и духовные использовали своих людей (sui homines) для захвата имущества обедневших соседей, видимо, создавая из них небольшие вооруженные отряды (C a s s., Var., IV, 39, 44; V, 12; E. Theod., 75). Часть зависимых людей исполняла обязанности слуг в домах знати; эти слуги обычно назывались «домочадцами» (familiares) своего господина. Термином familiares обозначались как некогда свободные, но превратившиеся в зависимых людей слуги (в таком случае этот термин был синонимом homines.— C a s s. Var., IV, 44. 1), так и рабы — famuli [84] (C a s s. Var., I, 30.4). Домочадцы-слуги, в отличие от рабов, хотя и находились от своих господ в несколько более легкой зависимости, но юридически тоже были бесправными людьми. Согласно одной из статей эдикта Теодориха, «домочадцы» (familiares) были тесно связаны узами личной службы со своим господином и подчинены ему (E. Theod., 49). Зависимость домочадцев от их господина нашла юридическое выражение в том, что они, подобно вольноотпущенникам, оригинариям и рабам, не могли выступать в судебных процессах в качестве обвинителей своих господ, за исключением дел об оскорблении величества [85].

В остготский период начинают получать все большее распространение и различные формы аренды земли. Так, в formula comitivae privatarum, сохраненной у Кассиодора, содержатся ценные данные о том, что на королевских землях в Остготском государстве жили лично свободные наследственные арендаторы-перпетуарии, которые вносили точно установленные платежи за пользование землей короля (C a s s. Var., VI, 9.5).

Уже в это время в Италии, видимо, зародилась и ливеллярная аренда, игравшая чрезвычайно большую роль в последующие столетия. Так, Кассиодор рассказывает, что некто Фома получил в ливеллярную аренду (libellario titulo) земли королевского патримония в Апулии (C a s s. Var., V, 6.1).

Можно предположить, что какая-то часть свободных арендаторов как королевских доменов, так и церковных патримониев и владений знати постепенно также теряла свою свободу.

Распространение различных форм зависимости, характерных для переходного периода от рабовладельческого общества

---

[84] В данном случае термин famulus употреблен как синоним термина familiaris (C a s s. Var., I, 30.2). Речь идет о рабе сенатора (famulus senatoris), совершившем убийство свободного человека.

[85] E. Theod., 48—49.

к феодальному, способствовало дальнейшей нивелировке отдельных категорий зависимого населения Италии.

Рассмотрение форм эксплуатации трудового населения Италии в конце V — начале VI в. приводит нас к следующим выводам.

На положение трудового населения Италии яркий отпечаток наложила борьба двух тенденций экономического и социального развития: отживающей рабовладельческой и развивающейся феодальной. Борьба этих двух тенденций проявляется прежде всего в том, что наряду с рабством, не потерявшим еще экономического значения, в сельском хозяйстве Италии все большее распространение получает труд колонов, рустиков и свободных земледельцев, причем удельный вес труда этих категорий населения все возрастает, хотя рабство еще медленно уступает свои позиции.

Борьба рабовладельческой и феодальной форм эксплуатации сказывается и в том, что в положении отдельных категорий трудового населения Италии некоторые черты, восходящие еще к социально-экономическим отношениям рабовладельческого общества, сочетаются с качественно-новыми формами эксплуатации трудящихся, уже знаменующими собой переход к феодальному строю.

Рассмотренные нами свидетельства источников раскрывают картину значительной пестроты зависимого сельского населения остготской Италии, что как раз и является характерным для переходного периода, который переживало Средиземноморье в VI в. Наряду с рабами и колонами мы встречаем здесь рустиков, т. е. свободных людей, терявших свою собственность и свободу и становившихся зависимыми. Статус рабов и колонов также не оставался прежним, но постепенно изменялся таким образом, что у рабов и колонов укреплялись их владельческие права на пекулий.

В положении оригинариев и колонов, как мы видели, остаются еще некоторые пережитки рабовладельческих отношений, сближающие их с рабами; вместе с тем оригинарии и колоны существенно отличались от рабов, что дает право считать их предшественниками средневековых крепостных.

Положению же рустиков были присущи черты сходства со свободным крестьянством; в то же время они все более вовлекались в зависимость от крупных землевладельцев.

Вместе с тем изменялось положение свободного трудового населения Италии. При некотором общем увеличении удельного веса свободного крестьянства в результате поселения остготов и других племен на территории Италии среди свободных

земледельцев-варваров продолжался процесс имущественной и социальной дифференциации, связанной с обеднением части крестьян и потерей ими земельных участков, а затем и свободы.

Иначе говоря, в VI в. уже начали выкристаллизовываться основные черты будущей феодальной зависимости; из различных социальных категорий рабовладельческого и варварского общества в этот период формировалось раннесредневековое крестьянство.

Следовательно, мы вправе характеризовать крупную земельную собственность остготской Италии если еще не как феодальную, то во всяком случае как феодализирующуюся. К сожалению, состояние источников не позволяет нам выяснить ни преобладающую форму ренты, ни отличие в способах эксплуатации земли во владениях тех или иных категорий светской и духовной знати.

В Италии начинался сложный и длительный процесс формирования как основного производительного класса феодального общества — феодально-зависимого крестьянства, так и господствующего класса этого общества — феодальных землевладельцев.

Глава IV

РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ И ГОРОДА ИТАЛИИ В КОНЦЕ V — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI ВЕКА

Представления буржуазных исследователей о судьбах итальянского города в период, непосредственно следующий за падением Поздней Римской империи, тесно связаны с их общими воззрениями на развитие европейской экономики раннего средневековья. Ученые XIX в. рассматривали этот период как время натурализации хозяйства и упадка городской жизни; в соответствии с этими общими взглядами и исследователи истории Остготского государства говорили об упадке экономической жизни городов Италии. Так, Г. Сарториус полагал, что варварские завоевания разрушили торговлю Италии, прервали торговые связи с Востоком и привели в конечном счете к замиранию городской жизни [1]. А. Гальбан считал, что остготское завоевание способствовало натурализации хозяйства Италии, поскольку остготы-завоеватели якобы еще не знали товарно-денежных отношений [2].

В XX в. вся эта система взглядов была подвергнута пересмотру А. Допшем. В связи с общими идейно-политическими задачами, поставленными перед буржуазной историографией в период империализма, А. Допш, как известно, полностью отрицал революционный характер перехода от рабовладения к феодализму.

Прямым следствием этого было стремление А. Допша доказать отсутствие качественной разницы в экономической жизни античного и раннесредневекового мира. В частности, Допш выступил «против господствующей теории о преобладании

---

[1] G. Sartorius. Versuch über die Regierung der Ostgothen..., S. 188 f.

[2] A. Halban. Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten. Breslau, 1899.

вотчины в экономической «жизни» остготской Италии[3] и указал на ряд фактов, свидетельствующих о сохранении торговли и ремесла в это время. К аналогичным выводам пришел и А. Пиренн, считавший, что только в VIII в. «городская экономика» Европы уступила место аграрной [4]. Эти взгляды были приняты и авторами некоторых специальных работ. Так теория А. Допша была доведена до крайности в труде Г. Гейсса, который вопреки историческим фактам утверждал, что в экономике Италии в период владычества остготов денежное хозяйство получило полное преобладание над натуральным [5].

Более осторожную позицию в этом вопросе занял Д. Луццатто. Не отрицая экономического кризиса, охватившего Италию в период Поздней Римской империи и связанного с известным упадком городов, он все же полагал, что этот упадок никогда не был полным. Именно в сохранении городов и даже в преобладании городского строя в течение всего раннего средневековья Луццатто усматривает своеобразие экономического развития Италии [6]. Исходя из этих общих воззрений на роль городов в истории средневековой Италии, Луццатто оценивает правление Теодориха как время известного возрождения городской жизни [7].

Исследование состояния ремесла, торговли и положения городов в Остготском государстве наталкивается на чрезвычайно большую трудность: крайний недостаток источников. Сколь ни ограничен материал источников, позволяющий судить об аграрном развитии готской Италии, он все же несравнимо более богат, нежели сведения о городах на рубеже V и VI вв. Достаточно указать, что подавляющее число статей эдикта Теодориха связано с сельским бытом и лишь в нескольких статьях (E. Theod., 119, 139—140, 149) затрагивается вопрос о городах, ремесле и торговле; в «Вариях» Кассиодора и равеннских папирусах также содержится лишь отрывочный материал по этому вопросу. И все же некоторые данные могут быть —

---

[3] A. Dopsch. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, Bd. II. Wien, 1924, S. 439.

[4] H. Pirenne. Histoire économique de l'Occident médiéval. Bruges, 1951, p. 63. Cp. A. R. Lewis. Naval power and trade in the Mediterranean. A. D. 500—1100. Princeton, 1951, p. 93 f.

[5] H. Geiss: Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen im staatlichen Aufbau Italiens während der Gotenzeit. Stuttgart, 1931. Cp. A. Heerklotz. Die Variae des Cassiodorus Senator als kulturgeschichtliche Quelle. Heidelberg, 1926, S. 44 f.; G. A. Punzi. L'Italia del VI secolo nelle Variae di Cassiodoro. Aquila, 1927.

[6] Д. Луццатто. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 186.

[7] Там же, стр. 157—160.

хотя и по крохам — собраны, и они позволяют прийти к определенным выводам.

Официальная переписка остготских королей сохранила нам сведения о горном деле этого времени. В Далмации существовали рудники (ferrariae), где добывалась железная руда (Cass. Var., III, 25, 26). В некоторых случаях земельные участки, богатые ценными ископаемыми, передавались для разработки частным лицам (Cass. Var., VII, 44). Особенно подробны сведения о разработке золота в королевской массе Рустициан, в области Бруттий. Из послания Аталариха от 527 г. мы узнаем, что об обилии золота в Рустициане сообщил специальный ремесленник (artifex) Феодор, производивший, по-видимому, разведку. Затем комит патримония послал туда чиновника (chartarius), чтобы организовать в Рустициане добычу драгоценного металла и с этой целью создать там officina — государственное ремесленное предприятие (Cass. Var., IX, 3. 2). Кассиодор, несмотря на обычную склонность к пышной и бессодержательной риторике, останавливается, хотя и весьма кратко, на технике добычи золота; он говорит о людях, которые уходят под землю (sub terris) в глубокий мрак (calligines profundas), живут без дневного света, сообщает, что мастера с помощью воды отделяют тяжелые частицы от породы и в специальных тиглях (fictilibus) помещают эти частицы в горн (fornace), покуда золото не начнет плавиться (Cass. Var., IX, 3.3).

Рассказывая о добыче золота в Рустициане, Кассиодор не может удержаться от восторженных замечаний и восхваления золотоискателей. Это, по его словам, единственные из людей, кто может приобретать деньги, не пользуясь ярмарками (Cass. Var., IX, 3.3).

В «Вариях» мы найдем также рассказ об организации кораблестроения в Остготском королевстве. Оказывается, правительство Теодориха задумало построить тысячу кораблей, которые Кассиодор называет дромонами [8]. По его словам, при Теодорихе были созданы верфи для постройки судов (officia nautarum.— Cass. Var., V, 17.1. Не следует ли здесь читать officina?). Для этих верфей доставлялся строевой лес из королевских поместий (Cass. Var., V, 18.3), расположенных по обоим берегам По (Cass. Var., V, 17.5; 20.1). Остготское правительство пыталось стимулировать возрождение государственных мастерских по изготовлению пурпура в Истрии (Cass., Var., I, 2.7; XII, 22.5), покровительствовало таким промыслам,

---

[8] Cass. Var., V, 16.2. В Византии дромоном называли большой корабль, где было свыше двухсот гребцов. (См. H. Bibicou. Problèmes de la marine byzantine.— «Annales», 1958, № 2, p. 336). Цифра Кассиодора, без сомнений, преувеличена: 200 тыс. гребцов в Италии VI в. не могло бы быть. Ср. Д. Луццатто. Указ. соч., стр. 158.

как добыча соли на побережье Адриатики (C a s s. Var., XII, 24.6).

Наиболее эффективным стимулом для развития государственного, да отчасти и частного ремесленного производства являлась довольно обширная строительная деятельность остготского правительства. В правление Теодориха и его ближайших преемников в Италии проводились общественные работы по строительству военных укреплений (C a s s. Var., I, 17, 28; III, 48; V, 9), восстановлению городских стен (C a s s. Var., II, 7, 34; III, 44; 49; V, 9; IX, 14.2), дорог и мостов (C a s s. Var., I, 29; II, 31; XII, 18), водопроводов и клоак в Риме, Равенне, Вероне, Парме и других городах Италии (C a s s. Var., III, 30; IV, 31; V, 38; VIII, 29—30). При Теодорихе были построены новые дворцы и храмы в Равенне (Anon. Vales., XII, 71; C a s s. Var., I, 6; III, 9—10; V, 8), восстановлены древние постройки (дворцы, термы, храмы, театры) в Риме (C a s s. Var., I, 21; IV, 51; Anon. Vales., XII, 67), построены и реставрированы общественные здания в Вероне и Тичине (Anon. Vales., XII, 71), Сполеции (Сполето) (C a s s. Var., II, 37), Сиракузах (C a s s. V a r., IX, 14), Катане (ibid., III, 49) и в других городах Остготского государства.

Строительство проводилось частично за счет государственных субсидий (C a s s. Var., I, 27; II, 34, 37; III, 44.2; IV, 51), частично за счет жителей городов (C a s s. Var., III, 49; V, 9, 38; VIII, 29; IX, 14.2) или частных лиц (C a s s. Var., III, 29; IV, 24). Весьма распространенным явлением оставалось привлечение трудового населения к строительным работам в порядке отбывания повинностей (C a s s. Var., III,49; V, 9). В рудниках, на строительных работах и в государственных мастерских, как мы видели, широко применялся еще труд государственных рабов (см. выше, стр. 70). К строительству военных укреплений привлекались и остготские воины (C a s s. Var., III, 48). Население было также обязано поставлять государству строительные материалы (мрамор, камень и т. п.) для проведения общественных работ (C a s s. Var., I, 28; II, 7).

Довольно широкая строительная деятельность первых остготских правителей Италии,и в частности Теодориха, проводилась как в целях обороны государства от внешних врагов,так и для поднятия политического престижа королевской власти, особенно в глазах ее римских подданных, перед которыми она хотела предстать как покровительница античной культуры [9].

Конечно, как справедливо заметил Д. Луццатто, в оживлении строительной деятельности и общественных работ еще нель-

---

[9] О строительной деятельности Теодориха см. Д. Л у ц ц а т т о. Указ. соч., стр. 158 сл.; E. S t e i n. Histoire..., t. II, p. 338.

зя усматривать безусловный признак прогресса экономики [10]. Но вместе с тем бесспорно, что проведение общественных работ и строительство военных укреплений, дворцов, храмов, театров, терм и других подобных сооружений способствовало хотя бы временному оживлению ремесленного производства, поскольку во время этих работ использовался труд разнообразных ремесленников: искусных резчиков по камню, мозаичистов, художников, архитекторов, золотых дел мастеров и других специалистов.

Однако известия Кассиодора, несмотря на панегирический характер «Варий», имевших определенную тенденцию приукрасить экономическое состояние страны, позволяют тем не менее заметить известные черты упадка в системе государственных мастерских. Так, государственные оружейные мастерские, сохранившиеся от Римской империи в Кремоне, Мантуе, Вероне, Луке, Тичине, Конкордии и некоторых других городах, теперь, по-видимому, были не в состоянии обеспечить потребности государства в оружии, поскольку готам приходилось покупать его у других народов (Cass. Var., V, 1). Неблагополучно обстояло дело также и с чеканкой монеты: хотя государственные монетные дворы существовали в Риме, Равенне, Милане, Тичине, Арелате, Сирмии [11], однако из сообщения Кассиодора (Cass. Var., V, 39) мы узнаем о монетариях, которые переставали работать на государство (in usum publicum) и переходили в услужение к частным лицам (in privatorum compendium).

По королевскому приказу от 507/511 г. государственные гончарные мастерские (figulinae) были переданы (concessae) двум частным лицам: Ампелию и Феодулу, которые, если судить по именам, вероятнее всего, были греками [12].

Археологические находки последних десятилетий знакомят нас с материальной культурой Италии конца V — первой половины VI в. Среди найденных археологами вещественных памятников этого времени имеются предметы ремесленного производства как местных римско-италийских мастеров, свидетельствующие о развитии гончарного производства, ткачества, ювелирного дела и металлообработки, так и изделия ремесленников-остготов. Например, до нас дошли обнаруженные в датируемых этим временем, могильниках остготской знати близ Равенны, Цезены (Чезены) и на Фламиниевой дороге готские украшения различных типов: золотые и серебряные фибулы

---

[10] Д. Луццатто. Указ. соч., стр. 158.

[11] F. F. Kraus. Die Münzen Odovacars und des Ostgothenreiches in Italien. Halle, 1928.

[12] Cass. Var., II, 23.

с ромбовидным основанием и орлиным орнаментом, четырехугольные пряжки, золотые браслеты, инкрустированные драгоценными камнями, и другие произведения ювелиров [13]. Ремесленное производство, достигшее у остготских племен известной степени развития еще до их переселения в Италию [14], подверглось здесь значительному влиянию высокоразвитой для того времени ремесленной техники римско-италийских мастеров.

Скудные данные источников не позволяют составить сколько-нибудь полное представление об организации частноремесленного производства в городах Италии в конце V — первой половине VI в.

Можно лишь указать на то, что в связи с общей натурализацией хозяйственной жизни страны и начавшимся экономическим упадком городов в Италии в это время происходила существенная перестройка ремесленного производства, выразившаяся прежде всего в постепенном перемещении ремесла из города в поместье. Наиболее ярким показателем этого процесса является сокращение производственной деятельности ремесленных коллегий в городах Италии и массовое бегство ремесленников-коллегиатов из городов в поместья крупных земельных собственников. К этому времени сама форма принудительного объединения ремесленников в коллегии уже себя изжила, и коллегии стали сковывать дальнейший рост ремесленного производства, в то время как условия формирующегося феодального поместья давали уже бóльший простор для нового развития ремесла.

Остготское правительство под давлением землевладельческой знати использовало римский закон о 30-летней давности для юридического признания законности прав новых патронов на поселившихся в их имениях беглых коллегиатов. Эдикт Теодориха закреплял беглых коллегиатов по прошествии 30 лет за имениями новых владельцев, если только они не платили в течение этого срока налогов на старом месте жительства (E. Theod., 69; ср. C.Th., XIV, 7.1).

Предписание эдикта относительно коллегиатов свидетельствует о дальнейшем разорении основной массы трудового на-

---

[13] О готских древностях Италии см. N. Åberg. Die Goten und Langobarden in Italien. Uppsala, 1923, S. 1—31; F. Altheim. Niedergang der alten Welt. Frankfurt am Main, 1952, S. 105 f.; J. Werner. Die archäologischen Zeugnisse der Gothen in Südrussland, Ungarn, Italien und Spanien.— «I Goti in Occidente. Settimane di Studio del centro italiano di studi sulll'alto medioevo», vol. III. Spoleto, 1956, p. 127 sg.

[14] О материальной культуре готов в период их пребывания в Паннонии см. A. Alföldi. Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien, Bd. II. Berlin — Leipzig, 1926, S. 97 f.; L. Schmidt. Die Ostgothen in Pannonien.— «Ungarische Jahrbücher», Bd. VI, H. 4, 1926, S. 459 f.

селения городских общин, стремившейся освободиться путем бегства из общины от принудительного прикрепления к ремесленным коллегиям и найти спасение в имениях землевладельцев. Однако беглецов ожидало там жестокое разочарование; они или пополняли ряды сельской бедноты, или вскоре превращались в зависимых людей.

О чрезвычайно бесправном и бедственном положении коллегиатов в период правления остготов в Италии говорит и постановление Теодориха, согласно которому свободный бедняк, вступивший в связь с девушкой-рабыней или оригинарией, не желающий стать рабом ее господина, но не имеющий средств для того, чтобы отдать хозяину девушки двух рабов, подвергался наказанию палками и делался коллегиатом соседней городской общины (vicinae civitatis collegio deputatur.—E.Theod., 64; ср. Nov. Valent. III., 31.5). Это постановление является ярким свидетельством низкого общественного положения коллегиатов, ибо включение в число коллегиатов рассматривалось как унизительное наказание, заменяющее обращение в рабство, которому подвергались лица, совершившие серьезные преступления.

Вместе с тем тот факт, что превращение свободного человека в коллегиата являлось строгой мерой наказания, показывает, насколько трудно было удержать ремесленников в их коллегиях. Нуждаясь в пополнении приходящих в упадок коллегий, государство принуждено было прибегать даже к такой мере, как принудительное прикрепление к коллегии за совершение уголовного преступления.

Черты упадка, которые, как мы видели, дают себя знать в городском ремесленном производстве Италии, несмотря на попытки остготского правительства оживить деятельность государственных мастерских, обнаруживались и в области торговли, что также свидетельствует о дальнейшей натурализации хозяйства.

Внешняя торговля Италии значительно сократилась. Распад единой Римской империи естественно привел если не к полному разрыву, то к уменьшению торговых связей между Востоком и Западом.

Сокращению внешней торговли Италии способствовало также и то, что значительная часть ее флота была уничтожена во время войн с вандалами и другими варварскими народами. Попытки же остготского правительства создать свой флот, о которых мы уже упоминали, реальных результатов, видимо, не принесли. Отсутствие гарантии безопасности плавания на море заставляло теперь италийских купцов в большинстве случаев отказываться от далеких заморских путешествий.

Тем не менее некоторые италийские центры (особенно города южной Италии) сохранили известные связи с Грецией, Малой Азией, Сирией, Египтом и Северной Африкой. Так, в Неаполе еще в VI в. жили сирийские купцы [15]. Кассиодор сообщает, что на ярмарках Бруттия можно было видеть не только местные продукты (propriis fructibus), но и привозные товары (peregrino penu.—Cass. Var., VIII, 31.5). Возможно, впрочем, что известное оживление торговли южной Италии с Востоком относилось преимущественно к правлению Аталариха, т. е. ко времени политического сближения остготского правительства с Восточной Римской империей (упомянутое послание Кассиодора датируется 527 г.).

Остготское правительство в соответствии со своей общей внешнеполитической ориентацией на союз с варварскими германскими государствами Запада пыталось установить торговые связи с этими народами. Наиболее прочными были экономические связи Италии в этот период с Южной Галлией (Провансом), временно входившей в состав Остготского государства [16]. Кассиодор сообщает о закупке италийскими купцами хлеба в Вестготском королевстве в Испании (Cass. Var., V, 35), однако торговые связи Остготского и Вестготского королевств не приобрели постоянного характера и, видимо, не имели широкого размаха.

Известно, кроме того, что остготское правительство покровительствовало торговле с племенем варнов, которые привозили в Италию славившееся своими превосходными качествами оружие, закупаемое у них равеннским двором (Cass. Var., V, 1). Эпизодической, по-видимому, была торговля Остготского государства с племенем эстов, привозившим с берегов далекой Балтики драгоценный янтарь (Cass. Var., V, 2).

Остготское правительство благоприятствовало ввозу нужных стране, и в первую очередь остготской знати, товаров (оружия, различных заморских тканей, предметов роскоши и т. п.). В 508/511 г. остготское правительство освободило иноземных купцов, ввозивших на кораблях необходимое продовольствие в страну, от уплаты налога с торгового оборота (siliquaticum.—

---

[15] Один из этих купцов — богатый сириец Антиох пользовался большим политическим влиянием в Неаполе.— Procop. BG, I, 8.21. О сирийских купцах на западе в раннее средневековье см. P. Scheffer-Boichorst. Zur Geschichte der Syrer im Abendlande.—«Mitteilungen des Instituts für österr. Geschichtsforschung», Bd. VI, 1885; L. Jalabert. Les colonies chrétiennes d'orientaux en Occident du V-e au VIII-e siècle.—«Revue de l'Orient chrétien», vol. I, 1904; L. Bréhier. Les colonies d'Orientaux en Occident au commencement du moyen âge.— BZ, Bd. 12, 1903.

[16] R. Büchner. Die Provence in Merowingischer Zeit. Stuttgart, 1933, S. 1—32.

C a s s. Var., IV, 19.2). Аталарих запретил произвольное понижение цен на заморские товары, ввозимые иностранными купцами в Сицилию (C a s s. Var., IX, 14.9) [17].

Несколько иной была политика остготского правительства в отношении вывоза товаров из Италии. Недостаток продуктов питания в стране приводил к тому, что оно принуждено было иногда запрещать или временно ограничивать их вывоз. Это было вызвано также и соображениями фискального характера. Для того чтобы предотвратить продажу землевладельцами продуктов сельского хозяйства до уплаты натуральных налогов государству, остготское правительство запретило купцам вывозить из страны хлеб (peregrinas naves frumentis oneret ad aliena litora transituras.— C a s s. Var., I, 34.2), свиное сало (C a s s. Var., II, 12) и другие продукты до тех пор, пока налогоплательщики не сдадут в государственные амбары все установленные законом натуральные поставки. Что касается вывоза других товаров, то он, хотя и не был ограничен государством, но, видимо, оставался незначительным по своим масштабам. По крайней мере в источниках особо упоминается лишь об экспорте из Италии корабельного и строевого леса, что приносило значительные доходы государству (C a s s. Var., V, 16.2). О вывозе других товаров источники молчат.

Внутренняя торговля Италии в период правления остготов находилась в несколько лучшем положении, чем внешняя. Торговые связи между северными и южными областями Апеннинского полуострова были еще довольно интенсивными. Остготское правительство всячески покровительствовало укреплению этих связей. Так, богатые южные провинции Италии часто в неурожайные годы снабжали продуктами питания северные и северо-западные области королевства. В 508/511 г., во время голода в Галлии, правительство поощряло ввоз продовольствия из южных и центральных областей Италии (Лукании, Кампании и Тусции) и разрешало купцам продавать его по произвольным ценам (C a s s. Var., IV, 5.2).

Для стимулирования торговли продуктами питания во время продовольственных затруднений остготское правительство временно освобождало торговцев хлебом, маслом и вином от налога с торгового оборота (C a s s. Var., IV, 19). Некоторые привилегии даровались также и купцам, пострадавшим от нападения внешних врагов. Так, в 507/511 г. купцы апулийского города Сипонта были освобождены от повинности проводить принудительные закупки продовольствия для нужд государства (так наз. coemptio) и получили отсрочку по уплате долгов,

---

[17] Об экономическом положении Сицилии при остготах см. B. P a c e. I barbari ed i Bizantini in Sicilia. Studi sulla storia dell'isola del secolo V ad IX.— «Archivio storico siciliano», t. XXXV, 1910, p. 62 sg.

так как они потеряли свои товары вследствие нападения византийского флота (C a s s. Var., II, 38). Иногда налоговые льготы получали торговцы, находившиеся под покровительством церкви. По данным Кассиодора, один купец, связанный с Миланской церковью, получил право вести торговые операции, не уплачивая государству никаких налогов — ни налога за право монополии (monopolium), ни сборов с торгового оборота (siliquaticum и auraria). Подобные льготы имели и купцы, находившиеся на службе у Равеннской церкви (C a s s. Var., II, 30).

В правление Теодориха, по словам равеннского хрониста, сравнительно крупным торговым центром была столица государства Равенна, куда стекались различные товары, даже из самых отдаленных провинций Италии. Этот же автор рассказывает об оживленной торговле между отдельными областями Остготского королевства (Anon. Vales., XII, 72). Торговля южных областей сосредоточивалась главным образом в Неаполе, Гидрунте (Отранто), Сиракузах.

Значительное количество товаров и в это время по-прежнему перевозили по морю и другим водным путям; Кассиодор упоминает профессионалов-корабельщиков (navicularii), занимавшихся морскими перевозками (C a s s. Var., IV, 5.2). При Теодорихе были восстановлены гавани и наиболее важные порты Италии (C a s s. Var., I, 25).

Большое значение для развития внутренней торговли страны в остготское время приобрели ярмарки, периодически собиравшиеся в сельских местностях или близ небольших городов Италии. По мере упадка городов торговля все больше переносилась на эти сельские ярмарки, куда стекались купцы со всех концов Италии и сельские жители из окрестных местностей. Кассиодор оставил описание одной такой шумной и многолюдной ярмарки, происходившей ежегодно в день св. Киприана близ местечка Левкотея, у города Козилина в Лукании [18].

«Эти ярмарки,— пишет автор,— являются как бы праздниками благодаря их многолюдству и приносят большие выгоды окрестным провинциям... Все, что выдающегося производит цветущая Кампания, порождает изобильный Бруттий, все, что поставляют богатые скотом калабры и состоятельные апулийцы, а также рождает сама Лукания,— все это выставляется для украшения этой ярмарки (venalitatis), как будто такая масса товаров собрана из многих стран» (C a s s. Var., VIII, 33.3). По словам Кассиодора, на ярмарке продавались тучные животные различных пород и многие другие товары и по столь умеренным ценам, что привлекали самого равнодушного поку-

[18] У Кассиодора — Consilinas (C a s s. Var., VIII, 33.5), однако чаще встречается другое название: Cosilinum или Cosilianum.— RE, Bd. IV, 1901, S. 1670 f.

пателя (ibid., § 4). Многолюдная ярмарка была расположена вне городских стен, на открытом поле, в пригородной местности. Широкие поля пестрели живописными палатками торговцев, были покрыты сплетенными из ветвей хижинами приехавших сюда рустиков и наполнены шумной толпой поющего и смеющегося народа (ibid., § 3). Зрелище дополняли пестрые одежды людей, украшенные бесконечным разнообразием различных цветов (ibid., § 4). Такова живописная картина ярмарки в Лукании, столь яркими красками нарисованная Кассиодором [19].

Источники сохранили некоторые сведения об организации торговли в Италии в конце V — первой половине VI в. Довольно широкое распространение (правда, меньшее, чем в Восточной Римской империи) получила здесь система монополий.

Наряду с государственной монополией на торговлю особо важными товарами (оружие, некоторые предметы роскоши и т. п.), монопольное право торговли каким-либо товаром раздавалось правительством богатым купцам, сроком обычно на 5 лет и распространялось на точно установленную область (Cass. Var., II, 41). За получение этой привилегии купцы были обязаны уплачивать государству особый налог — monopolium (Cass. Var., II, 26.4; II, 30.3).

Система монополий использовалась остготским правительством главным образом в фискальных целях, как выгодный способ получения добавочных доходов с купцов.

В некоторых случаях остготское правительство пыталось устанавливать твердые максимальные цены на определенные товары, большей частью на продукты питания. Твердые цены (pretia moderata.— Cass. Var., XII, 22.7) вводились в определенных районах страны (например, в Равенне, Фламинии, Истрии) на ограниченный срок. Причиной, вызвавшей установление максимальных цен, обычно были продовольственные затруднения, связанные с неурожаем или нападением врагов. Нарушение предписания о максимальных ценах каралось штрафом и телесными наказаниями (Cass. Var., XI, 11—12).

---

[19] Не следует забывать, что этот автор весьма склонен приукрашать действительность, прославляя богатства Италии в правление остготских королей. Эта тенденция Кассиодора не могла не отразиться и на изображении им процветания италийской торговли в конце V — начале VI в. Идеализация Кассиодором современной ему действительности доходит даже до того, что он, рассказывая о продаже бедняками своих детей в рабство на ярмарке в Левкотее, лицемерно утверждает, что рабство для этих девушек и юношей было благом, ибо с переводом в город, в число городских рабов, их участь якобы улучшалась (Cass. Var., VIII, 33.4). Подобные утверждения Кассиодора подрывают доверие ко всей рисуемой им картине. Вместе с тем, конечно, было бы неверно полностью игнорировать эти важные сведения, содержащиеся в произведении Кассиодора.

Как использование римской системы монополий, так и попытки правительственной регламентации торговли в известной степени тормозили развитие торговых связей в Остготском королевстве [20].

Вместе с тем остготское правительство использовало предписания римского права для обеспечения нормальных отношений между товаропроизводителями. В эдикт Теодориха были включены постановления, регулирующие сделки купли-продажи и охраняющие законность торговых соглашений. Сделка, заключенная с соблюдением всех установленных законом норм, не могла быть безнаказанно расторгнута (E. Theod., 139, 140, 147). Остготское правительство угрожало строгими наказаниями купцам, применявшим неверные меры при совершении торговых операций (E. Theod., 149). Заботясь о безопасности купцов и путешественников, остготское правительство принимало меры к пресечению краж в тавернах, гостиницах и постоялых дворах (E. Theod., 119).

Однако все эти попытки нормализации торговли и охраны постоянного товарооборота не могли помешать постепенному запустению италийских городов. Важным свидетельством перемещения центра экономической жизни в поместье в конце 20-х годов VI в. является послание Аталариха от 527 г. к правителю Лукании и Бруттия Северу, предписывающее возвратиться назад жителям городов Бруттия, переселившимся в сельские местности (C a s s. Var., VIII, 31). Остготское правительство стремилось привлечь знатных жителей Бруттия в города описанием всех преимуществ городской жизни. В письме Аталариха указывается, что лишь в городах юноши из знатных семей могут получить соответствующее их знатности образование и достойно выступать на форуме; в своем же деревенском уединении они останутся безвестными и позабудут приобретенные ими знания. В городах их ждет слава, общение со знатными и мудрыми людьми в многолюдных собраниях граждан. «Кому не кажется желательным обмениваться речами с равными, посещать форум, постоянно любоваться благородными искусствами, вести самому на основании законов свои дела, иногда заниматься игрой в паламедовы шашки, ходить в бани с сотоварищами, устраивать друг для друга пиры? Конечно, всего этого лишен тот, кто всю жизнь хочет проводить, окруженный лишь рабами (famulis.—C a s s. Var., VIII, 31.8). «Пусть,—

---

[20] Показательно в этом плане сообщение Агнелла (A g n., 30): некий житель Равенны, получив 300 солидов, решил заняться торговлей (ad negotiandum). Он уехал в Константинополь и не хотел возвращаться в Равенну, видя, как в столице Восточной империи в его руках возрастает богатство. Следовательно, для этого купца условия чужого Константинополя оказались более благоприятными, нежели родной Равенны.

говорится в послании,— города вернутся к прежнему блеску (in pristinum decus); пусть никто не предпочтет прелесть деревни стенам древних» (C a s s. Var., VIII, 31.7).

Однако не надеясь, видимо, что на знатных жителей Бруттия подействуют одни лишь убеждения и заманчивые картины благ городской жизни, остготское правительство должно было прибегнуть к мерам принуждения. Согласно предписанию Аталариха, все горожане-землевладельцы должны были через своих поручителей и под угрозой уплаты штрафа дать обязательство большую часть года проводить в городах (C a s s. Var., VIII, 31.9).

Таким образом, остготская и римская знать все больше и больше стремилась к жизни в сельских поместьях, покидая города и избегая отправлять городские должности. Остготскому правительству приходилось даже прибегать к принудительным мерам для заселения опустевших городов.

Богатые остготские и римские землевладельцы, посылавшие по предписанию Теодориха своих сыновей учиться в школы Рима, стремились, чтобы их наследники не оставались в городе, а возвращались в свои сельские поместья. Остготское правительство, тщетно пытавшееся возродить гаснущий блеск древних городов, запрещало знатным юношам покидать Рим ради деревенских владений отцов (C a s s. Var., I, 39; IV, 6). Даже некоторые представители служилой аристократии, тяготясь обременительной государственной службой, стремились покинуть столицу и жить в своих сельских владениях. В связи с этим Теодорих предписал, что высшие должностные лица могут удаляться из Равенны в свои поместья только с разрешения короля и на короткий срок (до четырех месяцев) (C a s s. Var., III, 21). Но все эти мероприятия остготского правительства, направленные к поддержанию городов, оставались обычно бесплодными, поскольку основным центром экономической жизни все больше становилось поместье, а не город.

Несмотря на известную натурализацию хозяйственной жизни и относительный упадок городов, в остготской Италии продолжала существовать специфическая форма торговли — торговля деньгами, ростовщичество. Остготское законодательство свидетельствует о жестокости кредиторов по отношению к должникам, особенно, разумеется, в тех случаях, когда должниками были бедняки. Кредиторы не только присваивали имущество должника, отданное в залог (E. Theod., 123—124, 135), насильственно взыскивали долг, несмотря на настойчивые утверждения должника, что он уже уплачен (E. Theod., 126), взимали незаконно высокие проценты (E. Theod., 134), но иной раз даже мешали родным предать погребению тело умершего должника (E. Theod., 75). Как мы уже указывали, несостоятельные

должники далеко не всегда могли воспользоваться правом церковного убежища, поскольку церковь была обязана в этом случае уплатить долг (E. Theod., 71, 126).

Позднеантичные города вообще и города остготской Италии в частности были не только и даже не столько центрами ремесленного производства и торговли, сколько поселениями городских земельных собственников [21], нередко по-старому использовавших в своих владениях рабский труд. В этой связи можно было бы высказать предположение, что упадок городской жизни, о котором мы говорили, был связан в первую очередь с упадком старой формы рабовладельческой собственности [22].

Рескрипт Аталариха 527 г. отчетливо различает две категории земельных собственников южноиталийских городов: possessores и curiales (C a s s. Var., VIII, 31.9. Ср. также § 4). К сожалению, источники не позволяют провести достаточно четкое разграничение между обеими этими категориями. Известно только, что в Остготском королевстве, как и в Римской империи, куриалы, несшие тягостные муниципальные повинности (munera), были в отличие от посессоров освобождены от уплаты поземельного налога со своих владений. Это подтверждается тем, что Аталарих предписал префекту претория вычеркнуть из списков членов курии некую Агенанцию, жену Кампаниана, и ее сыновей, но одновременно их имена включались в списки посессоров, платящих поземельный налог (C a s s. Var., IX, 4.2—3).

Таким образом, земельная собственность куриалов и в Остготском королевстве сохраняла особый правовой статус, отличавшийся от статуса земельных владений посессоров, находившихся на территории городской округи.

Вместе с тем источники свидетельствуют, что земли городских собственников-куриалов в конце V — первой половине VI в. часто были объектом насильственных захватов со стороны крупных светских и церковных землевладельцев. Так, в эдикте Аталариха от 533/534 г. прямо говорилось, что могущественные лица незаконно захватывали городские и деревенские владения (praedia urbana vel rustica), сгоняя с них владельцев (C a s s. Var., IX, 18.1). Конечно, среди собственников городских имений, подвергавшихся насилиям знати, были и куриалы. В другом эдикте Аталариха рассказывается, что остготская землевладельческая знать, пользуясь покровительством влиятельных сайонов и военных властей в обход законов, захваты-

---

[21] К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 13.

[22] Е. М. Ш т а е р м а н. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 27 сл.

вала земли куриалов (praedia curialium), прикрываясь фиктивной сделкой о покупке. Остготское правительство принуждено было аннулировать все подобные сделки, как незаконные и заключенные под воздействием насилия, ибо по закону отчуждение земель куриалов могло производиться только с разрешения префекта претория (C a s s. Var., IX, 2.3). Несмотря на запреты правительства, частым явлением было отчуждение земельной собственности куриалов за неуплату долгов (C a s s. Var., II, 25.2).

Распространенность подобных злоупотреблений, наносивших ущерб интересам фиска, видимо, заставила остготское правительство включить в эдикт Теодориха специальное постановление, запрещавшее церкви давать убежище и принимать под свой патронат куриалов, задолжавших фиску. Эдикт обязывал архидиакона той церкви, где должник искал убежище, или принять на себя уплату долга, или выдать куриала властям для взыскания задолженности. В случае отказа уплатить долг церковь должна была передать государству все имущество куриала, перешедшее в ее распоряжение (E. Theod., 71). Бывали случаи, когда церковь не брезговала принимать под свою защиту куриалов, совершивших уголовное преступление, с целью приобретения их земельной собственности (C a s s. Var., III, 47.1). Иногда куриалы, владевшие землей в городской округе, принуждены были переходить под покровительство могущественных лиц, теряя при этом верховные права на свою земельную собственность и попадая в зависимость от крупных землевладельцев (C a s s. Var., II, 25.2; IX, 2.2). Возможно, что вступая под патронат могущественных лиц, они, хотя и теряли права собственности, сохраняли все же пользование своими участками земли.

Массовый характер приобрело в это время и бегство куриалов из курий в поместья крупных собственников, что являлось свидетельством разложения муниципального строя, упадка муниципального землевладения, прогрессирующего разорения и даже обнищания части куриалов. Согласно предписанию Теодориха, беглый куриал (так же как коллегиат и раб), проживший 30 лет в имении землевладельца, окончательно закреплялся за поместьем (E. Theod., 69; ср. Nov. Majorian., VII, 1—2; C.Th., XII, 1.12).

Что же заставляло куриалов покидать города, где жили многие поколения их предков, и бежать в деревню, где они становились зависимыми людьми? Значительную роль в бегстве, конечно, играла разорительность лежавших на них муниципальных повинностей.

В период владычества остготов в Италии курии еще продолжали сохранять функции муниципальных учреждений. По дан-

ным равенских папирусов, относящихся к 491—541 гг., курии занимались регистрацией сделок о дарении и завещании (M a r., 84—85, T j ä d e r, 12), о купле-продаже недвижимости (M a r., 113, 115, 118). Городская община могла, по-видимому, вмешиваться в церковное управление своего города; основание для такого заключения дает в какой-то мере послание Теодориха от 507/511 г. к епископу Гудиле, где рассказывается, что куриалы Сарсены [23] (Sarsenates municipes) протестовали против незаконных (irrationabiliter) действий епископа (C a s s. Var., II, 18). Впрочем, из этого же письма видно, что курия оказалась не в состоянии своими силами воздействовать на епископа Гудилу и была вынуждена искать поддержку у остготского короля. Наиболее важной функцией куриалов, превращавшейся с течением времени во все более обременительную обязанность, по-прежнему являлось участие в сборе налогов, причитающихся с городской общины [24]. Как и в римское время, куриалы в Остготском государстве отвечали своим состоянием за неуплату налогов посессорами их городской округи. Эта обязанность была столь тягостной, что часто куриалы, не смогшие обеспечить уплату налогов в своем муниципии, полностью разорялись, уплачивая недоимки государству из своего собственного имущества.

Особенно трудно было куриалам требовать налоги с владений, приобретенных в их городской округе завоевателями-готами или римскими сенаторами. Кассиодор рассказывает, что куриалы города Адрианы жаловались в 507/511 г. Теодориху на знатных готов, которые, приобретя в их городской общине имения римских посессоров, отказывались платить налоги с этих владений. Знатные готы перекладывали уплату податей на бывших хозяев земли, разорившихся (tenuis de proprio cogatur exsolvere) и неспособных уплатить налоги. Куриалам Адрианы угрожала опасность полного разорения, ибо они должны были внести за неплательщиков все недоимки (C a s s. Var., I, 19.2).

Не менее красноречив и второй случай, рассказанный Кассиодором. В 507/511 г. Теодорих обратился с посланием к сенаторам Рима, упрекая их в том, что они не платят налоги за приобретенные в провинциях имения. Из-за отказа сенаторов платить налоги, куриалы, которым была поручена забота о ре-

---

[23] По-видимому, Sarsina в Умбрии — см. RE, 2. R., Hbd. III, 1921, Sp. 50 f.

[24] В эдикте Теодориха куриалы наряду со сборщиками податей выступают как лица, взимающие недоимки с налогоплательщиков. Закон запрещал как куриалам, так и налоговым сборщикам посягать на личность должника-налогоплательщика, нашедшего убежище в церкви, или взыскивать его долг с третьих лиц, (E. Theod., 126).

гулярном поступлении государственных податей, сами беднели и несли большие потери (Cass. Var., II, 24.4). Приведенные факты показывают, насколько трудно было куриалам, людям по большей части среднего состояния и мало влиятельным, требовать налоги с могущественных лиц — остготской знати или римских сенаторов [25].

Итак, муниципальные повинности куриалов оставались столь обременительными, что стремление от них избавиться было важным стимулом, заставлявшим куриалов покидать городские общины [26].

Однако нельзя думать, что лишь только это заставляло куриалов бежать из курии. Глубокие экономические изменения в общественном строе Италии (что было прямым следствием упадка городов и муниципального землевладения Италии, оскудения ремесла и торговли), в свою очередь вели к дальнейшему разорению куриалов и разложению городских общин.

Конечно, нельзя представлять себе дело так, что все куриалы городских общин Италии в это время нищали, превращались в бесправных бедняков, ищущих спасения от крайней нужды в имениях крупных землевладельцев. В среде куриалов все больше намечается резкое имущественное расслоение, влекущее за собой острые столкновения в городах Италии в конце V — первой половине VI в.

Так, из эдикта Аталариха от 527 г. мы узнаем, что богатые куриалы некоторых городов стремились к первенству (primatus) в своих городских общинах и притесняли людей среднего достатка (mediocres gravare). Обращаясь к куриалам, составитель этого эдикта Кассиодор со свойственной ему цветистой риторикой увещевает их: «Не отягощайте людей среднего достатка, чтобы вас по заслугам не притеснили более сильные» (nolite gravare mediocres, ne vos merito possint opprimere potiores). «Ибо,— продолжает Кассиодор,— в том и заключается наказание за проступок, чтобы каждый на себе мог почувствовать то, что он бесстыдно применил по отношению к другому». Напоминая куриалам, что для каждого гражданина город является его государством (unicuique civi urbs sua res publica est), Кассиодор призывает их прекратить раздоры, управлять городами со

---

[25] F. Thibault. L'impôt direct dans les royaumes des Ostrogoths, des Wisigoths et des Burgundes.— «Nouvelle revue historique de droit français et étranger», 25, Paris, 1901, p. 703—705.

[26] Тяжесть муниципальных повинностей куриалов учитывалась и в римское, и в остготское время при освобождении куриалов от поземельного налога. В Римской империи куриалы, однако, платили со своих владений экстраординарные поборы, в том числе aurum coronarium. Об экстраординарных поборах с куриалов в источниках остготского времени не упоминается (F. Thibault. L'impôt direct..., p. 714).

всей справедливостью и в полном согласии, стремиться к тому, чтобы все сословия (ordines) жили в городах, пользуясь одинаковыми правами (aequabiliter) (Cass. Var., IX, 2.4).

Под покровом замысловатой риторики ученого законоведа VI в. мы все же можем разглядеть картину острых социальных столкновений в городах Италии этого времени между частью знатных и богатых куриалов, стремящихся «к первенству», и людьми среднего достатка (mediocres), а также обедневшими куриалами и посессорами — налогоплательщиками (tenues), страдающими от их притеснений. Жалобы Кассиодора на беззаконие и несправедливость, царящие в куриях, его морализующие поучения свидетельствуют в то же время об упадке и разложении самого муниципального строя.

Социальные столкновения в городах Италии в остготское время приобретали особую остроту благодаря значительной пестроте классового и этнического состава населения. Рядом с привилегированной частью общества, в состав которой входили представители городской знати, чиновничества, торгово-ремесленной верхушки и зажиточных куриалов, в городах жила основная масса трудового населения, состоявшая из обедневших куриалов, бесправных ремесленников — коллегиатов и городской бедноты. Беднейшее население городов обычно упоминалось в источниках того времени под общим названием plebs, plebs urbana (см. Index ad Cass. Var., p. 568) или даже римский плебс — Romulea plebs (Cass. Var., XII, 11. 2) [27].

По своему этническому составу городской плебс представлял собой разноплеменную массу, включавшую как коренное римско-италийское население, так и значительное число пришлых людей из варварских народностей, поселившихся в разное время в городах Италии. Часть остготской бедноты также могла в какой-то (правда, видимо, незначительной) степени влиться в эту общую массу трудового населения. Разнородны были и религиозные верования городских жителей Италии, среди которых были католики, ариане, иудеи, а, возможно, еще и язычники [28].

Положение городского плебса было столь бесправным и тяжелым, что он в период владычества остготов, так же как и в римское время, оставался постоянным и самым активным участником народных движений в городах Италии; недаром почти все упоминания в источниках о городском плебсе всегда связаны с рассказом о народных восстаниях в крупнейших городских центрах страны.

---

[27] Синонимом термина plebs являлись термины populus (народ) и turba (толпа, масса) (Cass. Var., XII, 11.2).

[28] См. ниже, стр. 176.

Правительство Теодориха, опасаясь восстаний городского плебса и подражая в этом отношении римским императорам, возобновило раздачи хлеба (а может быть, и других продуктов питания) беднейшему населению Рима[29]. Но все эти демагогические мероприятия Теодориха не принесли реальных результатов, и в его правление, как мы увидим дальше, имели место серьезные волнения в городах Италии (Cass. Var., I, 20, 30—33; VI, 6, 8; IV, 43).

Итак, начавшийся еще в Поздней Римской империи процесс упадка городов и разложения муниципального строя продолжался и в период правления остготов; росла и углублялась социальная и имущественная дифференциация внутри сословия куриалов; значительная часть куриалов, разоряясь, пополняла ряды городского плебса или бежала в деревню и превращалась в сельское зависимое население. Все больше обострялась социально-политическая борьба в городских общинах. В связи с разложением основы муниципального строя — муниципального землевладения, курии как органы городского самоуправления все более теряли свое былое значение в социально-экономической и политической жизни италийского общества.

Как же относилось остготское правительство к прогрессирующему упадку муниципального строя и к «беспорядкам», царящим в куриях?

На наш взгляд, политика остготского правительства в отношении курий и муниципального землевладения отнюдь не была единой в течение всего существования Остготского королевства в Италии. Эта политика претерпевала значительные изменения в связи с переменой политической обстановки в стране.

При Теодорихе остготское правительство мало заботилось о поддержании муниципального землевладения и возрождении курий, поскольку остготская землевладельческая знать, интересы которой выражало правительство Теодориха, всячески стремилась захватить земли куриалов, а их самих превратить в зависимых людей, обрабатывающих ее имения. Весьма показательным в этом отношении является использование в эдикте Теодориха римского закона о 30-летней давности для защиты прав новых владельцев на бежавших в их имения куриалов. Согласно этому предписанию, беглый куриал (так же как коллегиат и раб), проживший 30 лет в имении землевладельца, окончательно закреплялся за поместьем и подпадал под власть своего нового господина. Исключение делалось лишь в том случае, если беглец в течение указанного срока выполнял по-

---

[29] Anon. Vales., XII, 67; Cass. Chron., 1339; Ferrand. V. Fulg.— Migne. Patr. Lat., LXV, col. 130, § 27; Procop. H. a., XXVI, 24.

винности в пользу государства на своем старом месте жительства (E. Theod., 69). Стремясь обеспечить остготскую (а отчасти и римскую) землевладельческую знать рабочими руками, остготское правительство видоизменило закон римского императора Майориана о куриалах в направлении обеспечения прав новых владельцев (Nov. Majorian., VII, 1.2). Тем самым оно способствовало превращению некогда свободных, но разорявшихся куриалов в зависимых от землевладельцев людей.

Ту же социальную и политическую направленность имеет и другое важное нововведение эдикта Теодориха, касающееся положения куриалов. В отличие от римского права, устанавливавшего обязательную наследственность муниципальных должностей и передачу сыновьям куриалов вместе с наследством и тягостных муниципальных повинностей (munera.— Nov. Majorian., VII, 7; C.Th., XII, 1.7), эдикт Теодориха фактически отменяет наследственность муниципальных должностей и предписывает передачу наследства куриала его сыновьям, не обязывая их при этом оставаться в курии и нести повинности, связанные с занятием муниципальных должностей (E. Theod., 113). Лишь в том случае если куриал умер, не оставив прямых наследников, его имущество передавалось курии; фиск же от наследования выморочного имущества куриала отстранялся (E.Theod., 27; C.Th., V, 2.1).

Фактическая отмена наследственности муниципальных должностей является указанием на то, что остготское правительство, защищая интересы остготской и римской землевладельческой знати, по существу открывало для нового поколения куриалов возможности ухода из курии и отказа от несения тяжких муниципальных повинностей. Подобное нововведение фиксировало те реальные изменения, которые произошли в это время в муниципальной организации Италии и были вызваны во многом как экономическими сдвигами, так и упорным сопротивлением самих куриалов, стремившихся любым путем освободиться от ига муниципальных повинностей и прикрепления к курии.

Однако отношение остготского правительства к куриям и сословию куриалов меняется в правление Аталариха. На этот раз остготское правительство проводит политику защиты муниципального землевладения, стремится законодательными мерами укрепить курии, установить в них порядок и поддержать приходящее в упадок сословие куриалов. Так, в упомянутом выше эдикте Аталариха от 527 г. остготское правительство выступает на защиту куриалов, обремененных тяжелыми повинностями в пользу курии. В эдикте подчеркивается, что звание куриала теперь вместо почета приносит потерю свободы и состояния. Под страхом денежного штрафа в 10 либр золота или телесного наказания запрещается принуждать куриалов

к несению повинностей, сверх установленных государством. При этом штраф поступает в пользу пострадавшего куриала. В эдикте, как мы видели, особо предусматривается охрана земельной собственности куриалов. Запрещаются незаконные сделки, связанные с покупкой земель в городских общинах. Принимаются меры для охраны куриалов от притеснений со стороны сайонов, военных командиров и провинциальных судей. На незаконные действия судей куриалам разрешено апеллировать в королевский суд (Cass. Var., IX, 2. 1—3).

Попытки остготского правительства восстановить пришедшие в упадок римские курии и муниципальное землевладение, этот оплот рабовладельческих отношений, являлись важным звеном в политике экономических уступок римской аристократии со стороны Аталариха и регентши Амаласунты. Эти уступки были вызваны разгоревшейся борьбой группировок внутри господствующего класса остготского общества: правительство Аталариха, опираясь на служилую знать, пошло на сближение с римской аристократией и Восточной Римской империей и стремилось ограничить непокорную военную остготскую знать в провинциях. В угоду Восточной Римской империи и своим союзникам внутри страны, новое остготское правительство изменило политический курс и в отношении куриалов, встав на их защиту от притеснений военной знати. Вместе с тем распри и раздоры среди куриалов, обострение социальных конфликтов в городских общинах, естественно, беспокоили правительство и также заставляли его принять меры к установлению порядка внутри курий. Мы рассмотрим историю этой политической борьбы подробнее в следующих главах, но и сейчас уже можно сказать, что все усилия правительства Аталариха задержать упадок муниципального землевладения и городских курий Италии оставались безрезультатными. Никакие законодательные меры уже не могли влить новые жизненные силы в одряхлевший организм отживающего муниципального строя, этого рудимента рабовладельческого мира.

Глава V

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ИТАЛИИ В КОНЦЕ V — НАЧАЛЕ VI в.

§ 1. Государственное и административное устройство Италии в конце V — начале VI в.

Изучению государственного строя и политической организации Остготского королевства в Италии буржуазная историография уделяла и уделяет немало внимания. Однако в подавляющем большинстве случаев эти вопросы рассматриваются буржуазными учеными только с точки зрения того, какие «начала» — римские или германские — и в какой степени оказали влияние на формирование тех или иных политических институтов остготской Италии.

Ученые-романисты придают решающее значение сохранению римских учреждений и игнорируют появление новых черт государственного развития [1]. Германисты отстаивают теорию дуализма в государственном устройстве Остготского королевства, полагая, что для римлян была оставлена старая римская государственная система, а для остготов — создана новая, по германскому образцу, с преобладанием военных элементов [2]. Со-

---

[1] G. Sartorius. Versuch über die Regierung der Ostgothen während ihrer Herrschaft in Italien..., S. 76—106; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. I, S. 227 f.; F. Lot. Les invasions germaniques. Paris, 1945; L. Halphen. Les barbares. — Série «Peuples et civilisations», vol. V, Paris, 1948, p. 79—87.

[2] F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. III, S. 15 f.; M. Brion. Theoderich, König der Ostgoten. Frankfurt am Main, 1936, S. 239 f. W. Ensslin. Teoderich der Grosse, S. 157 f. Т. Моммзен хотя и выдвигает на первый план в государственном управлении римские учреждения, но все же признает, как и германисты, наличие черт дуализма (Doppelstellung) в политическом строе остготской Италии (Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. VI, S. 481 f.).

циальных основ политических институтов ни германисты, ни романисты при этом обычно не рассматривают. Поэтому, хотя по отдельным частным вопросам ими сделано немало интересных и ценных наблюдений, объяснения особенностей развития государственного строя Италии в конце V — первой половине VI в. буржуазная историческая наука так и не дала.

Марксистская историография не отрицает ни наличия романизации государственных институтов в Остготском королевстве, ни влияния политических учреждений германцев. Но историки-марксисты считают, что успешным изучение всех этих вопросов может быть только тогда, когда оно основывается на рассмотрении социально-экономических отношений эпохи, которые и обусловили как самое возникновение Остготского государства в Италии, так и его основные особенности.

Первые зачатки государственности возникли у остготов, видимо, в так называемый паннонский период их истории. Разложение общинно-родовых отношений закономерно привело к возрастанию роли знати, к оформлению и закреплению связей дружинников с их вождями (рейксами), а следовательно и к началу формирования военно-политической иерархии. Однако в тот период государственный аппарат в собственном смысле этого слова у остготов еще не оформился. А с завоеванием Италии он стал необходим[3]. Поэтому и остготам, как и некоторым другим германским племенам, создавшим свое государство на территории Римской империи, пришлось не только воспользоваться услугами римских чиновников, но и сохранить в той или иной степени ряд учреждений римского государственного аппарата. Остготское государство в Италии с самого начала стало складываться на основе синтеза тех политических институтов, которые застали завоеватели на Апеннинском полуострове, с теми зачаточными формами государственности, которые они принесли с собой.

Так, в области центрального управления были сохранены должности префекта претория, магистра оффиций и квестора дворца, комитов священных щедрот, частных имуществ и некоторые другие. Продолжал свое существование римский сенат. Почти без изменения осталось административное деление страны на провинции и городские округа (civitates); остготы, расселившись по стране, были включены в эти административные подразделения. Правители провинций по-прежнему назывались praesides, rectores, consulares, iudices; эти должности обычно замещались из числа знатных римлян. В большинстве горо-

---

[3] Ср. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 157.

дов муниципальное управление строилось по римскому образцу (названия городских учреждений оставались прежними).

Но при всем том уже самое завоевание внесло весьма существенное изменение в систему управления Италией. Да и в дальнейшем развитие феодальных отношений сопровождалось как острой социальной и политической борьбой внутри господствующего класса, так и выступлениями народных масс, что, естественно, не могло не оказывать значительного влияния и на государственную организацию Остготского королевства.

При создании государственного аппарата Остготского королевства была, конечно, использована и значительно окрепшая в ходе четырехлетней вооруженной борьбы за Италию военная организация готов: видимо, она и явилась основой института comites Gothorum, сыгравшего очень важную роль в системе управления страной при остготах.

В каждой провинции, наряду с гражданскими чиновниками из римлян (префекты, президы и др.), действовал правитель из готов — comes Gothorum provinciae. Ниже его по иерархической лестнице стоял comes Gothorum civitatis, также назначаемый из числа готов и действовавший наряду с римскими дефензорами и кураторами[4].

Все остготские воины и их семьи подлежали исключительно суду комита готов. Всякое судебное дело, где одной из тяжущихся сторон выступал гот, также разбиралось комитом готов; уступкой римлянам было лишь то, что в случае, если другой тяжущейся стороной являлся римлянин, дело рассматривалось комитом в присутствии сведущих римлян, обычно римских юристов (Cass. Var., VII, 3.1).

---

[4] О характере власти и происхождении института comites Gothorum в буржуазной научной литературе не существует единого мнения. Некоторые ученые считали комитов готов лишь готскими военачальниками, обычно командующими гарнизонами в городах Италии (Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. VI, S. 438; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 97). Другие исследователи полагали, что комиты готов выполняли преимущественно функции готских судей, судивших по готскому праву (F. K. von Savigny. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter, Bd. I, Heidelberg, 1815, S. 290; J. G. Manso. Geschichte des Ost-Gothischen Reiches in Italien, Breslau, 1824, S. 63 f.). Разбору функций комитов готов немецкий исследователь Л. Шмидт посвятил специальные работы. (L. Schmidt. Die Comites Gothorum.— «Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung», Bd. XL, H. 1—2, Wien, 1924; Его же. Noch einmal die Comites Gothorum.— Ibid., Bd. XL, H. 3, Wien, 1925), в которых он подчеркивал большое влияние комитов готов на гражданские и особенно военные дела в провинциях. Однако он иногда ошибочно отождествляет duces и comites Gothorum, которые были различными должностями, хотя нередко их занимали одни и те же лица. Ср. E. Stein. Histoire..., t. II, p. 121; E. Stein. Untersuchungen über die spätrömische Verwaltungsgeschichte. Frankfurt am Main, 1925, S. 347—494; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 197 f.

Кроме широких полномочий в сфере суда и судопроизводства комиты готов приобрели постепенно известные права и в области финансового и административного управления. Так, в некоторых провинциях комиты готов контролировали развитие торговли и состояние транспорта[5]. В их ведении находилось также благоустройство городов и строительство общественных зданий. Комиты готов обычно командовали всеми войсками, расположенными на территории вверенной им провинции, сочетая функции военного командования с функциями гражданского управления[6]. Воинские отряды, находившиеся в ведении комитов готов, выполняли карательные функции по подавлению народных волнений, по наказанию политических и уголовных преступников (Cass. Var., IV, 43; VIII, 1). Власть комита в провинциях распространялась не только на готов, но и на всех италийцев[7]. Для осуществления административных и судебных полномочий комиты готов имели свой оффиций (Cass. Var., VII, 25). Они назначались королем и были ответственны только перед ним.

Усиливалась постепенно власть комитов готов и в управлении городами Италии. И здесь полномочия муниципальных должностных лиц (кураторов, дефензоров и др.) были фактически сведены к выполнению обязанностей по сбору податей (Cass. Var., VII, 12.2), наблюдению за торговлей и рыночными ценами в городах и городской округе (Cass. Var., VII, 1.2), к заботе о благоустройстве городов, сохранении в них порядка, развитии образования и организации зрелищ для городского населения (Cass. Var., II, 34; IV, 42; VII, 10), а реальная власть оказалась у comites Gothorum civitatis и других представителей остготской знати. Очень характерно, что, сделав Равенну столицей государства, Теодорих не распространил на нее ту систему городской администрации, которая существовала в Риме и Константинополе. Должность городского префекта Равенны создана не была. Равенская курия, хотя и сохранила некоторое значение в городском управле-

---

[5] Например, в Далмации комит готов ведал сбором siliquaticum — налога с торговых оборотов (Cass. Var., III, 25.1); другой комит, Амабила, заботился о снабжении Галлии в голодный год продовольствием из Кампании, Лукании и Тусции и контролировал торговые цены (Cass. Var., IV, 5); по особому поручению короля комиты готов иногда ведали добычей пурпура (ibid., I, 2.2) и горными разработками, например в той же Далмации (ibid., III, 25.2).

[6] Cass. Var., II, 7, 35, 36; III, 9, 10; IX, 14.2. Ср. Cass. Var., I, 40; V, 23, 39; VII, 1.1; 24,2.

[7] Cass. Var., III, 24; IV, 16; IX, 8, 9, 11, 14. Комиты готов назначались даже в такие провинции Италии, где было сравнительно мало готских поселенцев (Сицилия, Лукания, Бруттий).

нии, все больше и больше попадала под контроль готов[8]. Воинские же отряды, охранявшие столицу, целиком состояли из готов и находились под командованием готских военачальников[9]. Лишь в Риме, привилегированное положение которого остготы из политических соображений старались поддерживать, городская администрация дольше, чем в других городах Италии, сохраняла свои старые формы[10].

Во главе городского управления Рима, как и прежде, стоял префект города (praefectus urbis). Он был окружен внешним почетом: считался одним из высших сановников в государстве, председательствовал на заседаниях римского сената (Cass. Var., I, 42.3), входил в состав судебной коллегии пяти сенаторов, разбиравших судебные дела римской аристократии (Cass. Var., VI, 4.3; IX, 7). Но префект города теперь назначался королем и должен был доводить до сведения сената указы короля и требовать их выполнения (Cass. Var., I, 42; VI, 4.1; IX, 16). В обязанности префекта города Рима входило: наблюдение за порядком в городе (Cass. Var., IX, 17) и благоустройством древней столицы (Cass. Var., II, 34; III, 29, 30; IX, 21; X, 30), суд по гражданским делам для населения Рима и его округи, распределение мест сенаторов в цирке и театре в соответствии с их положением (Cass. Var., IV, 42). Среди муниципальных властей Рима ниже по иерархической лестнице, чем префект города, стояли praefectus annonae, ведавший снабжением Рима продовольствием и хлебными раздачами римскому плебсу (Cass. Var., VI, 18), и praefectus vigilium,

---

[8] К сожалению, в сохранившейся формуле comitiva Ravennatis (Cass. Var., VII, 14) о функциях комита Равенны сказано очень мало и недостаточно ясно, что не позволяет точно установить его прерогативы. Т. Моммзен толкует эту формулу в том смысле, что будто бы комит Равенны ведал главным образом поддержанием порядка в равенском порте Классис, наблюдал за прибывающими туда кораблями, занимался регулированием торговли, контролировал купцов, т. е. по существу являлся praefectus classis Ravennatium (Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd.VI, S. 432 f.) В. Энсслин тоже полагает, что комит Равенны был незначительным чиновником, не имевшим сколько-нибудь широких полномочий (W. Ensslin. Op. cit., S. 187).

[9] О Равенне в раннее средневековье см.: P. Luther. Rom und Ravenna bis zum 9. Jahrhundert. Berlin, 1889; E. Stein. Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätrömischer und byzantinischer Zeit.— «Klio», XVI, 1919, S. 40—71.

[10] Об управлении и положении Рима в раннее средневековье см. F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, Bd. I. Dresden, 1903 (рус. пер. Ф. Грегоровиус. История города Рима в средние века, т. I, СПб., 1888); P. Roessler. Grundriss einer Geschichte Roms im Mittelalter, Bd. I. Berlin, 1909; H. Grisar. Roma alla fine del mondo antico secondo le fonti scritte e i monumenti. Roma, 1930; L. Homo. Rome médiévale (476—1420). Histoire. Civilisation. Vestiges. Paris, 1934.

заботившийся о борьбе с преступностью (Cass. Var., VII, 7.2). Из других должностных лиц городской администрации Рима в источниках остготского времени упоминаются: comes portus urbis Romae, ведавший судоходством по Тибру и благоустройством римского порта; comes riparum, наблюдавший за укреплением берегов Тибра и чистотой в городе; comes formarum, заботившийся о снабжении огромного города питьевой водой, и ряд второстепенных чиновников, занимавшихся делами благоустройства Рима (Cass. Var., VII, 6). В период правления остготов изменение в положении муниципальных властей Рима (начиная с самого префекта города и кончая чиновниками городской префектуры) сказалось прежде всего в том, что все они теперь были подчинены постоянному контролю готских должностных лиц — комита готов Рима (Cass. Var., VII, 13.3—4) и королевских сайонов (Cass. Var., IV, 47), о которых речь будет идти дальше.

В отличие от муниципальных властей Рима, не имевших в своем распоряжении воинских сил и тем самым по существу лишенных возможности выполнять карательные и полицейские функции в городе, комит готов в Риме располагал воинским отрядом и реально осуществлял верховную власть в древней столице Италии. Естественно, что основной его функцией было наблюдение за римской администрацией, надзор за порядком в городе, предотвращение народных восстаний и наказание политических преступников (Cass. Var., IV, 43). Кроме того, он фактически узурпировал в свою пользу и значительную долю юрисдикции городского префекта Рима и его помощников. Теперь суду комита готов в Риме и его округе подлежали наиболее важные уголовные и гражданские дела; его суд был последней инстанцией перед королевским судом, но апелляции в королевский суд против комита готов, как правило, были очень редки и приговор суда комита остготские короли часто признавали окончательным[11]. Готские должностные лица стали проникать и непосредственно в городскую администрацию. Так, например, в 511 г. один из военачальников Теодориха гот Аригерн входил в состав муниципальных властей города Рима (Cass. Var., IV, 22). Все это показывает нам значительное ослабление муниципальной организации в Италии VI в. и даже в ее древней столице — Риме.

Еще более наглядно рост влияния готской военной администрации проявлялся в наиболее отдаленных от центра областях государства. В пограничных районах (в Норике, Реции, Сирмийской Паннонии, Южной Галлии) во главе всего гражданского и военного управления стояли готские военачальники

---

[11] Cass. Var., I, 5; IV, 9, 18, 27; V, 29; VII, 3.

(duces), имевшие большие полномочия в области военной и даже отчасти и гражданской администрации. Реальной основой их почти неограниченной власти в этих областях были воинские силы, которыми они командовали[12].

Создание института comites Gothorum и назначение других представителей военной администрации из готов (duces) чрезвычайно увеличивало реальное политическое влияние на местах остготской военной феодализирующейся знати[13].

Но в период непосредственно после завоевания Италии, когда остготская знать еще только приобретала свои первые земельные владения в покоренной стране, она была заинтересована в наибольшем объединении всех сил господствующего класса, а это — по условиям времени и места — реально могло быть достигнуто лишь посредством укрепления королевской власти.

Именно в этот период королевская власть в Остготском государстве прошла важнейший этап эволюции от весьма ограниченной (преимущественно военной) власти остготского племенного вождя (рейкса) до довольно широкой власти монарха, правителя всей завоеванной страны. Источники не дают нам, к сожалению, возможности ознакомиться со всеми подробностями этого процесса, но о его результатах, т. е. о важнейших прерогативах королевской власти в Остготском государстве, как они выкристаллизовались уже к середине правления Теодориха, мы можем составить довольно полное представление.

В этой связи прежде всего следует остановиться на вопросе о соотношении власти остготского короля и императора Восточной Римской империи[14].

---

[12] Cass. Var., I, 11; IV, 17; V, 30, 33; Ср. formula ducatus Raetiarum — ibid., VII, 4.

[13] Возрастание политического значения комитов готов проявилось, например, весьма ярко в том, что Теодорих перед смертью для утверждения назначенного им наследника престола собрал во дворец в Равенну высшую знать королевства, приближенных и представителей провинциальных властей — комитов готов (Gothos comites.—Iord., Get., 304).

[14] В буржуазной литературе по этому вопросу нет единого мнения: ученые-романисты отрицают суверенный характер власти остготских королей и считают их лишь высшими чиновниками на службе империи. Например, по мнению Т. Моммзена, власть Теодориха как короля распространялась исключительно на готов, римлянами же он управлял лишь как представитель имперской власти — командир войск (magister militum.— Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. VI, S. 477, 481 f.). Ученые же германистической школы, наоборот, в своих националистических увлечениях сбиваются по существу на точку зрения льстивого панегириста Теодориха — Эннодия, приравнявшего власть Теодориха к власти римского императора (Ennod. Paneg., XVI, 77; XX, 87). См., например, J. Hashagen. Kulturgeschichte des Mittelalters. Hamburg, 1950, S. 223.

Следует подчеркнуть, что, хотя королем Италии Теодорих юридически был признан Восточной Римской империей лишь в 497 г., фактически как во внешних, так и во внутренних делах он стал самостоятельным правителем этой страны сразу же после ее завоевания[15]. Его настойчивость в переговорах с Константинополем[16] объясняется, конечно, не тем, что он чувствовал какую-то реальную зависимость от Восточной Римской империи, но прежде всего интересами политики компромисса с римской знатью. Но нельзя, разумеется, отрицать и того, что официальное признание империей Теодориха королем Италии, несомненно, повысило его престиж и на международной арене[17].

В этот же период возросла власть остготского короля и в отношении его подданных — как римлян, так и готов.

Король сохранял права верховного военачальника, хотя сам Теодорих после покорения Италии уже не участвовал в военных походах, поручая непосредственное командование войсками другим знатным готам.

Королевские эдикты свидетельствуют, что Теодорих и его преемники пользовались в Италии верховной административной, судебной и законодательной властью. Административная власть остготских королей состояла в контроле за всеми должностными лицами государства и в праве назначать государственных чиновников на все должности центрального и провинциального управления и регламентировать их деятельность. Остготские короли вмешивались в дела римского сената,

---

[15] Напомним, что после взятия Равенны и убийства Одоакра Теодорих был провозглашен королем и поднят на щит остготскими воинами. Этот акт мог быть понят в то время лишь как провозглашение Теодориха королем Италии, ибо королем готов он был уже давно. Прокопий называет Теодориха «владыкой готов и италийцев» (τῷ Γότθων τε καὶ Ἰταλιωτῶν δεσπότῃ — Procop. BG,I,20.11). В своих эдиктах остготские короли обычно именовали себя princeps (см. Index ad Cass. Var., p. 573). Ср. Ennod. Paneg., XX, 88. В надписях VI в. остготские короли Теодорих и Аталарих называются dominus noster (CIL, VI, 1665, 1794—1795; X, pars prior, 6850; XV, pars prior, 1664—1671; 1673—1675 etc).

[16] Мы уже отмечали, что начало этих переговоров было положено миссией сенатора Феста, посланного в Константинополь в 490 г. (см. выше, стр. 20), завершены же они были только в 497 г. уже другим послом — Фавстом.

[17] На основании сообщения Анонима Валезия о том, что император Анастасий после заключения соглашения 497 г. послал в Равенну «omnia ornamenta palatii, quae Odoacar Constantinopolim transmiserat» (Anon. Vales., XII, 64), в литературе нередко встречается утверждение, будто бы Теодорих торжественно облекся в пурпур и диадему римских императоров, т. е. якобы имела место какая-то новая коронация Теодориха. Но это противоречит не только политической обстановке того времени, но и данным Прокопия, который прямо говорит, что Теодорих не принял знаков императорского достоинства, а правил Италией лишь как ее король (Procop. BG, I, 1.26; ср. W. Ensslin. Op. cit., S. 82).

рекомендуя ему принимать те или иные административные меры (Cass. Var., I, 30. 44; II, 3, 16, 24, 32; VIII, 21).

Остготским королям принадлежала верховная юрисдикция. Королевский совет (комитат) — о нем подробнее мы скажем ниже — являлся по существу верховным судом королевства. В королевский суд направлялись апелляции по особо важным гражданским и уголовным делам[18]. Королевский суд был последней судебной инстанцией для всех подданных Остготского государства — как готов, так и римлян. Лишь высшая остготская знать и лица, пользовавшиеся особым покровительством короля, подлежали только королевскому суду, который для них являлся и первой и последней судебной инстанцией (Cass. Var., IV, 46; V, 12. 32). Кроме контроля за деятельностью верховного суда король мог вмешиваться в дела провинциальных судей, направлять им свои решения и осуществлять надзор за их выполнением. Все это свидетельствует о широких прерогативах королевской власти в области суда и судопроизводства, ограниченных лишь волей высшей остготской знати, входившей в состав королевского совета.

Остготским королям принадлежала и законодательная инициатива, хотя по политическим соображениям Теодорих и его преемники избегали называть свои предписания законами (leges), а издавали лишь эдикты и рескрипты, подчеркивая тем самым, что в своей законодательной деятельности они будто бы руководствуются установлением римского права, согласно которому издание законов является прерогативой одного лишь императора. Однако это было только юридической фикцией; в действительности же эдикты и предписания остготских королей имели в Италии силу закона (см. ниже, стр. 167 сл.).

Помимо военных, административных, судебных и законодательных прав, обеспечивающих королевской власти значительное влияние на внутренние дела Остготского королевства, правители Италии располагали обширными прерогативами в области внешней политики. От имени остготских королей объявлялись войны и подписывались мирные договоры, велись дипломатические переговоры и переписка с правителями соседних государств, отправлялись и принимались посольства, заключались и расторгались союзы. Для укрепления своего престижа на международной арене остготские короли заключали выгодные династические браки: например, Теодорих породнился со многими влиятельными государями того времени, стремясь привлечь правителей германских королевств к союзу с Остготским государством.

---

[18] Королевский суд принимал, например, апелляции по искам о захвате земель (Cass. Var., IV, 39, 40, 44; V, 12), о разделе наследства (ibid., I, 7, 8).

Эволюция королевской власти в Остготском государстве находит выражение и в том, что постепенно, при содействии церкви, начинает складываться концепция о ее священном характере[19]. Вместе с тем растет внешний блеск, окружавший особу короля и королевский двор (Ennod. Paneg., VIII, 44; XXI, 89); отстраиваются королевские дворцы в Равенне, Вероне и Риме, в честь остготских королей воздвигаются статуи[20], их деяния и подвиги предков воспеваются льстивыми панегиристами и прославляются учеными-историографами[21].

Показателем существенных изменений характера королевской власти у остготов в период после их переселения в Италию является также стремление некоторой части остготской знати к установлению ранее отсутствовавшего у остготских племен династического порядка наследования королевского престола[22].

При характеристике уровня развития, которого достигла власть остготских королей в Италии, нельзя обойти молчанием тот факт, что уже Теодорих (а за ним и его преемники) чеканил монету от своего имени. Однако, чтобы не нарушать многовековой традиции и окончательно не порывать связи с империей, одновременно отдавалась дань уважения римским императорам. В связи с этим на остготских монетах, как правило, наряду с монограммами остготских королей помещалось имя и изображение византийского императора. Правда, в особых случаях остготские правители чеканили монету (даже золотую) только со своим именем и изображением. Так, например,

---

[19] Cass. Var., I, 2.4; III, 15; IV, 29.2; VI, 7.6; VIII, 8. 2—3; VIII, 32.4; X, 16.2; 17.2; 34; XI, 2.

[20] Cass. Var., II, 36; Procop. BG, I, 6.5; 24.22; III, 20.29.

[21] Наиболее яркими примерами этого являются упомянутый выше панегирик Энподия в честь короля Теодориха и труды Кассиодора, а также отчасти и Иордана.

[22] К сохранению королевской власти в роде Амалов с передачей ее по нисходящей мужской линии стремился уже сам Теодорих и его окружение. Династический порядок наследования (правда, с некоторыми отступлениями) сохранялся и при ближайших преемниках Теодориха (Cass. Var., VIII, 3.1; 4.3; IX, 24.8). В эдиктах остготских королей род Амалов называется «царственным», «облеченным в пурпур» (Cass. Var., IV, 39.2; VIII, 1.1; 5.2; VIII, 7.1; IX, 1.2), а наследование престола Аталарихом (ibid., VIII, 2.3), Амаласунтой (ibid., X, 3.3; VIII, 5.1) и Теодатом (ibid., X, 3.2) основывается на кровном родстве с домом Амалов (ср. Procop. BG, I, 2.1—22; 4.6—9; Iord., Get., 306). Однако, как мы увидим дальше, обострение социальной борьбы внутри остготского общества и особые условия военного времени привели к нарушению этого принципа наследования престола в период войны остготов с Восточной Римской империей. В этой связи надо отметить, что некоторые буржуазные исследователи стремятся вопреки фактам доказать, что династический принцип наследования никогда не нарушался в Остготском королевстве (см., например, J. von Pflughk-Harttung. Die Thronfolge im Reiche der Ostgothen. Weimar, 1889, S. 203—229).

сосохранился золотой солид с легендой и лицевым изображением короля Теодориха[23].

Одним из атрибутов королевской власти, очень важных и характерных для этого периода ее развития, являлось право короля жаловать tuitio — особого рода покровительство.

Tuitio рассматривалась как особая милость (beneficium) короля (Cass. Var., V, 37. 2) и сопровождалась дарованием важных привилегий: лицо, находившееся под покровительством короля, было подсудно лишь суду королевской курии и освобождалось от юрисдикции провинциальных судов (Cass. Var., I, 37. 5; IV, 9, 41); оно ограждалось от насилий со стороны государственных чиновников и частных лиц (Cass. Var., V, 37. 2; VII, 39. 2). Нанесение обиды лицу, пользующемуся tuitio короля, каралось высоким штрафом (Cass. Var., IV, 27; VI, 13. 7); защита покровительствуемых королем людей осуществлялась через должностных лиц государственного управления[24]. Покровительство короля жаловалось церкви[25], отдельным народностям[26], областям (Cass. Var., V, 39) и частным лицам (из числа остготской и римской знати)[27]. Иногда оно использовалось как орудие в борьбе против социальных выступлений народных масс (Cass. Var., V, 39).

Обычно tuitio даровалась по просьбе церкви, частного лица или правителя области и подтверждалась особой грамотой короля[28]. Преступления против лица, находившегося под покро-

---

[23] О монетах и монетном обращении в Остготском королевстве см. J. Friedländer. Die Münzen der Ostgothen. Berlin, 1844; F. F. Kraus. Die Münzen Odovacars und des Ostgothenreiches in Italien. Halle, 1928; W. Wroth. Catalogue of the coins of the Vandals, 1911, p. XXX f., 46 f.; J. Werner. Silbermünzen Theoderichs des Grossen. «Badische Fundberichte», III, 3, 1933, S. 89 f; U. Monneret de Villard. La monetazione nell'Italia barbarica.— «Rivista italiana di numismatica e scienze affini», XXXII, 1919, p. 22—38, 73—112, 125—138; XXXIII, 1920, p. 169 sg.; W. Enssln. Op. cit., S. 161.

[24] Cass. Var., I, 15, 36, 37; II, 4,29; III, 27; IV, 27,41; V, 29, 39; IX, 2. Чаще всего защита осуществлялась через особых готских королевских чиновников — сайонов (см. ниже) (ibid., I, 37; II, 4; IV, 27) или через комитов готов (ibid., II, 29); в некоторых случаях ее могли осуществлять и высшие должностные лица из римлян (ibid., I, 15; IV, 41). Защита (tuitio) целых областей поручалась комиту готов и его войскам (ibid., V, 39).

[25] Например, патримонии Миланской церкви в Сицилии находились под покровительством короля (Cass. Var., II, 29.2).

[26] Например, охрана иудеев в Милане (Cass. Var., V, 37).

[27] Cass. Var., I, 15, 37; IV, 27; IV, 41.

[28] Cass. Var., VII, 39 (Formula tuitionis). Ср. о tuitio: Lex Salica, XIII, 6.

вительством короля, приравнивались к оскорблению величества и наказывались самыми суровыми карами[29].

Институт tuitio генетически восходил к обычаям военной демократии, когда дружинник за верную службу пользовался защитой и покровительством своего вождя. Но в условиях классового общества tuitio приобрело иной, классовый характер; оно превратилось в одно из средств, при помощи которого королевская власть ограждала интересы остготской и римской знати и привлекала ее к поддержке центрального правительства[30].

Кроме того необходимо особо подчеркнуть, что вопреки демагогическим утверждениям остготских королей и их ученых министров, будто правители Остготского королевства в своей деятельности руководствовались высшими принципами правосудия, гуманности и гражданственности, королевская власть в Остготском государстве всегда в первую очередь защищала интересы господствующего класса — остготской и римской феодализирующейся знати.

Остготские короли, Теодорих и его ближайшие преемники, сами выходцы из высшей остготской знати, в первую очередь заботились об охране существующего порядка от выступлений народных масс[31], требовали от подданных повиновения властям и выполнения королевских указов[32], защищали имущественные права и политические привилегии знати[33]. Они вознаграждали за службу своих приближенных — высших военных и гражданских сановников[34], и одновременно закрепляли бесправное положение зависимого населения[35], требовали от народных масс неукоснительной уплаты налогов[36] и повиновения своим господам[37].

---

[29] Cass. Var., IX, 18.10.

[30] Вопрос о характере института tuitio неоднократно рассматривался в научной литературе. Однако в буржуазной историографии классовый характер tuitio обычно всячески затушевывался (Th. Mommsen. Gesammete Schriften, Bd. VI, S. 472 f.; A. von Halban. Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten, Bd. I. Berlin, 1899, S. 139 f.; W. Ensslin. Op. cit., S. 221 f.). Некоторые историки стремятся доказать, вопреки фактам, что этот институт являлся показателем гуманности остготских королей, что последние якобы оказывали покровительство бедным и угнетенным, защищая их от насилия сильных и знатных. См. F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. III, S. 111—116.

[31] Cass. Var., II, 24; III, 38; IV, 33; IX, 19; X, 14; XII, 8.

[32] Ibid., III, 20; IV, 32; 33; VIII, 20; XI, 9; XII, 3.

[33] Ibid., I, 37; IV, 39; E. Theod., 34, 43, 44, 45, 76.

[34] Cass. Var., III, 42; IV, 24; 26; VI, 3.6; XI, 33;

[35] E. Theod., 48, 56, 63, 65—69; 70, 77, 80, 84—88, 100—102, 142, 150.

[36] Cass. Var., II, 24; IV, 14; V, 14; IX, 12; XI, 16; XII, 8, 10.

[37] E. Theod., 80—88; 100—102, 142, 150 etc.; Ennod. Paneg., II, 8; XXI, 90, 91.

В свете всех этих фактов становится ясной беспочвенность идеализации власти королей у остготов, столь распространенной в буржуазной историографии[38].

Свою внутреннюю и внешнюю политику правительство Теодориха осуществляло при помощи ряда должностных лиц и учреждений. Как уже упоминалось, многое здесь было заимствовано из старой римской системы управления, но в соответствии с новыми потребностями и условиями прерогативы и функции большинства сановников и их оффициев существенно изменились.

Так, префект претория по-прежнему оставался одним из высших сановников государства, был окружен большим почетом и считался влиятельным лицом в королевстве (Cass. Var., VI, 3. 4). Он сохранил свои судебные функции (правда, преимущественно по гражданским делам.— Cass. Var., VI, 3. 3) и финансовые — в области сбора поземельного налога[39], торговых сборов, контроля над внешней и внутренней торговлей и купцами[40]. Его ведению подлежал надзор за куриями, город-

---

[38] В буржуазной историографии идеализация королевской власти у остготов (связанная с прославлением личности короля Теодориха) идет по двум основным направлениям.

Германисты и немецкие националисты восхваляют остготских королей и в первую очередь Теодориха как национальных героев, создавших крупное государство с сильной монархической властью. Например, Ф. Дан (F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. II, S. 125 f.) считает остготскую «монархию» защитницей народной свободы; он приписывает Теодориху идею создания римско-германской империи; Р. Пальман (R. Pallmann. Die Geschichte der Völkerwanderung von der Gothenbekehrung. Gotha, 1863) проводит идею об извечности монархии у остготов; А. Торбекке (A. Thorbecke. Cassiodorus Senator. Heidelberg, 1867, S. 23 f.) восхваляет остготских королей за то, что они в своей деятельности якобы руководствовались принципами правосудия, гуманности и гражданственности. Прославление завоевательной политики остготских королей (особенно Теодориха) проходит красной нитью через труды В. Пастора, Г. Феттера, В. Экслина и других ученых германистического направления.

Среди ученых романистической школы также встречается тенденция к идеализации Остготской монархии и короля Теодориха, но уже с иных позиций: романисты восхваляют Теодориха и его ближайших преемников за сохранение в Италии римской государственности и римской цивилизации. Многие из них считают создание Остготского королевства попыткой восстановить Западную Римскую империю под протекторатом восточноримского императора (кроме упомянутых выше работ Т. Моммзена, Л. М. Гартмана и других историков, можно еще назвать следующие труды: G. Pepe. Il medio evo barbarico d'Italia. Torino, 1942; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 132 sq.; M. Dumoulin. Le gouvernement de Theodoric.— «Revue historique», 78—79, Paris, 1902 и др.

[39] Cass. Var., I, 3, 14, 35; II, 5; IV, 36, 50; V, 23; XII, 22, 23, 26. Из этого налога префект претория выдавал аннону войскам (ibid., VI, 3.6). На эти же средства он устраивал зрелища и театральные представления (ibid., II, 9).

[40] Ibid., I, 34; II, 26, 30; V, 16, 17, 19, 20.

ским управлением и благоустройством городов[41]. Он мог назначать всех чиновников своего оффиция и распоряжаться казной префектуры претория (C a s s. Var., VII, 3). Однако по сравнению с периодом Поздней Римской империи власть префекта претория была ограничена, а его прерогативы несколько сужены. Прежде всего префект претория лишился одной из своих важнейших прерогатив — права военного командования, которое перешло к остготским военачальникам (C a s s. Var., VI, 3. 4). Несколько сузилась и юрисдикция префекта претория: его судебные решения не только могли быть отменены королем, как ранее императором, но он потерял и право принимать апелляции — это право перешло в королевскую курию (C a s s. Var., III, 20). В области финансового управления он делил свои полномочия по сбору налогов с правителями провинций (C a s s. Var., IV, 36, 50). Таким образом, высшая римская государственная должность (префектура претория) хотя и сохранилась в Остготском королевстве, оставаясь, как и раньше, весьма почетной, но реальная власть префекта была заметно ослаблена в пользу высших государственных чиновников из среды победителей.

Магистр оффиций (magister officiorum) ведал порядком в королевском дворце (palatii disciplina.—C a s s. Var., VI, 6. 1), руководил церемониями, приемом иностранных послов и отчасти перепиской с иностранными державами (C a s s. Var., VI, 6. 4; X, 33), представлением сенаторов королю (C a s s. Var., VI, 6. 2), допуском высшей знати в королевский совет. Он наблюдал за выполнением королевских приказов, ведал курьерской службой и королевскими конюшнями (C a s s. Var., VI, 6. 3). При помощи магистра оффиций король назначал всех чиновников центрального управления[42]. Однако по сравнению с периодом Поздней Римской империи прерогативы магистра оффиций были существенным образом ограничены: у него был отнят такой мощный рычаг государственного управления, как контроль над должностными лицами. Поскольку, как известно, в Остготском государстве римляне, за очень редким исключением, были отстранены от занятия военными делами, то и магистр оффиций теперь уже не командовал телохранителями короля, как он ранее командовал личной гвардией императора, и также более не ведал государственными мастерскими, изготовлявшими оружие. Таким образом, магистр оффиций, подобно префекту претория, был лишен военных функций

---

[41] C a s s. Var., IX, 4. Он мог вносить изменения в состав курий, заботился о городском благоустройстве (ibid., II, 37).

[42] Непосредственно в подчинении магистра оффиций находились все чиновники королевской канцелярии (C a s s. Var., XI, 4; XII, 25).

и, кроме того, функций контроля над чиновниками государственного управления.

Квестор дворца (questor palatii) ведал всей деловой перепиской короля, составлял королевские эдикты, указы, грамоты и дипломы о королевских пожалованиях и назначении на государственные должности (C a s s. Var., VI, 5). Новым в его обязанностях было то, что теперь он соединял функции королевского секретаря с функциями советника и именно благодаря этому оказывал известное влияние на ход государственных дел. Эта должность обычно замещалась кем-либо из образованных римлян, хорошо знающих юриспруденцию и другие науки (C a s s. Var., VI, 5.4—5)[43].

Комит священных щедрот (comes sacrarum largitionum) управлял финансовыми делами королевства: сбором таможенных пошлин, соляной монополией, монетным делом. Заведовал он и расходами, связанными с содержанием армии и флота (C a s s. Var., VI, 7. 7), с королевскими пожалованиями и раздачами; заботился о королевских одеждах и пополнении казны, добыче жемчуга (C a s s. Var., I, 2.2; II, 31).

Квестор дворца, комит священных щедрот, как и другие высшие чиновники, находились под постоянным контролем короля и его специальных уполномоченных.

Комит частных имуществ (comes rerum privatarum) также выполнял финансовые функции, но в пределах управления владениями королевского фиска. Он контролировал поступление доходов с владений фиска: податей и арендной платы, налогов из провинций (C a s s. Var., IV, 7; VI, 8.5). В его обязанности входило наблюдение за порядком во владениях фиска, поэтому он обладал и судебными правами, в частности разбирал тяжбы, касающиеся имущественных исков арендаторов земель фиска (C a s s. Var., IV, 11). Комит частных имуществ должен был постоянно заботиться об увеличении владений королевского фиска за счет выморочных и конфискованных имений (C a s s. Var., VI, 8.3—6). В его ведение входило также частичное распределение доходов фиска, шедших на содержание военачальников и воинских отрядов и на другие нужды (C a s s. Var., IV, 13).

По мере роста королевских доменов в Италии и усложнения системы управления ими наряду с комитом частных имуществ большое значение приобретает и другой сановник — комит патримония (comes patrimonii)[44]. Он управлял королевскими

---

[43] О прерогативах квестора подробно говорит Т. Моммзен (Th. M o m m s e n. Gesammelte Schriften. Bd. VI, S. 387 f. Cp. W. E n s s l i n. Op. cit., S. 167 f.).

[44] В Остготском государстве эта государственная должность окончательно оформилась, по-видимому, лишь около 509 г. (RE, IV, Sp. 676).

доменами, собирал подати с зависимого населения королевских имений и арендную плату со свободных арендаторов[45], ведал доставкой продуктов из имений к королевскому двору и хлеба в зернохранилища[46].

Комит патримония заботился о повышении доходности королевских имений, например руководил горными разработками и добычей золота на землях короля (Cass. Var., IX, 3). Он распоряжался выдачей содержания комитам готов, их чиновникам и жалованья войскам из доходов, получаемых с королевских патримониев (Cass. Var., IX, 13). В ведении комита патримония находилось оформление грамотами королевских пожалований, даруемых королем из фонда королевских земель (Cass. Var., VIII, 23.4). Важнейшей функцией этого высшего чиновника государственного управления был надзор за зависимым и свободным населением королевских доменов. Он чинил суд и расправу над рабами, рустиками, колонами королевских имений, разбирал дела свободных арендаторов земель короля (Cass. Var., VI, 9.3). В его компетенцию входил также надзор за моряками королевского флота (Cass. Var., IV, 15; V, 18). В подчинении у комита патримония находился большой штат чиновников (vicedòmini), через которых он осуществлял управление королевскими имениями[47]. Он имел свою кассу, пополнявшуюся за счет доходов с королевских доменов; из этого фонда он платил жалованье чиновникам (Cass. Var., V, 7; VIII, 23). Основу его власти составляли широкие полномочия в отношении населения королевских доменов и возможность распоряжаться доходами королевских имений. В отличие от других государственных должностей, сохранившихся от римской системы управления и постепенно терявших свое былое влияние, прерогативы комита патримония даже несколько расширились в отношении не только зависимого, но и свободного населения королевских имений (Cass. Var., VI, 9.2—3). Авторитет комита патримония возрастал по мере того, как увеличивалось значение и удельный вес частных владений короля, а расширение прав комита в отношении населения доменов диктовалось необходимостью подавлять недовольство свободных и зависимых земледельцев,

---

Она выросла из должности comes et vicedominus королевских патримоний, введенной в Италии при Одоакре (см. Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, S. 401 f.; ср. Tjäder, 10—11 (A), 1.11: viri sublimis, comitis vicedomini nostri Arbori (a. 489). О комите патримония см. также G. Gaudenzi. Sui rapporti tra l'Italia e l'Impero d'Oriente. Bologna, 1888, p. 152; W. Ensslin. Op. cit., S. 170 f.; Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1922, стр. 205.

[45] Cass. Var., I,16; IV, 4; V, 19; VIII, 23; IX, 3.2.

[46] Ibid., I, 16; V, 7; VI, 9.7; IX, 9; XII, 4.2.

[47] Ibid., V 14.8; VIII, 23; XII, 4; E. Theod., 155.

обрабатывавших королевские имения. Именно всем этим можно объяснить то, что эта должность зачастую замещалась не только римлянами, но и готами из числа приближенных короля[48].

Первостепенную роль в центральном управлении Остготского государства в Италии играл королевский совет — комитат (comitatus)[49].

Королевский совет прежде всего являлся верховной судебной инстанцией — королевской курией, в которой решались все важнейшие уголовные и гражданские дела. В комитат направлялись апелляции по судебным процессам, различные жалобы на государственных чиновников и частных лиц (Cass. Var., V, 15). Но наряду с этим королевский совет занимался военными делами, а также вопросами внешней и внутренней политики и государственного управления. Королевский совет имел влияние и на церковные дела Остготского государства: так, комитат утверждал епископов, избранных для той или иной эпархии Италии и взимал с них установленный сбор в две тысячи солидов за получение этого сана (Cass. Var., IX, 15.7). Иногда члены королевского совета выполняли особые дипломатические миссии, возглавляли посольства (Cass. Var., II, 6). Одновременно большинство из них занимало видные должности центрального управления. Состав комитата пополнялся по личному решению короля из знатных лиц, наиболее полезных с его точки зрения для несения государственной службы (Cass. Var., II, 6. 1; III, 22; V, 28). Смена короля на престоле обычно влекла за собой изменение состава комитата, перевес в котором получала то одна, то другая группировка остготской знати[50]. Решающую роль в комитате при Теодорихе и его преемниках играли знатные готы: Тулуин, Гудила, Питца, Ибба, Тевдис, Триван, Аригерн и другие. Из представителей римской аристократии, пошедшей на службу остготскому правительству, в комитате участвовали люди, известные своей знатностью, лояльностью в отношении остготского правительства и опытностью в административных и политических делах (Кассиодор, патриции Либерий, Агапит, Фавст, Павлин, а также Альбин, Симмах и Боэций, правда, впоследствии выступавшие против правительства Теодориха.—См. ниже, стр. 231 сл.).

Остготские короли лично присутствовали на заседаниях королевского совета и решали все важнейшие дела государствен-

---

[48] Cass. Var., I, 16; IV, 3,4; V, 18,19; IX, 3,13.

[49] В источниках он носит различные названия: comitatus, aula, convivium nostrum, aulicum consistorium (ibid., II, 40; III, 28; VI, 6). Иногда он отождествляется с ближайшим окружением короля — obsequium nostrum (ibid., III, 22; V, 28; VII, 31) или с его свитой (Iord. Get., 136).

[50] Procop. BG, I, 4.13.

ного управления после их обсуждения в совете знати (Cass. Var., III, 22). Местом пребывания комитата был королевский двор в Равенне.

Таким образом, королевский совет — комитат соединял функции центральной исполнительной власти с функциями совещательного органа, обсуждавшего все наиболее существенные вопросы внутренней и внешней политики Остготского королевства, и являлся важнейшим проводником влияния высшей остготской и римской знати на государственные дела, существенным образом ограничивая власть короля.

В системе центральных учреждений, опираясь на которую остготский король осуществлял свои прерогативы верховного правителя страны, несколько особую роль играл римский сенат. О положении и политической роли римского сената при остготах нет единого мнения в научной литературе.

Некоторые ученые полагали, что в положении сената в остготском королевстве по сравнению с римским временем не произошло коренных изменений и что римский сенат в этот период полностью сохранил свое былое значение [51]. Другие исследователи, наоборот, считали, что в правление остготов римский сенат вообще не имел какого-либо влияния на политическую жизнь страны [52].

Не разделяя ни того, ни другого мнения, мы думаем, что правильная оценка значения сената в остготский период может быть дана только при учете той эволюции, которую претерпели отношения между сенаторской аристократией и остготской знатью. В первое время после образования Остготского государства, когда остготской знати было, как мы уже видели, необходимо привлечь на свою сторону римско-италийскую аристократию, остготские короли заигрывали с сенатом. Сенаторы сохранили важные привилегии, в частности подсудность коллегии пяти сенаторов (judicium quinquevirale) [53]; имущество сенатора, временно покинувшего страну, охранялось государством [54]. Сенат сохранял свои полномочия по надзору за благоустройством Рима и других городов Италии (Cass. Var.,

---

[51] I. Sundwall. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919, S. 178—308.

[52] Например M. Brion. Theoderich, König der Ostgoten, S. 321 f. В. Энсслин, хотя и не отрицает влияния сената на политическую жизнь страны, но все же подчеркивает главным образом упадок его значения при остготах (W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 188—193). Ср. Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. VI, S. 423, 428.

[53] Об этом см. C. H. Coster. Judicium quinquevirale.— BZ, Bd. 35, 1935. Ср. W. Ensslin. Op. cit., S. 220.

[54] Так, например, на prior senatus Феста была возложена охрана (tuitio) имущества патриция Агнелла, временно отбывшего в Северную Африку (Cass. Var., I, 15).

III, 10; IV, 51), по наблюдению за правильностью денежного обращения (Cass. Var., I, 10), за развитием просвещения и образованности в Риме. Очень важной функцией сената оставалась забота о сохранении порядка в Риме, предотвращении волнений народа и недовольства знати (Cass. Var., I, 30).

Однако уже очень скоро началось ограничение реальной власти римского сената, что выразилось прежде всего в установлении остготским правительством контроля над его деятельностью. Контроль осуществлялся главой сената (prior или caput senatus), обычно ставленником остготского короля (Anon. Vales., XII, 53), и особым королевским чиновником, который присутствовал на заседаниях сената, передавал королевские рескрипты и послания, следил за тем, чтобы сенаторы выполняли указы короля (Cass. Var., IV, 16; III, 6.7). Сенат был фактически лишен законодательной инициативы: эдикты и указы, имевшие силу закона, издавались от имени короля и лишь доводились до сведения сената (Cass. Var., IX, 19). Король мог вмешиваться в судебную юрисдикцию сената и предписывать сенаторской судебной коллегии свои решения (Cass. Var., IV, 22). Сенат лишь утверждал должностных лиц, назначенных королем[55]. Притязания римской сенаторской аристократии на освобождение от налогов не были поддержаны остготским правительством (Cass. Var., II, 24).

Подводя некоторые итоги всему сказанному выше, мы можем прийти к следующим выводам. Как у других племен в период распада родового строя и формирования классового общества, так и у остготов интересы знати потребовали создания публичной власти, отделенной от народа и стоявшей над ним. Специфические условия образования Остготского государства, связанные с завоеванием Италии, также толкали к созданию государственного аппарата, который мог бы обеспечить покорность завоеванного населения этой страны. Для остготской знати самой удобной и эффективной формой государственности, способной наиболее полно отражать интересы господствующего класса, явилась в то время монархия. Существенной особенностью оформления Остготского государства в Италии было более широкое, чем в других варварских королевствах, использование остготами римских государственных установлений и административного опыта римских должностных лиц. В сочетании с другими моментами это обстоятельство облегчило и ускорило процесс укрепления власти остготских королей.

Однако этот процесс укрепления королевской власти характеризует только одну сторону, одно направление изменений

---

[55] Cass. Var., I, 4, 13, 43, 44; II, 3, 16; III, 12; IV, 4; V, 4, 22; VIII, 10; IX, 23.

политического строя Остготского королевства в Италии. В реальной действительности того времени расширение сравнительно узких прав рейкса до прерогатив правителя суверенного государства сталкивалось и с противоположной тенденцией: по мере развития феодализма росло политическое влияние знати в ущерб королевской власти.

Рассмотрение этого аспекта интересующей нас проблемы невозможно без учета внутренней борьбы в среде самой остготской знати между ее различными группировками. Перипетии этой борьбы во многом объясняют и изменения отношений остготского правительства с римско-италийской аристократией, изменения, которые в связи с отмеченными выше особенностями формирования государственного аппарата в остготской Италии не могли не влиять на всю административную систему королевства.

В правление Теодориха, и особенно при его ближайших преемниках, среди остготской знати можно отчетливо наметить две основные группировки: первая группировка состояла из придворной, служилой аристократии, политическое влияние которой основывалось на службе королю, а экономическое благосостояние зависело от королевских земельных пожалований. Служилая аристократия постепенно поглотила старую родовую знать остготов и старалась сблизиться с той частью римской аристократии, которая была лояльна по отношению к остготскому правительству. Вторая группировка включала остготскую военную феодализирующуюся знать, располагавшую значительными земельными владениями в провинциях Италии и опиравшуюся на своей авторитет в армии и влияние на местах. Эта группировка остготской знати выступала обычно как защитница «племенных» интересов готов, была противницей союза с римской аристократией и Восточной Римской империей. Между этими двумя группировками шла постоянная то скрытая, то открытая борьба, особенно обострившаяся во второй половине правления короля Теодориха и в царствование его ближайших преемников.

Борьба этих группировок остготской знати по сути выражала борьбу двух тенденций государственного развития: придворная остготская знать в союзе с высшей римской аристократией стояла за централизацию государственного аппарата на основе использования старой римской администрации; вторая группировка — за усиление местной военной администрации готов, т. е. фактически за децентрализацию государственного управления. Правительство Теодориха в течение большей части 33-летнего царствования этого короля опиралось в своей внутренней и внешней политике на служилую аристократию и на лояльно настроенную часть римской сенаторской знати.

Но основное направление общественного развития остготов вело к ослаблению этой группировки. На рубеже V—VI вв. росла экономическая мощь, а следовательно, и политическое влияние той части остготской знати, которая была связана главным образом с периферийными звеньями военной иерархии остготов. В этой связи важно отметить, что в Остготском королевстве вошло в обычай назначать командиров войск (duces и comites Gothorum), охранявших те или иные провинции Италии, из числа знатных готов, имевших в этой области земельные владения, с целью усилить их рвение по охране той территории, где находится их имущество. Едва ли можно сомневаться, что все они энергично использовали имевшиеся в их распоряжении возможности для дальнейшего увеличения своих богатств и в первую очередь земельных.

Мы уже видели, что остготская знать при этом не ограничивала своих притязаний хозяйствами только мелких или средних собственников, но покушалась — и не без успеха —на владения, во многих провинциях все еще весьма значительные, римско-италийской аристократии. Естественно, что все это усиливало оппозиционное настроение в среде знатных римлян.

Отражая интересы первой из указанных выше группировок остготской знати, Теодорих и его ближайший советник Кассиодор вынуждены были иногда принимать меры по ограничению своеволия остготской феодализирующейся знати на местах. Два постановления, свидетельствующие об этом, включены в эдикт Теодориха (E. Theod., 49, 113). По-видимому, именно против непокорной остготской провинциальной знати, и, конечно, против оппозиции знатных римлян использовало правительство Теодориха закон об оскорблении величества (lex Julia majestatis).

Именно в этом же плане следует рассматривать и появление в Италии очень важного политического института — так называемых королевских сайонов (saiones). Так как в буржуазной исторической науке существуют весьма различные мнения о характере и происхождении института сайонов[56], на этом вопросе следует остановиться подробнее.

---

[56] Некоторые ученые проводили аналогию между сайонами и римскими agentes in rebus, comitiaci, исполнявшими функции надзора за чиновниками по поручению римского императора, совершенно не учитывая изменения характера верховной власти (Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. VI, S. 410 f.; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 126 f.; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 122—123; J. B. Bury. The invasion of Europe by the barbarians, p. 201; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 166—167, 178—179, 201. Другие историки низводили сайонов на степень представителей низшей администрации. Например, по мнению Ф. Дана, сайоны были исполнителями воли чиновников центрального управления, префекта претория и комита патримония, а также

Напомним, что хотя остготское правительство и использовало всемерно римскую администрацию, полного доверия к ней, а тем более к широким слоям своих римских подданных, оно, конечно, не имело и постоянно опасалось их недовольства, которое всегда могло перерасти в открытое возмущение. Поэтому-то правительство Теодориха не ограничилось использованием в Остготском государстве римского закона об оскорблении величества и суровыми преследованиями всех политических преступников (E. Theod., § 49, 113; C a s s. Var., IV, 44). Не доверяя своим чиновникам из числа римлян и под давлением служилой остготской знати оно ввело этот новый, чрезвычайно важный институт (C a s s. Var., V, 5; XI, 35, 1). Одновременно появление института сайонов было вызвано еще и желанием установить контроль над непокорной военной знатью в провинциях и несколько ограничить растущее могущество комитов готов.

Важнейшей функцией сайонов был политический надзор за всеми «подозрительными», преимущественно из числа непокорной знати и римских подданных остготского короля. Эту ответственную должность могли выполнять только знатные готы, римляне же от нее отстранялись, что является явным свидетельством нарастающего недоверия к ним со стороны остготской знати. Сайоны пользовались большим влиянием в Остготском государстве; в отдельных случаях сайоны являлись начальниками военных отрядов[57], заведовали снабжением армии и крупных городов[58], выполняли особые королевские поручения[59],

---

представителей провинциального управления— комитов готов (F. D a h n. Die Könige der Germanen, Bd. III, S. 180). Многие ученые подчеркивали чисто германский характер института сайонов и связь его с усилением королевской власти (см., например, L. S c h m i d t. Geschichte..., Bd. I, S. 157). В русской буржуазной литературе это мнение разделяли П. Виноградов и Д. Петрушевский. Сайоны — выразители воли короля, беспорядочно вмешивающегося в дела государства; сайоны, на их взгляд, не имели строго очерченного круга обязанностей, что свидетельствовало о незрелости государственности у остготов (П. В и н о г р а д о в. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880, стр.95—96; Д. М. П е т р у ш е в с к и й. Очерки..., стр.213—214). В новейшей литературе появилось мнение, что институт сайонов был порожден завоеванием и имел своей задачей защищать интересы римлян, а не готов (H. St. M o s s. The birth of the middle ages, p. 67), но это мнение не подтверждается данными источников.

[57] Например, сайон Татан при Теодорихе командовал отрядом стрелков (sagittarii.—C a s s. Var., V, 23).

[58] Например, во время походов в Галлию при Теодорихе сайон Нанд ведал снаряжением армии (ibid., I, 24. 2), сайон Веран сопровождал отряд генидов, посланный Теодорихом в Галлию, ведал снабжением отряда продовольствием, следил за его дисциплиной (ibid., V, 10; ср. ibid., II, 13, 20; IV, 14, 39; XII, 3).

[59] Например, по поручению короля сайон Гудуин должен был собрать командиров готских отрядов — тысячников (millenarii) в Равенну

осуществляли охрану лиц, находящихся под защитой короля (tuitio regis nomine.—C a s s. Var., II, 4; IV, 27).

Сайон по приказу короля мог потребовать выполнения предписания правительства даже от представителей королевского рода Амалов[60]. Сайоны иногда выполняли поручения короля, связанные с конфискацией имущества в пользу фиска (C a s s. Var.,IV, 32), осуществляли также и судебные функции по особо важным политическим делам. Так, например, сайонам поручалось ведение судебных процессов, если к суду привлекались знатные особы или лица, совершившие преступления политического характера (C a s s. Var., II, 13; III, 20; IV, 39; VIII, 27). Весьма показательно в этом смысле выполнение сайонами судебно-карательных функций по отношению к народным массам, выступавшим против существующего строя. Так, в Фавентинской области вспыхнуло движение разоренных сельских жителей, принявшее опасные для правительства размеры (см. ниже, стр. 206 сл). Местные власти не могли справиться с этим движением. Тогда Аталарих послал сайона Думерита для его подавления (C a s s. Var., VIII, 27). Суд сайона мог в отдельных случаях быть инстанцией, принимающей жалобы и апелляции на решения суда провинций (C a s s. Var., IX, 14.4).

Но самой важной прерогативой королевских сайонов был надзор за всей военной и гражданской администрацией Италии.

По указу короля сайоны контролировали деятельность чиновников важнейших ведомств государственного управления, в том числе чиновников, подчиненных префекту претория, магистру оффиций, комиту патримониев и др. Сайоны, в частности, наблюдали за деятельностью чиновников префектуры претория по сбору налогов с населения провинций (C a s s. Var., XII, 3.2—3), следя при этом, конечно, не только за злоупотреблениями сборщиков, но и за регулярностью поступления налогов, и карали неплательщиков (C a s s. Var., IV, 14).

Сайонам поручалось пресекать незаконные действия даже высших чиновников государственного управления (C a s s. Var., III, 20; ibid., II, 13). Даже комиты готов находились под постоянным и неусыпным наблюдением королевских сайонов.

для получения донативы для готских воинов (ibid., V, 27); сайон Вилигис отправлял по приказу короля хлеб из королевских складов в Равенне в Лигурию во время голода в этой провинции (ibid., II, 20); сайону Леодефриду было поручено Теодорихом строительство военных укреплений (ibid., III, 48) и т. д.

[60] Например, сайон Дуда был послан к племяннику короля Теодориха Теодату, чтобы пресечь бесчинства Теодата и восстановить некоего Домиция в его правах на имение, отнятое Теодатом (C a s s. Var., IV, 39).

Сайоны назначались лично королем и получали жалование от него в соответствии со своими заслугами (C a s s. Var., VII, 42). Сайоны составляли ближайшее окружение короля, являлись исполнителями его воли, король называл их nostri sayones (C a s s. Var., III, 48; V, 23). Власть сайонов настолько возросла, что иногда вызывала опасения самого короля, который требовал, чтобы сайоны не превышали своих полномочий (C a s s. Var., IV, 27, 28; VII, 42; IX, 2). Сайоны не подлежали юрисдикции местных судей, наказывать и судить их мог только сам король (C a s s. Var., IV, 27, 28).

Генетически институт сайонов восходил к периоду родоплеменных отношений, когда дружинники рейкса выполняли все поручения последнего. Но в новых общественных условиях образования государства у остготов этот институт приобрел совершенно новый характер. По замыслу придворной знати и короля он был призван укрепить тенденции к централизации государственного аппарата, в противовес сепаратистским устремлениям провинциальной феодализирующейся знати. Однако, конечно, никакие государственные институты (подобные институту сайонов) не могли задержать закономерного развития общества по пути феодализма, и поэтому деятельность сайонов в конечном счете была мало эффективна и не могла привести к сколько-нибудь длительному укреплению центральной власти в Остготском королевстве.

Итак, заканчивая рассмотрение государственного устройства Италии в конце V — начале VI в., мы хотим еще раз подчеркнуть, что решающее значение в формировании государственного аппарата Остготского королевства имели не только слияние, синтез римских и германских политических институтов, но и борьба двух тенденций государственного развития — централизации и децентрализации, что по существу отражало борьбу двух миров — отживающего рабовладельческого и рождающегося феодального.

Борьба этих же тенденций общественного развития наложила отпечаток и на другие сферы политической жизни остготского общества, в частности на законодательство, к рассмотрению которого мы и переходим.

§ 2. Законодательство в Остготском королевстве в конце V — первой половине VI в.

Определение характера, социальной сущности и политической направленности остготского законодательства является одной из сложных задач, встающих перед исследователем, занимающимся историей Италии в период владычества остготов.

Изучение остготского законодательства имеет большое значение в нескольких аспектах. В историко-правовом аспекте оно дает возможность выявить место остготских законодательных памятников среди юридических памятников других варварских народов Европы раннего средневековья, а также определить соотношение остготского законодательства и римских правовых норм. В историческом аспекте особое значение приобретает вопрос об остготском законодательстве как действующем праве Остготского королевства, в той или иной степени не только отражавшем реальные общественные отношения того времени, но и воздействовавшем на них.

Остготское законодательство, и в первую очередь эдикты Теодориха и Аталариха,— важные законодательные памятники раннего средневековья, неоднократно являлись предметом исследования буржуазных ученых. Некоторым из их трудов нельзя отказать в тонкости и скрупулезности источниковедческого анализа эдиктов: этими учеными была проведена большая работа по датировке памятников, по выявлению состава эдиктов и их источников, по сопоставлению их содержания с постановлениями римского законодательства и предписаниями германского обычного права [61].

Однако по всем этим вопросам среди буржуазных исследователей существуют значительные расхождения. Как правило выводы того или иного автора относительно состава и источников эдикта Теодориха во многом определяются политическими взглядами и национальными симпатиями исследователя: одни ученые, принадлежащие обычно к романистическому направлению, стремятся акцентировать внимание на выявлении римских источников эдикта Теодориха и находят истоки этого

---

[61] G. F. Rhon. Commentatio ad Edictum Theoderici. Hallae, 1844; C. C. Gretschel. Ad edictum Athalarici regis Ostrogoth. Commentatio. Leipzig, 1828; F. Bluhme. Op. cit., p. 145—184; F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV. S. 1—122; A. Gaudenzi. Die Entstehungszeit des Edictum Theoderici.— «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abtheilung», Bd. VII, 1887; A. Gaudenzi. Gli editti di Teoderico e di Atalarico e il diritto romano nel regno degli Ostrogoti. Bologna, 1884; A. Gaudenzi. Sui rapporti tra l'Italia e l'Impero d'Oriente fra gli anni 476 e 554 D. C. Bologna, 1888; F. Schupfer. L'editto di Theoderico, studi sull'anno della sua pubblicazione.— «Atti della reale Accad. dei Lincei», ser. 4, vol. III, 1888; F. Schupfer. Manuale di Storia del diritto italiano, 1895, p. 32; F. Patetta. Sull'anno della promulgazione dell'editto di Teoderico.— «Atti della Accademia delle Scienze di Torino», v. XXVIII, 1893; Pasquali del Giudice. Due note all'editto di Atalarico.— «Studi giuridici dedicati a F.Schupfer», Milano, 1898; Pasquali del Giudice. Sulla questione della unità o dualità del diritto in Italia sotto la dominazione ostrogota.— «Mélanges Fitting», t. I. Montpellier, 1907.

памятника исключительно в римском законодательстве[62]; другие же исследователи, являющиеся выразителями германистической точки зрения, прилагают немало усилий для выяснения влияния германского обычного права на то или иное предписание эдикта Теодориха[63]. В соответствии с этим весьма разноречива и в большинстве случаев крайне тенденциозна общая оценка этого памятника в буржуазной историографии. Некоторые ученые, постулируя исключительно римское происхождение эдикта Теодориха, считают, что он не внес ничего существенно нового по сравнению с римским правом и поэтому как исторический источник не имеет никакого самостоятельного значения, а представляет известный интерес лишь как свидетельство неоспоримого господства римского права в Остготском королевстве. Основы романистической концепции были заложены еще в трудах Сарторнуса, Савиньи, Глюдена, Т. Моммзена и других ученых прошлого столетия. Их взгляды оказали значительное влияние и на такого знатока истории средневековой Италии, как Л. М. Гартман. Воздерживаясь, однако, от крайностей наиболее непримиримых представителей романистической школы, Гартман хотя и признавал консервативный характер остготского законодательства, возрождающего и охраняющего нормы римского права, но вместе с тем не отрицал действия германского права в Остготском королевстве[64].

Романистическая концепция в оценке остготского законодательства оказалась весьма живучей и приобрела довольно широкое распространение и в буржуазной историографии

---

[62] Fr. Bluhme. Op. cit., p. 145—184; F. K. Savigny. Geschichte des Römischen Rechts. Bd. I, S. 104—174; Iwan von Glöden. Das Römische Recht im Ostgotischen Reiche. Jena, 1834, S. 35 f.; A. Pertile. Storia del diritto italiano dalla caduta dell'Impero Romano alla codificazione, 2 ed. Torino, 1896—1903.

[63] F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 138 f. K. F. Eichhorn. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, Bd. I. Göttingen, 1843, S. 257 f.; H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. I. Leipzig, 1906, S. 525—529.

[64] L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I, 2 Aufl. Stuttgart — Gotha, 1923, S. 114—118, 129 f. Восхваление «охранительного» характера законодательства Теодориха и других остготских королей, якобы стремившихся лишь сохранить в Италии римское право и античную цивилизацию, проходит красной нитью в трудах многих представителей романистической школы прошлого столетия. T. Hodgkin. Italy and her invaders, vol. III, p. 342—347; A. Halban. Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten. — «Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte», Bd. 56, 1899, S. 121; G. Garollo. Theodericore dei Goti e degli Italiani.—«Rivista Europea Rivista Internazionale», vol. XI, p. 133—147; vol. XII, p. 277 sg. Firenze, 1879; A. Pertile. Storia del diritto italiano dalla caduta dell'Impero Romano alla codificazione, 2 ed. Torino, 1896—1903.

XX в.[65] При этом некоторые наиболее отрицательные черты этой концепции (отказ от признания эволюции права в Остготском королевстве, идеализация консервативного и якобы надклассового характера остготского законодательства и т. п.) получили в новейшей литературе дальнейшее развитие[66]. Вместе с тем все сильнее стали звучать нигилистические нотки в оценке такого важного памятника остготского законодательства, как эдикт Теодориха. За последнее время романистические и националистические тенденции были доведены до крайности в буржуазной итальянской историографии; отдельные ученые даже дошли до отрицания принадлежности эдикта к памятникам остготского времени. Так, итальянский ученый Дж. Висмара[67] утверждает, что эдикт Теодориха относится к вестготскому, а не остготскому праву. «Надо перестать гордиться,— пишет Дж. Висмара,— источником, который мы всегда приписывали нашей стране и констатировать более важный факт: римское право непрерывно держалось в Италии как общее право, основанное на императорской власти, до лангобардского вторжения»[68]. Концепция Висмары не находит подтверждения

---

[65] См., например, M. Dumoulin. Le gouvernement de Théodoric.— «Revue historique», vol. 78—79, 1902; G. Volpe. Per la storia giuridica ed economica del Medio Evo.— «Medio Evo Italiano». Firenze, 1925, p. 215—330; A. Solmi. Storia del diritto italiano. Milano, 1930; P. Vaccari. Dall'unità romana al particolarismo giuridico del Medio Evo (Italia, Francia, Germania).— «Rivista Univers. di Pavia. Collana di Studi storico-politici», 1936; H. St. Moss. La naissance du moyen âge. Romains et barbares. Paris, 1937, p. 94 f.; E. Besta. Storia del diritto italiano. Diritto pubblico, t. I. Milano, 1947, p. 19—28; P. S. Leicht. Storia del diritto italiano, 3 ed. Milano, 1950; B. Paradisi, Storia del diritto italiano. Le fonti nel Basso-Impero e nell'epoca romano-barbarica. Napoli, 1951, p. 1—310.

[66] За последние десятилетия в буржуазной историографии все явственнее проявляется стремление не только идеализировать правление Теодориха как охранителя исконных начал римской жизни, но и подчеркнуть надклассовый характер его власти и его законодательства. Так, например, Э. Штейн прославляет законодательство Теодориха за эффективные меры в защиту угнетенных, что якобы обеспечило экономическое процветание Италии и благосостояние народных масс (E. Stein. Histoire..., t. II, p. 132—133; E. Stein. Untersuchungen über die spätrömische Verwaltungsgeschichte.— «Rheinisches Museum für Philologie», Bd. 74, H. 4. 1925, S. 347—394). Дж. Луццатто, исходя из своей общей романистической концепции, оценивает остготский период истории Италии как прямое продолжение социально-экономических порядков Римской империи, а остготское законодательство рассматривает в сущности как римское право (см. Дж. Луццатто. Экономическая история Италии, М., 1954, стр. 157—159).

[67] G. Vismara. Romani e Goti di fronte al diritto nel regno ostrogoto.— «Settimane di Studio del centro italiano di studi sul alto medio evo», vol. 3, 1956, p. 409—463.

[68] G. Vismara. Op. cit., p. 445. Большинство своих аргументов Дж. Висмара черпает из старого арсенала романистов; так, например, он

в источниках и не может, на наш взгляд, поколебать общепризнанного в науке мнения о принадлежности эдикта Теодориха остготскому законодательству в Италии.

Итак, основным пороком романистической концепции является отсутствие исторического подхода к правовым вопросам,

---

пытается возродить давно опровергнутые в науке утверждения романистов относительно того, что остготское законодательство якобы не носило самостоятельного характера, а остготские короли, будто бы бывшие лишь чиновниками империи, не могли издавать законы, а лишь эдикты в рамках общеимперского законодательства. Убедительные возражения против подобных утверждений приведены еще в работе В. Энсслина (W. Enssli n. Op. cit., S. 239—241). Столь же ошибочно утверждение Дж. Висмары, что при остготах якобы действовало имперское законодательство и византийские законы распространялись и на Италию. Исследования многих ученых показали, что общеимперское законодательство вновь стало действующим правом в Италии лишь после завоевания византийцами Остготского королевства (см., например, P. Noailles. Les collections de Novelles de l'empereur Justinien Ier. Paris, 1912, p. 166 sq.; G. Ferrari Dalle Spade. La legislazione dell'Impero d'Oriente in Italia.— «Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti», t. XCVI, 1936—1937, p. 171—202). Вряд ли может вызывать удивление и служить аргументом против принадлежности эдикта Теодориха этому остготскому королю и то обстоятельство, что в Прагматической санкции 554 г. особо не говорится об отмене законодательства Теодориха, хотя оно во многом противоречило римскому праву. Ведь, во-первых, введение имперских законов как действующего права в Италии (Pragm. Sanc., 11) уже само по себе в какой-то степени аннулировало все предшествующее остготское законодательство; во-вторых, предписания Прагматической санкции были направлены отнюдь не против лояльных по отношению к империи остготских правителей (в том числе и Теодориха), а против опасного политического врага империи Тотилы, все мероприятия которого отменялись; особо же отменять в Прагматической санкции законы Теодориха, по существу противопоставляемого Тотиле, для империи было бы политической ошибкой. Мало убедительны и доводы Висмары (как и всякие доводы ex silentio), будто эдикт Теодориха, раз о нем не упоминают византийские источники (!), не был издан для Италии. Попытки же отрицать реальную преемственность между эдиктами Теодориха и Аталариха на том основании, что упоминание в последнем памятнике «эдиктов нашего деда» (edicti avi nostri) якобы относится не к эдикту Теодориха а к другим его предписаниям, собранным в «Вариях» Кассиодора, и что будто бы и по содержанию между эдиктами Аталариха и Теодориха нет ничего общего, также не выдерживают критики. На самом деле сравнительный анализ этих памятников показывает, что эдикт Аталариха во всех основных положениях является продолжением и развитием эдикта Теодориха; в частности это проявляется в предписаниях эдикта Аталариха (аналогичных постановлениям эдикта Теодориха), направленных против насилий могущественных лиц и захвата ими земельных владений мелких собственников (см. ниже, стр. 239). Совершенно антиисторичным является и другое (тесно связанное с предшествующим) утверждение Висмары о том, что наличие в эдикте Теодориха статей против насилий могущественных лиц, разбоя и грабежа якобы не соответствует обстановке мирного царствования этого короля. Висмара в данном случае не хочет видеть, что в эдикте Теодориха нашли отражение острые социальные столкновения а отсутствие крупных войн при Теодорихе отнюдь не исключало социальной борьбы различных классовых группировок. Вряд ли можно согласиться и с пред-

отрицание развития законодательства, в частности остготского, под влиянием становления новых общественных отношений. Отсюда и оценка остготского законодательства исключительно как рецепции римского права, оценка, зачастую основанная не на глубоком изучении законодательных памятников остготского времени и сопоставлении их с римским правом, а на априорных и тенденциозных построениях.

В противовес точке зрения ученых романистического направления, буржуазные исследователи германистической школы явно преувеличивали влияние германского обычного права и германских общественных отношений на законодательство остготского правительства и иногда принуждены были прибегать к разного рода гипотетическим построениям для обоснования своей концепции. Однако попытки этих ученых выявить именно то новое, что было внесено в эдикты Теодориха и Аталариха по сравнению с римским законодательством, во многих случаях оказались плодотворными и дали возможность определить весьма существенные нововведения, которые были сделаны в законодательстве остготов. Исследования этих ученых были бы еще более эффективными, если бы националистические идеи не заставляли искать истоки появления того или иного постановления остготского законодательства не в реальной действительности той эпохи, а в некоих отвлеченных германских «началах» общественной жизни.

Основные политические идеи германистов нашли наиболее яркое воплощение в труде Ф. Дана, оказавшем значительное влияние на последующую историографию этого направления. Исходя из предвзятого мнения о том, что Остготское королевство в Италии являлось своего рода амальгамой германских и римских «начал», Дан приходит к выводу, что и остготское законодательство было лишь механическим соединением германского и римского права[69].

положением Висмары о том, что в Италии римляне жили по римскому праву, а готы — по своему, готскому, поскольку до сего времени реально никаких прямых данных о существовании особого Lex barbarorum для остготов не обнаружено. В связи с этим не убеждает нас и тезис Висмары, что эдикт Теодориха не принадлежит этому королю, поскольку в нем нет упоминания о готах, а говорится лишь о варварах (barbari). Висмара не хочет вопреки фактам видеть в этих barbari остготов, ссылаясь на то, что в других памятниках (например, у Кассиодора) готы называются milites, gothi, а термином barbari обозначаются враги остготов — франки и бургунды. Однако, помимо прямых указаний в эдикте на то, что под термином barbari понимались и «длинноволосые» (cappilati) — готы (E. Theod., 145), против доводов Висмары говорит также и самый факт дарования в эдикте привилегий этим barbari по сравнению с римлянами (Romani) (E. Theod., 32, 145).

[69] F. Dahn. Op. cit., Bd. IV, S. 180. Идеализация остготского законодательства с германских националистических позиций получила

Германистические тенденции в оценке остготского законодательства отчетливо проявляются также в специальных трудах по истории германского права, и в первую очередь в исследованиях Эйхгорна, Брунера и их последователей.

В новейшей историографии германистического направления все сильнее звучат националистические и даже расистские идеи о превосходстве германской нации, якобы нашедшем свое выражение во всех областях жизни, в частности, в праве германских народов[70]. Вместе с тем в трудах представителей крайнего националистического течения в буржуазной немецкой историографии XX в. все отчетливее стало проявляться критическое отношение к деятельности Теодориха, в частности в сфере законодательства. Некоторые ученые упрекают Теодориха за излишнюю приверженность к римской культуре, к римскому праву и в забвении исконных начал германской жизни[71].

Более умеренную позицию в современной западногерманской буржуазной историографии занимает В. Энеслин, не разделяющий заблуждений крайних националистов. В споре романистов и германистов по вопросу о происхождении, источниках и характере остготского законодательства В. Энеслин придерживается промежуточной точки зрения. Он солидаризуется с романистами по вопросу о римских основах эдиктов Теодориха и других остготских правителей, но в то же время стремится примирить выводы романистов с утверждениями германистов о возможности применения остготами в Италии германского обычного права. Правомерно выступая против националистов, осуждавших Теодориха за возрождение в Остготском

широкое распространение среди представителей германистической школы в буржуазной историографии XIX—XX вв. Так, например, многие немецкие ученые прославляли остготских правителей за то, что они в своих законах якобы являлись выразителями и проводниками принципов гуманности, правосудия гражданственности (A. Thorbecke. Cassiodorus Senator. Ein Beitrag zur Geschichte der Völkerwanderung. Heidelberg, 1867, S. 1—60; B. Reipreich. Zur Geschichte des Ostgothischen Reichs in Italien. Oppeln, 1885; L. Schmidt. Ostgothische Studien. — «Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung», Bd. XLI, H. 3, 1926; L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme, Bd. I. Berlin, 1934). Некоторые исследователи особо подчеркивали, что изменения в системе наказаний якобы в сторону их смягчения были введены в остготском праве под влиянием особой личной гуманности остготских королей, в частности Теодориха (K. Martin. Theoderich der Grosse. Freiburg, 1888).

[70] G. Pfeilschifter. Theoderich der Grosse, S. 40—43; W. Pastor. Theoderich im Leben, in der Kunst, im Ruhm, S. 58—68; M. Brion. Theoderich, König der Ostgoten, S. 233 f.

[71] См. например, S. Hashagen. Kulturgeschichte des Mittelalter. Hamburg, 1950, S. 223 f.

королевстве римского права [72], сам В. Энсслин, к сожалению, впадает в явно панегирический тон, восхваляя гуманный характер остготского законодательства и преувеличивая роль короля Теодориха в его создании [73].

Таким образом, буржуазная историография так и не смогла в силу своей методологии дать подлинно научный анализ социальной природы и политической направленности основных законодательных памятников остготского времени, показать их место как в оформлении права у остготов, так и в развитии права самой Италии в раннее средневековье.

Центральное место среди законодательных предписаний остготского правительства занимает эдикт Теодориха, изданный, по-видимому, около 512 г.[74]

---

[72] Полемизируя с Л. Шмидтом, который считал тяжкой виной Теодориха то, что он, используя римское право для утверждения своего господства в Италии, не сумел спасти нежные ростки национального права германцев, В. Энсслин считает законодательную деятельность Теодориха весьма полезной не только для римлян, но и для самих остготов (W. Enssli n. Theoderich der Grosse, S. 242; ср. L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme, Bd. I. Berlin, 1934, S. 387).

[73] W. Enssli n. Theoderich der Grosse, S. 227—238.

[74] Edictum Theoderici regis, ed. Fr. Bluhme, Monum. Germ. Hist., Legum Sectio I, t. V, Hannoverae, 1875, p. 152—168. Новое издание эдикта Теодориха — S. Riccobono. Fontes juris romani antejustiniani, pars II. Florentiae, 1940, p. 684—710. О датировке этого памятника см. также: Fr. Bluhme. Op. cit., p. 145—146; L. Schmidt. Geschichte..., Bd. I, S. 386; G. Pfeilschifter. Der Ostgothenkönig Theoderich der Grosse und seine Beziehungen zur katholische Kirche. Berlin, 1896, S. 7; J. Saudwall. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919, S. 219; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 132—133.

Другие законодательные постановления, рескрипты, послания остготских королей (всего около 400), относящиеся к периоду от 506 до 537 г., собраны в «Вариях» Кассиодора. Данные «Варий» во многих случаях помогают установить, насколько адэкватны реальной действительности были те или иные законодательные мероприятия остготского правительства и какой отклик они встречали со стороны различных социальных слоев населения Италии. Особый интерес представляют известия «Варий» Кассиодора, относящиеся к внутренней, социально-экономической истории Остготского государства и проливающие некоторый свет на положение народных масс Италии и их классовую борьбу. Эти известия, несмотря на их тенденциозность, все же порою достаточно обстоятельны и помогают, как мы видели, выяснить реальные изменения, происшедшие в связи с развитием феодальных отношений в положении различных категорий зависимого населения Италии, в частности, в положении рустиков, колонов и рабов. При этом, конечно, никогда не следует забывать, что социально-политические взгляды Кассиодора, его проримская политическая ориентация сказались не только в тенденциозном подборе материалов «Варий», но и в характере и форме изложения рескриптов и посланий остготских королей, поскольку большинство из этих законодательных постановлений и писем составлялось или редактировалось самим ученым советником правителей Остготского государства. О «Вариях» см.: D. Lechler. Die Erlasse Theodorichs in Cassiod. Variae. Progr. Heilb., 1888; W. Ens-

Эдикт Теодориха представляет собой собрание законодательных постановлений, касающихся важнейших вопросов гражданского и уголовного права; значительное место в этом эдикте отводится регулированию прав собственности, наследования, завещаний, брачного права, взаимоотношений между различными социальными категориями населения Италии, выяснению статуса граждан и их правового положения. После исследований Савиньи, Моммзена, Гартманна, Луццатто и многих других ученых вряд ли можно сомневаться в том, что основой эдикта Теодориха являлось римское право; вместе с тем нельзя отрицать известного влияния на эдикт обычаев и законодательных норм германских народов, что убедительно было показано в трудах Эйхгорна, Мансо, Бруннера и других исследователей. Однако для понимания значения этого памятника никак нельзя ограничиться лишь формально-юридическим анализом его источников. Значительно более важно, на наш взгляд, то, что эдикт Теодориха не был лишь рецепцией римского права или механическим соединением римского законодательства с обычным правом германских племен, а являлся прямым отражением общественных отношений, существовавших в реальной действительности: он фиксировал и законодательным путем закреплял те важнейшие изменения в социально-экономической жизни Италии, которые произошли в ту эпоху.

Общая политическая и социальная направленность законодательства, подбор материала эдикта, весьма важные и довольно многочисленные отклонения от установлений римского права[75], изменения в определении правового статуса отдельных категорий зависимого населения, в формах и видах наказаний за различные правонарушения, стремление законодателя самыми суровыми мерами поддержать авторитет предписаний эдикта и добиться их неуклонного выполнения — все это свидетельствует что эдикт Теодориха не был только мертвой буквой и простым переложением римских законов или норм обычного права германцев. Не в чисто внешнем, механическом соединении римских и германских правовых норм, а в слиянии,

---

s l i n. Der erste bekannte Erlass des Königs Theoderich.— «Rheinisches Museum», Bd. 92, 1944, S. 266—280; G. S a l v i o l i. L'Italia agricola nell lettere di Cassiodoro.— «Studi di storia napoletana in onore di M. Schipa». Napoli, 1925; A. H e e r k l o t z. Die Variae des Cassiodorus Senator als Kulturgeschichtliche Quelle. Heidelberg, 1926; G. A. P u n z i. L'Italia del VI secolo nelle Variae di Cassiodoro. Aguila, 1927.

[75] Так, например, § 12 эдикта Теодориха находился в прямом противоречии с законом Анастасия от 491 г. (C. J., VII, 39. 4); § 52 эдикта — с постановлением Зинона от 478 г. (C. J., VIII, 53. 31); § 69—с законом Анастасия (C. J., VII, 39. 5) и т. п. Весьма симптоматично, что в остготском законодательстве нет упоминаний о современном ему законодательстве восточно-римских императоров.

синтезе общественных отношений остготов и римлян, во взаимодействии их социальных и правовых институтов и следует, на наш взгляд, искать ключ к пониманию действительного значения эдикта Теодориха и других законодательных предписаний остготского правительства. Точно так же характер и социальная направленность тех весьма существенных нововведений, которые были внесены в остготское законодательство по сравнению с римским правом не могут быть поняты вне органической связи с реальными изменениями в социально-экономических и политических отношениях того времени. Лишь рассматривая эдикт Теодориха под этим углом зрения, мы сможем определить не только, что было воспринято остготским законодательством из римского или германского права, но и почему именно то или иное законодательное постановление было включено (или не включено) в эдикт Теодориха.

Что же и почему было заимствовано остготским законодательством из римского права?

Переход остготских племен к классовому обществу и государственности, рост социальной и имущественной дифференциации среди остготов неминуемо приводили к дальнейшему укреплению у них института частной собственности. Мы видели, как это сказалось при разделе земель между остготами и римлянами. И в дальнейшем остготская знать (да и рядовые остготские воины-землевладельцы) стремилась юридически закрепить право собственности на приобретенные в Италии земли и другое имущество. Большое влияние в этом отношении оказали на остготов правовые нормы римского государства, основанные на защите прав собственников. Именно эти установления, охраняющие частную собственность, и были в первую очередь заимствованы остготским правительством из римского права.

Охрана прав собственников нашла свое выражение в первую очередь в предписаниях о свободе распоряжения имуществом (дарении, продаже и т. п.), о передаче его по наследству [76].

Право наследования имущества лиц, умерших без завещания, в равной степени распространялось как на римлян, так и на готов. Более того, остготское законодательство не довольствовалось защитой прав наследников лиц, умерших без завещания, но и специально оговаривало ограничение притязаний фиска на выморочное имущество [77]. В тесной связи с

---

[76] Так, ст. 23 эдикта Теодориха ограждает права наследников лиц, умерших без завещания (ср. Ulpian. fragm., 17, 2; см. также Cass. Var., V, 24).

[77] E. Theod., 24—25. Фиск, курия или церковь вступали в права на выморочное имущество лишь после того, как устанавливалось отсутствие

этими предписаниями находятся и статьи 28—31, 33 и 72, касающиеся завещаний и других форм распоряжения имуществом. Естественно, что охрана всех этих прав имела особое значение именно для представителей остготской и римской знати[78]. Специально в интересах остготов в эдикт Теодориха было внесено предписание, дававшее варварам, сражающимся за остготское государство, право составлять завещания не только дома, но и в военных лагерях (E. Theod., 32)[79].

Для крупных земельных собственников Италии, наряду с правом свободного завещания имущества, немаловажную роль играло также и право его дарения. Вследствие этого в эдикте Теодориха особо оговаривается право собственников дарить по своей воле кому угодно принадлежащее им движимое и недвижимое имущество. Для того чтобы дарение имело законную силу, оно должно быть оформлено официальным документом, скрепленным подписями свидетелей и удостоверенным муниципальными чиновниками (E. Theod., 51—53; ср. C.Th., VII, 12.1; Cass. Var., VIII, 25; IX, 18.8).

Во всех спорах и тяжбах, касающихся владения имуществом, остготское правительство становится на сторону реального владельца, а не истца, широко используя для этого постановления римского права. Так, в случае предъявления судебного иска на какое-либо имущество, его владелец не обязан доказывать своих прав на это имущество, а наоборот, истец должен доказать свои права на спорное владение (E. Theod., 132; ср. C. Th., IX, 39.12). Можно предположить, что это

каких-либо родственников умершего как по отцовской, так и по материнской линии, являющихся законными наследниками его имущества. При этом законом преследовались возможные злоупотребления со стороны чиновников фиска (E. Theod., 24). Для предотвращения злоупотреблений эдикт предписывал, чтобы иск, предъявленный фиском на выморочное имущество любого владельца, вступал в законную силу лишь по приговору суда (E. Theod., 25; см. также E. Theod., 26, 27). Имущество лиц, осужденных за правонарушение, передавалось законным наследникам и лишь в случае их отсутствия — фиску. Исключение составляли лица, виновные в оскорблении величества, все имущество которых конфисковалось (E. Theod., 112—113).

[78] Об этом красноречиво рассказывает Эннодий в «Жизнеописании епископа тичинского Епифания». Эннодий сообщает, что Теодорих, разгневанный на отпавших от него знатных лиц, лишил непокорную знать права свободно распоряжаться своим имуществом и делать завещания. Распоряжение короля вызвало недовольство знати. По словам Эннодия, «вся Италия была наполнена жалобами и печалью». Под давлением знати, защитниками интересов которой выступили Епифаний и «знаменитый муж Урбик», Теодорих принужден был вскоре отменить свое предписание (Ennod. V. Epif., 122—135).

[79] С некоторыми ограничениями право солдат составлять завещания в лагерях и во время походов оговаривалось и в римском законодательстве (Dig. XXIX, 1.1. См. M. Kaiser. Das römische Privatrecht, Bd. I. München, 1955, S. 569 f.).

постановление римского права было использовано в эдикте Теодориха именно потому, что для новых владельцев из числа остготской знати оно было весьма выгодно и давало возможность закрепить за ними захваченные в Италии земли [80].

К укреплению частной собственности, в первую очередь крупной земельной, направлены, кроме того, постановления остготского законодательства, касающиеся брачного права, основной целью которых является ограждение от раздела и дробления имущества крупных собственников (E. Theod., 54; ср. Cass. Var., II, 11).

В эдикте Теодориха имеются некоторые важные предписания, почерпнутые из римского права, охраняющие интересы собственников от злоупотреблений государственных чиновников и карающие различные преступления против собственности [81].

В остготском законодательстве заимствования из римского права коснулись, кроме того, системы долговых обязательств (E. Theod., 122 — C. Th., II, 13; E. Theod., 153—C. J., IV, 12; E. Theod., 135—C. J., VIII, 14.21), заключения торговых сделок и регулирования купли-продажи (E. Theod., 141, 147—Paul. Sent., II, 17. 11; C. Th., III, 1) [82].

---

[80] Охрана прав собственников, преимущественно крупных землевладельцев, имеется в виду и в тех постановлениях эдикта Теодориха, в которых используется римский закон о 30-летней давности владения имуществом. При этом закон о 30-летней давности владения имуществом охранял права новых собственников от посягательств как со стороны частных лиц, так и со стороны фиска (E. Theod., 12, 69; C. Th., IV, 14; Nov. Valent. III, 3—4, 13). С этой целью в эдикт были включены предписания о запрещении насильственных захватов имущества (E. Theod., 46—47; ср. Cass. Var., III, 20; Lex Visig., 274—275; см. также E. Theod., 10—11; 75—76; 136—137). Землевладельцам разрешается с оружием в руках защищать свои владения от нападений кого-либо, кто соберет толпу народа (multitudo) и применит насилие. Если при этом организатор нападения или кто-либо из его помощников будет убит, владелец имения, защищавший свое имущество, не несет никакой ответственности (E. Theod., 16; ср. C. Th., IX, 14. 2).

[81] Так, эдикт предписывает принимать меры против незаконных решений судей по делам о спорном имуществе (E. Theod., 2; ср. Paul. Sent., V, 23, 16), против различного рода вымогательств как самих судей (E. Theod., 3; ср. C. Th., IX, 27 3—4), так и чиновников их канцелярий (E. Theod., 4. Эта статья, кстати сказать, является нововведением остготского правительства, а не рецепцией римского права). Законодательство гарантирует права собственников, устанавливая обязательное присутствие на судебных процессах обеих тяжущихся сторон (E. Theod., 5; C. J., VII, 43; Paul. Sent., V, 5A. 7). и строго предписывая судьям рассылать на места письменные решения по всем судебным делам, особенно касающимся вопросов собственности и статуса граждан (E. Theod., 6—8).

[82] Многочисленные постановления эдикта, направленные на пресечение преступлений против собственности: краж (E. Theod., 115—117; ср. Paul. Sent., V, 27. 1; C. J., VI, 2.14; ср. Paul. Sent., II, 31.7; E. Theod., 120; ср. Paul. Sent., II, 31. 8; E. Theod., 130; ср. Paul.

Таким образом, отличительной чертой эдикта Теодориха (как и других законодательных памятников остготского времени) является широкое заимствование из римского права именно тех постановлений, которые укрепляли классовое общество у остготов, защищали права новых собственников и институт частной собственности, закрепляя за новыми владельцами право неограниченного распоряжения приобретенным ими имуществом, в том числе землей. Первостепенное значение в оформлении классового общества у остготов имело также, как мы видели, восприятие остготским законодательством из римского права постановлений, закрепляющих за новыми собственниками не только права на землю, но и на зависимое население — рабов и колонов.

Это, на наш взгляд, нельзя объяснить только влиянием римского права и римских форм собственности. Не подлежит сомнению, что воздействие римских правовых и государственных институтов на общественный строй остготов и на их законодательство было весьма значительным. Вместе с тем защита института частной собственности и прав крупных землевладельцев на зависимое население в эдикте Теодориха и других законодательных памятниках остготского периода свидетельствует о значительном росте частной собственности и крупного землевладения остготской знати.

Влияние римских законодательных установлений на эдикты остготских королей весьма ярко проявилось также и в области семейного права. Разложение родовых отношений у остготов и других варваров приводило к дальнейшему укреплению у них индивидуальной семьи, чему также в немалой степени способствовали нормы римского права, использованные в законодательных предписаниях Теодориха и Аталариха.

Это нашло свое выражение в преследовании незаконных браков и лишении прав наследования незаконнорожденных детей (E. Theod., 36; ср. C. J., V, 5.6; Gaius Instit., I, 64; см. также Cass. Var., VII, 40; ср. Lex Sallica, XIII, 9. 2); в затруднении развода (E. Theod., 54; ср. C. Th., III, 16; см. также Lex Burg., XXXIV, 3—4)[83]; введении чрезвычайно суро-

---

Sent., II, 31.24; E. Theod., 146; ср. Paul. Sent., II, 31.30), угона скота (E. Theod., 56—57; ср. Paul. Sent., V, 18. 1—2), подлогов (E. Theod., 29—30; ср. Paul. Sent., V, 25. I; C. Th., IX, 19.1; C. J., IX, 23; E. Theod., 41; ср. Paul. Sent., IV, 7.2; E. Theod., 90; ср. Paul. Sent., V, 25,5), незаконного захвата имущества (E. Theod., 74; ср. C. J., IV, 16.14,1; III, 1) и т. п., также в своей основе имеют римские юридические нормы.

[83] Развод разрешался только по суду и на основании следующих причин: неверность супругов, совершение кем-либо из них уголовного преступления, как-то: убийства, колдовства, осквернения могил. Супругу, получившему развод, передавалось все семейное имущество для сохранения его детям (E. Theod., 54).

вых наказаний за прелюбодеяние (E. Theod., 38—39; 60—64)[84]; в запрещении конкубината (C a s s. Var., IX, 18.6—7). Основной задачей при этом являлась охрана интересов законных детей на их наследство и закрепление имущества за семьей (E. Theod., 23—24; C a s s. Var., I, 38). Вместе с тем, укреплялась власть главы семьи (отца и мужа)[85].

Различный уровень общественного развития остготов и других германских племен, разница в условиях и характере поселения на территории империи, бо́льшая степень воздействия на остготов римских институтов (в том числе и права) — вот комплекс причин, обусловивших серьезные отличия между эдиктом Теодориха и варварскими правдами других германских народов. Эти отличия нашли свое выражение прежде всего в том, что пережитки родового строя в эдикте Теодориха почти незаметны и не получили никакой апробации закона. Наоборот, борьба с их остатками в жизни остготов и других варваров, поселившихся в Италии, ведется в остготском законодательстве значительно более решительно, чем в варварских правдах. Так, похищение девушки каралось смертной казнью как самого похитителя, так и его сообщников (E. Theod., 17; C. Th., IX, 24. 1.5; C a s s. Var., III, 24; 46, 2; P r o c o p. BG, III, 8. 12—13, 25)[86]. Салической и Алеманской правдами за похищение устанавливался лишь денежный штраф (Lex Salica, XIII; Lex Alam., tit. L—LIII). Наличие пережитков родового строя у остготов и других варваров сказывалось также и в том, что они часто не желали подчиняться судам и, видимо, среди них еще сохранились обычаи, подобные кровной мести. Остготское законодательство выступает против этих обы-

---

[84] За прелюбодеяние наказывались смертной казнью как сами виновники, так и их сообщники (E. Theod., 38—39; ср. C. Th., IX, 38; IX, 40; XI, 36; Dig. XLVIII, 5. 8). После смерти мужа жена должна была в течение года сохранять целомудрие; вступление в связь с кем-либо каралось как прелюбодеяние (E. Theod., 37; C. Th., III, 8. 1; C. J., V, 9.4). Фактически допускалось убийство родными одного из супругов, виновных в измене (C a s s. Var., I, 37. 5; II, 10—11; V, 33). Строгие меры против прелюбодеяния были повторены и в эдикте Аталариха (C a s s. Var., IX, 18, 4—5).

[85] Отец решал вопрос о выдаче дочери замуж и никто не мог его силой принудить к заключению неугодного ему брака (E. Theod., 93; C. Th., III, 11; C. J., V, 7). За уголовное преступление муж мог сам наказывать жену (C a s s. Var., V, 32). Мужчине разрешалась связь с публичными женщинами (E. Theod., 62; P a u l. Sent., II, 26. 11).

[86] Раб, раскрывший дело о похищении, получал свободу (E. Theod., 19; C. Th., IX, 24. 4). Родители или опекуны, скрывшие дело о похищении девушки, наказывались ссылкой (E. Theod., 18; C. Th., IX, 24.4). Обвинение в похищении могло быть предъявлено в течение 5 лет (E. Theod., 20; C. Th., IX, 24.3). Даже за похищение девушки-рабыни или оригинарии устанавливалась смертная казнь (E. Theod., 21; C. Th., IX, 10. 4).

чаев. Кровная месть запрещалась. Убийство, как и подстрекательство к нему, наказывалось смертной казнью, а все уголовные дела об убийстве должны были рассматриваться в суде (E. Theod., 99; P a u l. Sent. V, 26.1; 23.10—11). Стремясь поднять авторитет судебных властей, остготское правительство настоятельно требовало от варваров, чтобы они подчинялись, наравне с римлянами, решению судей (C a s s. Var., III, 17, 24; IV, 10.1; VII, 3.2; VIII, 26). Вместе с тем в эдикт Теодориха были включены, и даже дополнены и развиты, предписания римского права относительно обязанностей судей, направленные на укрепление их власти и в то же время на пресечение злоупотреблений судебной администрации (E. Theod., 1—6). Следует отметить, что в остготском законодательстве в большей степени, чем в законодательстве других германских народов (например, франков), заметна тенденция к усилению роли и значения королевского суда. Таким образом, более строгое упорядочение судопроизводства по римскому образцу, стремление к укреплению судебной власти и введению общих юридических норм,—все это также отличает законодательство остготского государства от варварских правд других германских народов.

В связи со значительным развитием социальной и имущественной дифференциации в период расселения остготов в Италии в остготском законодательстве значительно более определенно, чем в варварских правдах, выражена зависимость между наказанием и социальной принадлежностью виновного и пострадавшего. Бросается в глаза, что эдикт Теодориха в меньшей степени, чем варварские правды[87], заботится о защите личности свободного человека, резче проводит грань не только между свободными и несвободными, но и между богатыми и знатными, с одной стороны, и бедняками, находящимися на низших ступенях общественной лестницы, с другой (см. стр. 48). Едва ли нужно доказывать, что и это также находится в прямой связи со становлением классовых различий в остготском обществе в условиях значительного воздействия римских социальных институтов.

Для определения общего характера остготского законодательства весьма важно и то, что в законодательных памятниках остготского времени племенные, этнические отличия и различия в положении победителей и побежденных уже в большей степени, чем в некоторых варварских правдах, отходят на задний план. Так, остготы, согласно остготскому законодательству, не имели таких привилегий по сравнению с рим-

---

[87] См., например, Lex Salica, XVIII—XX, XXIX, XXXI—XXXII, и др.; Lex Alam. Hlotarii, LVIII—LXII, LXVIII; Lex Alam. Carol., LVIII—LIX; Lex Burg., XXVI и др.

ско-италийским населением, как, скажем, франки в отношении к галло-римлянам[88]. В заключительной статье эдикта Теодориха, например, особо подчеркивается, что эдикт издан «на благо» всем подданным — как варварам, так и римлянам—и что его предписания в равной степени должны выполняться и римлянами и готами (E. Theod., 155, cf. praef.). Наблюдение за выполнением законов при этом возлагалось на судей, которые обязаны были одинаково сурово карать нарушителей постановлений эдикта, будь то римляне или готы (E. Theod., 155). Лишь в отдельных случаях в эдикте Теодориха особо оговариваются некоторые привилегии остготской знати и остготских воинов (см. ниже).

Мы видим, таким образом, что эдикты Теодориха и Аталариха и другие законодательные предписания остготских королей по существу лишены племенной исключительности. Они являлись действующим правом для всего варварского и римско-италийского населения страны. Поэтому остготское законодательство являлось не только оформлением (на основе или, точнее, при помощи римских юридических норм) действующего права остготов, но и важным этапом в развитии общеиталийского законодательства. В этом плане особенно интересно проследить, какие новые черты по сравнению с римским правом приобрело законодательство в Италии в период владычества остготов, что́ было внесено в него под влиянием германского права и какие уже отживающие римские юридические нормы, не отвечавшие более реальным потребностям времени, были отброшены.

Прежде всего, на наш взгляд, влияние германского права на остготское законодательство сказалось не непосредственно, а опосредствовано — через близкие по времени и характеру правовые памятники других германских народов — вестготский Бревиарий Аллариха (Lex Romana Visigothorum) и римский закон бургундов (Lex Romana Burgundionum)[89].

---

[88] См., например, Lex Salica, XIV, 1—3; XXIX, 2,3; XLI, 1—7; XLIII 4.

[89] Оба памятника созданы, в свою очередь, на основе синтеза римских и германских правовых норм. Бревиарий Аллариха был составлен при вестготском короле Аларихе II около 506 г. и предназначался преимущественно для разрешения споров между римлянами и вестготами в Вестготском государстве. Римский закон бургундов был составлен между 502—517 гг. с той же целью урегулирования взаимоотношений местного римского населения с завоевателями-бургундами. И тот и другой закон уделяли значительное внимание также правовым отношениям среди покоренного римского населения Вестготского и Бургундского королевств (см. Leges Visigothorum, MGH, Legum Sectio I, t. I. Hannoverae et Lipsiae, 1902. Leges Burgundionum, MGH, Legum Sectio I, t. II, pars I. Hannoverae, 1892).

Некоторые важные статьи эдикта Теодориха как по своей форме, так и по содержанию весьма близки к Бревиарию Алариха и Римскому закону бургундов. В первую очередь это постановления, касающиеся борьбы с пережитками родового строя, в чем была в равной степени заинтересована как остготская феодализирующаяся знать, так и знать вестготов и бургундов [90].

Из Вестготского и Бургундского законов остготское законодательство заимствовало также ряд установлений, направленных против некоторых преступлений, совершенных рабами; при этом обычно наказания за эти преступления в эдикте Теодориха и Вестготском и Бургундском законах несколько иные, чем в римском праве. Так, постановление против насилия, совершенного рабами, восходит, видимо, к Бревиарию Алариха или общему для него и эдикта Теодориха источнику (E. Theod., 77; Lex R. Visig., 4)[91]. Вместе с тем замена уплаты денежного штрафа за убийство раба передачей хозяину убитого двух других рабов той же стоимости, кажется, тоже заимствована эдиктом Теодориха из германского права (E. Theod., 152). Постановления, регулирующие вопросы, связанные с сельским бытом и защитой прав не только крупных, но и мелких земельных собственников, в эдикте Теодориха также носят следы прямого или косвенного влияния германского права. Так, следуя за Римским законом бургундов, эдикт Теодориха устанавливает более строгое, чем в римском праве, наказание за нарушение границ чужого поля (E. Theod., 104; Lex R. Burg., 55.3) [92]. В статье, строго карающей за поджог дома или виллы, эдикт Теодориха вводит новое (неизвестное римскому праву) различие в наказании не только между рабами и свободными, но и между богатыми и бедными, что, по-видимому, тоже было взято из германского права (E. Theod., 97). Статья эдикта Теодориха о краже скота близка аналогичной статье лангобардского эдикта Ротари, что указывает, конечно, лишь на их общий источник, восходящий к германскому праву (E. Theod., 58; E. Rot., 343). Привлекает внимание и то

---

[90] Так, предписания эдикта Теодориха, вводящие строгие санкции против похищения девушек и устанавливающие ответственность родителей за сокрытие похищения (E. Theod., 18, 20), восходят не только к к кодексу Феодосия (C. Th., IX, 24.2—4), но очень близки и к Бревиарию Алариха (Lex R. Visig., 1).

[91] Предписания эдикта против краж, совершенных рабами, также имеют своим источником бургундское и вестготское законодательство (E. Theod., 117; Lex R. Burg. 15.1; E. Theod., 120; Lex R. Visig., 10). Но очищение клятвой с целью оправдания, при обвинении в совершении кражи в таверне или на постоялом дворе, заимствовано остготским законодательством, видимо, непосредственно из германского права (E. Theod., 119).

[92] Из Римского закона бургундов взяты и некоторые другие статьи эдикта Теодориха, например, статья о наказании за увеличение кредитором установленного процента (E. Theod., 134; Lex R. Burg., 31.4).

обстоятельство, что постановления против возрождения языческих культов и волшебства также взяты из германского права (E. Theod., 108; Lex Visig., VI, 2.1.3; ср. Lex Langob. Liutprand., 84, 85). Подобные примеры прямого или косвенного заимствования из германского права различных постановлений в эдикте Теодориха можно было бы еще умножить. Однако все же надо признать, что их значительно меньше и они касаются менее важных вопросов, чем заимствования из римского права.

Наряду с рецепцией римского права и подтверждением ряда постановлений германского права, отличительной чертой эдикта Теодориха является самостоятельное изложение многих статей и внесение весьма существенных изменений по сравнению с римским или германским первоисточником. Подобные изменения являлись прямым отражением эволюции, происходившей в общественных отношениях Италии после остготского завоевания.

Изменения коснулись прежде всего системы наказаний. Развитие феодальных отношений в остготской Италии привело к замене наказаний, типичных для рабовладельческого общества (распятие на кресте, отдача на растерзание диким зверям, ссылка в рудники и т. п.), иными наказаниями, характерными для переходного периода от рабовладения к феодализму (сожжение, наказание палками и т. п.) [93]. Большое распространение в остготском законодательстве получили денежные штрафы и возмещение убытков в одинарном или многократном размере [94].

---

[93] См., например, E. Theod., 21 — C. Th., IX, 10.4; E. Theod., 56—57 — Paul. Sent. V, 18. 1—2; E. Theod., 75; Paul Sent. V, 26.3; E. Theod., 83 — Paul. Sent. V, 30B.—1.—E. Theod., 97 — Paul. Sent., V, 20.2; V, 3.6; E. Theod., 104 — Paul. Sent., V, 22.2 и др.

[94] При этом часто размеры компенсации в эдикте Теодориха изменены по сравнению с римским правом. См., например, E. Theod., 115 — Paul. Sent., V, 27.1; C. Th., IX, 17,6; E. Theod., 124 — Paul. Sent. V, 26.4; E. Theod., 151 — Paul. Sent., II, 31.25. В научной литературе дебатировался вопрос, существовала ли в остготском законодательстве такая форма наказаний (свойственная варварским правдам), как система композиции. Ученые романисты полностью отрицали наличие композиции в остготском праве (Iwan von Glöden. Das römische Recht im Ostgoth. Reiche, S. 107 f.). Другие ученые (Эйхгорн, Бруннер и др.), в том числе советская исследовательница И. Дворецкая, усматривали в имеющейся в остготском законодательстве системе возмещения материального ущерба видоизмененную форму композиции за совершенное преступление, отличную от денежного штрафа. На наш взгляд, все же нельзя ставить знак равенства между заимствованной из римского права системой возмещения материального ущерба, которая господствует в эдикте Теодориха, и распространенной в варварских правдах системой композиции. (И. Дворецкая. К вопросу о положении зависимого населения..., стр. 178 сл).

Влияние новых общественных отношений особенно ярко сказывалось в смягчении в остготском законодательстве наказаний за некоторые преступления. Так, за сокрытие и продажу в рабство свободного человека в римском праве люди низкого происхождения карались распятием на кресте или ссылались в рудники, а у знатных конфисковалась половина их имущества; в остготском же законодательстве незнатного человека за подобное преступление наказывали палками и вечным изгнанием, знатного — конфискацией трети имущества и изгнанием на 5 лет (E. Theod., 83;—P a u l. Sent., V, 30 B.1). В эдикте Теодориха было смягчено по сравнению с римским правом и наказание за незаконное присвоение власти при помощи военной силы (militiam confinxerit) — E. Theod., 89— P a u l. Sent., V, 25.12)[95], снята ответственность с наследников за преступления, совершенные их родственниками (E. Theod., 88); в некоторых случаях понижалось материальное возмещение за совершение того или иного преступления (E. Theod., 111 —C. Th., IX, 17.6). В эдикте вводилась замена денежного возмещения за принятие беглого раба (в 20 солидов) выдачей хозяину другого раба той же стоимости (E. Theod., 84—C. J., VI, 1. 4).

Однако во многих случаях остготское законодательство даже усилило наказания, причем более суровые, чем в римском праве; репрессии предусматривались главным образом за такие преступления, борьба с которыми приобрела особенно важное значение для остготской знати. Примеры подобного усиления наказаний мы находим в статьях эдикта Теодориха, направленных на укрепление частной собственности, поднятие авторитета судебной власти и пресечение преступлений самих судей, поддержание института наследования имущества, укрепление семьи и т. п.[96]

---

[95] За это преступление в римском праве люди низкого происхождения карались смертной казнью, а знатные — ссылкой на остров (P a u l. Sent., VI, 25.12); в эдикте же Теодориха незнатные подвергались только телесному наказанию и вечной ссылке, а знатные отправлялись в изгнание (E. Theod., 89).

[96] Так, за уничтожение чужого посева или насаждений в эдикте Теодориха устанавливалось возмещение убытков в четырехкратном, а в римском праве только в двухкратном размере (E. Theod., 151—P a u l. Sent., II, 31.25). За взятку судья карался, согласно эдикту, смертной казнью, а по римскому законодательству за это его ожидала лишь конфискация имущества и ссылка (E. Theod., 1 —P a u l. Sent., V, 23.10); за подлог завещания в эдикте для всех вводилась смертная казнь, а в римском праве за это распинали на кресте лишь рабов, а свободные отделывались ссылкой или работами в рудниках (E. Theod., 90, 41 —P a u l. Sent., V, 25.5; IV, 7.2); за прелюбодеяние эдикт карал смертной казнью, а римское право — конфискацией части имущества и ссылкой (E. Theod., 38; C. Th., IX, 38. 7; IX, 40.1; XI, 36.4). Подобные примеры можно было бы еще умножить.

Таким образом, по своей системе наказаний остготское законодательство отличалось как от римского, так и варварского — германского права. Однако все же ближе оно стояло к римскому праву, из которого почерпнуло многие виды наказаний, отбросив наиболее унизительные, связанные с обычаями и понятиями рабовладельческого общества. От варварских правд, как и от всех других известных нам памятников того времени, эдикт Теодориха отличается также и тем, что в нем не упоминается о вирах за убийство, столь характерных для того этапа исторического развития, общественные отношения которого и нашли свое отражение в системе права варварских правд [97].

Во многих случаях, даже заимствуя откуда-нибудь то или иное постановление, остготские законодатели и, в частности авторы эдикта Теодориха, вносили довольно существенные изменения в формулировки этих постановлений [98].

Но особенно большой интерес представляют, конечно, те статьи эдикта Теодориха, которые полностью или частично являются нововведением остготского правительства и не заимствованы ни из римского, ни из германского права.

Совершенно оригинальны статьи эдикта Теодориха о положении готов и союзных им варваров в Остготском королевстве. Отметим прежде всего, что, хотя, как мы уже говорили, эдикт Теодориха и не противопоставлял варваров-завоевателей местному населению, как это имело место в законодательстве многих других варварских государств, все же некоторые привилегии остготов он фиксировал. Так, в эдикт Теодориха было включено постановление, являющееся нововведением остготского законодательства: оно предоставляло возможность варварам, три раза не явившимся в суд по вызову судьи во избежание проигрыша тяжбы и наказания оправдать свою неявку. Для этого они должны были или подтвердить показаниями свободных и знатных свидетелей, что они не явились в суд, задержанные силой (auctoritate pulsatum), или выставить поручителя из числа «длинноволосых» (cappilati,—т. е. из числа готов) [99], который мог быть вместо них вызван в суд (E. Theod., 145). Несомненной привилегией готов являлось и

---

[97] На наш взгляд кажется совершенно неправомерным использовать (как это делают некоторые историки) «приложение к эдикту Теодориха», относящееся не к остготскому, а франкскому обществу, для признания наличия вир за убийство в остготском законодательстве.

[98] Это относится, например, к следующим статьям эдикта Теодориха: 45, 60, 69, 70, 71, 73, 89, 103, 114, 125—129, 133, 137, 143—149.

[99] Так называют готов и другие источники (Iord. Chron., cap. 11; Cass. Var., IV, 49; F. Dahn. Die Könige der Germanen. Bd. II, S. 99).

их право составлять завещания не только дома, но и в военных лагерях (правда при редактировании этой статьи эдикта его авторы использовали одно из постановлений римского права, но внесли в него существенные дополнения) (E. Theod. 32 — Dig. XXIX, 1.1).

Нововведения эдикта Теодориха относительно положения готов не сводятся, однако, лишь к предоставлению им некоторых привилегий. Они коснулись и ограничения самоуправства «могущественных варваров», и прежде всего запрещения им захватывать чужое имущество (E. Theod., 34, 43—44). Кроме того, эдикт Теодориха ввел и другое ограничение произвола остготской знати: он предписывал особо важные дела передавать в королевский суд, которому должны были беспрекословно подчиняться все готы и римляне (E. Theod., 10, 155). Цель этих нововведений состояла в том, чтобы поднять авторитет центральной власти; вместе с тем они отражали и феодализационные тенденции в Остготском государстве, проявившиеся в росте власти землевладельческой остготской и римской знати в провинциях Италии.

Новые тенденции, свойственные законодательству других германских народов и непосредственно связанные с некоторым ростом свободного землевладения и политического влияния остготских воинов, нашли выражение в нововведениях эдикта Теодориха, затрагивающих вопрос о гарантиях неприкосновенности личности свободного человека. Так, вполне самостоятельными, как мы уже упоминали, являются предписания эдикта, запрещающие под страхом смертной казни арест свободного человека без приговора судьи (E. Theod., 8—9). Но как уже говорилось выше, эти тенденции в остготском законодательстве выражены значительно слабее, чем в варварских правдах, что объясняется не только более интенсивным влиянием римского права, но и бо́льшим развитием социальной и имущественной дифференциации среди готов.

Наряду с защитой прав свободных граждан в эдикт Теодориха были внесены существенные нововведения, коснувшиеся положения зависимого населения Италии. Это, как мы видели, выражалось прежде всего в предписании эдикта, разрешавшем землевладельцам продавать без земли своих сельских рабов и колонов-оригинариев или переводить их в город (E. Theod., 142; см. выше, стр. 88 сл.; 98 сл.).

Остготское законодательство пополнило правовые нормы Италии и самыми суровыми санкциями против народных восстаний (E. Theod., 107) и других проявлений социального сопротивления народных масс.

Для общей характеристики остготского законодательства очень показателен тот факт, что некоторые устаревшие уста-

новления Поздней Римской империи, тормозившие дальнейшее развитие общества по пути феодализма, были так видоизменены в Остготском государстве, что из них исключались наиболее вредные пережитки рабовладельческого строя. В эдикте Теодориха это коснулось в первую очередь постановлений относительно муниципального землевладения и положения куриалов. Борьба за укрепление новых форм землевладения была связана с борьбой против умирающей муниципальной собственности как особой формы собственности рабовладельческой. Поэтому немудрено, что в эдикт Теодориха постановления римского права о муниципальном землевладении и положении куриалов были внесены с такими изменениями, которые фактически помогали хотя бы частичному уничтожению наиболее тягостных пут, мешавших превращению муниципального землевладения в свободно отчуждаемую собственность (аллод.—См. выше, стр. 133 сл.). И хотя политика остготского правительства в отношении куриалов, как мы знаем, не отличалась последовательностью и при преемнике Теодориха Аталарихе была сделана попытка законсервировать куриальное землевладение, однако, остготское законодательство и в этом отношении отразило борьбу новых феодализационных тенденций против пережитков рабовладельческого строя. Устраняя наиболее отрицательные черты имперских конституций IV—V вв., отражавших судорожные попытки рабовладельцев спасти оплот рабовладельческого строя—муниципальное землевладение, остготское законодательство тем самым расчищало путь для развития новых феодальных отношений. Этому отнюдь не противоречит то, что само рабовладение не только не отменялось, но даже в известной степени укреплялось остготским законодательством, поскольку новая феодализирующаяся остготская и римская знать еще получала, как мы видели, экономические выгоды от использования труда рабов.

Обобщая все сказанное выше, мы можем утверждать, что остготское законодательство, порожденное переходным временем разрушения рабовладельческого и становления феодального строя, соединяло в себе черты общественных отношений и правовых институтов двух миров — разлагающегося рабовладельческого и рождающегося феодального. Сохраняя еще в большом числе родимые пятна старого общества, оно в то же время имело некоторые прогрессивные черты, помогающие оформлению новых социально-экономических и политических отношений, освобождению от пережитков прошлого. Вместе с тем само введение этого законодательства в свою очередь воздействовало на общественные отношения, являясь немаловажным стимулом дальнейшего развития Италии по пути феодализма.

§ 3. Налоги и налоговое обложение в Италии после остготского завоевания

Синтез общественных отношений остготов и римлян, нашедший столь яркое выражение в государственном устройстве и в праве Остготского королевства, наложил свой отпечаток и на систему налогового обложения, введенную в Италии после остготского завоевания. И хотя остготская знать и остготское правительство использовали в своих интересах сложную и налаженную фискальную машину римского государства [100], однако и в сфере налогового обложения, как и в других областях социально-экономических и политических отношений в Италии в период остготского владычества, появились новые черты, порожденные самой жизнью. Произошли довольно существенные изменения в способах раскладки и взимания налогов и даже в принципах самого обложения.

Основным налогом с сельского населения Италии по-прежнему оставался поземельный налог, вновь именуемый tributum [101]. Но в принципах обложения этим налогом произошли важные изменения, вызванные новыми отношениями, порожденными завоеванием и сложной политической ситуацией, сложившейся в завоеванной стране.

Влияние общественных отношений варваров-завоевателей сказалось прежде всего в том, что остготы, так же как вестготы и франки, ранее не знавшие налогов у себя на родине, и после переселения в Италию, не подлежали обложению [102] поземельным налогом за полученные ими по разделу участки земли (sortes). В связи с этим фактически был введен новый принцип обложения: римские посессоры должны были платить налоги в казну, а готы (получившие треть их земель) — нести военную службу и охранять государство от нападений внешних врагов.

Об освобождении остготов от поземельного налога свидетельствует ряд источников. Так, в приводимой у Кассиодора formula honoratis possessoribus et curialibus civitatis Neapolitanae остготский король Теодорих говорит, что римляне платят ему налоги (tributa quidem nobis annua devotione persolvit), в то время как готы исполняют его приказы и защищают римлян от набегов врагов (ab incursantium pravitate defendat.— Cass.

---

[100] Cass Var., II, 24; IV, 14, 38; V, 14; XII, 8, 10.

[101] В остготское время термин jugatio-capitatio, введенный по налоговой реформе Диоклетиана для обозначения поземельного налога, почти совершенно вышел в Италии из употребления, и возродился вновь древний термин tributum.

[102] Об освобождении вестготов от налогов после переселения их на территорию Западной Римской империи см.: Н. П. Грацианский. Указ. соч., стр. 15.; об освобождении франков от налогов см.: Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства (1 изд.), стр. 286.

Var., VI, 24.1). В другом документе, тоже сохраненном «Вариями», король Аталарих призывал готов не захватывать имущества их соседей — римлян, «поскольку вас и земли собственные питают и служба наша, помощью божьей, обогащает» (cum vos et sortes alant propriae et munera nostra, domino juvante, ditificent.— Cass. Var., VIII, 26. 4). В том же послании Аталарих убеждает готов-воинов, что в их собственных интересах не посягать на имущество римлян, поскольку те платят налоги в королевскую казну, из которой готы получают свою донативу. Захват готами имущества римлян может вызвать их недовольство и отказ от уплаты налогов. А ведь когда римляне спокойны, они вносят налоги, пополняют казну и благодаря этому король может увеличивать донативу готам (quia vobis proficit, quod Romani quieti sunt, qui dum aeraria nostra ditant, vestra donativa multiplicant.— Cass. Var., VIII, 26. 4). Да и вообще трудно представить, чтобы готы-завоеватели сразу после завоевания и в первые годы после расселения в Италии могли смириться с бесправным положением, подобным положению римских посессоров-трибутариев (Cass. Var., V, 14; IX, 5; XII, 10), и подчиниться вымогательствам сборщиков податей и куриалов из местного покоренного населения.

Однако встает вопрос, не противоречит ли приведенным выше данным об освобождении от поземельного налога (за sortes) воинов-остготов известия того же Кассиодора о том, что готы иногда, так же как и римляне, платили налоги?

В «Вариях», действительно, имеются два документа, которые говорят об обложении готов налогами. В одном из них сказано, что остготское правительство поручало государственным чиновникам проверить донесения куриалов города Адрианы, сообщавших что богатые готы их округи отказываются платить налоги и перекладывают их на неплатежеспособных бедняков (tenues.—Cass. Var., I, 19). Второй документ содержит приказ Теодориха сайону Гезиле потребовать от готов, живущих в Пицене и Тусции, уплаты налогов, которые они обязаны были платить (Cass. Var., IV, 14) [103].

---

[103] В буржуазной историографии нет единого мнения по вопросу о том, платили ли остготы налоги в Остготском государстве. Только что приведенные нами два предписания остготского правительства дали основание некоторым ученым считать, что готы, так же как и римляне, подлежали обложению tributum (J. G. F. Manso. Geschichte des Ost-Gothischen Reiches..., S. 100; E. Th. Gaupp. Die germanischen Ansiedlungen..., S. 486; F. K. Savigny. Vermischte Schriften, Bd. II, S. 119; F. Dahn. Die Könige..., Bd. III, S. 141; H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. I, S. 67; L. M. Du Roure. Histoire de Théoderic le Grand, roi d'Italie, Paris, 1846, vol. I, p. 152; G. Sartorius. Versuch über die Regierung der Ostgothen..., S. 194). Другие ученые

Но это мнимое противоречие, содержащееся в источниках, на наш взгляд, можно разрешить, если учесть те изменения, которые произошли в поземельных отношениях в Италии и в положении как готов-завоевателей, так и римских посессоров уже после завершения официального наделения остготов землей. Выше было показано, что остготская знать не только не удовлетворилась полученными ею по разделу участками земли, но уже вскоре после окончательного завоевания Италии стала энергично приобретать земли римских посессоров. Несомненно, что, если бы и эти вновь приобретенные остготскими землевладельцами у римских посессоров земли также освобождались от налогов, как и sortes готов, казна потеряла бы многих своих прежних налогоплательщиков и понесла бы значительные убытки. Поэтому, не желая терять доходы, остготское правительство следовало новой системе, изложенной им в ряде документов: если земля переходила от лица, обязанного платить налоги, к лицу, от них освобожденному, то вместе с землей к новому владельцу переходила и обязанность вносить налоги При этом из налоговых списков должны были вычеркиваться имена старых владельцев и заменяться именами новых (Mar. 82—83 = Tjäder, 10—11; Cass. Var. I, 19; II, 24; IV, 14).

Но новые владельцы-готы, освобожденные от tributum за свои sortes, не желали, видимо, платить налоги и за эти вновь приобретенные ими земли. Особенно упорно этому сопротивлялась остготская знать, которая стремилась заставить римских посессоров по-прежнему платить налоги с земель, фактически уже перешедших в ее руки (Cass. Var., I, 19). Опасаясь полного разорения римских землевладельцев и прекращения налоговых поступлений в казну, остготское правительство пресекало подобные злоупотребления остготской знати, заставляя готов платить налоги с вновь захваченных ими в Италии земель [104].

(начиная еще с Гиббона) отрицали возможность обложения готов-воинов налогами (см. E. Gibbon. Histoire de la décadence et de la chute de l'Empire Romain, t. II, p. 9; F. Thibault. L'impôt direct dans les Royaumes des Ostrogoths, des Wisigoths et des Burgundes.— «Nouvelle revue historique du droit français et étranger», vol. 25, 1901, p. 700—708).

[104] Наше мнение подтверждается и тем, что при расследовании дела о неуплате готами налогов государственные чиновники должны были проверять не общие податные списки (polypthici publici), где указывались лишь имена налогоплательщиков, а донесения куриалов, в которых обычно отражались все перемещения собственности, что давало возможность установить, какие владения реально перешли в руки новых собственников и какие в связи с этим изменения необходимо сделать в податных списках (Cass. Var., I, 19. Ср. F. Thibault. L'impôt direct..., p. 704—705).

Сопротивление остготской знати, да и рядовых воинов было столь сильным, что правительство принуждено было объявить, что за уклонение готов от уплаты установленных налогов оно будет проводить конфискацию земель, подлежащих обложению (Cass. Var., IV, 14).

Таким образом, мы видим, что освобождение от налогов касалось в Остготском государстве только тех земельных участков, которые готы получили по разделу при условии несения за них военной службы. С тех же земель, которые новые завоеватели приобрели в Италии уже после раздела, покупая или захватывая их у римских посессоров, они обязаны были вносить налоги в казну. Тем самым у остготов, так же как у вестготов и франков был проведен в жизнь принцип освобождения от налогового обложения участков земли, дарованных за выполнение воинской повинности, принцип, получивший в дальнейшем столь широкое распространение в связи с развитием феодализма [105].

Освобождение от уплаты налогов за воинские участки являлось привилегией лишь самих победителей — остготов; другие варварские племена, поселившиеся на территории Западной Римской империи еще до остготского завоевания и называемые в источниках antiqui barbari, платили налоги и несли различные государственные повинности так же, как и римские посессоры. При этом защита границ, ранее поручавшаяся этим варварам, была передана теперь исключительно готам (Cass. Var., III, 24; V, 14).

В Остготском королевстве предоставление налоговых привилегий было тесно связано с социальной политикой остготского правительства, что особенно отчетливо проявилось в его отношении к сенаторскому сословию. В первые годы существования Остготского королевства, когда остготское правительство особенно заигрывало с римским сенатом и высшей аристократией, оно если официально и не признало полного освобождения сенаторского сословия от налогов [106], то во всяком слу-

---

[105] На наш взгляд, отнюдь нельзя эту систему отождествлять с существовавшим в Римской империи освобождением от налогов воинов, получивших участки земли в пограничных районах и несших охрану границ империи. Между тем Ф. Тибо, исходя из своей общей романистической концепции, не учитывает влияния общественных порядков варваров на налоговую систему Италии в V — начале VI в. и ошибочно считает, что система освобождения готов-воинов от налогов является прямым продолжением римских установлений (F. Thibault. L'impôt direct..., p. 700).

[106] Сенаторы в Римской империи платили особый сословный налог — glebalis collatio; этот налог был отменен еще до падения Западной Римской империи (C. J., XII, 2.2). Источники остготского времени о нем молчат, так же как и о aurum oblatitium — экстраординарном налоге, который иногда платили сенаторы. Это заставляет некоторых исследователей

чае смотрело сквозь пальцы на попытки сенаторов уклониться от их уплаты. Несколько позднее, когда отношения правительства с сенаторской аристократией начали уже портиться, правящие круги остготской знати перешли к некоторому ограничению злоупотреблений сенаторов и в области налогового обложения. Так, в 507/511 г. остготское правительство потребовало от римского сената принять меры к немедленной уплате сенаторскими фамилиями их задолжности по налогам [107]. В особом послании Теодориха к римскому сенату указывается, что сенаторы не только не заплатили в установленный срок налогов, но всячески стремились совсем уклониться от их уплаты, переложив их на бедняков (tenues). Куриалы, отвечавшие своим имуществом за сбор налогов, были не в силах заставить влиятельных сенаторов платить и несли большие убытки. Стараясь избежать собственного разорения, куриалы под нажимом сенаторов заставляли бедных посессоров вносить налоги, не уплаченные знатными землевладельцами. Опасаясь полного обеднения налогоплательщиков, остготское правительство стало требовать налоги с самих сенаторов. Сенаторам предоставлялось, однако, право выбора: или уплатить налоги куриалам в провинциях через своих прокураторов в установленные три срока, или внести их в один прием в казну викария Рима (Cass. Var., II, 24). Еще позднее, во время гото-византийской войны, когда отношения остготского правительства с римским сенатом окончательно испортились, Тотила, видимо, пошел даже на полную отмену каких бы то ни было налоговых привилегий сенаторского сословия Италии (см. ниже, стр. 351).

Итак, налоговая политика остготского правительства по отношению к высшей аристократии Италии изменялась в зависимости от изменения их политических взаимоотношений и прошла путь от признания налоговых привилегий сенаторского сословия к их отмене.

Основными плательщиками поземельного налога в Остготском государстве были римско-италийские землевладельцы (possessores).

Некоторые посессоры сами обрабатывали земли и платили налоги; более же богатые, использовали труд рабов и колонов,

---

полагать, что сенаторы в Остготском королевстве были освобождены от налогов за родовое имущество (F. Thibault. L'impôt direct..., p. 709 sq). Однако прямых данных источников о полном освобождении сенаторов от всех налогов в остготское время у нас нет.

[107] Ф. Тибо полагает, что сенаторы (как и готы) платили налоги не за свои родовые владения, а за вновь приобретенные у римских посессоров земли (F. Thibault. L'impôt direct..., p. 710—714). Подобная трактовка вопроса, на наш взгляд, все же требует дополнительного обоснования, которого автор, к сожалению, не дает.

которые выполняли в их пользу различные повинности, и платили за пользование землей деньгами или натурой; налоги в таком случае фактически вносили зависимые люди.

Размеры поземельного налога при готах определялись согласно существовавшему ранее обычаю (Cass. Var., VII, 20—21; IX, 10, 12; XI, 35—36) и, как правило, не превышали уровня, установленного в правление Одоакра (Cass. Var., IV, 38). К сожалению, кроме этих общих сообщений Кассиодора до нас не дошло никаких данных о том, как проводилась оценка имущества налогоплательщиков при установлении суммы tributum [108]. Но несомненно, что в сохранявшуюся в Италии до готов диоклетиановскую систему исчисления jugatio-capitatio были внесены какие-то существенные изменения, ибо как совершенно правильно отметил еще П. Виноградов, ст. 142 эдикта Теодориха неизбежно должна была привести к «разложению» этой системы [109].

Налоги, в том числе поземельный, уплачивались, как правило, в три срока (trina illatio) — 1 января, 1 мая и 1 сентября каждого года (Cass. Var., II, 24.4; XII, 7.3; XII, 2.5; XII, 16.3). В виде исключения налогоплательщикам иногда разрешалось вносить их в один прием (Cass. Var., II, 24.4).

Общее исчисление налогов с каждой податной единицы (указанной в податных списках) производилось, как и в Римской империи, в денежном выражении — в солидах (Cass. Var., VII, 45; XI, 39). Вносился поземельный налог не только деньгами, но и натурой. К сожалению, каких-либо прямых данных о соотношении натуральных и денежных платежей в нашем распоряжении не имеется. Поэтому мнение некоторых историков, считающих, что в Италии как при Одоакре, так и в период владычества остготов поземельный налог, подобно другим налогам, взимался преимущественно в деньгах [110], не может

---

[108] Мы знаем только, что оценку имущества налогоплательщиков при установлении суммы налогов производили чиновники фиска censitores и peraequatores (Cass. Var., V, 14; XII, 10).

[109] П. Виноградов. Указ. соч., стр. 98—99. Следует отметить, что и Д. М. Петрушевский в первом издании своих «Очерков из истории средневекового общества и государства» (1907, стр. 267 сл.), говоря о налогах в остготской Италии, расценивал значение ст. 142 эдикта Теодориха примерно так же, как и П. Виноградов. В дальнейшем, восприняв взгляды Допша, он существенно изменил эту часть работы, стараясь создать у читателя впечатление, будто бы ст. 142 внесла в область налогового обложения лишь путаницу и беспорядок (ср. 5-е изд. «Очерков...», 1922 г., стр. 212).

[110] H. Geiss. Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen..., S. 77 f.; E. Stein. Histoire..., vol. II, p. 199. При этом Э. Штейн высказывает предположение, что в Восточной Римской империи уплата налогов в деньгах была распространена в меньшей степени, чем в Италии.

быть признано доказанным. Оно опирается не столько на факты, сколько на общеметодологические воззрения этих историков.

Правда в «Вариях» есть документы, свидетельствующие, что в отдельных случаях остготское правительство переводило некоторые натуральные повинности в денежные. Но анализ этих документов показывает, что это делалось обычно по политическим соображениям. Известно, например, что в середине 30-х годов VI в. правительство уступило настойчивым просьбам посессоров Лукании и Бруттия и разрешило им вместо натуральных поставок скота для населения города Рима вносить ежегодно денежный взнос в 1000 солидов [с единицы обложения?] (Cass. Var., XI, 39) [111]. До этого налогоплательщики этих провинций обязаны были сами пригонять скот в Рим и сдавать его по весу государственным чиновникам. Понятно, что доставка скота на столь большое расстояние приносила налогоплательщикам значительный ущерб, ибо скот в дороге терял в весе, а нередко и погибал; естественно, что налогоплательщики, желая избавиться от этой тяжелой повинности, просили правительство перевести натуральные поставки в денежные. Остготское правительство знало, несомненно, обо всех этих фактах и раньше, но приняло во внимание жалобы налогоплательщиков только тогда, когда уже ожидалось нападение византийцев (а может быть, даже уже и в начале войны) [112] и когда необходимо было улучшить отношения с населением юга Италии.

Натуральные поставки нужны были остготскому правительству прежде всего для снабжения продуктами больших городов Италии, таких, как Рим и Равенна [113], а также воинских гарни-

---

[111] У Кассиодора единица обложения не указана. Ф. Тибо предполагает, что это была millenae — millena (тысяча), известная в Италии в римскую эпоху и в остготское время (см. Cass. Var., II, 37; F. Thibault. L'impôt direct..., p. 721 sq.; F. Thibault. L'impôt direct sous le Bas-Empire Romain. «Revue générale du droit», 23, 1899, p. 30), с чем, однако, нельзя согласиться, особенно если мы вспомним, что — как сообщает в этом же документе Кассиодор — до перевода натуральных поставок в денежные ценность скота, поставляемого посессорами Лукании и Бруттия с этой же единицы обложения, равнялась 1200 солидам (Cass. Var., XI, 39).

[112] В моммзеновском издании «Варий» этот документ датирован 533/537 г. К 537 г. и даже ко второй половине 536 г. он не может быть отнесен, так как в это время Бруттий и Лукания уже были заняты византийцами.

[113] Насколько необходимы были для снабжения этих городов натуральные поставки, показывает тот факт, что во время войны с Византией, когда южные провинции, поставляющие в Равенну продовольствие, были потеряны, остготское правительство заменило все денежные налоги Истрии поставками вина, масла и зерна (vini, olei vel tritici) для столицы королевства (Cass. Var., XII, 22.1—2; 23.1). Одновременно в Истрию

зонов, расположенных в пунктах, удаленных от мест постоянного поселения готов-воинов. За счет этих поставок остготское правительство делало запасы, необходимые для снабжения армии в случае войны. Какая-то часть натуральных налогов шла на выдачи жалования натурой представителям администрации, а возможно, и на содержание королевского двора в дополнение к тому, что правительство получало с доменциальных владений.

Постоянно нуждаясь в продовольствии, остготское правительство заимствовало из римской фискальной системы практику проведения принудительной скупки хлеба и других съестных припасов (coemptio) [114]. По мнению некоторых ученых, в частности Г. Гейсса, coemptio проводилась в остготской Италии даже более регулярно, нежели в Восточной Римской империи, где она представляла собой экстраординарную повинность [115]. В Италии первоначально принудительная поставка продуктов была повинностью землевладельцев. Хотя по закону стоимость натуральных взносов, сданных посессорами государству в счет coemptio, должна была вычитаться из их основных налоговых платежей, но это предписание не приносило реального облегчения налогоплательщикам, поскольку поставки по coemptio были зачастую больше, чем взносы по tributum (Procop. H. a., XXII, 17—19).

Обременительность принудительных закупок привела к тому, что с начала VI в. в провинциях Италии, в частности в Апулии и Калабрии, развернулась борьба между землевладельцами и купечеством из-за того, кому выполнять принудительные закупки продуктов в пользу государства. Землевладельцам Апулии и Калабрии удалось добиться освобождения от проведения coemptio посредством внесения ежегодной прибавки

был послан особый чиновник, который олжен был, помимо ускорения сбора натуральных налогов, провести еще принудительные закупки зерна в этой провинции (Cass. Var., XII, 22.2).

[114] Эта повинность (по-гречески она называлась συνωνή) была в VI в. известна также в восточных провинциях империи. По сообщению Прокопия, византийское правительство с такой строгостью требовало выполнения принудительных закупок, что многие землевладельцы были вынуждены, когда им не хватало собственных запасов зерна, покупать его в отдаленных местах и по высоким ценам, лишь бы выполнить эту повинность. Насколько можно понять из рассказа Прокопия (Procop. H. a., XXII, 17—19), наиболее обременительной для землевладельцев была обязанность доставлять продукты в Константинополь или другие центры, где им выплачивались небольшие суммы. Вот почему Прокопий говорит, что землевладельцы терпели большой ущерб (ζημίαν) и предпочли бы вносить продукты даром в казенные склады (по-видимому, находившиеся на месте). О coemptio—συνωνή см. Б. Панченко. О тайной истории Прокопия. ВВ, т. 3, 1896, стр. 487 сл.; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 199—203. H. Geiss. Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen..., S. 13 f.

[115] H. Geiss. Op. cit., S. 42, cp. S. 34.

к поземельному налогу (superindictitium titulum). Иными словами, они откупились этой прибавкой к основному налогу (tributum) от тягот принудительной скупки. Проведение принудительных закупок было теперь поручено купцам этих провинций. Так, в одном из посланий Кассиодора, датируемом 507—511 гг., идет речь о купцах Апулии и Калабрии, которые опасаются злоупотреблений при взимании coemptio и просят засчитывать сдаваемый ими хлеб в счет их денежных повинностей, «дабы с них вторично не взыскивались солиды» (C a s s. Var., II, 26.2). В другом послании, относящемся к этому же времени, упомянуты купцы Сипонта, разоренного вражеским нашествием: они получают на два года освобождение от проведения coemptio (C a s s. Var., II, 38.2). По-видимому, в дальнейшем италийское купечество, стремясь избавиться от выполнения этой обременительной повинности, добилось того, что принудительная поставка продуктов вновь была возложена на землевладельцев, причем одновременно сохранялась и введенная ранее прибавка к их поземельному налогу (Pragm. Sanc., 26) [116].

Помимо сохранения основных римских налогов, в остготской Италии были введены некоторые новые налоги, появившиеся в результате перемен, происшедших в социально-экономической жизни страны.

Так, раздел земель между остготами и римлянами, как мы видели, породил совершенно особый налог, получивший то же название — терции (tertiae), что и наделы готов, выделенные им из владений римлян. Относительно этого налога в «Вариях» Кассиодора сохранилось два документа.

В первом из них король Теодорих, обращаясь в 507/511 г. к префекту претория Фавсту, разрешает жителям одного местечка в Италии, названным в письме каталиенцами, выплачивать то, что они вносили в качестве терций (genere tertiarum) каждый год единой суммой (in tributaria summa), чтобы потом сверх этой части (super hac parte) налогов с них не требовали бы ничего лишнего (C a s s. Var., I, 14). Весьма характерно, что каталиенцы просили короля не только разрешить им вносить всю сумму терций в один прием, но и уничтожить само название этого налога, которое, по-видимому, как правильно заметил П. Виноградов, напоминало о возможности экспроприации оставшейся у старых хозяев трети земли, за которую они вносили этот налог [117]. Король удовлетворил просьбу каталиенцев

---

[116] Однако мы не можем точно установить, когда именно произошло освобождение купцов Италии от coemptio. Во всяком случае еще в 537 г. купцы Истрии привлекались к принудительному вывозу хлеба из провинции (C a s s. Var., XII, 23. См. H. G e i s s. Op. cit., S. 27, 33).

[117] П. В и н о г р а д о в. Указ. соч., стр. 86.

и мотивировал свое решение следующим образом: «Разве важно, под каким названием посессор вносит (налог), лишь бы платил не меньше, чем следует. Так мы уничтожили и подозрительное для них название терции (suspectum tertiarum nomen) и устраняем нашей милостью наглость домогающихся» (Cass. Var., I, 14.2).

Второй документ, касающийся терций-налога, представляет собой письмо Теодориха посессорам, дефензорам и курналам Тридентской городской общины от 507/511 г. В этом послании говорится, что по милости короля арианский священник гот Бутилан получил на территории Тридентской городской общины в качестве королевского пожалования часть (sors) какого-то земельного владения. В связи с этим теперь король предписывает: «...за эту долю (sors), которую мы дали нашей щедростью (nostra largitate) пресвитеру Бутилану, никто не должен платить по налоговому исчислению (fiscalis calculi functionem), но знайте, что из ваших выплат терций (de tertiarum illationibus vobis) должно быть снято то количество солидов, которое приходится на это дарение (praestatio)» (Cass. Var., II, 17).

Таким образом, из этого документа видно, что реальное выделение из владения римлян надела готу влекло за собой снятие той денежной повинности, которую платил за этот участок прежний владелец. И наоборот, сохранение всего имения римлянина без раздела приводило к обязанности уплачивать за оставшуюся часть имения особый денежный налог-терции в пользу остготского правительства. Чему же равнялся этот новый налог-терция? Исходя из его названия, многие ученые предполагали, что он равнялся трети общего дохода имения [118]. Однако нам это кажется мало вероятным, поскольку, во-первых, уплата в качестве дополнения к существующим налогам еще трети всего дохода имения была непомерно тяжелой повинностью, введение которой неминуемо должно было вызвать недовольство налогоплательщиков; между тем, как мы видели, налогоплательщики не просили правительство отменить самое эту повинность, а лишь изменить порядок ее уплаты и уничтожить название (Cass. Var., I, 14). Во-вторых, определение суммы этих платежей как трети всего дохода владения потребовало бы составления податных списков на совершенно иных принципах, чем это делалось при обложении tributum, и было бы очень обременительным для фискального аппарата. Скорее всего, на наш взгляд, терция-налог представляет собой уплату не трети дохода, а дополнительной трети

[118] П. Виноградов. Указ. соч., стр. 86. Д. М. Петрушевский. Указ. соч., стр. 263. F. Dahn. Op. cit., Bd. III, S. 143 f.

поземельного налога с данного владения. При таком объяснении делается понятным, почему налогоплательщики не протестуют против самого этого налога, поскольку в этом случае им было выгоднее заплатить денежный взнос, чем выделять треть земли готу.

Итак, терции — это денежный налог, платимый римскими посессорами, земли которых не подверглись реальному разделу: за сохранение трети земельных владений они должны были вносить дополнительную треть поземельного налога в казну. Однако, конечно, скудость данных источников не позволяет окончательно разрешить этот вопрос [119]. Еще более туманны и неопределенны сведения источников о другом налоге, существовавшем в остготском государстве и носившем название bini et terni. И хотя об этом налоге в «Вариях» Кассиодора сохранилось четыре документа, конкретных сведений о нем мы можем оттуда почерпнуть очень мало [120].

Прежде всего из документов явствует, что налог, вносимый в качестве binorum et ternorum titulos, представлял собой какие-то натуральные поставки, поскольку сказано, что он уплачивался в установленном количестве (solemnis quantitas, omnis quantitas.—Cass. Var., VII, 20, 21, 22). Этот налог платили, согласно древнему обычаю (Cass. Var., VII, 20), землевладельцы-посессоры, провинциалы (possessores.— Cass. Var., VII, 22; provinciales.- - Ibid., VII, 20). Налог взимался с их земельных владений (...sic tamem, ut nec aerarium nostrum aliquid minus a consuetudine percipiat, nec possessor supra modum

---

[119] Вопрос о терциях-налоге породил ожесточенные споры в научной литературе. Большинство исследователей считает терции налогом, платимым римлянами за сохранение ими трети земли (J. G. F. Manso. Geschichte des Ost-Gothischen Reiches..., S. 83; F. Dahn. Die Könige..., Bd. III, S. 144; F. K. Savigny. Geschichte..., Bd. I, S. 285, 1. Aufl.; П. Виноградов. Указ. соч., стр. 86. Некоторые же исследователи возражают против этого и рассматривают терции то как термин, употреблявшийся для обозначения способа уплаты поземельного налога в три срока (G. Sartorius. Versuch über die Regierung der Ostgothen.., S.348), то как доменциальные повинности (E. Th. Gaupp Die germanischen Ansiedlungen..., S. 489—491), то как тот же самый поземельный налог, платимый римскими посессорами за оставшиеся у них после раздела $^2/_3$ земель (F. Thibault. L'impôt direct..., p. 716—720; F. K. Savigny. Op. cit., Bd. I, 2. Aufl., S. 333).

[120] Термин bini et terni вызвал в науке большие споры и недоразумения. Одни исследователи видели в нем обозначение способа взимания поземельного налога (J. G. F. Manso. Op. cit., S. 147; F. Thibault. L'impôt direct..., p. 723—725); другие рассматривали его как обозначение самого налога — иногда поголовного (F. K. Savigny. Vermischte Schriften..., Bd. II, S. 116—117), иногда особого налога — canon vestium (W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 205). Некоторые ученые полагали, что этим термином обозначалась прибавка к поземельному налогу. Подобную точку зрения разделял П. Виноградов (указ. соч., стр. 98).

possessionis exsolvat.— Ibid., VII, 22). Налог собирался в провинциях и к определенному сроку (в календы марта) пересылался в казну комита священных щедрот (comes sacrarum largitionum.—Cass. Var., III, 8.2; VII, 20—22). В приведенных у Кассиодора документах говорится о том, что остготское правительство вводит новый порядок сбора этого налога. Если раньше — до издания этих формул — он собирался правителями провинций (iudices) и их оффициями, то теперь (поскольку они не справились со своими обязанностями и происходила задержка в уплате этого налога) в провинции посылались особые чиновники — скриниарии (казначеи) королевской канцелярии, которые вместе с правителями провинций и должны были взимать этот налог (Cass. Var., VII, 20—22). Иными словами, остготское правительство брало теперь под особый контроль взимание этого налога. Сохранившиеся документы, на наш взгляд, не дают возможности окончательно установить характер и происхождение налога bini et terni. Они позволяют лишь прийти к заключению, что это была особая натуральная повинность, уплачиваемая землевладельцами провинций Италии в казну комита священных щедрот (последнее, кстати сказать, указывает на невозможность отождествлять этот налог с поземельным, который уплачивался в казну префекта претория).

Кроме налогов с сельского населения, в остготской Италии взимались сборы с купцов за право торговли (aurum negotiatorum.—Cass. Var., II, 26, 30) налог с торгового оборота (siliquaticum), равный $^1/_{24}$ с каждого солида проданного товара (Cass. Var., II, 4,26, 30; III, 25—26; IV, 19; V, 31), монополии — налоги с купцов, имеющих монопольное право торговли каким-либо видом товаров (Cass. Var., II, 4, 26, 30) и др. Кроме того, с населения взимались экстраординарные поборы, связанные с разъездами и содержанием чиновников (Cass. Var., XI, 36, 38; XII, 15) и с расходами на армию и флот.

В период правления остготов были осуществлены, кроме указанных выше, еще некоторые изменения в области раскладки и взимания поземельного и других налогов [121]. Так, в отличие от Восточной Римской империи, уменьшение налога с земель одного налогоплательщика (вследствие ли льгот или запустения земли) не влекло за собой перекладки недостающей суммы на соседей (Cass. Var., VII, 45; ср. II, 17). В дальнейшем, после завоевания Италии византийцами, введение ими системы прикидки (эпиболэ) должно было поэтому быть для налогоплательщиков особенно тягостным (см. ниже, стр. 512 сл.). Однако у нас нет оснований идеализировать налоговую си-

[121] Не прав поэтому Ф. Тибо, который утверждает, что в налоговой системе Остготского государства в основном ничего не изменилось по сравнению с римским временем (F. Thibault. L'impôt direct..., p. 727).

стему Остготского государства, как это делают некоторые буржуазные ученые [122]. Остготское правительство прибегало, как и римские императоры, к практике надбавок (superindictiones) к установленным налогам (C a s s.Var., I, 26; V, 14); строго запрещало даровать отсрочку по уплате налогов (C a s s. Var., III, 8; XI, 7; XII, 2.10); отказывалось слагать с налогоплательщиков недоимки (C a s s. Var., XII, 2,16), за исключением экстренных случаев, подобных стихийным бедствиям или нашествию врагов (C a s s. Var., III, 32; IV, 50; XII, 7.28).

Попытки королевской власти увеличить налоги вызывали самое решительное сопротивление населения. Как только правительство объявляло о повышении ранее установленных налогов, тотчас вспыхивали народные волнения. Остготское правительство в подобных случаях принуждено было идти на уступки народным массам и вновь понижать сумму подати (C a s s. Var., IV, 38). Кассиодор указывает на причины подобного поведения правительства. Он усматривает их в том, что народные волнения, вызванные повышением налогов, были для правительства опаснее потери доходов (C a s s. Var., IV, 38) [123].

Но наряду с многочисленными демагогическими призывами к чиновникам фиска не грабить население и не обременять налогоплательщиков незаконными поборами (C a s s. Var., XII, 2.5), наряду с прославлением щедрости остготских правителей, дарующих различные льготы плательщикам податей (C a s s. Var., XII, 28.1), остготское правительство во многих рескриптах и посланиях подчеркивало, что первейшей обязанностью подданного является уплата податей, и только аккуратным внесением налогов он может заслужить похвалу государя (C a s s. Var., XI, 7.1—2; XII, 16.1—2). Оно указывало, что сила и могущество государства зиждется прежде всего на государственных налогах, а забота о регулярном поступлении налогов является важнейшей обязанностью всех правителей (C a s s. Var., XII, 16.1). Правительство требовало точной уплаты налогов и отменяло все отсрочки по их взносам (C a s s. Var., XI, 7.3—4; XII, 2.5—6). Остготское правительство требовало от правителей провинций точных сведений о количестве налогов и неукоснительного их взимания под угрозой штрафа (C a s s. Var., XII, 2.6; 16.4). За несвоевременный сбор налогов правительство угрожало всем наместникам провинций и провинциальным судьям самыми строгими карами, вплоть до возмещения несобранных налогов из их состояния (C a s s. Var., XII, 16.4), и предупреждало, что за ними самими правительство установило самый бдительный надзор (C a s s. Var., XI,

---

[122] F. T h i b a u l t. L'impôt direct..., p. 727 sq.

[123] Ср. C a s s. Var., IV, 36. 1—3; IX, 9.5; X, 27. 2—3; XI, 15. 1—2; XII, 28.8.

7, 4—5). Одновременно оно обещало награды тем, кто точно выполнит все его предписания и обеспечит сбор налогов (Cass. Var., XI, 7.5).

Для обеспечения взимания податей остготское правительство посылало в помощь наместникам провинций солдат, которые должны были «воздействовать» на налогоплательщиков (Cass. Var., XI,7.5; XII, 2.6; 16.4). При этом оно лицемерно убеждало правителей воздерживаться от насилий: «Итак, действуйте,— писал Кассиодор,— но пусть до меня скорее доходят похвалы вам, чем жалобы на вас» (Cass. Var., XI,7.5).

Таким образом, несмотря на то, что остготское правительство иногда принуждено было лавировать и идти на некоторые уступки населению, основной целью его налоговой политики, конечно, оставалось стремление к полному обеспечению самыми строгими мерами неукоснительного получения всех налогов с подвластного ему населения Италии.

О тяжести налогового бремени и суровости фискальных требований остготского правительства свидетельствует то, что правительство строго предписывало лишать участка земли и хижины (casa) тех землевладельцев, которые не могли уплатить государственные подати (Cass. Var., IV, 14).

В Остготском королевстве не исчезла и старая язва римского общества — злоупотребления и различные вымогательства со стороны чиновников фиска. По данным Кассиодора, римские сборщики податей (exactores и susceptores) сохранили свои старые методы ограбления населения (Cass. Var., II, 24; XII, 8). В королевскую курию постоянно поступали жалобы жителей различных провинций на нестерпимые вымогательства и грабежи налоговых сборщиков [124]. Особое внимание привлекают свидетельства Кассиодора о злоупотреблениях чиновников фиска (censitores и peraequatores) при составлении ценза. Подкупленные крупными землевладельцами, эти чиновники неверно оценивали имущество налогоплательщиков, перекладывая бремя налогов с земель могущественных лиц на владения мелких собственников (Cass. Var., V, 14; XII, 10). Эти злоупотребления были столь вопиющими и влекли столь опасные последствия, что остготское правительство было принуждено иногда поручать оценку имущества налогоплательщиков высшим государственным чиновникам и контролировать их. С этой же целью эдикт Теодориха настоятельно требует, чтобы сборщики податей обязательно выдавали налогоплательщикам расписки с точным указанием суммы взысканного с них налога (E. Theod., 144; Cass. Var., IV, 38; IX, 10; XII, 2,14). По-

---

[124] Cass. Var., II, 24; IX, 18. 1. 3; XII, 8. 14; F. Dahn. Op. cit., Bd. III, S. 176—177.

добные расписки должны были выдаваться на имя собственника тех владений, которые подлежали обложению государственными податями. В случае утайки собранных средств сборщики податей были обязаны уплатить собственнику земли в четырехкратном размере ту сумму, которая, как он докажет на суде, была незаконно с него взыскана (E. Theod., 144; C. Th., XII, 6.18; XIII, 11.8; Nov. Valent. III., 1.3).

При сборе налогов запрещалось применять неверные меры и вес (E. Theod., 149). Жалобы на притеснения налоговых сборщиков поступали к остготскому правительству как со стороны населения Италии, так и со стороны жителей других провинций, временно входивших в состав Остготского государства [125]. Все эти вымогательства, естественно, вызывали сопротивление народных масс (см. ниже, стр. 208 сл.). Итак, заканчивая рассмотрение вопроса о налоговой системе в Остготском государстве мы можем прийти к следующим выводам: в период владычества остготов старая фискальная машина рабовладельческого государства хотя и не была еще полностью разрушена, но уже претерпела существенные изменения. Римскую налоговую систему неуклонно подтачивали как развивающиеся новые общественные отношения и новые порядки, принесенные варварами, так и упорное сопротивление народных масс, выступавших против существования старой фискальной машины.

Общая натурализация хозяйства Италии повлекла за собой увеличение удельного веса натуральных повинностей по сравнению с денежными. Увеличение числа свободных крестьян и отмена строгого прикрепления колонов к земле подрывали основы римской системы обложения поземельным налогом, который все больше и больше платился согласно обычаю, а не точному исчислению имущества налогоплательщика.

Все сказанное свидетельствует о том, что и в фискальную систему мало-помалу стали проникать новые влияния, знаменующие переход к феодальному строю.

---

[125] Так, Кассиодор сообщает о многочисленных жалобах населения провинций Испании. Среди преступлений сборщиков податей при взимании налогов упоминается: подделка мер и весов (Cass. Var., V, 39.5), незаконное увеличение налогов для арендаторов королевских имений (ibid., § 6), обман при взимании пошлин с заморских купцов, что угрожает упадком торговли (ibid., § 7, 9), злоупотребления государственных чиновников, связанные с получением различных пребенд, идущих на их содержание (ibid., § 12). Из жалоб явствует, что пребенды фактически взимались в двойном размере, ибо чиновники требовали вносить их сперва натурой (in species), а затем и в деньгах. Кроме того, население жаловалось и на злоупотребления при выполнении т. н. «подводной» повинности, связанной с разъездами государственных чиновников (ibid., § 12). Из жалоб населения видно, что произвол сборщиков податей в провинциях Испании привел к значительному увеличению налогового гнета.

Глава VI

КЛАССОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ИТАЛИИ В КОНЦЕ V — НАЧАЛЕ VI ВЕКА

§ 1. Классовая борьба в Остготском государстве в конце V — начале VI в.

В буржуазной историографии вопрос о классовой борьбе народных масс в период правления остготов или просто игнорировался, или трактовался с реакционных позиций [1].

Некоторые буржуазные историки, идеализируя Теодориха, изображали его правление как период социальной гармонии. В большинстве случаев они отрицали наличие классовых столкновений в государстве остготов и рисовали короля Тео-

---

[1] Так, Ф. Дан восхвалял Теодориха за его «твердую» внутреннюю политику, направленную как против выступлений народных масс (в частности рабов), так и против злоупотреблений могущественных лиц. По мнению Дана, за время длительных войн, происходивших в Италии, многочисленные римские рабы «распустились и одичали». С гибелью знатных римлян, которые ими владели, многие из этих рабов освободились или переменили хозяев. Вместе с тем во время «беспорядков» усилились и могущественные лица, которые обращали беззащитных людей в своих слуг или рабов. Против «распущенности» этих «одичавших» без хозяев рабов, а также против злоупотреблений новой знати и выступало якобы правительство Теодориха в своих законодательных санкциях. При этом сам Теодорих изображается Ф. Даном гуманным миротворцем, основной целью которого являлось всеобщее благо подданных и установление порядка в стране. О выступлениях народных масс, особенно рабов, автор говорит с нескрываемым презрением и считает, что вывести рабов из состояния «одичания» и «распущенности», в котором они находились в результате бурных событий предшествующего времени, могла только крепкая королевская власть. Заслугой Теодориха, по мнению Дана, является, с одной стороны, подавление выступлений народных масс, с другой — прекращение бесчинств знати (F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 33 f.).

дориха покровителем и заступником народа, встречавшим якобы его горячую поддержку и одобрение [2].

По существу замалчивают социальные противоречия и классовую борьбу в Остготском королевстве и те представители буржуазной историографии, которые подменяют классовую борьбу в остготском обществе этническими или религиозными столкновениями. «Национальная» рознь между остготами и римлянами или религиозные споры между арианами и католиками выдвигаются ими на первый план, в то время как социальная борьба народных масс Италии остается совершенно в тени [3].

Между тем источники сообщают весьма важные, хотя и не столь многочисленные сведения о классовой борьбе в Остготском государстве, проливая некоторый свет на характер и формы социального сопротивления различных слоев угнетенного населения Италии того времени.

При сохранении рабства и при дальнейшем ухудшении положения колонов весьма распространенной формой социальной борьбы народных масс в Остготском королевстве по-прежнему оставались побеги рабов и колонов из имений их господ. Об этом свидетельствует включение в эдикт Теодориха предписаний, направленных против бегства рабов, колонов и других категорий зависимого населения Италии. Так, эдикт сурово карает укрывательство беглого раба или чужого колона (E.Theod., 84), причем за принятие того же самого беглеца во второй или третий раз наказание увеличивается и материальная компенсация возрастает (E. Theod., 84).

В римском праве аналогичные предписания были направлены только против бегства рабов (C. J., VI, 1.4), тогда как эдикт Теодориха устанавливает одинаковое наказание за укрывательство как раба, так и колона. Видимо, в реальной действительности были весьма распространенным явлением

---

[2] Даже такой знаток истории средневековой Италии, как Л. М. Гартман, явно преуменьшал масштабы имущественной и социальной дифференциации среди остготов и не видел острых социальных противоречий в остготском обществе. Он полагал, что остготское правительство в своей политике опиралось на свободных готских воинов-земледельцев, которые пользовались в Италии всеми привилегиями победителей. По мнению Гартмана, правительство Теодориха защищало интересы не только свободных остготских воинов, но и всех слабых и угнетенных, ограждая их от насилий знати (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 119 f.). Эти идеи Гартмана были подхвачены другими исследователями, также рисовавшими Теодориха защитником мира и законности, охранителем прав широких слоев населения Италии (G. Pfeilschefter. Theoderich der Grosse. Mainz, 1910; M. Brion. Théodoric, roi des Ostrogoths (454—526). Paris, 1935; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 132 sq.).

[3] O. Bertolini. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi.) Bologna, 1941, p. 65 sg.; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 221f.

побеги не только рабов, но также и колонов (ср. C. J., XI, 38.6), что и нашло отражение в законодательстве остготского правительства.

Охраняя интересы собственников, эдикт Теодориха предписывает при расследовании дела о побеге зависимых людей подвергнуть пытке как раба, так, по-видимому, и колона для выяснения мотивов побега [4]. Это свидетельствует, что в связи с распространенностью побегов не только рабов, но и колонов для остготского правительства важно было пресекать побеги всех категорий зависимых людей, применяя по отношению к ним самые суровые меры.

В тесной связи с приведенной выше статьей эдикта Теодориха находятся и другие предписания остготского правительства, направленные против бегства рабов. Законодательство запрещало удерживать чужих рабов, беглых или переманенных (E. Theod., 85—86). Хозяин несет ответственность за продажу «склонного к бегству» раба. Предписание эдикта по этому поводу гласит: «Если кто-либо продаст склонного к бегству раба, не знающему о том лицу и если раб убежит также и от покупателя, то пусть продавец возвратит его стоимость и возместит убытки, которые могли быть причинены беглым» (E. Theod., 141; ср. Paul. Sent., II,17. 11). Эта статья эдикта, как и статья 84, показывает упорство и стойкость рабов в борьбе за свободу, что делало повторное бегство рабов обычным явлением, против которого принимаются правительством соответствующие законодательные меры.

Вместе с тем это постановление эдикта Теодориха указывает, что остготское правительство частично перекладывало и на самих господ борьбу против бегства непокорных рабов. Законодательство устанавливало, что хозяин не может избавиться от «склонного к бегству» (по сути дела особенно свободолюбивого) раба путем его продажи, а должен сам принимать меры против повторных побегов.

Помимо упоминания о бегстве рабов, в эдикте Теодориха имеются сведения о бегстве и других категорий зависимого населения Италии. Так, эдикт особо оговаривает случаи бегства оригинариев (E. Theod., 68, 80). Из ст. 80 вытекает, что крупные землевладельцы принимали не только беглых рабов, но и оригинариев, которые выдавали себя за свободных людей. Эдикт предписывает возвращать прежним хозяевам, наряду с рабами, также и оригинариев (E. Theod., 80; ср. Ulpian., XI, 4.4; C. J., VI, 2.4; Cass. Var., III, 43). Это указание эдикта

---

[4] «Mancipium tamen ipsum... oportet in examinatione torqueri». E. Theod., 84. В данном случае термин mancipium, по-видимому, имеет собирательное значение и включает понятия как раба, так и колона, что вытекает из контекста статьи.

является нововведением остготского правительства по сравнению с предписаниями римского права [5]. Оно было вызвано, конечно, тем, что бегство этой категории зависимого населения с земель крупных землевладельцев было достаточно распространенным. Одной из причин, вызывавших бегство колонов-оригинариев, могло быть распоряжение господина о сгоне оригинариев с их насиженных мест и переводе их в город или в другие имения.

Весьма показательным для характеристики положения разоренного свободного населения Италии, а также для выяснения его настроений является внесение в эдикт Теодориха предписания против бегства коллегиатов и куриалов (E. Theod., 69). Для свободного, но обедневшего населения Италии бегство от своего тягла, курии и коллегии, которые они не вправе были покинуть, также являлось средством протеста против социального неравенства [6].

Непосредственной причиной бегства свободных, но разорившихся людей могла являться неуплата недоимок и страх перед репрессиями правительства, строго каравшего за это (Cass. Var., IV, 14). В других случаях причиной их бегства служила беспощадность кредиторов. Так, остготское законодательство указывает, что несостоятельные должники из числа обедневших свободных граждан бежали, спасаясь от преследования кредиторов, и искали убежища в церкви (E. Theod., 71).

Таким образом, в эдикте Теодориха и в других источниках VI в. мы находим немало свидетельств того, что в Остготском государстве бегство рабов, колонов и других категорий угнетенного населения продолжало оставаться одной из распространенных форм социального сопротивления народных масс, против чего остготское правительство, защищая интересы крупных земельных собственников, принимало строгие меры.

Большое недовольство свободных земледельцев вызывала налоговая политика правительства и злоупотребления знати. Нередки были случаи, когда крупные землевладельцы уклонялись от уплаты государственных налогов, перекладывая бремя податей на мелких и средних земельных собственников (Cass. Var., II, 24.2; 25.2). Все это приводило к тому, что одной из форм выражения недовольства свободных земледельцев был отказ от уплаты налогов. По данным «Варий» Кассиодора, остготское правительство было принуждено издать специальное предписание против непокорных земледельцев и уполномочить сайона Гезилу строгими мерами заставить их платить

---

[5] См. выше, стр. 97.

[6] См. выше, стр. 129 сл. Правда, им, по-видимому, освободиться не удавалось, они и на новых местах жительства попадали в зависимость от крупных землевладельцев (E. Theod., 69).

подати. Сайон Гезила мог конфисковать земельный участок и дом у тех земледельцев, которые упорно отказывались платить государственные налоги (C a s s. Var., IV, 14).

Другой, также весьма распространенной формой социального сопротивления угнетенных слоев населения (рабов, колонов, оригинариев) являлись частные и локальные выступления против отдельных представителей господствующего класса, выражавшиеся в угоне стад скота крупных собственников (E. Theod., 56—58), захвате их земли (E. Theod., 104), уничтожении посевов (E. Theod., 151), убийстве господ (E. Theod., 77; C a s s. Var., I, 30; II, 19; IV, 43.2), нападении на их имения, иногда даже с применением оружия (E. Theod., 16, 75, 77) и, наконец, в поджоге домов и вилл крупных землевладельцев (E. Theod., 97).

Против подобных правонарушений остготское правительство применяло самые жестокие законодательные санкции. Так, за угон стад эдикт Теодориха устанавливает смертную казнь и возмещение убытков в четырехкратном размере: «Тот, кто угоняет животных (animalium), или стада (gregem), или чужой скот (pecorum alienorum) — будь то из конюшни или с выгона,— наказывается мечом, и ущерб взыскивается в четырехкратном размере из его имущества (substantia)». И далее эдикт особо оговаривает, что, «если это будет раб (servus) или оригинарий, то их господин, вызванный вместо них в суд на основании законов, пусть немедленно представит судье задержанных для предания их (смертной) казни, или, если он это предпочтет, то пусть удовлетворит потерпевшего так, как мы сказали выше» (E. Theod., 56).

Остготское законодательство, в отличие от римского права (P a u l. Sent.., V, 18. 2), особо указывает на то обстоятельство, что угон стад производился не только рабами, но также и оригинариями (E. Theod., 56). Подобные правонарушения совершали и рустики. Так, Кассиодор рассказывает о том, как у одного знатного путешественника в Сциллатинской области были угнаны кони местными рустиками (C a s s. Var., VIII, 32. 4).

Зачастую угон скота мог быть просто актом грабежа, но вместе с тем не подлежит сомнению, что во многих случаях он являлся и формой социального сопротивления народных масс. Об этом свидетельствует прежде всего то, что в остготском и в римском законодательстве, как и в варварских правдах, особенно строго карается именно угон стад скота, захват же небольшого числа животных рассматривается как кража и наказывается значительно мягче (E. Theod., 57).

Это не только указывает на стремление законодателя оградить интересы крупных собственников, владельцев больших стад скота, но также и свидетельствует о том, что особенно су-

ровая кара предписывалась именно в тех случаях, когда преступление уже выходило за рамки обычных в сельском быту того времени мелких правонарушений, и перерастало в выступления социального характера, ибо угон стада обычно был связан с применением оружия [7]. Включение в эдикт Теодориха суровых санкций против угона стад скота показывает, что подобные случаи — не редкость в те времена и порою были проявлением народного гнева, формой социальной борьбы рабов и колонов против богатых землевладельцев, обладающих обширными пастбищами и крупными стадами скота. Для рабов и оригинариев за угон стада — преступление, наносящее ущерб крупным собственникам,— остготское законодательство устанавливает только самое суровое наказание — смертную казнь, в то время как римское право за подобное же правонарушение, совершенное рабом, в качестве наказания предписывало или смертную казнь, или же ссылку в рудники (in metallam), или отправку на общественные работы (in opus publicum) (P a u l. Sent., V, 18. 2) [8]. Такая строгость репрессий, установленных остготским правительством, указывает на важность пресечения подобных явлений для господствующего класса государства остготов.

Другой, также весьма распространенной формой, в которой находило свое выражение стихийное стремление трудящихся освободиться от эксплуатации и обеспечить землей тех, кто ее возделывает, были самовольные захваты земель крупных собственников рабами и колонами. Ст. 104 устанавливает: «Те, кто нарушает границы поля или вырывает межевые знаки, указывающие границы, или выкорчевывает межевые деревья, если это рабы или колоны и если они делают это без ведома или приказания господина, караются смертью» [9].

При этом эдикт Теодориха видоизменяет соответствующие постановления римского права (P a u l. Sent., V, 22. 2): в то время, как римское право предусматривает самовольные захваты земли только рабами, эдикт Теодориха учитывает, что

---

[7] Об этом прямо говорится в римском праве: «Закоренелым угонщиком является тот, кто угоняет лошадей или стада из конюшен или с пастбища, в том случае если он часто это делает или делает с оружием в руках» (P a u l. Sent., V, 18. 2).

[8] При этом остготское законодательство устанавливает и более высокий (четырехкратный) штраф, взимаемый за угон скота, нежели римское право, допускавшее трехкратный. Столь высокий штраф взимался со свободных людей, которые угоняли чужие стада, в то время как для рабов и оригинариев за это правонарушение устанавливалась смертная казнь (Dig., XLVII, 14. 1; P a u l. Sent., V, 18. 1).

[9] Но и в том случае, если захват земли произведен рабами или колонами по приказанию господина, они все равно подвергаются смертной казни (E. Theod., 104).

подобные захваты совершают также и колоны. Это показывает, что в социальной борьбе, как и в хозяйственной жизни того времени, значительное место принадлежало, наряду с рабами, также и колонам. Кроме того, эдикт санкционирует гораздо более суровое наказание рабов и колонов за это «преступление», чем это было установлено в предписаниях римских юристов [10]: видимо, в остготский период эти правонарушения все более и более приобретали характер социального протеста народных масс, что и вызвало столь жестокие законодательные санкции остготского правительства.

В тесной связи с вышеприведенными постановлениями эдикта Теодориха находится и другое предписание, направленное против уничтожения посевов и насаждений на землях посессоров [11], что в отдельных случаях также могло явиться формой выражения ненависти народных масс к крупным землевладельцам. Нередки, по-видимому, были случаи убийства рабами и колонами наиболее ненавистных представителей знати. Обычно это были акты мести эксплуататорам за их крайнюю жестокость. В одном из рескриптов Теодориха от 507/511 г. предписывается строго карать рабов за убийство их господ. В этом рескрипте сказано: «И поэтому настоящим приказом мы предписываем вам поступить согласно всей строгости законов с рабами, которые со злодейским коварством убили своего господина Стефана и оставили его тело без погребения, ибо те, кто следует самым дурным примерам, караются суровыми наказаниями» (Cass. Var., II, 19. 2). Последние слова рескрипта не оставляют сомнения, что подобные акты мести господам со стороны рабов не были единичными случаями (ср. Cass. Var., I, 30; IV, 43. 2).

Народное возмущение притеснениями знати порою приводило к поджогам рабами и колонами имений крупных землевладельцев.

О том, что поджоги домов и вилл богачей из числа римской и остготской знати иногда приобретали и в Остготском государ-

---

[10] Эдикт Теодориха карает рабов и колонов, совершивших подобное преступление, смертной казнью, тогда как в римском праве рабы за это преступление ссылались в рудники, а свободные люди незнатного происхождения (humiliores), в том числе и свободные колоны, наказывались конфискацией трети имущества и ссылкой (Paul. Sent., V, 22.2). Возможно, что смертная казнь за это преступление была введена в эдикте Теодориха под влиянием германского права (ср. Lex Burg., LV, 3).

[11] E. Theod., 151, ср. Paul. Sent., II, 31, 25. В остготском законодательстве наказание также возрастает по сравнению с римским правом: возмещение убытков в эдикте Теодориха устанавливается не в двукратном размере, как в римском праве, а уже в четырехкратном. В случае совершения подобного проступка рабами и колонами возмещение убытков производилось господином, или же виновные предавались казни.

стве характер социального протеста народных масс, свидетельствует внесение в эдикт Теодориха суровых санкций против поджогов, особенно совершенных рабами и колонами. Так, в ст. 97 мы читаем: «Тот, кто из вражды подожжет хижину, дом или чужую виллу, если это раб, колон или оригинарий, то он сжигается на костре. Если же это сделает свободный, то пусть он возместит ущерб, который был причинен вызванным им пожаром, пусть восстановит здание и в наказание за такой проступок пусть уплатит стоимость сожженного имущества. Если же он по своему имущественному положению не имеет возможности этого сделать, то после наказания палками он отправляется в вечное изгнание».

Сравнение этого предписания эдикта Теодориха с аналогичными постановлениями римского права показывает, что в ст. 97 нашли отражение существенные изменения в общественных отношениях Италии VI в. по сравнению с предшествующим временем.

Прежде всего, в то время как в римском праве говорится лишь о поджоге, совершенном свободными людьми знатного или незнатного происхождения [12], остготское законодательство акцентирует основное внимание на пресечении поджогов, совершаемых зависимыми людьми — рабами, колонами и оригинариями, которые резко противопоставляются свободным и за этот проступок подвергаются самому суровому наказанию, известному в эдикте Теодориха,— сожжению.

Напомним, что в эдикте Теодориха сожжением караются лишь самые тяжкие, с точки зрения правительства, преступления, носящие характер социального протеста народных масс, как-то: открытые вооруженные восстания (E. Theod., 107) или преступления, которые задевали классовые привилегии и предрассудки, например сожительство раба со свободной и знатной женщиной (E. Theod., 61). Эти преступления вызывали особые опасения и ненависть господствующего класса Остготского королевства и поэтому карались столь беспощадно.

На наш взгляд, остготское правительство отнюдь не случайно обращало особое внимание на участие в поджогах домов знати именно зависимых людей — рабов, колонов и оригина-

---

[12] По словам Павла (Paul. Sent., V, 20.2), «те, кто из вражды подожжет хижину или виллу, если они низкого происхождения (humiliores), то ссылаются в рудники или на общественные работы, если же они люди знатные (honestiores), то ссылаются на остров» (ср. Paul. Sent. V, 3.6; V, 20. 1). Ф. Дан (F. Dahn. Op. cit., Bd. IV, S. 84--85) считает, что изменения в эдикт Теодориха были внесены под влиянием германского права. Вряд ли с этим утверждением Дана можно полностью согласиться. На наш взгляд, это нововведение было результатом перемен в социально-экономических отношениях Италии того времени.

риев, в то время как римское право о них совсем не упоминало. Видимо, в период издания эдикта Теодориха весьма распространены были поджоги имений крупных землевладельцев именно представителями наиболее угнетенных слоев населения Италии; эти выступления носили характер социальной борьбы, что и вызывало столь жестокие кары.

Далее, в остготском законодательстве не проводятся различия в наказании за поджог, совершенный рабом, колоном или оригинарием, что свидетельствует об их фактическом уравнении перед лицом закона в тех случаях, когда речь идет об их участии в выступлениях социального характера, вызывающих особую ненависть знати. Это вполне совпадает с общей тенденцией остготского законодательства к уравнению положения рабов и колонов (см. выше, стр. 93).

По-видимому, также не случайно и упоминание в эдикте всех категорий зависимых людей — рабов, колонов и оригинариев (за исключением рустиков), что, быть может, свидетельствует об их совместном участии в социальной борьбе того времени. Не случайно и резкое противопоставление в ст.97 эдикта свободных и зависимых людей.

В то время как закон неумолимо карал за поджоги, совершенные рабами, колонами или оригинариями, в отношении свободных, особенно состоятельных людей, он был значительно более милостив. Однако и в отношении свободных людей в эдикт внесены весьма существенные изменения по сравнению с предписаниями римского права. Если в римском праве в аналогичных предписаниях речь шла о совершении подобных преступлений знатными (honestiores) и незнатными (humiliores) людьми, то в ст. 97 эдикта Теодориха знатные лица совершенно не упоминаются, а деление на знатных и незнатных заменяется делением на состоятельных людей, имеющих возможность возместить причиненный пожаром ущерб, и бедняков, которые не в состоянии этого сделать и поэтому подвергаются телесному наказанию и вечной ссылке (E. Theod., 97; P a u l. Sent., V, 20, 2).

Замена именно в этой статье эдикта Теодориха, направленной против социального сопротивления народных масс, деления свободных людей на знатных и незнатных противопоставлением богатых и бедных вряд ли может быть объяснена лишь влиянием германского права, как полагал Ф. Дан[13]. На наш взгляд, это нововведение скорее указывает на стремление остготского правительства пресечь выступления народных

---

[13] F. D a h n. Op. cit., Bd. IV, S. 84—86. Хотя, конечно, влияние германского права в данном случае отнюдь не исключено.

масс Италии, в том числе и обедневших свободных крестьян, среди которых нередки были стихийные вспышки возмущения против притеснений богатых землевладельцев.

Угнетенные народные массы Остготского королевства в своей борьбе иногда объединялись и совершали вооруженные нападения на имения крупных землевладельцев. Об этом говорят суровые санкции остготского правительства, направленные на прекращение «насилий», совершаемых вооруженной «толпой» (multitudo). Классовая направленность остготского законодательства проявляется в этом отношении особенно ярко.

Ст. 75 эдикта гласит: «Тот, кто с вооруженными людьми, оружием (ferro), палкой, камнем изгнал бы кого-нибудь из его владения, дома или виллы, захватил, осадил, запер; или тот, кто для этого предоставил своих людей, поместил, привел, устроил беспорядки (turbam), мятежи (seditiones), пожар (incendium), пусть будет присужден к наказанию за совершение насилия (ad violentiae poenam), о котором писалось выше (т. е. к смертной казни. — *З. У.*)» [14].

Вполне возможно, что вооруженные нападения на дома или виллы какого-либо землевладельца совершались иногда и представителями знати с целью захвата чужого имущества и при помощи зависимых от них людей (E. Theod., 75, 77). Однако из предписания эдикта (E. Theod., 75) явствует, что подобные нападения были результатом стихийного возмущения угнетаемых народных масс и сопровождались серьезными беспорядками, «мятежами» и пожарами [15].

Это подтверждается и другим предписанием эдикта Теодориха, в котором прямо указывается, что «насилие» (violentia) может быть совершено рабами как по приказанию своих господ, так и по их собственной инициативе: «Если окажется, что рабы совершили насилие по своей собственной злонамеренности (sua temeritate), они караются смертью» [16].

Эдикт Теодориха содержит также упоминания о нападениях «толпы» на имения знати с целью похищения рабыни или оригинарии: «Если кто-либо,— гласит закон,— собрав толпу, насильно похитит чужую рабыню или оригинарию, в случае если это свободный человек, пусть он будет наказан как похититель, потому что он совершил насилие (violentiae crimen),

---

[14] Ср. Paul. Sent., V, 26.3.

[15] Ср. М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства «Василик», ВВ, т. VI, 1953, стр. 72—78.

[16] E. Theod., 77. В эдикте Теодориха за подобные преступления устанавливается более суровое наказание, чем в римском праве: согласно предписаниям римских юристов, виновные в этом преступлении не подвергались смертной казни, а ссылались в рудники (C. Th., IX, 10. 4; Lex Rom. Visig., 4).

если же он раб или колон и сделал это только по своей воле, то он подвергается тому же наказанию». Едва ли можно сомневаться, что поддерживавшая этих рабов или колонов «толпа» состояла в первую очередь из таких же рабов, колонов или людей, принадлежавших к другим слоям угнетенного населения. Подобные нападения являлись своеобразной формой борьбы рабов и оригинариев против бесчеловечного установления рабовладельческого общества, запрещавшего им иметь свою семью (E. Theod., 21; ср. C. Th., IX, 10.4).

Кроме рабов и колонов, в вооруженных выступлениях принимали участие и свободные бедняки. Эдикт Теодориха предусматривает случаи, когда люди «низкого происхождения» собирают вооруженные отряды (militiam confixerit) с целью запугать кого-либо; за это они после наказания палками осуждаются на вечную ссылку (E. Theod., 89; Paul. Sent., V, 25, 12). Подобные указания эдикта, быть может, свидетельствуют об участии некоторых воинов в вооруженных нападениях на имения крупных землевладельцев.

Остготское правительство в случаях вооруженного нападения «толпы» на имения крупного собственника всецело защищало интересы последнего; это нашло свое выражение в предоставлении владельцу имения права вооруженной защиты от нападения и безнаказанной расправы с нападающими (E. Theod., 16).

Таким образом, в Остготском государстве в правление Теодориха, по-видимому, не были редкостью вооруженные нападения угнетенных народных масс, в первую очередь рабов и колонов, на имения крупных землевладельцев, против чего правительство принимало суровые меры.

Так, Кассиодор сообщает, что в Фавентинской округе остготы и римляне (по-видимому, из местного крестьянства) принимали активное участие в вооруженных нападениях и разграблении поместий крупных собственников (in direptionibus possessorum). Эти нападения приняли настолько широкий размах, что король Аталарих около 527 г. отдал специальное распоряжение сайону Думериту и комитиаку Флорентиану сурово наказывать всякого, кто будет уличен в подобных действиях (Cass. Var., VIII, 27.2)[17].

---

[17] В «Вариях» Кассиодора имеются и другие упоминания о различных «грабительских» нападениях в Италии того времени и о «разбойниках», действовавших в городах и в провинциях страны (Cass. Var., I, 15. 2—3; 18.2; VII, 8.2). Быть может, эти «разбойники» в какой-то степени были сходны с известными latrones позднеантичных авторов, и их борьба носила порою социальный характер (Ср. А. Д. Дмитрев. Движение latrones как одна из форм классовой борьбы в Римской империи.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 61—72).

Особое внимание привлекает то обстоятельство, что в нападениях на имения крупных землевладельцев в Фавентинской округе принимали участие как разоренное италийское крестьянство, так и обедневшие остготские земледельцы.

Это показывает, что уже в правление первых остготских королей бывали случаи (пока еще единичные) совместных выступлений разоренных италийских и остготских земледельцев, которых объединяла общая борьба против притеснений знати и правительства.

Быть может, уже в это время появились первые ростки будущего союза остготских земледельцев и угнетенных народных масс Италии, давшие свои плоды во время правления Тотилы (см. ниже, стр. 343 сл.).

Участившиеся нападения крестьян на имения и дома крупных собственников, на проезжих купцов и богачей вызвали строгие предписания остготского правительства провинциальным властям с требованием окончательного искоренения «разбоя» и предания «разбойников» позорным телесным наказаниям и казни (Cass. Var., VIII, 32.4; 33.2; XII, 5. 4—6).

Для борьбы с восставшими земледельцами правительство предоставляло в распоряжение комита готов особые карательные военные отряды (см. выше, стр. 139).

Вместе с тем правители Остготского государства опасались вооружения непокорных сельских жителей и издали указ о запрещении рустикам вооружаться при прохождении через их области остготских войск и принимать участие в походе [18].

В источниках, относящихся ко времени правления Теодориха и его ближайших преемников, сохранились известия не только о вооруженных нападениях угнетенных народных масс на владения знати, о поджогах их домов и вилл, но и об открытых народных восстаниях. Недаром эдикт Теодориха вводит новое, совершенно не зависимое от римского права постановление, направленное против народных восстаний. Это чрезвычайно важное предписание эдикта гласит следующее: «Тот, кто окажется виновником мятежа (seditio) в народе или в войске, предается сожжению» (E. Theod., 107).

Страх перед народными восстаниями, стремление самыми беспощадными мерами пресечь выступления народных масс обусловили издание этого предписания остготского законодательства, согласно которому руководители и организаторы народных восстаний приговаривались к самой тяжкой каре — сожжению. Сама формулировка предписания свидетельствует,

---

[18] Cass. Var., XII, 5. 5. Видимо, речь шла о варварах-земледельцах, ибо римлянам и италийцам в Остготском государстве еще раньше было запрещено иметь оружие.

что правительство было серьезно обеспокоено не только народными восстаниями, но также и восстаниями в армии [19]. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что внесение в эдикт Теодориха такого сурового предписания было вызвано не только мятежами воинов и отдельных военных командиров, но и участием воинов в народных движениях, что внушало особенно сильные опасения правителей Остготского государства.

Открытые народные выступления против остготского правительства упоминаются также и в «Вариях» Кассиодора [20]. Так, уже в первые годы царствования Теодориха «сердца провинциалов смущало сомнение», неспокойно было и в Сицилии.

Недовольство населения этой провинции приобрело такие размеры, что Теодорих принужден был послать Кассиодора для усмирения непокорных сицилийцев. В Сицилии Кассиодор проявил себя как весьма искусный дипломат и сумел мирным путем уладить конфликт между жителями острова и остготским королем. Весьма ловко, путем некоторых уступок, он добился соглашения и усмирил «мятежные души сицилийцев», убедив их не упорствовать в своем «безумии» (ab obstinatione praecipiti deviasti). Тем самым он отвратил от сицилийцев угрозу страшного наказания, и «здравое убеждение свершило то, что могла исправить лишь суровая кара» (Cass. Var., I, 3. 3—4).

Одной из важных причин конфликта в Сицилии, по-видимому, было недовольство населения острова налоговой политикой остготского правительства. Об этом можно судить по тому, что Кассиодор для мирного разрешения конфликта прежде всего позаботился о справедливой раскладке налогов и устранении злоупотреблений при их взимании. Он добился того, что были удовлетворены требования фиска и покрыты недоимки по налогам, и вместе с тем соблюдены интересы граждан. Возможно, что какую-то часть недоимок Кассиодор внес в казну из своих собственных средств (lucratus es damna provinciae, que meruit sub devotione nescire) (Cass. Var., I, 3. 4). Сумма налогов с провинции, видимо, была ранее увеличена остготским прави-

---

[19] Ф. Дан (F. Dahn. Op. cit., Bd. IV, S. 87) признает большое политическое значение предписания эдикта Теодориха, направленного против «мятежей» в народе и войске, однако он в соответствии со своими националистическими воззрениями стремится доказать, что столь жестокое наказание за мятеж, как сожжение, не было заимствовано Теодорихом из германского права (хотя подобные наказания там встречаются довольно часто), а введено самим законодателем с целью устрашения всех непокорных, после того как Теодорих уже использовал для борьбы против политических выступлений весь аппарат, который давала ему в руки Lex Julia majestatis.

[20] Cass. Var., I, 20, 30—33, 44; IV, 43; VI, 6.6.

тельством из-за того, что население Сицилии «проявило непослушание».

Во время пребывания в Сицилии Кассиодор показал большую умеренность и осторожность в отношениях с местным населением. Обладая широкими полномочиями, он, однако, не прибегал к насильственной расправе с непокорными, проявив в этом большую дальновидность. Обычно он стремился разрешать споры с населением судебным разбирательством, охраняя при этом как государственные, так и частные интересы. Королевское послание всячески восхваляет Кассиодора за то, что он, будучи правителем Сицилии, гнушался наживы, «закрывая тем самым доступ для жалоб и выражения недовольства». Подобным поведением он заслужил всеобщее одобрение и похвалы жителей острова (C a s s. Var., I, 3. 4).

Если даже отбросить некоторые преувеличения, вполне возможные в подобном королевском послании, ставившем целью восхваление заслуг государственного чиновника, назначаемого на высокую должность, то все же из приведенных в послании фактов становится очевидным, что политика Кассиодора в Сицилии оправдала себя. Эта политика уступок и примирения принесла желаемые результаты: недовольство в провинции постепенно угасло и население Сицилии изъявило покорность новому правителю.

За эти заслуги остготское правительство щедро наградило Кассиодора, возместив ему в двойном размере все произведенные им ранее затраты. Кроме того, король Теодорих даровал Кассиодору почетный сан патриция (C a s s. Var., I, 3.5; 7—8). Высокие награды, полученные Кассиодором, свидетельствуют о том, сколь большое политическое значение придавало остготское правительство умиротворению Сицилии.

Успешное подавление восстания в Сицилии принесло Кассиодору в 507 г. другое почетное назначение правителем Бруттия и Лукании (C a s s. Var., I, 3. 5). В этих провинциях, видимо, также было неспокойно и росло недовольство жителей. Но и здесь, как и в Сицилии, на первых порах новый правитель установил относительный порядок.

Однако умиротворение в Сицилии и на юге Италии было лишь кажущимся. Вскоре в Бруттии и Лукании начались новые народные волнения. По словам того же Кассиодора, бруттийцы и луканцы, вновь стали «своевольничать» и отказывались уплачивать налоги (C a s s. Var., III, 8.2). В этих провинциях происходили ожесточенные столкновения, нередко кончавшиеся кровопролитием (humani sanguinis effusione. — Cass. Var., III, 47.1). Обеспокоенный этими событиями, Теодорих напоминал правителю Бруттия и Лукании о необходимости срочной присылки в казну податей и приказывал ссылать

преступников, виновных в мятежах и убийствах (Cass. Var., III, 47.1). Но все усилия правительства были тщетными, и положение в Южной Италии долго не улучшалось.

Более того, в конце царствования Теодориха брожение в Сицилии возобновилось и вылилось в 522 г. в новое восстание населения против владычества остготов. Во всяком случае Агнелл рассказывает, что на тридцатый год своего правления Теодорих послал из Равенны в Сицилию войско, которое опустошило остров и вновь подчинило его власти остготского короля (trigesimo regni sui anno Ravennianum exercitum Siciliam misit, depopulavit et suis ditionibus mancipavit.— Agn., 39).

В правление Теодориха вспыхнуло серьезное вооруженное восстание в Сирмийской Паннонии, для усмирения которого были посланы войска во главе с комитом Колоссеем. Из послания Теодориха к Колоссею от 507/511 г. мы узнаем, что последний был назначен военачальником с широкими полномочиями: в его задачи входила не только военная защита Сирмийской Паннонии от внешних врагов, но и пресечение смут и установление законности (jure compone.— Cass. Var., III, 23. 2).

В этом послании остготское правительство настойчиво подчеркивало, что Сирмийская Паннония некогда являлась местожительством готов, которые были ее защитниками от нападений внешних врагов, и что население этой провинции было счастливо (feliciter) повиноваться предкам нынешних правителей Италии (Cass. Var., III, 23. 2—3). Подобная же мысль проводится и в другом послании Теодориха, направленном ко всем варварам и римлянам, жившим в Сирмийской Паннонии. В этом послании вновь указывается, что население этой провинции в течение многих лет повиновалось готам и их предкам (Cass. Var., III, 24. 2; 4).

Упорное подчеркивание остготским правительством исконных прав готов на Сирмийскую Паннонию наводит на мысль, что во время восстания в этой провинции возникла реальная угроза отпадения ее от Остготского королевства. Именно поэтому для короля Теодориха было столь важным доказать свои права на эту провинцию. Именно поэтому он стремился убедить непокорных подданных в благожелательном отношении к ним готов.

Сколь большое политическое значение придавало остготское правительство экспедиции в Сирмийскую Паннонию и как важно было для него удержать в повиновении эту провинцию, видно из того, с какой особой заботой Теодорих относился к снаряжению и снабжению всем необходимым войск Колоссея.

В рескрипте комиту частных имуществ Сенарию (от 509/510 г.) остготский король предписывает выдать войскам Колос-

сея все необходимое продовольствие. В рескрипте излагается и цель подобного предписания: стремление правительства предотвратить возможность насильственного захвата (iniustis praesumptionibus) солдатами продовольствия у местного населения. «Ведь не может сохранить дисциплину голодное войско, так как вооруженный всегда силой захватит то, чего ему недостает» (Cass. Var., IV, 13. 1—2).

Остготское правительство достаточно трезво оценивало обстановку, создавшуюся в этой провинции, и считало крайне необходимым принять меры против грабежей войск, чтобы не накалять еще более атмосферу в Сирмийской Паннонии и не вызывать новых столкновений с местным населением.

А атмосфера в этой провинции, по-видимому, была действительно весьма накалена.

Послания Теодориха к комиту Колоссею и к населению Сирмийской Паннонии дают возможность воссоздать картину серьезных вооруженных столкновений, происходивших в этой сравнительно отдаленной провинции Остготского королевства между 507—511 гг. В послании к Колоссею остготское правительство особо подчеркивало, что первейшей обязанностью вновь назначенного в Сирмийскую Паннонию правителя является строгое пресечение вооруженных столкновений между гражданами, ибо в этой провинции часто различные тяжбы разрешаются не путем судебного разбирательства, а силой оружия. Дело доходит здесь до того, что вооруженные столкновения между гражданами уносят столько людей, сколько похищает война (ne plus intentio civilis rapiat quam bella consumat). Жители этой провинции часто поднимают оружие не против внешних врагов, а против своих сограждан (Cass. Var., III, 23.3). Эта же мысль еще полнее выражена в послании короля Теодориха ко всем варварам и римлянам, населявшим Сирмийскую Паннонию. В особом послании король прямо увещевает жителей непокорной провинции сложить оружие, ибо у них нет врага (deponite ferrum, qui non habetis inimicum. — Cass. Var., III, 24. 4). Он убеждает их обратить оружие не против своих сограждан, а против врагов государства.

Особенно настойчиво Теодорих уговаривает жителей восставшей провинции не применять оружия для разрешения тяжб между собой и споров с правительством. «Небольшое дело пусть не доводит вас до жестокой распри». И далее: «Зачем человеку язык, если спор будет решать вооруженная рука?». Король демагогически призывает жителей провинции подражать готам, которые, по его словам, вне пределов государства ведут сражения, а внутри королевства соблюдают умеренность и выдержку (Cass. Var., III, 24. 3—4).

Послания остготского правительства дают возможность составить некоторое представление и о причинах, вызвавших волнения населения Сирмийской Паннонии. В послании к комиту Колоссею рисуется картина тяжких бедствий населения этой провинции и прямо говорится, что некоторые граждане из-за крайней бедности (paupertas) сами стремятся к смерти. Король советует новому правителю заплатить за этих бедняков их долги, т. е., по-видимому, внести за них накопившиеся недоимки по уплате государственных налогов. Теодорих обещает Колоссею в будущем возместить понесенные им при этом убытки и щедро наградить, если ему удастся восстановить порядок в непокорной провинции, насадить там гражданский образ жизни (civile propositum) и оказать помощь населению «так, чтобы собравшийся погибнуть, вновь обрел жизнь» (Cass. Var., III, 23. 4).

Таким образом, можно предположить, что одной из причин народного восстания в Сирмийской Паннонии, так же как и в Сицилии, было недовольство населения налоговым гнетом и крайнее разорение жителей государственными поборами. Причиной вооруженных выступлений в Сирмийской Паннонии, насколько можно судить по дошедшим до нас документам, являлись также и беззакония, творимые судьями при разборе судебных дел. Однако размах движения в Сирмийской Паннонии был более значителен, чем в Сицилии, и народное недовольство, как мы видели, выливалось здесь в вооруженные столкновения, в связи с чем остготское правительство и послало войска в эту провинцию.

В период остготского владычества в Италии продолжались народные волнения в городских центрах и прежде всего в древней столице Италии — Риме.

С целью их предотвращения остготское правительство пускало в ход испытанное еще римскими императорами средство: оно пыталось подкупить римский плебс раздачами хлеба и других продуктов. Высшим государственным чиновникам поручалось следить за проведением раздач, «чтобы жалующийся плебс, насытившись, не поднимал мятежа» (Cass. Var., VI, 6.6; VI, 18. 2—3; ср. ibid., XI, 5). Однако эти меры не всегда помогали и восстания вспыхивали довольно часто.

В «Вариях» Кассиодора мы встречаем упоминания о народных волнениях и «мятежах» в городах Италии, происходивших во время цирковых представлений [21]. Из этих данных видно, что цирк в Риме и во время остготского владычества оставался еще местом многолюдных народных сборищ и центром ожесточенной политической и социальной борьбы. По-

[21] Cass. Var., I, 20, 27, 30—33, 44; III, 51; IV, 43; VI, 6.6; IX, 17.

прежнему сохранялось и разделение граждан Рима на приверженцев и противников той или иной цирковой партии (Cass. Var., I, 20.2).

Политическое значение имели, по-видимому, как и раньше, две «партии» — венеты («голубые») и прасины («зеленые»)[22]. В правление Теодориха покровительством правительства и сенаторской аристократии пользовалась, очевидно, партия венетов, что явствует из жалоб прасинов на притеснения, чинимые по отношению к их актерам.

В петиции, поданной остготскому правительству, партия «зеленых» выражала свое недовольство и сообщала Теодориху, что «некоторые преступнейшие люди» в цирке возбуждают шумные «мятежи», превращая зрелища из места всеобщего веселия в арену «безумной борьбы» (Cass. Var., I, 20.2).

В связи с жалобой прасинов остготское правительство поручило патрициям Альбину и Авиену наблюдать за спокойствием народа во время цирковых представлений. Альбину особо поручалась забота о партии прасинов. Выбор Альбина в качестве защитника интересов партии прасинов определялся, видимо, тем, что и его отец некогда выполнял миссию подобного же рода (Cass. Var., I, 20. 3).

Цель этого назначения вполне определенно указывается в послании Теодориха — это стремление остготского правительства пресечь народные волнения, искоренить семена опасных «мятежей» (seditiones turbulentas), связанных с борьбой цирковых партий. Для успокоения партии «зеленых» и предотвращения новых столкновений Альбин по предписанию короля должен был принять следующие меры: организовать за государственный счет представление пантомимы, сыгранной актерами партии прасинов; уплатить актерам этой партии за исполнение пантомимы жалование в размере не ниже того, которое получали актеры другой партии. Посредниками между борющимися партиями при организации пантомимы были выделены известные в то время мимы Гелладий и Тородон[23]. Таким образом, одним из поводов столкновений между цирковыми партиями являлась борьба из-за оплаты мимов и других актеров. Для пресечения народных волнений правительство Теодориха вынуждено было установить из государственных средств равное жалование актерам обеих партий.

О важности этого вопроса для борющихся партий свидетельствует, что предписание о выплате установленного жалования актерам партии прасинов повторяется и в других рескриптах остготского короля. Так, в послании Теодориха пре-

---

[22] Cass. Var., I, 20. 2—4; 32.3; 33.1.
[23] Ibid., I, 20.4. Ср. ibid., I, 32.3.

фекту Рима Агапиту от 507/509 г. указывается, что патриции Альбин и Авиен представили остготскому правительству доклад, в котором сообщали, что они выполнили данное им поручение и приняли меры к организации представления в цирке пантомимы партии «зеленых».

В этом же рескрипте остготское правительство вновь предписывает, чтобы избранному Альбином и Авиеном главному миму партии «зеленых» было выплачено без всякого уменьшения установленное обычаем жалование. В рескрипте Теодориха ясно выражена цель данного предписания — предотвратить народные «смятения», ибо уменьшение жалования миму партии прасинов может послужить причиной «мятежа» народа (Cass. Var., I, 33. 1—2).

К этому следует прибавить и распри между партиями из-за мест в цирке и театре. Для искоренения мятежного духа приверженцев борющихся партий остготское правительство приказывало, чтобы впредь мимы обеих партий показывали свое искусство народу лишь в заранее установленных местах, по усмотрению префекта города (Cass. Var., I, 31.3). Быть может, это делалось с целью лучшего обеспечения охраны порядка во время театральных представлений. Мим Гелладий, выступавший в качестве посредника между партиями, должен устранить все распри и споры партий из-за мест в цирке во время зрелищ. Поклонники Гелладия могут смотреть представление с тех мест, с каких они захотят. Гелладий же обязан не проявлять пристрастия ни к той, ни к другой партии. Если народ будет высказывать сочувствие одной партии, пусть он выражает свои чувства в дозволенных формах, в противном же случае нарушители спокойствия будут сурово наказаны (Cass. Var., I, 33. 3—4).

Столкновения в цирке из распрей между партиями часто перерастали в народные волнения социального характера. При этом они иногда сопровождались кровавыми эксцессами. Так, в послании Теодориха римскому сенату от 507/511 г. упоминается о жалобах населения Рима на тяжкие эксцессы, происходящие во время представлений в цирке. В этих жалобах говорилось, что вооруженные рабы сенаторов по приказанию своих господ нападают на невинных и убивают свободнорожденных и знатных людей: «Поправ законы, вызывая отчаяние, неистовство вооруженных рабов (servilis furor armatus) преследует невинных» (Cass. Var., I, 30.1).

Правительство убеждало сенаторов сдерживать своих рабов: «Не позволяйте же, — говорится в рескрипте, — чтобы ваши рабы совершали против граждан действия, которые отныне и по отношению к врагам должны вызывать осуждение» (Cass. Var., I, 30.5).

Под непосредственным давлением народных масс правительство Теодориха издало предписание, обязав сенаторов выдавать властям своих рабов, совершивших убийства, для предания виновных наказанию, установленному законом. Если хозяин не захочет выдать раба, он обязан уплатить штраф в казну в размере 10 либр золота и, кроме того, ему грозит королевская немилость, что, как подчеркивает составитель указа, значительно тяжелее штрафа (Cass. Var., I, 30.2).

Однако остготское правительство в угоду своему временному союзнику — римской аристократии и вместе с тем не желая раздражать влиятельных сенаторов изданием подобного предписания, одновременно включило в рескрипт строгие санкции против «мятежников» из народа, оскорбляющих сенаторов во время представления в цирке. Если сенатору было нанесено кем-либо оскорбление во время цирковых зрелищ, он должен искать защиты у префекта города и требовать наказания виновных согласно предписаниям законов, а не прибегать к самочинной расправе с ними при помощи своих рабов. Остготский король угрожал беспощадными карами тем, кто осмелится оскорбить представителя сенаторского сословия. Суду подлежали все свободные лица, виновные в оскорблении римских сенаторов (Cass. Var., I, 30.4—5).

В других посланиях и рескриптах остготского правительства прямо говорится о жестоких оскорблениях, наносимых «толпой» знатным сенаторам в цирке. Во время волнений в цирке народный гнев зачастую обрушивался на знатных патрициев и сенаторов, которые подвергались оскорблениям и угрозам.

В послании Теодориха римскому народу предписывается следующее: «Этим эдиктом мы постановляем, чтобы тот, чей беззаконный голос нанесет жестокие оскорбления кому-либо из сенаторов, был предан суду городского префекта и после расследования его преступления получил установленный законом приговор» [24].

В послании Теодориха префекту Рима Агапиту от 507/509 г. особо подчеркивается, что первейшей обязанностью префекта города является поддержание мира и спокойствия граждан и, в частности, устранение всех причин, которые могут вызвать народные «мятежи» во время цирковых представлений (Cass. Var., I, 32.1).

В этом же послании остготское правительство с большой настойчивостью вновь и вновь повторяет свои предписания и требует от префекта Рима строго наблюдать за тем, чтобы в случае нанесения несправедливой обиды сенатору тотчас «болт-

---

[24] Cass. Var., I, 31.2, ср. ibid., I, 27.4; 32.2.

ливое безрассудство было наказано по всей суровости законов». Одновременно в этом же послании вновь повторяется и предписание о наказании штрафом сенатора за убийство свободного гражданина (C a s s. Var., I, 32.2).

Таким образом, во время многолюдных зрелищ в римском цирке сенаторы и другие представители римской аристократии находились в гуще борьбы цирковых партий и часто в ходе этой борьбы чинили при помощи рабов расправу со своими врагами или политическими противниками из другой партии. На эти злодеяния поступали жалобы народа остготскому правительству, и Теодорих должен был принять некоторые меры против насилий сенаторов. Упоминание о жалобах народа (querela populorum) на беззакония сенаторов (C a s s. Var., I, 30.1), по-видимому, дает основание предположить, что римская аристократия стремилась при помощи своих слуг устранить прежде всего наиболее для нее опасных вожаков «мятежного» народа.

Насилия и беззакония римской аристократии порою вызывали открытые вспышки народного гнева, который выливался в выступления против знати, жестоко преследуемые правительством.

По данным Кассиодора, в 509 г. происходили серьезные народные волнения в Риме, в которых принимали участие римский плебс, ремесленники, работники государственных мастерских. В послании сенату Рима от 509/511 г. Теодорих сетовал, что римский народ предался буйству восстаний и явился виновником пожара прославленного города. Одной из причин «беспорядков» в Риме были столкновения жителей города с иудеями. Восстание сопровождалось пожарами, были подожжены частные дома знатных римлян, ремесленные мастерские, синагога и другие здания. В восстании приняли участие рабы, убивавшие своих господ (in dominorum caede proruperit servilis audacia.— C a s s. Var., IV, 43. 1—2).

Правительство требовало сурово наказать виновников восстания для того, чтобы «отвратительный вид пожара не воспламенил сердца простого народа желанием безрассудного подражания» (C a s s. Var., IV, 43. 1). Теодорих выразил римскому сенату большое неудовольствие по поводу того, что «пустые стремления народа» привели к разрушению зданий (C a s s. Var., 43.4). Народные волнения в Риме, по-видимому, серьезно тревожили остготское правительство, и поэтому оно в 509/510 г. назначило Артемидора префектом города Рима и даровало ему чрезвычайные полномочия для борьбы с мятежниками. Артемидор, согласно этому указу правительства, получил широкие права беспощадно наказывать «бунтарей» и всех «уклонившихся от повиновения государственному порядку» (audebit

ergo seditiosos et a disciplina publica deviantes nostra auctoritate percellere.— Cass. Var., I, 44.4).

В правление Теодориха имели место народные волнения также в Вероне, Равенне и других городах Италии. По словам Анонима Валезия, причиной было столкновение между иудеями и христианами. Эти события, по-видимому, произошли около 519 г.[25] По данным анонимного хрониста, иудеи якобы оскорбили религиозные чувства католиков, высмеяли их обряды и тем самым вызвали восстание народа. «Затем,— пишет хронист,— восстал народ; не обращая внимания ни на короля, ни на Евтариха или Петра, который был там епископом, люди бросились к синагогам и потом их сожгли. Подобные же события происходили и в Риме» (Anon. Vales., XIV, 81).

Сам Теодорих в это время находился в Вероне и, видимо, не спешил возвратиться в охваченную волнениями столицу. Пострадавшие во время пожара иудеи подали жалобу Теодориху. Это им удалось сделать благодаря помощи препозита королевской опочивальни Тривана, который, по словам того же анонимного хрониста, сам тайно был еретиком и иудеем. «Теодорих приказал, опасаясь пожара, чтобы весь римский народ восстановил равеннские синагоги, им сожженные, дав на это деньги; кто же не имел этих денег, того с позором водили по городу при криках глашатая». Надзор за точным выполнением этого королевского предписания был поручен наследнику престола Евтариху, епископу Равенны Петру и некоторым высшим государственным чиновникам (Anon. Vales., XIV, 82).

Решительные меры правительства, по-видимому, вызвали новый взрыв недовольства народных масс. В ответ на это вскоре последовали новые санкции остготского правительства против непокорного населения, завершившиеся разрушением по приказу Теодориха одной из католических церквей в Вероне. Это свидетельствует, что народное движение, подогреваемое, по-видимому, католическим духовенством, из Равенны перекинулось в Верону, где столкновения населения с правительством приняли весьма острые формы (Anon. Vales., XIV, 83).

Прямым следствием народных восстаний в Равенне, Риме и Вероне явился приказ остготского правительства о запрещении всем римлянам иметь оружие, даже нож (Anon. Vales., XIV, 83). Можно предположить, что суровые санкции остготского правительства против католического населения Италии были введены не без влияния Евтариха, который, по словам Анонима Валезия, был ревностным арианином и врагом

---

[25] Anon. Vales., XIV, 81, 83. Э. Штейн убедительно доказывает, что восстание в Равенне произошло после назначения Евтариха консулом (Anon. Vales., 80) и до смерти епископа Равенны Петра II — 31 июля 520 г. (E. Stein. Histoire..., t. II, p. 248).

католической религии (Anon. Vales., XIV, 80). Народные волнения в Остготском государстве принимали столь опасные формы, что Теодорих даже отправил в 509/510 г. особое послание к римскому сенату, в котором с горечью писал: «Спокойствие государства потрясается недозволенными мятежами» (illicitis seditionibus civilitas turbabatur. — Cass. Var., I,44.2). Народные волнения продолжались и в правление Аталариха, когда вспыхнуло восстание, явно носившее характер политического выступления против остготского правительства.

В послании Аталариха префекту Рима Сальвенцию от 533/534 г. говорится, что остготское правительство узнало из донесения папы Иоанна и других «первенствующих» лиц о фактах, когда некоторые римляне по одному только подозрению в мятеже (sola suspicione seditionis) подвергаются длительному тюремному заключению, что вызвало большое недовольство населения всего государства. Арестованных не освобождают по амнистии, связанной с праздничными днями, а также не отпускают на поруки, даже в случае поручительства уважаемых лиц. При этом заключенные часто подвергаются пыткам и различным мучениям, не будучи уличены на суде в совершении преступления (Cass. Var., IX, 17.2). Правительство Аталариха, по-видимому, опасаясь новой вспышки недовольства народных масс, принуждено было пойти на некоторые уступки и предписать префекту города освободить незаконно арестованных граждан, а заподозренных лиц отпустить на поруки, в случае наличия поручителей. Более того, если освобожденные были уверены в том, что они подвергались пыткам невинно, то им разрешалось подавать жалобы и требовать от судей возмещения за причиненный им ущерб (Cass. Var., IX, 17.3).

В Остготском королевстве нередки были волнения народных масс, связанные с религиозной борьбой. Несмотря на политику веротерпимости, столь прославленную некоторыми его современниками (Anon. Vales., XII, 60) [26], Теодорих беспощадно расправлялся с язычниками и еретиками, жестокими мерами пресекая антицерковные выступления. Фактически остготское правительство проводило политику веротерпимости главным образом по отношению к католикам, в целях поддержания мирных отношений с католическим духовенством и из опасения восстановить против себя большинство населения Италии.

Что же касается проявлений свободомыслия и оппозиции церкви, то они подвергались жестоким преследованиям в ко-

---

[26] Кассиодор, например, пишет, что Теодорих не принимал никаких мер принуждения для распространения среди жителей Италии арианского учения, которое он сам исповедовал. (Cass. Var., II, 27.2, ср. ibid., V, 33).

ролевстве остготов. Так, в эдикте Теодориха имеется специальное постановление, направленное против возрождения языческих верований. Согласно этому предписанию, всем, уличенным в совершении языческих обрядов, связанных с заклинаниями и гаданиями, грозила смертная казнь (E. Theod., 108) [27].

При Теодорихе и особенно при его преемниках, когда в Италии с большой силой разгорелась религиозная борьба, различные группы духовенства и сенаторской аристократии нередко использовали недовольство народных масс для организации выступлений против своих идейных и политических противников. Примером этому могут служить частые народные волнения, связанные с выборами и отрешением от сана римских пап. П. Кудрявцев особо подчеркивает, что выборы пап почти всегда сопровождались народными волнениями [28].

Особенно сильные волнения в Риме произошли при выборах преемника папы Анастасия II. Часть духовенства и сената при поддержке народа стояла за избрание Симмаха, родом римлянина; другая — за Лаврентия. Теодорих выступал миротворцем и стремился примирить враждующие партии. Избран был Лаврентий, но уже через четыре года поднялось новое восстание с требованием отрешить и изгнать этого папу, неугодного населению Рима [29]. Не прекращались волнения из-за выборов и отрешения римских пап и при преемниках короля Теодориха.

Все это свидетельствует об участии широких народных масс в политической и религиозной борьбе, развертывавшейся обычно в Риме в связи с переменой правителей на папском престоле.

В VI в. в Италии, по-видимому, уже росла оппозиция господствующей церкви, вызванная насилиями и злоупотреблениями духовенства.

Подводя некоторые итоги исследованию вопроса о классовой борьбе в Остготском государстве в конце V и начале VI в., мы можем прийти к заключению, что становление новой феодальной формации и искоренение пережитков рабовладения в Остготском государстве протекало в обстановке напряженной классовой борьбы. Серьезные социально-экономические и политические изменения в общественном строе Италии опреде-

---

[27] C. Th., XVI, 10. 6. 23; ср. Lex Visig., VI, 2. 1.3; Lex Liutprandi, 84—85. F. Dahn. Op. cit., Bd. IV, S. 87—88. Дан полагает, что ст. 108 эдикта Теодориха была направлена против возрождения древнегерманских языческих верований.

[28] П. Н. Кудрявцев. Судьбы Италии..., стр. 29—30.

[29] Там же, стр. 30—31.

лили характер и общую направленность народных движений той эпохи. Сложность и противоречивость общественных отношений определили и сложный, порою противоречивый характер социальной борьбы в Остготском государстве.

В классовой борьбе того времени еще значительное место занимают выступления народных масс против пережитков рабовладения и попыток остготской знати, заключившей временный союз со старой римской рабовладельческой аристократией, использовать в своих интересах остатки рабовладения и даже укрепить их, низводя некоторые категории зависимых людей до положения рабов. В борьбе против этой политики правящего класса объединились различные слои угнетенного населения: рабы, оригинарии, колоны и даже рустики, которым угрожала реальная опасность значительного ухудшения их положения.

С другой стороны, в социальной борьбе все большее и большее место начинают занимать выступления народных масс против эксплуатации растущей и крепнущей феодализирующейся знати — как остготской, так и римской. Крупные землевладельцы, а также высшее духовенство — как католическое, так и арианское—все в больших масштабах использовали для обработки своих земель труд колонов или рустиков, и эти категории зависимого населения становились мало-помалу основным объектом эксплуатации.

В связи с увеличением в хозяйственной жизни Италии удельного веса труда колонов, рустиков и свободных мелких земледельцев, естественно, несколько меняется и социальный состав участников народных движений. Несмотря на неясность сообщений источников, все же можно установить, что, наряду с рабами, в классовой борьбе все более и более активную роль играют различные категории колонов.

Вместе с тем формирование нового класса землевладельческой знати сопровождалось обезземеливанием мелких свободных собственников. Поэтому понятно, что рост экономической мощи и политического влияния крупных землевладельцев, сопровождающийся захватами земель свободных крестьян и превращением их владельцев в зависимых людей, несомненно увеличивал роль разоренного италийского и остготского свободного крестьянства в социальной борьбе. Этому же способствовали поборы и вымогательства государственных чиновников и духовенства.

В Остготском государстве не затихала борьба и беднейших слоев населения крупных городов — Рима, Равенны, Вероны и др. Иногда эти выступления городских масс Италии были связаны с политической борьбой в цирке, но чаще всего носили характер стихийных движений против правительства и знати,

вызванных недостатком продовольствия или злоупотреблениями правительственных чиновников.

Формы сопротивления народных масс были весьма многообразны — от бегства рабов и колонов и актов индивидуального террора против господ до открытых народных возмущений с применением оружия. Однако в этот период выступления народных масс еще не выливаются в широкое, массовое движение, они охватывают еще незначительную территорию. Чтобы движение стало массовым, потребовался новый толчок, которым и явилось византийское завоевание и попытки всех реакционных кругов объединиться для реставрации рабовладельческого строя, что в свою очередь привело к объединению сил угнетенных слоев населения и к обострению классовой борьбы в Италии в середине VI в.

§ 2. Остготы и римско-италийская знать

Мы уже видели, что едва ли не с первых лет после завоевания Италии между различными группировками остготской знати развернулась борьба за политическое преобладание в стране. Ход этой борьбы непосредственно сказывался и на отношении остготского правительства к римско-италийской аристократии.

Если в первую половину царствования Теодориха, когда у кормила правления стояла служилая остготская знать, во внутренней политике остготского правительства преобладало стремление к сближению с наиболее влиятельными кругами римско-италийской аристократии и высшего католического духовенства, то в последние годы правления этого короля, когда политическое преобладание в стране перешло к провинциальной военной знати, положение во многом изменилось. Однако при изучении этих изменений в соотношении политических сил в стране необходимо учитывать, что как в среде остготской знати шла постоянная борьба политических группировок, так и римско-италийская аристократия отнюдь не была единой по своим экономическим интересам и политическим устремлениям.

Источники VI в., в частности произведения Кассиодора и Эннодия, приводят к выводу, что среди знатных римлян и италийцев в Остготском государстве существовали две основные политические группировки.

Одна из них, имевшая экономическую и политическую опору в провинциях Италии, в своей деятельности всецело ориентировалась на союз с остготами и служила им верой и правдой.

Видным представителем этого политического течения был сенатор Фавст, потомок древнего, но обедневшего знатного рода

Корвинов [30]. В сенате Фавст возглавлял длительное время партию, выступавшую против сближения с Восточной Римской империей и восточной церковью. За свои заслуги перед остготским правительством Фавст был удостоен высших государственных должностей; он был квестором в 503—506 гг. и префектом претория с 507 по 511 (или 512) г. (Cass. Var., II, 37; III, 19). Правительство Теодориха высоко ценило преданность Фавста и всегда выступало на его защиту, когда грабежи жадного и корыстолюбивого префекта претория вызывали недовольство населения [31]. Одним из верных друзей и политических единомышленников сенатора Фавста был другой видный представитель проготского течения среди римско-италийской знати, известный писатель Магн Феликс Эннодий. Эннодий родился около 473/474 г. на юге Галлии в знатной, но обедневшей семье. В 502 г. Эннодий принял духовный сан. При покровительстве Фавста он начал свою духовную карьеру в качестве диакона Миланской церкви, под эгидой епископа Лаврентия. Как мы видели, Лаврентий был сторонником союза с готами и помогал Теодориху. Как и его патрон, Эннодий стал активным проводником политики сближения с остготской знатью. В 507 г. он произнес льстивый панегирик в честь Теодориха, чем заслужил особые милости короля. В 513 г. Эннодий стал епископом Тичина, пользовался доверием остготского правительства и папского престола, дважды ездил легатом папы в Константинополь. Умер Эннодий в 521 г. Всю жизнь, наряду с политической и церковной деятельностью, он не оставлял литературных занятий, что сделало его одним из видных представителей римской образованности в Остготском королевстве [32].

К этой же социальной группировке принадлежал Флавий Магн Аврелий Кассиодор Сенатор, ближайший сподвижник и помощник первых остготских королей. Кассиодор (ок. 485—578) происходил из знатной семьи; его предки были родом из Сирии, но затем приобрели большие земельные владения

---

[30] О Фавсте см.: RE, Bd. VI, Sp. 2094 f.; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 128 f.

[31] Cass. Var., III, 20. Кассиодор сообщает о том, что Фавст незаконно захватил землю некоего Кастория. По мнению Беньямина (RE, Bd. VI, Sp. 2094), Фавста следует отождествить с caput senatus Фестом, но и Т. Моммзен в индексе к изданию «Варий», и В. Энсслин (W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 397 f.) различают их.

[32] Эннодий оставил богатое литературное наследство. См. MGH, Auct. Ant., t. VII. Berolini, 1885. О жизни и трудах Эннодия см.: C. Tanzi. La cronologia degli scritti di Magno Felice Ennodio.— «Archeografo Triestino», XV, fasc. 2, 1889; K. Vogel. Chronologische Untersuchungen zu Ennodius.— «Neues Archiv», XXIII, 1897; H. Lauffenberg. Der historische Wert des Panegyricus des Bischofs Ennodius. Rostock, 1902; P. Lamma. Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo. Brescia, 1950.

в Бруттии. Отец Кассиодора в правление Одоакра занимал высокие государственные посты (comes rerum privatarum и comes sacrarum largitionum), а затем был наместником острова Сицилии. Во время вторжения остготов в Италию он перешел на сторону Теодориха и за это был назначен правителем Калабрии, а затем и префектом претория остготского правительства (503—507 гг.). Его сын начал государственную карьеру еще во время префектуры отца в качестве одного из его помощников. Обладая недюжинным литературным талантом и выдающимся красноречием, Кассиодор написал панегирик в честь Теодориха, что позволило ему выдвинуться при остготском дворе. Затем он достиг высших государственных должностей и занимал пост префекта претория с 533 по 538 г., т. е. в правление Аталариха и Амаласунты, Теодата и Витигиса; тот факт, что Кассиодор сохранял этот пост при всех сменявших друг друга правителях, указывает, что он был весьма полезен остготскому правительству в качестве знающего и энергичного администратора и широко образованного человека. После гибели Остготского королевства Кассиодор переселился в Византию и возвратился в Италию лишь на склоне лет. Последние годы жизни он всецело посвятил литературным занятиям и закончил свои дни в основанном им монастыре, в поместье Виварий. По политическим взглядам Кассиодор принадлежал к той части земельной аристократии Италии, которая пошла на сближение с остготской знатью во имя сохранения своего привилегированного положения. Кассиодор был одним из наиболее видных представителей римской аристократии, отдавшей свои знания и талант на службу готам, и являлся ревностным проводником политики сближения римской и остготской знати, что нашло свое отражение в его политической деятельности и в его трудах [33].

---

[33] Литературное наследие Кассиодора довольно обширно, но представляет далеко не одинаковую ценность. Наибольшее значение имеют, как мы уже отмечали, его «Варии». Из других произведений Кассиодора следует особо упомянуть краткую историческую хронику, написанную в 519 г. по просьбе наследника престола остготских королей Евтариха. В этом произведении Кассиодора правление остготов в Италии рисуется в крайне панегирических тонах (Cass. Chronica, ed. Th. Mommsen.— MGH, Auct. ant., t. XI. Berolini, 1891, p. 120—161). Подобная же политическая тенденция была, видимо, еще более ярко выражена в другом обширном историческом труде Кассиодора «История готов», который, к сожалению, до нас не дошел. В этом сочинении Кассиодор, использовав доступные ему официальные источники и свои личные наблюдения, пытался дать историю готов; при этом он тенденциозно утверждал в угоду новым правителям Италии, что они якобы с древнейших времен уже восприняли высокую римскую культуру и питали дружеские чувства к Римской империи. Одновременно Кассиодор льстиво восхвалял правление остготских королей из рода Амалов, который, по его словам, принадлежал к числу древнейших и наиболее прославленных готских королевских династий. Известное представление о характере и политической направ-

Именно из среды этой проготски настроенной провинциальной знати Италии, а не из старой сенаторской аристократии Рима остготское правительство выбирало своих просвещенных чиновников, референдариев короля, гражданских правителей провинций Италии.

Старая римская сенаторская аристократия, связанная крепкими нитями с рабовладельческим обществом, со старыми традициями римского государства и с Восточной Римской империей, естественно, не внушала доверия остготскому правительству и все больше и больше оттеснялась от государственного управления. Вследствие всего этого в рядах сенаторской аристократии росла и крепла как оппозиция правительству, так и недовольство той частью римско-италийской знати, которая поддерживала остготов.

Источники не дают нам возможности сколько-нибудь конкретно обрисовать начальные этапы развития этих политических противоречий, но несомненно, что они зародились в первые же годы после образования Остготского королевства в Италии. Все более углубляясь и расширяясь, они привели в конце царствования Теодориха к открытому и острому конфликту между остготским правительством и римской сенаторской аристократией.

В буржуазной историографии причины этого конфликта обычно усматривались то в этических различиях и национальной вражде остготской и римской знати [34], то в столкновении двух культур — римской (представителями которой являлись казненные Теодорихом римские сенаторы Боэций и Симмах)

ленности этого утраченного произведения Кассиодора мы можем составить по его переложению в «Гетиках» Иордана. О Кассиодоре см. следующие работы: A. Thorbecke. Cassiodorus Senator. Ein Beitrag zur Geschichte der Volkerwanderung. Heidelberg, 1867; I. Ciampi. I Cassiodoro nel V e nel VI Secolo. Imola, 1876; A. Gaudenzi. L'opera di Cassiodoro a Ravenna. — «Atti e memorie della reale deputazione di storia Patria per le provincie de Romagna», 3 serie, vol. III, 1885, p. 235—334; vol. IV, 1886, p. 426—464; G. D. Minasi. M. Aurelio Cassiodoro Senatore. Ricerche storico-critiche. Napoli, 1896; L. Schmidt. Cassiodor und Theoderich.— «Historisches Jahrbuch», Bd. 47, H. 4. München, 1927, S. 727—729; A Van De Vyver. Cassiodor et son œuvre. — «Speculum», VI, 1931, p. 244—292; H. Thiele. Cassiodor. Seine Klostergründung Vivarium und sein Nachwirken im Mittelalter.— «Stud. und Mitteil. zur Geschichte des Benedict. Ordo», Bd. L, 1932, p. 387—429; P. Courcelle. Les lettres grecques en Occident. De Macrobe à Cassiodor. Paris, 1943; P. Courcelle. Le site du monastère de Cassiodore.— «Mélanges de l'Ecole française de Rome», t. LV (1938), p. 259—307; O. J. Zimmermann. The late latin vocabulary of the Variae of Cassiodorus. Washington, 1944; Å. J. Fridh. Terminologie et formules dans les Variae de Cassiodore. Stockholm, 1956.

[34] L. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 324; W. Enssslin. Theoderich der Grosse, S. 182.

и варварской — остготской [35], или двух религий — арианства и католичества [36].

Не отрицая значения этнической и религиозной розни и борьбы различных политических партий в назревании конфликта между остготским правительством и сенаторской аристократией в последние годы правления Теодориха, мы все же считаем, что разрыв между остготской феодализирующейся знатью и римской аристократией был вызван более глубокими социально-экономическими и политическими причинами.

Вероятнее всего, борьба завязалась на почве столкновения реальных экономических интересов этих групп и развернулась главным образом вокруг двух основных вопросов — владения землей и использования рабочих рук для ее обработки.

Если первоначально остготское правительство шло в этих вопросах на серьезные уступки старой римской аристократии, то в дальнейшем, по мере усиления власти остготской феодализирующейся знати, начались насильственные захваты остготской знатью земель и зависимого населения в Италии, что задевало интересы не только трудового населения Италии и мелких италийских землевладельцев, но (как мы уже видели при характеристике аграрных отношений) приносило ущерб и римской землевладельческой аристократии. Естественно, возросшая угроза земельным владениям римской знати не могла не вызвать серьезного недовольства в ее среде. Конечно, и сами римские сенаторы отнюдь не брезговали насильственным захватом чужих земель, однако, по-видимому, не опасаясь суровых кар, могли это делать лишь те из них, кто перешел на сторону остготского правительства (например, знакомый уже нам

---

[35] L. Schmidt. Gaschichte der deutschen Stämme, Bd. I, S. 218.

[36] П. Н. Кудрявцев. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850, стр. 35—38. Попытка более углубленного объяснения этого конфликта была сделана Э. Штейном, который стремился вскрыть в первую очередь политические причины, заставившие Теодориха в конце правления изменить отношение к высшей сенаторской аристократии Италии. Э. Штейн правильно подчеркивает, что если Теодорих в начале царствования заигрывал с сенаторской аристократией и высшим католическим духовенством, то впоследствии, располагая значительными военными силами и укрепив свою власть, он перешел к политике ограничения влияния сената, вызвав тем самым появление сенаторской оппозиции. По мнению Э. Штейна, для римской сенаторской аристократии, которая, несмотря на внешний почет, теряла реальную власть в стране, теперь назрела необходимость борьбы с остготским владычеством. Недовольство родовитой сенаторской аристократии Рима усугублялось, по утверждению Э. Штейна, еще и тем, что правительство Теодориха покровительствовало представителям провинциальной знати Италии (подобно Кассиодору, Эннодию и др.) в противовес старой римской аристократии, которую оно начало отстранять от высших государственных должностей (E. Stein. Histoire..., t. II, p. 124—132).

Фавст). Оппозиционно настроенные сенаторы подобной возможности не имели.

Таким образом, одним из важнейших вопросов, порождавших расхождение между правящей верхушкой остготского государства и старой римской аристократией, был вопрос о земельной собственности, ибо рост крупного остготского землевладения феодального типа представлял серьезную угрозу для интересов старой римской землевладельческой аристократии. Рано или поздно борьба за земли Италии должна была привести к острому конфликту, который мог быть разрешен лишь вооруженной рукой.

Вторым вопросом, также таившим в себе семена серьезных разногласий между остготской феодализирующейся знатью и старой римской аристократией, являлся вопрос об использовании труда зависимого населения Италии и методах его эксплуатации.

Конечно, в отношении борьбы против народных выступлений классовые интересы римской и остготской знати обычно совпадали, и именно это обусловливало нередко их временный союз. Так было, например, в годы борьбы с Одоакром и в первое время после образования Остготского государства, так бывало и впоследствии. Однако постоянное стремление к приобретению новых работников для обработки земель должно было привести к столкновению между остготской знатью с ее непомерно растущими аппетитами и вынужденной занять оборонительную позицию римской аристократией. И действительно, остготская феодализирующаяся знать, заняв постепенно господствующее политическое положение в стране, естественно, стремилась обеспечить себе и наиболее широкие возможности в использовании труда зависимого населения Италии, в первую очередь колонов и рабов. Остготские военачальники и могущественные лица из остготской знати, захватывая все новые земли в Италии, нуждались, конечно, и в рабочей силе для их обработки, а приобрести ее они могли путем порабощения местного населения или путем покупки, а зачастую — переманивая или насильственно захватывая рабов и колонов римских землевладельцев.

Все это, естественно, также приводило к соперничеству, постоянным распрям и столкновениям между остготскими и римскими крупными землевладельцами. Не забудем, кроме того, что остготская знать и остготское правительство в известной мере принуждены были считаться с интересами свободных остготских воинов и поэтому стремились в большей степени использовать подневольный труд именно местного зависимого населения — обстоятельство, которое тоже, конечно, служило причиной недовольства не только широких народных масс,

но и римской аристократии, не желавшей делить своих прав на эксплуатацию трудового населения с новыми пришельцами.

Вполне вероятно, что на отношения между различными группами остготской и римско-италийской знати не могли не оказать известного влияния и их расхождения по вопросу о методах эксплуатации зависимого населения. Приведенные в предшествующих главах материалы об аграрном строе остготской Италии дают достаточное основание утверждать, что именно в имениях остготской знати наряду с трудом рабов все большее распространение получал труд колонов (в связи с чем остготская знать и стремилась законодательным путем закрепить их бесправное положение), в то время как довольно значительная часть римской аристократии еще судорожно цеплялась за старые методы эксплуатации трудового населения. Поэтому, надо думать, в реальной действительности более прочным могло быть сближение остготской знати только с частью римских землевладельцев, а именно с теми из них, которые также уже применяли новые формы эксплуатации и хозяйство которых развивалось по пути феодализма. Но и здесь, конечно, лояльность отношений нередко нарушалась. И если в начале своего правления Теодорих в силу сложившейся политической ситуации заигрывал со старой римской рабовладельческой аристократией и католической церковью и шел на серьезные уступки им в отношении раздела земель и подчинения зависимого населения, то в дальнейшем под давлением феодализирующейся знати он должен был изменить свою политику.

Характерно, что именно во второй половине правления Теодориха происходит заметное сокращение привилегий Рима и дальнейшее уменьшение политического значения сената[37] и римских магистратур [38].

---

[37] Кроме указанных выше работ о положении римского сената в раннее средневековье, см.: Ch. Lécrivain. Le senat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople. Paris, 1888, p. 153—215; K. di Gianlorenzo. I Barbari nel Senato Romano al sesto secolo.— «Studi e documenti di storia e diritto», XX, 1899, № 1, p. 127—191; P. Fedele. Sulla persistenza del Senato Romano nel Medio Evo. Roma, II, 1924, p. 59—67; O. Bertolini. L'aristocrazia senatoria e il Senato di Roma come forza politica sotto i regni di Odoacre e di Teodorico.— «Atti del I Congresso Nazionale di Studi Romani», I. Roma, 1929, p. 462—475; E. D'Alfonso. Il Senato Romano nei primi regni dell'età barbarica. Napoli, 1936; E. Stein. La disparition du Sénat de Rome à la fin du VI-e siècle.— «Bull. de la Classe des Lettres et des Sciences Mor. et Pol. Acad. Royale de Belgique», sér. 5, XXV, 1939, p. 308—322; A. Bartoli. Lavori nella sede del Senato Romano al tempo di Teodorico.— «Bulletino Commiss. Archeol. Commun. di Roma», 73, 1949/1950, pubbl. 1952, p. 77—88.

[38] Уменьшение политического влияния римской аристократии в в Остготском королевстве сказалось и на дальнейшем упадке консулата. Консулы теряют окончательно даже остатки прежней власти, удерживая

Все это, конечно, не могло не вызвать роста оппозиционных настроений среди влиятельных кругов римской рабовладельческой аристократии, все чаще и чаще обращавшей теперь взоры на Восток в надежде, что именно оттуда будет подана рука помощи. Римская аристократия не желала мириться с потерей главенствующего положения в управлении государством, с дальнейшим ущемлением прав сената и высших римских магистратов; она не хотела лишаться своей власти, почета, менять свои привычки и обычаи, связанные с многовековыми традициями, окружавшими блеском и славой сенаторское сословие в Римской империи. Неудивительно, что уже к концу правления Теодориха сторонников остготского правительства среди высшей римской аристократии было лишь незначительное число, в то время как ряды сенаторской оппозиции все росли [39]. Однако остготское правительство в Италии было еще столь сильно, что представители оппозиции до поры до времени должны были скрывать свои политические замыслы и ограничиваться лишь открытой защитой политики союза с Восточной Римской империей.

Немалое значение в развитии этого конфликта имели и церковные вопросы — сложные взаимоотношения между католической и арианской церквами в самой Италии и борьба вокруг заключения унии с восточной церковью. В первые годы правления Теодориха его политика как в отношении католической церкви, так и сенаторской аристократии отличалась компромиссным характером. В это время правительство Теодориха настойчиво стремилось добиться поддержки католического духовенства и в какой-то степени этого достигло. Недаром равеннский хронист так характеризует церковную политику Теодориха: «Он управлял двумя народами — римлянами и готами, объединенными в единый народ, и хотя сам принадлежал к секте ариан, но ничего не предпринимал против католической религии» (Anon. Vales., XII, 57). Кассиодор подчеркивал, что основным принципом внутренней политики Теодориха была веротерпимость, и следующим образом сформулировал политическое credo этого короля в области религиозной политики: «Мы не можем предписывать веры, ибо нельзя силой заставить человека верить» (religionem imperare non possumus, quia nemo

---

лишь некоторые ее внешние признаки. За ними сохранилась лишь организация зрелищ за счет личных средств (Cass. Var., II, 2; III, 39; V, 41; VI, 1,10). Консулы назначались нерегулярно, по выбору остготского короля, из числа знатных римлян и готов (ibid., III, 39; VII, 2; см. RE, Bd. IV, Sp. 1137). Сокращались прерогативы городской префектуры Рима (Cass. Var., VI, 4, 10) и других римских магистратов.

[39] E. Stein. Histoire..., t. II, p. 125—126.

cogitur ut credat invitus.— Cass. Var., II, 27. 2). По словам Кассиодора, Теодорих стремился одинаково «справедливо» относиться как к арианскому, так и к католическому духовенству и поэтому виновные в правонарушениях арианские епископы не спасались от суда этого короля (Cass. Var., II, 18) [40].

Желая укрепить союз с церковью, Теодорих даровал арианскому и католическому духовенству некоторые привилегии. Так, в интересах упрочения политического влияния церкви остготское правительство подтвердило право церковного убежища, причем это право было предоставлено не только арианской, но и католической церкви [41]. О том, насколько большое политическое значение имело для арианского и католического духовенства это право, свидетельствует введение остготским правительством смертной казни в качестве наказания за нарушение этой важной привилегии церкви (E. Theod., 125). В интересах духовенства в эдикт Теодориха было включено предписание, запрещающее в воскресные дни и на пасху разбирать какие-либо судебные тяжбы (E. Theod., 154). Виновный в нарушении этого предписания эдикта считался святотатцем (ср. C. Th., II, 8. 18; VIII, 8.3). Само собою разумеется, что для расширения своего влияния на широкие круги населения церковь была заинтересована в прекращении в праздничные дни судопроизводства, которое могло бы отвлекать верующих от исполнения религиозных обрядов. Правительство Теодориха покровительствовало, как мы видели, и росту церковного землевладения.

---

[40] О религиозной политике Теодориха см.: E. Caspar. Theoderich der Grosse und das Papsttum. Berlin, 1931; I. Zeiller. Études sur l'arianisme en Italie à l'époque ostrogothique et à l'époque lombarde.— «Mélanges d'archéologie et d'histoire», XXV, 1905, p. 127—146; I. Zeiller. Les églises ariennes de Rome à l'époque de la domination gothique.— «Mélanges d'archéologie et d'histoire», XXIV, 1904, p. 17—33; G. Schnürer. Die politische Stellung des Papsttums zur Zeit Theoderichs des Grossen.— «Historisches Jahrbuch», IX, 1888, S. 251—283; X, 1889, S. 253—301; H. Usener. Das Verhältnis des römischen Senats zur Kirche in der Ostgothenzeit.— «Kleine Schriften», IV, Leipzig—Berlin, 1913, S. 143—154.

[41] E. Theod., 125—126. По римским законам право церковного убежища предоставлялось лишь ортодоксальным церквам, т. е. господствующей католической церкви (sacrosanctae ecclesiae orthodoxae fidei — C. J., I, 12. 16), в эдикте же Теодориха эта привилегия была дарована всем церквам. Это важное нововведение остготского правительства было сделано в интересах арианской церкви и непосредственно под давлением арианского духовенства. В то же время привлекает внимание чрезвычайная осторожность остготского правительства в выборе выражений, формулирующих это предписание: правительство намеренно воздержалось от особого упоминания арианской церкви и прибегло к общим, в достаточной мере расплывчатым выражениям (ecclesiae id est loci religiosi), очевидно, для того, чтобы не раздражать католическое духовенство.

Надо, однако, сказать, что покровительствуя церкви, остготское правительство никогда не забывало об интересах фиска. Так, несмотря на все попытки духовенства добиться полного освобождения от всех налогов, в период владычества остготов церкви и монастыри продолжали вносить установленные налоги (в том числе и поземельный) наравне с римскими посессорами (Cass. Var., I, 26; V, 9, 31). Правительство предписывало строго требовать с духовенства недоимки по налогам [42]. Налоговые привилегии даровались церкви лишь в виде исключения [43]. В правление Теодориха немногого добилось духовенство и в отношении расширения церковной юрисдикции. Суды епископов в провинциях Италии в это время были лишь низшей судебной инстанцией, подчиненной контролю королевской курии (Cass. Var., II, 18). Епископальные суды разбирали дела клириков и других духовных лиц, однако, право принимать апелляции на их решения сохранялось за королевским судом (Cass. Var., III, 14, 37; IV, 44). Решение королевского суда было для епископов обязательным (Cass. Var., VIII, 24.4). Иногда разбор дел о преступлениях духовных лиц передавался суду комита готов (Cass. Var., II, 29; III, 45; IV, 18) или суду правителей провинций (Cass. Var., V, 31). Епископальные суды обычно рассматривали гражданские дела и мелкие уголовные преступления клириков. Лишь в виде исключения они принимали участие в рассмотрении важных дел политического характера, но и то с санкции королевской власти. Сам Теодорих энергично вмешивался в дела церкви: судил и оправдывал по своему усмотрению епископов (Cass. Var., I, 9; III, 7, 37), предписывал духовенству соблюдать осторожность и умеренность при обсуждении жалоб и не вызывать недовольства (Cass. Var., II, 18), следил за нравами духовных сановников (Cass. Var., II, 29, 30), восстанавливал на кафедрах отрешенных от сана епископов (Cass. Var., II, 29) [44].

---

[42] Так, Теодорих приказал в 523/526 г. взыскать в Апулии и Калабрии недоимки по налогу с торгового оборота (siliquaticum) (см. выше, стр. 192) с пресвитеров Марка, Андрея и Симеона и других духовных лиц, задолжавших казне (Cass. Var., V, 31).

[43] Так, в 507/511 г. Теодорих в качестве особой милости даровал арианской церкви Унсцилы (Unsciliae) освобождение от налогов (Cass. Var., I, 26). В 535 г. Теодат по требованию Юстиниана освободил один монастырь от налогов, поскольку его имения пострадали от стихийного бедствия (Cass. Var., X, 26).

[44] Лишь в правление Аталариха, в 527 г., духовенство Рима добилось от остготского правительства важной привилегии в сфере расширения церковной юрисдикции: все иски к духовным лицам должны были теперь предъявляться в папскую курию и клирики лишены были права подавать апелляции в светские суды. Лишь светские лица, предъявившие иск к клирику, могли апеллировать в суд правителя провинции или в королевскую курию (Cass. Var., VIII, 24).

Постепенно осложнялись отношения Теодориха и с папским престолом. И если в начале своего правления этот король сохранял благожелательные отношения с папской курией и старался не вмешиваться в выборы пап [45], то в конце своего царствования у него, как мы увидим, произошел острый конфликт с папой Иоанном I. На основе всего сказанного можно предположить, что высшее католическое духовенство, хотя сперва поддерживало готов против Одоакра и пыталось использовать веротерпимость остготского правительства, надеясь сохранить и даже укрепить свое положение в стране, в дальнейшем изменяет свою политику. Оно не может примириться с усилением арианского духовенства и потому все чаще и чаще обращает свои взоры на Восток, мечтая о восстановлении своего господствующего положения. Не исключена возможность, что высшие духовные сановники католической церкви устанавливают связи и с сенаторской оппозицией, поднявшей голову в 20-х годах VI в.

В это время сенаторскую оппозицию возглавили видные представители старой римской аристократии — сенаторы Симмах и Боэций. Источники сохранили довольно подробные сведения об этих вождях аристократической оппозиции, причем проримски настроенные писатели увенчали их лаврами мучеников, отдавших свою жизнь за дело возрождения гибнущего римского общества, угасающей римской культуры.

По словам Прокопия, Симмах и его зять Боэций принадлежали к старинному патрицианскому роду, были первыми лицами в римском сенате (πρῶτοι δὲ βουλῆς τῆς Ῥωμαίων) и консулами [46]. Боэций родился около 480 г. в знатной семье; его отец был префектом претория и префектом города в правление Одоакра и консулом 487 г. Рано потеряв отца, Боэций воспитывался Аврелием Меммием Симмахом, одним из видных политических деятелей того времени. В 510 г. Боэций также достиг консульства и затем занимал высокие государственные должности [47].

---

[45] См. П. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 29 сл.

[46] Procop. BG, I, 1.32. С. П. Кондратьев (Прокопий. Война с готами. М., 1950, стр. 81) неточно переводит: «консулярами».

[47] О Боэции см.: A. Momigliano. Gli Anicii e la storiografia latina del VI sec. D. C. — «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei», anno CCCLIIII, Roma, 1956, p. 279—297; C. Cipolla. Per la storia del processo di Boezio.— «Studi e documenti di storia di diritto», XXI, 1900, p. 335—346; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. 1, S. 347—354; E. K. Rand. Boethius, the first of the scholastics.— «Founders of the middle ages». Cambridge, 1928, p. 135—180; R. Bonnaud. L'éducation scientifique de Boèce.— «Speculum», IV, 1929, p. 198—206; H. R. Patch. The tradition of Boethius. A study of his importance in medieval culture. London, 1935; Marco Galgi. Saggi

Как Симмах, так и Боэций были сторонниками сближения с Восточной Римской империей и поддерживали тесные связи с константинопольским двором. В 500 г. Симмах посетил столицу Восточной Римской империи, где ему был оказан почетный прием. Для характеристики политических взглядов вождей сенаторской оппозиции весьма знаменательны их связи со знатными римскими эмигрантами из «варварских» королевств, жившими при дворе восточноримского императора. Так, например, мы знаем о переписке Симмаха с латинским грамматиком Присцианом, уроженцем Вандальского королевства, нашедшим себе приют в Константинополе. В панегирике в честь императора Анастасия Присциан доказывал, что восточный император является законным правителем Рима [48], и эти его высказывания находили сочувственный отклик у старой сенаторской аристократии Италии.

Патриций Боэций был известен современникам не только как крупный политический деятель,но и как философ и ученый. Он в совершенстве знал греческий язык и овладел греческой образованностью. Его перу принадлежат сочинения богословского и философского характера. Особенно широкой известностью пользовалось в средние века «Философское утешение», последнее произведение Боэция, написанное им в 524 г. незадолго до казни, проникнутое духом христианской ортодоксии в соединении с элементами языческой античной философии [49].

Конфликт остготского правительства с сенаторской оппозицией Италии был описан несколькими современниками, но особенно подробно Анонимом Валезия.

Начало открытого конфликта было положено в 524 г. доносом королевского референдария Киприана о тайных переговорах, которые велись римским сенатором Фавстом Альбином с восточным императором, с целью свержения власти остготов в Италии при помощи Восточной Римской империи (Anon. Vales., XIV, 85). Вряд ли можно сомневаться в справедливости этого обвинения, если учесть активизацию в начале 20-х годов политики Восточной Римской империи на Западе с целью

Boeziani. Pisa, 1938; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 283 f.; O. Bertolini. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi. Bologna, 1947, p. 584—587; F. Cognasso. Relazioni religiose e polititiche fra Roma e Bisanzio. Torino, 1947; E. Stein. Histoire ..., t. II, p. 130—131; Ch. H. Coster. The fall of Boethius; his character. — Annuaire de l'Inst. Phil. et Hist. Orien. et Slaves», 12, 1953, p. 45—80; Ch. H. Coster. Procopius and Boethius.— «Speculum», 23, 1948, p. 284—287.

[48] Prisciani Panegyricus imperatoris Anastasii, rec. Baehrens. Poetae latini minores. Lipsiae, 1883, p. 269—274.

[49] Boethii De consolatione philosophiae, ed. G. Weinberger. Corpus script. eccles. Latin. Vindobonae, LXVII, 1934; Anecd. Hold., S. 51 f.

привлечения на свою сторону союзников из высшей аристократии. Однако Альбин категорически отрицал обвинение в государственной измене, и на его защиту немедленно выступили другие представители оппозиционно настроенной части сенаторов. Боэций, будучи одним из их лидеров, узнав о раскрытии заговора и обвинении Альбина, тотчас прибыл в Равенну и попытался защитить Альбина. «Тогда и патриций Боэций, — пишет Аноним Валезия,— который был магистром оффиций, сказал прямо в глаза королю: «Обвинение Киприана ложно; но если Альбин сделал это, сделал и я и весь сенат. Ложь это, владыка король» (Anon. Vales., XIV, 85).

Такое единодушие сенаторской оппозиции вызвало большое ожесточение остготского правительства, и когда Киприан распространил свое обвинение в государственной измене и на Боэция и представил своих свидетелей [50], король Теодорих решил жестоко расправиться с непокорными сенаторами. «Король, питая коварные замыслы против римлян и размышляя о том, каким способом их лучше погубить, больше поверил ложным свидетелям, чем сенаторам» (Anon. Vales., XIV, 86).

Однако остготский король шел на полный разрыв с римским сенатом не без некоторых колебаний. Это видно из того, что Боэций сперва был приговорен к пожизненному изгнанию [51], но так как оппозиция упорствовала в своей ненависти к остготскому правительству, изгнание было потом заменено Боэцию смертной казнью. По словам Анонима Валезия, Теодорих, не выслушав даже оправданий Боэция, заключил его в темницу. Приговор Боэцию был вынесен при участии Евсевия, префекта города Тичина, видимо, поддержавшего обвинение против главы сенаторской оппозиции (Anon. Vales., XIV, 87).

Вскоре Боэций был казнен в местечке ager Calventianus близ Милана (ныне Calvenzano). Перед смертью он был подвергнут страшным пыткам (Anon. Vales., XIV, 87; Procop. BG, I, 1. 32—34). Репрессии обрушились и на тестя Боэция, сенатора Симмаха, также замешанного в заговоре против остготского правительства. Опасаясь мести со стороны Симмаха за гибель зятя, король Теодорих срочно вызвал его из Рима в Равенну и затем приказал казнить (Anon. Vales., XV, 92). Еще раньше жестокой казни был предан и сенатор Альбин. Все состояние казненных было конфисковано в пользу остготского правительства (Procop. BG, I, 1. 34).

Таким образом, сенаторская оппозиция была временно разгромлена Теодорихом, фрондирующие сенаторы внешне изъя-

---

[50] Аноним Валезия утверждает, что показания этих свидетелей были ложны (Anon. Vales., XIV, 86).

[51] L. A. Muratori. Annali d'Italia del principio dell'era volgare fino all anno 1750..., vol. III. Milano, 1762, ad anno 524.

вили покорность королю, хотя, конечно, не оставили своих планов борьбы с остготами при содействии Восточной Римской империи.

Одновременно с заговором римской сенаторской аристократии тайные сношения с восточным императором, направленные против остготского правительства, завязал и папский престол. Папа Иоанн I, посланный Теодорихом в Константинополь для переговоров с Юстином I о прекращении гонений на ариан в империи, видимо, отнюдь не хотел действовать в пользу остготского правительства и ариан и вступил в тайные переговоры с константинопольским двором о свержении власти остготов [52]. Об этом стало известно остготскому правительству, и как только Иоанн I возвратился в Рим, он тотчас по приказу Теодориха был заключен в темницу, где и умер в 526 г. Смерть папы произошла при столь подозрительных обстоятельствах, что можно предположить, что он был тайно умерщвлен по приказанию остготского короля [53].

В научной литературе не существует единой точки зрения в оценке описанных нами событий. Довольно широкое распространение имеет мнение о том, что Боэций не был замешан в заговоре против короля Теодориха, что обвинение его было ложным, а казнь философа является величайшей несправедливостью, совершенной остготским королем [54]. Ряд историков подвергает сомнению даже само существование заговора римской сенаторской аристократии против Теодориха. Однако анализ расстановки классовых сил в Италии и политических столкновений как внутри самой остготской знати, так и среди римской аристократии, приводит нас к выводу, что заговор римских сенаторов был закономерным результатом развития борьбы политических группировок в Остготском королевстве. Он явился одним из важных моментов в борьбе сенаторской знати против остготского правительства, начатой еще в предшествующее время [55].

---

[52] L. A. Muratori. Annali d'Italia..., ad anno 526; Anon. Vales. XV, 94.

[53] Anon. Vales., XV, 93; Hist. miscell., p. 103; L. A. Muratori. Annali..., ad anno 526; H. Lowe. Theoderich der Grosse und Papst Johann I.— «Hist. Jahrbuch», Jg. 72, 1953, S. 83—100; M. Rosi. L'ambasceria di papa Giovanni I a Constantinopoli secondo alcuni principali scrittori.— «Archivio di Soc. Rom. di storia Patria», t. XXI, 1898, p. 567—584; P. Vaccari. Roma e l'Oriente nei rapporti ecclesiastici del sec. VI.— «Atti del IV Congres. Naz. di Studi Rom.», I. Roma, 1938, p. 416—419.

[54] См., например, Ch. H. Coster. The fall of Boethius, p. 45—80.

[55] Разоблачение заговора римских сенаторов и обвинение Альбина и Боэция происходили при прямой помощи представителей той части римской знати, которая сотрудничала с остготским правительством. Вряд ли

Вместе с тем события 524—526 гг. убедительно свидетельствуют, что в это время политическое преобладание перешло к феодализирующейся военной остготской знати. Несомненно, что именно под ее влиянием Теодорих после некоторых колебаний все же решился на расправу с вождями сенаторской оппозиции.

Но политические изменения, обусловленные переходом преобладания к военной и провинциальной части остготской феодализирующейся знати, не ограничились только окончательным разрывом с большинством римского сената. Еще более существенным было то, что именно с этого времени начинает особенно заметно проявляться рост самостоятельности комитов готов, командующих пограничными округами, и других остготских военачальников, значительная часть которых уже превратилась в крупных землевладельцев.

Таким образом, объяснение явному ослаблению королевской власти в Остготском государстве в период, последовавший за смертью Теодориха, надо искать не в личных качествах его преемников (как это обычно делают буржуазные историки), а в тех социальных сдвигах, которые проявились еще при Теодорихе и которые были совершенно неизбежны в условиях развития феодальных отношений в Италии в первые десятилетия VI в.

Вместе с тем ослаблением центрального правительства и последовавшей за тем новой вспышкой борьбы внутри остготской знати неминуемо должны были воспользоваться и действительно воспользовались как противники остготов внутри Италии, так и их внешние враги, в первую очередь Константинополь. Поэтому казнь Боэция и Симмаха и разрыв остготского правительства с сенаторской верхушкой являлись лишь прелюдией к войне между Остготским королевством и Восточной Римской империей, стремившейся использовать в своих интересах недовольство сенаторской аристократии и католического духовенства Италии.

можно сомневаться в том, что референдарий Киприан, а затем и префект города Тичина Евсевий и другие обвинители Альбина и Боэция были не только их личными врагами и завистниками, о чем говорит Прокопий (Procop. BG, I, 1. 33—34), но и политическими противниками. Конечно, они действовали согласно общей политике, проводимой той частью римской знати, которая помогала остготам в управлении страной и пользовалась милостями остготского правительства.

Часть вторая

ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ ВИЗАНТИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ И ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ В ЗАВОЕВАННОЙ ПРОВИНЦИИ

Глава I

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ С ОСТГОТАМИ В ИТАЛИИ (535—540)

§ 1. Внутренняя и внешняя политика Остготского государства в 526—535 гг. Разрыв между Восточной Римской империей и Остготским королевством

Охлаждение между Остготским государством и Восточной Римской империей началось еще в последние годы правления короля Теодориха.

Его расправа с вождями аристократической оппозиции в Риме, тесно связанной с константинопольским двором и лелеявшей надежды на помощь империи в борьбе с остготами, была крайне неприятна византийскому правительству. Ведь недаром историограф Юстиниана Прокопий в своем официальном труде расценивает казнь Боэция и Симмаха как тяжкое преступление Теодориха (Procop. BG, I, 1. 32—39). Византийский историк стремится показать, что Теодорих якобы раскаялся в этом преступлении перед своей смертью, будто бы и вызванной горем по поводу гибели столь благородных мужей [1].

Совершенно очевидно, что подобная, явно тенденциозная оценка конфликта короля Теодориха с римской аристократией скорее всего отражала официальную точку зрения константинопольского правительства. В трудах писателей, являвшихся сторонниками сближения остготов и римлян, в частности в произведениях Иордана и Кассиодора, также подчеркивается раскаяние Теодориха по поводу разрыва с римской аристо-

---

[1] О легендах, связанных со смертью Теодориха, см.: L. M. Hartmann. Das Italienische Königreich. Leipzig, 1897, S. 226 f.

кратией. Иордан, например, утверждал, что накануне своей смерти Теодорих якобы понял необходимость улучшения отношений с римским населением Италии и восстановления союза с Восточной Римской империей. Почувствовав приближение смерти, рассказывает Иордан, Теодорих созвал вождей готов и первых лиц готского племени и провозгласил королем своего внука Аталариха. Этим вождям он повелел, «чтобы они охраняли и берегли короля, возлюбили сенат и римский народ, а императора восточного — храня всегда мир с ним и его благосклонность — почитали (вторым) после бога» (I o r d. Get., 304; ср. Rom., 367). Кассиодор, деятельный проводник проримской политики и советник наследницы Теодориха, королевы Амаласунты, также подчеркивал, что проводимая этой правительницей политика сближения с Восточной Римской империей была продолжением политики ее отца (C a s s. Var., VIII, 1). Тем самым Кассиодор стремился подкрепить правильность политической линии правительства Амаласунты ссылкой на авторитет короля Теодориха. К сожалению, до нас не дошли источники другой политической ориентации, и мы лишены возможности проверить правильность этих сведений, вызывающих некоторые сомнения из-за их ярко выраженной политической тенденциозности.

Но если даже и сомнителен новый поворот политики Теодориха в сторону сближения с империей, то несомненно, что подобное изменение политической ориентации весьма ярко проявилось с первых шагов деятельности остготского правительства тотчас же после его смерти, последовавшей 30 августа 526 г.

Официальным преемником Теодориха был его малолетний внук Аталарих, но фактически власть перешла в руки матери Аталариха, дочери Теодориха Амаласунты (P r o c o p. BG, I, 2.3; I o r d. Rom., 367; Get., 305).

К этому времени Амаласунте было всего лишь 28 лет. По единодушному мнению современников, она сочетала необычайную красоту и пленительную женственность с умом, энергией и решительностью зрелого мужа. Дочь Теодориха еще в юности получила прекрасное по тому времени образование, свободно владела греческим и латинским языками [2].

Верный помощник и постоянный советник Амаласунты Кассиодор восторженно восхваляет добродетель и благочестие новой правительницы. «В решениях находчива, в речах торже-

---

[2] См. P r o c o p. H. a., XVI, 1. Сохранилось изображение Амаласунты на консульском диптихе Ореста (530 г.), см. J. B. B u r y. History of the Later Roman Empire, vol. II. London, 1931, p. 159, n. 1.

ственно сдержана»,— такой предстает Амаласунта в описании ее панегириста (Cass. Var., X, 4.6; ср. Var., XI, 1). Нет сомнения, что похвалы, расточаемые Кассиодором остготской королеве, выражали не только льстивое преклонение царедворца перед могуществом ее власти, но и одобрение ее проримской политики и политической ориентации на союз с римской знатью.

Для характеристики проримской ориентации новой правительницы Италии весьма показательны хвалебный тон и ярко выраженная симпатия, с какими говорит о ней не только Кассиодор, но и Прокопий. Вполне естественно, что византийский историк восхваляет Амаласунту в первую очередь за проводимую ею политику сближения с римлянами. Он подчеркивает, что она охраняла неприкосновенность личности и имущества римлян, в первую очередь, конечно, римской знати, от посягательств со стороны готов. «Пока она стояла во главе управления,— пишет он,— ни один римлянин не был подвергнут ни телесному наказанию, ни конфискации имущества; она не только не разрешала готам поступать несправедливо по отношению к римлянам, но даже вернула детям Симмаха и Боэция имущество, конфискованное (у их отцов)» (Procop. BG, I, 2. 4—5).

Свой приход к власти новая правительница Остготского государства ознаменовала рядом серьезных политических уступок римскому сенату и высшему духовенству. В манифестах, изданных от имени Аталариха и при явном участии Кассиодора (Cass. Var., VIII, 2—8), новое остготское правительство декларировало равенство в правах между остготами и римлянами и требовало от них «взаимных клятв верности» (Cass. Var., VIII, 2.7; 3. 3). Единственным преимуществом готов являлось сохранение за ними права носить оружие и выполнять военную службу (labores bellicos.—Cass. Var., VIII, 3.4).

Политические уступки римскому сенату выразились в расширении прав и привилегий сенаторов. Сенаторам даровалась привилегия подавать просьбы и апелляции лично остготскому королю. Пополнение состава сенаторов могло происходить лишь из среды самых знатных и образованных римлян. Готы, как правило, не допускались в число лиц сенаторского сословия. Едва ли не единственным исключением явилось возведение в сенаторское звание гота Тулуина, выходца из знатной остготской фамилии (Cass. Var., VIII, 10. 1). Все эти привилегии поднимали политический авторитет сенаторского сословия и делали его все более независимым от остготов. Равеннский двор регентши расточал сенату многочисленные знаки почета и уважения (Cass. Var., VIII, 2, 10, 11, 14, 15, 17).

Не менее знаменательными для характеристики внутренней политики Амаласунты были ее уступки высшему духовенству Италии, в первую очередь римскому папе. В начале ее правления папа приобрел право суда в первой инстанции над всеми католиками. Недовольные судом «великого понтифика» или уклоняющиеся от этого суда по распоряжению остготского правительства наказывались денежным штрафом в 10 либр золота (Cass. Var., VIII, 24). Это предписание правительства Амаласунты чрезвычайно повысило влияние папского престола. Кассиодор в одном из своих рескриптов подчеркивает широту власти главы римской церкви. Папа должен, по его словам, заботиться о всем, что делается в государстве; безопасность народа приносит славу римскому епископу, а его надзору как духовного владыки подлежит и духовная и телесная жизнь всех верующих (Cass. Var., XI, 2. 4).

Покровительство равеннского двора папскому престолу простиралось до такой степени, что остготское правительство выступило на защиту папы Иоанна II (531—535), обвиненного своими противниками в расхищении церковного имущества и притеснении бедных. По настоянию регентши и при помощи сената корыстолюбивый понтифик был оправдан и даже освобожден от уплаты штрафа [3].

Наиболее ярким проявлением политики сближения с римской землевладельческой аристократией и духовенством ортодоксальной церкви и стремления правительства регентши опереться на их поддержку в борьбе против оппозиционно настроенной части остготской военной знати является эдикт короля Аталариха от 533/534 г. В этом эдикте с неукоснительной строгостью запрещается захват остготской военной знатью земельных владений римлян, в первую очередь римской землевладельческой аристократии. В отношении строгости мер, применяемых против этих незаконных захватов, постановления эдикта Аталариха даже более суровы и последовательны, чем предписания эдикта Теодориха (см. выше, стр. 57 сл.). Могущественным лицам запрещалось под страхом суровых наказаний захватывать лично или при помощи зависимых от них людей чужие земельные участки, расположенные как в городских общинах, так и в сельских местностях. За попустительство подобным преступлениям провинциальные судьи отрешались от должности и наказывались высоким денежным штрафом (Cass. Var., IX, 18. 1—2).

Ответственность за пристрастное ведение судебных процессов о незаконном захвате чужого имущества эдикт Аталариха

---

[3] Cass. Var., IX, 15—17. См. L. Ginetti. Il governo di Amalasunta e la Chiesa di Roma. Siena, 1901.

возлагал также и на канцелярию королевского суда. В случае попустительства незаконным захватам знатью чужого имущества чиновники канцелярии наказывались лишением королевских милостей и всего, что они незаконно приобрели от подобной сделки с одной из тяжущихся сторон (C a s s. Var., IX, 18. 3). В эдикте вновь особо оговаривались строгие меры против самовольной установки могущественными лицами своих tituli на чужой земле (C a s s. Var., IX, 18. 2).

Вместе с тем эдикт Аталариха указывает и на дальнейший рост политического влияния феодализирующейся знати на местах и слабость местной администрации, ибо он вновь подтверждает предписание правительства Теодориха о передаче в ведение центральной власти (в лице королевских сайонов) разбора дел тех представителей знати, которые не повиновались решениям местных судей (C a s s. Var., IX, 18. 1).

Другой важной задачей, стоявшей перед правительством Амаласунты в сфере внутренней политики, являлась настоятельная необходимость успокоения волнений народных масс. С этой целью сразу после вступления на престол Аталариха были изданы особые манифесты, в которых остготская правительница обращалась с призывом к жителям Рима и провинций Италии, Далмации и Галлии, прекратить волнения (C a s s. Var., VIII, 3—5, 7). Свой призыв Амаласунта подкрепляла обещанием королевских милостей (C a s s. Var., VIII, 7). Опасаясь вводить новые налоги, правительство регентши усиленно подчеркивало, что для пополнения казны оно намерено проводить такие меры, которые не затрагивали бы интересы населения. Так, в рескрипте правителю Бруттия о разработке месторождения драгоценных металлов в королевской массе Рустициан (ad massam Rusticianam) читаем: «Для чего лежать без обработки тому, что может стать имуществом, добытым честным путем: искать золота посредством войны — дурно; плавать по морям из-за него — опасно; получать обманом — нечестиво; добывать же у самой природы — справедливо» (C a s s. Var., IX, 3.5).

Так же как и при Теодорихе, правительство, опасаясь народных волнений, вынуждено было принимать меры по оказанию некоторой помощи беднейшему населению во время частых в то время голодовок (C ass. Var., IX, 13. 1—2; ср. ibid., IX, 5.1—2). Но несмотря на уступки регентши, недовольство народных масс не прекращалось и особенно ярко проявлялось в Южной Италии и Сицилии.

Сицилийцы неисправно платили налоги, изнемогая под тяжестью поборов. Своекорыстные действия правителей Сицилии Виктора и Витигискла вызвали серьезное и справедливое недовольство населения. Опасаясь вспышки народных волнений

а этом острове, правительство Амаласунты пошло на уступки жителям Сицилии и временно освободило их от уплаты налогов, а нерадивым правителям угрожало наказанием за небрежность и несправедливое отношение к населению (Cass. Var., IX, 10—12). Недовольство населения Италии доходило до того, что в народе открыто бранили малолетнего короля (Cass. Var., IX, 18. 2).

Положение правительства Амаласунты осложнялось еще и тем, что среди высшей остготской военной знати росли оппозиционные настроения. Оппозиция правительству Амаласунты была настолько сильна, что борьба двух группировок остготской знати, имевших противоположную политическую ориентацию, во многом наложила свой отпечаток на весь период правления этой остготской королевы.

Основной социальной опорой регентши Амаласунты являлась та часть остготской знати, которая стояла за сближение с римско-италийским населением и Восточной Римской империей. Ее поддерживала также перешедшая на сторону остготов часть римской аристократии, принимавшая значительное участие в государственном управлении.

По настоянию именно этих кругов остготской и римской знати новое правительство прежде всего обратилось к восточно-римскому императору с просьбой о мире и дружбе. От имени Аталариха в Константинополь были отправлены послы, которые извещали императора Юстина о вступлении на престол юного правителя и просили о сохранении мира. Для укрепления мирных отношений с империей были пущены в ход такие аргументы, как напоминание о прежней дружбе Теодориха с восточными императорами, об их родстве с домом Амалов [4] и даже малолетство Аталариха, вступающего теперь под защиту и покровительство могущественного императора. «Не чужой человек, а твой близкий родственник просит у тебя мира».— писал остготский король императору Востока, расточая обещания в вечной дружбе и верности (Cass. Var., VIII, 1 . 4). Конечно, подобная политика по отношению к империи отнюдь не могла импонировать остготской военной знати, так же как меры нового правительства в защиту земельных владений римской аристократии не могли нравиться крупным остготским землевладельцам, посягавшим на земли римлян. Поэтому тем социальным кругам, которые поддерживали Амаласунту, противостояла влиятельная группировка остготской военной знати, недовольная политикой уступок римской аристократии и сближением с Восточной Римской империей.

---

[4] Это родство основывалось на усыновлении Теодориха императором Зиноном, а отца Аталариха — Евтариха — императором Юстином.

Амаласунта все время принуждена была лавировать между двумя борющимися группировками и порою даже идти на уступки готской «военной» партии. Так, например, уже в 527 г. ей пришлось произвести серьезные перемены в составе высших сановников государства и заменить сторонников сближения с римской аристократией представителями тех политических кругов, которые стояли за проведение независимой политики по отношению к Восточной Римской империи. Новый префект претория Авиен, правда, принадлежал к высшей римской аристократии, но был сыном Фавста, главы проготской сенатской партии, враждебной Византии. В этой же связи следует отметить и назначение Опилиона, брата Киприана, обвинителя Боэция, главой comitiva sacrarum largitionum и возведение самого Киприана, которого ненавидели все сторонники Боэция, в сан патриция, а позже (по-видимому, в 528 г.) назначение его на должность magister officiorum в качестве преемника Кассиодора [5].

Вполне возможно, что эти уступки готской партии были вызваны широким общественным резонансом, который имела победа остготов над гепидами, напавшими на Сирмий (около нынешней Митровицы Сремской) при прямом подстрекательстве империи [6]. Эта победа чрезвычайно окрылила вождей оппозиции из числа военной готской знати и обострила их недовольство политикой равеннского двора. Они, в частности, не позволили Амаласунте воспитывать своего сына Аталариха по римскому образцу: «наиболее высокопоставленные» остготы настояли на том, чтобы Аталарих забросил науки и предался военным упражнениям в кругу сверстников из числа знатных остготских юношей. Опасаясь за свою жизнь, королева принуждена была уступить, и Аталарих вскоре целиком подпал под влияние готской «национальной» партии и вышел из повиновения матери (Procop. BG, I, 2. 8—20).

Но этим дело не ограничилось, и против королевы Амаласунты вскоре был составлен заговор остготской знати, во главе которого стояли три весьма знатных и влиятельных вождя, имена которых история нам, к сожалению, не сохранила. По словам Прокопия, «варвары уже открыто восставали против нее и без стеснения требовали, чтобы она, женщина, сложила царскую власть» (Procop. BG, I, 2. 20—21).

---

[5] Cass. Var., VIII, 16—22. Anon. Vales., XIV, 85. См. E. Stein. Histoire., t. II, p. 329. Л. М. Гартман (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 234 f.) видит в этих событиях борьбу не реальных политических группировок, а абстрактных государственных тенденций; результатом этой борьбы явилось, по его мнению, «отклонение от норм готской государственности», проявившееся в том, что тот стал членом сената, а римлянин (он имеет в виду Либерия) был наделен воинскими функциями.

[6] E. Stein. Op. cit., t. II, p. 329.

К этому же времени крайне осложнилось международное положение Остготского королевства. Основная опасность ему грозила от франков, чрезвычайно усилившихся в 30-х годах VI в. Весьма натянутыми были и отношения остготского правительства с королевством вандалов, где в это время власть находилась у короля Гелимера и «национальной» партии сторонников разрыва с Восточной Римской империей, враждебно относившихся к Остготскому королевству [7]. Ясно, следовательно, что королева Амаласунта в борьбе с оппозицией готской знати не могла рассчитывать на помощь со стороны других германских государств, и это, естественно, также толкало ее на сближение с империей.

В такой трудный момент Амаласунта проявила незаурядную силу воли, хитрость и находчивость. В 532 г., чтобы уничтожить оппозицию готской знати, она удалила из столицы трех главных руководителей заговора. «Выбрав трех человек,— говорит Прокопий,— из числа варварской знати, являвшихся виновниками возмущения против нее, она велела им отправиться к границам Италии, и не всем в одно место, по возможно дальше друг от друга». Удаление вождей заговора было проведено правительством Амаласунты под предлогом необходимости защиты границы Остготского королевства от нападений внешних врагов. Однако эта мера не принесла желаемого успокоения, и движение против регентши продолжалось. «Тем не менее эти люди все-таки поддерживали связь друг с другом благодаря своим друзьям и родственникам, которые, несмотря на длинный путь, все еще приходили к ним; и они продолжали организовывать все, что было нужно для заговора против Амаласунты» (Procop. BG, I, 2. 21—22).

Доведенная до отчаяния королева решилась прибегнуть к крайнему средству для своего спасения. Она тайно известила Юстиниана о своем намерении покинуть Италию и искать защиты в Византии. Опасность, нависшая над головой дочери Теодориха, была столь велика, что Амаласунта начала деятельно готовиться к бегству, отправив на корабле в Диррахий (ныне Дуррес) с верными ей людьми царские сокровища рода Амалов, которые Прокопий оценивал в 40 тысяч либр золота. Однако, пока у королевы оставалась хоть тень надежды на сохранение власти, она не хотела покидать Италию и трон своего отца. Поэтому одновременно Амаласунта выбрала среди готов нескольких наиболее преданных ей и энергичных людей и поручила им убить вождей заговора (Procop. BG, I, 2. 25—26).

Византийский император с большой радостью узнал о решении Амаласунты бежать в Византию, что открывало для него

---

[7] О противоречиях между Остготским королевством и вандалами см. Ch. Courtois. Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955, p. 197, n. 6.

заманчивые перспективы подчинения Италии в качестве защитника законной наследницы короля Теодориха. Вместе с тем, как сообщает Прокопий, намерение Амаласунты искать убежище при византийском дворе крайне обеспокоило императрицу Феодору, ибо та опасалась возможного брака Юстиниана с красивой наследницей Теодориха, которая принесла бы своему супругу в приданое Остготское королевство. Прокопий утверждает, что из-за этих опасений императрица Феодора настолько возненавидела Амаласунту, что впоследствии даже приняла участие в заговоре, окончившемся убийством правительницы Остготского государства (Procop. H. a. XVI, 1. 4—5).

Но в то время счастье еще раз улыбнулось Амаласунте: вожди оппозиции были по ее приказу убиты, движение обезглавлено и восстание против правительства предотвращено. После этого Амаласунта приказала возвратить в Равенну королевские сокровища, так и не отосланные в Византию (Procop. BG, I, 2. 29).

Разгромив заговор остготской знати, Амаласунта решила еще более упрочить свой союз с той частью римской аристократии, которая уже доказала свою преданность дому Теодориха. С этой целью она летом 533 г. назначила префектом претория Остготского королевства влиятельного представителя этого политического направления Кассиодора. Другие римские аристократы тоже получили назначение на высокие государственные должности. Так, например, в Риме вновь был восстановлен консулат, и потомок древнего рода Децией был назначен консулом на 534 год, хотя до этого в течение трех лет консулов на Западе не было [8].

Кроме того, в угоду римскому сенату остготское правительство приняло меры к возрождению высшего образования в Риме. Согласно особому предписанию правительства, риторам и грамматикам Вечного города вновь было восстановлено в прежнем размере отмененное ранее государственное жалование. «Так как известно,— говорилось по этому поводу в королевском рескрипте,— что награда питает искусство, то мы считаем недостойным лишать содержания учителей юношества». Сенат выступал в качестве защитника интересов римской профессуры, и правительство снова подтверждало право сената назначать своих кандидатов на эти должности (Cass. Var., IX, 21. 2; 5).

Правительство Амаласунты заигрывало не только с сенатом,

---

[8] Знатный римлянин, префект претория Галлии Либерий, известный своей преданностью правительству короля Теодориха, оставаясь префектом, стал одновременно patricius praesentalis, заменив гота Тулуина (Cass. Var., XI, 1. 16). См. об этом E. Stein. Histoire.., t. II, p. 334 sq.

но вновь всячески стремилось наладить отношения и с римской церковью. В частности, для этого с согласия сената в 533 г. был издан особый королевский указ, направленный против коррупции при выборах пап. Это было сделано в целях сокращения расходов папского престола на выборы, ибо расходы достигали таких размеров, что папская курия даже принуждена была продавать священные сосуды (Cass. Var., IX, 15. 2).

К этому же времени (533—534 гг.) относится и упомянутый выше королевский эдикт Аталариха, включавший ряд предписаний, направленных против насилий остготской военной знати и обеспечивающих защиту личности и имущества римлян от притеснений знатных готов (Cass. Var., IX, 18—19). Совершенно очевидно, что столь решительные законодательные предписания, открыто направленные против оппозиционно настроенной остготской военной знати, могли быть изданы лишь после подавления правительством Амаласунты заговора готской партии и расправы с главными вождями движения.

Борьба между этими политическими направлениями в среде варварской знати, обусловленная двумя характерными для эпохи тенденциями социально-экономического развития, о которых мы говорили выше, велась не только внутри остготского общества, но и в других варварских государствах. Так, в государстве вандалов группировавшиеся вокруг короля Хильдерика сторонники сближения с империей потерпели поражение от «национальной» партии, и в 530 г. королем стал Гелимер, сторонник независимой политики [9].

Эти события не могли не отразиться на взаимоотношениях Остготского и Вандальского королевств. Внутренняя политическая и социальная борьба в этих государствах теснейшим образом переплеталась с внешнеполитическими событиями и во многом определяла их. Естественно, что победа «национальной» партии в Вандальском королевстве не могла не оттолкнуть от него правительство Амаласунты, только что пережившее жестокую схватку с оппозиционными кругами остготской знати внутри своего королевства. Поэтому Амаласунта не только не поддержала Гелимера, когда на Вандальское королевство напали византийские войска, но даже фактически оказала значительную помощь империи в завоевании Северной Африки, разрешив Велисарию снабжать свою армию продовольствием из Сицилии, а также предоставив ему коней и опорные пункты для нападения на Вандальское королевство [10].

---

[9] См. З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, т. VI, 1953, стр. 94 сл.

[10] Procop. BG, I, 3. 22—24; ср. Procop. BV, I, 14. 5—6. См. об этом также G. Romano, A. Solmi. Le dominazioni barbariche in Italia. Milano, 1940, p. 224.

Подобная внешнеполитическая линия остготского правительства была чревата тяжелыми последствиями для самого Остготского королевства. Эта политика окончательно лишила остготов возможного союзника в лице королевства вандалов, и разгром византийскими войсками вандалов в Северной Африке уже являлся прелюдией к завоеванию Италии. Это хорошо сознавали сами современники этих событий. Так, например, комит Марцеллин ставит завоевание Византией Северной Африки в прямую связь с походом в Италию. «После того,— пишет он,— как Карфаген и Ливия с ее королем Гелимером были покорены Велисарием, император стал помышлять о Риме и Италии» (Marc. Chron. add., a. 535).

Но эта по существу предательская по отношению к государству вандалов политика правительства Амаласунты вызвала новое возмущение остготской военной знати. Оппозиция против королевы подняла голову. Улиарий, комит готов в Неаполе, оказал помощь гуннам — перебежчикам, дезертировавшим из армии Велисария в Северной Африке и нашедшим приют в Италии [11]. Этим он продемонстрировал свое сочувствие вандалам и недоброжелательство к империи. В то же время остготские войска, расквартированные в Сицилии, заняли Лилибей (ныне Марсала), некогда уступленный вандалам королем Теодорихом, на который теперь претендовал Велисарий, как на владение государства вандалов, завоеванного его войсками (Procop. BV, II, 5. 11—17). Захват Лилибея был тоже своего рода демонстрацией враждебных чувств к империи со стороны остготских военных командиров.

Тогда правительство Амаласунты поняло, что сопротивление оппозиции военной остготской знати, хотя и было временно сломлено, но далеко еще не уничтожено. Поддерживающие Амаласунту политические группировки прекрасно сознавали непрочность ее власти и решили вновь пойти на некоторые уступки оппозиции. Это было вызвано еще и тем, что победы византийского оружия в Северной Африке значительно подняли дух враждебной к остготам римской аристократии и римского духовенства, поддерживавших ранее Боэция и Симмаха в их борьбе против владычества остготов в Италии. Высшая сенаторская аристократия и духовные сановники ортодоксальной церкви с ненавистью и презрением относились к той части римской

---

[11] Procop., BG, I 3.15. Прокопий, правда, полагает что это было сделано не без ведома Амаласунты (Ἀμαλασούνθης οὔτι ἀκουσίου), однако это лишь его домысел. Э. Штейн (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 336) называет «гуннов» Прокопия «болгарами», но судя по собранным Д. Моравчиком данным (Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. II. Berlin, 1958, S. 234), Прокопий никогда не называл протоболгар гуннами: термин Οὖννοι для обозначения болгар появляется лишь с VII в.

знати, которая, подобно Кассиодору и Либерию, сотрудничала с остготами и во многом направляла курс политики остготского правительства при Амаласунте. Внутренняя обстановка в Италии вновь накалилась.

Положение Амаласунты осложнялось еще и смертельной болезнью ее сына, короля Аталариха, никчемного и развратного кутилы, совершенно неспособного к управлению государством (Procop. BG, I, 3. 10—11).

Затруднениями правительницы королевства остготов тотчас не замедлил воспользоваться византийский двор, пристально следивший за всеми событиями, происходившими в Италии. Император Юстиниан с нетерпением ожидал удобного случая для подчинения Остготского государства власти империи. Поэтому он отправил в Италию посольство сенатора Александра с тем, чтобы «тот выяснил и сообщил императору о положении дел Амаласунты». Официально посольство Александра вело переговоры с остготским правительством о возвращении Лилибея, урегулировании вопроса о дезертирах, бежавших из Северной Африки в Италию, и о возмещении убытков, причиненных империи разграблением остготскими войсками города Грацианы во время военного столкновения остготов с гепидами около Сирмия (Procop. BG, I, 3. 14—15). Но одновременно, по данным Прокопия, велись и тайные переговоры между Александром и королевой Амаласунтой о полном подчинении Италии власти империи.

Византийский историк настаивает на том, что якобы во время этих тайных переговоров Амаласунта согласилась отдать во власть Юстиниану всю Италию (Procop. BG, I, 3. 28). Однако можно предположить, что со стороны остготской королевы подобное обещание было лишь политическим маневром, вызванным новым обострением борьбы с оппозицией, и в глубине души она надеялась его не выполнить, так же как и раньше. Дальнейшее поведение королевы Амаласунты подтверждает наше предположение.

Действительно, когда 2 октября 534 г. умер король Аталарих, Амаласунта вновь изменила свою позицию и — возможно, под влиянием сторонников Кассиодора и Либерия — решила пойти на временный компромисс с воинственно настроенными кругами готской знати. Она сделала своим соправителем последнего представителя мужской линии королевского дома Амалов, своего двоюродного брата Теодата, сына Амалафриды, сестры короля Теодориха. Иордан объясняет этот поступок королевы лишь чисто династическими соображениями. «Тогда (т. е. после смерти Аталариха),— пишет он,— его мать, для того чтобы готы не пренебрегали ею из-за слабости ее пола, обдумав все это, объявила ради родства королем своего двою-

родного брата Теодата, вызвав его... из Тусции, где он жил как частное лицо около своих ларов» (Iord. Rom., 367; Get., 305. Ср. Procop BG, I, 4. 4—8; Cass. Var., X, 4. 2).

Выбор в соправители именно Теодата был обусловлен рядом причин. Конечно, большую роль при этом сыграло его происхождение: близкое родство с королевским домом. Для политических кругов, поддерживавших королеву Амаласунту, было очень важно оградить правительство от нападок оппозиции, требовавшей, чтобы правление находилось в руках мужского потомка царского дома Амалов. Но ограничиться только подобными объяснениями не представляется возможным. Определяющим моментом в выборе соправителем именно Теодата, на наш взгляд, является то, что Теодат был в достаточной степени приемлем для придворной партии и сенатской аристократии, поддерживавшей Амаласунту, также и по своей политической ориентации. Об этом прежде всего свидетельствует то, что об избрании Теодата соправителем королевы заранее был осведомлен римский сенат и сенаторы одобрили этот выбор. В своем послании сенату Рима от 534 г. король Теодат прямо указывает на то, что ему самому еще не было известно решение королевы о приобщении его к власти, в то время как сенаторы не только уже знали об этом, но и торопили правительство с выполнением этого решения. Теодат даже считает себя во многом обязанным сенаторам, ибо по их настоянию свершилось то, о чем не осмеливалась просить его душа. Он высоко ценит поддержку и одобрение сената и лицемерно заверяет отцов-сенаторов в том, что он будет полностью единодушен в своем правлении с королевой Амаласунтой, «подобно тому как два светила изливают единый свет» (Cass. Var., X, 4. 1—2).

В то же время Теодат в этом послании всячески восхваляет королеву Амаласунту и подчеркивает, что она снискала уважение первых лиц государства. В единодушии правителей и поддержке сенаторов он видит основной залог прочности власти и достойного управления страной (Cass. Var., X, 4. 7—8).

Об этом же говорится и в послании к сенату самой Амаласунты. Она также заверяет, что в своей политике они с Теодатом будут вполне единодушны и их решения будут едины. Подобно тому как небесные светила, солнце и луна, сменяют друг друга и попеременно освещают своим светом мир, так и правители будут делить труды по управлению государством. Как человеку даны для выполнения его долга две руки и два глаза, так и государству нужны два правителя, действующие согласно (Cass. Var., X, 3. 2).

Среди мотивов, определивших избрание соправителем Теодата, в послании указывается и его широкая образованность, в частности знание им римской литературы и священного писания (Cass. Var., X, 3. 4). Действительно, Теодат, один из крупнейших землевладельцев Тусции, принадлежал к той части остготской феодализирующейся знати, которая уже вкусила плодов римской цивилизации. Этот знатный гот являлся поклонником античной культуры, знал латинский язык и занимался изучением платоновской философии. В то же время он был мало сведущ в военном деле, и его отнюдь не прельщали военные подвиги и сражения (Procop. BG, I, 3. 1; I, 6. 6) Римская образованность Теодата и его заигрывания с сенатом, видимо, импонировали сенаторам и послужили для них залогом его благонадежности и единомыслия с королевой в проведении политической линии на сближение со старой римской аристократией. Вместе с тем, по-видимому, Теодат был достаточно лоялен и по отношению к Восточной Римской империи. В этой связи весьма показательны те тайные переговоры, которые еще зимой 533—534 гг. вел Теодат с послами Юстиниана о передаче императору всей Тусции (Τουσκίαν ἐνδοῦναι) в обмен на крупную сумму денег, звание сенатора и обеспечение спокойной жизни в Византии (Procop. BG, I, 3. 4—5; 29) [12].

Однако в характере и в жизни Теодата были такие черты, которые не могли не вызывать опасения Амаласунты и поддерживающей ее придворной остготской знати и римской сенаторской аристократии. Выше (см. стр. 61 сл.) нам уже приходилось говорить о необычайном корыстолюбии племянника «Великого» Теодориха, о его постоянном стремлении расширять свои земельные владения, пуская в ход любые средства, и в первую очередь прямое насилие. «Этот Теодат,— пишет о нем Прокопий,— был владельцем большинства земель Тусции, но он всячески старался насильно отнять и остальную землю у владеющих ею; иметь соседа для Теодата казалось своего рода несчастьем» (Procop. BG, I, 3. 2).

В начале своего правления королева Амаласунта, боясь того, чтобы Теодат не стал во главе антиправительственной оппозиции готской знати, решила купить его лояльность возвращением ему значительной части италийского наследства его матери Амалафриды, перешедшего после ее смерти в ведение фиска (Cass. Var., VIII, 23. 2). Но так как насилия Теодата не прекращались, Амаласунта, не желавшая раздражать своих влиятельных подданных из числа римских землевладельцев

---

[12] О переговорах Теодата с послами Юстиниана см. N. H. Baynes. Justinian and Amalasuntha.— «English Historical Review», 1925, № 157, p. 72 f., где автор занимается преимущественно установлением хронологической последовательности событий 533—534 гг.

Тусции, особенно страдавших от бесчинств ее царственного родственника, вынуждена была потребовать от него возвращения законным владельцам захваченных им земель (Procop. BG, I, 4. 1—3; Cass. Var., X, 4. 4). За это, по словам Прокопия, Амаласунта «заслужила вечную ненависть» Теодата [13].

Поставленная перед необходимостью призвать к власти Теодата, Амаласунта принуждена была вновь закрыть глаза на жадность и корыстолюбие своего родственника. Более того, она должна была убеждать в добродетели Теодата своих подданных, так как хорошо знала, «что сам Теодат, который был последним представителем рода Теодориха, пользовался у готов и италийцев дурной славой» (Procop. BG. I, 4. 6). Для того чтобы успокоить население Италии, Амаласунта в своем послании к римскому сенату особое внимание уделяет восхвалению безукоризненной честности (!) Теодата. Она всячески стремится обелить его в глазах сенаторов, убеждая их в его щедрости, бескорыстии, настойчиво заверяя отцов-сенаторов, что он, «разумно распределяя собственное, не стремится к чужому» (Cass. Var., X, 3. 6). В то же время, чтобы сгладить неприятные воспоминания о столкновениях с Теодатом, Амаласунта старалась оправдать свои требования о возврате захваченных Теодатом чужих земель желанием «очистить его от такого плохого мнения», которое составили о нем готы и италийцы (Procop. BG, I, 4. 6).

Однако королева, по-видимому, отнюдь не хотела уступить своего места Теодату, и поэтому она тайно потребовала от него клятвенного заверения в том, что реальная власть в Остготском государстве по-прежнему останется в ее руках (Procop. BG. I, 4. 8). По ее замыслу Теодат должен был стать лишь шир-

---

[13] Procop. BG, I, 3.3. Это столкновение Теодата с Амаласунтой дало основание Э. Штейну предполагать, что Теодат, лично участвовал в заговоре остготской знати против королевы Амаласунты (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 335). Это предположение Э. Штейна, хотя и заманчиво, но, к сожалению, не доказуемо данными источников. Больше того, против него возникает ряд возражений. Мало вероятно, чтобы королева Амаласунта, которая не могла бы не знать об участии в заговоре такого видного представителя остготской знати, как Теодат, согласилась бы в подобном случае призвать в соправители столь опасного для нее человека Нам представляется более правдоподобным, что Теодат, по своей натуре скорее стяжатель, чем политик, хотя и фрондировал против королевы, недовольный ее вмешательством в его дела, но, как человек трусливый и уже преклонного возраста (Procop. BG, I, 3.1; 6.6), он все же держался в стороне от заговора. В противном случае его имя так или иначе было бы использовано оппозицией. Но этого не произошло, и именно потому, что Теодат во время наиболее ожесточенной борьбы Амаласунты с оппозицией готской знати, по-видимому, отсиживался в своих поместьях и не принимал активного участия в движении против королевы.

мой, необходимой для успокоения готской партии. Править страной она надеялась сама и думала, что Теодат будет достаточно благоразумен, чтобы не мешать проведению прежней политической линии остготского правительства.

Теодат, человек коварный и лицемерный, для виду согласился на все требования королевы (Procop. BG. I, 4. 9) [14]. Однако он отнюдь не собирался выполнять своих обещаний, данных королеве и сенату, и придя к власти, коренным образом изменил свою политику.

При помощи многочисленных и очень влиятельных родственников убитых Амаласунтой вождей оппозиции (Procop. BG, I, 4. 13) он расправился с приближенными королевы, а самое Амаласунту уже видимо в конце октября 534 г. сослал на остров Вольсиненского озера (ныне остров Мартано на Лаго ди Больсена) в Тусции и держал там под стражей. Вскоре, по-видимому 30 апреля 535 г., последовала и трагическая развязка. Иордан так рассказывает о последних днях дочери Теодориха: «Теодат, забыв о родстве, спустя некоторое время удалил ее из равеннского дворца и отправил в изгнание на остров, расположенный на Вольсиненском озере. Там, прожив в печали немного дней, она была задушена в бане его приспешниками» [15].

Гибель Амаласунты была обусловлена не только личными мотивами, но и острой борьбой группировок внутри остготского общества. Смерть королевы означала победу готской партии над сторонниками союза с империей.

Большинство писателей VI в., в том числе Прокопий, Иордан, комит Марцеллин и другие, считают, что предательское убийство Теодатом королевы Амаласунты явилось основной причиной войны Восточной Римской империи с королевством остготов. По-видимому, подобное утверждение являлось в то время официальной версией, поддерживаемой константино-

---

[14] Ср. речь Теодата, произнесенную перед сенаторами и представляющую собой подлинный панегирик Амаласунте (Cass. Var., X, 4.2).

[15] Iord. Get., 306; ср. Rom., 368; Agn., 62; Marc. Chron. add., a. 534; Pauli Diac. Hist Rom., XVI, 12; Consul. Ital., p. 333.

Прокопий в «Тайной истории» утверждает, что Феодора, движимая ревностью к Амаласунте, отдала тайный приказ византийскому послу в Италии Петру любыми средствами устранить опасную соперницу. Хитрый дипломат успешно выполнил приказание своей повелительницы и убедил короля Теодата поскорее убить Амаласунту. За подобную услугу Феодоре Петр был впоследствии возведен в сан патрикия и награжден другими почестями. (Procop. H.a, XVI, 4—6). Возможно, что Прокопий, хорошо осведомленный о тайных интригах константинопольского двора, вполне прав, обвиняя Феодору в соучастии в убийстве Амаласунты. Но вместе с тем очевидно, что в данном случае желания византийской правительницы и остготского короля полностью совпадали, хотя, конечно, и вытекали из различных побуждений.

польским двором. Так, историк готов Иордан, весьма лояльно настроенный по отношению к Византии, пишет по этому поводу следующее: «Когда Юстиниан, император восточный, услышал о смерти Амаласунты, он был так огорчен, что счел убийство тех, кто был под его покровительством [16], личным оскорблением. В это самое время он одержал победу при помощи своего преданнейшего патриция Велисария над африканскими вандалами и, не задерживаясь, когда оружие было еще обагрено кровью вандалов, двинул войско против готов под командованием того же вождя» (Iord. Get., 307). Комит Марцеллин также подтверждает эту версию, указывая, что война в Италии была будто бы лишь мщением Юстиниана за убийство Амаласунты и что «ее смерть император Юстиниан как оплакивал, так и отомстил» (Marc. Chron. add., a. 534; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 12). Стремясь всячески доказать что население Италии ожидало Юстиниана, как своего спасителя, Прокопий особо подчеркивает, что убийство Амаласунты вызвало «огромную печаль среди всех италийцев, а также и готов», и именно вследствие возмущения населения Италии этим преступлением посол Юстиниана Петр Патрикий заявил, что император в наказание за это ужасное злодеяние начнет с остготами беспощадную войну (Procop. BG, I, 4. 28—30).

Однако все то, что мы знаем о внешней политике Юстиниана приводит к выводу, что месть за убийство Амаласунты явилась, лишь предлогом, но отнюдь не причиной начала войны Византии с остготами. Да и сам официальный историограф Юстиниана Прокопий, а также и некоторые другие современники сообщают и о более существенных причинах, толкнувших византийское правительство на войну с остготами. Так, Прокопий, говоря о попытках Юстиниана заключить военный союз с франками против готов, утверждает, что будто бы в своем письме к королям франков император, излагая причины войны с готами, писал: «Захватив силой нам принадлежавшую Италию, готы не только не имели ни малейшего намерения возвратить ее нам, но еще прибавили нестерпимые, неизмеримые обиды. Поэтому мы были принуждены двинуться на них походом, и было бы правильно, если бы вы помогли нам в этой войне, которую делает общей для нас правая вера, отвергающая арианские заблуждения, и наша общая к готам вражда» (Procop. BG, I, 5. 8—9). Тут, как видим, завоевание Италии рассматривается в первую очередь как акт возврата «законных» владений империи, захваченных узурпаторами остготами.

---

[16] Ранее Иордан говорил, что, когда король «Аталарих достиг юношеского возраста, он поручил как свою юность, так и вдовство своей матери покровительству восточного императора» (Iord. Get., 305).

И действительно, вся внешняя политика правительства Юстиниана на Западе, связанная с осуществлением идеи восстановления Римской империи, естественно должна была ставить основной задачей отвоевание центра прежней империи — Италии с ее древней столицей Римом. Следовательно, война с королевством остготов являлась важной составной частью общей борьбы правящего класса Восточной Римской империи за реставрацию на Западе рабовладельческих порядков и ликвидацию завоеваний народных масс, добытых в ожесточенной борьбе предшествующих столетий.

Завоевание Италии имело для Восточной Римской империи чрезвычайно большое и политическое и экономическое значение. Политический престиж Юстиниана как восстановителя Римской империи в прежних ее размерах во многом зависел именно от присоединения этой провинции. Соображения экономического характера также играли немаловажную роль в этих завоевательных планах византийского правительства. Юстиниан надеялся, что покоренная Италия станет источником для выкачивания все новых и новых средств, приток которых поможет значительно укрепить расшатанную экономику империи и поправить ее финансовые дела. Из Сицилии, в частности, правительство рассчитывало получать хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Иордан прямо говорит, что Велисарий захватил этот остров прежде всего как житницу Остготского государства (Iord. Get., 308). Ландольф подчеркивает, что Велисарий был послан в Сицилию для того, чтобы заставить ее платить дань римлянам (Landolf., XVIII, 13). И действительно, мы знаем, что, овладев в самом начале войны Сицилией, Юстиниан тотчас ввел там византийскую финансовую систему и наложил на все население острова подать (Procop. BG, I, 5. 17). Подобную же грабительскую политику византийское правительство проводило впоследствии и в самой Италии.

Все эти факты показывают несостоятельность изложенной выше официальной версии о причинах византийско-остготской войны. Конечно, вполне возможно, что византийское правительство хотело использовать в своих интересах недовольство населения Италии предательским убийством Амаласунты, и в первую очередь недовольство тех социальных группировок, которые поддерживали правительницу и ориентировались на союз с Восточной Римской империей. Поддержка этих кругов италийского общества, особенно помощь римской землевладельческой аристократии и католического духовенства, входила в расчеты Юстиниана и должна была способствовать осуществлению его широких завоевательных планов на Западе. Однако сами эти планы родились и созрели значительно раньше

убийства Амаласунты, и византийское правительство уже давно ждало удобного случая для вмешательства во внутренние дела Остготского королевства. Готовясь к войне против вандалов, византийское правительство сперва всячески заигрывало с остготами, желая обеспечить столь необходимый ему нейтралитет Остготского государства во время завоевания Северной Африки. Но как только победа над вандалами была одержана и Северная Африка казалась покорной власти империи, тотчас взоры византийского правительства обратились к Италии (Marc. Chron. add., a. 535).

Первоначально византийское правительство надеялось использовать внутреннюю социально-политическую борьбу в Италии между проримской и готской «национальной» партиями для подчинения Италии путем дипломатических переговоров и тайных союзов. За несколько лет до этого точно такую же политику оно вело и в Вандальском королевстве, поддерживая сторонников сближения с римлянами и короля Хильдерика против вандальской знати и Гелимера, стоявших за самостоятельную политику Вандальского государства [17]. Тайные переговоры Юстиниана с Амаласунтой о подчинении всей Италии власти империи и переговоры с Теодатом о передаче империи Тусции (см. выше стр. 249) являлись важными дипломатическими шагами в византийской политике «мирного» подчинения Италии.

В этой связи следует обратить внимание на то, что еще до смерти Амаласунты Юстиниан начал вмешиваться во внутренние дела Италии. Так, уже в июне 534 г. он издал закон, обращенный не только к сенату Константинополя, но и к сенату города Рима [18]. Тем самым Рим юридически рассматривался как часть империи, подчиненная ее юрисдикции [19].

Однако когда планы «мирного» присоединения Италии осуществить не удалось, для Византии, у которой были после победы над вандалами уже развязаны руки, оставался один путь

---

[17] См.: З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке..., стр. 94 сл.

[18] C. J., VI, 51 pr. Впрочем, в некоторых рукописях (например, Casinas 49; Berolinensis 273) слова — et urbis Romae — опущены (Corpus Juris Civilis, vol. II, Berolini, 1954, p. 280, n. 12).

[19] Как упоминалось выше, в 535 г., еще до разрыва с Теодатом, византийское правительство демонстративно настаивало на том, чтобы одному монастырю в Италии было пожаловано освобождение от уплаты налогов (Cass. Var., X, 26.2. См. выше, стр. 230). Это, конечно, было сделано с целью привлечения на сторону империи католического духовенства. Столь же демонстративно в том же году император заставил Теодата возместить убытки одной готской женщине, потерпевшей материальный ущерб из-за своего перехода в католичество (Cass. Var., X, 26.3.).

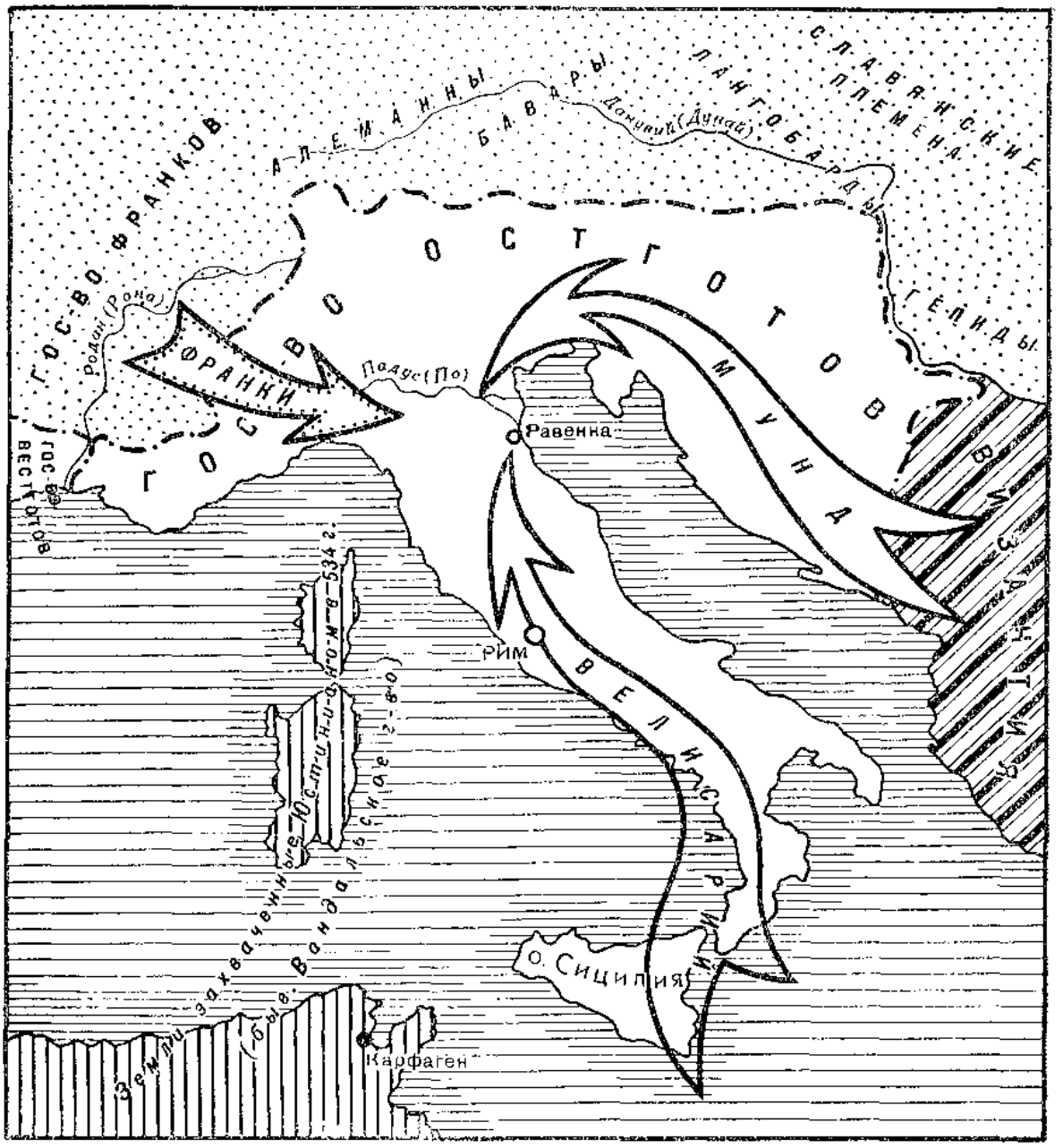


Схема 2. Стратегический план войны Юстиниана в Италии

Условные знаки см. на стр. 14

к восстановлению Римской империи на Западе: война с Остготским королевством. И Юстиниан пошел по этому пути.

Узнав об убийстве Амаласунты, которое давало возможность выступить ему в качестве мстителя за злодеяние, совершенное по отношению законной правительницы Италии, Юстиниан отдал приказ полководцу Мунду занять Далмацию, а Велисария с флотом и небольшой армией отправил для завоевания Сицилии (Procop. BG, I, 5. 1—2). Одновременно посольство императора прибыло в Галлию, чтобы ценой золота купить

союз франков против остготов и франки обещали византийцам свою помощь (Прокоп. BG, I, 5.8—10).

Таким образом, нападение на Остготское государство намечалось осуществить с трех сторон: армия Мунда должна была двинуться на Италию с востока, Велисарий — напасть с юга, а франки — нанести удар остготам с северо-запада.

Война эта, одна из самых тяжелых и кровопролитных войн того времени, началась в июне 535 г.[20] и принесла опустошения стране и огромные бедствия народным массам Италии.

§ 2. Ход войны Византии с остготами в правление короля Теодата (535—536). Социальная борьба в Южной Италии и отношение населения к византийским завоевателям

Начало военных действий было весьма благоприятно для Византии. Полководец Мунд без особого труда занял Салону (ныне Сплит), а Велисарий успешно высадился (видимо, в конце лета 535 г.) в Сицилии и быстро продвигался вперед, захватывая города и крепости этого острова (Прокоп. BG, I, 5.11—16).

Численность византийской армии, высадившейся в Сицилии, была меньше, чем численность имперских войск, участвовавших в экспедиции в Северную Африку. По данным Прокопия, они насчитывали менее 10 тысяч человек, в том числе около 4000 легионеров и федератов, 3000 исавров, вспомогательные варварские войска—200 гуннов и 300 маврусиев и, кроме того, значительный отряд буккелариев Велисария. Под командованием прославленного полководца находились три военачальника: Константин и Бесса из Фракии и ибер Пераний[21]. Бросается в глаза пестрый этнический состав византийской армии. Это обстоятельство отмечал даже историк готов Иордан, который указывал, что Юстиниан поставил Велисария «во главе войска из различных народов (diversarum... nationum) и послал его на завоевание Италии» (Iord. Rom., 368).

Более половины всей экспедиционной армии составляла конница и притом такая, бойцы которой хорошо умели пользоваться не только копьем и мечом, но и луком (даже на полном

---

[20] См. J. B. Bury. History..., vol. II, 168 f.; G. Romano, A. Solmi. Op. cit., p. 226 sg.; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 339.

[21] Прокоп. BG, I, 5.2—5. В русском переводе С. П. Кондратьева (Прокопий. Война с готами, стр. 90 сл.) греческие слова φοιδεράτων и ξύμμαχοι переданы одинаково «союзники», отчего создается ошибочное впечатление, будто гунны и маврусии уже включены в названные выше четыре тысячи стратиотов. О правильном исчислении состава войска Велисария см. J. B. Bury. History..., vol. II, p. 170; E. Stein a Op. cit., t. II, p. 340, n. 2.

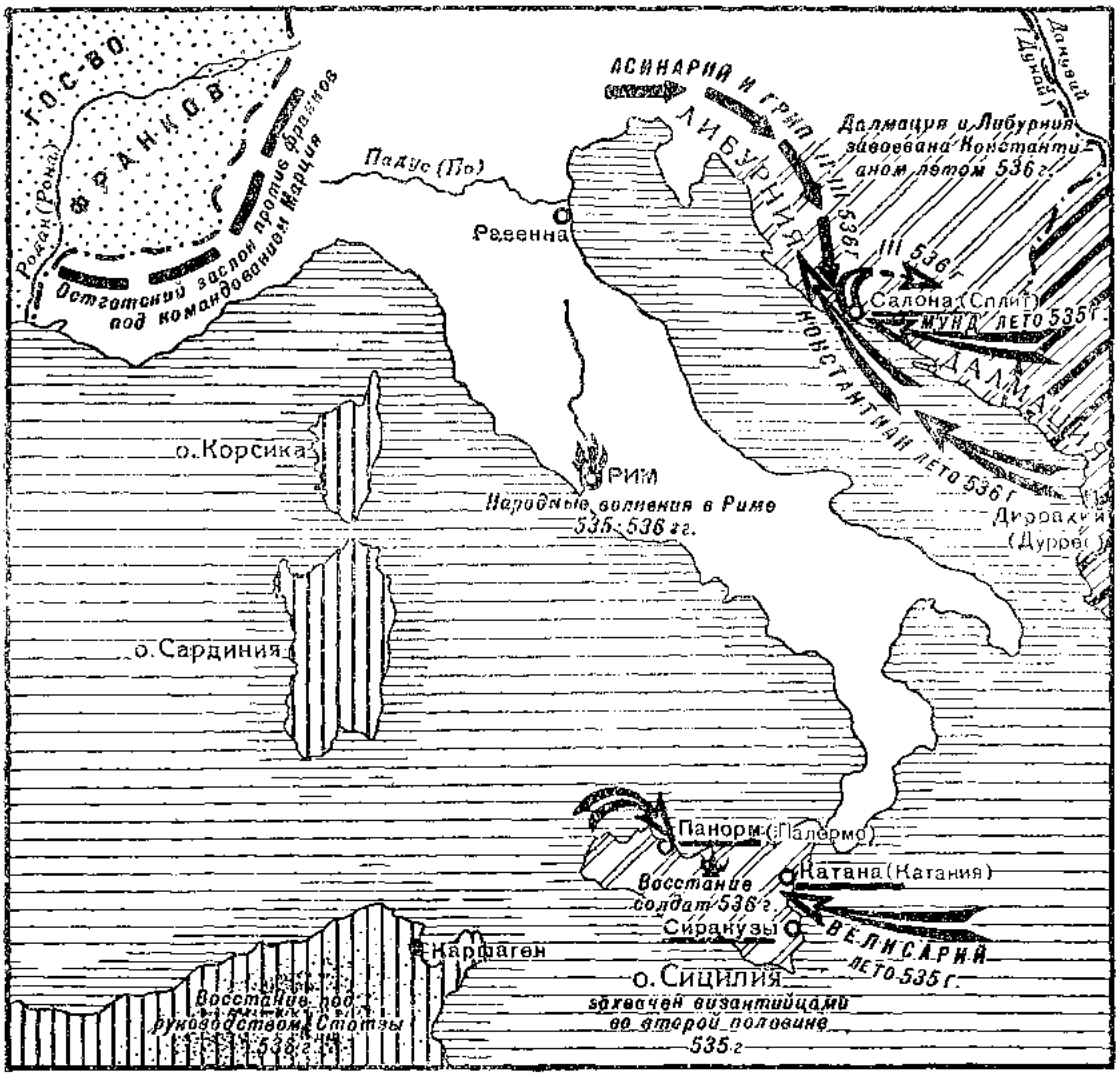


Схема 3. Первый год византийско-остготской войны (июнь 535—июнь 536 г.)

Условные знаки см. на стр. 14

скаку), т. е. поражать врага не только в рукопашном бою, но и на расстоянии. Эту особенность конницы Велисария Ф. Энгельс считал одной из решающих причин его успехов в войне с остготами [22].

Велисарий к этому времени уже был прославленным полководцем, увенчавшим себя лаврами в походах против персов и вандалов. В сражениях Велисарий отличался большой личной храбростью и бесспорным полководческим талантом. Но в то же время этот знаменитый военачальник порой проявлял полное малодушие и растерянность, особенно перед лицом дворцовых интриг, питая страх перед Феодорой и Юстинианом и являясь зачастую игрушкой в руках своей честолюбивой и

[22] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. М., 1957, стр. 188.

лживой жены Антонины. С большой щедростью к своим приближенным Велисарий сочетал тайное корыстолюбие и, постоянно опасаясь немилости императора, стремился скопить побольше богатств за счет ограбления населения завоеванных стран [23].

Все писатели VI в. единодушны в утверждении, что Велисарий быстро и без особого труда овладел Сицилией, почти нигде не встретив серьезного сопротивления. Так, Прокопий сообщает, что Катана (ныне Катания), Сиракузы и другие города сдались византийцам без боя (Procop. BG, I, 5. 12). Данные Прокопия уточняет Иордан, который рассказывает об измене вождя готов Синдериха: «Когда Велисарий вторгся в Тринакрию [24], готы, которые были осаждены в городе Сиракузы, увидя, что они не могут его одолеть, перешли со своим вождем Синдерихом на сторону Велисария»[25]. В Сицилии сопротивление византийским войскам было оказано лишь в Панорме (Палермо). Надеясь на крепкие стены города, сильный остготский гарнизон Панорма отказался открыть ворота византийскому полководцу. Тогда Велисарий приказал своему флоту проникнуть в гавань Панорма, подойти к самым стенам, а матросам взобраться на мачты кораблей и с их высоты поражать стрелами защитников города. Устрашенные нападением византийского флота, готы капитулировали. «С этого времени,— заключает Прокопий свой рассказ о сицилийском походе Велисария,— император имел уже под своей властью всю Сицилию и мог наложить на нее подать». 31 декабря 535 г., в последний день своего консульства, Велисарий торжественно въехал в Сиракузы, «горячо приветствуемый войском и сицилийцами, и разбрасывая всем золотые монеты» (Procop. BG, I,5.12—18).

Успехи византийских войск в Сицилии объясняются целым комплексом причин. Прежде всего, как мы знаем, Сицилия, как и Южная Италия, была как раз той областью, где в бо́льших масштабах, чем на севере, сохранилось римское землевладение латифундиального типа и где вследствие этого значительное политическое влияние еще имели римские рабовладельцы. Очень крупными патримониями располагала на острове и като-

---

[23] Procop. BG, III, 1.3—22; Procop. H. a., I, 11—41; II, 1—37; III, 1—31; IV, 1—45; V, 1—18. В новейшей буржуазной историографии Велисарию посвящена специальная монография французского военного историка генерала Л. М. Шассена (L. M. Chassin. Bélisare, généralissime byzantin (504—565). Paris, 1957), в которой автор чрезвычайно идеализирует Велисария, изображая его создателем армии, будто бы обеспечившей существование империи еще в течение девяти столетий. О начале военных действий см. B. Lavagnini. Belisario in Italia. Storia di un ano (535—536). Palermo, 1948.

[24] Так в древности иногда называли Сицилию.

[25] Iord. Get., 308; Rom., 369. О занятии византийскими войсками Катаны, Сиракуз и всей Тринакрии сообщает также и комит Марцеллин (Marc. Chron. add., a. 535). Ср. Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 15.

лическая церковь. Римская рабовладельческая аристократия и католическое духовенство, по-видимому, во многом способствовали добровольной сдаче крупнейших городов Сицилии войскам Велисария. С другой стороны, гарнизоны готов находились лишь в крупных городах, да и то, видимо, были не очень многочисленны. Кроме того — выше нам уже приходилось об этом говорить — население Сицилии и Южной Италии в бо́льшей степени, чем жители других областей, было недовольно владычеством готов и проявляло еще раньше особую непокорность остготскому правительству. Именно здесь уже при Теодорихе, а затем в правление Амаласунты вспыхивали опасные для остготов народные волнения (см. выше, стр. 208, 240). Поэтому демагогическая политика византийцев, выступавших в качестве защитников и освободителей населения Сицилии и всей Италии от власти остготов [26], имела здесь на первых порах известный успех.

Привлекает внимание, кроме того, и сообщение Иордана о переходе вождя готов в Сицилии Синдериха с его войсками на сторону византийцев. Возможно, конечно, что это произошло под давлением тяжелых обстоятельств и перевеса сил византийцев. Но могло быть и иное. Дело в том, что король Теодат своей трусливой и изменчивой политикой быстро восстановил против себя как проримскую партию и римский сенат, так и готскую военную знать. Поэтому, как мы увидим далее, в армии остготов были случаи прямой измены вождей и перехода их на сторону империи [27]. Вполне возможно, что и со стороны Синдериха имел место умышленный переход к Велисарию, вследствие недовольства политикой правительства Теодата.

А это недовольство росло с каждым днем. Теодат проявил себя настолько ничтожным и неспособным правителем, что оттолкнул даже своих бывших сторонников и приверженцев. Все кратковременное правление этого остготского короля наполнено предательством, резкими и необоснованными колебаниями политики, тайными интригами и закулисными переговорами.

Рескрипты и послания короля Теодата, собранные в «Вариях» Кассиодора, дают возможность проследить изменения в политике нового правителя Италии, во многом дополняя до-

---

[26] Византийское правительство широко использовало эту демагогию для привлечения италийского населения на свою сторону. См., например, Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 15; Lib. Pont., V. Silvet., 3; Procop. BG, I, 8. 13. О Сицилии см. B. Pace. I Barbari ed i Bizantini in Sicilia. Studi sulla storia dell'isola secolo V ad. IX. Palermo, 1911 (estr. dall' «Archivio storico siciliano», XXXV, 1910, p. 33—80; 293—324; XXXVI, 1911, p. 1—76).

[27] Procop., BG, I, 8.3; Iord. Rom., 370; Get., 309; Marc. Chron. add., a. 536.

вольно тенденциозные сведения Прокопия, весьма враждебно относившегося к этому королю. Из этих документов видно, что первое время Теодат стремился завоевать симпатии влиятельных кругов римской аристократии и поэтому хотел загладить свои прежние насилия и вымогательства в отношении римских землевладельцев.

Получив в свои руки управление государством, он готов был ради поднятия своего политического престижа даже несколько поступиться личными выгодами. В этом отношении очень характерно послание Теодата от 534 г. к его «человеку» (homini suo) Феодосию, заведовавшему частными имуществами короля, в котором после риторического и лицемерного вступления, прославляющего умеренность и честность, Теодат запрещает всем лицам, принадлежавшим к «людям короля» и находящимся под надзором Феодосия, совершать какие-либо дерзкие поступки, нарушающие законы. Все судебные дела этих лиц должны рассматриваться в общем порядке и на основании общих законов. Политическая цель этого предписания делается совершенно ясной из заключительной части послания, в которой Теодат прямо говорит, что это необходимо во избежание каких-либо жалоб со стороны населения (Cass. Var., X, 5. 1—3).

Стараясь снискать расположение римской аристократии, Теодат назначает видных представителей сенатской знати на высшие государственные посты. Так, еще летом 535 г. Теодат заигрывал с сенатом, назначив патриция и экс-консула Максима из древнего рода Анициев на видный пост примикерия, или же доместика, и дав ему в жены (с большим приданым) одну из знатных готских девушек, принадлежащую к королевскому дому Амалов [28]. В специальном послании Теодат восхваляет «прославленный во всем мире, благородный род Анициев» и указывает, что родство между королевским домом Амалов и древним родом Анициев знаменует особое расположение нового короля ко всем знатным римским фамилиям. В этом послании, адресованном римскому сенату, особо подчеркивается, что король по своему собственному желанию решил породниться с римской знатью и называть «мужей сенаторского сословия своими родственниками».

Стремясь сохранить за собой славу любителя и знатока римской культуры, Теодат заботился об украшении городов Ита-

---

[28] Cass. Var., X, 11—12. Т. Моммзен (Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. VI. Berlin, 1910, S. 448 f.) высказал предположение, что Максим Аниций был назначен доместиком магистра солдат (magister militum), которым являлся сам король. Об Аницях в IV—V вв. см. RE, Bd. I, Sp. 2199 f. О назначении некоего патриция квестором при Теодате см. Cass. Var., X, 7.

лии лучшими образцами античной скульптуры и приказывал разыскивать и сохранять наиболее выдающиеся произведения римского искусства (Cass. Var., X, 30. 8).

Заигрывая с сенатом, Теодат, человек трусливый и совсем неопытный в военном деле, одновременно требовал, по словам Либерата, от римского сената и папы, чтобы они сделали все возможное для предотвращения высадки византийской армии на берега Италии. При этом остготский король якобы даже угрожал не пощадить их жизни, если они откажут ему в помощи (Liberat., Brev. a. 536).

По его настоянию папа Агапит отправился в Константинополь в качестве посла остготского правительства для установления мирных отношений с империей. Однако его миссия успеха не имела, да и сам папа, видимо, не проявлял особого рвения в пользу установления мира между остготским королем и восточным императором, а скорее всего вел двойную игру, стремясь прежде всего добиться от Юстиниана признания независимости Римской церкви [29]. Павел Диакон считает, что посольство папы Агапита было отправлено с целью добиться у Юстиниана прощения Теодата за убийство Амаласунты. «Теодат же,— пишет Павел,— почувствовав, что в лице императора он приобрел врага, посылает благочестивого папу Агапита в Константинополь с тем, чтобы тот добился от Юстиниана прощения его преступления» [30]. Первоисточником этой версии, безусловно, является «Жизнеописание Агапита», в котором подробно излагается история посольства папы Агапита к Юстиниану, приведшего к крупному столкновению папы с императором по вопросам веры и закончившегося смертью Агапита в Константинополе. Папа Агапит умер (22 апреля 536 г.), так и не выполнив поручения короля Теодата [31].

Расправа с королевой Амаласунтой и ее приближенными и усиление при равеннском дворе сторонников готской партии не могли не вызвать недовольства, а затем и сопротивления сенаторской аристократии Италии. Конечно, это недовольство еще более подогревалось и извне, со стороны агентов Восточной Римской империи. Кроме того, успехи византийского оружия также способствовали активизации внутри Италии сторонников империи. Поэтому не удивительно, что в источниках сохранились прямые, хотя и не очень ясные, сведения об открытых выступ-

---

[29] Lib. Pont. V. Agapeti, 2—5; Marc. Chron., add., a. 535; Vict. Tonnen., a. 540. Посольство папы Агапита было отправлено, видимо, в октябре-декабре 535 г.; см. J. B. Bury. History..., vol. II, p. 172, n.1.

[30] Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 13.

[31] Liberat. Brev., cap. 21, p. 135; Marc. Chron. add., a. 535. Vict. Tonnen., a. 541; Lib. Pont. V. Agapeti, 6; Cass. Var., XII, 20. 1.

лениях сенаторской оппозиции против правительства короля Теодата. Так, уже в своем послании от 535 г. король Теодат горько сетует на непокорность римского сената. Он упрекает сенаторов за смуты, возникшие в Риме, и возлагает на них всю ответственность за эти волнения. При этом остготский король выражает опасения, что волнения и беспорядки в Риме могут послужить дурным примером и для населения других городов в провинциях Италии. Король особенно сожалеет о том, что ему приходится подозревать людей «знатных» и «почтенных», и высказывает надежду, что они вновь докажут свою преданность правительству (Cass. Var., X, 13. 1—6).

Но, по-видимому, Теодат далеко не был уверен, что отцы-сенаторы изъявят свою покорность, и поэтому он, наряду с различного рода увещеваниями и обещаниями прощения, пускает в ход и угрозы. В частности, в одном из посланий он прямо писал, обращаясь к сенаторам, что им лучше подчиниться по собственной воле, нежели под принуждением страха (necessitate terroris.— Cass. Var. X, 13. 5—6).

Однако вскоре под давлением тяжелых обстоятельств Теодат вновь полностью капитулирует перед римским сенатом и через своих уполномоченных приносит сенату клятвенные обязательства, гарантирующие личную неприкосновенность сенаторов. Об этом было объявлено в королевском послании сенату, написанном в том же 535 г. Теодат призывает римских сенаторов, получив гарантии безопасности, доказать свою верность остготскому королю и его правительству (Cass. Var., X, 16. 1—2). Неустойчивый и слабый правитель в своих отношениях с сенатом все время переходит от заискивания к угрозам, а затем опять расточает сенаторам всяческие милости и обещания.

В это же время наряду с активизацией сенаторской оппозиции усилилось и недовольство народных масс, вылившееся в открытые народные волнения в Риме. В послании короля Теодата от 535 г., адресованном римскому народу, прямо говорится о народных мятежах (seditiones) в Риме, порожденных различными слухами и якобы необоснованными подозрениями (Cass. Var., X, 14. 2).

Вполне возможно, что эти волнения подстрекались самими сенаторами и разжигались различными слухами, сеявшимися в народе. Однако сам факт народных выступлений против правительства Теодата весьма симптоматичен.

Остготское правительство было сильно обеспокоено также и растущей рознью между римлянами и готами. В королевском послании явно чувствуется боязнь того, что население Рима может перейти на сторону византийцев. Поэтому король Теодат всячески стремился выставить остготов защитниками рим-

лян, охраняющими их жизнь и имущество, рассеять страх и недоверие населения Рима к вооруженным отрядам остготских воинов. «Неужели, — пишет король, — вас испугал небывалый вид племени; почему вы испугались тех, которых до сих пор вы называли родственниками? Это ведь те, кто, покинув свои семьи, торопились прийти к вам, беспокоясь о вашей безопасности». «Препятствуйте врагам вашим, а не защитникам», — увещевает остготский король римский народ. Упрекая римлян в черной неблагодарности к своим защитникам, Теодат в то же время расточал всяческие обещания оказать милости и помощь тем, кто «сейчас подавлен какой-либо несправедливостью» (Cass. Var., X, 14. 3—4).

В другом послании к римскому народу, относящемся также к 535 г., король пошел на еще более значительные уступки населению Рима, ибо народные волнения в городе продолжались. Признавая, что остготское правительство находится в тяжелом положении, Теодат убеждал римский народ не волноваться и через своих уполномоченных клятвенно подтверждал все прежние права и привилегии римлян. Остготский правитель торжественно клялся в том, что будет выполнять все свои прежние обещания, данные римскому народу, но взамен требовал от него доказательств его преданности [32].

Однако брожение среди населения Рима не было окончательно успокоено, а сенат по-прежнему продолжал фрондировать против остготского правительства, поэтому король Теодат решился наконец прибегнуть к силе. По совету военной остготской знати он направляет в Рим войска под командованием майордома Вакка [33]. И хотя в специальном послании к римскому сенату Теодат заверяет, что «оружие готов предназначено для спасения римлян» и для охраны города Рима, «подобного которому нет во всем мире» (Cass. Var. X, 18. 1), ясно, что остготские войска были посланы в Рим не только для защиты от возможного нападения византийцев, но и для воздействия на непокорное население и оппозиционно настроенный римский сенат.

Но остготское правительство действовало пока что все же с некоторой оглядкой и не желало слишком раздражать население. В связи с этим в королевском послании особо оговари-

---

[32] Cass. Var., X, 17. 1—2. При этом король подчеркивал, что он принял это решение, склонившись на просьбы римлян, с целью рассеять их ложные подозрения. «И поэтому, — пишет он, — хотя это кажется несоответствующим нашему высокому положению, мы охотно и спокойно решили сделать то, что, как знаем, желает все население». Ср. П. Кудрявцев. Судьбы Италии..., стр. 63 сл.

[33] Вакка (Wacca, *acc.* Uiaccensem. — Cass. Var., X, 18. 2; ср. dux Gothorum Οὐάκις. — Procop. BG, 1, 18. 39).

валось, что для войск, посланных в Рим, будет налажена на специальном рынке продажа всего необходимого, чтобы устранить возможность грабежа со стороны воинов и не причинять ущерба населению. Вакку был дан приказ предупреждать возможные эксцессы и строго наблюдать за тем, чтобы его воины не совершали насилий над жителями. Остготские отряды были расквартированы в удобных местах, по вне самого города. «Вас защищают,— заявляет в послании остготский король,— чтобы вражеское войско вас не окружило; и мы устраняем опасность от тех, кого мы защищаем кровью наших близких» (Cass. Var., X, 18. 2—3).

Таким образом, в начале войны Восточной Римской империи с государством остготов известная часть населения Италии была настроена явно враждебно по отношению к остготскому правительству. Эти настроения нашли свое выражение как в добровольной сдаче Велисарию ряда городов Сицилии, так и в народных волнениях в Риме. И если мы вспомним все то, что было сказано выше о классовых противоречиях в Остготском государстве в период, предшествующий войне, вполне закономерным будет предположить, что в основе этих настроений лежала не только племенная рознь между остготами и римлянами, о чем прямо говорится в одном из посланий короля Теодата, но и недовольство народных масс Италии притеснениями остготской и римской знати.

Как ни лавировал в этих обстоятельствах Теодат, пуская в ход то кнут, то пряник, положение его оставалось крайне тяжелым. Именно поэтому, быть может, Теодат решил пойти на соглашение с Восточной Римской империей. Видимо, в конце 535 г. или в самом начале 536 г. в Рим прибыл посол императора Юстиниана Петр Патрикий [34], и Теодат тайно предложил ему заключить мирное соглашение с империей на следующих условиях: 1) Остготское правительство признает законным переход всей Сицилии под власть империи. 2) Остготы обязуются посылать Византии ежегодно золотую корону весом в 300 либр золота и поставлять, в случае необходимости, 3 тысячи солдат в армию императора. 3) Католическому духовенству и римским сенаторам — политическим союзникам империи внутри самой Италии — гарантируется личная и имущественная неприкосновенность. По словам Прокопия, этот очень важный с политической точки зрения пункт проекта договора гласил

---

[34] Об источниках сведений Прокопия о посольстве Петра Патрикия и его переговорах с Теодатом см. E. Schwartz. Zu Cassiodor und Procop.—«SB der Bayer. Akad. der Wiss. Phil.-hist. Abt.», 1939, № 2; ср. B. Rubin. Procopios von Kaisareia, eine Zentralgestalt der oströmischen Geschichtsschreibung.—«Forschungen und Fortschritte», Jg. 29, 1955, H. 1, S. 23.

следующее: «Сам же Теодат не будет иметь права убивать кого бы то ни было из духовенства или сенаторов или конфисковать их имущество без согласия императора» (Procop. BG, I, 6. 2). Политически не менее важным было и другое условие, согласно, которому остготский король лишался серьезной прерогативы возведения кого-либо в сан патрикия или в другой сенаторский ранг. Он мог только представлять на утверждение императора те или иные кандидатуры, но право окончательного решения оставалось за императором (Procop. BG, I, 6. 3). Это лишало остготского короля одной из возможностей привлекать на свою сторону клевретов из числа знати. В то же время восточный император мог награждать высшими отличиями своих сторонников в Италии. Таким образом, остготский король фактически признавал верховную власть императора, что находило свое выражение и во внешних знаках почтения: во время приветствий в театрах и на ипподромах имя императора должно было провозглашаться первым, ему воздвигались статуи и т. п. (Procop. BG, I, 6. 4).

По словам Прокопия, Теодат, напуганный успехами византийских войск и недовольством в стране, предложил Петру Патрикию заключить еще тайный договор, по которому он обязывался, в случае если Юстиниан откажется подписать мир на указанных выше условиях, передать императору управление Италией, продав свою корону и свои владения за крупную сумму в 1200 либр золота ежегодного дохода (Procop. BG, I, 6 . 6). Для заключения этого договора Теодат отправил в Византию вместе с Петром Патрикием духовного сановника, римлянина по происхождению и преданного ему человека по имени Рустик [35]. Получив в феврале 536 г. предложения Теодата, Юстиниан полностью принял их и обещал Теодату, кроме просимого, пожаловать еще высшие звания Византийского государства. Для осуществления и оформления соглашения император отправил в Италию опять того же Петра Патрикия и Афанасия. Управление Италией должно было быть передано Велисарию (Procop. BG, I, 6. 22—27).

Но когда в апреле 536 г. посольство императора явилось к Теодату, он полностью переменил свою позицию и отказался от какого-либо соглашения с Византией (Procop. BG, I, 7. 11; 13—25).

Основной причиной этого резкого поворота внешнеполитического курса правительства Теодата были прежде всего успехи остготского оружия. Остготские военачальники Асинарий

---

[35] Procop. BG, I, 6.13. О посольстве Рустика см. L. Ginetti. La legazione di Rustico a Bisanzio e le Variae di Cassiodoro, X, 19—24; XI, 13. Torino, 1902. Ср. H. Leutholf. Untersuchungen zur ostgotischen Geschichte der Jahre 535—537. Jena, 1908, S. 40.

и Грип одержали победу над имперским полководцем Мундом вблизи Салоны, при этом сам Мунд и его сын пали в сражении. Византийская армия покинула Далмацию, и остготские войска заняли в этой стране ряд укрепленных пунктов, хотя и не решились войти в Салону из-за недоброжелательного, по словам Прокопия, отношения к ним жителей этого города (Procop. BG, I, 7.1—10).

Второй важной причиной, способствовавшей поднятию воинственного духа остготского правительства, были известия о серьезных затруднениях византийцев в Северной Африке. Крупное народное восстание в недавно завоеванной провинции, возглавляемое талантливым вождем Стотзой, парализовало наступательные действия византийской армии из Сицилии и отвлекло самого Велисария, спешно отплывшего в Северную Африку для подавления этого движения [36]. Неудачи византийцев в Северной Африке, естественно, были с радостью встречены всеми противниками Восточной Римской империи в Италии. В связи с этим Теодат, по-видимому, серьезно опасался, что против него может вспыхнуть восстание в остготской армии, если станет известно о его тайном соглашении с империей. Тогда Теодат, постоянно переходивший в своих действиях от «безграничного страха» к «чрезмерной дерзости», стал всячески третировать византийских послов и по ложному обвинению бросил их в темницу (Procop. BG I, 7. 25).

В описании Прокопием конфликта между королем Теодатом и византийскими послами Петром Патрикием и Афанасием привлекает особое внимание сообщение византийского историка о том, что император Юстиниан, отправляя послов в Италию, передал с ними, помимо письма к Теодату, еще и послание к вождям остготов (οἱ ἄρχοντες τῶν βαρβάρων) (Procop. BG, I, 7. 21). В этом послании император всяческими обещаниями старался привлечь на свою сторону остготскую знать. Он писал: «Нашей заботой является принять вас в состав нашего государства, конечно, так, чтобы это доставило вам удовольствие. Вы придете к нам не для того, чтобы быть униженными, но чтобы занять еще более высокое положение» (Procop. BG, I, 7. 23). Однако предложения Юстиниана были отвергнуты как Теодатом, так и остготской знатью, и военные действия продолжались.

Для того чтобы демонстративно подчеркнуть полную независимость Остготского королевства от империи, правительство

---

[36] Procop. BV, II, 14.7—42; 15.1—30; Iord. Rom., 369; Marc. Chron. add., a. 535; Vict. Tonnen., a. 541; Landolf., XVIII, 13; Coripp. Iohan. III, 305—320. См. З.В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, т. V, 1952, стр. 15—49.

Италии, вопреки обычаю, заставило сенат чеканить медную монету с изображением короля Теодата, подобным изображению восточного императора [37].

Одновременно остготское правительство пытается внести раскол в ряды сильного союзника империи — католического духовенства, добившись избрания на папский престол, освободившийся после смерти папы Агапита, своего ставленника, диакона Сильверия, сторонника политики сближения между римлянами и остготами [38].

Некоторых успехов добилось в это время остготское правительство и в переговорах с франками. Последние, не отказываясь, правда, от соглашения с империей, обещали помочь остготам, если те уступят им свои владения в Южной Галлии («Провинции», т. е. земли в Провансе) и уплатят большую сумму — 2000 либр золота [39].

Но прежде чем этот договор был оформлен, военное счастье вновь улыбнулось византийцам. Византийский полководец Константиан собрал в Диррахии довольно многочисленное войско и без особого труда захватил Далмацию. В июне 536 г. готские войска отступили оттуда в Равенну. Решающую роль в победе византийцев сыграл их флот, а также и то, что население Салоны относилось к готам враждебно. Одержав победу, Константиан оказался обладателем всей Далмации и Либурнии и, по словам Прокопия, «привлек на свою сторону всех готов, которые жили в этих местах» (Procop. BG, I, 7. 26—37).

К этому времени и Велисарий, пустив в ход как подкуп и демагогические обещания, так и террор, сумел разбить армию повстанцев в Северной Африке и подавить первое восстание Стотзы. «Он,— пишет комит Марцеллин,— войско частью милостями, частью наказаниями отвлек от враждебного тирана и, заботясь о пользе государства, вновь морским путем возвратился в Тринакрию» (Marc. Chron. add., a. 535).

---

[37] F. F. Kraus. Die Münzen Odovacars und des Ostgotenreiches. Halle, 1928, № 28—41. S. 136—137, 145—146. Ср. критические замечания: E. Stein. Op. cit., t. II, p. 345, n. 3.

[38] Lib. Pont. V. Silver., 1; Marc. Chron. add., a. 536; Liberat, Brev., cap. 22; Acta Concil. II, 5, p. 136. При этом в «Жизнеописании Сильверия» говорится, что Теодат сделал это не только из политических, но и из корыстных соображений. «Сильверий,— сказано там,— был выдвинут на папский престол тираном Теодатом без предварительного обсуждения. Теодат, подкупленный большими деньгами, внушил великий страх клиру, угрожая казнить мечом тех, кто не согласится с этим назначением».

[39] Procop. BG, I, 13. 14; Greg. Tur. Hist. Franc., III, 31. Иордан ошибочно пишет, что эта уступка франкам принадлежавшей остготам части Прованса была сделана еще при Аталарихе (Iord. Rom., 367; Get., 305).

Возвращение Велисария в Сицилию было ускорено и тем, что византийский полководец, находясь в Северной Африке, получил тревожное известие о восстании, вспыхнувшем в его отсутствие среди византийских солдат, расквартированных в Сицилии. Это восстание было настолько серьезным, что, по словам Прокопия, оно грозило «привести в беспорядок все дела» (Procop. BV, II, 15. 48). Однако Велисарий сумел быстро подавить это движение и тем самым развязать себе руки для организации наступления на Италию.

Оставив византийские гарнизоны в Сиракузах и Панорме, Велисарий с остальными войсками в июне или в начале июля 536 г. из Мессаны (ныне Мессины) переправился в Регий (ныне Реджио-ди-Калабрия). Сюда к нему стекались окрестные жители, по словам Прокопия, ненавидевшие готов и тяготившиеся их властью (Procop. BG, I, 8.2. Ср. Procop. BV, II, 15. 48). Эти данные Прокопия свидетельствуют о том, что в начале войны часть населения Южной Италии, также как и Сицилии, поддерживала византийцев.

Некоторые представители остготской знати, недовольные правлением Теодата, видя, что военное счастье склоняется к византийцам, также переходили на их сторону. Это является ярким свидетельством глубокого социального расслоения и наличия острой политической борьбы среди остготов в Италии. Наиболее показательным примером подобного, по существу предательского по отношению к своему племени, поведения остготской знати является измена зятя Теодата — Эвримуда, перешедшего к Велисарию со всей своей свитой и получившего от Юстиниана за свое ренегатство много почестей и сан патрикия [40]. Иордан старается оправдать этот поступок Эвримуда безвыходностью его положения и успехами византийского оружия. «Эвримуд,— пишет Иордан,— зять короля Теодата, который как враг вышел навстречу войску (Велисария.— *З. У.*), видя успехи консула, перешел на сторону победителя и убеждал его прийти на помощь изнемогающей и ожидающей его прихода Италии» (Iord. Rom., 370). «Перейдя на сторону противника,— говорит Иордан в другом своем труде,— он припал к ногам Велисария, прося разрешения служить римским императорам» [41].

---

[40] Procop. BG, I, 8.3. Эвримуд был женат на дочери короля Теодата Теоденате. Перейдя на сторону империи, он покинул Италию и переселился в Константинополь.

[41] Iord. Get., 309; Иордан утверждает, что Эвримуд перешел на сторону Велисария в Кампании. Несколько иначе об этом событии рассказывает комит Марцеллин; по его словам, Эвримуд (у него Эбремуд), оставив остготские войска в Бруттии, прибыл к Велисарию в Сицилию (Marc. Chron. add., a. 536).

Из Регия войска Велисария прошли, не встречая никаких препятствий, через области Бруттий и Луканию и вторглись в Кампанию. Но здесь у Неаполя они неожиданно встретили самое упорное сопротивление как со стороны многочисленного гарнизона готов, так и со стороны населения города (Procop. BG, I, 8. 5). Несомненно, следовательно, что даже в Южной Италии далеко не везде население благожелательно относилось к византийцам.

Сведения, сохранившиеся в источниках, об осаде Неаполя византийскими войсками чрезвычайно важны для понимания расстановки классовых сил в Италии в первый период войны и для выяснения отношения различных социальных слоев населения Южной Италии к византийским завоевателям.

Прежде всего привлекает внимание то обстоятельство, что все авторы единодушно говорят об ожесточенном сопротивлении армии Велисария именно самого населения Неаполя, а не только готского гарнизона[42]. Иордан, проявляя верноподданнические чувства к византийскому императору, рассматривает сопротивление жителей Неаполя как восстание против законного правителя и называет граждан Неаполя «восставшими» (rebellantibus) (Iord. Rom. 370).

Несмотря на демагогические увещевания Велисария, убеждавшего неаполитанцев в том, что византийские войска явились в качестве освободителей от ига готов, граждане Неаполя закрыли ворота своего города перед византийской армией[43]. Тогда раздосадованный византийский полководец приказал своим войскам сперва овладеть предместьями города, а затем блокировать Неаполь с суши и моря.

Увидев это, неаполитанцы выслали к Велисарию посольство для ведения переговоров. Послом был отправлен Стефан, один из «знатнейших лиц» города (Procop. BG, I, 8. 6—7). Стефан вел явно предательскую, провизантийскую политику и был сторонником сдачи Неаполя императору. Велисарий ловко использовал подобные настроения части неаполитанской знати и через Стефана расточал гражданам города щедрые посулы,

---

[42] Procop. BG, I, 8.6—11; 22—42; 9.1—2; 8—9; 22—30; 10.25—48; Iord. Rom., 370; Get., 311. Marc. Chron. add., a. 536; Lib. Pont. V. Silver., 3; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 16; Landolf., XVIII, 14; Fasti Vindob., 697. Г. Мосс полагает, что причина сопротивления неаполитанцев — это нежелание торгового населения города впустить армию гуннов, исавров и славян, более опасную, чем готы (H. St. Moss. La naissance du moyen âge. Paris, 1937, p. 135). Дальнейшее изложение покажет, надеемся, односторонность и тенденциозность этого объяснения. В действительности же сопротивление неаполитанцев было обусловлено их враждебным отношением к Византийской империи.

[43] Lib. Pont. V. Silver., 3; Pauli Diac. Hist. Rom., cap. XVI, 16; Procop. BG, I, 8.6—25.

обещая им «освобождение от рабства», а рвение самого Стефана подкрепил обещанием даровать ему лично «великие блага», если город будет сдан. Гарнизону готов, находящемуся в городе, Велисарий предложил или перейти на сторону императора и вступить в византийскую армию, или спокойно возвратиться по домам. Стефан охотно выполнил поручение Велисария, передав все его обещания гражданам Неаполя, а сам лично высказался за сдачу города, аргументируя это тем, что «бороться с императором — дело опасное». Его поддержал сириец-купец, давно живший в Неаполе, по имени Антиох. Антиох занимался морской торговлей ἐπὶ τῇ κατὰ θάλασσαν ἐργασίᾳ и, по словам Прокопия, пользовался авторитетом у жителей Неаполя (Procop. BG, I, 8. 12—21).

Данные Прокопия об этих событиях свидетельствуют, что во время осады Неаполя внутри города происходила ожесточенная борьба различных социальных группировок, стоявших за и против сдачи города византийским войскам. Из рассказа Прокопия можно выяснить, что сторонниками сдачи города являлись представители неаполитанской знати («знатнейших лиц» города) и восточного (сирийского) купечества, проживавшего в Неаполе и заинтересованного в поддержании морской торговли с восточными областями и в сохранении мира с Восточной Римской империей. Против сторонников союза с империей решительно выступила другая, проготски настроенная часть неаполитанской знати. Возглавляли ее два знатных ритора: Пастор и Асклепиодот (Procop. BG, I, 8. 22). Борясь между собой, эти две группировки неаполитанской знати и купечества должны были серьезнейшим образом считаться и с третьей силой: народом Неаполя.

Решение вопроса о войне или мире с империей происходило на специально созванном собрании жителей (δῆμος), и обе борющиеся партии старались всеми средствами склонить народ на свою сторону. Первоначально это удалось сделать сторонникам сопротивления империи, которые убедили народ в необходимости предъявить Велисарию такие требования, которые он не мог бы выполнить (Procop. BG, I, 8. 23—24). Но когда неожиданно Велисарий принял все требования осажденных, то народ стал склоняться к сдаче города на выгодных условиях «и с большим шумом бросился к воротам, чтобы их открыть» (Procop. BG, I, 8. 28). Готский гарнизон был не в силах помешать этому, но в это время опять выступили Пастор и Асклепиодот и, собрав в одно место народ и готов, стали убеждать их стойко держаться и не сдавать город византийцам. Они обратились с речью к собравшимся и продолжали убеждать граждан, что не следует торопиться со сдачей города, а надо подождать исхода войны между готами и византийцами и под-

держать победителя. Город хорошо укреплен, снабжен продовольствием, охраняется сильным гарнизоном готов и может выдержать длительную осаду. В подтверждение своих слов «они вывели перед собранием народа иудеев, которые утверждали, что город не будет испытывать никакого недостатка в предметах первой необходимости, а готы решительно заявили, что будут тщательно охранять стены. Под их влиянием неаполитанцы предложили Велисарию возможно скорее уйти отсюда» (Прокоп. BG, I, 8. 41—42).

Таким образом, в результате упорной борьбы в городе победила партия сторонников союза с остготами, поддержанная местной иудейской общиной, пользовавшейся покровительством остготского правительства, особенно в правление короля Теодориха (Anon. Vales., XIV, 81—82). Народные массы, страдая от притеснений остготского правительства и остготской знати, сперва решительно не поддержали готов, но не желая сдавать свой город врагу, они, в конечном счете, выступили за оборону города от войск Велисария.

После неудачи переговоров началась регулярная осада Неаполя византийскими войсками, длившаяся около двадцати дней (Прокоп. BG, I, 10. 36).

Осажденные втайне от византийцев обратились за помощью в Рим к Теодату, но тот бездействовал и оставил Неаполь на произвол судьбы (Прокоп. BG, I, 9. 1). Велисарий пытался взять город штурмом. После неудачи этой попытки он приказал разрушить водопровод, снабжавший город водой; он надеялся, что жажда будет его лучшим союзником и заставит неаполитанцев сдать город. Однако расчеты его не оправдались, ибо внутри города было достаточно колодцев и осажденные не испытывали недостатка воды. Не удались и новые попытки склонить, через посредство того же Стефана, неаполитанцев к сдаче (Прокоп. BG, I, 9. 22—29). «И на этот раз неаполитанцы не испугались и не высказали желания сдаться Велисарию» [44]. Лишь благодаря тому, что одному из исавров случайно удалось открыть путь в город через акведук, византийские войска смогли тайно ночью проникнуть в город. Несмотря на внезапность нападения, граждане города, особенно иудеи, оказали мужественное сопротивление (Прокоп. BG, I, 10. 24—25).

---

[44] Прокоп. BG, I, 9.30. П. Кудрявцев явно преувеличивает степень сочувствия местного населения Южной Италии византийцам. Он ошибочно утверждает, что в Неаполе Велисарию оказал сопротивление лишь готский гарнизон, а граждане «открыли уже сношения с Велисарием даже прежде, чем он подступил к стенам города» (П. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 69). При этом автор сочувствие к Византии Стефана и его сторонников принимает за дружественное отношение к византийцам всего населения города.

Но город был взят (во второй половине ноября 536 г.) и подвергнут страшному разгрому (Procop. BG, I, 10. 29—48).

О разгроме Неаполя византийскими войсками и бесчеловечной расправе с населением города единодушно рассказывают все современные этому событию авторы [45]. Но некоторые из них, например Прокопий, стремятся оправдать грабежи и насилия византийцев местью за погибших во время штурма родственников и друзей. При этом основную вину за чинимые зверства Прокопий возлагает в первую очередь на отряды «варваров», служивших в армии Велисария, а самого полководца стремится всячески обелить и приписывает ему прекращение убийств и усмирение разбушевавшихся солдат [46]. По словам Прокопия, отдав приказ о прекращении избиения неаполитанцев, Велисарий будто бы заявил своим солдатам: «Все их богатства да будут вам наградой за вашу доблесть, но жены с детьми должны быть возвращены их мужьям» (Procop. BG, I, 10 . 33).

Разгром Неаполя византийскими войсками привел к почти полному запустению этого обширного и прекрасного города. Хронист Ландольф передает интересный рассказ о том, что Велисарий по настоянию папы Сильверия впоследствии возвратился в Неаполь и принял энергичные меры к заселению совершенно опустевшего города, переселив в него жителей окрестных городов и вилл. Велисарий, пишет Ландольф, «поселил там жителей из Кум и Путеол, и многих жителей из Либурии, Плайи, Сол, Писцинулы и из местечка Троккла, из Сумм и других вилл, а также жителей Пол и Сирентицы и из виллы, которая называется Стаби, добавил мужчин и женщин и одновременно из населения Цимитерия». Но этого оказалось недостаточно, и Велисарию позднее пришлось переселять в опустошенный город еще пленных из Северной Африки, а также жителей

---

[45] Особенно красочное описание бесчинств византийцев в завоеванном городе сохранило «Жизнеописание Сильверия»: «В это же самое время, сражаясь против города (Неаполя.— *З. У.*), патрикий (Велисарий) вошел в него и под влиянием гнева перебил и готов, и всех неаполитанских граждан, и учинил такой грабеж, что при этом не пощадил даже церкви; и так бесчинствовал, что находившихся там женщин, в том числе и знатных, мужей которых он убил мечом, а сыновей захватил в плен, всех поработил, не пощадив также ни священников, ни рабов божьих (монахов.— З. *У.*), ни святых дев» (Lib. Pont. V. Silver., 3). Павел Диакон, заимствуя этот рассказ из «Жизнеописания Сильверия», допускает ошибку, сообщая, что Велисарий уже в это время воевал против Витигиса, а не Теодата (Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 16). Ср. Iord. Rom., 370; Get., 311; Marc. Chron. add., a. 536. Landolf., XVIII, 14; Fasti Vindob. 697.

[46] Procop. BG, I, 10.29—37. Тут же (§ 37) Прокопий сообщает, что захваченные в Неаполе готы в количестве 800 человек были включены в состав византийской армии.

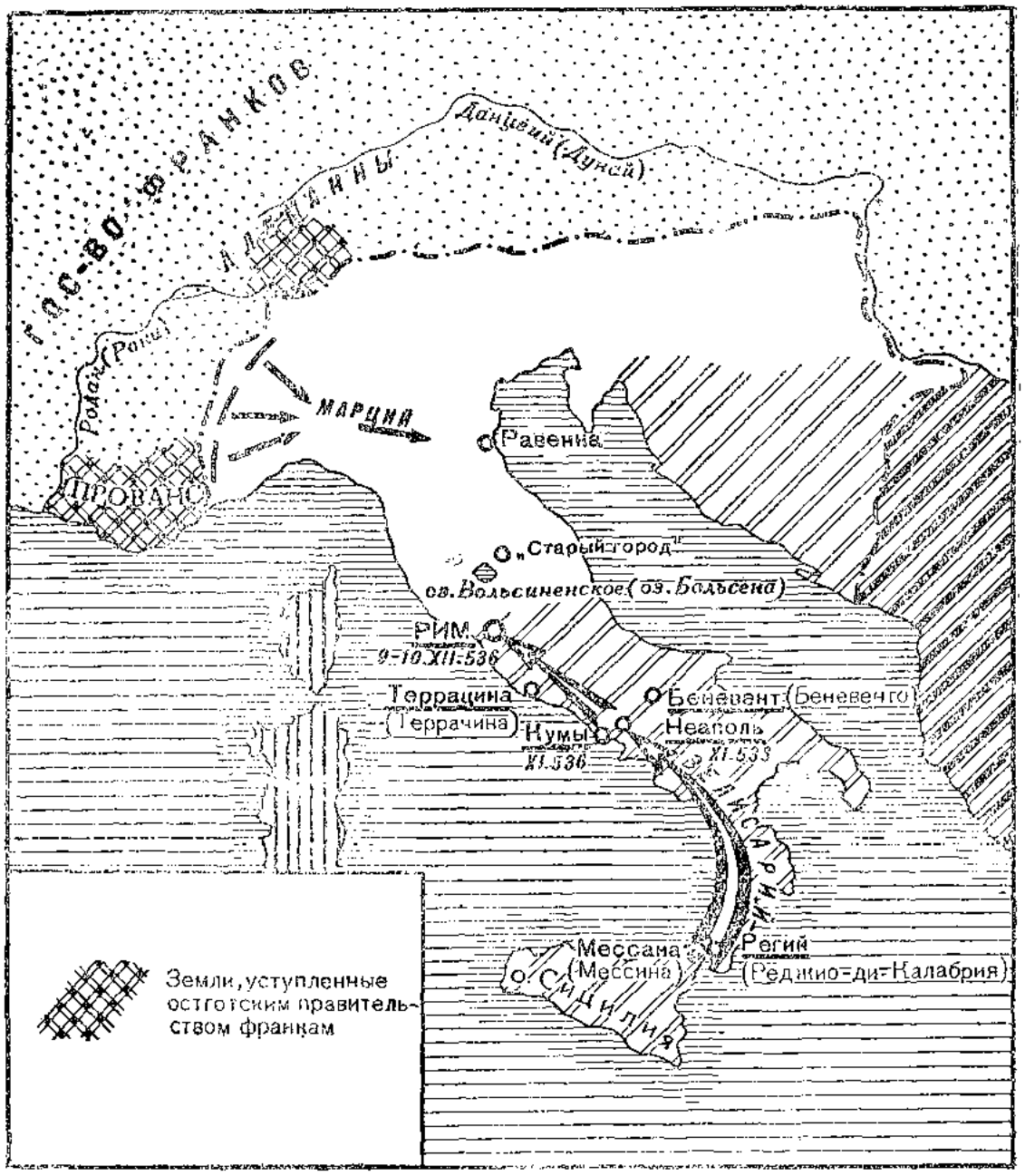


Схема 4. Положение во второй половине 536 г.

Условные знаки см. на стр. 14

Сицилии, в частности города Сиракуз, и некоторых городов и местечек Калабрии и Апулии. Неаполь, заключает Ландольф свой рассказ об этих событиях, ставший собранием народов, пришедших из многих городов, был потрясаем впоследствии постоянными «смутами» и доставлял много хлопот византийским властям (Landolf., XVIII, 15).

Во время этих трагических событий, завершившихся опустошением Неаполя, Теодат продолжал бездействовать, показав полную неспособность приостановить продвижение

Велисария в глубь Италии. Известие о потере Неаполя вызвало страшное возмущение остготской армии, расквартированной близ Рима. У остготов, пишет Прокопий, «было сильное подозрение, что Теодат сознательно хочет предать дело готов императору Юстиниану и что он заботится только о том, как бы ему жить спокойно, собрав возможно больше богатств» (Procop. BG, I, 11. 1). О том, что войско готов подозревало Теодата в измене, сообщают и другие авторы VI в., в частности Иордан (Iord. Rom., 372; Get. 309—310) и комит Марцеллин [47].

В ноябре 536 г. в местечке Регата (или Регета), недалеко от Террацины (ныне Террачина), остготские солдаты в своем военном лагере подняли восстание против Теодата и провозгласили королем одного из своих вождей Витигиса (Procop. BG, I, 11. 5; Marc. Chron. add., a. 536). «Войско готов,— пишет об этих событиях Иордан,— кричало, что Теодата надо лишить царства, а королем избрать их вождя Витигиса, оруженосца (armiger) Теодата, что и было сделано» (Iord. Get., 309). В другом труде тот же Иордан рассказывает, что восставшее остготское войско требовало убрать Теодата, «который кровью и гибелью готов стремится искупить свои преступления». «И произошло восстание (в войске), в результате которого единогласно провозгласили Витигиса королем» (Iord. Rom., 372).

Таким образом, свержение Теодата и избрание Витигиса королем «готов и италийцев» произошло по воле восставших остготских солдат в результате военного переворота, вызванного победами византийцев. Для выяснения вопроса о том, какие социальные круги остготского общества выдвинули и поддержали нового короля, чрезвычайно большое значение имеют данные источников о незнатном происхождении Витигиса. Прокопий прямо говорит, что Витигис был человеком незнатного рода (Procop. BG, I, 11. 5), а Иордан называет его «оруженосцем» Теодата (Iord. Get., 309). При этом Прокопий подчеркивает, что восставшие остготские солдаты избрали Витигиса королем в первую очередь за его военные заслуги, особенно за его военные подвиги при Теодорихе, во время войны с гепидами (Procop. BG, I, 11. 5). Итак, не знатность рода, а опытность в военном деле и популярность в войске проложили Витигису путь к власти. В связи с этим можно предположить, что в отличие от Теодата — представителя высшей остготской знати, которого поддерживал римский сенат — Витигис (во всяком случае, в начале своего правления) пользовался поддержкой прежде всего со стороны рядовых остготских воинов.

Для обеспечения своей власти Витигис первым делом поспе-

---

[47] Marc. Chron. add., a. 536.

нил окончательно покончить со своим соперником — свергнутым королем Теодатом, который, узнав о восстании в войске, попытался бежать в Равенну. По приказу Витигиса один из готских военачальников Оптарис настиг Теодата и убил [48]. По данным историка Равенской церкви Агнелла, Теодат был убит в декабре 536 г. примерно в 20 километрах от Равенны (A g n., 62). Комит Марцеллин добавляет к этому некоторые подробности: «Убив Теодата в местечке, которое называется Квинт и которое расположено на реке Сантерн, Витигис тотчас, пройдя через Тоскану, разграбил все имущество (opes) Теодата, которое тот собрал на острове (Вольсиненского озера) или в Старом городе» [49]. Иордан говорит, что новый король убил Теодата, выполняя волю народа и желание своих союзников [50].

Таков был бесславный конец последнего короля из рода Амалов. Правление Теодата не принесло Италии ничего, кроме тяжкой и неудачной войны, грозившей новыми бедствиями жителям этой страны.

§ 3. Начало правления остготского короля Витигиса. Неудачная осада Рима остготскими войсками.

С первых же шагов своего правления новый король Витигис стремится всячески продемонстрировать коренной поворот всей политики остготского правительства в сторону защиты «национальных» интересов готов и организации деятельной и эффективной обороны страны от византийцев.

Прежде всего он обращается с торжественным посланием ко всем готам. Это послание является как бы королевской хартией, дарующей милости готам и излагающей политическую программу нового правителя при его вступлении на престол. В послании Витигис особо подчеркивает, что он получил королевскую власть не в силу своего рождения, а согласно древнему обычаю готов, избранный по воле всех готских воинов. «Мы объявляем,— сказано в послании,— что родственные нам готы среди воинских мечей, по обычаю предков поднявши на щит, с божьей помощью возложили на нас королевское достоинство, чтобы оружие даровало ту честь, которую породили войны». Стремясь очернить своего предшественника и противопоставить

---

[48] P r o c o p. BG., I, 11.6—9; ср. Cons. Ital., p. 333; C a s s. Var., X, 31.

[49] M a r c. Chron. add., a. 536. Старый город (Urbs vetus)—поселение на месте древних (этрусских) Вольсиний, около современного города Орвието.

[50] I o r d. Rom., 372; Get., 310. Вскоре после убийства Теодата Витигис заключил в тюрьму сына убитого короля Теодегискла (P r o c o p. BG, I, 11.10).

свои воинские подвиги слабости Теодата, Витигис пишет: «Ведь не в тесноте спален, а на широких полях, как вы знаете, был я избран, и не среди вкрадчивых речей льстецов, но среди грома трубных звуков был я найден, чтобы возбужденный такими звуками, под влиянием прирожденной доблести готский народ нашел бы себе воинственного короля». Новый король заверяет своих воинов, что он и впредь, как и раньше, будет разделять с ними общую воинскую судьбу и что они, наконец, получат короля, опытного в военном деле. Он обещает всем готам безопасность в его правление, а готским воинам расточает щедрые посулы. «Мы умеем любить храбрых мужей,— говорит он,— так как мы не раз вели войны. Мне не нужно, чтобы кто-либо другой рассказывал о ваших делах, так как я все знаю сам,— ваш союзник во всех ваших трудах» (Cass. Var., X, 31. 1—4).

Ярко выраженный «национальный» дух этой хартии нового короля подчеркивается и заявлением Витигиса о том, что он не будет заботиться о своей личной выгоде, но все свои действия подчинит общим интересам готов: «Все, что мы делаем, будет идти на пользу нашего племени». Весьма характерно в этом отношении и другое заявление Витигиса о том, что он явится продолжателем политики короля Теодориха (правление которого как бы символизирует величие остготского племени), что хотя он и не родственник этого короля по крови, но добьется права считаться его родственником по своим делам. Его родственником, говорится в послании Витигиса, должен считаться тот кто сможет подражать его деяниям (Cass. Var., X, 31. 4—5).

Первое время после воцарения Витигис вместе с армией готов находился в Риме, но затем счел более благоразумным перебраться в Равенну и там тщательно подготовиться к войне с империей (Procop. BG, I, 11.11). Уйти из Рима Витигиса заставили, по-видимому, с одной стороны, недостаточная подготовленность готов к войне, с другой,— недоверие к населению Рима, которое могло нанести серьезный вред готам в случае осады города византийскими войсками (Procop. BG, I, 11.24).

Покидая город, Витигис и его сторонники постарались всеми средствами обеспечить себе если не помощь, то хотя бы нейтралитет населения Рима, папы и римского сената. Король потребовал от папы Сильверия, римского народа и сената принесения торжественных клятв в верности остготскому правительству. Вместе с тем, наученный горьким опытом своих предшественников, которые сколько ни заигрывали с римским сенатом, так и не добились от него реальной помощи против империи, король Витигис стал действовать весьма решительно в

отношении римской аристократии. Не доверяя сенаторам, Витигис, уходя из Рима, забрал с собой многих из них в качестве заложников. Он вполне основательно опасался; что сенаторы, если они останутся в Риме, тотчас же перейдут на сторону византийской армии, которая вскоре могла появиться у стен древней столицы. Для охраны Рима Витигис оставил довольно сильный гарнизон готов из четырех тысяч человек, под командованием готского военачальника Левдериса (Procop. BG, I, 11. 26).

Несмотря на поддержку армии, Витигис все же, видимо, не чувствовал себя достаточно прочно на остготском престоле и поэтому захотел во что бы то ни стало придать своей власти «легитимный характер»; для этого он решил породниться с королевским домом Амалов. По прибытии в Равенну Витигис развелся со своей женой и «более силой, чем любовью» (по словам комита Марцеллина) взял себе в жены дочь королевы Амаласунты и внучку короля Теодориха Матасунту [51].

Этот брак короля Витигиса знаменовал собой тот важный факт, что новый правитель Италии, выдвинутый на царство рядовыми остготскими воинами, в конечном счете так и не решился всецело опереться на средние слои остготского общества, выходцем из которых был он сам. Для укрепления своей власти он решил сблизиться с высшей остготской знатью и заставить ее признать его законным правителем. Однако этот замысел успеха Витигису не принес. Более того, быть может, именно эти попытки Витигиса любой ценой найти путь к сближению с высшей остготской знатью, а затем и с Восточной Римской империей были одной из причин, оттолкнувших от него широкие круги рядовых остготских воинов, что во многом обусловило его дальнейшие военные неудачи.

Вместе с тем, попытки Витигиса заключить брак с внучкой Теодориха и таким путем проникнуть в среду высшей аристократии встретили сопротивление как самой Матасунты, так и остготской знати. Матасунта, как показала вся ее дальнейшая деятельность, подобно своей матери, была сторонницей сближения с Восточной Римской империей. Она ненавидела и презирала «выскочку» и «узурпатора» Витигиса, человека незнатного, с ее точки зрения, незаконно захватившего престол ее деда и насильно заставившего ее стать его женой. Впоследствии именно Матасунта и ее приближенные из числа сторонников союза с Византией стали душой заговора остготской знати против короля Витигиса и способствовали его окончательному поражению (см. ниже, стр. 314 сл.).

---

[51] Marc. Chron. add., a. 536. Ср. Procop. BG, I, 11. 27; Iord. Rom., 373; Get., 311.

Логическим продолжением политики сближения с высшей остготской знатью, ориентировавшейся на союз с империей, была попытка короля Витигиса заключить мир с Юстинианом. После женитьбы на Матасунте Витигис направляет письмо восточному императору и предлагает заключить мир, ибо теперь, говорит он, причина к войне отпала сама собой, так как трагическая расправа Теодата с Амаласунтой отомщена, а ее дочь стала королевой Италии и получила законное наследство своих предков. Тон этого письма, написанного в 536 г., заискивающий и просительный. Витигис в униженных выражениях просит Юстиниана о восстановлении согласия между двумя государствами. «Сколь велика, милостивейший император,— пишет Витигис,— укоренившаяся любовь к Вашей светлости, можно понять из того, что после столь жестоких обид, перенеся такое пролитие крови, мы просим у Вас мира, как будто никто из Ваших раньше нас не обидел» (Cass. Var., X, 32. 1). В письме к константинопольскому магистру оффиций Витигис также подчеркивает, что именно он устранил Теодата и тем заслужил доверие императора. «Если другой,— читаем мы в этом письме,— заслужил нерасположение, то я должен считаться наиболее желанным, ибо я наследовал ненавистному, наказав его». «Поэтому,— продолжает Витигис,— пусть будет погребена ненависть со смертью прегрешившего». Кроме того, в этом же послании король Витигис приводит в качестве аргумента в пользу заключения мира необходимость подумать и той и другой воюющей стороне о спасении населения Италии, которое терпит тяжкие страдания от военных столкновений (Cass. Var., X, 33. 3).

Желая заключить мир с империей, Витигис прибегает даже к помощи и посредничеству католического духовенства. В особом послании он обращается к католическим епископам Италии с просьбой оказать ему содействие в переговорах с восточным императором. При этом он ссылается на то, что католическое духовенство объединяет с правителем Восточной Римской империи общность религии (Cass. Var., X, 34).

Однако все попытки остготского правительства заключить мир с империей были безуспешны, и Витигис под давлением остготской военной знати и остготских воинов начал подготовку к решительным военным действиям против византийцев. По словам Прокопия, новый остготский король «отовсюду собирал готов, распределяя их по порядку, и вооружал, раздавая каждому из них согласно списку оружие и коней» (Procop. BG, I, 11. 28).

Судя по сообщению Прокопия, в армию Витигиса были призваны и малоимущие воины из свободного остготского крестьянства, которые не имели возможности экипироваться на

свои собственные средства и получали оружие и коней от Остготского государства. Это была решительная мера со стороны правительства Витигиса, вызванная крайней необходимостью. Но, по-видимому, пока дело ограничилось лишь призывом в армию свободного остготского крестьянства; о привлечении в армию местного италийского населения или зависимых людей никаких упоминаний для этого времени еще нет.

Наряду с мобилизацией всех сил остготов, новое правительство вновь стремится заручиться реальной военной помощью со стороны франков. Витигис заканчивает переговоры о военном союзе, начатые еще его предшественником, и выплачивает франкским правителям крупную сумму денег, обещанную им Теодатом. Кроме того, согласно договору, франки заняли остготские владения в Южной Галлии, и остготский король уступил им протекторат над алеманнами в Реции (Procop. BG, I, 13.26—27. Ср. Iord. Rom., 367; Get., 305).

Однако франкские короли, Хильдеберт, Теодеберт и Хлотарь, продолжали вести двойную игру и, обещая остготскому правительству прислать на помощь вспомогательные отряды из подчиненных им племен, в то же время не расторгали своего договора с империей. Поэтому реальный выигрыш остготского правительства от переговоров с франками сводился лишь к освобождению для военных действий против Велисария остготской армии под командованием Марция, охранявшей владения остготов в Южной Галлии (Procop. BG, I, 13. 27—29. Ср. ibid. § 15—17).

Пока остготское правительство было занято всеми этими приготовлениями, Велисарий не терял времени и стремился расширить свои завоевания. Покорив Неаполь, а затем и Кумы, и оставив там гарнизоны, он со всей своей армией двинулся по Латинской дороге к Вечному городу (Procop. BG I, 14. 1—6).

В Риме же в это время уже созрел заговор высшей римской аристократии и католического духовенства против остготского владычества. Во главе этого заговора стояли папа Сильверий и представитель высшей римской аристократии, ориентировавшейся на союз с Восточной Римской империей, Фиделий, бывший квестором в правление короля Аталариха. По поручению заговорщиков Фиделий отправился к Велисарию и пригласил византийского полководца войти в Рим, «обещая сдать ему город без боя» (Procop. BG, I, 14.4—5).

Остготский гарнизон, находившийся в Риме, узнав о приближении армии Велисария и заметив намерение римлян сдать город византийским войскам, без боя удалился из Рима. В ночь с 9 на 10 декабря 536 г. византийские войска вступили в Рим через Азинариевы ворота, в то время как готы покидали город через Фламиниевы. Лишь командир остготского гарнизона

Левдерис не покинул Рим и, захваченный в плен Велисарием, был отправлен вместе с ключами от городских ворот к императору (Procop. BG, I, 14. 12—15).

Итак, византийцы овладели древней столицей империи прежде всего при помощи римской аристократии и католического духовенства, своих союзников внутри Италии. Фиделий в награду за столь большую услугу императору получил в 536 г. назначение на высокий пост: он был назначен префектом претория Италии [52].

Народные массы Рима, ненавидевшие, как мы видели, остготское правительство, по-видимому, на первых порах также были не прочь освободиться от власти готов (Procop. BG, I, 14. 4). Иордан сообщает, что Велисарий нашел в Риме поддержку сената и римского народа. «И пока Витигис справлял новую свадьбу в Равенне,— пишет Иордан,— консул Велисарий вошел в Рим и был принят римским народом и сенатом» (Iord. Rom., 373).

Взятие Рима византийскими войсками было событием большой политической важности, поэтому о нем упоминают почти все авторы того времени [53]. Враждебные готам источники особенно оттеняют позорное бегство готов из Рима. «В ту самую ночь,— говорится в «Жизнеописании Сильверия»,— когда вошел патриций Велисарий в Рим, готы, находившиеся в городе или за его стенами, бежали, оставив все ворота открытыми, и направились в Равенну» (Lib. Pont. V. Silver., 4).

Захватив Рим, Велисарий стал деятельно готовиться к обороне города, так как предвидел, что готы не примирятся с потерей Рима и попытаются его вернуть. Он приказал вырыть вокруг города глубокий ров и занялся восстановлением стен города, а также подвозом продовольствия. «Весь тот хлеб,— пишет Прокопий,— который он привез на кораблях из Сицилии, он бережно сложил в государственные хранилища и заставлял римлян, *хотя они были очень недовольны* (курсив наш.—*З. У.*), все свои запасы свозить с полей в город» [54].

Готовясь к обороне Рима, Велисарий одновременно успешно продолжал завоевывать города и крепости в Южной и Средней Италии. Жители Калабрии и Апулии, «так как в этих областях,— по словам Прокопия,— не было готов», добровольно сдались Велисарию, желая, по-видимому, избежать военных действий на их территории (Procop. BG, I, 15.3).

В Самнии византийцам сдались город Беневент (ныне Бене-

---

[52] О Фиделии см. Cass. Var., VIII, 18; Acta Concil. t. IV, 2, p. 206; Ennod. Epp., VII, 29.5; Procop. BG, I, 14.5; 20.19.

[53] Marc. Chron. add., a. 536; Iord. Rom., 373; Get., 311; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 17; Lib. Pont. V. Silver., 4.

[54] Procop. BG, I, 14.17. Ср. Lib. Pont. V. Silver., 4.

венто) и окрестные местечки. И здесь на сторону византийцев переходили некоторые представители остготской знати, подобно Эвримуду, надеявшиеся найти спасение для себя и своего имущества под крылышком восточного императора. Так, Прокопий сообщает о том, что к Велисарию «пришел из Самния Питца, родом гот, и отдал в руки Велисария как самого себя, так и тех готов, которые жили там вместе с ним, и половину приморского Самния...»[55].

Таким образом, благодаря открытой помощи со стороны римской рабовладельческой аристократии и католического духовенства, индифферентизму, а иногда и сочувствию части населения, а также благодаря измене некоторых представителей остготской знати, Велисарий в довольно короткий срок «подчинил своей власти всю ту Италию, которая находится от Ионийского залива вплоть до Рима и Самния, а земли за этим заливом до Либурнии... завоевал Константиан» (Procop. BG, I, 15,15).

Пока византийская армия продвигалась в глубь Италии, король Витигис, поджидая готские войска, которые должны были прибыть из Южной Галлии, вновь организовал поход в Далмацию. В походе под командованием Асинария и Улигисала принимали участие не только остготы, но и вспомогательные отряды из живших на севере Остготского государства племен. Для блокады Салоны с моря туда были направлены остготские корабли. Однако, несмотря на энергичные действия, остготские войска так и не смогли взять Салону. Командир византийских войск в Далмации Константиан, узнав о приближении неприятеля, сумел подтянуть в Салону византийские отряды из других далматинских крепостей и сконцентрировать все силы для защиты этого города. Одновременно он укрепил стены Салоны, окружил город глубоким рвом и снабдил его всем необходимым для длительной осады. Не ограничиваясь обороной, византийцы сами внезапно напали на флот остготов, блокировавший гавань Салоны, и потопили много кораблей (Procop. BG, I, 16.9—18).

В это же время имперские войска одержали новые победы на Апеннинском полуострове. Византийским начальникам Бессе и Константину без особого труда удалось овладеть важными стратегическими пунктами в Средней Италии: городами Нар-

---

[55] Procop. BG, I, 15.1. Из других источников известно, что Питца принадлежал к высшей остготской знати (primi, nobilissimi) и еще при Теодорихе был видным военачальником; Кассиодор называет его комитом (Cass. Var., V, 29; Iord. Get., 300—301; у него — Pitzamus или Petza Ср. также Ennod. Paneg., XII, 62). К началу византийско-остготской войны Питца, видимо, занимал важный административный пост в Самнии (быть может, он был комитом готов Самния) или владел там крупнейшими поместьями, а еще вероятнее, одновременно был и представителем власти, и землевладельцем.

нией (ныне Нарни), Сполецием (ныне Сполето) и Перузией (ныне Перуджа). Население Тусции, по словам Прокопия, «добровольно принимало его (Велисария — *З. У.*) в свои города» (Procop. BG, I, 16.3—4).

Проникновение византийских войск далеко на север от Рима, почти к самым границам Равеннской области, вызвало большое беспокойство остготского правительства, которое решило во чтобы то ни стало приостановить дальнейшее продвижение неприятеля и вернуть потерянные крепости. Однако попытки готов выбить византийцев из Перузии не увенчались успехом (Procop. BG, I, 16. 5—7, Ср. Iord. Get., 311—312; Rom., 374). К этому времени, к февралю 537 г., прибыли, наконец, остготские войска из Южной Галлии, и Витигис, «как свирепый лев», решил двинуться на Рим[56].

Велисарий, узнав о приближении войска готов, тотчас вызвал к себе на помощь Константина из Перузии и Бессу из Нарнии, приказав оставить в этих крепостях лишь небольшие гарнизоны. Затем он пытался воспрепятствовать переправе готов через реку Тибр. Однако это ему не удалось из-за неустойчивости отдельных, главным образом варварских, отрядов его армии. Некоторые варвары, находившиеся на службе в войске Велисария, по-видимому, сочувствуя готам, переходили на сторону Витигиса, а отряд, посланный Велисарием для охраны моста через Тибр, увидав огромную армию неприятеля, бежал в Кампанию. Дорога к городу оказалась открытой (Procop. BG, I, 17.17—20).

Для характеристики настроения ожидавшего осады населения Рима очень важен рассказ Прокопия о том, что когда Велисарий, отправившийся с отрядом воинов на рекогносцировку, попал в тяжелое положение и должен был отступить к стенам города, то в этот критический момент римляне закрыли перед ним ворота. Это чуть было не привело к гибели Велисария и всех сопровождавших его лиц. Прокопий, правда, пытается объяснить, а тем самым и оправдать поведение римлян страхом перед тем, как бы неприятель не ворвался в город «на плечах»

---

[56] Iord. Get., 312; ср. Lib. Pont., V. Silver., 4; Marc. Chron. add., a. 537; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 17. По словам Прокопия, Витигис, начав поход на Рим, будто бы имел армию в 150 тыс. пеших и конных воинов (Procop. BG, I, 16. 11; ср. ibid., I, 24. 3.— В русском переводе С. П. Кондратьева (Прокопий. Война с готами, стр. 128) ошибочно указано 115 тысяч. Луций Маринн называет даже цифру в 200 тыс. воинов, которыми якобы располагал Витигис для осады Рима, не считая тех войск готов, которые были посланы в Далмацию (Lucii Marinei Siculi de Gothorum in Hispaniam adventu, p. 158). Все эти «исчисления» войск Витигиса явно преувеличены в интересах возвеличения героизма византийцев. Ср. критические замечания о численности готских войск: J. B. Bury. History..., vol. II, p. 181, n. 2.

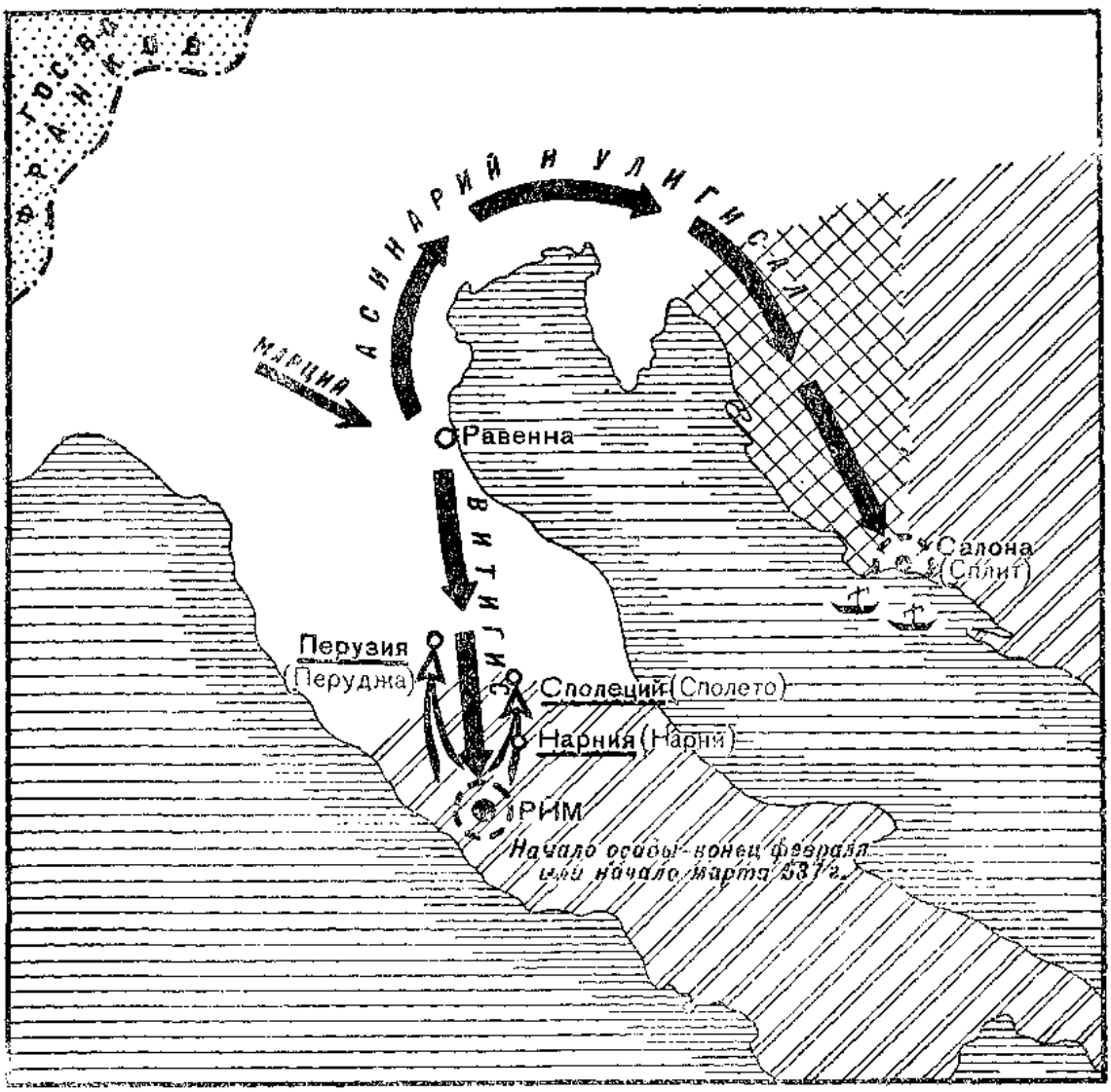


Схема 5. Боевые действия в начале 537 г.

Условные знаки см. на стр. 14

отступавших, ложными слухами о гибели Велисария и другими причинами (Procop. BG, I, 18.19—22). Однако уже сам этот факт весьма симптоматичен и показывает, что настроение римского населения, сперва, как мы знаем, поддавшегося агитации римской аристократии и католического духовенства и не оказавшего сопротивления византийцам, мало-помалу стало меняться. Известную роль при этом сыграло, видимо, недовольство, вызванное строгими мерами Велисария, проводившего, как мы уже говорили, принудительный сбор продовольствия у населения. Конечно, немалое значение имел и страх перед армией готов.

Витигис и его приближенные с первого же дня осады [57]

[57] Источники расходятся в точном определении даты начала осады. Согласно «Жизнеописанию Сильверия», Витигис начал осаду Рима в

попытались завязать сношения с римлянами и склонить их на свою сторону (Procop. BG, I, 18. 39—41). Как только армия готов подошла к стенам города, Витигис отправил для переговоров с горожанами своего военачальника Вакиса (Οὐάκις. По-видимому, его можно отождествить с Вакком, который при Теодате командовал готским отрядом, посланным для охраны Рима) [58]. Подойдя к Саларийским воротам, Вакис «бранил римлян за неверность готам и упрекал за измену, которую, как он говорил, они совершили и перед родиной и перед самими собой; за то, что могуществу готов предпочли греков, которые не в состоянии их защищать: ведь раньше они не видали, чтобы кто-нибудь из греков появлялся в Италии, кроме трагических актеров, мимов и морских разбойников» (Procop. BG, I, 18. 40).Однако демарш остготов не встретил пока сочувствия у населения Рима, но вместе с тем и сам прославленный византийский полководец Велисарий был осыпан насмешками римлян за то, что он у них на глазах бежал от неприятеля,а в то же время призывал граждан Рима стойко и смело отражать натиск врагов (Procop. BG, I, 18. 42).

Приступая к осаде Рима, Витигис отдавал себе отчет в том, что полностью окружить город у него нет сил. Поэтому он решил сосредоточить почти все свои войска против северо-восточной части укреплений (от Фламиниевых до Пренестинских ворот), которая, как готы прекрасно знали, была в ветхом состоянии. Здесь остготы построили шесть укрепленных лагерей, окруженных рвами и обнесенных высокими валами. Седьмой лагерь они разбили на правом берегу Тибра, на Нероновом поле. Связь между войсками, расположенными на противоположных берегах реки, осуществлялась через Мульвийский мост, тщательно охраняемый остготскими воинами. Вся южная часть укреплений Рима, близ Латинской и Аппиевой дорог, не была блокирована неприятелем, и связь Рима с Кампанией и Южной Италией не прерывалась [59].

Верховное командование над всеми остготскими войсками, находившимися в лагерях на левом берегу Тибра, принял на

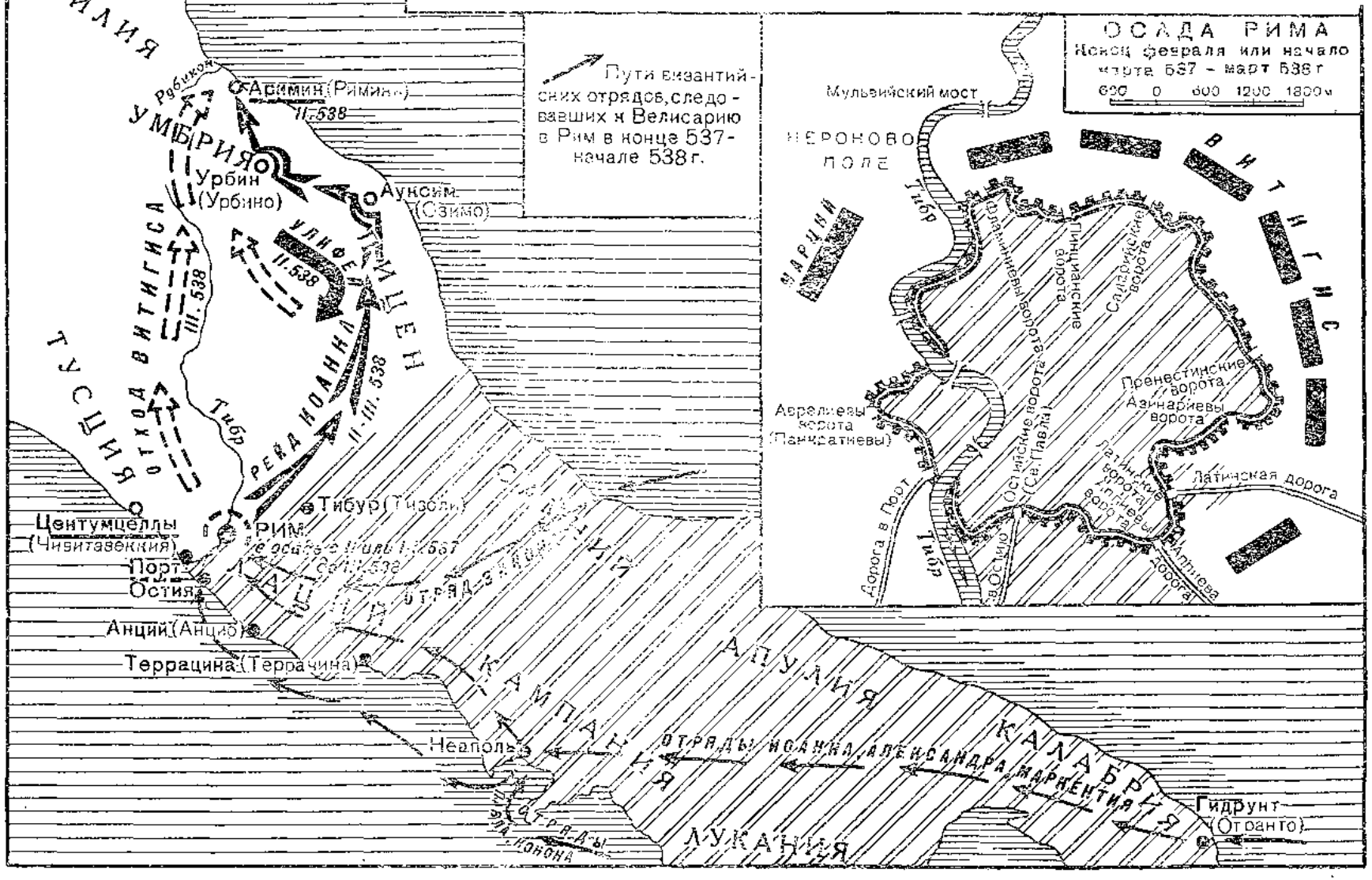
VIII календы марта, т. е. в конце февраля 537г. (Lib.Pont., V. Silver., 4), тогда как Прокопий относит это событие к началу марта (Procop. BG, I, 24.31.Ср. ibid., II, 10.13). Ср. J. B. Bury. History..., vol.II, p. 183, n. 2. Л. М. Гартман, следуя за «Жизнеописанием Сильверия», безоговорочно датирует начало осады 21 февраля (L. M. Hartmann. Op. cit., S. 270).

[58] Procop. BG., I, 18.39. Ср. Cass. Var., X, 18. 2.

[59] Эти факты показывают, насколько преувеличены данные, сообщаемые современниками о численности армии Витигиса. Если бы она действительно приближалась к 150 или хотя бы даже к 100 тысячам, готы, несомненно, могли бы полностью блокировать Рим, несмотря на то, что протяженность его стен достигала почти 20 км (около 12 рим. миль).

Схема 6. Борьба за Рим в 537—538 гг.

Условные знаки см. на стр. 14



себя Витигис, а командовать отрядом на Нероновом поле он поручил своему военачальнику Мардию.

В соответствии с этой диспозицией войск остготов вынужден был распределять свои силы и Велисарий. Главное внимание он, естественно, обратил на охрану наиболее важных в стратегическом отношении пунктов римских укреплений. Византийский полководец лично принял командование над войсками, расположенными у наиболее уязвимого участка обороны — у Пинцианских и Саларийских ворот, защиту же Пренестинских ворот поручил Бессе, а Фламиниевых ворот — Константину.

Следует признать, что положение Велисария было весьма затруднительным, ибо он первоначально располагал гарнизоном, насчитывавшим всего около 5 тысяч человек [60]. Для охраны такого большого города, как Рим, имевшего столь значительную протяженность укреплений, этих войск было явно недостаточно. Поэтому Велисарий должен был прибегнуть к весьма опасной мере: он принуждал римское население нести охрану стен, хотя доверять римским гражданам он не мог. Их настроение с каждым днем ухудшалось, а недовольство по мере роста трудностей, связанных с осадой, все увеличивалось. «Римский народ,— пишет Прокопий,— совершенно не привыкший к бедствиям войны и осады, страдал от отсутствия бань [61] и от недостатка продовольствия; к тому же принуждаемый без сна охранять укрепления, предполагая, что город будет вскоре взят, и кроме того, видя, как враги грабят поля и все остальное, был очень недоволен и считал для себя ужасным, что он, ни в чем неповинный, переносит осаду и подвергается столь большой опасности» (Procop. BG, I, 20. 5).

Недовольство римского населения настолько усилилось, что уже вскоре дело дошло до открытых выступлений против Велисария. «Собираясь вместе, римляне открыто бранили Велисария за то, что он, взяв у императора недостаточно большое войско, решился двинуться против готов». Тайное недовольство появилось и среди некоторой части римского сената, надеявшейся на более эффективную помощь со стороны империи и опасавшейся затяжки войны (Procop. BG, I, 20. 6—7. Ср. ibid., I, 19.22; 28.4—5).

Остготы, узнав через перебежчиков о подобных настроениях в Риме, решили вновь попытаться воздействовать на римлян

---

[60] Procop. BG, I, 22.17; 24.2. Правда, в апреле 537 г. к нему прибыло подкрепление, состоящее из отрядов гуннов, славян и антов, под командованием Мартина и Валериана (ibid., I, 27. 1—2; Marc. Chron. add., a. 537).

[61] Готы перерезали водопроводы, снабжавшие город водой, и воды для бань не было, однако питьевую воду население брало из колодцев (Procop. BG, I, 19. 13—28).

дипломатическим путем и принудить Велисария к заключению мира. Витигис отправил в Рим посольство во главе с Альбисом. Послы всячески упрекали римлян за измену готам и уговаривали Велисария заключить мир на условии удаления византийских войск из города при сохранении всего их имущества. Когда Велисарий отказался принять это предложение, римское население не выразило ему сочувствия из-за страха перед готами, как утверждает Прокопий. Никто из римских граждан не решился ничего возразить готским послам на их многочисленные упреки в измене, и лишь глава сенатской партии Фиделий, получивший уже сан префекта претория, выслуживаясь перед императором, выступил против предложения послов (Procop. BG, I, 20. 7—14; 19—20).

После того как попытки заключить мир с Велисарием окончились неудачей, для готов не оставалось другого выхода, как попытаться взять город штурмом, ибо — напомним — у них не было возможности полностью замкнуть кольцо блокады. На восемнадцатый день осады остготы двинулись на штурм. С восходом солнца войска остготов, предводительствуемые Витигисом, грозной лавиной устремились к городу, везя с собой тараны, высокие деревянные башни на колесах и множество лестниц.

При виде этого зрелища римское население проявило свое недоброжелательство к византийцам, осыпая бранью и насмешками Велисария за то, что он не посылает своих войск навстречу наступающему неприятелю (Procop., BG, I, 22. 3). Однако византийцы, выждав, пока остготские войска вплотную придвинули осадные машины к стенам города, стали поражать их с высоты башен и стен камнями и стрелами из пращей и баллист. В жарком бою у Салариевых ворот византийцы одержали верх и подожгли все осадные приспособления врагов. Одновременно близ того участка стены, который римляне называли Виварий (близ Пренестинских ворот), Велисарий, заманив в ловушку готов, нанес им поражение. Столь же бесславно закончилась и попытка готов овладеть Аврелиевыми (Панкратиевыми) воротами. Наступавшие здесь войска Марция не имели ни таранов, ни других осадных приспособлений и были с большим уроном отбиты византийцами под командованием Константина. Таким образом, генеральный штурм города был успешно отбит с большими потерями для осаждающих (Procop. BG, I, 22. 5—11; 23. 24—27).

Неудача штурма была, несомненно, тяжелым ударом для готов. Но еще более роковым для них оказалось решение Витигиса продолжать осаду Рима. При отсутствии у осаждающих сколько-нибудь обеспеченного тыла и при невозможности взять город штурмом осада могла привести и, как мы увидим

далее, действительно привела лишь к тяжелым и бесцельным жертвам.

Но в первые месяцы осады, когда готы еще не испытывали особых трудностей, положение осажденных, повторяем, было очень тяжелым. Поэтому тотчас же после того, как штурм был отбит, Велисарий обратился к Юстиниану с просьбой о помощи. В послании к императору византийский полководец указывал, что если в скором времени он не получит подкреплений, империя потеряет все свои завоевания в Италии (Procop. BG, I, 24.12). Кроме того, Велисарий в своем письме подчеркивал, что римляне, первоначально отнесшиеся доброжелательно к византийской армии, могут скоро переменить свое отношение из-за трудностей осады (Procop. BG, I, 24.16—17).

Для поднятия настроения населения осажденного города сторонники империи из числа патрицианской знати распространяли предсказания о том, что осада продлится только до июля месяца [62]. Вместе с тем Велисарий, крайне обеспокоенный растущим недовольством населения Рима, решил принять радикальные меры для предотвращения могущего вспыхнуть народного восстания. Под предлогом недостатка съестных припасов Велисарий приказал выслать из осажденного города большую часть рабов (τῶν οἰκετῶν), даже некоторых из тех, которые принадлежали византийским воинам (Procop. BG, I, 25.2—3). Не исключена возможность, что основным мотивом, заставившим Велисария прибегнуть к этой мере, был страх перед волнениями рабов в осажденном городе, боязнь, что рабы могут открыть варварам ворота Рима.

Но если от рабов можно было избавиться путем их высылки из города, то труднее было уменьшить недовольство и предотвратить волнения среди беднейшего свободного населения города. Первоначально Велисарий решил попытаться путем подкупа привлечь его на свою сторону. Рассказывая об этом, Прокопий, несмотря на свое недоброжелательное и презрительное отношение к народным массам, невольно рисует страшную картину глубочайшей нищеты и лишений беднейшего населения Рима. «Видя,— пишет он,— что большая часть простого народа страдает от бедности и недостатка съестных припасов [ведь ремесленный люд (βαναύσοις ἀνθρώποις) запасов имеет лишь на один день, а вследствие осады эти люди вынужденные остаться без заработка, не имели никаких средств для приобретения себе пропитания], Велисарий зачислил их в качестве рядовых воинов и присоединил к каждому стороже-

---

[62] Procop. BG, I, 24.28. В действительности осада длилась год и девять дней (ibid., II, 10.13).

вому отряду, назначив такому рядовому определенное ежедневное жалование». Но не доверяя этой страже и все время опасаясь измены, Велисарий одновременно принимал самые решительные меры по наблюдению за охраной стен Рима (Procop. BG, I, 25.11; 15—18). И действительно, эти опасения были вполне основательны, ибо готы имели постоянные сношения с жителями осажденного города и через перебежчиков были хорошо осведомлены о намерениях византийцев.

В это время готы решили попытаться перерезать коммуникации, связывающие Рим с Южной Италией. С этой целью они построили новый укрепленный лагерь между Аппиевой и Латинской дорогами и тем самым сильно затруднили подвоз по суше продовольствия в Рим из Кампании и других областей Южной Италии. Одновременно, стремясь прекратить подвоз в Рим съестных припасов по морю и реке Тибр, готы захватили Порт (Portus Romanus), гавань, расположенную у северного рукава устья Тибра, перебили многих из находившихся в городке римлян и оставили там сильный гарнизон (Procop. BG, I, 26.3—19). После этого связь с морем Велисарий мог осуществлять лишь по южному рукаву дельты Тибра — через Остию. Но это было очень неудобно [63].

Спустя 20 дней после того, как готы овладели Портом, в Рим, наконец, прибыли долгожданные подкрепления и с трудом проникли в город. Прибывшее войско Мартина и Валериана состояло из 1600 солдат, по большей части наемников из племен гуннов, славян и антов, отличавшихся большой храбростью. Хотя эта помощь численно была невелика, но для Велисария она была очень ощутима и позволяла действовать более активно (Procop. BG, I, 27. 1—3).

Еще в первых боях у стен Рима Велисарий лично убедился, что остготские «всадники привыкли пользоваться только копьями и мечами» тогда как лучники у них пешие, и поэтому «если идет не рукопашный бой, всадники быстро гибнут, не имея чем защищаться против врагов, пользующихся луком, а пехотинцы никогда не могут произвести нападения на всадников» (Procop. BG, I, 27. 27—28). По приказу Велисария конные лучники отрядами в несколько сот бойцов устраивали вылазки и, не вступая в рукопашный бой, наносили большие потери остготам (Procop. BG, I, 27. 15—14). Другими словами, и тут «тактика Велисария целиком базировалась на прин-

---

[63] Дело в том, что портовые сооружения в Остии давно уже не использовались (так как весь поток грузов шел через Порт) и пришли в полную негодность. Поэтому перегрузку с морских судов на речные приходилось осуществлять в гавани Анций (ныне Анцио), находящейся от Остии на расстоянии одного дня пути по морю.

ципе: избегать рукопашной схватки и брать противника измором» [64].

В связи с успехами этих вылазок у осажденных появились надежды, что исход борьбы можно быстро решить одним генеральным сражением (Procop. BG, I, 28. 1). Впрочем, это воодушевление охватило далеко не всех римлян. Во всяком случае даже Прокопий вынужден отметить, что как раз в это время к готам часто переходили перебежчики. И быть может, именно это обстоятельство и заставило Велисария скрепя сердце согласиться на большое сражение за стенами города (Procop. BG, I, 28. 4—5).

Особенно кровопролитная битва произошла перед Пинцианскими и Саларийскими воротами. В начале боя перевес был на стороне византийцев, но вскоре сказалось численное превосходство готов. В то время, как строй византийцев редел, к готам прибывали все новые и новые подкрепления.

Отрицательную роль в ходе сражения сыграло и недоверие Велисария к «римским плебеям» (τοῦ δήμου), т. е. к городской бедноте Рима. Не желая, чтобы отряд, сформированный из римских ремесленников (βάναυσοι ἄνδρες), принял участие в сражении, Велисарий под предлогом их неопытности в военном деле, а по существу из-за опасения измены, поставил этот отряд отдельно от своей армии, на другом берегу Тибра, близ Панкратиевых ворот (Procop. BG, I, 28. 18—19). Тем самым он ослабил свои и так не очень значительные силы.

Несмотря на храбрость византийских военачальников Прикция и Тармута, пехота Велисария не выдержала рукопашного боя с готами и стала отступать к городу, а после геройской смерти обоих вождей воины обратились в паническое бегство и с трудом спаслись за стенами города.

В то же время завязалась жестокая схватка на Нероновом поле между византийским отрядом Валентина и остготскими войсками Марция. Она закончилась для византийцев столь же неудачно, как и битва близ Пинцианских и Саларийских ворот. При этом Прокопий, стремясь оправдать Велисария, перекладывает всю вину за поражение византийцев на Нероновом поле на ненавистных ему римских плебеев. Он утверждает, что когда во время боя в рукопашную схватку с готами стихийно влились толпы римских плебеев, матросов и обслуживающих армию рабов, то именно они своей «недисциплинированностью» якобы погубили все дело римлян и привели к их поражению (Procop. BG, I, 29. 25—28). Прокопий обвиняет их в том, что они, сперва потеснивши готов, не сумели закрепить свою победу и, обратившись к грабежу лагеря неприятеля,

---

[64] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, стр. 188.

затем были наголову им разбиты (Procop. BG, I, 29. 34). Вместе с тем сам же Прокопий должен был признать, что после двойного поражения византийцев остготские войска могли легко овладеть Римом, ворвавшись в город, «на плечах» бегущих солдат, но героическая стойкость римского плебса, оборонявшего вместе с воинами стены, спасла на этот раз Рим от ярости готов (Procop. BG, I, 29.49).

По существу, конечно, тут произошло то же, что имело место и в большинстве других крупных сражений Велисария: «когда пехота принимала в них участие, она неизменно обращалась в бегство»[65]. И все вышеприведенные рассуждения Прокопия свидетельствуют лишь о страхе византийцев перед восстаниями угнетенных масс в Риме и боязни их союза с «варварами». Вместе с тем сведения об участии римских плебеев, матросов и даже оставшихся еще при армии рабов в сражении против готов являются доказательством патриотизма народных масс Рима, защищавших свой город от нападения врагов, хотя и не проявлявших сочувствия к установлению власти империи.

Во время осады Рима остготскими войсками осложнились и отношения византийцев с частью высшей римской аристократии и католического духовенства. В самом начале своего правления Витигис увел из Рима в Равенну заложников, в первую очередь наиболее для него опасных и явно сочувствующих Восточной Римской империи римских сенаторов (см. выше, стр. 277). В городе остались, по-видимому, наиболее «благонадежные» с точки зрения остготского правительства сенаторы, стоявшие за союз остготов и римлян. Правда, далеко не все из них оправдали надежды остготского правительства, а наоборот, как мы видели, они в своем большинстве во главе с Фиделием открыто поддержали византийцев. Но все же какая-то часть из оставшихся в Риме сенаторов, по-видимому, была враждебно настроена к Велисарию (Procop. BG, I, 20.6). Зная об их проготских настроениях и опасаясь измены, Велисарий, по словам Прокопия, изгнал некоторых сенаторов из Рима[66], в том числе того самого Максима, который пользовался особыми милостями остготского правительства и который в правление короля Теодата даже женился на знатной остготской девушке из королевского рода Амалов (см. выше, стр. 260).

В то же время Витигис, разгневанный неудачами, которые терпели остготские войска под стенами Рима, и, по-видимому, осведомленный о каких-то происках сенаторской партии в Италии в пользу Восточной Римской империи, приказал убить

---

[65] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, стр. 188.
[66] Procop. BG, I, 25.14. Правда, после снятия осады, он вновь возвратил их в город.

всех римских сенаторов, взятых им в качестве заложников в начале войны. Некоторым сенаторам, извещенным заранее об этом приказе остготского правительства, удалось бежать и спастись. В их числе были Вергентин и брат нового папы Вигилия — Репарат, которые бежали в Лигурию. Все же остальные знатные заложники были перебиты готами (Procop. BG, I, 26.1—2).

Таким образом, в стране к этому времени уже создался весьма сложный переплет социально-политической борьбы, крайне обостривший внутреннее положение в Италии. К этому надо добавить, что в то же самое время осложнились отношения между Восточной Римской империей и папством.

Прокопий в «Войне с готами» весьма лаконично говорит о серьезном конфликте между папским престолом и империей, возникшим в связи с отрешением от престола папы Сильверия. Он сообщает, что у византийского командования появилось подозрение в том, что папа Сильверий замышляет измену в пользу готов, и поэтому Велисарий срочно выслал его в Элладу и немного спустя назначил (κατεστήσατο) на папский престол диакона Вигилия (Procop. BG, I, 25.13). Такова, по-видимому, была официальная версия византийского правительства, весьма кратко изложенная историографом Юстиниана. Однако в «Тайной истории» Прокопий уже значительно подробнее рассказывает об истинных причинах низложения папы Сильверия. Этому событию, имевшему большое политическое значение, уделяют внимание и другие авторы. Особенно подробно, но, конечно, весьма тенденциозно, освещены они в «Жизнеописании Сильверия».

При изучении и сопоставлении данных различных источников прежде всего бросается в глаза явная их противоречивость, причем намечаются две диаметрально противоположные версии. Одни авторы, отражая официальную точку зрения византийского двора, считают, что папа Сильверий действительно подготовлял «измену» в пользу готов. Так, например, кроме Прокопия, сообщающего эту версию в «Войне с готами», ее поддерживает и комит Марцеллин, который пишет: «Тогда Велисарий отстранил от власти папу Сильверия, благосклонного к нему (Витигису.— *З. У.*), и на его месте назначил (ordinavit) диакона Вигилия» (Marc. Chron. add., a. 537).

Однако значительно больше сторонников среди писателей того времени имеет другая версия, переданная в «Жизнеописании Сильверия» и во многом совпадающая с рассказом Прокопия в «Тайной истории» [67]. Ее поддерживают Виктор Тонненен-

[67] Lib. Pont. V. Silver., 6—9; Procop. H. a. I, 14; 27. Прокопий писал о своем намерении подробно рассказать о низложении Сильверия, но не выполнил обещания.

ский, Либерат, Павел Диакон и некоторые другие[68]. Согласно этой версии, папа Сильверий пал жертвой интриг окружения императрицы Феодоры, мстившей папскому престолу за защиту решений Халкидонского собора и за отрешение от должности папой Агапитом константинопольского патриарха Анфимия. Эта версия была создана с явной целью полного оправдания папы Сильверия от подозрения в сношениях с готами; и если первая версия отражала точку зрения константинопольского двора, то вторая являлась точкой зрения папского престола.

В пользу первой точки зрения говорит то, что Сильверий был назначен на папский престол при помощи прямого нажима на католическое духовенство со стороны остготского короля Теодата и являлся ставленником остготского правительства[69]. Кроме того, отношения папы Сильверия и византийского полководца Велисария после вступления византийских войск в Рим были, по-видимому, уже весьма натянутыми: напомним, что по сообщению Ландольфа, Сильверий упрекал Велисария за резню мирных жителей Неаполя, учиненную императорскими войсками (Landolf., XVIII, 15). Таким образом, не исключена возможность, что Сильверий лично имел какие-то связи с остготской знатью.

В пользу же второй версии говорит не только ее значительная распространенность, но и то, что она весьма реалистично оценивает расстановку политических сил как в Италии, так и в империи, и полнее отражает религиозную борьбу того времени. Кроме того, на наш взгляд, весьма важно, что эту версию поддерживает Прокопий в «Тайной истории», где он обычно официальной точке зрения противопоставляет описание скрытых пружин политических событий того времени. Аргументом против тайного сговора Сильверия с готами является также известие о том, что папа Сильверий, несмотря на его клятвы в верности готам, активно содействовал взятию Велисарием Рима (Procop. BG, I, 14.5). Итак, и та и другая версия страдают тенденциозностью, а значит и односторонностью.

При современном состоянии источников вряд ли возможно решить окончательно вопрос о том, был ли папа Сильверий тайно связан с готами или его ложно оклеветали враги. Но из сопоставления обеих версий некоторые выводы все же сделать можно.

Скорее всего византийскому командованию было хорошо известно, что папа Сильверий достиг власти при помощи

---

[68] Vict. Tonnen., a. 542; Liberat. Brev., cap. 22, p. 136; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 18; Facundi Liber contra Mocianum, (Migne, Patr. Lat., t. LXVII), col. 861D.

[69] Lib. Pont. V. Silver., 1; Marc. Chron. add., a. 536; Liberat., Brev., cap. 22; Acta Concil., II, 5, p. 136.

короля Теодата, и поэтому, когда потребовалось по политическим соображениям устранить его с папского престола, против него было пущено в ход именно обвинение в тайном соглашении с готами, которое должно было выглядеть весьма правдоподобно. А причин для устранения Сильверия, по-видимому, было немало. Прежде всего византийское правительство в столь острый момент борьбы за Италию крайне нуждалось в «покорном» папе, который бы являлся проводником его политики и деятельным помощником Велисария. По-видимому, Сильверий вел себя слишком независимо и вызывал подозрение как ставленник готов. Византийское правительство уже подготовило более послушного кандидата на папский престол — диакона Вигилия. Немалую роль в отрешении Сильверия от власти сыграло также и монофизитское окружение Феодоры, стремившееся взять реванш за поражение, которое оно потерпело в 536 г. в связи с изгнанием патриарха Анфимия. Диакон Вигилий, сопровождавший папу Агапита в Константинополь, по-видимому, обещал Феодоре содействовать в осуществлении ее планов, если она поможет ему стать папой [70]. Но, когда после смерти папы Агапита Вигилий возвратился в Рим, папский престол уже был занят Сильверием. Однако ни клевреты Феодоры, ни сам Вигилий не сложили оружия и продолжали интриговать против Сильверия.

21 марта 537 г. Сильверий был приведен к Велисарию и разыгралась знаменитая сцена, так красочно описанная Анастасием в «Жизнеописании Сильверия». Сильверий был введен в зал дворца Пинцис, где возлежала Антонина, а у ее ног сидел Велисарий. Антонина обвинила Сильверия в измене, папа был

---

[70] Виктор Тоненский пишет по этому поводу: «Партией Феодоры Августы, которая никогда не переставала быть тайным врагом Халкидонского собора, коварно подготовлялись проскрипции, и римский епископ Сильверий был сослан в изгнание, и на его место назначен Вигилий, от которого упомянутая Феодора Августа еще прежде, чем он был назначен, тайным образом добилась письменного обязательства в том, что он, сделавшись папой, осудит три главы Халкидонского собора» (Vict. Tonnen., a. 542). По данным «Жизнеописания Сильверия», Феодора сперва попыталась добиться от самого Сильверия признания Анфимия константинопольским патриархом, но, когда получила отказ, тотчас послала через Вигилия приказ Велисарию и его жене Антонине под каким-либо предлогом отрешить Сильверия от власти и прислать в Константинополь (Lib. Pont. V. Silver., 6—7). Велисарий, опасаясь вызвать недовольство населения смещением папы, стал действовать при помощи лжесвидетелей, представивших подложные письма папы Сильверия готскому королю Витигису, в которых говорилось: «Иди к воротам, которые называются Азинариевы, вблизи Латерана, и я тебе передам город и патриция Велисария» (ibid., 7). По словам Либерата, в Италии ходили слухи о том что письма эти были составлены «некиим Марком Схоластиком и каким-то Юлианом-преторианцем» (Liberat., Brev., cap. 22, p. 136).

схвачен, одет в монашескую одежду и отправлен в ссылку на Восток. Испуганный клир, узнав об низложении Сильверия, в страхе разбежался. 29 марта диакон Вигилий был провозглашен папой. Сильверий же сосланный на один из островов Понта, умер там 2 декабря 537 г.

Для определения политического значения разыгравшихся событий очень важным, но наш взгляд, является сообщение «Жизнеописания Сильверия», о том, что сам Велисарий не верил истинности обвинения, выставленного против папы, «но так как многие (multi) настаивали на этом обвинении, то он испугался» и согласился на низложение Сильверия. Это известие весьма показательно для определения настроения близких к Велисарию политических кругов, которые требовали смещения папы Сильверия, по-видимому, как ставленника готов. С другой стороны, следует обратить внимание и на то, что высшее католическое духовенство даже и не пыталось выступить на защиту Сильверия. Едва ли причиной этому был лишь страх перед византийскими войсками. Католическое духовенство было достаточно влиятельным, чтобы отстаивать свои интересы. Видимо, большинство католического духовенства само недолюбливало Сильверия, насильно навязанного Теодатом, и, будучи против союза с готами, опасалось возможных связей папы с остготской знатью. Поэтому в церковной традиции, нашедшей свое отражение прежде всего в «Жизнеописании Сильверия» и в трудах церковных писателей, так явно чувствуется стремление оградить престиж папского престола от обвинения в союзе с готами. Но вместе с тем католическое духовенство, явно сочувствовавшее установлению в Италии власти восточного императора, не могло примириться и с авторитарной политикой Византии, стремившейся полностью подчинить своему влиянию папский престол. Отсюда и нотки осуждения политики Византии, звучащие, хотя и не очень явно, в «Жизнеописании Сильверия». Однако этим дело и ограничилось, и вскоре римское духовенство признало нового папу Вигилия, ставленника империи.

Между тем борьба за Рим продолжалась. После неудачной для византийцев битвы у Пинцианских и Саларневых ворот и на Нероновом поле они уже остерегались делать вылазки крупными силами и вернулись к тактике изматывания неприятеля мелкими стычками (Procop. BG, II, 1.20). В это время у византийцев несколько улучшилось настроение в связи с тем, что в Террацину из Византии прибыл некий Евфалий и привез деньги от императора для уплаты жалования солдатам. С трудом, под охраной отряда телохранителей, посланных Велисарием, ему удалось проникнуть в Рим (Procop. BG, II, 2.1; 23—24).

Но к середине 537 г. в городе начался голод, а за ним всякого рода эпидемии. У византийских солдат еще был хлеб, но уже не хватало другого продовольствия; у римского же населения хлеба совсем не осталось, и оно питалось травой, растущей в пригородах и внутри укреплений, и трупами павших животных (Procop. BG, II, 3.10—11). О голоде в Риме во время его осады войсками Витигиса рассказывает и автор «Жизнеописания Сильверия». «Внутри города,— говорит он,— был великий голод, и вода продавалась бы за деньги, если бы для спасения (жителей) не было воды источников»[71]. Солдаты византийской армии, подстрекаемые жаждой наживы, совершали вылазки из города и собирали хлеб, созревавший на полях близ Рима, а затем продавали его по дорогой цене богатым римским гражданам (Procop. BG, II, 3.8—9). Остготы, узнав о голоде в Риме, особенно энергично стали охранять дороги в город, чтобы воспрепятствовать подвозу продовольствия.

Когда на полях близ Рима не осталось посевов, а голод в городе достиг крайней степени и превратился во всенародное бедствие, среди трудового населения города начались серьезные волнения.

Недовольство беднейшего населения Рима византийскими властями назревало уже давно, и теперь под влиянием голода и лишений оно вылилось в открытое выступление римских плебеев. Прокопий довольно туманно хотя и многоречиво рассказывает об этих событиях. При этом он проявляет явную враждебность к народным массам (δῆμος), поднявшим волнения в осажденном городе. Другие источники, к сожалению, молчат об этом движении, и поэтому нам приходится довольствоваться сведениями, имеющимися в труде Прокопия. Судя по ним, римские плебеи, под давлением голода и эпидемий, потребовали от Велисария немедленно решить исход осады одним сражением. При этом они все единодушно выражали желание принять участие в этой битве (Procop. BG, II, 3.12).

Некоторые из римских плебеев, по-видимому руководители движения, обратились к Велисарию с речью, в которой так описывали невыносимые страдания беднейшего населения Рима: «Эти поля и вся эта область попали в руки врагов. Даже и не скажешь, сколько времени город лишен всего необходимого. Из римлян одни уже умерли и даже не удостоились похорон, мы же, оставшиеся еще в живых, чтобы кратко расска-

---

[71] Lib. Pont. V. Silver., 4. О голоде в Риме сообщают также и комит Марцеллин (Marc. Chron. add., a. 537), и Иордан (Iord. Rom., 374), и Павел Диакон (Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 18).

зать о всех наших бедах, мечтаем лечь рядом с умершими» (Procop. BG, II, 3.18—19).

Однако предложение римских плебеев о генеральном сражении с готами было отвергнуто Велисарием [72]. Вместе с тем, находясь в окруженном врагами городе, Велисарий не решился на кровавую расправу с недовольными жителями Рима, а пошел им на уступки, заявив, что он восхищен их готовностью вступить в бой с неприятелем и поэтому прощает им поднятое волнение (ταραχή) (Procop. BG, II, 3.29). В дальнейшем византийское командование, чтобы избежать повторных выступлений народных масс Рима, было принуждено даже взять на себя прокормление части римской бедноты (Procop. BG, II, 4.13).

Таким образом, народные массы Рима, доведенные до отчаяния голодом и болезнями, хотя и выступили открыто против византийцев, однако сохранили до конца свой патриотизм и готовы были сражаться с врагом, осаждавшим их родной город.

Под давлением народных волнений в Риме Велисарий был вынужден принять экстренные меры для снабжения осажденного города хлебом и другим продовольствием. С этой целью он послал в Неаполь своего секретаря, историка Прокопия, приказав ему нагрузить там большое число кораблей хлебом и собрать воинов, имевшихся в Кампании. Все это Прокопий должен был доставить в Рим (Procop. BG, II, 4.1—3). Вслед за Прокопием на юг отправилась жена Велисария Антонина с целью привести флот на помощь осажденным.

Поручение византийского командования было успешно выполнено Прокопием. Он собрал в Кампании не менее 500 воинов и, нагрузив хлебом большое число кораблей, ожидал удобного случая переправить их в Рим (Procop. BG, II, 4. 19—20). Такая возможность скоро представилась, так как в это же время прибыли из Византии в Неаполь и в другие порты Италии свежие воинские подкрепления — всего около 4800 солдат [72a]. Все эти войска сошлись в Кампании и к ним присоеди-

---

[72] Procop. BG, II, 3.24. В формулировке ответа Велисария, приведенной Прокопием, очень ярко сказалось враждебное отношение к народным массам, историка, вложившего в уста византийского полководца следующие пренебрежительные слова, обращенные к римскому народу: «Я уже давно знаю, что народ, обывательская масса, является самой неразумной толпой; не может он ни переносить настоящее положение, ни предвидеть будущее, но легкомысленно берется за невыполнимое и умеет только по своей неосмотрительности гибнуть».

[72a] Procop. BG, II, 5. 1—2. Ср. Marc. Chron. add., a. 538. По словам Прокопия, эти подкрепления состояли из следующих отрядов: в Неаполь прибыло 3 тыс. исавров под командованием Павла и Конона, в Гидрунт (ныне Отранто) — 800 фракийских всадников во главе с Иоанном, племянником узурпатора Виталиана, а с ними еще 1000 всадников

нился отряд, собранный Прокопием. Войска и обоз с большим количеством продовольствия двинулись к Риму и с помощью предпринятой осажденными диверсии вошли в город (Procop. BG, II, 5.2—4).

Еще до этого Велисарий узнал, что готы начали испытывать большие затруднения с продовольствием. Кроме того, в их лагерях начались болезни (Procop. BG, II, 6.1). Чтобы еще больше ухудшить положение врага, Велисарий отправил из Рима в соседние крепости значительные отряды, с тем чтобы они постоянно тревожили остготов с тыла. По данным Прокопия, в крепость Террацину был отправлен отряд в 1000 воинов под командованием Мартина и Траяна, в Тибур (ныне Тиволи)— 500 воинов во главе с Магном и Синфуэсом, отряд герулов под командованием Гонфариса — в один из городков Альбанской области, а отряд гуннов — к храму апостола Павла в 14 стадиях от Рима (Procop. BG, II, 4.6—12). По существу остготы из осаждающих сами начали превращаться в осажденных. Им пришлось оставить построенные ими укрепления на Аппиевой и Латинской дорогах. После же прибытия в Рим подкреплений «варвары решили совершенно отказаться от осады города и думали о том, как бы им уйти отсюда; они гибли от болезней и от оружия неприятеля, и теперь вместо многих десятков тысяч оставалось их уже очень малое число; больше же всего они страдали от голода» (Procop. BG, II, 6.1). Готы попытались начать с Велисарием переговоры о заключении мира. Симптоматично, что посольство Витигиса к Велисарию возглавлял один римлянин, пользовавшийся среди готов большим уважением (Procop. BG, II, 6.2—3).

Условия мира, предложенные Витигисом, были достаточно благоприятны для империи и свидетельствовали о тяжелом положении армии готов. Витигис предложил отдать византийцам Сицилию и Кампанию и платить дань императору. Однако Велисарий отказался от заключения мира, сославшись на то, что этот вопрос может решить только сам император (Procop. BG, II, 6.27—34). Но вследствие того что обе армии были истощены голодом и болезнями, воюющие стороны пошли на заключение перемирия сроком на 3 месяца [73]. Были выработаны приемлемые для обеих сторон условия перемирия и про-

---

из кадровой византийской конницы под командованием Александра и Маркентия. В это же время в Рим к Велисарию через Самний по Латинской дороге прибыл Зинон с 300 всадниками.

[73] Комит Марцеллин прямо связывает заключение перемирия с прибытием в Италию подкреплений из Византии под командованием Иоанна. «Узнав о его прибытии,— пишет он,— Витигис заключает с Велисарием перемирие на 3 месяца и отправляет своих послов к императору» (Marc. Chron. add., a. 538).

изошел взаимный обмен заложниками из готской и византийской знати. Со стороны византийцев заложником был Зинон, со стороны готов — знатный гот Улия (Procop. BG, II, 7.13).

Однако византийцы, учитывая положение готов, отнюдь не были намерены честно выполнять условия перемирия. Прежде всего они попытались использовать перемирие для захвата наиболее важных стратегических пунктов вблизи Рима. Так когда голод и болезни вынудили остготские войска оставить Порт и приморский город Тосканы Центумцеллы (ныне Чивита-Веккия), то византийцы не замедлили занять их своими войсками (Procop. BG, II, 7.16—21). Эти потери сами по себе были уже весьма чувствительны для готов. Но для византийцев эти успехи имели особое значение, ибо они дали им возможность свободно пользоваться водным транспортом по морю и Тибру.

Для того чтобы заставить Витигиса окончательно снять осаду Рима, Велисарий в феврале 538 г. посылает в рейд по тылам готов в Пиценской области большой кавалерийский отряд под командованием Иоанна. Византийское командование надеялось на успех внезапного нападения на Пицен, потому что в этой области почти совсем не осталось мужчин-готов, ибо они все двинулись в поход на Рим. Непосредственная задача отряда состояла в том, чтобы, напав на эту фактически беззащитную область, беспощадно разграбить все имущество готов, а их жен и детей обратить в рабство (ἐξανδραποδίζειν). При этом Велисарий из политических соображений приказал Иоанну воздержаться от грабежей и насилий над местным италийским населением (Procop. BG, II, 7.28—30). Продолжая демагогическую политику привлечения на свою сторону населения Италии, Велисарий этим запретом хотел обеспечить византийским войскам поддержку местных жителей.

Иоанн поистине «блестяще» выполнил приказание Велисария. Имея под своим командованием две тысячи всадников, он, видимо в феврале 538 г., вторгся в Пицен, грабя и опустошая все на своем пути, а женщин и детей уводя в рабство (Procop. BG, II, 10.1).

Прокопий в своем официальном труде стремится всячески подчеркнуть, что византийские войска в Пицене учинили насилия лишь над жившими там семьями готов, а местному италийскому населению будто бы не причиняли вреда (Procop. BG, II, 17.6). Можно допустить, что среди какой-то части местного сельского населения, недоброжелательно относившегося к остготской знати и крайне измученного тяготами войны, демагогическая политика византийского командования стремившегося привлечь на свою сторону италийских жителей, на первых порах имела некоторый успех. Прокопий, во всяком

случае, утверждает, что в Аримин (ныне Римини), Иоанн вступил, приглашенный местным италийским населением (Ῥωμαίων αὐτὸν ἐπαγαγομένων), тогда как готский гарнизон бежал в Равенну в страхе перед местными жителями [74].

Иоанну удалось стремительно пройти весь южный Пицен. Войска выступившего против Иоанна дяди короля Витигиса Улифея были разбиты, сам остготский военачальник пал в сражении, а все его воины были перебиты. После этого поражения остготы, находившиеся в Пицене, уже не осмеливались вступить с Иоанном в открытое сражение. Только готские гарнизоны в крепостях Ауксиме (ныне Озимо) и Урбине (ныне Урбино) оказали византийцам упорное сопротивление. Но Иоанн, не задерживаясь для осады крепостей и оставив их в тылу своих войск, быстро двигался вперед, подбираясь к самому сердцу остготских владений — Равенне. После взятия Аримина дорога к столице Остготского государства была открыта для византийских войск.

Взятие Аримина имело и большое политическое значение. Остготское командование, обеспокоенное судьбой столицы государства Равенны, принуждено было в марте 538 г. окончательно снять осаду Рима. «Услышав об этом (о взятии Аримина.— *З. У.*),— пишет комит Марцеллин,— Витигис снял осаду Рима, которую он возобновил после нарушения перемирия, и оставив Рим, через вал Клодия и поля Тусции перешел Апеннины и, разбив лагерь на берегу реки Рубикон, осадил Аримин» (Marc. Chron. add., a. 538). Прокопий также связывает уход готов из-под стен Рима с диверсией византийцев в их тылу и взятием Аримина,но добавляет,что важной причиной, заставившей готов снять осаду Рима, было также и то, что они испытывали большие трудности со снабжением своих войск (Procop. BG, II, 10.12).

Уходя, готы подожгли свои лагери у стен Рима. Велисарий, по словам Прокопия, воспользовавшись замешательством готов, напал на отступавших и причинил им тяжелые потери (Procop. BG, II, 10. 13—20).

---

[74] Procop. BG, II, 10.5—6. Перевод С. П. Кондратьева (Прокопий. Война с готами, стр. 195); «римляне служили ему проводниками» — ошибочен: ἐπάγομαι (средний залог) значит «привлекать».

Прокопий принужден признать, что вторжение в Пиценскую область войск Иоанна вызвало страшную панику и среди местного сельского населения, которое тоже пострадало от бесчинств византийских солдат. «Когда в Пиценскую область пришло войско Иоанна,— пишет Прокопий,— то, естественно, среди местных жителей произошло большое смятение. Одни из женщин тотчас же бежали, кто куда мог, другие же были захвачены и, невзирая ни на что, уведены первыми встречными» (Procop. BG, II, 17.1). О жестокости Иоанна по отношению к населению Пицена см. Lib. Pont. V. Vigil., 1.

Так бесславно закончилась осада Рима армией Витигиса. Она не принесла готам ничего, кроме больших потерь, и ухудшила их взаимоотношения с широкими слоями италийского населения тех областей страны, которые оставались еще под их властью. На этом этапе войны тактика Велисария вполне оправдала себя.

§ 4. Поражения Витигиса и его капитуляция

В то время как остготская армия отступала от древней столицы Италии, византийский полководец Иоанн завязал тайные переговоры с женой короля Витигиса Матасунтой.

Матасунта, ненавидевшая своего мужа, весьма обрадовалась, узнав о захвате византийскими войсками Аримина и, задумав предательство, тайно отправила из Равенны к Иоанну послов для переговоров о свержении Витигиса с престола и о заключении нового, выгодного для нее брака с византийским полководцем (Прокоп. BG, II, 10.11). Нет сомнения, что Матасунта действовала не одна, а за ее спиной стояли влиятельные круги высшей остготской знати, мечтавшей о гибели «узурпатора», «солдатского» короля Витигиса и о заключении соглашения с Восточной Римской империей. Дальнейшие события, связанные с окончательным поражением Витигиса, подтверждают наше предположение.

Неудачи остготских войск активизировали всех врагов остготского правительства внутри Италии. Особенно энергичную деятельность в пользу империи проводили в это время высшее католическое духовенство и высшая римская аристократия. Еще зимой 537/538 г. епископ Милана Датис и несколько знатных граждан этого города проникли в Рим и объявили Велисарию, что с небольшим отрядом солдат византийцы могут завоевать Милан и всю Лигурию. «Они утверждали,— сообщает Прокопий,— что сами они достаточно сильны, чтобы без труда добиться отложения от готов не только Милана, но и всей Лигурии и перехода их на сторону императора». Византийцы, крайне заинтересованные в захвате Лигурии и Милана, этого «первого из всех западных городов после Рима по величине, численности населения и богатству города» (Прокоп. BG, II, 7.35—38), весьма охотно приняли предложение миланской знати и епископа Датиса, и весной 538 г. Велисарий послал в Лигурию военачальника Мундилу с отрядом в тысячу человек, состоявшим из исавров и фракийцев. Вместе с ними туда отправились посланцы миланской знати и префект претория Италии сенатор Фиделий, один из видных представителей римской сенаторской аристократии, активно, как мы помним, помогавший установлению власти империи в Италии. Фиделий,

миланец по происхождению, пользовавшийся, по словам Прокопия, известным авторитетом у лигуров, должен был способствовать выполнению важной миссии: привлечению на сторону императора населения Лигурии (Procop. BG, II, 12.26—28).

Из Рима византийские войска и знатные заговорщики прибыли морским путем в Геную, а оттуда сушей отправились в город Тичин (Павию). Готы мужественно защищали этот город, так как они собрали и спрятали в этой крепости свои сокровища. В сражении у стен города победа осталась за византийцами, однако овладеть Павией они не смогли. Готы захватили и убили Фиделия (Procop. BG, II,12. 32—35).

После смерти Фиделия Юстиниан назначил префектом претория Италии другого знатного римлянина из числа сторонников империи, сенатора Репарата, бежавшего,как мы уже упоминали, в Лигурию от готов перед расправой Витигиса в Равенне с заложниками — римскими сенаторами. Преданность Репарата империи и его ненависть к готам, по-видимому, были известны византийскому правительству, и оно сочло его подходящим кандидатом на этот высокий пост, надеясь, что он будет так же активно, как и Фиделий, содействовать установлению в Италии власти византийского императора.

От стен Павии, отряд Мундилы направился в Милан и при помощи прямой измены со стороны миланской знати, давно подготовлявшей сдачу города императору, без боя овладел этим крупнейшим городом Северной Италии (Procop. BG, II, 12.36—37). Потеря Милана чрезвычайно обеспокоила остготское правительство, и король Витигис, узнав об этом событии, тотчас послал в Лигурию своего племянника Урайю (Οὐραίας) с несколькими тысячами воинов. Кроме того, к Урайе на помощь под стены Милана прибыл двухтысячный отряд бургундов, наконец присланный франками во исполнение их союзного договора с остготами. Франки решились теперь на присылку военной помощи остготам (формально это были самостоятельные, не подчиняющиеся Теодеберту отряды) лишь потому, что вторжение византийских войск в Северную Италию составляло угрозу для владений самих франков в Южной Галлии. Остготские войска, соединившись с бургундами, стали лагерем около Милана и начали его осаду (Procop. BG, II, 12.37—39).

Византийский гарнизон в Милане был немногочислен (всего около 300 человек [75], и поэтому жители Милана по необходимости сами несли охрану стен города (Procop. BG, II, 12.40—41). Однако осада хорошо укрепленного города

---

[75] Значительная часть отряда Мундилы была расставлена гарнизонами в других городках Лигурии, захваченных византийцами: Бергоме (ныне Бергамо), Коме (ныне Комо), Новарии (ныне Новара) и др.

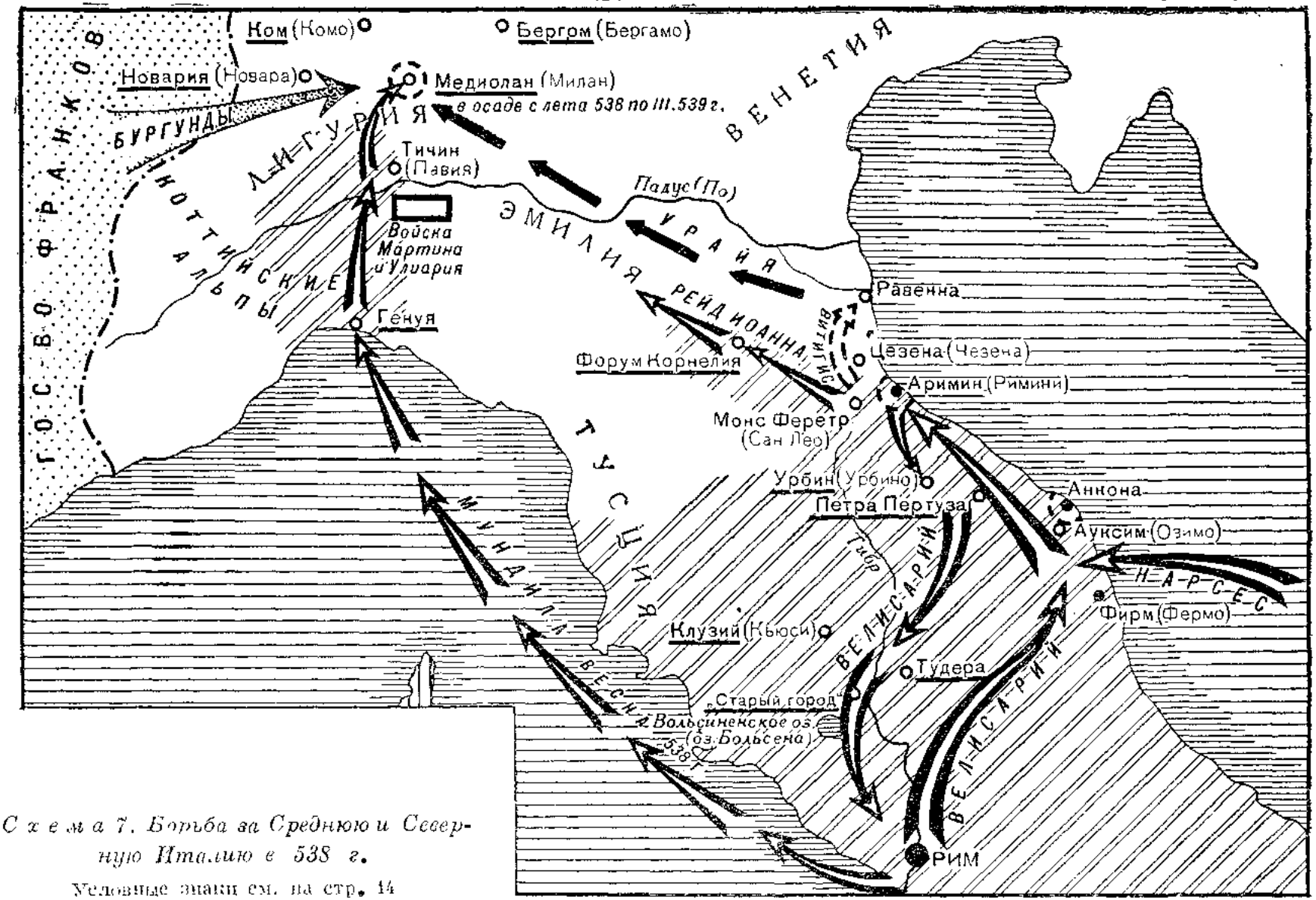


Схема 7. Борьба за Среднюю и Северную Италию в 538 г.

Условные знаки см. на стр. 14

затянулась до марта 539 г.[76] Племянник Витигиса Урайя, писал об этом комит Марцеллин, «долгой голодовкой удручал Медиолан, осаждая находившихся там со своими солдатами Мундилу и Павла» (Marc. Chron. add., a 538).

Предательская в отношении готов политика миланской знати и высшего католического духовенства является наиболее разительным, но далеко не единственным примером активной помощи и сочувствия византийским войскам со стороны римской и италийской аристократии. Некоторые представители местной знати, находившиеся на территории, занятой готами, с вторжением византийских войск в Италию бежали к византийцам и неизменно находили благожелательный прием со стороны византийского командования [77].

Тем временем Витигис, двигаясь к Аримину, приказал готским гарнизонам занять некоторые укрепления в Тусции и Пицене. В Тусции гарнизоны были оставлены в Клузии (ныне Кьюси), «Старом городе» и Тудере; в Пицене — в прекрасно укрепленной и почти совершенно недоступной крепости Петра Пертуза (Petra Pertusa), а также и в городах Ауксиме и Урбине.

---

[76] Procop BG, II,22.1. Ср. J. B. Bury. History..., vol. II, p. 205. Э. Штейн полагает, что осада началась в июне 538 г. (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 355, n. 1), однако то место Прокопия, на которое он ссылается (Procop. BG, II, 12.41), позволяет только сказать, что она началась до зимы 538/539 г.

[77] Так, например, приблизительно около того же времени, когда послы знатных граждан Милана прибыли в Рим к Велисарию, к византийцам бежал из Равенны некий Президий, римлянин родом, человек очень знатный. В Сполеции византийский военачальник Константин отнял у Президия драгоценное оружие. Пока готы осаждали Рим и исход войны был еще не ясен, Президий молчал о нанесенной ему обиде, но когда военное счастье явно стало склоняться на сторону византийских войск и готы сняли осаду Рима, он обратился с жалобой к Велисарию. Велисарий, стремившийся последовательно проводить политику привлечения на сторону империи населения Италии, в первую очередь, конечно, местной аристократии, был крайне разгневан и встал на защиту Президия. Это послужило причиной конфликта между Велисарием и Константином, закончившегося убийством последнего (Procop. BG, II, 8.2—18). Правда, быть может, столь трагически закончившееся столкновение между византийским главнокомандующим и одним из его лучших военачальников имело и какие-либо другие, более глубокие причины, связанные с политической борьбой внутри византийской армии или личной враждой между ними (см. намеки Прокопия в BG, II, 8. 15—18. Ср. Procop. H. a., I, 24; Marc. Chron. add., a. 538). Но важно и другое. Рассказ о столкновении из-за Президия является свидетельством того, что византийское командование в своей внутренней политике в Италии, особенно в первый период войны, очень считалось с мнением влиятельных кругов местной знати, ища у них помощи и поддержки. Наряду с широковещательными демагогическими декларациями, обращенными ко всему населению Италии, оно неустанно заботилось об установлении союза с римской знатью. В этом весьма отчетливо проявлялась социальная направленность политики Византии в Италии.

Несколько меньшие отряды заняли Цезену (ныне Чезена) и Монс Феретр (Mons Feretrus, ныне Сан-Лео) (Procop. BG, II, 11.1—3).

Бросается в глаза многочисленность готских гарнизонов, по данным Прокопия, в общей сложности насчитывавших около 10 тысяч человек. Это свидетельствует, что готская армия по своей численности еще представляла внушительную силу, несмотря на потери, понесенные ею под стенами Рима.

Велисарий, узнав о том, что готы двинулись к Аримину, послал отряд в 1000 всадников под командованием Ильдигера и Мартина по другой дороге в Аримин с тем, чтобы они, опередив медленно двигающуюся армию врага, помогли этому городу. Одновременно он решил отозвать из Аримина Иоанна, с которым у него были весьма натянутые отношения. Однако Иоанн отказался выполнить приказ главнокомандующего и остался в крепости, к стенам которой вскоре подошла и армия готов (Procop. BG, II, 11,4; 22).

По дороге в Аримин Мартину и Ильдигеру удалось хитростью овладеть Петрой Пертузой, готский гарнизон которой без особого сопротивления сдался византийцам. Часть сдавшихся готских воинов была включена в византийскую армию и двинулась вместе с ней, другие остались в крепости в качестве солдат на службе императора (Procop. BG, II, 11.19).

Зная, что гарнизон Аримина даже вместе с отрядом Ильдигера и Мартина не сможет долго защищать этот важный пункт, Велисарий решил сам двинуться ему на помощь, оставив в Риме небольшой гарнизон. По пути он овладел крепостями Клузием и Тудерой. Сдавшиеся в этих крепостях готские солдаты, хотя и были включены в византийскую армию, но сразу же отправлены в Сицилию или в Неаполь (Procop. BG, II, 13. 1—4), т. е. в глубь завоеванных византийцами территорий.

В это время Витигис, продолжая осаждать Аримин, одновременно направил крупный отряд на усиление своих войск в городе Ауксиме для осады Анконы, очень удобной гавани, расположенной от Ауксима на расстоянии примерно 12 километров. Охранявший этот порт византийский гарнизон из-за неосторожности и опрометчивости его командира Конона потерпел поражение от готов и с большим трудом спасся за стенами Анконы (Procop. BG, II, 13.6—15).

Еще в самом начале лета 538 г. византийское правительство, желая скорее закончить войну в Италии, направило туда новые значительные подкрепления (около 7000 воинов, в том числе двухтысячный отряд герулов) под командованием евнуха Нарсеса (Procop. BG, II, 13.16—18). Соединение обеих армий, армии Велисария, двигавшейся из Рима, и войск Нарсеса, прибывших в Пицен, произошло в конце июня или начале

июля около города Фирма (ныне Фермо), расположенного близ побережья Адриатического моря (Procop. BG, II, 16.1).

Посылка властного и честолюбивого Нарсеса, близко стоявшего к императору и пользовавшегося большим влиянием при дворе, не принесла пользы делу византийцев в Италии, так как между Велисарием и Нарсесом возникли серьезные разногласия. Разногласия эти начались на первом же после соединения армий военном совещании, когда обсуждался вопрос о плане дальнейших действий против готов. Нарсес настаивал на немедленном походе к Аримину на помощь Иоанну, Велисарий же, опасаясь удара остготских войск из Ауксима в тыл византийской армии, считал более целесообразным в первую очередь ликвидировать именно эту группировку противника.

Прокопий пытается объяснить эти разногласия тем, что Велисарий был разгневан на Иоанна, который ослушался его приказания и остался в Аримине, а для Нарсеса «Иоанн из всех людей был самым близким другом» (Procop. BG, II, 16.5). Но по существу, конечно, дело было не в отношении к Иоанну. Сам же Прокопий рассказывает далее, что, получив письмо от Иоанна, в котором тот сообщал, что гарнизон в Аримине сможет продержаться не более недели из-за крайнего недостатка продовольствия и невозможности одновременно защищаться от нападений готов и противиться народу, требующему сдачи города (Procop. BG, II, 16. 14—16), Велисарий, несмотря на то, что большинство командиров поддержало его первоначальный план, пошел на выручку Иоанна и успешно добился освобождения Аримина (Procop. BG, II, 17.12—23). Дело было в том, что Нарсес и некоторые другие военачальники (в том числе и Иоанн) были против той тактики измора, которой настойчиво продолжал придерживаться Велисарий. Они считали, что остготы уже «потеряли всякое мужество вследствие многих своих поражений» (Procop, BG, II, 16.11), и поэтому теперь уже незачем тратить время и силы на борьбу с отдельными отрядами противника, занимающими те или иные города, но надо идти на Равенну.

Суть разногласий со всей отчетливостью обнаружилась на другом военном совете, созванном Велисарием уже после ухода готов из-под Аримина. На этом совете Нарсес, а также поддерживавшие его военачальники, в том числе Иоанн, стояли за то, чтобы немедленно отправиться на завоевание области Эмилии, а затем и самой Равенны (Procop. BG, II, 18.25). Велисарий же считал необходимым сосредоточить военные операции в двух пунктах: часть армии срочно отправить на помощь осажденному готами Милану, оставшиеся же войска двинуть в Центральную Италию для овладения крепостью Ауксимом (Procop. BG, II, 18.22). Прекрасно зная, что неудачи еще

не сломили духа готской армии, Велисарий опасался далеко заходить в глубь Остготского государства, располагая сравнительно незначительными силами в 12 тысяч человек; да кроме того, византийцам грозила новая опасность со стороны франков, начавших активно помогать своим союзникам-остготам. Эти соображения заставили главнокомандующего решительно отвергнуть план Нарсеса, что вызвало сильное недовольство завистливого и гордого евнуха. Для обуздания Нарсеса Велисарий тогда прибегнул к крайнему средству: на совете византийских военачальников он показал письмо императора, где прямо говорилось, что Нарсес должен во всем подчиняться Велисарию как главнокомандующему (Procop. BG, II, 18. 27—29). Но даже приказ всемогущего императора на этот раз не мог сломить упорства Нарсеса, и отношения между полководцами так обострились, что фактически произошло разделение армии.

Так, когда основные силы византийцев двинулись к Урбину, то под стенами этого города были разбиты два лагеря — лагерь войск Велисария и лагерь войск Нарсеса (Procop. BG, II, 19.2). Вскоре же Нарсес пошел на открытый разрыв с главнокомандующим и ушел со всем своим войском из-под Урбина в Аримин (Procop. BG, II, 19.9—10). С Нарсесом ушли также Иоанн и Юстин. Вражда между Велисарием и Нарсесом достигла такой степени, что Нарсес, когда Велисарий благодаря счастливому случаю [78] овладел крепостью Урбин, не только не радовался победе византийского оружия, но наоборот, был опечален успехами своего соперника (Procop. BG, II, 19.18—19).

Сепаратные же действия войск самого Нарсеса в Эмилии не только не оказали какого-либо положительного для византийцев влияния на общий ход кампании, но напротив, по существу помогли остготам и бургундам успешно завершить осаду Милана. Дело в том, что отправленный Велисарием на помощь Милану большой отряд войск под командованием Мартина и Улиария, дойдя до реки По, медлил с переправой, боясь вступить в сражение с превосходящими силами готов и бургундов (Procop. BG, II, 21.1—2). Командующий византийским гарнизоном Милана Мундила послал к ним одного местного жителя по имени Павел и настойчиво убеждал их действовать решительно, ибо «Милан находится в великой опасности..., врагами теснимый, вами забытый»

[78] В осажденном городе высохли колодцы, и гарнизон сдался Велисарию (Procop. BG, II, 19.13—17). Комит Марцеллин сообщает, что, «когда Нарсес находился под Аримином, Велисарий, направляясь на зимовку в Рим, захватил сдавшиеся ему без боя Урбин, Старый город и острова на Вольсиненском озере» (Marc. Chron. add., a. 538).

(Procop. BG, II, 21.6). Однако византийские командиры, проявив малодушие и медлительность, так и не отважились двинуться к Милану, ожидая подкреплений от Велисария. Хорошо понимая, какой опасности подвергается Милан, Велисарий приказал Иоанну и Юстину, находившимся в это время в Эмилии, спешно идти на помощь осажденным. Но они наотрез отказались выполнить приказ главнокомандующего без официального разрешения Нарсеса. Поставленный дерзостью командиров в безвыходное положение, Велисарий должен был просить согласия Нарсеса, который скрепя сердце позволил Иоанну и Юстину отправиться в Милан (Procop. BG, II, 21.14—24). Однако было уже поздно. На все эти переговоры ушло столько времени, что в марте 539 г. истощенный страшным голодом гарнизон Милана и его жители сдались готам.

По рассказу Прокопия, голод с такой силой свирепствовал в осажденном Милане, что жители и гарнизон питались собаками, мышами и различной падалью (Procop. BG, II, 21.26). Город был сдан по настоянию византийских солдат, выговоривших себе у остготов неприкосновенность, а несчастные жители Милана, столь мужественно защищавшие свой город, были отданы на полный произвол победителей (Procop. BG, II, 21.38—39). «Готы,— пишет комит Марцеллин,— вступив в Милан, разрушают его стены, и, захватив добычу, убивают всех римлян, а вождей Мундилу и Павла отводят в Равенну» (Marc. Chron. add., a. 539). По словам Прокопия, остготы перебили в завоеванном городе около 30 тысяч способных носить оружие мужчин, а женщин обратили в рабство. Большое число пленных они потом подарили своим союзникам бургундам в благодарность за оказанную им помощь. Особенно сильный гнев остготских воинов обрушился на представителей высшей римской аристократии, ранее активно помогавших византийцам захватить Милан. «Найдя префекта претория Ренарата,— пишет Прокопий,— они изрубили его в куски и мясо его бросили собакам» [79]. Одному лишь сенатору Вергентину с немногими близкими ему людьми удалось бежать из Милана и через Далмацию прибыть в Константинополь, чтобы рассказать императору о трагической судьбе, постигшей один из прекраснейших городов Италии (Procop. BG, II, 21.41).

Потеря Милана, а затем и всех других городов Лигурии, в которых находились византийские гарнизоны, была тяжелым ударом для империи, так как она лишалась опорных пунктов, столь необходимых ей в предстоящей еще борьбе за Северную Италию. Юстиниан, наконец, понял что вражда между Велисарием и Нарсесом является серьезной помехой успешному

---

[79] Procop. BG, II, 21.40. Ср. Mar. Avent., a. 538.

ведению войны и что необходимо поставить во главе италийских войск одного командира. Поэтому весной 539 г. он отозвал Нарсеса в Константинополь, предоставив Велисарию неограниченные полномочия [80].

Разногласия среди высшего командования отрицательно сказались и на моральном состоянии византийских войск, расквартированных в Италии. Отряд наемников-герулов, игнорируя все обещания, данные византийскому правительству, после отозвания Нарсеса тоже решил покинуть Италию. Отказавшись служить под знаменами Велисария, герулы отправились в Лигурию, где столкнулись лицом к лицу с остготскими войсками Урайи. Они охотно продали остготам за большие деньги свою добычу, рабов и скот, которых они вели за собой. В числе этих рабов были захваченные в плен жители Италии, беспощадно порабощенные византийскими наемниками. Обещав остготам не участвовать в войне против них, герулы и на этот раз не выполнили своего обещания: соблазненные посулами византийцев, многие из них вскоре вновь перешли на службу к императору и возвратились в Византию (Procop. BG, II, 22.5—8).

В это время остготское правительство развило большую энергию в области дипломатии, стремясь во что бы то ни стало найти союзников в борьбе против Восточной Римской империи. В начале 539 г. остготы установили дипломатические связи с лангобардами, надеясь путем подкупа привлечь их на свою сторону. Однако этот ход остготского правительства не принес реальных результатов, ибо лангобарды не решились выступить против империи (Procop. BG, II, 22.11—12).

Тогда остготы задумали совершить против империи более опасную для нее дипломатическую диверсию. Прекрасно понимая, что успехи Юстиниана на Западе во многом зависят от мира на Востоке, они решили вновь разжечь старую вражду между Византией и ее давнишним врагом на Востоке Сасанидским Ираном. Весной 539 г. Витигис тайно отправил посольство к шаху Ирана Хосрову I Ануширвану. Посольство состояло из двух подкупленных готами лигурийских священников [81]. Отправляя это посольство, остготское правительство стремилось натравить Иран на Византию. Послы старались показать правительству Ирана, сколь опасны для державы Сасанидов успехи Византии на Западе. Они доказывали, что завоевание Северной Африки и Италии византийскими войсками чревато серьезными последствиями и для самого Ирана. Можно

---

[80] Procop. BG, II, 22. 4—5; Marc. Chron. add., a. 539.

[81] Procop. BG, II, 22. 14—20. Cp. E. Stein. Op. cit., t. II, p. 362.

предполагать, что на этот раз дипломатические усилия остготов имели определенный успех и, может быть, ускорили возобновление войны на Востоке. Во всяком случае весной 540 г. Иран нарушил «вечный мир» с Византией (Прокоп. BP, II, 3.12—15; BG, II, 22.15—20). Как мы увидим дальше, это оказало некоторое влияние на ход борьбы в Италии, но предотвратить поражение самого Витигиса уже не могло.

Пока велись переговоры с Ираном, военные действия в Италии продолжались с переменным успехом. Перезимовав в Риме, Велисарий весной 539 г. двинулся в Пицен и стал осаждать в городе Ауксиме сильную группировку остготских войск, без ликвидации которой опасно было двигаться к столице Остготского государства (Прокоп. BG, II, 23.1—10). Гарнизон готов, осажденный в этой крепости, просил Витигиса о помощи. Однако остготский король, боясь, что его войска не найдут пропитания в опустошенном войной Пицене, так и не решился послать своих воинов на выручку осажденным в Ауксиме готам (Прокоп. BG, II, 24.7—17).

Еще перед началом осады Ауксима Велисарий отправил значительный отряд византийских войск под командой Киприана и Юстина для осады города Фезулы (ныне Фьезоле). Витигис тотчас попытался послать на помощь этому городу войска своего племянника Урайи, находившиеся в Лигурии (Прокоп. BG, II, 24.18—21). Однако около реки По, недалеко от Тичина, Урайя вынужден был остановиться, так как у него на фланге оказались войска Мартина и Иоанна, в спешном порядке посланные сюда Велисарием (Прокоп. BG, II, 23.3—5). Не решаясь вступить в сражение, и византийцы и остготы построили укрепленные лагери недалеко друг от друга (Прокоп. BG, II, 24.21—24).

В это время тех и других постиг неожиданный удар. Франки, долгое время занимавшие выжидательную позицию в войне Остготского королевства с империей, теперь сочли, что настал удобный момент для нападения на Италию, ибо обе воюющие стороны уже были достаточно ослаблены взаимной борьбой. Король Австразии Теодеберт с большим войском перешел через Альпы и вторгся в Лигурию. Остготы, жившие в Северной Италии, радостно встречали франков, полагая, что те прибыли в качестве их союзников в войне с империей. Они охотно помогли франкам переправиться через По. Но франки, захватив мост через эту реку, обнаружили свои коварные замыслы, неожиданно перебив жен и детей живших поблизости остготов, а затем напали на войско Урайи, стоявшее неподалеку (Прокоп. BG, II, 25.9—12).

Остготские войска, не ожидавшие этого вероломного удара, были быстро смяты и наголову разбиты превосходящими

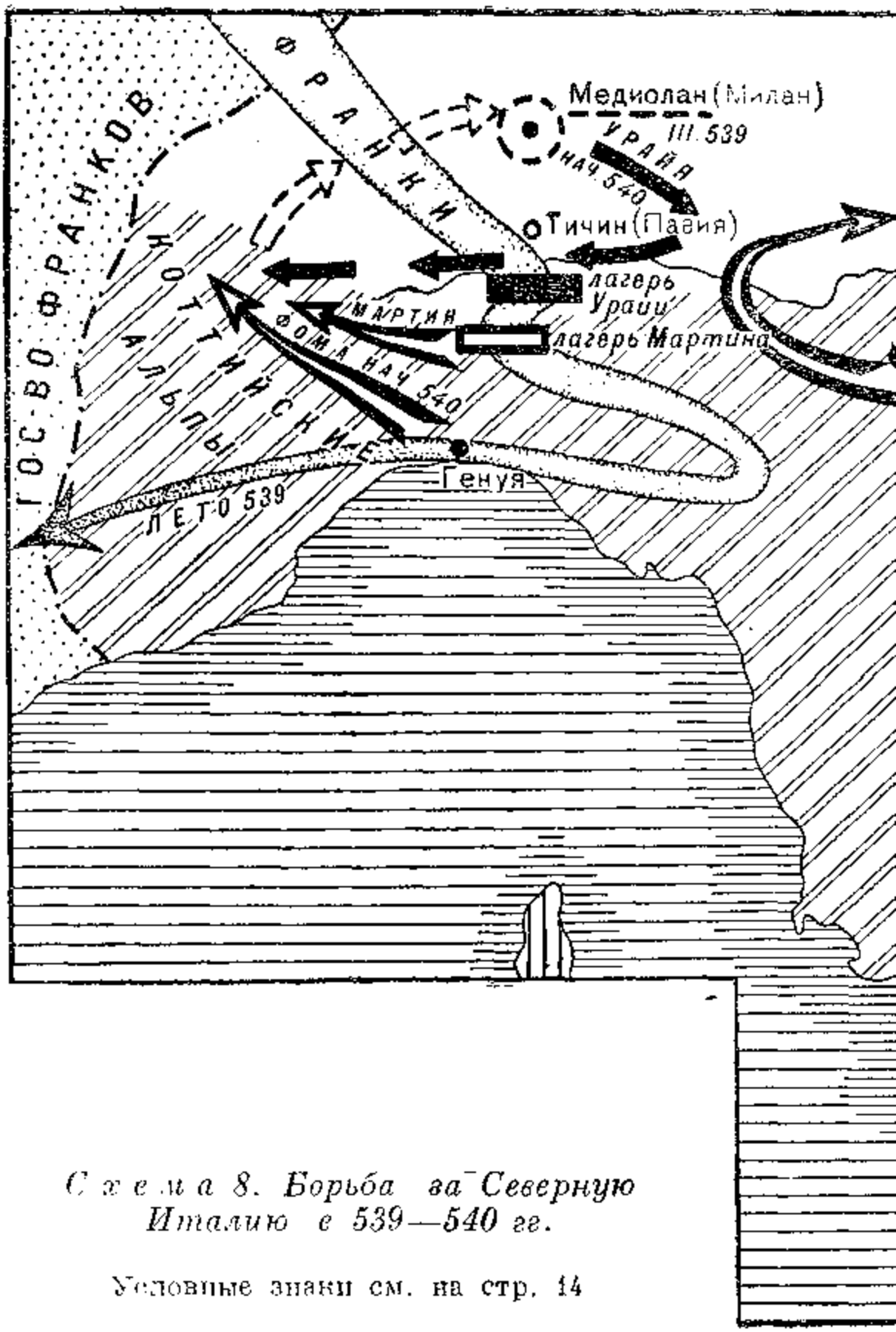
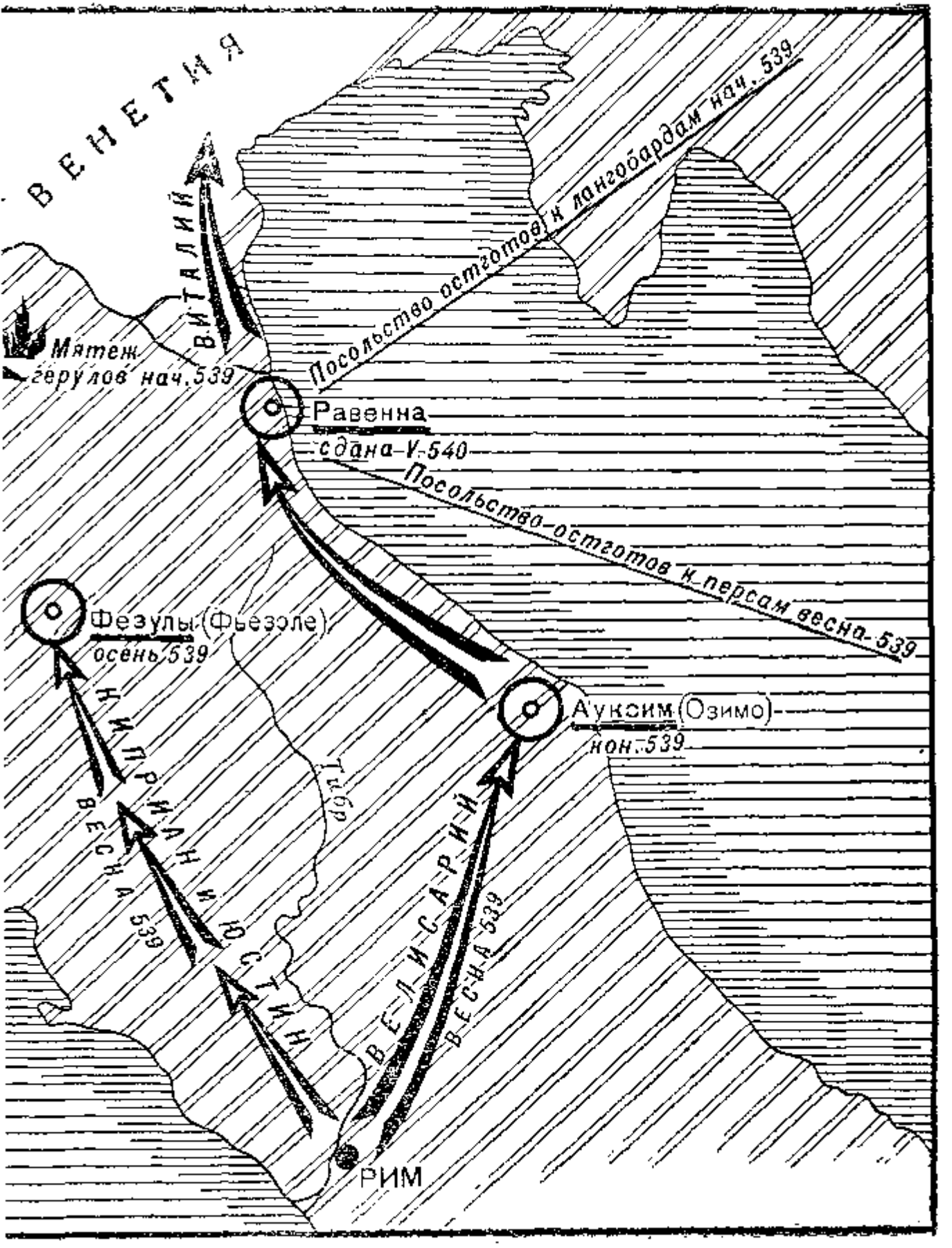


Схема 8. Борьба за Северную Италию в 539—540 гг.

Условные знаки см. на стр. 14


ВЕНЕТИЯ
ВИТАЛИЙ
Мятеж
герулов нач. 539
Посольство остготов к лангобардам нач. 539
Равенна
сдана V 540
Посольство остготов к персам весна 539
Фезулы (Фьезоле)
осень 539
Аукоим (Озимо)
кон. 539
ИНДИЛИЙ
ВЕСНА 539
ЮСТИН
Тибр
БЕЛИСАРИЙ
ВЕСНА 539
РИМ

силами франков [82] и в панике начали отступать. Затем франки столь же внезапно ударили и на ничего не подозревавших византийцев, Мартина и Иоанна, и обратили их в бегство (Procop. BG, II, 25.12—14). Победители разграбили оба лагеря и страшно опустошили окрестные области.

Велисарий, опасаясь нового столкновения с франками, написал письмо королю Теодеберту с требованием выполнить прежние обязательства по отношению империи (Procop. BG, II, 25.19—23). Но, конечно, не это письмо и угрозы византийского полководца, а болезни и голод, вызванные нехваткой провианта, заставили франков покинуть летом 539 г. Италию[83] Марий, епископ Авентика, сообщает, что «король франков Теодеберт, вторгшись в Италию, опустошил Лигурию и Эмилию, но его войско само пострадало от непривычного климата» (Mar. Avent., a. 539). На обратном пути франки завершили свои кровавые подвиги ограблением и разрушением города Генуи (Marc. Chron. add., a. 539). Предательское нападение франков значительно ухудшило положение готов и в конечном счете облегчило успехи византийцев.

Между тем готы, осажденные в Ауксиме, тяжко страдали от голода и, подкупив одного византийского воина, родом бесса, послали его в Равенну вторично просить помощи у Витигиса. В письме к королю они так описывали свои лишения: «Самой роскошной едой для нас является трава, растущая у стены, но и ее получить нам теперь невозможно без того, чтобы не потерять многих в бою» (Procop. BG, II, 26.7). Однако Витигис и на этот раз не сумел оказать помощи осажденному городу [84].

В это время византийцам сдались Фезулы, остготский гарнизон которых выговорил себе у византийских военачальников Киприана и Юстина неприкосновенность (Procop. BG, II, 27.25—26). Освободившиеся византийские войска вскоре соединились с армией Велисария, окружавшей Ауксим, а в конце

---

[82] Армия франков, по-видимому, действительно намного превосходила готов своей численностью; во всяком случае в памяти современников осталось представление о вторжении в Италию огромных полчищ этих «варваров». Так, Прокопий сообщает, что в Италию вторглось около 100 тыс. франков (Procop. BG, II, 25.2), Иордан же утверждает, что армия Теодеберта насчитывала даже более 200 тыс. воинов (Iord. Rom., 375. Ср. Marc. Chron. add., a. 539). О вторжении франков см. G. Löhlein. Die Alpen- und Italienpolitik der Merowinger, Erlangen, 1932, S. 35 f.

[83] Procop. BG, II, 25. 17—18,24; Iord. Rom., 375; Mar Avent., a. 539; Greg. Tur. Hist. Franc., III, 32; Pauli Diac. Hist. Lang., II, 2.

[84] Вскоре предательство византийского солдата, помогавшего передавать письма из Ауксима в Равенну и обратно, было раскрыто, и его сожгли живым на глазах у неприятеля (Procop. BG, II, 26.19—26).

539 г. последовала сдача и этого города [85]. Остготский гарнизон Ауксима первоначально пытался выговорить себе не только сохранение имущества, но и возможность уйти в Равенну. Однако Велисарий меньше всего был заинтересован в том, «чтобы такое количество выдающихся по доблести воинов» (Procop. BG, II, 27. 29) вернулось бы к Витигису, да и византийские солдаты не хотели отказаться от «заслуженной» ими добычи. В конце концов готам пришлось признать себя подданными императора и передать византийским воинам половину своего добра (χρήματα).

Защита Фезул и Ауксима, как и другие боевые действия этого времени, свидетельствовали, что и к концу 539 г. боеспособность остготских войск продолжала оставаться еще достаточно высокой. Вместе с тем несомненно, что в широких слоях остготских воинов появилось и постепенно укреплялось сомнение в способности Витигиса обеспечить успешный для остготов исход войны. Готы, пишет Прокопий, «с неудовольствием подчинялись власти Витигиса, как человека, которому ни в чем нет счастья» (Procop. BG, II, 29.17).

Усилению этих настроений весьма способствовало то обстоятельство, что с переносом военных действий в Северную Италию под непосредственной угрозой оказались семьи остготских воинов. Очень показательными в этом отношении были события, разыгравшиеся в начале 540 г. в области Коттийских Альп (Alpes Cottianae) [86].

В указанных местах этой области жило много остготских воинов вместе с женами и детьми. Эти воины несли сторожевую службу по охране укреплений и одновременно обрабатывали свои поля. Узнав о том, что начальник этих сторожевых отрядов Сисигис намерен сдаться, Велисарий послал туда своего приближенного Фому с небольшим количеством византийских войск. Сисигис действительно подчинился Фоме и побудил к тому же других (Procop. BG, II, 28.28—31). Против них двинулся Урайя, который с четырехтысячным отрядом, набранным среди лигуров и гарнизонов альпийских укреплений, должен был по приказу Витигиса спешить на помощь Равенне. Чтобы сорвать замысел Урайи, византийские военачальники Иоанн и Мартин, находившиеся в это время недалеко от реки По, стремительно вторглись в область Коттийских Альп и захватили в плен детей и жен остготских воинов, многие из которых служили в отряде Урайи. Тогда часть остготов Урайи

---

[85] Procop. BG, II, 27.28—34. Комит Марцеллин сообщает, что «Велисарий после семимесячной осады занял Ауксим, а также и Фезулы» (Marc. Chron. add., a. 539). Он ошибочно относит эти события ко времени до падения Милана. См. J. B. Bury. History..., vol. II, p. 207, n.1.

[86] См. о них RE, Bd. I, Sp. 1602.

узнав о судьбе своих близких, тоже решила сдаться Иоанну и Мартину. Урайя с горсткой верных ему солдат принужден был отступить в Тичин и оказался не в состоянии помочь Равенне, которую как раз в это время Велисарий окружил прочным кольцом осады (Прокоп. BG, II, 28.31—35).

Подобное поведение свободных остготских воинов-земледельцев является весьма важным показателем отхода средних слоев остготского общества от правительства Витигиса. Этот король, поднятый на щит своими воинами, оказался неспособным встать выше интересов придворной клики остготской знати, хотя сам был выходцем из средних слоев населения. Он не оправдал чаяний свободных остготских воинов, надеявшихся, что этот «солдатский» король действительно защитит их семьи и их имущество. Поэтому-то теперь многие остготские воины, не веря в победу под руководством Витигиса, предпочитали мир продолжению этой войны, поскольку они еще совершенно не представляли себе, что им несет владычество империи.

Учитывая эти настроения Велисарий и счел возможным после взятия Фезул и Ауксима направить главные свои силы против Равенны (Прокоп. BG, II, 28.1).

В Равенне же все большее влияние вновь приобретала та группа остготской знати, которая высказывалась за соглашение с Восточной Римской империей. Явно под давлением этой знати были сорваны переговоры с присланным франками посольством [87]. Более того, в это крайне тяжелое для Остготского государства время в стенах равеннского дворца тайно плелись нити заговора против Витигиса. Душой этого заговора была сама остготская королева Матасунта.

Знатные заговорщики нанесли непоправимый удар в спину остготским войскам, расквартированным в Равенне. Благодаря их помощи Велисарию удалось установить связь с одним из жителей Равенны, который, подкупленный византийским золотом и, видимо, понуждаемый заговорщиками, однажды ночью поджег находившиеся в городе амбары с зерном. Потеря всех хлебных запасов скоро привела к голоду в столице Остготского государства. В Равенне упорно связывали эту диверсию с именем Матасунты, считая, что поджигатель был агентом Матасунты и действовал по ее указанию. Поджог хлебных амбаров посеял панику и недоверие среди готов, понявших, что внутри города действуют предатели (Прокоп. BG, II, 28.25—27).

Под влиянием этой же группы знати Витигис начал мирные переговоры с империей. Сама империя также нуждалась в

---

[87] Прокоп. BG, II, 28. 7—23. Возможно, что некоторую роль в срыве соглашения между остготами и франками сыграли и специально посланные в Равенну Велисарием представители.

мире. Явное нарастание опасности новой войны с Ираном, возможно, как уже говорилось выше, инспирированной в какой-то мере остготским правительством, заставило Юстиниана приступить к переговорам о мире с Витигисом, и при этом на благоприятных для остготов условиях. Император соглашался, чтобы во владении остготов остались все земли за рекой По, т. е. провинции Лигурия и Венетия. Все остальные области Италии включались в состав империи. Сокровища остготских королей должны были быть разделены между Витигисом и византийским императором (Procop. BG, II, 29.1—2). Эти условия были достаточно умеренными, и остготское правительство готово было их принять. Однако Велисарий, мечтавший о покорении всей Италии и полной капитуляции остготского правительства, всячески препятствовал оформлению этого договора (Procop. BG, II, 29.3—6).

Тогда остготская знать, «уцелевшие среди готов наиболее знатные лица» (εἴ τι ἐν Γότθοις καθαρὸν ἦν) (Procop. BG, II, 29.18), заподозрив искренность мирных предложений византийцев, начали тайные переговоры с Велисарием. Они обратились к нему с заманчивым предложением стать императором Запада и королем готов. Они дважды отправляли послов к Велисарию с тем, чтобы «публично (ἐς τὸ πλῆθος) говорить о чем-то другом, тайно же получить от Велисария клятвенные обязательства, что он никому из них не сделает ничего плохого и в дальнейшем будет императором италийцев и готов; после соглашения послы вместе с ним и с римским войском должны были войти в Равенну»[88]. Таким образом, придворная остготская знать задумала передать власть в Италии византийскому полководцу Велисарию.

Однако Велисарий не решился принять предложенный ему трон[89], но использовал эти переговоры для того, чтобы при

---

[88] Procop. BG, II, 29.26. Перевод С. П. Кондратьева (Прокопий. Война с готами, стр. 254): «говоря, что народу они скажут, что-нибудь другое»— ошибочен. Выражение: «πρέσβεις...στέλλουσιν...ἐροῦντας» можно перевести только: «Они посылают послов, чтобы те сказали».

[89] Прокопий всячески стремится обелить Велисария, однако некоторые приводимые им же факты (Procop. BG, II, 29. 29—30) невольно наводят на подозрение, что Велисарий втайне все же замышлял захват власти над Италией или во всяком случае какое-то время колебался в этом вопросе. В частности, едва ли случайно, что, заключив тайное соглашение с остготской знатью, Велисарий тотчас отослал под видом фуражировки из-под Равенны в различные пункты Италии всех византийских военачальников, настроенных к нему враждебно. Среди них были Бесса, Иоанн, армянин Нарсес и Аратий. Все они были сторонниками заклятого врага Велисария евнуха Нарсеса и, конечно, первые могли бы выступить против главнокомандующего. Вместе с ними был отослан и префект претория Афанасий, недавно прибывший из Византии. Он был близок к константинопольскому двору и мог бы разоблачить перед императором замыслы Велисария. Подобные меры предосторожности наводят на мысль,

помощи остготской знати овладеть Равенной. И действительно, в мае 540 г. византийские войска без боя вступили в столицу Остготского государства. Одновременно византийский флот, нагруженный продовольствием, вошел в гавань Равенны Класис[90].

Таким образом, решающую роль в сдаче Равенны сыграла предательская политика остготской знати, действовавшей вопреки желанию своего народа. Прокопий отчетливо сознавал это. Описывая вступление византийских войск в столицу Остготского государства, он рисует весьма красочные сцены возмущения готского населения Равенны воинами, сдавшими город не столь сильному, как они думали, неприятелю. «Ведь готы, пишет Прокопий,— и числом и силой намного превосходили своих противников и, когда они были в Равенне, они не были побеждены в сражении и их мысли не были подавлены чем-либо другим; и тем не менее они оказались военнопленными людей гораздо более малочисленных». Готские женщины из народа, негодуя на сдачу столицы неприятелю, плевали в лицо своим мужьям, обвиняя их в трусости (Procop. BG, II, 29.33—35).

Но нельзя отрицать того, что известную роль в падении Равенны сыграло также и растущее недовольство против Витигиса и его придворной клики со стороны рядовых остготских воинов. Прокопий объясняет это недовольство преимущественно тяготами войны (Procop, BG, II, 29.17). Однако, как показывает дальнейшая история мужественного сопротивления остготов в Италии, остготские воины могли стойко выносить любые лишения, когда они боролись за свои интересы и верили своим вождям. Теперь же в рядах защитников Равенны, так же как и среди воинов в Лигурии и Коттийских Альпах, чувствовалась не только усталость от войны, но и растущее безразличие к судьбам того правительства, которое уже полностью дискредитировало себя в их глазах. Рядовые остготские воины, земледельцы теперь больше всего опасались, как бы поражение не повлекло бы за собой их переселение из Италии в Византию (Procop. BG, II, 29.17) и потерю тех участков земли, кото-

---

что Велисарий, быть может, втайне и склонялся к захвату власти в Италии, но боялся сопротивления враждебных ему высших командиров византийской армии. Следует отметить — на это обратил уже внимание Ф. Мартруай (F. Martroye. L'Occident à l'époque Byzantine. Goths et Vandales. Paris, 1904, p. 401—402),— что еще в 539 г. армянские послы сообщили Хосрову, будто Велисарий перестал быть генералом Юстиниана, сделавшись правителем Италии. По-видимому, эта идея родилась еще до остготского посольства 540 г.

[90] Procop. BG, II, 29. 31—32. Точную дату вступления византийских войск в Равенну (май 540 г.) указывает Агнелл (Agn., 62). Ср. J. B. Bury. History..., vol. II, p. 213.

рые они обрабатывали. Их тянуло вернуться вновь на свои земли и возделывать их.

Но не следует переоценивать этот момент. Недаром же Велисарий и после капитуляции Равенны опасался выступления именно рядовых остготских воинов бывшего равеннского гарнизона. По словам Прокопия, он разрешил «варварам, которые жили по сю сторону реки По», свободно уходить из Равенны, полагая, «что с этой стороны ему не грозит никакой опасности и что готы здесь никогда не соберутся против него, так как раньше ему удалось многих из римского войска разместить по этой местности» (Procop. BG, II, 29.35—36).

К несчастью для готов, Витигис, в то время как разыгрывался последний акт трагедии его царствования, проявил полнейшее малодушие [91] и фактически пошёл на сговор с победителем. Именно поэтому византийцы, захватив Витигиса в плен, обошлись с ним весьма милостиво, и остготский король, хотя и содержался в Равенне под стражей, но был окружен всяческим почетом (Procop. BG, II, 29.35).

Вскоре после взятия Равенны Велисарий был отозван из Италии и возвратился в Константинополь, везя с собой пленного Витигиса [92], королеву Матасунту [93] и некоторых других потомков короля Теодориха [94], многих знатных готов [95] и все

---

[91] Procop. BG, II, 29. 24—27. Malal., XVIII, 13; Marc. Chron. add., a. 540; Iord. Rom., 375; Get. 313; Agn., 62; Mar. Avent., a. 540. В «Жизнеописании Вигилия» (Lib. Pont. V. Vigil., 1) содержится иная, ошибочная версия о конце царствования короля Витигиса. Там рассказывается, что Витигис, разбитый Велисарием в сражении, бежал ночью из Равенны, но был настигнут и схвачен византийским полководцем Иоанном по прозвищу «Кровавый». Иоанн якобы привел Витигиса в Рим к Велисарию и папе Вигилию. Папа и византийский полководец дали остготскому королю в базилике Юлия торжественную клятву, что он будет доставлен невредимым к императору Юстиниану. Эту же ошибочную версию автора «Жизнеописания Вигилия» повторил и Павел Диакон (Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 19).

[92] За свою покорность Витигис получил от императора сан патрикия и значительные земельные владения в Малой Азии. В этих поместьях он и окончил свои дни спустя два года после поражения (Iord. Get., 313). В «Жизнеописании Вигилия» по этому поводу сказано следующее: «Когда они привезли его в Константинополь, император обрадовался и, сделав его патрикием и комитом, отправил к границам персов, где он затем и умер» (Lib. Pont. V. Vigil., 1. Ср. Pauli Diac. Hist. Rom. XVI, 19).

[93] Матасунта как ревностная сторонница империи удостоилась в Византии высших почестей и после смерти своего мужа вторично вышла замуж за племянника императора Юстиниана, патрикия Германа (Procop. BG, III, 39. 14—15; Iord. Get. 314).

[94] В частности, среди знатных остготских пленников находился Амалафрид, внук Амалафриды, сестры короля Теодориха, и сын Герменефрида, короля турингов (Procop. BG, IV, 25.12).

[95] В числе пленников были и сыновья Ильдибада, будущего короля остготов (Procop. BG, III, 1.1).

сокровища остготских королей [96]. Окончательное, как он думал, замирение Италии Юстиниан поручил другому своему полководцу Констанциану.

Падением Равенны и капитуляцией правительства Витигиса закончился первый период войны Восточной Римской империи с королевством остготов. За пять лет византийские войска одержали в Италии значительные победы. Эти победы объясняются не только военным превосходством империи над остготами [97]. Очень важную роль сыграло и то обстоятельство, что в Италии, так же как и в Северной Африке, византийцы встретили поддержку своих союзников: римской рабовладельческой знати и высшего католического духовенства. Успехи византийцев во многом были облегчены и наличием острых противоречий внутри остготской знати между ее двумя основными группировками: военной остготской знатью, стоявшей за независимость Остготского королевства, и проримской партией сторонников сближения с римской аристократией. Византийское правительство постоянно поддерживало своих сторонников в среде высшей остготской знати, привлекая их щедрыми посулами и прямыми подачками. И хотя в 536 г. под давлением военной остготской знати и рядовых остготских воинов наиболее активные сторонники союза с римской аристократией были оттеснены от власти, они продолжали действовать в пользу империи путем тайных заговоров и дворцовых интриг. Они особенно активизировали свои происки, по существу при попустительстве Витигиса, после неудачной осады Рима. Ярким примером подобной предательской политики высшей остготской знати является деятельность Матасунты и ее сторонников, активно способствовавших сдаче Равенны византийским войскам. В то же время даже правители, которых вначале поддерживали широкие слои рядовых остготских воинов (Витигис и др.), не сумели закрепить эту поддержку. Более того, Витигис своей политикой сближения с высшей остготской знатью и своим малодушным заигрыванием со сторонниками империи оттолкнул от себя основную массу рядовых остготских воинов, что во многом и предопределило его поражение.

---

[96] Procop. BG, II, 30. 29—30; III, 1.1 Видимо, завидуя победам Велисария, а возможно и подозревая своего полководца в намерении занять трон западных императоров, Юстиниан лишил победителя остготов триумфа, подобного тому, который тот справлял после победы над вандалами. Замечательные сокровища Теодориха император не выставил на показ всему народу, а лишь тайно разрешил осмотреть сенаторам (Procop. BG, III, 1.2—3).

[97] Procop. BG, I, 27. 26—29. Как мы видели, первоначально армия Велисария была немногочисленна, но в ходе войны она все время пополнялась новыми подкреплениями, прибывавшими из империи.

Но наряду со всеми этими факторами, влияние которых в той или иной степени признает и буржуазная историография, есть еще один, рассмотрение которого совершенно необходимо для понимания всего хода войны в Италии и, в частности, ее первого периода. Речь идет о позиции широких слоев римско-италийского населения.

По представлению подавляющего большинства ученых, изучавших историю Италии этого времени, эти слои чуть ли не в течение всей войны лишь покорно безмолствовали, тяжко страдая от бесчинств как остготских, так и византийских войск. Население Италии, по их мнению, лишь молчаливо взирало на хозяйничанье иноземцев в стране, терпеливо перенося все ужасы войны, связанной с борьбой двух одинаково чуждых ему сил [98]. Другие историки, наоборот считали, что огромное большинство населения Италии якобы восторженно встречало имперские войска, как своих избавителей от ига готов, и всецело поддерживало империю [99].

Изучение всего хода исторических событий того времени показывает, что ни те ни другие историки не правы. Италия в этой тяжелой борьбе вовсе не была лишь страдающей стороной. Ее народ, в то время как на его земле разыгрывались эти трагические события, отнюдь не оставался пассивным и равнодушным. Выше мы видели, что уже в первый период войны население Италии нередко само участвует в этой борьбе. Но в то время широкие слои народа еще не сделали решительного выбора между византийцами и остготами. Народные массы этой страны, уже испытавшие тяжелую руку остготской знати, но еще не знавшие, что несет им византийское завоевание, иногда совсем не привлекала перспектива сражаться за интересы остготского правительства. Поэтому-то в отдельных областях Италии на первых порах имела некоторый успех демагогическая политика византийского командования, стремившегося всеми средствами привлечь на свою сторону коренное население Италии. В Сицилии и Южной Италии, где поселения свободных остготских воинов были редки, где еще сохраняли значительное влияние римская рабовладельческая знать и католическое духовенство, сторонники империи сумели на некоторое время повести за собой и определенную часть населения.

---

[98] L. Halphen. Les barbares. Paris, 1926; R. Lafouche. Les grandes invasions et la crise de l'Occident du V-e siècle. Paris, 1946; G. Romano, A. Solmi. Le dominazioni barbariche in Italia. Milano, 1940.

[99] L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 262 f.; T. Hodgkin. Italy and her invaders, Oxford, 1916, p. 9 f.; P. Villari. Le invasioni barbariche in Italia. Milano, 1901, p. 186 sg.; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 346 sq.

Этим объясняется добровольная сдача многих городов Сицилии и Южной Италии византийским войскам. В Риме свободное трудовое население города, видимо, хотя и на короткий срок, также в какой-то мере поддалось агитации католического духовенства и сенаторской аристократии.

Однако подобные настроения среди народных масс Италии встречались далеко не повсеместно. Так, уже в самом начале войны население Неаполя оказало упорное, поистине героическое сопротивление византийцам. В дальнейшем по мере развертывания военных действий позиция народных масс на территории Италии, оказавшейся под властью Велисария, начинает меняться, и притом явно не в пользу империи. Этот поворот особенно ясно виден на примере поведения трудового населения древней столицы Италии, которое, хотя и проявляло патриотизм в защите своего города от остготов, но в то же время все более и более тяготилось властью византийцев, и даже подняло против них открытое возмущение.

Но остготское правительство Витигиса в силу своей узко классовой политики не поддержало этот начавшийся было поворот в настроениях народных масс полуострова. Напротив, остготские военачальники и солдаты порою беспощадно расправлялись не только с римской знатью и католическим духовенством, поддерживающими империю, но и с самим местным населением, как это, например, было при взятии остготами Милана. В связи со всем этим борьба против византийцев в первый период войны в Италии еще не приняла характера общенародной борьбы, и это во многом способствовало победе византийских войск. Но так же как и в Северной Африке, реакционная и хищническая политика Византии в Италии, обусловившая резкое ухудшение положения широких слоев римско-италийского населения, очень скоро вызвала новое сопротивление народных масс страны, а также и самих, казалось уже разбитых, готов.

Поэтому, хотя Юстиниан и торжествовал победу, хвастливо прибавив к своим титулам «африканский» и «вандальский» еще титул «готский», а знатные эмигранты, ликуя, возвращались в Италию, их радость была преждевременной. Буквально через несколько месяцев после капитуляции Витигиса в Италии начался новый период войны, гораздо более опасный для империи и ее союзников, так как на этот раз в борьбе приняли активное участие значительно более широкие массы римско-италийского населения, чем это имело место в 535—540 гг.

Глава II

БОРЬБА ОСТГОТОВ И НАРОДНЫХ МАСС ИТАЛИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ТОТИЛЫ ПРОТИВ ВИЗАНТИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

§ 1. Политика византийского правительства в завоеванных областях Италии. Начало второго периода войны и приход к власти Тотилы

После первых же успехов в войне с остготами византийское правительство стремилось ввести на завоеванной территории византийскую административно-политическую и финансовую систему и укрепить те тенденции социально-экономической жизни, которые соответствовали интересам господствующего класса Восточной Римской империи и его союзников в Италии.

Так, уже в 537 г. особой новеллой императора Юстиниана, изданной на имя квестора Трибониана, Сицилия была превращена в византийскую провинцию и подчинена власти центрального правительства (Nov. Just., 75 — Nov. Just., 104). Но, видимо, в интересах местной знати в Сицилии, так же как в Северной Африке и некоторых восточных провинциях, правительство Юстиниана не пошло на немедленное объединение военной и гражданской власти в руках одного правителя[1]. Во главе гражданского управления Сицилией был поставлен

[1] Еще в середине 30-х годов правительство Юстиниана провело в Восточной Римской империи широкие административные реформы, коснувшиеся преимущественно восточных и некоторых европейских провинций. Эти реформы состояли в расширении административных округов, в сплочении их в сильные территориальные единицы путем подчинения двух провинций власти одного правителя (претора, ректора, проконсула и др.). Особое значение имело соединение в руках этих новых правителей провинций гражданской и военной власти. Юстиниан в новеллах, вводив-

претор, непосредственно подчиненный квестору священного дворца (quaestor sacri palatii) в Константинополе (а позднее префекту претория Италии, см. ниже, стр. 498). Претор Сицилии ведал назначением чиновников гражданской администрации, контролировал их деятельность; в его руках находился суд по гражданским делам и контроль над сбором налогов. Апелляции на решения суда претора подавались непосредственно квестору в Константинополь. Претор не должен был вмешиваться в дела военной администрации, за исключением распределения расходов, идущих на уплату жалования воинам. В новелле указывалось, что командование войсками, расположенными на острове, и вся военная администрация должны были быть сосредоточены в руках военного командира — дука (dux)[2]. По-видимому, такую же административную систему — и по тем же причинам — византийское правительство намеревалось ввести и в других частях Остготского государства по мере их завоевания. Напомним, что тотчас же после вступления Велисария в Рим Фиделий, один из наиболее активных сторонников империи, был назначен префектом претория[3] Ита-

---

ших новое административное устройство, прямо говорил о причинах этих реформ. Основной задачей их являлось укрепление власти наместников областей для борьбы с восстаниями народных масс и отдельных покоренных туземных племен (см., например, Nov. Just., 24, 25, 26, 30, 39). Известную роль играло также стремление побороть сепаратизм провинциальной знати и прекратить постоянные распри военных и гражданских властей (Nov. Just., 26, 28, 30). Все это в соединении с введением оплаты государственных чиновников и отменой продажи должностей должно было, по мнению законодателя, обеспечить коренное улучшение административного строя империи.

[2] Византийский император рассматривал Сицилию как свое личное владение, называя ее «nostrum quodammodo peculium». Подобное обозначение применялось в византийском законодательстве еще только по отношению к Египту. Об административном устройстве Сицилии после византийского завоевания см. L. M. Hartmann. Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien. Leipzig, 1889, S. 35—36, 142; Ch. Diehl. Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne. Paris, 1888, p. 83 sq.; L. Genuardi. L'organizzazione pubblica della Sicilia nei tempi bizantini.—«Atti dei Società italiana per il progresso delle Scienze», V, 1936, p. 7—38; B. Pace. I barbari ed i Bizantini in Sicilia.— «Arch. Stor. Sicil.», XXXVI, 1911, p. 3—31). Новые реформы не коснулись также и Армении, где была сильна местная знать и византийское правительство опасалось вводить строгую централизацию (Nov. Just., 31).

[3] Характерно, однако, что уже в 539 г. это место занял Афанасий, представитель не местной римско-италийской, а константинопольской знати (Procop. BG, II, 29.30). По-видимому, такая тенденция имела место в этот период и при замещении других высших должностей. В противном случае было бы совершенно непонятным упоминание об этом в речи Тотилы, приведенной у Прокопия (Procop. BG, III, 21.14). В 50-х годах Юстиниан вынужден был действовать уже несколько по-другому (см. ниже, стр. 498 сл.).

лии (Procop. BG, I, 20. 20). На деле, однако, во всех завоеванных провинциях Италии реальная власть в течение всей войны находилась в руках византийских военачальников, и, судя по всему, Юстиниан не очень энергично стремился к изменению этого положения.

Столь же определенна и социальная направленность тех мероприятий, которые проводились в Италии византийским правительством в сфере правовых отношений. Здесь дело не сводилось только к отмене всех тех юридических нововведений, которые были осуществлены при остготах. Юстиниан настойчиво и последовательно пытался распространить на завоеванные области Италии как все свои новеллы, так и кодекс, т. е. ту систему права, которая в наибольшей степени соответствовала интересам рабовладельцев в условиях обострения кризиса рабовладельческого строя [4].

Новеллы Юстиниана, изданные между 537 и 540 гг., а также наиболее важные эдикты византийского правительства, обнародованные ранее, не только доводились до сведения жителей этих областей (о чем есть прямые упоминания в самих новеллах и в Прагматической санкции 554 г.)[5], но и становились там действующим правом [6].

---

[4] И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. М., 1956, стр. 6—10.

[5] Nov. Just., 69, 70, 73, 75, 80, 89, 91, 101, 104, 106 etc. В Прагматической санкции 554 г. мы читаем о распространении на Италию византийского законодательства еще в период, предшествовавший ее окончательному завоеванию в 50-х годах VI в.: «Сверх того мы постановляем, чтобы соблюдались право (iura) и законы (leges), содержащиеся в нашем кодексе, которые мы уже давно (iam... dudum) послали в Италию в виде отдельных эдиктов» (Pragm. Sanc., 11).

Большинство исследователей считает, что Дигесты (iura) и кодекс (leges codicibus nostris insertas) были опубликованы в Италии после восстановления там префектуры претория, т.е. около 537—538 гг. (Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 83;, L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 107; P. Noailles. Les collections de Novelles de l'empereur Justinien. Paris, 1912, p. 166—167; A. Gaudenzi. Sui rapporti tra l'Italia e l'Impero d'Oriente fra gli anni 476 e 554. D. C. Bologna, 1888, p. 166—172. Относительно времени публикации новелл в научной литературе имеются расхождения. Одни ученые считают, что в Италии до окончательного ее завоевания публиковались лишь отдельные новеллы, а сборник всех новелл был издан лишь в 556 г. Коллекция же новелл, известная под названием «Authenticum», и является именно этим сборником (K. E. Zachariae von Lingenthal. Zur Geschichte des Authenticum und der Epitome Novellarum des Antecessor Julianus.—«Sitzungsberichte der Akademie der Wiss.». Berlin, 1882, S. 993—1003). Другие ученые, хотя и признают публикацию отдельных новелл Юстиниана в Италии еще до 554 г., но сомневаются в издании там полного их сборника и в идентичности его. «Authenticum» (P. Noailles. Op. cit., p. 168—178). Ср. A. Gaudenzi. Op. cit., p. 198—229.

[6] Среди провинций, на которые распространялось действие этих законов, прямо названа Италия.

Особенно ярко общие реставраторские тенденции византийского законодательства проявлялись в предписаниях, касающихся положения зависимого и полусвободного населения— рабов и колонов. Эти тенденции выражались прежде всего в лишении так называемых свободных колонов прав собственности и прикреплении «приписных» и даже свободных колонов к земле [7]. Хотя Юстинианово законодательство не отрицает, что свободный колон может иметь собственность, а не только полученный от господина пекулий, но в случаях спора между колонами и землевладельцами о праве собственности на землю оно всегда встает на сторону господина и подвергает сомнению права собственности колонов (C.J., VII, 32.2—3;XI, 48.17). «Колон,— пишет законодатель,— не может оспаривать право владения против воли и без ведома господина» (C. J., XI, 48.17). Этот факт свидетельствует, что тенденции, проводимые византийским законодательством, сводились к постепенному лишению свободных колонов реальных прав собственности на землю, а также, возможно, и на рабочий скот и инвентарь [8]. Подобных тенденций не было, как мы знаем, в остготском законодательстве, которое признавало за свободными колонами-рустиками неотъемлемое право владения рабочим скотом, инвентарем и даже рабами (E. Theod., 150. См. выше, стр. 107 сл.).

Реакционные тенденции Юстинианова законодательства

---

[7] Принципиальное различие между свободными колонами и так называемыми приписными (адскриптициями-энапографами) состояло в том, что первые являлись собственниками земли и имущества, кроме того участка земли, который они получали в аренду от землевладельца, в то время как адскриптиции не имели другой земли, помимо участка, данного им господином в виде пекулия, причем этим участком они не могли распоряжаться без разрешения хозяина земли (C. J., XI, 48. 19, 23; 50. 2; Cp. Const. Just., I; Nov. Just., 162. См. L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 117, 129, 366; P. Collinet. La politique de Justinien à l'égard des colones.— «Atti del V Congresso internazionale di Studi Bizantini», vol. I. 1939, p. 600—611; Ch. Saumagne. Du rôle de l'«Origo» et du «Census» dans la formation du colonat romain.—«Byzantion», vol. XII, 1937, p. 542—552; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 208 sq.; А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в Западных провинциях Римской империи в IV—V вв.— ВДИ, 1954, № 2; его же. О колонате в Восточной Римской империи в IV—VI вв.— ВВ, т. IX, 1956, стр. 45—77). Однако с течением времени земли, в прошлом принадлежавшие свободным колонам, все больше переходили в руки крупных землевладельцев, чему покровительствовало законодательство Поздней Римской империи. В остготском законодательстве, в частности в эдикте Теодориха и других рескриптах остготских королей, термин «адскриптиций» не употребляется, его обычно заменяет термин «колон-оригинарий».

[8] Так, в случае завещания имения закон требует его передачи наследникам вместе со всем инвентарем, в том числе с инвентарем колонов (Dig., XXXIII, 7.24).

сказывались также в лишении колонов одного из важных прав свободного человека — права передвижения. Так, согласно закону, изданному Юстинианом еще в 531 г., права перехода из одного имения в другое были лишены как приписные (адскриптиции-энапографы), так и свободные колоны (C. J., XI, 48.22). Подтверждая закон Анастасия о прикреплении к земле свободных колонов, проживших в имении 30 лет, Юстиниан распространил это суровое предписание на всех потомков свободных колонов, в том числе и на родившихся в других местностях. Бежавшие из имений колоны разыскивались и возвращались на прежние места жительства, подобно беглым рабам. Что же касается приписных колонов, то они, согласно этому закону, теряли всякую надежду на освобождение и лишались какой-либо возможности покинуть имения своих господ (C. J., XI, 48. 23). Правительство неуклонно требовало розыска и возвращения хозяевам беглых адскриптициев и инквилинов. «Пусть все правители провинций,— сказано в законе,— заставляют возвращаться всех убежавших колонов и инквилинов, без различия рода занятий и положения, к прежним местам жительства, где они несли повинности, были рождены и воспитаны» (C. J., XI, 48. 6). Следовательно, и в этом отношении Юстинианово законодательство отличается от остготского, повторявшего более мягкие предписания римского права относительно статуса колонов-оригинариев. Так, например, Юстиниановы новеллы ликвидировали предписание, включенное в эдикт Теодориха, о предоставлении свободы женщине-оригинарии, прожившей в течение 20 лет на свободе [9].

Юстинианово законодательство значительно ухудшило положение колонов и в семейно-правовом отношении. Особой конституцией 540 г. оно отменило ранее изданный закон о том, что дети, рожденные от союза свободной женщины и адскриптиция или колона, наследуют свободу матери. Теперь же все потомство адскриптиция или колона наследовало зависимое положение отца. Если матерью детей адскриптиция или колона была свободная женщина, то эти дети сохраняли свободное положение матери только при условии, если она расторгала свой союз с зависимым человеком и вступала в законный брак со свободным. За невыполнение этого предписания устанавливался штраф в 10 либр золота [10]. Таким образом, общая

---

[9] E. Theod. 68; Nov. Just., 162; Const. Just., 1. Ср. C. Th., V. 10.1.

[10] Const. Just., 1. Весьма примечательно при этом, что законодатель отнюдь не скрывал причину издания этого сурового закона: жалобы землевладельцев Иллирика, будто они теряют доходы со своих имений, поскольку часть колонов претендовала на то, чтобы их считали свободными. Кроме того, правительство заботилось также и о том, чтобы освобождением зависимых людей не был нанесен ущерб фиску.

тенденция к закреплению зависимого положения адскриптициев и колонов в законе 540 г. проявляется с особой силой. Этот закон, изданный для Иллирика, был затем распространен и на другие провинции империи, в том числе и на завоеванную Италию. Законом Юстиниана известное предписание римского права о смешанных браках рабов и свободных, согласно которому дети от такого союза наследуют статус матери, было распространено, да еще в ухудшенном виде, и на колонов-эпанографов (адскриптициев). Тем самым положение адскриптиция в семейно-правовом отношении приравнивалось фактически к положению раба (C. J., XI, 48.21).

Колонам разрешалось заключать браки лишь внутри имения господина. В особой новелле Юстиниана (Nov., Just., 157, 535 г.) предписывалось всем землевладельцам на будущее время запрещать принадлежащим им колонам заключать браки с женщинами, хотя бы и того же сословия, но живущими в других имениях.

Браки между свободными колонами и приписными (оригинариями) запрещались, а ранее заключенные союзы расторгались; приписные колоны при этом возвращались в имение господина [11].

Ухудшение правового положения колонов отчетливо сказывалось и во все большем ограничении их судебных прав. Колонам запрещалось обращаться в суд и возбуждать процессы против своих господ. По мнению законодателя, не мог выступать как юридическое лицо на суде тот, кто по закону лишен даже права собственности. Поэтому невозможно допустить, чтобы колоны осмелились возбуждать судебное дело против тех, кто, будучи их господином, может продать их самих вместе с владением. «На будущее время мы запрещаем это своеволие, чтобы никто не осмеливался затрагивать имя господина на суде» (C.J., XI, 50.2). Теперь колоны могли обращаться в суд лишь в случае «несправедливых вымогательств» и увеличения ранее установленных платежей (C. J., XI, 50. 1). Последняя оговорка по существу не имела никакого значения, поскольку при Юстиниане в 529 г. было установлено, что землевладельцы сами собирали налоговые поступления с колонов и из них часть вносили в казну в счет государственных налогов, а остальное оставляли у себя в качестве своих доходов [12].

---

[11] C. J., XI, 48.16;XI, 48.24. В последнем постановлении, изданном самим Юстинианом, говорится следующее: «Мы постановляем, чтобы господин в том случае, если подобный проступок совершит приписной, имел полную власть или лично, или через правителя провинции наказать этого человека умеренным наказанием и разлучить с такой женщиной (свободной.— *З. У.*)».

[12] C. J. XI, 48.20. Лишь свободные колоны в виде исключения могли

Очень суровым было законодательство Юстиниана и в отношении куриалов. Для того чтобы помешать окончательному обеднению и исчезновению курий, правительство Юстиниана еще больше ограничило куриалов в правах наследования и распоряжения имуществом. Специальной новеллой, изданной в 536 г., куриалам запрещалось продавать, дарить или иным способом передавать свое имущество частным лицам (Nov., Just., 38, praef., 2) [13].

Не имеющий законных наследников куриал, который ранее должен был завещать курии $^1/_4$ своего имущества, теперь обязан был передавать курии уже $^3/_4$ своего наследства, а лишь $^1/_4$ мог распорядиться по своему усмотрению (Nov., Just., 38, 1).

Нужда в людях для выполнения обязанностей куриалов была так велика, что правительство Юстиниана разрешило незаконным детям куриалов с согласия отца (иногда даже без его согласия) принимать на себя выполнение муниципальных повинностей и при этом условии получать по наследству $^3/_4$ имущества отца ($^1/_4$ имущества передавалась курии). Единственным обязательным условием принятия незаконными детьми куриалов муниципальных обязанностей была их свобода. Если же куриал имел незаконных детей от рабыни, но еще при жизни или по завещанию отпустил их на волю и сделал своими наследниками, то они могли наследовать $^3/_4$ имущества отца, при этом обязательно становясь куриалами. Даже в том случае, когда куриал, отпустив на волю своих детей от рабыни, не сделал их своими наследниками, они, согласно новому постановлению Юстиниана, получали право на наследование $^3/_4$ имущества отца при обязательном условии вступления в курию и выполнения муниципальных повинностей. В случае, если кто-либо из детей куриала отказывался принять на себя выполнение обязанностей отца, то его доля наследства переходила к братьям, ставшим куриалами (Nov. Just., 38, 1—2). Если же все сыновья куриала отказывались от вступления в курию, то $^3/_4$ наследства куриала отходило курии. Если куриал имел нескольких законных сыновей, то $^3/_4$ его имущества делилось

иногда вносить налоги непосредственно в государственную казну, минуя землевладельцев (C. J., XI, 48.4; 20).

[13] Тем самым, видимо, отменялось постановление от 415 г., включенное в кодекс Юстиниана, которое разрешало переход земельной собственности куриалов в руки других землевладельцев. «Деревни и владения (rura et possessiones), которые куриалы по какому-либо договору с государством, или объявив свое желание в провинциальных актах, оставляют другим лицам, пусть навсегда остаются у тех, кто обрабатывает их и выполняет государственные повинности. Пусть куриалы не имеют никакого права требовать обратно (это) имущество» [C. J., XI, 59 (58). 14].

между ними, но все они должны были стать куриалами; если же куриал имел только дочерей, то $^3/_4$ его наследства делилось между ними, но при условии, что они обязательно выйдут замуж за куриалов того же города. В случае их отказа выйти замуж за куриала, $^3/_4$ наследства передавалось курии (Nov. Just., 38, 3—4). В целях удержания куриалов в курии Юстиниан запрещал им переходить в другие сословия, даже в том случае, если по матери они принадлежали к ним (Nov. Just., 38.6). Наказанием за нарушение всех этих суровых предписаний правительство Юстиниана устанавливало штраф в 20 либр золота.

Для куриалов отменялось право 30-летней давности ухода из курии, и тем самым они, как и колоны-адскриптиции, лишались всякой надежды на освобождение (C.J., XI, 48. 23) [14].

При остготах же куриалы пользовались — если не формально, то во всяком случае фактически — большей свободой [15].

Для выявления реакционности Юстинианова законодательства весьма показательны его постановления относительно рабов. Особенно суровы были его предписания против бегства рабов. Беглый раб считался виновным в воровстве, ибо нанес материальный ущерб господину (C. J., VI, 1.1). Беглые рабы должны были быть найдены и возвращены владельцу. За их поимку отвечали правители провинций (C.J., VI, 1.2). Бежавший от господина раб подвергался жестоким карам: «они (беглые рабы — *З. У.*) лишаются ноги, отправляются работать в рудники или подвергаются какому-либо другому наказанию» (C.J., VI, 1.3). Эдикт Теодориха не предусматривает столь жестоких наказаний беглых рабов, как Юстинианово право (см. выше, стр. 73 сл.).

Особой новеллой Юстиниан подчеркнул, что никакие браки между рабыней и свободным человеком не признавались законными. Свободный, который вступал в брак с чужой рабыней, превращался в раба хозяина своей жены (Nov. Just., 22, 9. 10), в то время как в остготском праве было принято в несколько измененном виде более мягкое постановление римского императора Валентиниана III, согласно которому свободный попадает во власть господина рабыни лишь в случае совершения им

---

[14] Этот закон гласил: «Мы предписываем, что, подобно тому как в сословии куриалов никто не освобождается по праву давности, так и никто, находящийся на положении приписного колона, не освобождается на основании давности времени или на основании занятия торговлей, но остается приписным и прикрепленным к земле» (C. J., XI, 48. 23).

[15] Весьма примечательно, что в отличие от приведенного выше постановления кодекса Юстиниана эдикт Теодориха признавал, что куриал, бежавший из курии и остававшийся в имении какого-либо землевладельца свыше 30 лет, терял связи с курией и попадал под власть нового господина и закреплялся за его имением (E. Theod., 69) (см. выше, стр. 133 сл.)

насилия над рабыней, да и то он не становится рабом, а только теряет право ухода из имения хозяина жены (E. Theod., 64. Ср. Nov. Valent. III, 30. 5).

Распространение всех этих законодательных установлений о колонах, куриалах и рабах на завоеванные области Италии не могло не вызвать сопротивления широких слоев местного населения. При этом естественно, что это сопротивление должно было проявиться особенно сильно на юге полуострова, где попытки ввести новые правовые нормы начались уже в 536 г. и где крупные римские землевладельцы и при готах сохраняли наиболее прочные позиции.

По мере завоевания отдельных областей Италии византийское правительство начало проводить в них некоторые изменения и в сфере экономических отношений. Уже в это время Юстиниан и Феодора жаловали знатным римлянам земельные владения (Pragm. Sanc., 1), вероятно, из имений фиска, а может быть, и из конфискованных поместий наиболее активных противников империи. Возможно, что уже тогда в Италии началась передача византийским правительством владений арианской церкви в руки ортодоксального духовенства. Но особенно настойчиво византийцы стремились к распространению на завоеванные области восточноримской налоговой системы, которая именно при Юстиниане приобрела особо изощренные формы (Procop. H. a., XXI—XXIII). Рассчитывая, что завоевание Италии должно значительно пополнить константинопольскую казну и помочь укрепить финансы империи, Юстиниан незамедлительно после победы над Витигисом отправил в Италию логофета Александра, известного своим «высоким мастерством» в добывании средств от населения [16].

Тотчас по прибытии в Италию логофет Александр провел ряд финансовых мероприятий, направленных на увеличение доходов империи с завоеванной провинции. Прежде всего он совершенно безжалостно требовал от населения не только уплаты установленных налогов, но и всех недоимок, накопившихся еще со времени правления Теодориха. Прокопий утверждает, что Александр с италийцев взыскивал деньги, говоря, что он наказывает их за поддержку Теодориха и готов (Procop. H.a.XXIV,9. Ср. Procop. BG, III, 1. 32).

Затем Александр отменил восстановленные Теодорихом раздачи хлеба беднейшему населению Рима [17].

---

[16] Procop. BG, III, 1.28—32. Александр, в частности, прославился тем, что прибегал к порче монеты, за что получил прозвище Псалидион, т. е. Ножницы.

[17] Procop. H. a., XXVI, 29—30. Можно предположить, что наряду с соображениями чисто финансового характера, связанными с экономией государственных средств, одной из причин, вызвавших отмену хлебных

Конечно, вполне естественно, что подобные меры византийского правительства в свою очередь усиливали недовольство населения Рима и всей Италии. Прокопий с горечью признает, что грабительская политика Александра вызвала возмущение жителей Италии. «Всем этим,— пишет Прокопий,— Александр отвратил расположение италийцев от императора Юстиниана» (Procop. BG, III, 1.33).

В ограблении населения Италии не отставали от Александра и византийские военачальники, окончательно распоясавшиеся после победы над остготами. По словам Прокопия, после капитуляции короля Витигиса и отъезда Велисария в Византию«предводители римской армии,одинаково похожие друг на друга, не желавшие ничего и не думавшие ни о чем, кроме собственной выгоды,начали грабить римлян и отдавать их на произвол солдат... Они совершили много ошибок, и в короткое время все дело римлян рухнуло» (Procop. BG, III, 1. 23—24).

Одновременно появились признаки недовольства и разложения в самой византийской армии, расквартированной в Италии. Полагая, что завоевание этой провинции уже закончено, Юстиниан счел возможным пойти на серьезное ущемление интересов солдат, опять-таки в целях экономии средств и укрепления расшатанных финансов империи. По приказанию императора Александр начал проводить в Италии весьма тягостные для византийских солдат финансовые мероприятия. По словам Прокопия, он подвергал солдат несправедливым обвинениям и снижал им жалованье (Procop. BG, III, 1.29). «На раны и опасности воинов он отвечал мелочными придирками своих расчетов, обманывающих их надежды» (Procop. BG, III, 1.33).

Вымогательства Александра привели к тому, что солдаты обнищали и с неохотой подвергались военным опасностям; сознательно проявляя свою пассивность, они позволяли усиливаться врагам (Procop. BG, III, 1.33). О грабежах Александра особенно откровенно говорит Прокопий в своей «Тайной истории». Рассказав о притеснениях солдат логофетами, он заключает: «Таким образом, вышло, что воины, как люди, из которых всякими способами вытянули жилы, оказались в самом нищенском положении, и не было уже у них желания вое-

---

раздач беднейшему населению Рима, было недовольство правительства Юстиниана волнениями римских плебеев во время осады древней столицы Италии войсками Витигиса. В то время,когда происходили эти выступления римской бедноты, византийское командование, находившееся в крайне затруднительном положении, не могло пресечь их суровыми карами, а должно было, как мы видели, пойти на уступки народным массам. Теперь, после одержанной победы, правительство Юстиниана, уверенное в прочности своего положения, решило применить против непокорной бедноты Рима тяжелые санкции (отмену хлебных раздач) в наказание за проявленное ею своеволие.

вать. Поэтому-то и в Италии дела римлян пришли в полный упадок. Дело в том, что логофет Александр, посланный в Италию, без всякого стыда решил обойтись с солдатами с подобным пренебрежением» [18]

Финансовые мероприятия Александра задевали интересы также и некоторых привилегированных категорий воинов и даже чиновников, находившихся как на военной, так и на гражданской службе в Италии. Так, были отменены раздачи доместикам и схолариям дворца. Эти должности еще сохранялись при остготских королях, хотя и превратились во многом в синекуру для некоторых римских граждан, после того как римлянам было запрещено нести военную службу в Остготском королевстве. Одновременно по приказанию Александра была прекращена выплата жалования силенциариям и некоторым другим гражданским чиновникам (Procop. H.a., XXVI, 28). Государственным чиновникам, (officiales) состоявшим при византийских военачальниках, были значительно уменьшены спортулы. Кроме того, Александр заставлял всех чиновников отчитываться перед ним в расходовании государственных средств за все время правления остготских королей и использовал это, конечно, для всякого рода вымогательств [19]. Вполне понятно, что византийские солдаты и чиновники, к которым применялись эти ограничительные меры, стремились всеми правдами и неправдами возместить понесенные ими убытки за счет ограбления населения Италии. По словам, вложенным Прокопием в уста предводителя готов Тотилы, византийцы «устроили своим подданным такую жизнь, что италийцам за свою измену, которую они осмелились совершить по отношению к готам, уже нечего было бояться другого наказания; все виды бед, короче говоря, они испытали от тех, кого дружески приняли» (Procop. BG, III, 4.16).

В то же время не прекращались и постоянные раздоры среди византийских военачальников в Италии, не желавших подчиняться не пользующемуся авторитетом Константиану и ненавидевших логофета за попытки снизить им жалование.

Таким образом, общая политика византийского правительства в Италии обусловила рост недовольства римско-италийского населения, а финансовые мероприятия логофета Александра усиливали брожение в византийской армии. Все это не только послужило причиной возобновления борьбы остготов, но и привело к тому, что вскоре после начала второго

---

[18] Procop. H. a., XXIV, 9. О вымогательствах логофетов ср. также Agath., V, 14.

[19] Procop. BG, III, 1.32; 21.14. См. Б. Панченко. О «Тайной истории» Прокопия.— ВВ, т. III, 1896, стр. 464 сл.; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 565 sq.

этапа войны в борьбу против византийских завоевателей активно включились широкие слои местного населения ряда италийских провинций.

Сами остготы начали подготовку к продолжению борьбы еще до отъезда Велисария. Центром этой подготовки стала Северная Италия — области, расположенные за рекой По, заселенные свободными остготскими земледельцами-воинами [20]. Здесь, в городе Тичине, вскоре после капитуляции Равенны собрались на совет представители остготской военной знати и предложили корону остготских королей племяннику Витигиса Урайе (Procop. BG, II, 30.3—5). Они призывали Урайю встать во главе остготов и восстановить величие Остготского королевства. Хотя сам Урайя, как и многие другие готы, предпочитал «опасности войны состоянию рабства» (Procop. BG, II, 30.11), однако он отказался принять корону и предложил избрать королем племянника вестготского короля Тэвдиса [21] — Ильдибада, человека мужественного и энергичного. Остготская знать приняла это предложение Урайи в надежде, что вестготы окажут военную помощь родственнику своего короля (Procop. BG, II, 30.14—16). Ильдибад был провозглашен королем и возглавил борьбу против византийских завоевателей.

Можно высказать предположение, что Урайя отказался от власти прежде всего потому, что он был дискредитирован в глазах большинства остготских воинов родством с Витигисом, показавшим свою полную неспособность в борьбе с империей (Procop. BG, II, 30.12). Однако, по-видимому, Урайя еще сохранял известное число сторонников среди остготской знати и даже после избрания Ильдибада продолжал оказывать влияние на политические дела [22]. Ильдибад был более приемлем для широких кругов остготских воинов также и благодаря скромности своего образа жизни. В то время как Урайя был богат и тесно связан с высшей остготской знатью, Ильдибад, даже став королем, «жил бедно, не прикасаясь к государственным деньгам» (Procop. BG, III, 1.39).

Вначале Ильдибад располагал еще совсем незначительными силами, по словам Прокопия — не более 1000 воинов. Но бездействие византийских войск, обусловленное начавшимся разложением армии и распрями высших командиров, позволило ему

---

[20] Procop. BG, II, 30.3; Iord. Rom., 378; Marc. Chron add., a. 540.

[21] Тэвдис — оруженосец (armiger) Теодориха. С 507 г. — опекун Амалариха, сына погибшего в битве зятя Теодориха, вестготского короля Алариха II. После смерти Амалариха Тэвдис стал королем вестготов в Испании (531—548 гг.).

[22] Во всяком случае, комит Марцеллин утверждает, что во главе готов первоначально стояло два вождя — Урайя и Ильдибад, хотя королем был провозглашен последний (Marc. Chron. add., a. 540).

в сравнительно короткий срок объединить и собрать воедино все отряды готов, рассеянные по Северной Италии (Procop. BG, III, 1.27).

Для характеристики растущего недовольства и усиления антиправительственных настроений в византийской армии, расквартированной в Италии, весьма показательным является то, что под знаменами нового остготского правителя собрались не только все готы, стремившиеся к сопротивлению империи, но и те «из римских воинов, которым нравились государственные перевороты» (Procop. BG, III, 1.25). Подобные настроения в византийской армии имели распространение и раньше; недаром все дело завоевания Италии византийцами в свое время было поставлено под угрозу восстанием византийских солдат армии Велисария, находившихся в Сицилии (Procop. BV, II, 15.48). Теперь же под влиянием притеснений византийского правительства и вымогательств Александра недовольство в византийской армии вспыхнуло с новой силой, и часть византийских солдат стала переходить на сторону варваров.

Собрав войска из Лигурии и Венетии, Ильдибад нанес поражение при Тарвизии (ныне Тревизо) отряду герулов, сражавшихся под командованием византийского полководца Виталия[23]. Эта победа принесла Ильдибаду большую славу. Однако воинская слава не смогла уберечь его от происков врагов среди самой остготской знати. Правление Ильдибада длилось около года и закончилось трагической его гибелью от руки убийцы [24].

К сожалению, в источниках сохранилось очень мало сведений о правлении этого остготского короля. Ясно только одно, что и при нем среди остготов продолжалась острая борьба, вылившаяся в столкновение между Ильдибадом и Урайей. По рассказу Прокопия, это столкновение было связано с соперничеством жен этих готских вождей и окончилось убийством Урайи (Procop. BG, III, 1.37—42). Но, по-видимому, за этой романтической и полулегендарной историей, близкой по сюжету к саге о Нибелунгах, скрывалось реальное соперничество двух вождей, опиравшихся на различные социальные группировки остготского общества, причем Урайя был связан с той частью знати, которая некогда временно поддерживала Витигиса, за Ильдибадом же, скорее всего, шли широкие слои рядовых воинов. Однако расправа Ильдибада с Урайей не прошла ему даром, и в мае 541 г. он был убит на пиру одним из своих телохранителей, гепидом по имени Велас. Можно предположить,

---

[23] Procop. BG, III, 1. 34—36; Marc. Chron. add., a. 540; Iord. Rom., 378.

[24] Procop. BG, III, 1.37—49; Marc. Chron. add., a. 541; Iord. Rom., 378.

что Велас совершил это убийство не только из-за личной ненависти к Ильдибаду, отнявшему у него невесту (Procop. BG, III, 1.43—49), но и в угоду знатным сторонникам Уraйи, требовавшим мести за его гибель.

После убийства Ильдибада королем был провозглашен Эрарих, один из вождей племени ругов, пользовавшийся большим авторитетом среди своих соплеменников [25]. Избрание королем Эрариха свидетельствует, что после поражения, которое потерпели остготы, в Италии усилилось влияние других варварских племен. Теперь на первенствующее положение в государстве претендовали руги, одно из германских племен, родственное готам. Провозглашение королем Эрариха породило серьезное недовольство остготов, ни в коей мере не желавших уступить главенства ругам (Procop. BG, III, 2.5). В среде варваров, населявших Италию, с новой силой разгорелась племенная вражда.

Эрариху так и не удалось удержать власть, и его кратковременное царствование, длившееся всего около пяти месяцев [26], закончилось столь же трагически, как и правление его предшественника. В гибели Эрариха, помимо племенной розни, немалую роль сыграло и недовольство остготов, вызванное его трусливой, компромиссной политикой по отношению к Восточной Римской империи. Вместо того чтобы возглавить борьбу против византийских завоевателей, Эрарих вскоре после вступления на престол начал переговоры с Юстинианом и отправил посольство в Константинополь для заключения мира на условиях, когда-то предложенных империей Витигису, т. е. он соглашался признать переход всех земель к югу от реки По в руки византийцев. Одновременно Эрарих тайно, подобно Теодату, предложил императору Юстиниану сдачу всей Италии за большое вознаграждение и сан патрикия (Procop. BG, III, 2.15—18). Конечно, подобная политика Эрариха не могла не вызвать возмущения готов, и они стали подыскивать нового кандидата на королевский престол.

Тогда впервые на историческую арену выступает племянник короля Ильдибада Тотила [27], которому суждено было сыграть

---

[25] Procop. BG, III, 2.1—4; Iord. Rom., 378—379; Marc. Chron. add., a. 541.

[26] Procop. BG, III, 2.6. Иордан говорит, что Эрарих правил около года (Iord. Rom., 379).

[27] В источниках, упоминающих о Тотиле, приводится весьма различная транскрипция его имени. Греческие авторы (Прокопий, Малала, Феофан) всегда называют его Тотилой (Τουτίλας, Τωτίλας и т. п.); на монетах он постоянно именуется Бадуила (Baduila, Baduela). Латинские авторы именуют его то Тотилой (Агнелл, Виктор Тонненский, Беда и др.), то Бадуилой или Тотилой (Иордан, Павел Диакон и др.). См. RE, II. R., Halbbd. XII, Sp. 1828.

выдающуюся роль в борьбе остготов и народных масс Италии против византийского завоевания.

Первые известия о Тотиле показывают, что он принадлежал к остготской знати, и, в начале своей деятельности был не прочь, подобно другим знатным готам, заключить соглашение с императором на выгодных для себя условиях. Командуя остготским гарнизоном в Тарвизии, Тотила еще при Эрарихе начал тайные переговоры с византийским полководцем Константианом, соглашаясь передать этот город византийцам, если ему лично будет гарантирована безопасность (Procop. BG, III, 2. 7—9). Константиан охотно принял эти условия, и был уже назначен день сдачи города, когда к Тотиле прибыли послы от готов и предложили ему корону при условии продолжения борьбы с империей. По словам Прокопия, готы «сильно скорбели по власти Ильдибада и всю свою надежду на победу они перенесли на Тотилу, его родственника, твердо надеясь, что и у него те же цели и желания, как и у них» (Procop. BG, III, 2.11). Вполне возможно, что призвание Тотилы к власти произошло при полном сочувствии большинства рядовых воинов, поддерживавших ранее Ильдибада и теперь искавших в родственнике убитого короля достойного вождя для продолжения борьбы с империей.

Тотила охотно принял почетное предложение, но поставил условием немедленное устранение от престола короля Эрариха. Осенью 541 г. Эрарих был убит готами, составившими против него заговор, а королем был провозглашен Тотила (541—552) [28].

В момент своего избрания на остготский престол Тотила не достиг еще 30-летнего возраста [29]. По словам Прокопия, он отличался большим умом, храбростью, энергией и, несмотря на свою молодость, пользовался значительным влиянием среди остготов (Procop. BG, III, 2.7). Однако комит Марцеллин с горечью замечает, что избрание Тотилы королем остготов произошло на несчастье Италии (Marc. Chron. add., a. 542). Ему вторит Иордан, который также рассматривает выдвижение Тотилы как бедствие для всей Италии [30].

Подобная оценка, вполне понятная в устах такого сторонника империи, как комит Марцеллин, может на первый взгляд показаться несколько странной у историка готов Иордана.

---

[28] Procop. BG, III, 2. 18; Iord. Rom., 379; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 22, Marc. Chron. add., a. 542; Lib. Pont. V. Vigil., 7; Excerpta Sangallensia, 701 (Cons. Ital., p. 334).

[29] Procop. BG, III, 9. 15; Iord. Rom., 379.

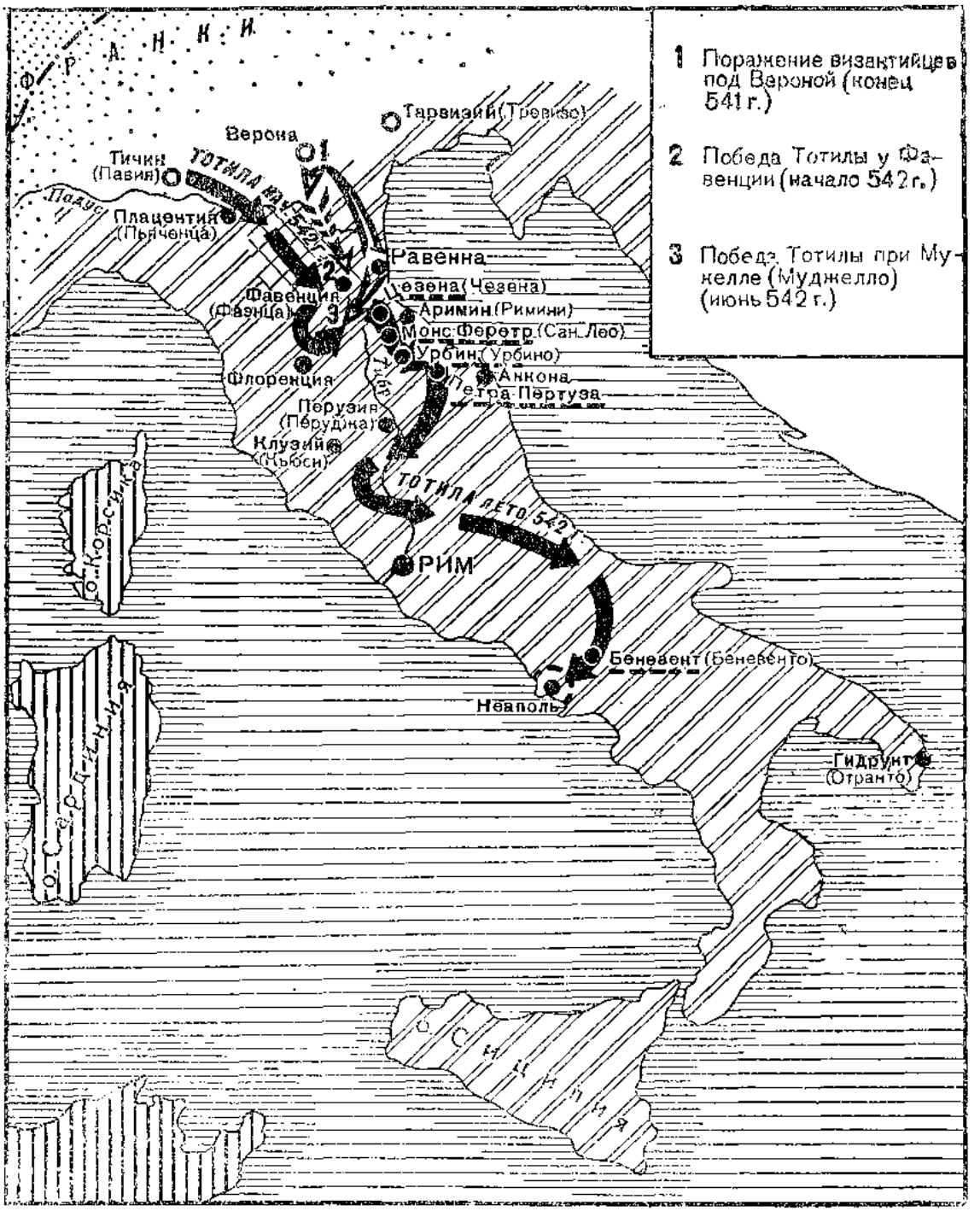
[30] Iord. Rom., 379. См. F. Giunta. Iordanes e la cultura dell' alto medioevo. Contributo allo studio del problema gotico. Palermo, 1952, p. 1—212.

Но тут, по-видимому, прежде всего сказалось стремление Иордана подчеркнуть свою полную лояльность по отношению к империи, всячески стараясь очернить Тотилу, как ее самого опасного врага. С другой стороны, эта оценка была обусловлена в конечном счете политикой Тотилы в отношении итальянского населения,вызывавшей недовольство не только у сторонников империи, но и у многих представителей высшей остготской знати, идеологом которой и был Иордан.

В своей борьбе с империей остготская знать стремилась вернуть потерянные земли и богатства. Она не желала уступить римским рабовладельцам, вновь начинавшим хозяйничать в Италии, свои земельные владения, не хотела терять власть и влияние. Но в то же время большая часть остготской знати не желала также и идти на серьезные уступки народным массам. История всей предшествующей борьбы в Италии показывает это.

Только странное поражение, во многом обусловленное, как мы видели, предательством самой же остготской знати, а также отсутствием поддержки со стороны народных масс Италии, заставило уцелевших вождей остготов серьезно призадуматься над дальнейшими судьбами своего племени. Сама логика борьбы с рабовладельческой империей, вновь протянувшей свои щупальцы к Италии, вынудила наиболее дальновидных из них пойти, как мы увидим дальше, на временный союз с народными массами в расчете использовать в своих интересах широкое народное движение, развернувшееся вскоре в Италии. И наиболее талантливым вождем остготов, проводившим подобную политику, оказался Тотила. Именно он решительнее, чем другие, стремился обеспечить готам поддержку со стороны самых широких слоев населения Италии, и в этом секрет его успехов в борьбе с Византией. Но в этом же и причина ненависти к нему со стороны известной части знати.

Однако нельзя рисовать дело так, что Тотила с первых же шагов своей деятельности и до самого конца правления абсолютно последовательно проводил политику уступок народным массам и привлечения их к борьбе против империи. Мы увидим, что у него было немало колебаний и даже отступлений, обусловленных, главным образом, давлением определенных кругов остготской знати. В сущности вполне последовательным он был лишь в борьбе за устранение всех тех реакционных нововведений финансово-экономического, социально-правового и административного порядка, которые были установлены византийцами в завоеванных ими областях Италии. Такая (если использовать привычные для нас термины) социально-экономическая программа была вполне приемлема для всех групп остготской знати и вместе с тем соответствовала в какой-то мере и



Первым успехам остготов существенно содействовали распри и неурядицы среди византийских командиров, заботившихся, как мы видели, не об укреплении власти Византии в Италии, а лишь о собственном обогащении.

К сколь серьезным последствиям приводили эти распри военачальников, ярко показывает один из эпизодов первого периода кампании, связанный с борьбой за Верону. По приказу Юстиниана, обеспокоенного новыми приготовлениями готов, византийские войска должны были занять ряд городов Северной Италии, которые служили исходными базами для Тотилы, в том числе и Верону. К городу было стянуто 11 византийских отрядов численностью около 12 тысяч человек (Procop. BG, III, 3.1—4). Первоначально византийцев как будто ожидал полный успех их предприятия, ибо они получили активную помощь со стороны местной италийской знати. Один из видных представителей этой знати по имени Маркиан, живший в укрепленном местечке недалеко от Вероны, горячий сторонник империи, подкупив стражу, охранявшую ворота города, помог отряду византийских войск под командованием Артабаза тайно проникнуть в Верону (Procop. BG, III, 3.6—13). Остготский гарнизон в панике покинул город, но византийцы не сумели воспользоваться своим успехом. Они упустили нужный момент и во время не поддержали Артабаза, «так как вожди спорили друг с другом, как им делить находящиеся в городе богатства» (Procop. BG, III, 3.15). Когда же, наконец, они договорились, драгоценное время было уже потеряно. Готы, опомнившись от внезапного нападения отряда Артабаза, вновь возвратились в город, а затем нанесли византийским войскам сокрушительное поражение. Отряд Артабаза поспешно бежал из города, и сам командир с горсткой солдат едва спасся от гибели (Procop. BG, III, 3.16—22). Комит Марцеллин, несмотря на свои провизантийские симпатии, с возмущением говорит о недостойном поведении византийцев под Вероной: «Когда войска,— пишет он,— тайно войдя в Верону, пылая жадностью, спорили о добыче, они были с великим позором оттеснены из города подошедшими с флангов готами» (Marc. Chron. add., a. 542).

Потерпев поражение под Вероной, византийские войска были вынуждены поспешно отступить к городу Фавенции (ныне Фаэнца), расположенному в Эмилии. Но и здесь разногласия и столкновения между византийскими военачальниками не дали возможности им укрепиться. В сражении близ Фавенции готы вновь одержали крупную победу. Многие византийские солдаты были перебиты или захвачены в плен, а Артабаз, тяжело раненный в сражении, умер от ран; другие же военачальники имперской армии обратились в позорное бегство и запер-

лись в укрепленных городах [31]. Эти первые успехи воодушевили остготов и, несомненно, укрепили положение Тотилы. Вместе с тем едва ли можно сомневаться, что поражения византийцев не могли не усилить антивизантийские настроения и среди тех слоев населения Италии, которые больше всего страдали от их господства. Насколько можно судить по дальнейшему ходу событий, по-видимому, именно в это время в Средней и Южной Италии начинает развертываться народное движение.

Следующую победу остготы одержали в июне 542 г. близ местечка Мукелла (ныне Муджелло — Mugello), расположенного недалеко от Флоренции. Во время этого сражения в византийских войсках началась паника, вызванная ложным слухом о гибели полководца Иоанна. Многие бежавшие с поля битвы солдаты были захвачены в плен готами. Руководствуясь политическими соображениями и стремясь привлечь византийских солдат на свою сторону, Тотила, по словам Прокопия, милостиво обошелся с пленными, и многие из них добровольно вступили в его армию (Procop. BG, III, 5.19). Известия Прокопия о переходе византийских солдат на сторону Тотилы целиком подтверждает и Иордан [32].

Весть о полном поражении столь прославленного полководца, как Иоанн, навела панический страх на малодушных византийских командиров, которые теперь совершенно отказались от наступательных действий против Тотилы, и вся их деятельность сводилась лишь к укреплению занятых ими крепостей.

§ 2. Обострение классовой борьбы в Италии и политика Тотилы в первые годы его правления.

В течение лета 542 г. остготы овладели Цезеной, Урбином, Монс Феретром и Петрой Пертузой (Procop. BG, III, 6.1; Marc. Chron. add., a. 542). Затем они перешли Апеннины и вступили в Тусцию. Здесь, по сведениям Иордана (Iord. Rom., 379), им удалось захватить большие запасы хлеба, собранного византийцами. Но Прокопий сообщает, что у стен некоторых городов этой области Тотила встретил упорное сопротивление. Видимо, в обороне византийские войска (или во всяком случае какая-то их часть) сохранили еще достаточно высокую боеспособность. Остготский король не стал тратить время

---

[31] Procop. BG, III, 4.1—32; Marc. Chron. add., a. 542; Iord. Rom., 379; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 294, 335; T. Hodgkin. Italy and her invaders. Oxford, 1896, t. IV, p. 394; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 572 sq.

[32] Iord. Rom., 379. Ср. также Marc. Chron. add., a. 542.

и силы на осаду этих городов, а двинулся, обходя Рим с востока, в Самний и Кампанию (Procop. BG, III, 6.1).

На первый взгляд такое решение Тотилы может показаться недостаточно дальновидным. Ведь на юге полуострова почти не было остготских поселений, и, следовательно, Тотила не мог рассчитывать, что к нему там присоединятся новые отряды соплеменников. Не мог Тотила не знать и того, что именно в южных провинциях Италии имели место наиболее активные выступления против готов как в период, предшествовавший войне, так и в самом ее начале. Но вместе с тем эти же самые южные провинции являлись теперь основной экономической базой византийцев в Италии. Отсюда их войска (и город Рим) получали значительную часть продовольствия, отсюда же шли денежные средства, из которых выплачивалось жалованье солдатам. Естественно, что потеря этой базы не могла не привести к дальнейшему усилению недовольства в императорской армии. Кроме того, остготы, несомненно, были осведомлены и о том, что хозяйничанье византийцев, которое здесь продолжалось уже больше шести лет, вызывало сильное недовольство в широких кругах местного населения. И Тотила, следовательно, мог надеяться, что ему удастся использовать это недовольство. А мы уже знаем, что, учитывая печальный для остготов опыт первого этапа войны, Тотила как раз в начале своего правления особенно настойчиво стремился к установлению дружественных отношений с местным населением.

Как и в Северной Италии, остготы здесь решительно устраняли все привнесенное в общественную жизнь страны византийскими завоевателями. Кроме того, чтобы еще более резко подчеркнуть, что они являются освободителями италийцев, Тотила настойчиво стремился пресечь своеволье и бесчинства своих воинов. Так, источники свидетельствуют, что еще в самом начале борьбы за юг по приказу Тотилы были отпущены на свободу жены римских сенаторов, захваченные остготами в городках и виллах Кампании (Procop. BG, III, 6.4). Несколько позже Тотила приказал казнить одного из своих телохранителей за изнасилование римской девушки (Procop. BG, III, 8.12—25). Даже к населению городов, не сразу сдававшихся остготам, Тотила проявлял в этот период «так много человечности, что этого,— по мнению Прокопия,— нельзя было ожидать ни со стороны врага, ни со стороны варвара» (Procop. BG, III, 8.1).

Весь Самний и почти вся Кампания быстро оказались во власти Тотилы. Лишь граждане Неаполя «не пожелали принять его в свой город, хотя он обещал им много хорошего». Вероятнее всего, это было обусловлено присутствием в городе довольно сильного византийского гарнизона из тысячи человек под ко-

мандованием Конона (Procop. BG, III, 6.2). Возможно, впрочем, что подобное поведение жителей Неаполя, в памяти которых должны были сохраниться воспоминания о страшной резне, учиненной в их городе в 536 г. византийскими солдатами, объясняется и тем, что сторонники империи из числа неаполитанской знати беспощадно расправились со всеми наиболее активными представителями проготской партии. К тому же в Неаполь после погрома 536 г. были переселены жители из многих мест Италии и даже из Северной Африки; поэтому среди населения этого города не было единства и сплоченности, чем, конечно, воспользовались византийские правители и неаполитанская знать в целях усиления своего влияния и укрепления своей власти.

Для остготов было крайне важно овладеть этим городом, ибо это дало бы им возможность перерезать коммуникации Рима с Сицилией и лишить древнюю столицу Италии подвоза продовольствия и воинских подкреплений. Поэтому Тотила начал осаду Неаполя (Procop. BG, III, 6.3). И в это же время он, «рассылая из своего войска мелкие отряды, совершил весьма важные дела. Он подчинил себе бруттиев, луканов, захватил Апулию и Калабрию» [33]. Столь значительные успехи были бы, конечно, совершенно невозможны для «мелких отрядов», если бы остготы и здесь не встретили активной поддержки со стороны широких слоев местных жителей.

Война против византийцев повсюду развязывала в той или иной мере классовую борьбу в среде самого римско-италийского населения. И как раз в южных провинциях этот процесс проявился с особой силой, но в то же время и в очень сложной форме.

Выше нам уже приходилось достаточно подробно говорить об особенностях аграрного строя юга Италии и в частности, о той роли, которую там продолжало еще играть крупное землевладение. Римско-италийская знать в полной мере использовала в течение предшествующих 5—6 лет все возможности усиления эксплуатации зависимого населения, которые предоставили ей Юстиниановo законодательство и администрация. Ясно, следовательно, что социальные противоречия в южноиталийской деревне еще до прихода готов должны были достигнуть значительной остроты. Но в то же время именно здесь, на юге полуострова, очень сильны были и факторы, противодействующие активным революционным выступлениям, в первую очередь сила традиции. В южных провинциях Италии в течение нескольких последних веков существования Римской империи

---

[33] Кроме нескольких городов на крайнем юге, как Гидрунт, Регий и некоторые другие (Procop. BG, III, 6.4—5).

не было сколько-нибудь значительных народных движений; сюда редко докатывались волны варварских вторжений; Южная Италия не становилась ареной вооруженной борьбы претендентов на императорский трон. Насколько интенсивно ощущалась эта сила традиции, показывают хотя бы особенности народных волнений в Бруттии и Лукании при первых остготских королях, или ход войны в 536 г. (см. выше, стр. 268 сл.). Вероятно, хозяйничанье византийцев в 536—542 гг. оказало свое действие, но присутствие византийских войск и теперь исключало возможность сколько-нибудь успешных выступлений зависимого населения.

В этих условиях появление отрядов Тотилы должно было сыграть роль катализатора. Ободренные паникой землевладельцев и администрации, колоны и рабы начали подниматься на борьбу. Вероятно, кое-где имели место убийства землевладельцев или их управляющих, захваты и раздел имущества и земли. Резко усилилась и такая форма борьбы угнетенных, как побеги колонов и рабов. Все это, естественно, еще более расшатывало всю ту систему отношений, которая облегчила византийцам в 536 г. захват Южной Италии, а затем обеспечивала их господство.

Но и сами остготские отряды неизбежно должны были наносить удары и по тем, кто поддерживал византийцев, а это были в первую очередь крупные землевладельцы, римско-италийская знать. Многие из этих землевладельцев в период византийской оккупации были тесно связаны с провинциальной администрацией, некоторые, вероятно, попытались оказать остготам даже вооруженное противодействие. Естественно, что отряды Тотилы рассматривали их как прямых врагов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, нападение на представителей знати или на их усадьбы нередко, конечно, было обусловлено и просто жаждой добычи, столь характерной для военных обычаев того времени.

Дальнейшие события показали, что в первый период борьбы за юг (542—544 гг.) влияние римско-италийской знати не было здесь полностью уничтожено. Всего через два-три года крупные землевладельцы этих провинций оказались в состоянии не только открыто подняться против готов и их союзников, но и повести за собой даже какую-то часть зависимых земледельцев (см. ниже, стр. 371 сл.). Вместе с тем несомненно, что и в 543 г. именно народное движение обеспечило остготам их быстрые успехи в Апулии, Лукании, Бруттии и Калабрии.

Однако значение народного движения отнюдь не исчерпывается тем, что оно помогло остготам овладеть югом Апеннинского полуострова. Оно привело к существенным изменениям аграрного, а в известной мере и социального строя провинций

и поставило остготское правительство перед необходимостью согласовать свою внутреннюю политику с этими сдвигами в социально-экономической жизни. В самом деле, в результате ли выступлений самого зависимого населения или в результате действий остготских отрядов, но какая-то часть колонов и рабов, принадлежавшая крупным римско-италийским землевладельцам, оказалась фактически освобожденной: не на кого было работать, некому было платить. Резко возросло количество колонов и особенно рабов, бежавших от своих хозяев. В этих условиях всякая попытка правительства Тотилы ограничиться восстановлением норм, зафиксированных в законодательстве первых остготских королей, неизбежно привела бы к обострению отношений с широкими слоями римско-италийского населения и даже к прямой борьбе с ними.

Какую же политику в области социально-экономических отношений стали проводить Тотила и вся поддерживавшая его группировка знати, стоявшая тогда во главе остготов? К сожалению, известия источников о социально-экономической политике Тотилы очень отрывочны и не всегда достаточно определенны. Изучая эти источники, приходится постоянно помнить, что сведения о деятельности остготского правительства, руководимого Тотилой, мы черпаем исключительно из сообщений враждебных Тотиле авторов или из законодательных памятников, исходящих из лагеря политических противников этого остготского короля. Голоса самого Тотилы и его приверженцев не дошли до потомства, так как победители Тотилы, византийцы, стремились своей законодательной деятельностью в Италии полностью уничтожить все, с их точки зрения, «злокозненные» и «незаконные» предписания «нечестивейшего» Тотилы и стереть из памяти жителей этой завоеванной ими провинции самое воспоминание о ненавистном для империи остготском короле. Поэтому мероприятия Тотилы и его правительства, касающиеся социально-экономических отношений, можно воссоздать лишь путем анализа негативных данных источников, прежде всего византийского законодательства. Особенно большое значение имеет Прагматическая санкция 554 г., изданная Юстинианом специально в отмену всех социально-экономических преобразований, осуществленных в Италии в период правления Тотилы [34].

Для характеристики тенденциозности этих источников достаточно указать, что не только в Прагматической санкции, но и в произведениях многих современных событиям (или

[34] О социальном характере политики Тотилы по данным Прагматической санкции и общей характеристике классовой направленности этого памятника см.: История средних веков, т. I. М., 1952, стр. 88; М. В. Левченко. История Византии. М.— Л., 1940, стр. 81.

близких к этой эпохе) авторов Тотила именуется «нечестивейшим», «мерзким» тираном. Особенно непримиримую позицию по отношению к Тотиле занимают некоторые представители католического духовенства, например, папа Григорий I, который в своих «Диалогах» рисует Тотилу коварным и жестоким «варваром», ни перед чем не останавливавшимся для достижения своих честолюбивых целей. Папа резко осуждает Тотилу за притеснения католического духовенства и посягательства на его имущество [35]. При этом в своей ненависти к Тотиле он идет значительно дальше Анастасия, автора «Жизнеописания римских пап», который более спокойно и объективно описывает правление этого остготского короля (Lib. Pont. V. Vigil., 7). В «Диалогах» Григория, наполненных фантастическими рассказами, прославляющими благочестие, мудрость и стойкость католического духовенства, притесняемого нечестивым «варваром» Тотилой, нашла свое отражение церковная традиция, вынесшая обвинительный вердикт Тотиле именно за то, что он, как мы увидим дальше, в своей социально-экономической политике посягнул на владения старой римской знати и высшего католического духовенства.

Однако на основании этих источников все же представляется возможным, при условии изучения всей совокупности их данных и учета их политической направленности, восстановить общий характер социально-экономических мероприятий, проводимых остготским правительством Тотилы в первой половине и в середине 40-х годов VI в.

Остановимся сначала на отношения Тотилы к изменениям в аграрном строе, о которых мы говорили выше. По этому вопросу в нашем распоряжении имеются два очень важных сообщения Прокопия. Одно из них прямо приурочено автором к интересующему нас периоду борьбы за Южную Италию. Рассказав о подчинении Тотилой Бруттия, Лукании, Апулии и Калабрии, Прокопий продолжает: «Государственные налоги он взыскивал в свою пользу и денежные доходы взимал вместо владельцев земли», (Procop. BG, III, 6.5). Прокопий явно различает здесь государственные налоги (τοὺς δημοσίους φόρους) и «денежные доходы» (τὰς τῶν χρημάτων προσόδους), поступавшие земельным собственникам, и подчеркивает, что по указанию Тотилы и то и другое должно было уплачиваться в пользу Остготского государства. Об этом же говорит Прокопий и в другой главе, посвященной событиям 546 г. «Земледельцам (γεωργούς) по всей Италии,— читаем мы там,— Тотила не делал ничего неприятного. Он разрешил им на все времена без страха возделывать землю там, где они привыкли, уплачивая ему

[35] Greg. I. Dial., I,2; II, 15, 31; III, 11, 13, 18.

подати (φόρους), которые они прежде вносили в казну и владельцам земли» (Procop. BG, III, 13.1).

Было бы неправильно толковать эти слова Прокопия буквально, т. е. в том смысле, что они относятся ко всем колонам (и вообще зависимым земледельцам) Италии или даже хотя бы только ко всем колонам римско-италийской аристократии. Все, что мы знаем о правительстве Тотилы, правительстве остготской знати, никак не может быть согласовано с предположением, будто оно осуществило (или хотя бы стремилось осуществить) освобождение всех зависимых земледельцев Италии. Не могло оно покуситься и на освобождение всех колонов, связанных с латифундиями римско-италийских крупных землевладельцев, ибо оно, конечно, отдавало себе ясный отчет в том, что это было бы таким переворотом, который неизбежно затронул бы коренные интересы и самих остготских приматов. У Прокопия, следовательно, речь идет только о тех земледельцах, прежде зависимых, которые к этому времени так или иначе фактически освободились. Другими словами, правительство Тотилы вынуждено было санкционировать изменения в аграрном строе Италии, которые произошли в результате подъема народного движения в первой половине 40-х годов. Следует признать, что это был решительный шаг, имевший большое значение для всего дальнейшего хода событий.

Вместе с тем, конечно, трудно допустить, чтобы в условиях ожесточенной борьбы с византийцами и их пособниками из среды римско-италийской знати правительство Тотилы могло бы ограничиться только поддержкой выступлений колонов и рабов. Гораздо вероятнее, что в ряде случаев сама логика борьбы вынуждала его не останавливаться и перед экспроприацией владений отдельных наиболее активных противников остготов. И это объясняет ненависть к Тотиле, которой проникнуты и Прагматическая санкция и большинство других источников. Следует только еще раз оговорить, что, Тотила, конечно, не стремился к полному уничтожению крупного римского землевладения как особого вида собственности. Конфискации осуществлялись лишь как мера наказания за активное противодействие остготам. Именно поэтому надо думать, что конфискации в значительно более широком масштабе, но тоже лишь как одна из форм репрессий, проводились Тотилой в 546—547 гг. в ответ на активные выступления римско-италийской знати. Вероятно, в частности, что именно в это время прямое участие высшего католического духовенства в борьбе против остготов заставили Тотилу перейти к конфискациям и патримониев католической церкви [36].

---

[36] См. ниже, стр. 443. Наряду с конфискациями, осуществляемыми правительством, имели место грабежи и насилия со стороны отдельных

Однако, по-видимому, остготское правительство не столько проводило конфискации земель, сколько лишь санкционировало, т. е. признавало законным, захваты земли у знатных римлян, произведенные непосредственно самими остготскими и италийскими земледельцами в условиях обострения классовой борьбы. Так, в Прагматической санкции специально указывается, что в правление Тотилы в Италии происходило «растаскивание» домов и вилл римской знати окрестными жителями, скорее всего мелкими земледельцами, которые использовали строительный материал и различные украшения этих построек для сооружения своих домов (Pragm. Sanc., 21). Прагматическая санкция предписывает возвращать похищенное прежним владельцам или (если эти материалы были уже использованы и вернуть их невозможно) возмещать убытки старым хозяевам. Очень важное значение имеет то обстоятельство, что, по данным Прагматической санкции, во время этих беспорядков и народных волнений погибло много документов, подтверждающих права собственности или владения имуществом, принадлежавшим римской знати. Одновременно было уничтожено немало долговых обязательств, выданных в пользу знатных римлян еще до прихода к власти Тотилы (Pragm. Sanc., 3). Вряд ли можно сомневаться, что помимо случайной гибели документов, всегда возможной во время войн и социальных потрясений, значительную роль сыграло и преднамеренное уничтожение бедняками долговых обязательств или таких документов, которые подтверждали переход их имущества в руки знати. Уничтожение документов, подтверждавших права собственности старых владельцев на какое-либо имущество, было связано с реальным переходом этого имущества в руки новых владельцев, естественно, заинтересованных в уничтожении этих документов. Поэтому вполне понятно, что впоследствии византийское правительство, реставрируя в Италии старое римское землевладение, строго предписывало возвращать прежним собственникам захваченные у них земли и иное имущество даже в том случае, если были утеряны документы, подтверждающие их права на эти владения (Pragm. Sanc., 5). Массовое уничтожение этих документов и долговых обязательств также указывает, что в разделе земель крупных римских собственников приняли участие сами народные массы Италии, в первую очередь остгот-

---

групп остготских воинов и даже подразделений остготской армии. Так, в одном из «Диалогов» Григорий I рассказывает, что в провинции Самний остготские войска ограбили настоятеля Фунденского монастыря Либертина, когда он объезжал округу и собирал с населения поборы в пользу этого монастыря (Greg. I. Dial., I, 2; ср. II, 14, 15, 51; III, 1.5.6). Эти факты тоже, конечно, наложили своей отпечаток на церковно-католическую литературу, посвященную периоду византийско-остготской войны.

ские и италийские земледельцы, а также и городская беднота Рима и других городов.

Захваты и конфискации не уничтожили тогда полностью крупное римское землевладение, но нанесли ему очень тяжелый удар, от которого оно, как мы увидим дальше, так и не смогло полностью оправиться, несмотря на все предписания Прагматической санкции и других законодательных актов Юстиниана, целиком направленных на реставрацию этой формы земельной собственности.

Для оценки изменений в аграрном строе страны, происшедших в период подъема народного движения в Италии в первой половине и середине 40-х годов VI в., и для характеристики отношения к этим изменениям Тотилы и его правительства необходимо остановиться еще на вопросе о дальнейших судьбах земель, экспроприированных у римско-италийской аристократии.

Какая-то часть этих земель оказалась в руках мелких земледельцев, бывших колонов, а отчасти и рабов [37]. В отдельных случаях разделу могли быть подвергнуты, вероятно, и латифундии, конфискованные правительством. Вполне можно допустить, что некоторое количество земли попало в руки остготских воинов или их семей [38]. По сравнению с теми формами организации хозяйства, которые преобладали в земельных владениях римско-италийской знати, хозяйство мелкого самостоятельного земледельца, несомненно, являлось прогрессивным.

Вместе с тем определенная часть земель римской аристократии перешла в руки знатных остготов, в частности ближайших помощников короля и его дружинников, а также тех римлян, которые поддерживали правительство Тотилы [39].

---

[37] В первой половине VI в. в Италии многие рабы не были еще «посажены» на землю, и, следовательно, им было гораздо труднее превратиться в самостоятельных земледельцев, чем колонам (этому препятствовало также сословное и племенное отчуждение и некоторые другие моменты).

[38] Источники не сохранили нам, к сожалению, прямых данных об отношении Тотилы к широким слоям своих соплеменников. Но мы хорошо знаем, что в отличие от Витигиса Тотила сохранил преданность рядовых остготских воинов до самого конца своей жизни. В условиях беспрерывной десятилетней войны едва ли это было бы возможно без каких-либо уступок воинам и их семьям. И думается, не случайно Прокопий так настойчиво вкладывает в уста Тотилы призывы к готам всячески придерживаться «справедливости» не только по отношению к римлянам, но и «друг к другу» (см. Procop. BG, III, 21. 11; ср. ibid., § 6).

[39] О том, что Тотила назначал римлян на ответственные посты, свидетельствует Прокопий. Так, римлянин по имени Спин был советником Тотилы (Procop. BG, III, 40.20); ритор Феодор и будущий папа Пелагий использовались Тотилой в качестве послов (Procop. BG, III, 21.18) и т. д.

Чаще всего это происходило в форме пожалования королем того или иного владения [40]. В некоторых случаях имел место прямой захват [41] или заключение различного рода фиктивных сделок (продажа, дарение, завещание и т. д.) [42]. Эти земли остготская знать использовала для расширения или организации хозяйства, основанного на эксплуатации зависимых от нее людей. Среди них были и рабы, может быть, уже имевшиеся у новых хозяев, или полученные ими вместе с землей, а может быть, и приобретенные из числа бежавших от других владельцев. Но остготская знать и в период, предшествовавший войне, в своей основной массе становилась уже феодализирующейся знатью. В ее хозяйствах уже тогда наряду с использованием рабов применялись и иные, более прогрессивные формы эксплуатации. В новых хозяйствах, организуемых в условиях подъема народного движения, эти новые тенденции должны были получать относительно большее развитие. Другими словами, даже в случае перехода экспроприированных у римско-италийских латифундиариев земель в руки новых крупных собственников (главным образом, из остготской знати) дело не сводилось только к смене владельцев. Объективно это было ударом по рабовладельческому укладу, т. е. имело прогрессивное значение.

Подъем народного движения не мог не оказать влияния и на политику Тотилы в отношении зависимого населения, выступавшего против эксплуатации крупными римско-италийскими землевладельцами. Об одном из важнейших мероприятий остготского правительства в этой области — узаконении освобож-

---

[40] Pragm. Sanc., 1—2; во 2-й главе Прагматической санкции прямо указывается, что в числе лиц, получивших пожалования от «тирана Тотилы», были и римляне.

[41] Pragm. Sanc., 4. Эти захваты осуществлялись иногда по чьему-либо приказу (per... cujuslibet auctoritatem), т. е. скорее всего с помощью зависимых людей.

[42] Pragm. Sanc., 5. Эта глава Прагматической санкции дает возможность установить, в каком направлении шло перераспределение земельной собственности на основании подобных сделок. Контрагентами в этих сделках выступали, с одной стороны, лица, имевшие «власть» (officium) в Италии в правление Тотилы, т. е. занимавшие государственные и административные должности, и приближенные короля, пользующиеся его особыми милостями (gratia); с другой стороны, римские крупные землевладельцы, интересы которых защищает византийское законодательство. Прагматическая санкция считает все эти сделки незаконными, поскольку с точки зрения византийского правительства они были заключены под давлением страха перед влиятельными лицами. На основании этого Прагматическая санкция отменяет все сделки о купле-продаже и дарении земли, а также другого имущества, заключенные в правление Тотилы, и предписывает возвращать собственность прежним владельцам при условии уплаты покупной цены. Следовательно, при Тотиле обогащалась в первую очередь остготская знать, приближенные короля, чиновники военной и гражданской администрации.

дения тех непосредственных производителей, которые в результате фактического раздела латифундий превратились в мелких землевладельцев,— мы уже говорили выше. Но положение, создавшееся тогда в Италии, вынудило Тотилу пойти и на некоторые другие уступки, в частности, колонам и рабам, бежавшим из имений римско-италийской знати.

О том, что побеги колонов и рабов приняли при «нечестивейшем тиране» Тотиле массовый характер, свидетельствует та настойчивость, с которой Прагматическая санкция заботится о возвращении бежавших их прежним хозяевам (Pragm. Sanc., 4, 8, 15, 16). О бегстве рабов в правление Тотилы упоминают и другие источники [43].

Остро нуждаясь в пополнении войск, Тотила широко, видимо, практиковал, вразрез с господствовавшей в то время традицией, зачисление беглых колонов и даже рабов в свою армию. Об этом совершенно определенно свидетельствует Прокопий. Так, рассказывая о переговорах между Тотилой и представителем осажденного остготами Рима, будущим папой Пелагием, во второй половине 546 г., Прокопий утверждает, что Тотила будто бы прямо заявил тогда: «Для готов невозможно..., чтобы рабы (δοῦλοι), которые воевали в наших рядах, стали снова рабами своих прежних господ (Procop. BG, III, 16.15). Особенно интересна аргументация Тотилы: «Что же касается рабов (οἰκέται), перешедших на нашу сторону, — будто бы заявил он,— то о них скажу я одно: если бы тех, которые стали в один ряд с нами против врагов и получили от нас обещание, что они никогда не будут возвращены своим прежним господам, мы решили теперь возвратить вам, то и с вашей (т. е. римлян.— *З. У.*) стороны мы не будем иметь доверия. Невозможно и недопустимо, чтобы тот, кто нарушил свое слово в отношении лиц самого несчастного положения, мог обнаружить твердость своих убеждений в отношении кого-либо другого, но со стороны всех, с кем ему придется сталкиваться, он будет всегда чувствовать на себе недоверие (за свое предательство), являющееся характерным признаком его природы» (Procop. BG, III, 16.25—26).

Можно допустить, что в отдельных случаях правительство Тотилы проводило освобождение колонов и «рабских фамилий» того или иного рабовладельца точно так же, как оно проводило

---

[43] В папирусе, датированном 4 апреля 553 г., приводится документ о даровании Равеннской церкви земель некоей Ранилой. «В случае если рабы,— читаем мы там,— бежавшие из этих имений в это смутное военное время, могут быть найдены, то мы, утверждая этим документом Вас господами и прокураторами Вашего (нового) владения, даем право возвращать обратно (бежавших рабов) и владеть ими» (Mar., 86=Tjäder., 13).

конфискацию латифундий отдельных представителей римско-италийской знати, наиболее активно выступавших против готов. Но, конечно, отнюдь не следует думать, что Тотила и его сторонники хоть в какой-то степени помышляли об уничтожении колоната и рабовладения как особых социальных институтов. Ни сам Тотила, ни поддерживавшая его остготская военная знать ни в какой мере не собирались отказываться от принадлежавших им рабов, да и всех других категорий зависимых людей. Более того, во время правления Тотилы наряду с освобождением рабов на волю происходила и замена прежних владельцев рабов и колонов новыми [44]. Иными словами, одновременно с перераспределением земельной собственности происходило и перераспределение рабочей силы. Рабы и колоны меняли хозяев, иногда, возможно, добровольно, в поисках лучших условий жизни, но чаще всего переходили к новым владельцам вместе с пожалованными Тотилой землями или же насильственно захватывались новыми господами. Вполне естественно, что в первую очередь этими новыми собственниками выступали приближенные и сторонники Тотилы из остготской военной феодализирующейся знати.

И все же военно-политические соображения и общая обстановка, создавшаяся в стране в связи с подъемом народного движения (в том числе и движения рабов), заставили остготскую знать так или иначе согласиться и с некоторыми другими отступлениями (кроме допуска в армию) от тех суровых законов в отношении рабов, которые господствовали не только в Восточной Римской империи, но и в Остготском государстве. В области семейно-брачных отношений между свободными и рабами в правление Тотилы отчетливо проявились тенденции, явно выходящие за рамки, установленные не только Юстиниановым законодательством, но даже эдиктом Теодориха. Например, 15-я глава Прагматической санкции констатирует, что «в нечестивейшее время свирепости готов» нередки были случаи, когда рабы (servi) женились на свободных женщинах или свободные мужчины вступали в брак с рабынями (ancillae). Видимо, смешанные браки рабов и свободных приобрели тогда такое широкое распространение, что фактически признавались вполне допустимыми. Дети, рожденные от смешанных браков рабов и свободных лиц, считались тогда, по-видимому, свободными людьми. В противном случае была бы совершенно излишней особая

---

[44] Так, после победы над остготами византийское правительство требовало возвратить прежним владельцам всех удерживаемых какими-либо другими лицами рабов и колонов. При этом рабы и колоны возвращались старым хозяевам вместе со всем родившимся за истекшее время потомством («Servos etiam vel colonos, quos ab aliquo contigit detineri, suis restitui dominis una cum medii temporis prole iubemus».—Pragm. Sanc., 16).

оговорка Прагматической санкции о том, что после византийского завоевания дети, рожденные от подобных браков, вновь, как в римские времена и в правление Теодориха, наследовали статус матери. И знаменательно, что при всей своей ненависти ко всему прогрессивному, рожденному народными движениями, Юстиниан не решился все же после разгрома Тотилы распространить на завоеванную Италию наиболее реакционный вариант римского законодательства о браках и потомстве рабов (им же созданный для других, более «мирных» провинций империи [45]). Настолько широко, видимо, вошли в жизнь Италии в период подъема народной борьбы эти новые отношения и взгляды, что полностью их искоренить было уже невозможно, не рискуя вызвать нового взрыва. Поскольку правительство Тотилы содействовало этим изменениям в положении рабов или хотя бы мирилось с ними, оно обеспечивало себе поддержку и этой части угнетенного населения Италии.

В правление Тотилы не осталась неизменной и налоговая система. Об этом говорят уже приведенные выше свидетельства Прокопия, это подтверждает и ряд глав Прагматической санкции (Pragm. Sanc., 9, 10, 12, 14), в которых византийское правительство строжайшим образом предписывало отменить все нововведения Тотилы в области сбора налогов. Гораздо труднее ответить на вопрос, в чем конкретно выразились эти «нововведения» Тотилы. Основным, очевидно, здесь, как и в других областях общественной жизни, было стремление остготов вернуться к тем порядкам, а следовательно, и к той налоговой системе, которая существовала у них до войны (предусматривающей, в частности, освобождение готов-воинов от налогов за их участки (sortes) (см. выше, стр. 181 сл.). Поэтому, надо думать, все новые налоги и поборы, установленные Юстинианом и его логофетами, были полностью отменены. Вероятно, был отменен и порядок сбора налогов, узаконенный Юстинианом в новелле 529 г., открывавший крупным землевладельцам широкие возможности для злоупотреблений. Судя по тому, что Прагматическая санкция предусматривала восстановление тех «милостей» по уплате налогов, которыми пользовалась римская знать до прихода к власти «тирана» Тотилы (Pragm. Sanc., 10), можно утверждать, что при «тиране» знать (или какая-то часть ее) была лишена этих милостей, дарованных ей византийским правительством.

Даже эти мероприятия Тотилы, которые в сущности являлись не столько «нововведениями», сколько отменой всех реакционных нововведений византийцев, несомненно улучшали положение широких слоев трудящегося населения Италии.

---

[45] См. выше, стр. 328.

Поэтому, если даже остготское правительство и не пошло на общее понижение обычных налогов, мало вероятное в обстановке войны (во всяком случае, в источниках прямых данных об этом нет), его налоговая политика в тех условиях была прогрессивной и она, несомненно, сыграла свою роль в том, что податное население италийской деревни оказало поддержку остготам. И не только деревни: при византийцах, как известно, резко возрос налоговый гнет и в городах Италии.

К сожалению, мы совершенно не знаем о мероприятиях Тотилы, направленных на привлечение симпатий городского населения (имеем в виду мероприятия экономического и организационно-административного характера; об агитационных, как увидим дальше, современные авторы упоминают достаточно часто). Можно только предполагать, что реакционное Юстинианово законодательство о куриях, особенно тяжелое для населения мелких городов, было отменено и жизнь муниципий опять стала регламентироваться нормами эдиктов Теодориха и Аталариха. Но что значительная часть населения городов сочувствовала готам, об этом говорят многочисленные факты добровольной сдачи городов Тотиле. Больше того, мы увидим, что именно в городах это сочувствие проявлялось наиболее длительное время даже в самые последние годы сопротивления готов.

Заканчивая рассмотрение вопроса о социально-экономической политике правительства Тотилы в Италии в начале и середине 40-х годов VI в., мы можем прийти к заключению, что в этот период в общественной жизни страны произошли серьезные изменения. Изменения эти были обусловлены подъемом классовой борьбы народных масс и коснулись прежде всего сферы землевладения и положения широких слоев зависимого населения. Под давлением народных масс и с целью мобилизовать все силы на борьбу с империей правительство Тотилы пошло на осуществление ряда мероприятий, касающихся перераспределения земельной собственности. Мероприятия эти способствовали росту землевладения феодализирующейся остготской, а отчасти и римской знати, а в известной мере и мелкого свободного землевладения остготских и италийских земледельцев, и значительно ущемляли крупное римское землевладение латифундиального типа. По этим же причинам были проведены и некоторые налоговые преобразования, также облегчившие положение трудящихся. Одновременно, главным образом в связи с необходимостью пополнения потерь, понесенных остготами в первый период войны, правительство Тотилы охотно допускало (а иногда, возможно, и направляло) в свою армию не только колонов, но и рабов. Это обстоятельство оказало влияние и на положение рабов в Остготском государстве этого периода.

Все эти важнейшие мероприятия остготского правительства

являлись скорее всего признанием и оформлением реальных социальных сдвигов, происходивших в стране в первые годы второго периода войны остготов с империей, ознаменовавшиеся подъемом широкого народного движения в Италии. Именно поэтому эти мероприятия отвечали в какой-то мере интересам и чаяниям народных масс и объективно имели прогрессивный характер. И пока Тотила проводил их, его правительство имело широкую социальную базу в стране, и в своей борьбе против византийцев он шел от успеха к успеху.

§ 3. Успехи остготов и их союзников в 543—550 гг.

Императорское правительство не оставалось равнодушным к событиям в Италии. Видимо, еще во второй половине 542 г. при первых же известиях о движении Тотилы на юг и о брожении среди местного населения Юстиниан принял меры к реорганизации управления в завоеванных областях Апеннинского полуострова. Вся власть опять была сосредоточена в руках одного человека — Максимина, который был назначен и префектом претория Италии и главнокомандующим. Вместе с Максимином император отправил в Италию новые, хотя и не очень значительные, воинские подкрепления, состоявшие из отрядов фракийцев, армян и небольшого числа гуннов (Procop. BG, III, 6.9—10). Однако выбор императора на этот раз оказался неудачным, и Максимин очень скоро обнаружил полную неспособность руководить наступательными действиями. Его малодушие и нерешительность способствовали дальнейшему ухудшению военного положения византийской армии в Италии [46].

Кроме подкреплений, следовавших с Максимином, в Италию были посланы еще войска под командованием одного из сподвижников Велисария — Димитрия (Procop. BG, III, 6.13). Димитрий прибыл в Сицилию раньше Максимина, задержавшегося у берегов Эпира. Ознакомившись с положением, Димитрий решил оказать помощь осажденному Неаполю, который крайне нуждался в этом, ибо его гарнизон и население уже страдали от голода. Поскольку войск у Димитрия было мало, он, собрав корабли в Сицилии и нагрузив их хлебом и другим продовольствием, двинулся к Риму, рассчитывая набрать там солдат и вместе с ними отправиться на выручку Неаполя. Однако надежды Димитрия на помощь полководца Иоанна, охранявшего Рим, не оправдались, так как, по словам Прокопия,

---

[46] Procop. BG, III, 6.12—13; 7.1—3. Велисарий, который являлся, конечно, наиболее подходящим кандидатом на пост византийского наместника в Италии, как раз в то время был вместе с другим военачальником, Бузой, заподозрен в заговоре против императора (Procop. H. a., IV, 4—39).

византийские солдаты, «разбитые варварами и чувствовавшие перед ними большой страх, решительно отказывались идти с Димитрием против Тотилы и готов». Димитрию пришлось отправиться к Неаполю, располагая лишь небольшими воинскими силами, приведенными из Византии. Предпринятая им попытка высадки недалеко от Неаполя окончилась полной неудачей. Внезапным нападением остготы перебили или взяли в плен бо́льшую часть десанта. В руки остготов попали и корабли византийцев. Самому же Димитрию лишь с большим трудом удалось спастись бегством (Procop. BG, III, 6.19—26).

После этой неудачи положение Неаполя стало еще более критическим, и командир византийского гарнизона Конон отправил к новому префекту претория Максимину, прибывшему к этому времени в Сицилию, гонца с настоятельной просьбой о помощи. Максимин не отважился сам двинуться к Неаполю, но все же послал туда войска под командованием Иродиана, Фазы и того же Димитрия (Procop. BG, III, 7.1—3). Однако и на этот раз византийцы понесли тяжелое поражение; посланный к Неаполю флот был застигнут бурей, и прибитые к берегу византийские корабли подверглись нападению остготских войск. Димитрий был захвачен в плен, а Иродиан и Фаза бежали (Procop. BG, III, 7.4—7).

Тотила умело использовал неудачи византийских войск для того, чтобы показать осажденным жителям Неаполя, что их положение безнадежно, ибо им нечего больше рассчитывать на помощь извне. Он приказал привести к стенам Неаполя пленного Димитрия с веревкой на шее и заставил его обратиться к осажденным с призывом к капитуляции (Procop. BG, III, 7.8—9).

Следуя своей политике привлечения населения на сторону остготов, Тотила предложил жителям Неаполя весьма благоприятные для них условия сдачи. Он обещал неаполитанцам полную неприкосновенность, а византийскому гарнизону гарантировал жизнь и сохранение имущества (Procop. BG, III, 7.16). И когда Неаполь капитулировал (весной 543 г.),[47] остготский король полностью сдержал свое обещание. По словам Прокопия, он прежде всего позаботился о снабжении жителей города продовольствием, а византийским солдатам разрешил свободно удалиться в Рим, выдав им все необходимое на дорогу. Однако укрепления Неаполя были в большей своей

---

[47] Procop. BG, III, 7.20. Ср. J. B. Bury. History..., vol. II, p. 233; O. Körbs. Untersuchungen zur ostgotischen Geschichte, Bd. I. Eisenberg, 1913, S. 38 f., 55; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 575 sq. Комит Марцеллин ошибочно относит сдачу Неаполя к 544 г., а возвращение Велисария в Италию к 545 г. (Marc. Chron. add., a. 544—545); его хронология смещена, таким образом, на один год.

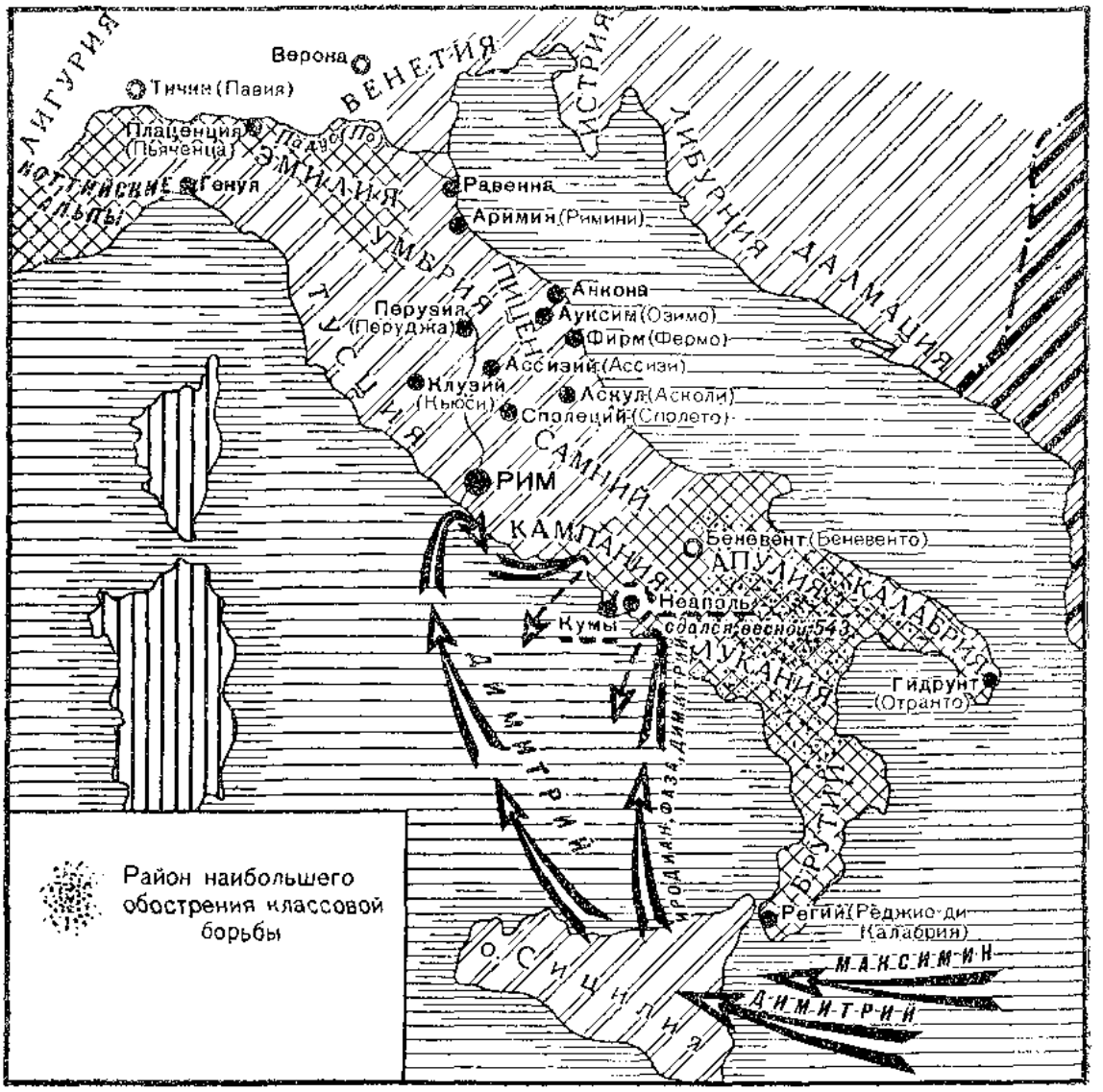


Схема 10. Успехи остготов в 543 г.
Условные знаки см. на стр. 14

части разрушены, так же как и во многих других городах (например, в Беневенте). Тотила, видимо, хорошо учел уроки первого этапа войны и в этом отношении. Он хотел заставить византийские войска сражаться с остготской армией в открытом поле, где остготы надеялись использовать свое превосходство (Procop. BG, III, 8.1—11).

Рассказу Прокопия о милостивом отношении Тотилы к жителям Неаполя на первый взгляд противоречит сообщение комита Марцеллина о том, что Неаполь был разрушен и опустошен (Neapolim desolat) войсками Тотилы. Однако это противоречие является лишь кажущимся и может быть объяснено тем, что комит Марцеллин, рассказывая об этих событиях, имел в виду в первую очередь разрушение Тотилой укреплений Неаполя, о чем сообщает и Прокопий. Что же касается вопроса об

отношении Тотилы к населению Неаполя, то комит Марцеллин его не затрагивает. Между тем у нас нет оснований заподозрить достоверность рассказа Прокопия,так как его трудно обвинить в стремлении выставить деятельность Тотилы в приукрашенном виде. Аргументом в пользу достоверности рассказа Прокопия является также и то, что милостивое отношение к жителям завоеванных областей и крупных городов Италии составляло важное звено во внутренней политике правительства Тотилы на этом этапе борьбы, в политике, направленной на привлечение к новому правительству симпатий населения Апеннинского полуострова.

О том, что вопросам внутренней политики остготский король придавал в этот период очень большое значение, свидетельствует, в частности, весь ход событий в течение ближайших месяцев после взятия Неаполя. Тотила не поддался тогда соблазну немедленного похода на Рим, хотя несомненно, что политическое значение обладания этим городом для него было вполне ясно. Горький опыт Витигиса подсказывал, что на успех осады можно надеяться только в том случае, если Рим будет полностью блокирован и если осаждающие будут иметь вполне обеспеченный тыл. Поэтому всю вторую половину 543 г., а может быть, и начало 544 г. Тотила употребил на закрепление своей власти на юге Италии. Вместе с тем в эти месяцы значительно окрепли вооруженные силы остготов. В частности, был создан флот, основу которого составили византийские корабли, захваченные у Неаполя. Остготские войска пополнялись за счет рабов, бежавших из разгромленных или конфискованных имений римско-италийской знати, или отпущенных на волю.

А Константиан, да и все другие византийские военачальники продолжали бездействовать. «Начальники в укреплениях пировали вместе со своими возлюбленными, а солдаты, проявляя крайнее неповиновение начальникам, предавались всяким безобразиям» (Procop. BG, III, 9. 1).

К весне 544 г. остготы почувствовали себя достаточно подготовившимися и опять перешли к активным боевым действиям. Один отряд своих войск Тотила послал в Калабрию для осады последнего оплота византийской власти в этой области — Гидрунта (Procop. BG, III, 9. 22), а сам с большей частью своей армии направился в Среднюю Италию, имея целью перерезать северо-восточные коммуникации Рима.

И в Средней Италии бесчинства, грабежи и насилия византийских чиновников и солдат «сделали варваров желанными для италийцев» (Procop. BG, III, 9.4). Поэтому и здесь ряд городов был взят остготами при активной помощи населения или, точнее, известной его части. Так было, например, в Тибуре, гарнизон которого, состоявший из исавров, притеснял населе-

ние и вызвал большое недовольство местных жителей. Жители Тибура, несшие вместе с исаврами охрану стен, тайно открыли ворота города и ночью впустили остготские войска в крепость (Procop. BG, III, 10. 19—22).

Разумеется, войны того времени постоянно сопровождались жестокими эксцессами, грабежами и насилиями. Комит Марцеллин рассказывает о расправе Тотилы с римским населением некоторых городов Италии. «Тотила,— пишет этот хронист,— согласно скрепленному клятвой соглашению вошел в Фирм и Аскул; и когда римские солдаты, сохранив свое имущество, были отпущены на свободу, он обрушил свою жестокость на римлян и всех их ограбил и перебил» (Marc. Chron. add., a. 545).

Однако отдельные эксцессы не могли бы объяснить той особой ненависти к Тотиле, которая сквозит в хронике комита Марцеллина, в византийском законодательстве, в церковно-католической литературе; эта ненависть отражает тот факт, что наиболее сильные удары остготов падали на крупных светских и духовных землевладельцев Италии и на городскую знать, идеология которых наложила свой отпечаток на большинство источников того времени. Именно так было, по-видимому, и при взятии остготами Тибура. Из рассказа Прокопия следует, что готы, не причинив зла жителям, расправились лишь с городской знатью, так как среди жертв «бесчеловечности» остготов Прокопий называет только епископа города Тибура и некоего Кателла, человека, пользовавшегося известностью среди италийцев (Procop. BG, III, 10.22). Очевидно, представители высшего католического духовенства и местной знати не желали сдавать город Тотиле, в то время как недовольные притеснениями византийского гарнизона жители города помогали остготам. Подобная расстановка классовых сил в городе объясняет не только причину жестокой расправы Тотилы с упорствующими его защитниками, но и то, что эта расправа имела большой политический резонанс, вызвав возмущение среди сторонников империи. Эти настроения и нашли свое отражение в трудах Прокопия и комита Марцеллина.

Однако мы не имеем оснований в какой-либо степени идеализировать внутреннюю политику Тотилы, рисовать его защитником и выразителем интересов народных масс, каким-то «крестьянским» царем. Наряду с уступками широким народным массам Италии Тотила никогда не забывал о выгодах, которые сулила остготскому правительству поддержка римского сената и римской аристократии. В силу классовых интересов остготской знати Тотила не мог решиться на окончательный и бесповоротный разрыв с римской аристократией и все же надеялся заключить с сенаторами соглашение.

Поддержка римского сената стала особенно необходима Тотиле, когда он после укрепления своей власти на юге Италии приступил к подготовке борьбы за Рим. И именно в этот момент Тотила попытался всеми средствами привлечь на свою сторону римскую аристократию. С этой целью он отправил римскому сенату послание, в котором упрекал сенаторов в неблагодарности к остготскому правительству и напоминал о благодеяниях, оказанных в свое время римской аристократии Теодорихом и Амаласунтой. Тотила стремился доказать, что положение римской аристократии при остготских королях было лучшим, чем при владычестве греков, принесших с собой финансовые притеснения логофета Александра и буйство византийских солдат и командиров. Более того, Тотила пытался даже изобразить остготов защитниками римских сенаторов и мстителями за притеснения их византийскими войсками (Procop. BG, III, 9.7—18). В посланиИ Тотила фактически предлагал римским сенаторам вновь заключить союз с остготами.

Послание остготского короля было переслано в Рим через пленных и вручено римским сенаторам. Однако, командующий византийским гарнизоном Рима Иоанн запретил сенаторам отвечать Тотиле (Procop. BG, III, 9.20), да и сами сенаторы, по-видимому, не проявили желания пойти на сближение с остготским королем. Примирению Тотилы с римским сенатом в первую очередь, конечно, мешало то, что остготское правительство не могло отказаться от тех социально-экономических мероприятий, которые задевали интересы сенаторов, но в то же время обеспечивали Тотиле его успехи. Поэтому все попытки этого остготского короля сблизиться с сенаторами были обречены на провал, даже в тех случаях, когда сенаторы и не боялись мести императора за переход на сторону Тотилы.

Потерпев неудачу в переговорах с римским сенатом, Тотила был принужден апеллировать к населению Рима. Воззвания Тотилы к римским гражданам развешивались по ночам в наиболее посещаемых местах города. Тотила гарантировал полную безопасность всем римлянам и заверял, что остготы не причинят им никакого зла (Procop. BG, III, 9.20—21). В распространении этих воззваний были заподозрены (и высланы за это из города) арианские священники (Procop. BG, III, 9.21). Арианское духовенство, имевшее достаточно реальные основания быть недовольным победой византийцев, обусловившей восстановление всех прав и привилегий католической церкви в ущерб арианской, активно поддерживало остготское правительство.

Для Тотилы поддержка арианского духовенства была очень полезной, особенно потому, что арианские священники имели влияние на народные массы Италии, в частности на варваров,

живших на территории Апеннинского полуострова. Среди населения Рима также было немало ариан, которые, возможно, в свою очередь помогали арианским священникам в распространении воззваний остготского короля. Эта агитация в пользу Тотилы и его союзников должна была подготовить почву для захвата остготскими войсками города Рима.

Апелляция Тотилы к населению древней столицы Италии, последовавшая после неудачной попытки заключить союз с римским сенатом, показывает, что Тотила был намерен для изгнания византийцев из Италии и восстановления государства остготов использовать любые средства: заигрывая с сенатом, он одновременно использовал помощь арианского духовенства и, наконец, сознательно стремился пойти на сближение с населением Рима, опереться на поддержку народных масс, понимая, надо думать, какое политическое значение имеет этот шаг.

Итак, правительство Тотилы, здраво оценив положение в стране, активно стремилось к завоеванию сочувствия местных жителей. Именно поэтому Тотила и мог действовать гораздо успешнее, чем все его предшественники.

К весне 544 г. положение византийцев в Италии настолько ухудшилось, что Константиан в своем письме к Юстиниану вынужден был заявить, что он не в состоянии дольше сдерживать натиск остготов. К его мнению присоединились и другие византийские военачальники (Прокоп. BG, III, 9. 5—6).

Между тем к этому времени Велисарию удалось, наконец, оправдаться перед правительством, доказать свою непричастность к заговору против императора [48], и Юстиниан, сознавая всю серьезность положения дел в Италии, решил, несмотря на продолжавшуюся войну с персами, вновь отправить своего прославленного полководца в Италию [49].

---

[48] Прокоп. H. a., IV, 38—40. О немилости, в которую впал Велисарий, и о его последующем оправдании кратко сообщает и комит Марцеллин: «Велисарий, отозванный с Востока для отражения врага, сам попал в опасное положение, впав в немилость, и был затем отослан обратно в Италию» (Marc. Chron. add., a. 545).

[49] Прокоп. BG, III, 9.23. По утверждению Прокопия, между Велисарием и императором было заключено соглашение, по которому Велисарий обязывался нанять и снарядить войска для войны в Италии на свой собственный счет. Причиной подобного неблагожелательного отношения к знаменитому полководцу, по словам Прокопия, являлась давняя зависть Юстиниана и Феодоры к богатствам Велисария. Император и императрица уже давно подозревали Велисария в присвоении значительной части сокровищ, захваченных у Гелимера и Витигиса. Вместе с тем крайне мстительный и злопамятный император не мог, конечно, забыть и того, что некогда остготы предлагали Велисарию корону императора Западной Римской империи. Поэтому-то теперь Юстиниан фактически и лишил своего полководца регулярных имперских войск (Прокоп. BG, III, 10.1). Вполне возможно, что в этих утверждениях Прокопия

Летом 544 г. Велисарий при помощи командира иллирийских войск Виталия набрал во Фракии и Иллирике около 4 тысяч воинов и привел их в Салону. Оттуда он хотел немедленно двинуться через Полу (ныне Пула) в Равенну [50]. Однако в Салоне к Велисарию пришло известие о том, что гарнизон Гидрунта, страдая от голода, начал переговоры с остготами. Не желая терять этот важный опорный пункт, Велисарий приказал одному из своих военачальников Валентину сменить измученный гарнизон Гидрунта и снабдить город продовольствием, сам же, ожидая выполнения этой операции, несколько задержался с основной частью своих войск в Далмации (Procop. BG, III, 10.5—12).

В это время Тотила одерживал новые победы. Продолжая осуществлять свой план, он вторгся в Пицен и подошел к Ауксиму.

В ноябре или декабре 544 г. Велисарий прибыл, наконец, в Равенну. Второй раз вступив на древнюю землю Италии, прославленный победитель Гелимера и Витигиса застал дела византийцев в плачевном состоянии. Боеспособность значительной части византийских войск, расквартированных в этой провинции, была весьма низкой. Даже Прокопий не может скрыть того, что переход византийских солдат к Тотиле принял массовый характер. Сам Прокопий, а вслед за ним и большинство последующих историков считают, что основной причиной этого явления было недовольство солдат, вызванное неуплатой жалования и притеснениями командиров. Отнюдь не собираясь отрицать значения этих факторов, мы вместе с тем убеждены, что это объяснение далеко не исчерпывает сути вопроса. Ведь если бы все дело было только в злоупотреблениях логофетов и командиров, то приезд Велисария и его прямой призыв к перебежчикам вернуться, призыв, несомненно, сопровождаемый всякого рода заманчивыми посулами, принесли бы в той или иной степени положительные результаты. В действительности же никто из перебежчиков — ни готы, ни римляне — к нему не возвратились (Procop. BG, III, 11.1—10). Основной причиной массового перехода византийских солдат на сторону остготов, помимо недовольства, вызванного неуплатой жалования и притеснениями командиров, были глубокие социальные и этнические изменения состава армии Восточной Римской империи. В период кризиса рабовладельческого способа производства эта армия состояла главным образом из колонов, отпущенных на волю рабов, городской бедноты. Это служило социальной

содержится какая-то доля истины. Но не следует забывать, что Прокопий даже и в этом официальном труде сознательно и тенденциозно стремится очернить Юстиниана и, напротив, всячески превозносит Велисария.

[50] Procop. BG, III, 10. 1—3,13; 11. 1; Procop. H. a., IV, 39.

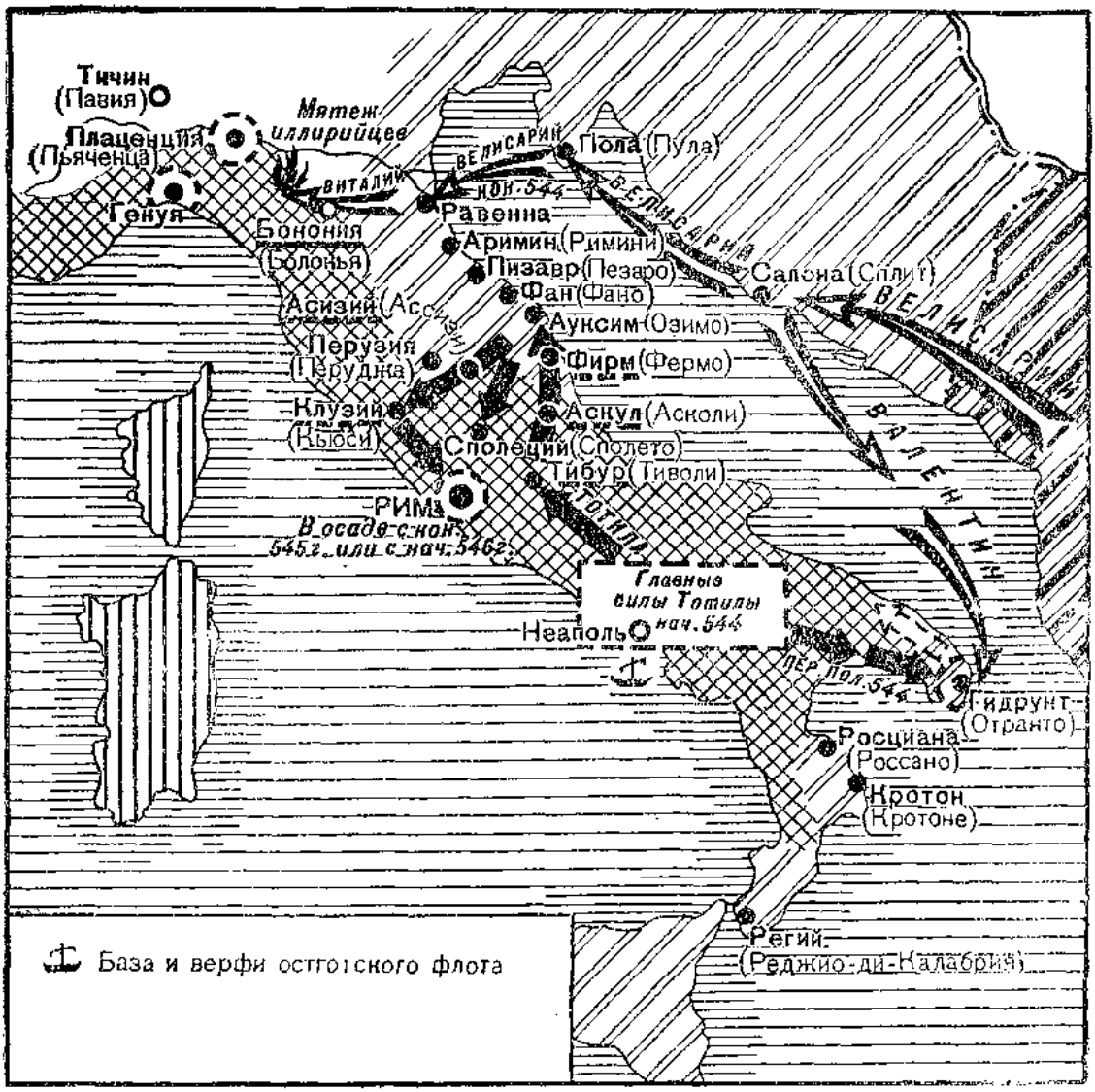


Схема 11. Успехи остготов в 544—545 гг.

Условные знаки см. на стр. 14

базой для революционных движений в армии и создавало предпосылки для возникновения союза армии с варварами и восставшими колонами и рабами; и поэтому подъем классовой борьбы в Италии в начале второго периода остготско-византийской войны оказал свое влияние и на солдат византийской армии. К Тотиле их привлекал тот новый политический курс в отношении народных масс, который проводил этот остготский король. Кроме того, простые византийские воины, принадлежащие к различным варварским племенам [51], конечно, хорошо знали,

[51] Среди варварских племен на службе Восточной Римской империи мы встречаем гуннов, массагетов, гепидов, славян, антов, готов, маврусиев, лангобардов, герулов и др. Варваризация византийской армии зашла к этому времени так далеко, что многие высшие командные посты в императорских войсках занимали варвары.

что Тотила охотно и весьма милостиво принимает всех, кто идет под его знамена, и обращается с ними мягко и дружелюбно. Византийских воинов, перешедших на его сторону, Тотила обычно включал в состав армии, и при этом на равных правах с остготами, сохраняя все их имущество (Procop. BG, III, 30.8).

Приезд Велисария мало улучшил положение византийцев. Хотя этому полководцу не раз уже приходилось руководить подавлением крупных народных восстаний (восстание «Ника» в 532 г., первое восстание Стотзы в 536 г.), он не сумел приспособить ни свои стратегические планы, ни свою тактику к новым условиям войны в Италии. По существу он только пытался повторить те же оперативно-тактические принципы, которые обеспечили ему успех против Витигиса, но совершенно не годились теперь [52]. Так, например, вскоре после прибытия в Равенну Велисарий послал в рейд по Эмилии Виталия и Торимута. По своим целям эта операция должна была как бы повторить рейд Иоанна и Мартина в область Коттийских Альп в 540 г., т. е. создав угрозу семьям воинов, вызвать панику в войсках Тотилы. Но теперь положение было совсем другим, и эти отряды, хотя и продвинулись вплоть до Бононии (ныне Болонья), никакого влияния на общий ход кампании не оказали. Больше того, часть иллирийских наемных войск Виталия отказалась дальше служить в византийской армии и пожелала вернуться на родину (Procop. BG, III, 11.13—18). Неудачей закончилась и попытка Велисария помочь осажденному готами городу Ауксиму, где заперся византийский гарнизон под командованием Магна. Благодаря помощи перебежчика из византийской армии, Тотила внезапно напал на посланный Велисарием на выручку этого города отряд и наголову разбил его (Procop. BG, III, 11.19—31; Marc. Chron. add., a. 545).

В течение первой половины 545 г. остготы овладели рядом крупных городов и важных укреплений в Средней Италии. В их руках оказались Фирм, Аскул, Сполеций и Асизий (Ассизи) (Procop. BG, III, 12.12—18). Большинство этих крепостей добровольно сдалось на милость победителя. Основной причиной этого было растущее недовольство в византийской армии, а также среди населения этих крепостей. Так, город Асизий был сдан Тотиле жителями, после того как командир византийского гарнизона, гот Сизифрид, служивший верой и правдой императору, был убит в сражении. По договору, как мы уже упоминали, сдались Тотиле также Фирм и Аскул. А город Сполеций был сдан Тотиле самим командиром визан-

---

[52] См. по этому поводу сетования Прокопия (Procop. BG, III, 13. 15—18. Ср. Procop. H. a., IV, 43).

тийского гарнизона Иродианом. Прокопий считает причиной сдачи Сполеция личную вражду между Иродианом и Велисарием (Procop. BG, III, 12.16). Вражда же эта, по-видимому, была вызвана попытками Велисария восстановить дисциплину в византийской армии в Италии, пресечь своеволие командиров и наказать виновных в грабежах и насилиях. Во всяком случае, Прокопий сообщает, что Велисарий выступил против Иродиана с обвинениями в злоупотреблении властью, незаконном присвоении государственных средств и потребовал возврата присвоенных им денег. «Раздраженный этим, Иродиан ушел из римского войска, и сам со всеми войсками, сдавши Сполеций, передался на сторону Тотилы и готов»[53].

О победах, одержанных Тотилой в 545 г., комит Марцеллин сообщает следующее: «Тотила, опустошив Пицен, сражаясь, одержал победу при Ауксиме, а оттуда двинувшись через Тусцию, разрушает Сполеций, захватывает города Асизий и Клузий и осаждает Перузию» (Marc. Chron. add., a. 545). Однако овладеть Перузией не удалось, несмотря на то, что Тотила, подкупив Улифа — одного из телохранителей командира византийского гарнизона Киприана, уговорил его убить своего начальника (Procop. BG, III, 12.18—20).

Крайне обеспокоенный победами Тотилы, Велисарий еще несколько раньше отправил в Константинополь полководца Иоанна и просил императора прислать подкрепления (Procop. BG, III, 12.1—10. Ср. Marc. Chron. add., a. 545). Если даже считать, что в письме к Юстиниану, приведенном у Прокопия, Велисарий, руководствуясь желанием оправдать свои неудачи отсутствием войск и добиться присылки своих телохранителей и щитоносцев, которые были задержаны в Византии, несколько сгустил краски, нельзя не признать, что положение византийцев действительно стало весьма затруднительным. Однако пока Юстиниан собирал подкрепления,[54] Тотила, захватив еще ряд важных опорных пунктов в Пицене и Тусции,

---

[53] Procop. H. a., V, 5—6. Об Иродиане см. RE, Bd. VIII, Sp. 954.

[54] По словам Прокопия, ни Иоанн, посланный ко двору, ни сам Юстиниан не торопились помочь прославленному полководцу, находившемуся в критическом положении. Прибыв в Константинополь, Иоанн всецело погрузился в придворные интриги, занявшись устройством семейных дел, связанных с его женитьбой на дочери Германа, племянника Юстиниана (Procop. BG, III, 12.11; Procop. H. a., V, 7—14). Этому браку противилась императрица Феодора, заклятый враг Германа. Ненависть Феодоры к Герману и всему его семейству была столь велика, что императрица, по данным Прокопия, отдала тайный приказ Антонине, жене Велисария, убить Иоанна по его возвращении в Италию. Иоанн стал подозревать грозящую ему опасность, что будто бы и послужило причиной вражды Иоанна и Велисария, вражды, принесшей немало вреда византийской армии в Италии (Procop. H. a., V. 15.).

двинулся к Риму и в конце 545 или в начале 546 г. начал его осаду [55].

На этот раз блокада Рима была значительно более полной, чем при Витигисе. С занятием остготскими войсками Неаполя, Кум, Тибура и других городов Лация, Кампании и Самния пути, связывающие Рим с плодородными областями Италии, были перерезаны и ввозить оттуда продовольствие не было возможности. Тяжелое положение осажденных усугублялось тем, что остготы к этому времени уже создали свой флот из быстроходных судов, базировавшихся на Неаполь и Эоловы (Липарские) острова, и могли захватывать корабли, шедшие к Риму из Сицилии (Procop. BG, III, 13.5—6). Видимо, именно этим обстоятельством объясняется то, что Тотила не сделал сколько-нибудь решительной попытки овладеть Портом. Наконец, остготы теперь могли рассчитывать и на поддержку широких слоев сельского и городского населения ряда прилежащих к Риму областей, обеспеченную социально-экономической политикой Тотилы.

В этих условиях Тотила не счел нужным тратить силы на штурм, надеясь взять город измором. Свой главный лагерь он разбил на так называемом Campus Meruli (в нескольких километрах от города по дороге в Порт).

Одновременно с блокадой Рима остготы начали осаду города Плаценции (ныне Пьяченца) в Эмилии (Procop. BG, III, 13.7—11).

Велисарий, узнав об осаде Рима Тотилой, отступил из Равенны в Диррахий и там ожидал прибытия подкреплений из Византии, ограничившись посылкой в римский Порт небольшого отряда под командованием Валентина и Фоки. Когда же долгожданные подкрепления под командованием Иоанна и Исаака, наконец, прибыли в Диррахий, начались разногласия между Велисарием и Иоанном по вопросу о дальнейшем ведении войны (Procop. BG, III, 13.20—21; 15.1; 18.1—8 и 11—29; Procop. H. a., V, 13).

Эти разногласия по существу явились продолжением тех, которые имели место в среде византийских военачальников еще в 538—539 гг. Велисарий по-прежнему стремился главным образом к изматыванию сил противника. Он надеялся, что Тотила повторит ошибку Витигиса и будет пытаться взять Рим штурмом. Поэтому самой актуальной задачей Велисарий считал немедленную помощь римскому гарнизону. Иоанн же предлагал сперва захватить Южную Италию. Уже в первый период войны Иоанну пришлось пройти от Гидрунта до Рима.

---

[55] Procop. BG, III, 13.1; Marc. Chron. add., a. 546; Procop. H. a., V, 3.

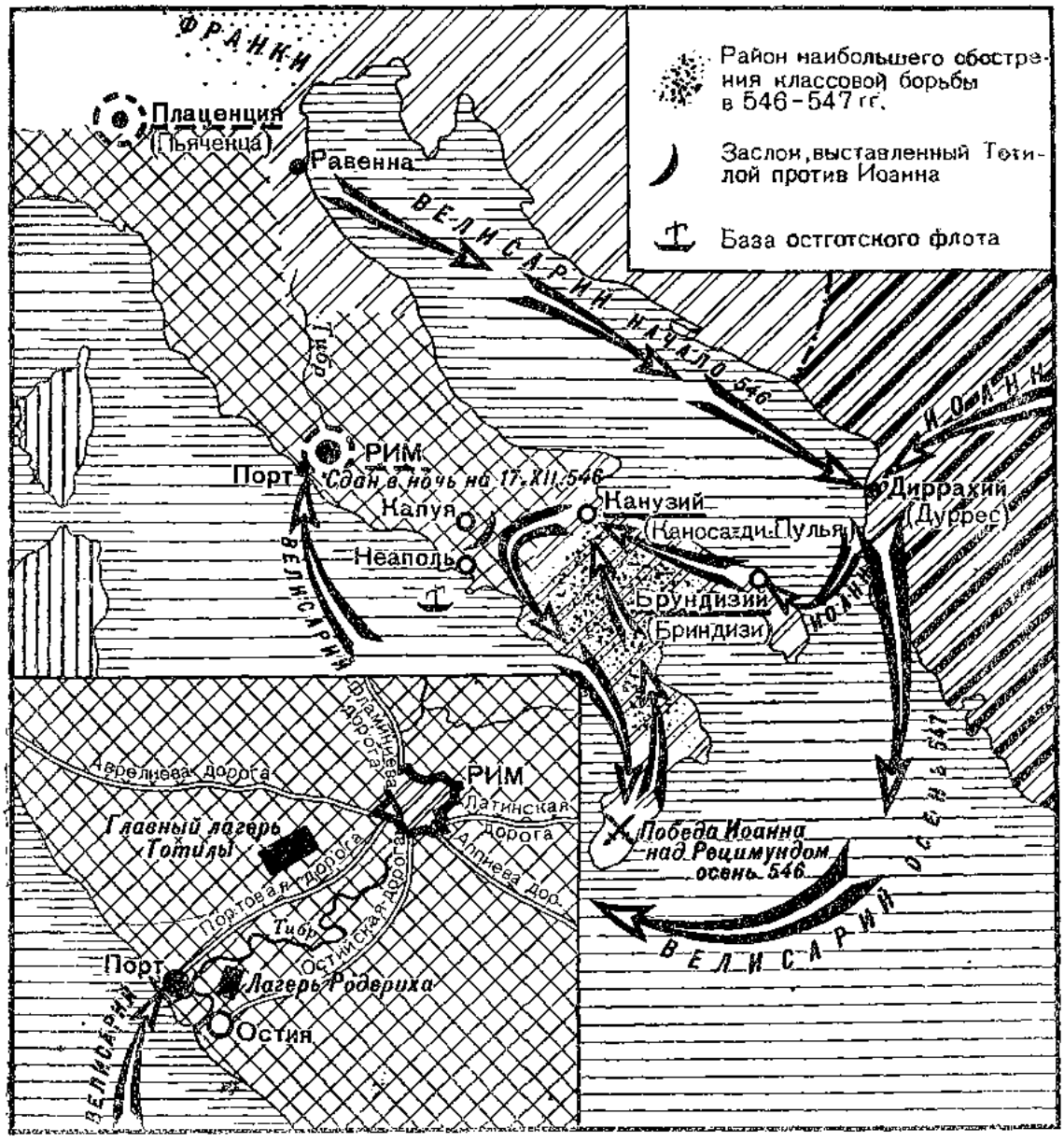


Схема 12. Военные действия в 546 г.

Условные знаки см. на стр. 14

Тогда он совершил этот поход вполне успешно, не только не встречая противодействия со стороны местного почти исключительно италийского населения, но, напротив, пользуясь его поддержкой. Теперь создалось совсем другое положение. Как и Велисарий, Иоанн не учел, что сейчас война — и как раз на юге — была осложнена острой классовой борьбой в среде италийского населения.

Не договорившись между собой, Велисарий и Иоанн фактически начали действовать каждый самостоятельно.

Между тем попытки Валентина и Фоки помочь Риму из Порта не увенчались успехом. Первое наступление их отряда

было парализовано полным бездействием командующего византийским гарнизоном Рима Бессы, который, несмотря на призывы прибывших на помощь византийских командиров действовать согласованно, так и не решился сделать вылазку из осажденного города (Прокоп. BG, III, 15.2—6). Еще более печально закончилась вторая попытка этого отряда прорваться в Рим. В византийских войсках нашелся перебежчик, заранее известивший об этом Тотилу, и остготы, устроив засаду, нанесли византийцам тяжелое поражение (Прокоп. BG, III, 15.7—8).

Однако силы, противостоящие Тотиле в Италии, отнюдь не теряли надежды помочь осажденному Риму. Активную деятельность в этом направлении развивала, в частности, католическая церковь. Римский папа Вигилий, находившийся в это время в Сицилии, несмотря на назревающий конфликт между римским и константинопольским церковными престолами, отправил в Рим караван судов, груженный хлебом и другим продовольствием. Но этот караван попал в ловушку и был захвачен остготами в устье Тибра. Византийский гарнизон Порта не сумел известить экипаж судов о грозящей им опасности и все матросы и пассажиры попали в плен к остготам. В числе пленных были представители высшего католического духовенства во главе с епископом Сильвы Кандиды—Валентином. Бо́льшая часть пленников была перебита остготами, а епископ Валентин, допрошенный самим Тотилой, был подвергнут за ложные ответы жестокой каре: ему были отсечены обе руки [55].

Вскоре византийцы потеряли Плаценцию. Жители этого города настолько страдали от голода, что среди осажденных имелись случаи людоедства. Не вынеся лишений, граждане Плаценции сдались остготам (Прокоп. BG, III, 16.2—3).

Росло недовольство и среди населения Рима. В народе все популярнее делалась мысль о соглашении с остготами. Вновь подняла голову проготски настроенная оппозиция даже среди части сенаторской аристократии, также стоявшая за соглашение с остготским правительством. Правда, эта аристократическая оппозиция византийцам была теперь значительно слабее и малочисленнее, чем во времена Теодориха и Амаласунты, ибо большинство сенаторов уже почувствовало, какую опасность для них представляет аграрная политика Тотилы, и потеряло свои иллюзии о возможном возрождении союза остготской и римской знати. Теперь поддерживали остготов лишь отдельные представители сенаторской аристократии, но подоб-

---

[55] Прокоп. BG, III, 15.9—16. Рассказ Прокопия об отсечении рук епископу Валентину подтверждается тем, что позднее Валентин не мог лично подписать Constitutum 553 г., о чем есть упоминание в актах собора 553 г. (Coll. Avell., № 83, 309; ср. E. Stein. Op. cit., t. II, p. 580, n. 2).

ные проготские настроения в среде римской знати все же существовали. Во всяком случае, Прокопий упоминает об удалении из Рима одного из сенаторов, заподозренного в связях с готами [56]. Недовольство в Риме росло еще и потому, что византийские военачальники, особенно Бесса и Конон, которым была поручена оборона города, показали полную неспособность к активной борьбе с Тотилой и трусливо бездействовали (Procop. BG, III, 16.9—25). Опасаясь нарастающего недовольства народных масс, католическая церковь сперва всячески стремилась смягчить это недовольство путем некоторого облегчения лишений жителей осажденного города. С этой целью диакон Пелагий, ставленник византийского двора (Lib. Pont. V. Vigil., 8; Procop. BG, III, 16.5), управлявший в отсутствие папы Вигилия Римской церковью, во время осады Рима раздавал деньги голодающим гражданам столицы [57].

Естественно, что эти паллиативные меры не помогали, и под давлением жителей города Пелагий решил начать переговоры с Тотилой о перемирии. При этом требования населения Рима шли значительно дальше, чем расчеты католического духовенства. Жители города настаивали на том, что если после заключения перемирия Рим не получит помощи из Византии, то необходимо будет добровольно сдать город остготам (Procop. BG, III, 16.7).

Командующий гарнизоном Бесса согласился на ведение Пелагием переговоров с Тотилой. По-видимому, Бесса втайне сам желал перемирия, чтобы выиграть время, необходимое для получения подкреплений. Но он не хотел брать на себя ответственность за начало переговоров и надеялся переложить ее на Пелагия, пользовавшегося, как он знал, большим влиянием при константинопольском дворе.

Однако переговоры Пелагия с Тотилой не привели ни к каким результатам. Тотила категорически отверг наиболее важные условия, предложенные Пелагием. Среди этих условий совершенно неприемлемыми для остготов были следующие: не разрушать укреплений Рима, не мстить сицилийцам за их

---

[56] Procop. BG, III, 13.12. Возможно, Прокопий допустил ошибку, назвав этого сенатора Цетегом: из других источников мы знаем, что prior senatus Флавий Руфин Петроний Никомах Цетег бежал в Константинополь и действовал против готов. См. о нем RE, Bd. III, Sp. 2012 f.

[57] Procop. III, 16.6. Э. Штейн всячески стремится доказать бескорыстие Пелагия, который, по его словам, «употребил свое состояние на облегчение положения народа» (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 581). Но Прокопий сообщает, что Пелагий привез в Рим большие денежные средства из Константинополя и раздавал их с целью успокоения народа, требовавшего заключения мира с Тотилой. Весьма возможно, что он делал это также и для того, чтобы привлечь симпатии населения, имея в виду свергнуть папу Вигилия и захватить папский престол.

измену остготам в первый период войны и, особенно требование римской знати, поддержанное католическим духовенством, возвратить прежним хозяевам всех беглых и освобожденных рабов, служивших в армии Тотилы (Procop. BG, III, 16.8—32).

Требование возврата беглых рабов прежним господам, настойчиво выдвигаемое даже в столь трудную для Рима минуту, является ярким выражением непримиримости классовой позиции римской знати и католического духовенства, стремившихся во что бы то ни стало восстановить свои «попранные права» на порабощенное население Италии. Для самого Пелагия, ставленника Византии, проводившего в Италии политику, угодную константинопольскому правительству, это требование, кроме того, являлось важным политическим ходом, ставившим целью вознаградить римских сенаторов и высшее католическое духовенство за понесенные ими потери и возвратить правительству Юстиниана симпатии тех римских сенаторов, которые под давлением поражений византийских войск стали вновь склоняться к соглашению с Тотилой. Тотила же ни в коем случае не мог согласиться на выдачу рабов, не вызвав возмущения со стороны тех слоев трудового населения Италии, которые в этот период поддерживали его. Столь вероломный поступок мог внести дезорганизацию в недавно созданную им армию, подорвать его престиж в глазах населения Италии и тем самым обречь на провал начатое им дело (см. выше, стр. 349 сл.).

Тотила отверг также и другое предложение Пелагия оставить неприкосновенными укрепления Рима, ибо он вполне основательно опасался, что при сохранении укреплений Рим, если он в силу превратностей войны снова будет захвачен неприятелем, опять сможет стать оплотом византийской власти в Италии (Procop. BG, III, 16.22—25).

Остготский король не пожелал удовлетворить и третье важное условие римской знати: простить сицилийцам их измену остготам. И к тому у него были весьма серьезные основания. Дело в том, что обладание островом Сицилией имело большое экономическое и стратегическое значение как для остготов, так и для византийцев. Сицилия, во-первых, являлась житницей многих городов Италии и в первую очередь Рима. Во-вторых, этот остров являлся очень удобным плацдармом для развертывания наступления как против североафриканских провинций, так и против южноиталийских. Византийское правительство опасалось, что остготы, овладев Сицилией, могут вступить в союз с повстанцами, все еще упорно боровшимися против византийского владычества в Северной Африке [58].

---

[58] См. З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, т. V, 1952, стр. 15—49.

Поэтому естественно, что византийцы всеми силами стремились сохранить симпатии населения этого острова, которые им удалось привлечь в какой-то степени в самом начале войны против остготов (см. выше стр. 258). Остготское же правительство также прекрасно понимало экономическое и военно-стратегическое значение Сицилии и стремилось к захвату этого острова; именно поэтому оно не могло оставить безнаказанным предательство сицилийской знати, поддерживавшей Византийскую империю.

Таким образом, переговоры диакона Пелагия с Тотилой не имели успеха потому, что между ними не могло быть достигнуто соглашение по важным животрепещущим вопросам социально-политического и военно-стратегического характера, разделявшим всю Италию на два враждующих лагеря.

С наступлением осени положение населения Рима резко ухудшилось. По словам Прокопия, голод в Риме настолько усилился, что превратился в великое бедствие [59]. Кроме того, начались болезни.

Воспользовавшись голодом, командиры византийского войска Бесса и Конон, у которых был припрятан хлеб в Риме, начали бессовестно спекулировать съестными припасами, продавая их по очень высоким ценам[60] богатым жителям города. «Вся же остальная масса народа,— пишет Прокопий,— питалась преимущественно крапивой, которой много росло всюду вокруг укреплений, в развалинах на пустырях города; многие под давлением голода сами на себя накладывали руки, так как не могли уже найти ни собак, ни мышей, ни трупа другого какого-либо животного, которым бы они могли питаться» (Procop. BG, III, 17.13 и 19).

Особенную жадность и изощренность в ограблении населения проявил византийский военачальник Бесса. «Из всего того хлеба, который раньше еще прислали в Рим правители Сицилии, с тем чтобы его хватило для всего войска и всего народа, Бесса народу дал очень мало, а большую часть его под благовидным предлогом сохранения для войска он спрятал; его-то он и продавал сенаторам за большие деньги и поэтому менее всего хотел, чтобы была снята осада» (Procop. BG, III, 19.14). «И весь погрузившись в эти заботы о продаже, — пишет Прокопий несколько дальше, — Бесса больше не обращал внимания

---

[59] Procop. BG, III, 17.1. В «Жизнеописании Вигилия» также упоминается об этом страшном несчастье, постигшем население Рима. «Подойдя к Риму,— говорится там,— Тотила осадил город, и начался голод в городе Риме, так что люди готовы были поедать своих детей» (Lib. Pont. V. Vigil., 7).

[60] О ценах на хлеб в Риме во время его осады остготскими войсками см. E. Stein. Op. cit., t. II, p. 583.

ни на охрану стен, ни на другие меры предосторожности»[61]. От Бессы старались не отставать и другие командиры византийской армии и даже рядовые солдаты, также спекулировавшие съестными припасами.

Доведенные до отчаяния жители Рима открыто выражали свое недовольство, требуя от византийского командования или снабдить город провиантом или разрешить жителям покинуть Рим и искать спасения за его пределами. Римские граждане, придя к византийским командирам, говорили, что предпочитают быструю гибель от оружия мучительной смерти от голода и просили лучше убить их, но не оставлять на страшные муки медленной смерти. Характерно, что в отличие от первой осады Рима жители города теперь уже не настаивали на том, чтобы их допустили принять участие в решительном сражении. Однако византийское командование отвечало отказом на все их просьбы и уверяло, что в город скоро прибудут подкрепления от Велисария (Procop. BG, III, 17.2—8). Вместе с тем тайно за большие деньги византийские командиры и солдаты разрешали жителям Рима покинуть город. Многим более состоятельным гражданам Рима удалось бежать, но часть их погибла по пути от голода и болезней или была захвачена в плен остготами [62].

Сознавая всю важность сохранения Рима, Велисарий сам двинулся из Диррахия морем через Гидрунт к Риму и прибыл в Порт, надеясь помочь оттуда осажденным.

Но действия Велисария были вялы и медлительны, так как он ожидал войска Иоанна, которые должны были прибыть в Порт сущей (Procop. BG, III, 18.1—10). Иоанн же, пренебрегая тем, что в это время решалась судьба Рима, вместо того чтобы двинуться на помощь осажденным, занялся отвоеванием Южной Италии. Высадившись в Калабрии, Иоанн захватил город Брундизий, а затем двинулся в Апулию и овладел городом Канузием (ныне Каноса-ди-Пулья), одним из важных центров этой провинции (Procop. BG, III, 18.11—19). По словам Прокопия, эти успехи Иоанна объяснялись тем, что он прибегнул к давно испытанному маневру и постарался ласковыми речами и щедрыми обещаниями привлечь симпатии местного населения. Такая политика, может быть, и сыграла

---

[61] Procop. BG, III, 20.1. Прокопий также сообщает, что Бесса проявил не меньшее корыстолюбие и в Лазике, где он беспощадно грабил местное население и вызвал большое недовольство византийцами (Procop. BG, IV, 13. 11—13).

[62] Procop. BG, III, 17.23—25; Lib. Pont. V. Vigil., 7; Marc. Chron. add., a. 546. См. L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I. S. 303 f.; J. B. Bury, History..., vol. II, p. 237 f.; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 382 sq.

известную роль. Но, по-видимому, в Южной Италии дело в это время обстояло сложнее. Там развернулась настоящая гражданская война, охватившая значительную часть местного сельского населения. Сам же Прокопий сохранил ценнейшие сведения о том, какие именно социальные слои местного населения оказали поддержку византийцам, а какие остались верны Тотиле и активно сражались на стороне остготов.

Как и следовало ожидать, в поддержку войск Иоанна выступили прежде всего представители местной землевладельческой римской знати, уцелевшие после событий 542—543 гг. Прокопий рассказывает, что в Апулии к Иоанну явился богатый римский землевладелец по имени Туллиан, будто бы пользовавшийся большим влиянием среди бруттиев и луканцев, и предложил византийцам организовать из местного населения отряд в помощь войскам Иоанна. Туллиан прямо указал Иоанну, что это будет возможным лишь при условии, если византийцы дадут обещание прекратить притеснения населения и изменить свою финансовую политику. Туллиан упрекал византийцев за несправедливость в отношении италийцев и одновременно уверял, что если они будут милостиво обращаться с местными жителями, то тем самым скорее добьются от них уплаты податей, чем грабежами и притеснениями. По словам Прокопия, Туллиан утверждал, что бруттии и луканцы перешли на сторону остготов, «варваров», да еще и ариан, не по доброй воле, а под воздействием военной силы и вследствие обид, которые они претерпели от византийской армии (Procop. BG, III, 18, 20—23).

Для характеристики положения на юге полуострова в это время весьма показательным является то, что Туллиан, представлявший интересы римско-италийской земельной аристократии, условием союза с византийцами поставил требование изменения их внутренней политики в отношении населения Италии. Если сопоставить эти данные с известиями Прокопия о том, что византийское правительство в своей политике в Италии ущемляло интересы также и части римской земельной аристократии и даже сенаторов (ограничение занятия ими высших государственных должностей, уплата налогов, одинаково высоких во время войны и мира, отчеты логофетам относительно их управления при готах и т. п.) (Procop. BG, III, 21.14), то делается вполне ясным, что Туллиан и его приверженцы, требуя от византийцев изменения внутренней политики, заботились отнюдь не о благе всего населения Южной Италии, а прежде всего о выгодах той социальной группировки, представителями которой они являлись. Иными словами, свою помощь в борьбе против Тотилы земельная аристократия юга Италии обусловила требованием полно-

го восстановления ее прежнего привилегированного положения и устранения всех тех ограничений, которые были введены византийской администрацией. Но вместе с тем эти же требования Туллиана показывают, что римские землевладельцы уже поняли невозможность лишь собственными силами заставить зависимое от них крестьянство сражаться против готов[63]. Действительно, на стороне землевладельческой знати[64] и византийцев сражалась лишь какая-то часть местного итальянского крестьянства. Другая же и, по-видимому, немалая часть крестьянства Южной Италии сохранила верность Тотиле и под руководством немногих готских командиров сражалась против его врагов[65]. Выступление Туллиана и ему подобных свидетельствует лишь о том, что волна народного движения, поднявшаяся в 542—543 гг. на юге Италии, не уничтожила полностью влияния римско-италийской знати. Уцелевшие ее представители, воспользовавшись прибытием войск Иоанна, сумели обещаниями и угрозами повести за собой часть «своих» крестьян.

Но никакой прочной социальной опоры среди сельского населения Италии крупные землевладельцы типа Туллиана не имели и, лишь опираясь на войска Иоанна, они могли в какой-то степени использовать зависимых от них крестьян. Однако нельзя отрицать, что соглашение с римской земельной аристократией сослужило немалую службу византийцам, и помогло Иоанну одержать победы, которые, правда, не оказали сколько-нибудь решающего влияния на ход войны.

---

[63] Э. Штейн, тенденциозно истолковывая данные Прокопия, утверждает, что якобы под знаменами Туллиана собрались свободные крестьяне Апулии, Лукании и Бруттия и что в это время Южная Италия превратилась в своего рода итальянскую Вандею, где против Тотилы сражались своеобразные отряды шуанов. Э. Штейн полагает, что италийские крестьяне питали действительно столь сильное отвращение к варварам, если они смогли забыть все выгоды, полученные от Тотилы; это означает, по Э. Штейну, что их отношения с крупными землевладельцами (по крайней мере в этом районе) были не так плохи, как их обычно рисуют. Картина своего рода социальной гармонии, якобы царившей в отношениях между южноитальянским крестьянством и римскими крупными землевладельцами, нарисованная Э. Штейном, отнюдь не соответствует действительности и противоречит не только всему тому, что мы знаем о взаимоотношениях италийских крестьян с крупными римскими землевладельцами, но и дальнейшему ходу событий (см. ниже, стр. 381 сл.). (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 579. Ср. также RE, II. R., Halbbd. XIII, Sp. 798 f.).

[64] По-видимому, Туллиан действовал не один, а совместно с другими представителями римской аристократии, наиболее многочисленными именно в Лукании и в соседних областях Южной Италии.

[65] Procop. BG, III, 22.4—5. Э. Штейн об этом факте упоминает лишь вскользь; при этом его сочувствие явно не на стороне местного крестьянства, поддерживающего Тотилу, которое он презрительно называет «многочисленной бандой крестьян под командованием готских офицеров» (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 584 sq.).

Тотила, конечно, знал, что прочной опоры на юге Иоанн получить не мог, и поэтому остготский король ограничился тем, что послал отряд, состоявший из 300 готских воинов, в Капую наблюдать за противником и препятствовать его попыткам направиться к Риму. Этого заслона оказалось достаточным для того, чтобы Иоанн отказался от продвижения на север и направился в Луканию и Бруттий [66].

Остготский военачальник Рецимунд, которому Тотила поручил охранять Бруттий и Мессинский пролив и следить за тем, чтобы из Сицилии не прибывали подкрепления к византийцам, был разбит войсками Иоанна недалеко от Регия. Отряд Рецимунда состоял из маврусиев и других перебежчиков из византийской армии, а также из готских воинов. Насильственно включенные в византийскую армию после завоевания византийским правительством Северной Африки, местные племена маврусиев оставались врагами ненавистных завоевателей; они при первой возможности перешли к остготам и сражались в их рядах против византийцев. Поэтому вполне естественно, что именно маврусии и другие перебежчики оказали Иоанну наиболее ожесточенное и мужественное сопротивление. Однако внезапность нападения византийских войск решила исход битвы. Победители беспощадно расправились с перебежчиками, перебив многих из них, в то время как сдавшимся в плен остготским воинам, и их вождю Рецимунду была сохранена жизнь (Procop. BG, III, 18. 26—28).

Иоанн отдавал себе отчет, что одержанная победа отнюдь не решала исхода борьбы за Южную Италию. Этим в значительной мере и объясняется, что он не счел возможным увести свои войска на помощь Риму и расположил их около местечка Первария в Апулии, выбрав это место потому, очевидно, что оно было в центре всей южной части Апеннинского полуострова, и следовательно, из него легче всего было бы совершать карательные экспедиции против еще волновавшегося местного населения. Если бы он знал, что его тыл достаточно прочен, он не побоялся бы опрокинуть заслон (всего из 300 человек), выставленный против него Тотилой.

В это же время главнокомандующий византийской армией, находясь в гавани Порт, тщетно ожидал прибытия войск Иоанна [67]. Потеряв надежду на прибытие подкреплений, Велисарий, наконец, решил сам попытаться снабдить провиантом гарнизон и население Рима и по Тибру подняться в город. Однако это предприятие потерпело неудачу, хотя первоначально и

---

[66] Procop. BG, III, 18.24. Впрочем, возможно, что тут продолжали еще сказываться соперничество и вражда Иоанна с Велисарием.

[67] Procop. BG, III, 13. 13, 19—21; 18.1—8; 25.22; Procop. H. a., V, 13.

сулило, казалось, большой успех. Поражению Велисария немало способствовало трусливое поведение Бессы, который, несмотря на приказ главнокомандующего выйти из города и напасть на лагерь остготов, и на этот раз не решился сделать вылазку и прийти на помощь отряду Велисария. Прокопий прямо обвиняет Бессу не только в трусости, но даже в предательстве, поскольку он, стремясь нажиться на спекуляциях хлебом, отнюдь не хотел прекращения осады Рима, каждый день которой приносил ему огромные богатства (Procop. BG, III, 19.14—33). Немалую роль в неудаче, постигшей Велисария, сыграло также и равнодушное или даже враждебное отношение к византийцам населения всей области, прилежащей к Риму, не оказавшего сопротивления готам. Прокопий сообщает, что кроме Порта, византийцы не имели близ Рима никаких других укреплений, но все крепости были в руках врагов (Procop. BG, III, 19.8). Провал последней попытки Велисария помочь осажденному Риму во многом объясняется также отсутствием дисциплины и слаженности действий в самой византийской армии. Византийский военачальник Исаак, оставленный Велисарием охранять Порт, узнав, что Велисарий близок к победе, так как его войскам удалось снять железную цепь, протянутую через Тибр, и успешно продвинуться к городу, совершил роковую для него и византийских войск ошибку. Желая разделить с Велисарием славу победы, он забыл о строжайшем приказании главнокомандующего не покидать свой пост, оставил Порт и напал на лагерь остготов. Военное счастье сперва улыбнулось Исааку, и он потеснил отряд готов под командованием Родериха. Но византийские солдаты, вместо того чтобы закрепить свою победу, предались грабежу лагеря, а в это время остготы, опомнившись от неожиданного нападения, возвратились и наголову разбили византийцев. Многие из византийских воинов и военачальников при этом были убиты, а сам Исаак захвачен в плен и позже казнен Тотилой.

Велисарий же, узнав о гибели отряда и пленении его командира и не допуская мысли, что Исаак мог ослушаться его приказа и самовольно уйти из Порта, решил, что остготами захвачена и сама крепость Порт, где находилась его жена Антонина и часть войска. Надеясь отбить это последнее убежище византийцев, Велисарий повернул назад, не закончив своего столь удачно начатого наступления [68].

С момента провала экспедиции Велисария дни осажденного Рима были сочтены. В городе росла анархия, византийские солдаты, хотя и не так страдали от голода, как гражданское насе-

---

[68] Procop. BG, III, 19.1—33. По словам Прокопия, этот тяжелый удар привел даже к болезни Велисария.

ление, были деморализованы, пренебрегали выполнением своих обязанностей, главным образом из-за распущенности командиров, которые думали только о своем личном обогащении. Прокопий рисует яркую картину разложения византийского гарнизона Рима. «Солдатам — пишет он, — при желании можно было бездельничать, лишь очень немногие несли сторожевую службу по стенам, и при этом крайне небрежно. Те, кому приходилось быть в карауле, имели полную возможность спать, так как над ними не было начальника, который обращал бы на это внимание». Немногочисленные жители, еще оставшиеся в городе, были настолько истощены голодом, что не могли, да, впрочем, надо думать, уже и не хотели помогать солдатам (Procop. BG, III, 20.1—3).

По единодушному заявлению большинства авторов, Рим был сдан остготам благодаря измене исавров, прельщенных крупной суммой денег, обещанной им Тотилой [69]. Характерно, что беспечность византийских командиров, по словам Прокопия, дошла до такой степени, что Бесса и Конон, даже будучи извещены через пленных о готовящемся заговоре исавров, не придали этому известию никакого значения и не приняли необходимых мер для защиты города.

В ночь на 17 декабря 546 г. исавры, вступив в соглашение с Тотилой, открыли ему Азинариевы ворота, и остготские войска, внезапно проникнув в Рим, привели в полное замешательство византийский гарнизон и вскоре полностью овладели городом [70]. Византийские военачальники и солдаты обратились в паническое бегство. Бесса с большинством командиров, некоторыми римскими сенаторами и частью византийских солдат бежал из города [71]. Однако далеко не всем римским аристократам удалось спастись от Тотилы. Нападение остготских войск было столь неожиданным, что часть сенаторов, в том числе Максим, Олибрий, Орест, с остатками византийского гарнизона искали убежища в храме св. Петра. Уцелевшие жители города, среди

---

[69] Procop. BG, III, 20. 4—13. Marc. Chron. add., a. 547; Lib. Pont. V. Vigil., 7; Iord. Rom., 382.

[70] Procop. BG, III, 20.15—17. Помимо указанных в предыдущей сноске авторов, см. Malal., XVIII, 1—3; Theophan., vol. I, p. 225; Mich. Syr. IX, 29; t. II, p. 241. ed. J. B. Chabot; Mar. Avent., a. 547; Cons. Ital., p. 334; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 22. В источниках имеются расхождения по вопросу о том, через какие ворота войска Тотилы проникли в город. Прокопий указывает на Азинариевы ворота. В «Жизнеописании Вигилия» упоминаются ворота св. Павла. Об этих же воротах говорит и Павел Диакон, называя их по-старому Остийскими. Большинство исследователей отдает предпочтение данным Прокопия. О взятии Тотилой Рима см. L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 306—336; J. B. Bury. History..., vol. II, p. 239—242; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 584—585.

[71] Procop. BG, III, 20.17—18; Lib. Pont. V. Vigil., 7.

которых началась паника, также бежали из своих домов и искали спасения в церквах (Procop. BG, III, 20.18—19).

Историки и хронисты, описавшие взятие Рима войсками Тотилы, довольно резко расходятся в своей оценке отношения Тотилы к населению захваченного города. В освещении этого вопроса можно наметить три основные, во многом отличные друг от друга точки зрения. Автор «Жизнеописания Вигилия» и Павел Диакон, чрезвычайно категорически подчеркивают милостивое отношение Тотилы к населению завоеванного города, утверждая, что Тотила позаботился о спасении римских граждан. В «Жизнеописании Вигилия» мы читаем: «Целую ночь раздавался звук трубы, пока весь народ не бежал и не спрятался в церквах, чтобы не положил меч предела жизни римлян». Павел Диакон, повторяя этот рассказ, еще яснее подчеркивает роль Тотилы в спасении римских граждан от свирепости остготских солдат. «Желая пощадить римлян, — пишет Павел Диакон,— Тотила приказал в течение всей ночи трубить в трубу, чтобы они спасались от мечей готов в церквах или прятались каким-либо иным способом». Далее в «Жизнеописании Вигилия» говорится: «И обращался король (Тотила) с римлянами, как отец с сыновьями». Павел Диакон, хотя и вносит в этот текст весьма существенную оговорку, подчеркивая, что лишь «некоторое время (aliquantum temporis) Тотила жил с римлянами, как отец с сыновьями», в основном присоединяется к оценке политики Тотилы, содержащейся в «Жизнеописании Вигилия»[72].

Диаметрально противоположный взгляд на отношение Тотилы к населению Рима высказывает в своем труде комит Марцеллин. В полном соответствии со своей общей резко отрицательной оценкой деятельности Тотилы этот писатель, говоря о взятии Рима войсками остготов, делает акцент на показе жестокости остготского короля, рисуя картину расправы остготов с населением Рима, разграбления и разрушения Вечного города. «Тотила, пишет он, — благодаря измене исавров, вступает в Рим на 16-й день январских календ, стены его разрушает, некоторые дома сжигает и имущество всех римлян захватывает в качестве добычи, а самих же римлян, взятых в плен, отводит в Кампанию; после этого разграбления в течение 40 или более дней Рим был совершенно безлюден, и не оставалось там ни человека, ни какого-либо животного» (Marc. Chron. add., a. 547). Комиту Марцеллину вторит и Иордан, также сообщаю-

---

[72] Lib. Pont. V. Vigil., 7; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 22. В рассказе Павла Диакона чувствуется отзвук церковной легенды о влиянии увещаний св. Бенедикта на свирепого остготского короля (Greg. I. Dial., II, 14, 15; Lib. Pont. V. Vigil., 7.).

ций о разрушении и опустошении Рима войсками Тотилы (I o r d. Rom., 380).

Несколько более объективную и, как нам кажется, близкую к истине позицию занимает в этом вопросе Прокопий. Воздерживаясь от восхваления милостивого отношения Тотилы к римлянам, признавая, что остготские воины «избивали тех, кто попадался им навстречу» (P r o c o p. BG, III, 20.22), византийский историк одновременно отнюдь не преувеличивает жестокости одного из самых опасных врагов империи, а показывает, что Тотила, побуждаемый политическими соображениями, пресек расправу остготских солдат с жителями Рима. По рассказу Прокопия, на другое утро после того, как остготы проникли в Рим и захватили город, Тотила отдал приказ прекратить избиение мирных граждан и «запретил в дальнейшем готам убивать кого бы то ни было из римлян» (P r o c o p. BG, III, 20.25). Иными словами, в этот ответственный момент Тотила проявил государственный ум и выдержку незаурядного политического деятеля и продолжал твердо проводить политику, направленную на обеспечение сочувствия населения Италии. В речи, якобы произнесенной Тотилой перед воинами после взятия Рима, Прокопий излагает политическую программу этого остготского короля по вопросу об отношении к населению Италии. Тотила будто бы указывал, что поражение, которое потерпели остготы от византийцев в предшествовавшее время, несмотря на численное превосходство остготов, несмотря на обилие средств, коней и оружия, объясняется главным образом тем, что «прежде готы, меньше всех других людей обращавшие внимание на справедливость и по отношению друг к другу и по отношению к своим подданным, римлянам, совершали много безбожного...» Нынешние победы объясняются изменением этой политики, и закрепить эти успехи возможно только при условии соблюдения справедливости по отношению друг к другу и к своим римским подданным (P r o c o p. BG, III, 21.1—11).

Однако Тотила не мог не вознаградить своих солдат за трудности осады и поэтому согласно обычаю санкционировал ограбление завоеванного города, в первую очередь домов богатых римских граждан и византийских военачальников. При этом, конечно, он не забыл и о своих личных интересах. «Из ценностей он велел самое дорогое отобрать для себя, все же остальное позволил грабить, как они хотят. Много богатства нашел он в домах патрициев, но особенно много в логове Бессы; этот проклятый негодяй бессовестно собрал для Тотилы груды золота, вырученного за продажу хлеба» (P r o c o p. BG, III, 20.25—26).

Заслуживает внимания поведение остготского короля в отношении римской сенаторской аристократии. Мы помним,

что в начале своего правления Тотила пытался, хотя и безуспешно, пойти на соглашение с римским сенатом (см. выше, стр. 358) Теперь же, когда многие римские сенаторы попали к нему в руки и трепетали в ожидании смерти, Тотила изменил свою прежнюю миролюбивую позицию. Правда, он и теперь не решился казнить знатных пленников, хотя и угрожал этим (Прокоп. BG, III, 21.19). Изменение отношения Тотилы к сенаторам было связано, в частности, с описанными выше событиями на юге страны.

По словам Прокопия, Тотила упрекал сенаторов в неблагодарности к остготам, которые в правление Теодориха и Амаласунты осыпали их всяческими благами, предоставляли им высшие должности, а за все это они отплатили изменой и открыто поддержали византийцев. Затем, указав сенаторам на византийского военачальника Иродиана, перешедшего на сторону остготов и сдавшего им город Сполеций, а также на исавров, открывших ворота Рима, Тотила сказал: «Поэтому вы будете на положении рабов (οἰκετῶν), эти же, будучи друзьями готов, естественно, став им близкими, будут в дальнейшем нести те должности, которые вы несли прежде» (Прокоп. BG, III, 21.12—16). Остготский правитель решил держать сенаторов при себе в качестве заложников и использовать знатных пленников в качестве важного козыря в переговорах с императором Юстинианом о мире (Прокоп. BG, III, 22.19).

В это время среди остготских воинов росло озлобление против римской знати, и они требовали от Тотилы казни знатной патрицианки Рустицианы, вдовы Боэция и дочери Симмаха, которая активно боролась против остготов. Мстя за казнь мужа и отца, подкупив еще раньше византийских военачальников, она разрушала с их ведома статуи Теодориха. Тотила все же не решился пойти на такой шаг, как казнь представительницы одного из знатнейших патрицианских родов, опасаясь, что это отрежет ему всякую возможность какого-либо соглашения с римской аристократией и с Восточной Римской империей. Одновременно он, по словам Прокопия, даже оградил и других знатных римлянок от насилий со стороны остготских солдат. Однако римские сенаторы и патриции, в том числе и Рустициана, лишились всех своих богатств. Теперь, рассказывает Прокопий, им пришлось «жить одетыми в рубище рабов и крестьян (δούλων τε καὶ ἀγροίκων) и выпрашивать у врагов хлеб или другие продукты, нужные человеку» (Прокоп. BG, III, 20.27—31).

Таким образом, в ходе войны, по мере дальнейшего обострения борьбы, политика Тотилы по отношению к высшей римской аристократии претерпевает значительную эволюцию. Если в начале второго периода войны Тотила сам искал союза с сена-

торами, то теперь опыт борьбы (на юге Италии, в Риме), а в известной мере и давление народных масс толкали его к политике более решительного устранения римской аристократии. Правда, и в этот период Тотила проводил свою политику с известной осторожностью, не желая до крайности ожесточать знатных римлян. Осторожность, однако, мало помогла Тотиле, и озлобление против него римско-италийской знати именно в эти годы было особенно сильным. Наиболее непримиримыми были те сенаторы, которым удалось ускользнуть из Рима и бежать на Восток в Константинополь. Эти знатные эмигранты сыграли впоследствии немаловажную роль в организации нового похода византийских войск против Тотилы [73].

Овладев Римом, Тотила первоначально намеревался разрушить все его укрепления. Но в действительности было разрушено, по словам Прокопия, только около трети римских стен. Все жители Рима были выселены из города и переселены в Кампанию, а пленных сенаторов король держал при себе под строгим надзором [74]. Рим оставался необитаемым около 6 недель [75].

Осада и взятие Рима остготскими войсками принесли не только значительные разрушения городу, но и большие бедствия его населению, особенно городской бедноте. Поэтому у нас нет никаких оснований приукрашивать эти события. Беднейшее население древней столицы Италии больше всех страдало от голода и болезней во время длительной осады города, от своеволия, бесчинств и грабежей византийских военачальников и солдат. Многие из римлян погибли в осажденном Риме или разбрелись по стране. По данным Прокопия, к концу осады в городе оставалось всего около 500 граждан из простого народа (Procop. BG, III, 20.19—20). А теперь и эта горстка жителей некогда многолюдного города должна была покинуть свои жилища и по требованию победителя брести в Кампанию, ища там крова и пищи.

Столь большая победа, как взятие Рима, не вскружила голову Тотиле. Понимая, что сам по себе этот успех отнюдь еще не означает конца войны, Тотила решил все же попытаться

---

[73] Lib. Pont. V. Vigil., 7; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 23; Pragm. Sanc., 8, 27.

[74] Procop. BG, III, 22. 6—20; 27.7; О том же, что часть пленных римских сенаторов была поселена Тотилой в Кампании, упоминает и Иордан. По его словам, «опустошил Тотила всю Италию и занял Рим, разрушил укрепления всех городов, а всех сенаторов, ограбив, после того как был разрушен Рим, переселил в Кампанию» (Iord. Rom., 379—380. Ср. Mar. Avent., a. 547). См. L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 307—309; J. B. Bury. History..., vol. II, p. 243; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 584—585.

[75] Procop. BG, III, 22.19; Marc. Chron. add., a. 547. Cp. Lucii Marinei Siculi de Gothorum in Hispaniam adventu, p. 159.

использовать его для заключения мира с византийским императором. С этой целью, видимо в начале 547 г., он отправляет в качестве своих послов в Константинополь Пелагия и ритора Феодора и предлагает Юстиниану заключить мир на тех же условиях, на каких некогда состоялось соглашение между Анастасием и Теодорихом. В случае согласия императора Тотила обещал стать его верным союзником. В случае же отказа он грозил полностью разрушить Рим, казнить всех сенаторов-заложников и перенести военные действия на территорию самой империи, в Иллирик. Однако мирные предложения Тотилы были отвергнуты Юстинианом, который отнюдь не собирался терять Италию и примириться с поражением своих войск [76].

В этих условиях для Тотилы становилось необходимым как можно скорее ликвидировать сопротивление в Южной Италии с тем, чтобы иметь возможность сосредоточить все силы против Равенны.

Выше мы уже говорили о том положении, которое создалось в Апулии, Лукании и других южных провинциях с прибытием туда войск Иоанна. Во время борьбы за Рим Тотила, естественно, не мог посылать сколько-нибудь значительных сил на помощь крестьянам, боровшимся против отрядов, организованных крупными землевладельцами. Напротив, Иоанн, пользуясь тем, что основные силы остготов находились в Средней Италии, поддерживал своих союзников очень активно. Одному Туллиану он послал 300 антов (Procop. BG, III, 22.3). При таких условиях, понятно, крестьянские отряды нередко терпели поражения. Так было и в Лукании, где отряды, состоящие из крестьян и небольшого числа готов, безуспешно пытались взять теснины, охранявшиеся Туллианом и антами [77].

Но все эти успехи противников остготов были очень непрочными. И стоило Тотиле со сравнительно незначительными силами [78] появиться в Лукании, как отряды местной знати растаяли [79], а их вожаки и сам Иоанн скрылись за стенами таких

---

[76] Procop. BG, III, 21.18—25. Переговоры Тотилы с Юстинианом через посредство Пелагия и Феодора были не единственной попыткой остготского короля заключить мир с империей. Комит Марцеллин сообщает под 547 годом о посольстве Тотилы к императору. Во главе этого посольства стоял епископ Асизия Авентий (Marc. Chron. add., a. 547). К сожалению, мы не располагаем о нем более подробными сведениями.

[77] Прокопий специально подчеркивает, что победа над крестьянами была одержана главным образом благодаря доблести антов, искусно сражавшихся в гористой местности (Procop. BG, III, 22.4—5).

[78] Прокопий прямо говорит, что Тотила оставил «бо́льшую часть войск недалеко от Рима» (Procop. BG, III, 22. 18).

[79] Прокопий утверждает, что Тотила приказал сенаторам, оказавшимся у него в плену, обещать зависимым от них крестьянам различные льготы, при условии если они покинут Туллиана. Патриции, пишет он по этому

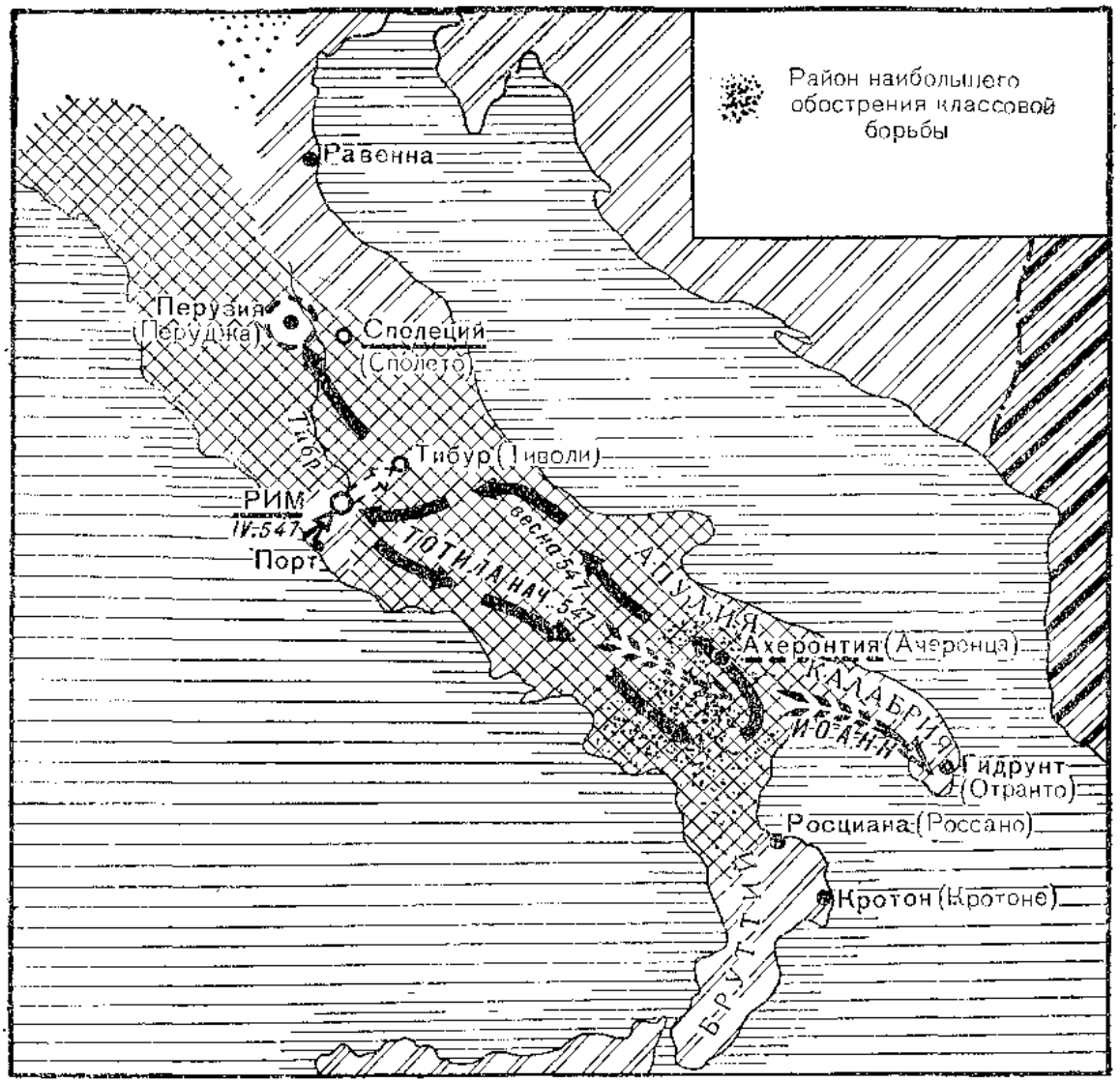


Схема 13. Военные действия в первой половине 547 г.

Условные знаки см. на стр. 14

городов, как Гидрунт, Росциана и др. Совершенно очевидно, что зависимые земледельцы Лукании, сражавшиеся в отряде Туллиана по принуждению своих господ и глубоко равнодушные к их интересам, отнюдь не желали проливать кровь за дело знати и при первой возможности сложили оружие и охотно возвратились к возделыванию своих полей. То же повторилось

поводу, «послав в Луканию некоторых доверенных людей, согласно желанию Тотилы, велели своим крестьянам (τοὺς σφετέρους ἀγροίκους) не принимать участия в том, что там делается, и возделывать поля, как обычно. Они объявили, что за это им будет даровано имущество (τἀγαθά — это слово можно понимать также «всякие блага») хозяев. Тогда крестьяне ушли из римского войска и спокойно сидели на своих полях» (Прокоп. BG, III, 22.20—21). Эти данные говорят о нежелании крестьян Лукании сражаться за интересы местной знати; вместе с тем они ценны также и для характеристики политических взглядов самого Прокопия, идеолога сенаторской аристократии, не допускающего даже и мысли о какой бы то ни было самостоятельности народных масс.

и в Апулии, и «таким образом, все местности по берегу Ионийского залива, кроме Гидрунта, опять оказались во власти готов и Тотилы» (Procop. BG, III, 22.22).

Именно в это время и были проведены в качестве наказания за выступление против готов массовые конфискации земель и другого имущества римско-италийской знати в провинциях Южной (а несколько позднее — и Средней) Италии.

Но Тотила не успел полностью очистить Калабрию и Бруттий от засевших по городам этих провинций войск противников. Ему пришлось двинуться в Среднюю Италию, где византийцы в это время хитростью заняли город Сполеций. Решающую роль в захвате Сполеция сыграло предательство некоторых византийских перебежчиков, которые под руководством грека Мартиниана внезапно перебили находившийся там остготский гарнизон и овладели городом (Procop. BG, III, 23.1—7).

В это время Велисарий, несколько оправившись после потери Рима, решил попытаться вновь овладеть этим городом, покинутым остготскими войсками. Однако первая его попытка не имела успеха из-за того, что один местный житель, родом римлянин, известил остготов, находившихся в лагере в Алгедоне, о продвижении войск Велисария из Порта к Риму. Остготы, устроив засаду, напали на византийцев и заставили их вновь возвратиться в Порт (Procop. BG, III, 23.8—11). Видимо, и в это время какая-то часть местного населения относилась к остготам еще с некоторым сочувствием.

Только в апреле 547 г. Велисарию удалось осуществить свой замысел и овладеть Римом. Прокопий считает захват Рима Велисарием актом государственной мудрости и событием большой важности (Procop. BG, III, 24.1). Действительно, это событие имело широкий политический резонанс и поэтому было отмечено рядом писателей того времени [80].

Велисарий прекрасно понимал не только военно-стратегическое, но и политическое значение этого города, являвшегося символом могущества Римской империи, овеянным ореолом непобедимости римских легионов. Поэтому, без особого труда захватив опрометчиво покинутый врагами Рим, он тотчас приступил к восстановлению его укреплений, частично разрушенных Тотилой. По словам Прокопия, укрепления Рима были восстановлены византийскими солдатами в течение 25 дней [81].

Жители Рима, разбредшиеся во время осады и после взятия города по окрестным местам, узнав о возрождении древней столицы, толпами вновь стекались в родной город, «руко-

---

[80] Marc. Chron. add., a. 547; Iord. Rom., 380; Mar. Avent., a. 547.

[81] Procop. BG, III, 24.3—7; Marc. Chron. add., a. 547; Iord. Rom., 380—381; Malal., p. 480 sq.

водимые желанием жить в Риме, а также и потому, что, страдая до сих пор от недостатка в продовольствии, они нашли там большие запасы, которые сумел создать Велисарий, доставив в город по реке много судов с продуктами» (Procop. BG, III, 24. 7). Последнее обстоятельство содействовало тому, что возвращавшееся население Рима, простые римские граждане, помогали возрождению их родного города. Во всяком случае, Иордан упоминает о том, что Велисарий воодушевлял союзников (socii) (из местного населения) помочь ему восстановить Рим (Iord. Rom., 380).

Между тем Тотила, как мы уже говорили, двигался с основными силами к Сполецию, оставив лишь небольшие отряды в Кампании для охраны поселенных там пленных римских сенаторов. Но в это время до него дошла тяжкая весть о захвате Велисарием Рима. Тотчас, оставив все свои прежние планы, Тотила решил попытаться выбить византийцев из города и форсированным маршем повел туда свои войска (Procop. BG, III, 24. 8—26).

Однако ни первый, ни последующие штурмы не увенчались успехом. Несмотря на кровопролитные сражения у стен города, остготы так и не смогли вновь овладеть Римом [82]. Сказалось, видимо, отсутствие достаточного опыта в борьбе за крепости.

События, связанные с захватом византийцами Рима в 547 г., обычно рассматриваются историками как один из самых блестящих успехов Велисария и как крупное военно-стратегическое и политическое поражение Тотилы [83]. Потеря Рима действительно была серьезной неудачей остготского короля, значительно подорвавшей его престиж. Сам Тотила отчетливо понимал всю важность этой потери и сознавал, что он совершил крупную ошибку, не разрушив до основания стены Рима или не оставив в Риме сильного гарнизона. Об этом свидетельствует, хотя бы то, что Тотила, обычно заботившийся о сохранении жизни своих солдат, в данном случае, несмотря на тяжелые потери, вновь и вновь бросал воинов на штурм Рима (Procop. BG, III, 24.14; 21; 26; Iord. Rom., 381).

Понятно, что поражением Тотилы под стенами Рима не могли не воспользоваться как его личные враги, так и враги его дела. А таких врагов у Тотилы было немало даже среди высшей остготской знати. «Наиболее влиятельные (λόγιμοι) из готов,— пишет Прокопий,— придя к Тотиле, поносили его резко и упрекали за непредусмотрительность и за то, что, взяв Рим, он не разрушил его до основания, так, чтобы врагам нельзя было уже никогда его захватить» (Procop. BG, III, 24.27). Надо

---

[82] Cp. Marc. Chron. add., a. 547; Mar. Avent., a. 547.
[83] E. Stein. Op. cit., t. II, p. 586 sq.

думать, что в числе «поносивших» Тотилу находились все те готы, которые когда-то являлись сторонниками Витигиса и Урайи и были противниками Тотилы с самого начала его правления. Но к этому времени недовольство начало распространяться и среди тех слоев остготской знати, которая вначале солидаризировалась с политикой этого короля. Менее остро ощущая теперь необходимость поддержки со стороны местного италийского населения, часть крупных остготских землевладельцев стала считать, что Тотила чрезмерно далеко зашел в уступках народным массам, что продолжение такой политики теперь уже не является полезным, а скорее опасным делом.

Пока Тотила одерживал победы, оппозиционно настроенные представители остготской знати молчали, но при первой же серьезной неудаче Тотилы давно таившееся в их среде недовольство прорвалось наружу (Procop. BG, III, 24.29)[84]. И наиболее опасным для Тотилы было то, что его врагам удалось, по-видимому, использовать неудачи для того, чтобы возбудить недовольство королем и среди части остготского войска. Во всяком случае, Прокопий сообщает, что варвары не очень охотно выполняли приказания Тотилы (Procop. BG, III, 25.3).

В этих условиях единственно правильным решением был отказ от попыток штурмом взять Рим. Необходимо было подготовиться к новой борьбе за этот город и в первую очередь восстановить доверие войска и его боеспособность. И Тотила нашел в себе мужество принять это решение. По его приказу остготы отошли в Тибур (Procop. BG, III, 24.31) с тем, чтобы затем закрепить свое положение в северо-восточной части Тусции и в Пицене.

В этих провинциях небольшие остготские отряды уже несколько месяцев осаждали ряд городов и укреплений, в том числе и такой важный пункт, как Перузия (Procop. BG, III, 25.1—2). Теперь в плане подготовки новой осады Рима, этот город приобретал особое значение, так как он лежал на пересечении нескольких дорог. Поэтому именно к Перузии и направился летом 547 г. Тотила из Тибура.

В это время Иоанн, осаждавший крепость Ахеронтию (или Acerunti a, ныне Ачеренца) в Лукании, решил совершить внезапный набег на Кампанию и спасти из рук врагов римских сенато-

---

[84] По-видимому, враги Тотилы из рядов остготской знати впоследствии часто напоминали ему о потере Рима и использовали этот факт против него в дипломатической борьбе. Так, в 549 г., когда Тотила попросил себе в жены дочь франкского короля Хильдеберта, он получил отказ под тем предлогом, что человек, который владел Римом и отдал его, никогда не будет владыкой Италии (Procop. BG, III, 37.1. Ср. L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme, Bd. II. Berlin, 1918, S. 513; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 587—588).

ров. План Иоанна вполне удался, несмотря на то, что Тотила, предвидя возможность нападения византийцев на Кампанию, послал туда отряд своих войск. Благодаря непредусмотрительности готских военачальников остготы потерпели поражение, и Иоанн освободил нескольких сенаторов и многих знатных римских патрицианок — жен уведенных из Рима Тотилой римских аристократов [85]. Освобождение Иоанном из плена римских сенаторов и их жен является ярким свидетельством классовой солидарности императорского правительства с его верными союзниками в Италии — римскими аристократами. Недаром идеолог сенаторской аристократии Прокопий рассматривает это событие как величайший подвиг Иоанна, заслуживающий всяческих похвал. «У Иоанна,— пишет он,— ... явилась дерзкая мысль, которая принесла спасение римскому сенату, а ему самому создала великую, можно сказать, невероятную славу» [86].

Освобожденных сенаторов и их семьи Иоанн в целях безопасности вскоре отправил в Сицилию (Procop. BG, III, 26. 14). Сам же он вновь вернулся в Южную Италию и расположился лагерем в Лукании.

Набег Иоанна нельзя было оставить без ответа, так как в противном случае его успех мог воодушевить все те реакционные силы, которые отнюдь не были полностью ликвидированы в южных провинциях полуострова. В глубокой тайне по неприступным, казалось, горным дорогам войска Тотилы вторглись в Луканию и под покровом ночи внезапно обрушились на спящий лагерь византийцев. Византийские солдаты, не ожидавшие нападения, обратились в паническое бегство, а их командиры, Иоанн и начальник отряда герулов Аруф (Ἄρουφος), с большим трудом спаслись, найдя убежище лишь в крепости Гидрунт [87].

---

[85] Procop. BG, III, 26.1—12. Прокопий рассказывает, что римский патриций по имени Клементин не пожелал следовать за византийцами, а укрылся от них в одном из храмов, так как боялся мести Юстиниана за то, что он сдал без боя Тотиле одно укрепление близ Неаполя (Procop. BG, III, 26.13). Это показывает, что среди римской аристократии еще оставались сторонники сближения с остготами.

[86] Procop. BG, III, 26.1. Об этом «подвиге» Иоанна весьма сочувственно говорит и другой идеолог римской аристократии комит Марцеллин (Marc. Chron. add., a. 548).

[87] Procop. BG, III, 26.15—28. Прокопий, отступая, по-видимому, от истины, всячески стремится преуменьшить масштабы этого поражения византийских войск. Он утверждает, что потери византийцев якобы были весьма незначительны и не превышали 100 человек. Однако, видимо, в действительности это поражение было немаловажным событием, ибо известия о нем сохранились даже в краткой хронике комита Марцеллина. При этом Марцеллин сообщает, что причиной поражения войск Иоанна явились не только внезапность ночного набега Тотилы, но и измена болгар, служивших в отряде Иоанна (Marc. Chron. add., a. 548).

Тотила не ограничился разгромом лагеря Иоанна. Оказавшись на юге, он решил полностью очистить от византийцев не только Луканию и Апулию, но также Калабрию и Бруттий. Выставив заслон против Гидрунта, остготы начали осаду Росцианы в Бруттии. Опасность, которая реально нависла над опорными пунктами византийцев на юге Апеннинского полуострова, заставила Велисария опять обратиться к Юстиниану с просьбой о помощи. Император откликнулся на письма своего полководца посылкой в Италию во второй половине 547 г. новых воинских подкреплений, пока еще незначительных [88]. Благодаря самоуправству командира и отсутствию согласованных действий, один из вновь прибывших отрядов византийских войск под командованием Вира был разбит остготами; прибытие же другого отряда под командованием Валериана несколько задерживалось из-за зимнего времени.

Положение на юге стало настолько серьезным, что Велисарий сам вынужден был отправиться туда, оставив в Риме сильный гарнизон (Procop. BG, III, 27.4—17. Ср. Iord. Rom., 381). Но неудачи преследовали византийцев; отряд византийских войск под предводительством ибера Фазы, посланный Велисарием для охраны горных проходов в Луканских горах, был разбит остготами. Причиной поражения и на этот раз явилась беспечность и недисциплинированность византийских солдат (Procop. BG, III, 28. 5—17). Не увенчалась успехом и попытка Велисария уже после прибытия в Гидрунт новых подкреплений [89] помочь Росциане, использовав византийский флот. Велисарий попытался применить тот же прием, при помощи которого он когда-то заставил Витигиса снять осаду Рима; он решил опять послать Иоанна (а также и прибывшего из Византии Валериана) в рейд по Пицену, надеясь таким образом заставить и остготов перебазировать свои силы с юга на север. Но обстановка теперь была совершенно иной, и Тотила, полагаясь на поддержку местного населения, ограничился только тем, что послал в Пицен две тысячи всадников (Procop. BG, III, 30.15—18). От дальнейших попыток помочь Росциане и другим гарнизонам на юге Велисарий вынужден был отказаться, так как ему пришлось срочно

---

[88] Procop. BG, III, 27. 1—3. По данным Прокопия, в это время в Италию были посланы следующие воинские подразделения: небольшой отряд под командованием Пакурия, сына Перания, и Сергия, племянника Соломона, 300 герулов под командованием Вира и 800 армян во главе с их военачальником Варазой. Несколько позднее в Италию был отправлен отряд Валериана, насчитывающий свыше тысячи воинов.

[89] К этому времени в Гидрунт прибыл, наконец, отряд Валериана, а в Сицилию были посланы императором еще 2 тысячи пехоты (Procop. BG, III, 30.1).

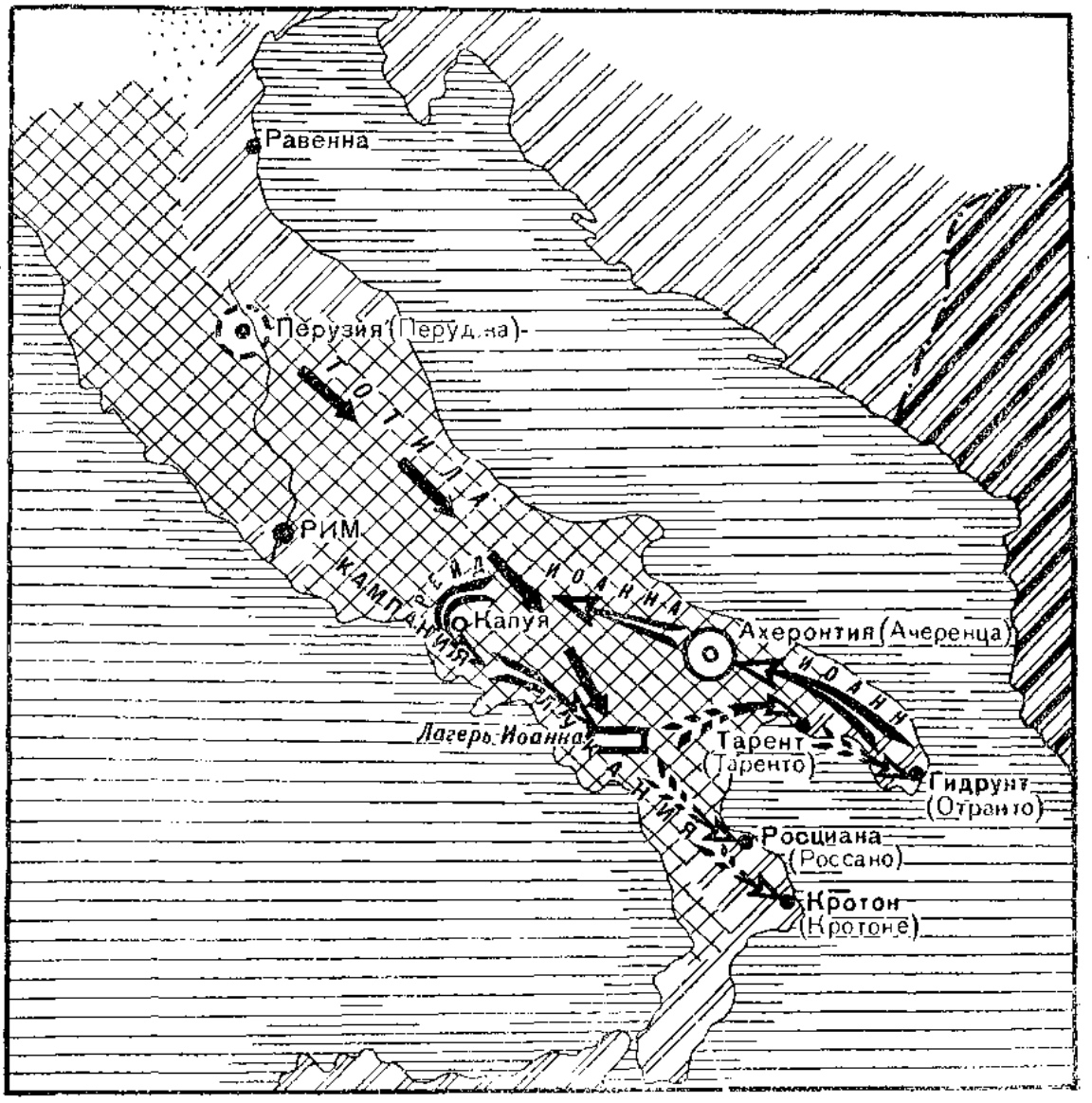


Схема 14. Разгром войск Иоанна во второй половине 547 г.

Условные знаки см. на стр. 14

отправиться в Рим, где как раз в это время византийские солдаты подняли мятеж, принявший весьма значительные масштабы.

Восстания в византийской армии в правление Юстиниана были далеко не редкостью, однако восстание солдат в 548 г. в Риме выделяется решительностью действий участников и победоносным исходом. Восставшие в Риме солдаты убили своего командира, продажного и жадного военачальника Конона, который был обвинен ими в спекуляции хлебом и другими съестными припасами, предназначавшимися для снабжения армии. После этого восставшие солдаты фактически стали господами положения в Риме. Хотя Прокопий рассказывает

об этом восстании весьма скупо, мы можем судить о победе восставших по тому, что непокорный гарнизон Рима предъявил ультиматум Юстиниану и через своих послов, священников, потребовал от правительства полной амнистии и немедленной уплаты всего жалования, которое казначейство задолжало солдатам. Восставшие солдаты угрожали, если их законные требования не будут выполнены, тотчас перейти на сторону Тотилы. Это заявление свидетельствует, что общий подъем классовой борьбы в Италии и в этот период оказывал еще воздействие на византийскую армию. Угроза мятежного римского гарнизона перейти на сторону Тотилы была, видимо, вполне реальна и чревата столь значительными последствиями, что Юстиниан принужден был скрепя сердце принять ультиматум непокорных солдат (Procop. BG, III, 30.7—8). Более того, из дальнейшего рассказа Прокопия, к сожалению, крайне лаконичного, видно, что гарнизон Рима, проявивший столь явное неповиновение правительству, даже и впоследствии не был наказан главнокомандующим.

Прибыв в Рим, Велисарий действовал крайне осторожно и, надо полагать, пошел на уступки восставшим солдатам. Прежде всего он сам серьезно занялся вопросами снабжения Рима продовольствием, для того чтобы предотвратить новые волнения в войсках (Lord. Rom., 381). Лишь позднее он также с большой осмотрительностью постепенно заменил «ненадежных» солдат римского гарнизона более преданными императорскому правительству воинами и назначил нового командира Диогена, заслуживавшего его доверие (Procop. BG, III, 36.1—2).

В это же время остготам сдалась, наконец, крепость Росциана. Для византийцев и их союзников это было особенно тяжелым событием, потому что вместе с крепостью в руки Тотилы попали многие знатные италийцы, верные сторонники империи, в том числе Деоферон, брат Туллиана. Едва ли можно сомневаться, что именно эти знатные италийцы, непримиримые враги остготов и народных масс Италии, найдя убежище в Росциане, длительное время упорно настаивали на сопротивлении осаждавшим, поднимая дух защитников крепости надеждой на помощь византийских войск. Тотила поступил с этими пленными так же, как недавно обошелся с римскими сенаторами: он сохранил им жизнь, но отобрал имущество. Из византийских же солдат, сдавшихся в Росциане, большая часть, привлеченная милостивым отношением Тотилы, перешла на сторону остготов и была включена в состав остготской армии; остальным же Тотила разрешил удалиться, куда они хотят, оставив в крепости все имущество (Procop. BG, III, 30.5—6; 19—24).

Военные неудачи, постоянная нехватка денег и войск, недовольство и волнения в армии, враждебное отношение

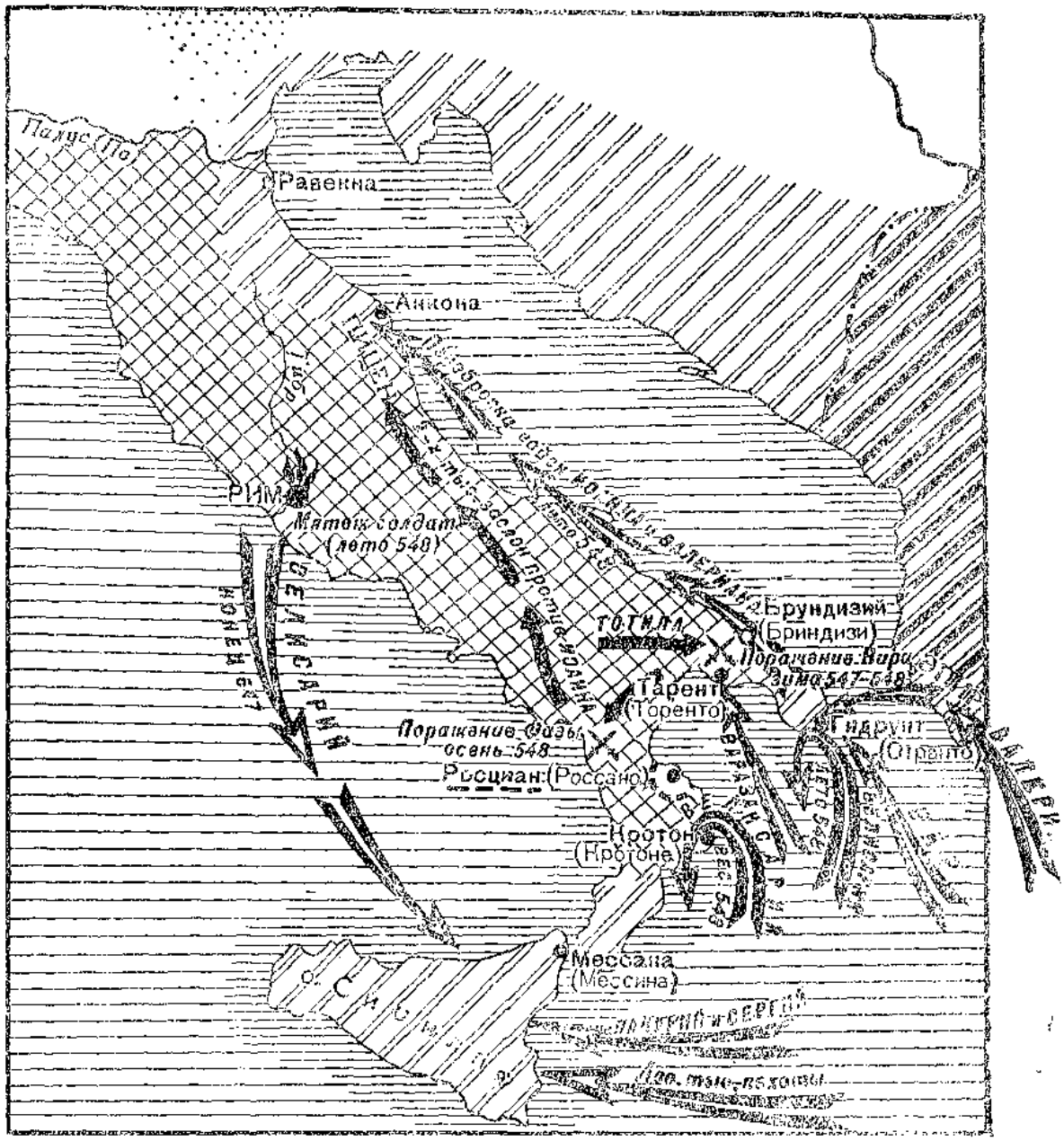


Схема 15. Попытки Велисария отвоевать Южную Италию (конец 547—первая половина 548 г.)

Условные знаки см. на стр. 14

большинства населения Италии к византийцам — все это чрезвычайно удручало Велисария и ставило его в крайне затруднительное положение.

После того как последняя его надежда получить новые средства для ведения войны и новые воинские подкрепления через Феодору, внезапно рухнула со смертью императрицы, последовавшей 28 июня 548 г., Велисарий окончательно решил покинуть Италию. Его просьба об отставке была удовлетворена,

и во второй половине 548 г. Велисарий был отозван Юстинианом из Италии (Procop. BG, III, 30.3; 25).

Причиной отозвания Велисария было, конечно, не только его личное желание, но и растущее недовольство императора военными неудачами в Италии (Procop. H. a., V, 1—4). «К этому же побуждала императора Юстиниана,— пишет Прокопий,— и война с персами, сулившая серьезные опасности» (Procop. BG, III, 30.25. Ср. ibid., IV, 21. 1—3). Действительно Юстиниану необходим был опытный полководец для ведения войны с Ираном, и отозванного из Италии Велисария он впоследствии послал на восток против персов.

Несомненно, что смерть Феодоры, покровительницы жены Велисария Антонины, ускорила отозвание Велисария из Италии [90]. Потеряв ее могущественную поддержку, Велисарий лишился и важнейших шансов на дальнейшую широкую помощь константинопольского двора в таком сложном предприятии, как отвоевание Италии. По словам Прокопия, Велисарий сам радовался тому, что избавился от столь трудной заботы. «Когда он узнал,— пишет Прокопий,— что император удовлетворил его просьбу, он с радостью тотчас же удалился, навсегда попрощавшись и с римским войском и с Италией, большую часть которой он оставлял под властью врагов» (Procop. H. a., V, 17).

Прокопий подводит весьма плачевный итог деятельности Велисария во время его второй экспедиции в Италию. «Вторично явившись в Италию,— пишет он,— Велисарий должен был с позором уйти оттуда: за пять лет он нигде не мог стать твердой ногой на земле, как мною рассказано в предшествующих книгах (в «Войне с готами».— *З. У*), так как у него не было там какой-либо крепости (ὅτι μὴ ἔνθα τι ὀχύρωμα ἦν). Все это время он провел, плавая вдоль берегов. Тотила был в бешенстве, что не может встретиться с ним вне городских стен, но так и не смог найти его, потому что и сам Велисарий и все римское войско были охвачены страхом. Поэтому Велисарий не вернул ничего из того, что было потеряно» (Procop. H. a., V, 1—3. Ср. Procop. BG, III, 35.1).

В «Тайной истории» Прокопий пытается объяснить основные причины неудач, постигших прославленного византийского полководца в Италии. Корень всех зол, по его мнению, таился в том, что Велисарий, не располагая достаточными средствами для ведения войны, стал грабить население Италии. «В это время,— пишет Прокопий,— он стал крайне корыстолюбивым (φιλοχρήματος), больше всего заботился о позорной наживе,

---

[90] Непосредственно связывает между собой эти события и Иордан (Iord. Rom., 381—382).

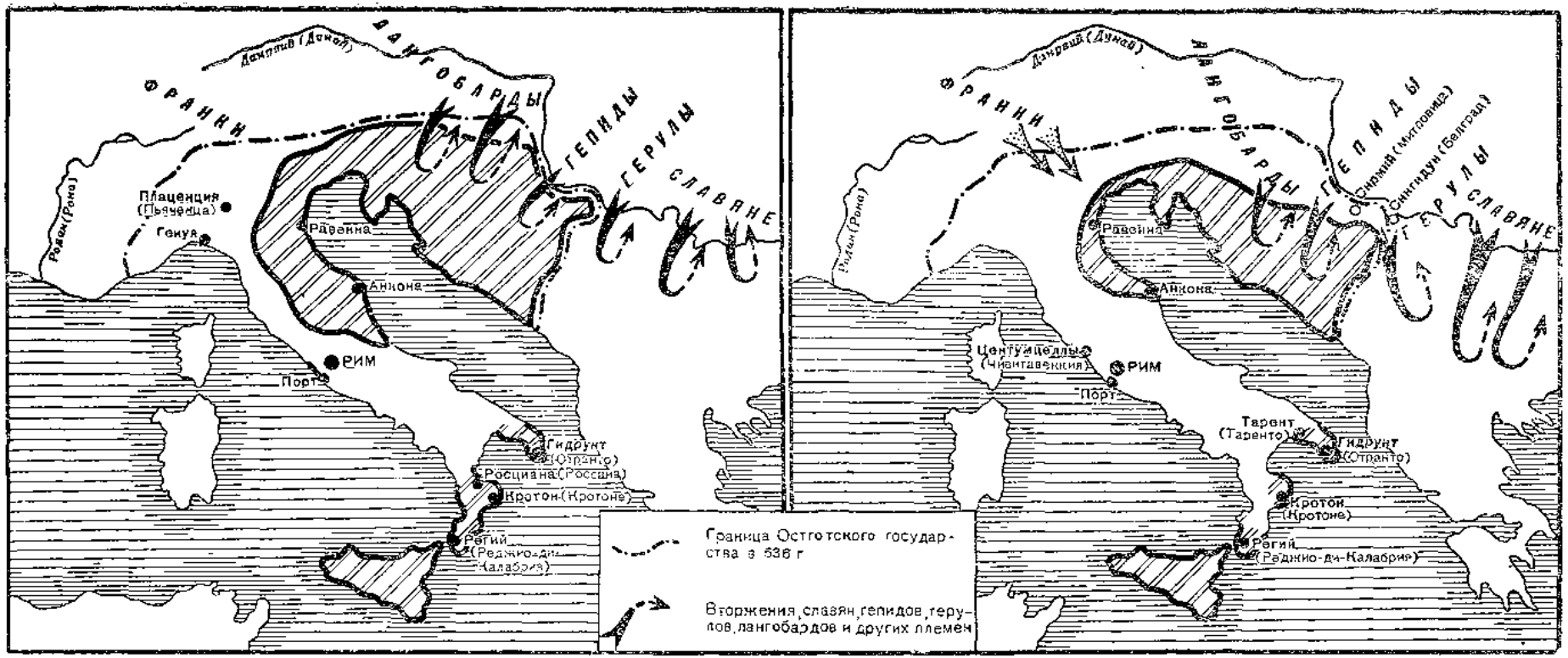


Схема 16

Земли Остготского государства, находившиеся под властью византийцев к моменту назначения Велисария (первая половина 544 г.)

Земли Остготского государства, оставшиеся под властью византийцев к моменту отозвания Велисария (вторая половина 548 г.)

Условные знаки см на стр. 14

так как он ничего не получал от императора. Он без стыда и совести ограбил почти всех италийцев, всех тех, которые жили в Равенне и Сицилии, всякого, кто только попадал в его руки, не знаю, на каком основании, взыскивая с них налоги за прошлое время (λογισμοὺς δῆθεν τῶν βεβιωμένων καταπραττόμενος)» (Procop. H. a., V, 4).

У нас нет оснований сомневаться в правильности свидетельства Прокопия о скупости и корыстолюбии Велисария. И конечно, жадность полководца отнюдь не способствовала росту его популярности среди населения Италии. Напрасно только Прокопий считает источником всех зол самого Юстиниана, будто бы почти совершенно не посылавшего Велисарию денег и войск. Что касается войск, то даже по сведениям того же Прокопия (Procop. BG, III, 10.3; 13.20—23; 27.1—4; 30.1), с 544 г. до 548 г. в Италию прибыло не менее 10 тысяч воинов, т. е. больше чем было у Велисария в самом начале войны. Кроме того, и войска, оставшиеся в Италии под командованием Константиана, не все полностью утратили боеспособность. Главная причина неудач Велисария заключается, повторяем, в том, что он не сумел разработать такой план войны, который соответствовал бы совершенно новым условиям, создавшимся в Италии в связи с тем, что остготов в эти годы активно поддерживали широкие слои италийского населения. Единомышленникам Велисария поэтому и казалось, что, хотя во второй приезд полководца в Италию «планы его были много лучше, так как он был уже опытен во всем, что касалось этой войны, но при выполнении их он встречался с несчастными случайностями и неудачами, и это привело к убеждению в бессмысленности его действий» (Procop. H. a., IV, 43).

Немудрено, что, не добившись никаких результатов в войне против Тотилы, Велисарий возвращался в Византию, похоронив в Италии свою былую воинскую славу.

В то время как византийский полководец еще находился на пути в Константинополь, Тотила в феврале или марте 549 г. одержал еще одну значительную победу в Италии. После длительной осады остготы овладели, наконец, крепостью Перузией, «первым из городов Тусции» (Procop. BG, III, 35.2). Перузия была взята жесточайшим штурмом (ἰκρότατα πολιορκουμένην) пишет Прокопий, и испытала все виды бедствий [91]. Заняв этот важный центр коммуникаций, остготы могли вполне реально ставить вопрос о новой осаде Рима.

Видимо, для того чтобы отвлечь внимание византийцев от этой очередной операции, Тотила предпринял смелую диверсию против балканских владений Византии. Весной 549 г.

---

[91] Procop. H. a., V, 17. Cp. Greg. I. Dial., III, 13, p. 160 sq.

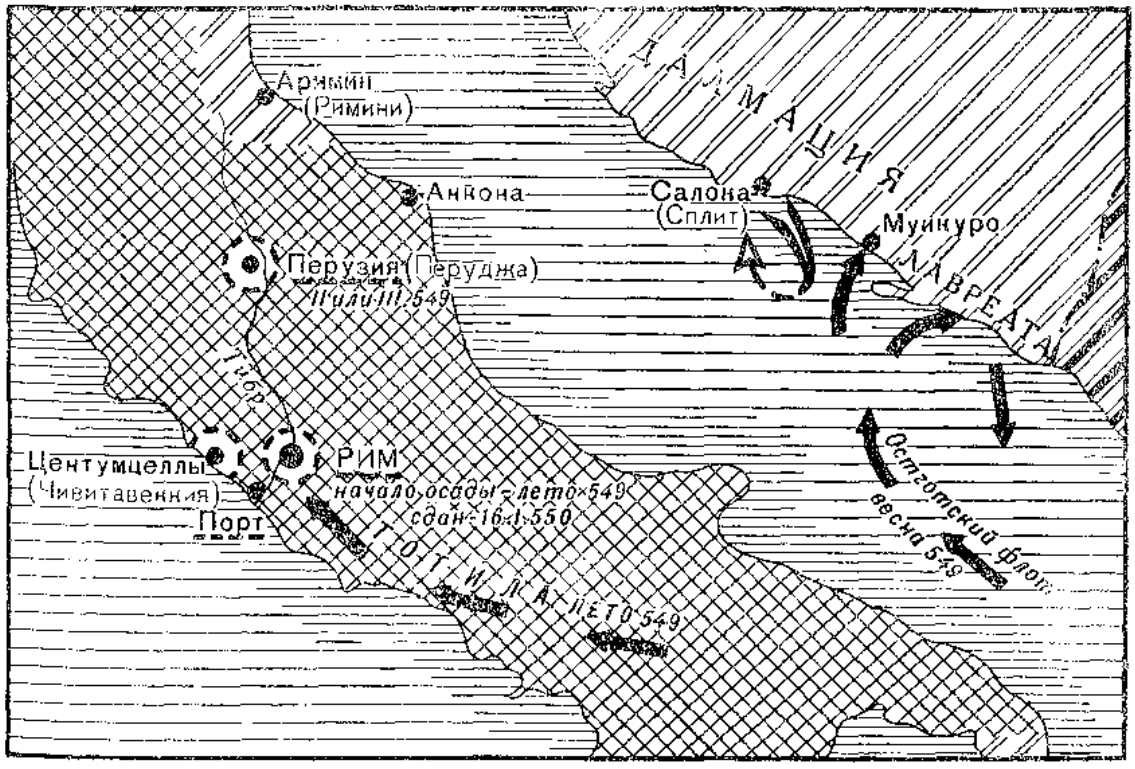


Схема 17. Борьба за Рим в 549 г.

Условные знаки см. на стр. 14

остготский флот под предводительством храброго и энергичного варвара Индульфа, перебежчика из византийской армии, бывшего буккелария Велисария, внезапно напал на побережье Далмации. Остготы высадились у местечка Муикур и в Лавреате, жестоко расправились с местными жителями и опустошили прибрежные области Далмации. Индульф разбил в морском сражении византийскую эскадру, посланную навстречу остготам из города Салоны византийским правителем Клавдианом, захватил много византийских кораблей и большую добычу. Совершив этот стремительный набег, остготы возвратились в Италию [92].

Папа Вигилий [93] и римские сенаторы, эмигрировавшие в Восточную Римскую империю, настойчиво возбуждали византийское правительство послать в Италию новые войска и назначить нового главнокомандующего. «Римский архиерей Вигилий,— пишет Прокопий,— и те италийцы, которые жили

[92] Procop. BG, III, 35.23—29; G. Novak. È stata Issa distrutta dai Goti? — «Studi bizantini e neoellenici», vol. V, 1939, p. 250; É. Stein. Op. cit., t. II, p. 593.

[93] Папа Вигилий по требованию Юстиниана в 547 г. прибыл в Константинополь для участия в религиозном споре о так называемых «Трех главах». На почве этого спора между Вигилием и Юстинианом возникли длительные распри, описание которых не входит в нашу задачу.

тогда в Византии (а там было много знатных лиц) не переставали настойчиво умолять императора приложить все силы, чтобы овладеть Италией» (Procop. BG, III, 35.9—10). Однако положение в самой Византии не благоприятствовало немедленной организации нового наступления против Тотилы. Как раз в это время был раскрыт заговор знатных вельмож—армян Артабана и Аршака, которые хотели убить Юстиниана и передать престол его племяннику Герману (Procop. BG, III, 31.1—18; 32.1—31; 39.8). С новой силой разгорелись и религиозные споры, также отвлекавшие внимание Юстиниана (Procop. BG, III, 35.11). Кроме того, воспользовавшись неудачами империи в войне с остготами, на ее западные владения начали нападать и другие соседние племена и народы. Франки захватили большую часть Венетии, гепиды — Сирмий и часть Дакии, лангобарды совершали набеги на Иллирик и Далмацию, вплоть до Диррахия, герулы заняли области Дакии близ города Сингидуна (Белград) и нападали на Иллирик и Фракию [94]. «Так,— горестно заключает свой рассказ Прокопий,— поделили между собой варвары Римскую империю» (Procop. BG, III, 34.1). Все эти затруднения империи способствовали, конечно, дальнейшим успехам Тотилы в его новом наступлении на Рим.

Летом 549 г. остготы опять подошли к стенам Вечного города и начали его осаду (Procop. BG, III, 36.1). Несмотря на то, что Велисарий перед своим отъездом из Италии оставил в Риме сильный гарнизон из трех тысяч надежных воинов под командованием храброго и предусмотрительного военачальника Диогена, все же опять, как и во время первой осады Рима Тотилой, внутри осажденного города нашлись сторонники остготов; в ночь на 16 января 550 г. воины-исавры, охранявшие Рим, открыли ворота св. Павла и впустили в город войска Тотилы [95].

---

[94] Procop. BG, III, 33.7—14. При этом иногда варварские племена пытались объединиться для борьбы против империи. Так, лангобард Ильдигис с шеститысячным отрядом гепидов и склавинов намеревался перейти к Тотиле, но по каким-то не известным для нас причинам не осуществил этого намерения (Procop. BG, III, 35. 20—22).

[95] Procop. BG, III, 36.7—28; Mal., p. 483. Некоторое подозрение в точности освещения событий в труде Прокопия и у других авторов может вызвать то обстоятельство, что вторично ворота Рима открыли Тотиле те же исавры. Однако возможно, что это простое совпадение, а не ошибка в источниках. К тому же Прокопий даст объяснение этому. Он пишет, что исавры помогли Тотиле, ибо в течение многих лет они не получали жалования от византийского правительства и в то же время видели, что их единоплеменники, которые в первый раз предали Рим остготам, живут в богатстве (Procop. BG, III, 36.7). Кроме того, повествование Прокопия совпадает с рассказом Иордана (Iord. Rom., 382). О взятии готами Рима см. также MGH. Epp., t. III., 68, 1,22; Lib. Pont. V. Vigil., 7; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 22—23. В «Жизнеописании Вигилия» и в «Истории» Павла Диакона, на наш взгляд, слились воедино

Ворвавшись в город, воины Тотилы беспощадно перебили всех византийских солдат, оказывавших им сопротивление. Командир гарнизона Диоген, несмотря на полученную рану, сумел все же спастись бегством. Другой византийский военачальник по имени Павел с отрядом из 400 всадников бежал под прикрытие мавзолея императора Адриана и там мужественно сопротивлялся натиску врагов. Когда Тотила понял, что ему не удастся без больших потерь сломить сопротивление этой горстки солдат, то он вступил в переговоры с ними и привлек на свою сторону заманчивыми обещаниями. Воины из отряда Павла и другие уцелевшие византийские солдаты (около 300 человек) охотно вступили в армию Тотилы, получив от него гарантии личной безопасности и сохранения имущества (Procop. BG, III, 36.15—29). Лишь сам Павел и исавр Минд пожелали возвратиться в Византию.

Вторично овладев Римом, Тотила вел себя в завоеванном городе, как гордый властелин в столице своего государства. Помня злые насмешки врагов по поводу совершенной им ранее ошибки, Тотила решил теперь полностью восстановить разрушенные укрепления и прекрасные общественные здания Рима, заселить город жителями и вновь превратить его в столицу Италии. По его приказу в Рим спешно возвращались прежние его обитатели. Мертвый город постепенно оживал, улицы наполнялись шумными толпами народа, а цирки и театры — зрителями. Остготский король на этот раз разрешил возвратиться в Рим даже римским сенаторам и всем римским гражданам, которых он сам ранее переселил в Кампанию (Procop. BG, III, 37.1—4. Ср. ibid., IV, 22.2). Вместе с римлянами в восстанавливаемом городе селились остготы и другие варвары. Свою победу Тотила отпраздновал пышными играми и конными ристаниями в римском цирке, желая тем самым подчеркнуть твердое намерение прочно обосноваться в Риме. На всем Апеннинском полуострове в руках византийцев осталось всего несколько городов, главным образом в районе Равенны и на крайнем юге.

Таким образом, к десятой годовщине победы над Витигисом империя утратила почти все, что было ею завоевано в первый период войны. И если в первый период войны одной из решающих причин поражения остготов было отсутствие у них поддержки со стороны сколько-нибудь широких кругов римско-

---

описания первой и второй осады Тотилой Рима. Отсюда произошли те ошибки и неточности, которые имеются в этих источниках по интересующему нас вопросу. Ср. Excerpta Sangallensia, 704 (Cons. Ital., p. 304), где дается ошибочная дата (549 г.) вторичного вступления Тотилы в Рим. См. J. Bury. History..., vol. II, p. 250, n. 3.

италийского населения, то при Тотиле, как мы видели, решающие успехи были достигнуты остготами именно тогда, когда они опирались на помощь трудящихся масс Италии.

§ 4. Новый этап войны. Поход Нарсеса в Италию и поражение Тотилы и Тейи

Трагедия противников империи заключалась в том, что их успехи в борьбе против византийцев обнажали (а затем и обостряли) те глубокие внутренние противоречия в их среде, которые были обусловлены социальной неоднородностью антивизантийского блока. Даже в самом начале второго периода войны, когда остготская знать особенно нуждалась в поддержке италийского населения, она, как мы видели, не сразу пошла на уступки народным массам, хотя в Южной Италии требования народа и не задевали непосредственно ее интересы. В дальнейшем, укрепляя свое положение, остготская знать становилась в своей массе более неуступчивой. Напротив, широкие слои италийского населения, несомненно, надеялись, что по мере изгнания византийцев правительство Тотилы будет все более последовательно осуществлять политику, направленную на облегчение положения народных масс. Но Тотила принадлежал к остготской знати. Правда, он был наиболее талантливым и дальновидным ее представителем; он, бесспорно, лучше многих других понимал необходимость для остготов обеспечить поддержку италийского населения и больше, чем кто бы то ни было, сделал для этого, но в главных вопросах, затрагивающих самые основы существования остготской знати как особой привилегированной группы, Тотила не мог идти на какие-либо уступки. После того как у византийцев была отвоевана не только Южная, но и Средняя Италия, где были расположены крупные земельные владения остготской знати, после того как владения этой знати еще больше увеличились за счет захватов и пожалований конфискованных земель (в том числе и в Южной Италии), всякие новые мероприятия в пользу народа неизбежно означали бы ущемление интересов крупных остготских землевладельцев. И мы уже видели, что как раз в 547 г. обострилась борьба внутри остготской знати и усилился рост ее недовольства политикой правительства Тотилы.

Мы не знаем, к сожалению, как конкретно изменялась политика Тотилы под давлением требований знати. Но нельзя не обратить внимания на то, что, во-первых, последние упоминания о мероприятиях Тотилы в пользу земледельцев приурочены Прокопием как раз к 546—547 гг. (см. выше, стр. 344 сл.) и что, во-вторых, ряд фактов, упоминаемых Прокопием при изложении

событий начала 50-х годов, совершенно необъясним, если не допустить, что к этому времени в Италии произошли серьезные социальные сдвиги, оказавшие влияние на сам характер войны.

Так, именно в начале 50-х годов в среде византийских солдат в Италии наметился рост антиготских настроений. Например, гарнизон Центумцелл, хотя и вынужден был вскоре после второго вступления Тотилы в Рим начать переговоры с остготами о сдаче города, но решительно отказался «объединиться с войсками готов» (Procop. BG, III, 37.15. Cp. ibid., III, 39.24). Даже среди византийских перебежчиков началось движение за возвращение в византийскую армию (Procop. BG, III, 39.22). Прокопий, пытаясь объяснить эти явления, на первый взгляд парадоксальные, связывает их с тем, что в это время в Италии узнали о назначении главнокомандующим в войне против остготов Германа, пользовавшегося «славой счастливого полководца» [96]. Но ведь за несколько лет до этого Велисарий тоже «пользовался славой счастливого полководца», и тем не менее его второй приезд в Италию отнюдь не вызвал подобного резонанса: несмотря на его прямое обращение к перебежчикам, никто к нему не явился (Procop. BG, III, 11.11). И если тогда, в середине 40-х годов, массовый переход византийских солдат к остготам был обусловлен в первую очередь тем характером, какой приняла в то время война в Италии, ясно, что объяснение новых явлений, отмеченных Прокопием, надо искать в новом соотношении классовых сил, сложившемся в стране к началу 50-х годов VI в.

Если отвлечься от условий, создавшихся к началу 50-х годов, останется непонятным и отношение Тотилы к сенаторам после второго взятия Рима. Казалось бы, теперь, когда почти вся Италия находилась под властью остготов, Тотиле нет никаких оснований заигрывать с сенаторами. А он не только возвращает их всех в Рим, но и старается их убедить, «будто бы он раскаивается в том, что причинил прежде вред Риму» (Procop. BG, IV, 22.3). Непонятна, если не учитывать изменения обстановки, и та настойчивость, с которой Тотила после второго взятия Рима вновь и вновь обращается к Юстиниану с мирными предложениями (Procop. BG, III, 37.6—7; IV, 24.4—5). Его не останавливает даже та нарочито резкая форма отказа — император просто не принял его посла,— которую раньше правительство Восточной Римской империи никогда не допускало по отношению к остготам. Да и сами условия мира,

---

[96] Procop. BG, III, 37.25. Эту славу Герман стяжал в Северной Африке в 537—538 гг. особенно тем, что разгромил «сверх ожидания» (ibid., III, 39.12) первое восстание Стотзы. См. З. В. Удальцова. Народное движение в Северной Африке при Юстиниане. – ВВ, т. V, 1952, стр. 36 сл.

предлагавшиеся Тотилой, во всяком случае в той формулировке, которую мы находим у Прокопия, едва ли бы могли быть выдвинуты правительством, чувствовавшим твердую опору в населении своей страны.

Нельзя не обратить внимания и на то, что сам «стиль» боевых операций остготов в 550—551 гг. во многом отличается от того, какой был характерен для Тотилы как полководца в предыдущие годы. Если раньше в любой крупной операции Тотилы легко обнаруживалась ее основная цель и эта цель всегда была тесно увязана с важнейшими задачами всей кампании, то в многочисленных операциях 550—551 гг. далеко не всегда можно найти объединяющую их стратегическую идею, вскрыть внутреннюю логику их развития. Кроме того, не во всех операциях этого периода чувствовалась достаточная настойчивость полководца.

Рассмотрим экспедицию в Сицилию, организованную Тотилой вскоре после второго взятия Рима (Procop. BG, III, 37.19; 39.2—4). Нам уже приходилось говорить об экономическом и военно-стратегическом значении Сицилии. Было вполне понятно стремление остготов захватить этот остров и закрепиться на нем, что явилось бы сильным ударом по империи, так как лишило бы ее важного плацдарма для нападения на Южную и Западную Италию. Но, судя по ходу событий, Тотила даже и не намеревался удержать за собой остров. По существу вся экспедиция, для которой были собраны большие силы (Прокопий говорит о снаряжении 400 военных кораблей— Procop. BG, III, 37.5), свелась только к захвату добычи [97]. К таким же результатам привели и некоторые другие крупные операции этого периода. Приходится предположить, что они и задуманы были главным образом для того, чтобы славой громких побед и разделом добычи поддержать боеспособность остготских войск.

Византийское правительство, несомненно, было хорошо осведомлено о положении дел в Италии. Поэтому, надо думать, оно и отвергло так резко мирные предложения Тотилы и деятельно готовилось к новому походу против остготов. Особенно показателен подбор кандидатов на пост главнокомандующего. Больше года (с осени 549 г. до осени 550 г.) император ни на

---

[97] Попытку Прокопия объяснить «внезапную» эвакуацию с острова основных сил Тотилы в конце 550 года провокацией византийцев, осуществленной ими при помощи одного пленного римлянина (Procop. BG, III, 40.20—29), нельзя принимать всерьез. Трудно допустить, чтобы Тотила не пытался точно установить планы врага, как он это успешно делал в предшествующие годы (Procop. BG, III, 10.14—18), прежде чем отказаться от Сицилии; против объяснения Прокопия говорит и то, что Тотила отвел всю свою армию к Риму и не направил никаких сил в Лигурию, которой будто бы угрожали византийцы.

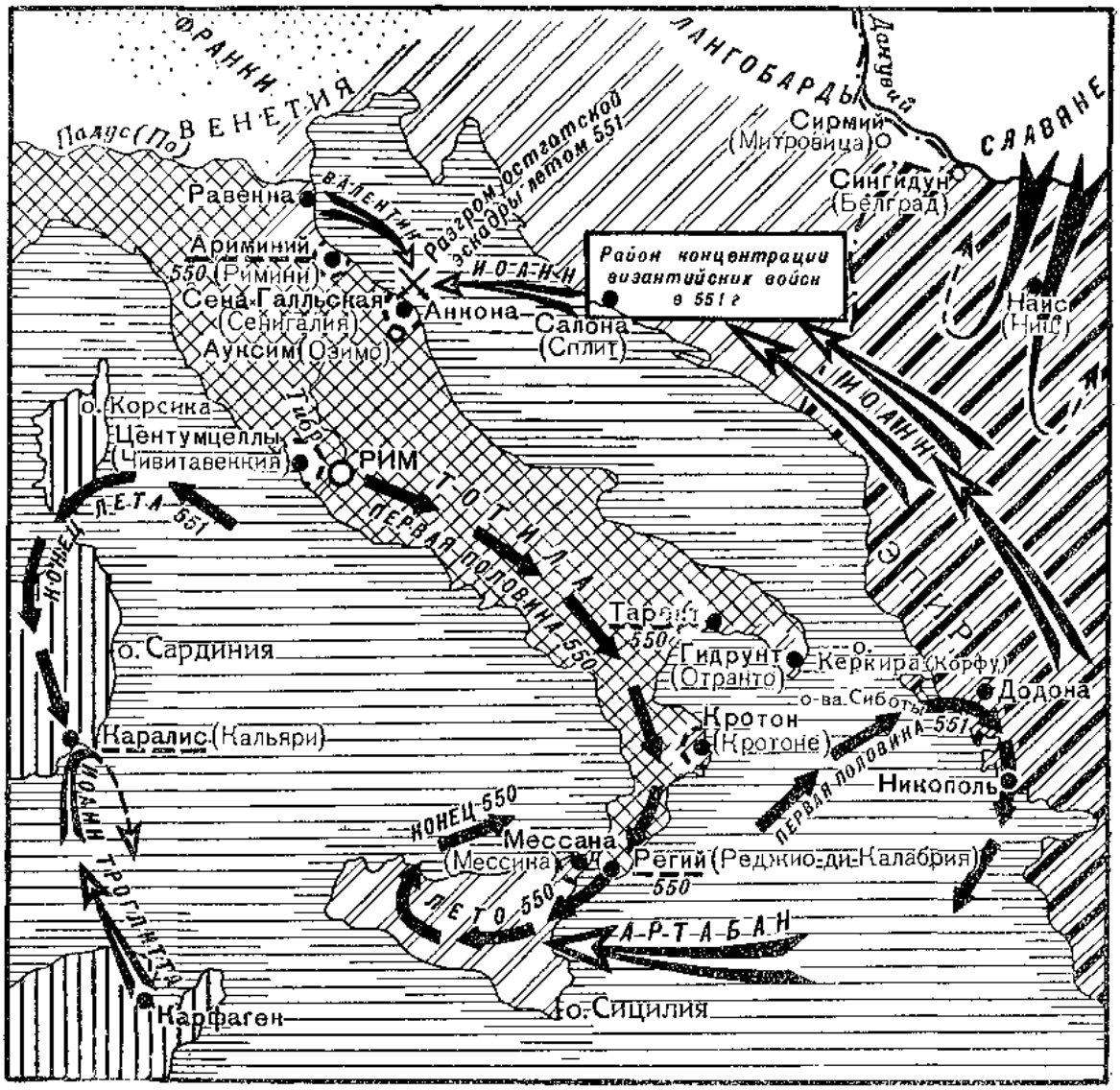


Схема 18. Военные действия 550—551 гг.

Условные знаки см. на стр. 14

ком не мог остановить свой выбор; претендентами были: римский патриций Либерий и племянник Юстиниана Герман. Каждого из них император по нескольку раз то назначал главнокомандующим войсками в Италии, то смещал с этого поста [98]. В этом проявлялась борьба различных группировок придворной знати, столь обычная при назначении на должность, сулящую сколько-нибудь значительные выгоды. Но в данном случае важно, что эти группировки старались подобрать таких кандидатов, какие были бы наиболее приемлемы для оппозиционных Тотиле кругов остготской знати: Либерий, как известно, занимал при Теодорихе видные государственные посты в Остготском королевстве, а Герман даже женился на Матасунте,

[98] См. Procop. BG, III, 36.6; 37.24 и 26—27; 39.9.

последней представительнице царственного рода Амалов [99]. Этот брак должен был знаменовать собой возрождение политического союза между проримски настроенной остготской знатью и византийским правительством. Недаром Иордан, идеолог той части готской знати, которая шла на сближение с римлянами, восторженно рассказывает об этом браке, который, по его словам, вселял радужные надежды на прочный союз рода Амалов с правящей династией Восточной Римской империи (I o r d. Get., 314).

Правда, ни одному из этих кандидатов так и не удалось оправдать возлагавшихся на него надежд [100], но несомненно, эти надежды возлагались на них именно в связи с создавшимся в Италии положением.

Наконец, сами современники заметили, что в начале 50-х годов произошел перелом во всем ходе борьбы за Италию, и попытались выделить те события, с которыми, по их мнению, он был связан. Прокопий, например, считает таким событием поражение остготов в морской битве у Сены Галльской (Sena Gallica, ныне Сенигаллия) летом 551 г., когда была уничтожена остготская эскадра, блокировавшая Анкону [101]. В свете всего сказанного выше мы не можем признать эту неудачу остготов началом, а тем более причиной перелома в ходе войны [102], но самое стремление Прокопия датировать перелом, повторяем, очень показательно.

---

[99] P r o c o p. BG, III, 39. 13—15; I o r d. Rom., 383; Get., 314. К этому времени муж Матасунты, бывший остготский король Витигис, уже умер, а Герман тоже был вдов, поэтому препятствий к заключению этого брака не было.

[100] Либерию из-за дряхлости и полного отсутствия полководческого таланта (см. P r o c o p. BG, III, 39.7; 40. 18—19), а Герману из-за неожиданной смерти осенью 550 г. (ibid., III, 40.9).

[101] P r o c o p. BG, IV, 23.41; 24.3. К этому времени на всем побережье от Равенны до Гидрунта в руках византийцев оставался только один удобный порт — Анкона. Но и он был осажден готами с суши и блокирован с моря 47 остготскими кораблями. Для спасения Анконы византийцы приложили все усилия. На помощь осажденной крепости двинулся объединенный флот Валериана из Равенны и Иоанна из Салоны, насчитывавший 50 военных кораблей, который и уничтожил остготскую эскадру. Сухопутные войска остготов, осаждавшие Анкону, временно отошли к Луксиму (в 12 *км* от Анконы) (ibid., IV, 23.1—41).

[102] По существу это поражение было лишь одним из проявлений процесса, который, как мы видели, начался еще до лета 551 г.,— процесса постепенного отхода от остготов их союзников из местного италийского населения и византийских перебежчиков (именно из них и набирали остготы экипаж для своего только что созданного флота). Но оно, конечно, в какой-то степени ухудшило положение остготов, хотя и не столь значительно, как это пытается, противореча всему дальнейшему изложению, представить Прокопий, который утверждает, что остготы «уже были готовы отказаться от войны», что «они потеряли всякую надежду» (P r o-

Нельзя не отдать должного Тотиле: и в этой новой обстановке он проявил исключительную энергию и мужество. Все, что можно было сделать, не порывая со своим классом, для спасения Остготского государства, он сделал. В этих трудных условиях ему действительно удалось поддержать, несмотря на тяготы многолетней войны, преданность основной массы остготских воинов, их волю к победе.

Вскоре после сицилийской экспедиции была организована экспедиция к берегам Балканского полуострова. Весной или в начале лета 551 г. остготский флот, состоявший из 300 военных судов, неожиданно напал на остров Керкиру (Корфу) и побережье Эпира. Керкира и расположенные между ней и материком острова Сиботы были опустошены остготами. Значительно пострадали от нападения остготского флота также и некоторые города в Эпире, особенно Никополь и Анхиал, и вся местность близ Додоны. Кроме того, остготам удалось захватить значительное количество византийских кораблей (Procop. BG, IV, 22.30—32). Через несколько месяцев, в конце лета того же года, уже после поражения при Сенигаллии, Тотила провел еще одну успешную экспедицию подобного же типа — на Сардинию и Корсику.

Захват остготскими войсками Сардинии и Корсики был опасной для империи диверсией, так как создавал непосредственную угрозу ее владениям в Северной Африке. Поэтому византийский наместник в Ливии Иоанн Троглита был крайне обеспокоен этим событием и попытался (правда, безуспешно) отвоевать острова у остготов. Посланные Иоанном войска высадились в Сардинии у города Караналис (ныне Кальяри), но, разбитые готами в сражении под стенами этого города, в панике бежали и возвратились в Карфаген (Procop. BG, IV, 24.31—39).

Так же как и в последний период правления Витигиса, остготское правительство Тотилы в начале 50-х годов резко усилило активность своей дипломатии, рассчитывая найти союзников среди соседних племен. В это время одним из наиболее грозных врагов империи были славяне, вторгавшиеся из-за Дуная в балканские владения Византии [103]. В начале 50-х

---

cop. BG, IV, 24.3). Остготский флот и после гибели этой эскадры еще долго представлял грозную силу.

[103] См. А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв.— ВДИ, № 1, 1946; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953; B. Grafenauer. Nekaj vprašany iz dobe naseljevanija južnih Slovanov. «Zgodovinski časopis», IV, Ljubljana, 1950, s. 23—126; P. Lemerle. Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romain jusqu'au VIII siècle.— «Revue historique», CCXI, fasc. 2, 1954; Ф. Баришић. О најстаријој Прокопијевој вести о Словенима.— «Зборник радова Византолошки институт САН», кн. 2, 1953.

годов эти вторжения стали особенно частыми и многочисленными. Так, уже в 550 г. «огромная толпа славян, какой никогда раньше не бывало», подошла к городу Нансу (Нишу). По словам пленных, славяне намеревались овладеть Фессалоникой, крупнейшим экономическим центром империи на Балканском полуострове. Юстиниан вынужден был отправить против славян войска, предназначенные для похода в Италию (Прокоп. BG, III, 40.1—8). Тем не менее в конце этого же года (или в самом начале следующего) имело место новое вторжение, причем посланное императором против славян отборное византийское войско было наголову разбито ими близ Адрианополя. После этой победы славяне далеко продвинулись в глубь империи и, опустошив Астику, дошли до «длинных стен», укреплений, «отстоящих от Византия (Константинополя.— *З. У.*) на расстоянии немного больше одного дня пути» (Прокоп. BG, III, 40.34—43). Борьба славян с империей была обусловлена прежде всего теми процессами, которые происходили в это время в общественном развитии самих славянских племен. Но то, что именно на начало 50-х годов падает серия особенно крупных набегов славян, едва ли является случайным: видимо, дело не обошлось без вмешательства дипломатии остготов. Так думали и современники событий. Во всяком случае, Прокопий писал: «Многие подозревали, что Тотила, подкупив этих варваров крупными денежными суммами, направил их на римлян с тем, чтобы императору было невозможно хорошо организовать войну против готов, будучи связанным борьбой с этими варварами» [104].

Кроме славян, остготы пытались привлечь на свою сторону франков. Послам Тотилы ценою признания захватов франков в Лигурии, Коттийских Альпах и в Венетии (на такие уступки остготы еще никогда не соглашались) удалось обеспечить нейтралитет нового франкского короля Теодебальда и предотвратить его соглашение с Византией (Прокоп. BG, IV, 24.9—29).

Но все это, понятно, не могло возместить остготам того, что они потеряли с ростом индифферентизма в широких слоях итальянского населения.

Между тем к весне 552 г. в империи были завершены все приготовления к новому большому походу в Италию, продолжавшиеся в течение нескольких лет. Еще в 551 г. закончились,

---

[104] Прокоп. BG, III, 40.32. Не говорит ли о большой популярности Тотилы среди южных славян тот факт, что в «Летописи попа дукляанского», хорватской хронике XII—XIII вв., впитавшей многие народные сказания, деяния Теодориха и некоторых других остготских королей приписаны Тотиле? См. Ljetopis popa Dukljanina. Latinski tekst sa hrvatskim prijevodom i «Hrvatska kronika». Zagreb, 1950, str. 40—42.

наконец, колебания в выборе главнокомандующего: руководство борьбой с Тотилой было поручено евнуху Нарсесу, некогда уже сражавшемуся против остготов. Он сменил Иоанна, зятя Германа, назначенного было после смерти последнего (Procop. BG, III, 40.10). При этом Нарсесу были предоставлены диктаторские полномочия для ведения этой тяжелой войны [105]. Причинами назначения Нарсеса на столь высокий пост были не только его близость к императорскому двору и опыт ведения войны против остготов, но также и желание императора поставить во главе армии влиятельного и преданного человека, которому беспрекословно подчинились бы другие византийские военачальники. Византийское правительство не без основания опасалось, что Иоанн на посту главнокомандующего не будет пользоваться достаточным авторитетом; византийские военачальники в Италии, равные ему по рангу, не захотят выполнять его приказов и, завидуя, будут сознательно вредить (Procop. BG, IV, 21.5—9). Нарсес же был тем человеком, который мог положить конец бесконечным распрям византийских командиров в Италии и сосредоточить в своих руках всю полноту власти [106].

Низкого роста, хилый и некрасивый, он не получил достаточного образования, не обладал красноречием, был скрытен и молчалив. Но в этом слабом теле жил могучий духом честолюбца и неукротимая энергия полководца. Обладая ясным и проницательным умом, большой хитростью и изобретательностью, Нарсес сочетал смелость с осторожностью, решительность с коварством.

Прекрасно осведомленный о положении дел остготов, Нарсес, соглашаясь принять пост главнокомандующего, потребовал у правительства предоставления ему значительной суммы денег для уплаты жалования византийским солдатам в Италии, которое задолжала им казна. Он надеялся, что в новых условиях, которые складывались в Остготском королевстве, византийское золото будет для него лучшим союзником и поможет вернуть под знамена императора многих солдат, бежавших в лагерь

---

[105] Procop. BG, IV, 21.5—6. Из Константинополя Нарсес выехал в апреле 551 г. (Эту дату указывает Феофан. См. Theophan., I, 227). Но в Филиппополе (ныне Пловдив) он принужден был задержаться из-за очередного нашествия задунайских варварских племен (Malal., p. 480; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 23; Lib. Pont. V. Vigil., 7). В Салону он прибыл лишь осенью 551 г. и сразу же начал готовиться к экспедиции в Италию.

[106] О назначении Нарсеса главнокомандующим византийской армии в Италии см. Lib. Pont. V. Vigil., 7; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 23; Pauli Diac. Hist. Lang., II, 1; Hydat. Lemici Continuat. Epitome Hispanae, 1, p. 36; Vict. Tonnen., a. 554; Malal., p. 480; Auct. Prosp. Havn., extrema 3; Cons. Ital., p. 337; Landolf., XVIII, 19.

Тотилы (Procop. BG, IV, 26.6). И императорское правительство, по-видимому, не пожалело средств на снаряжение большой армии (Procop. BG, IV, 21.20).

К апрелю 552 г. эта армия была собрана в Салоне. Она состояла из значительного числа византийских солдат и нескольких больших отрядов наемников-варваров. Бросается в глаза чрезвычайная пестрота этнического состава армии Нарсеса. За ним следовало более пяти с половиной тысяч лангобардов, нанятых у короля Авдуина, более трех тысяч всадников-герулов под командованием Филимуфа, 400 гепидов, большое число гуннов. Кроме того, в его армии был отряд персидских солдат-перебежчиков. Многих знатных варваров с их дружинами Нарсес привлек на свою сторону щедрыми подарками [107].

Неустойчивость наемников-варваров была хорошо известна их противникам, и Тотила считал это наиболее уязвимой стороной византийской армии. Недаром он, по словам Прокопия, говорил своим воинам, воодушевляя их на бой с войсками Нарсеса: «Этот союз людей, собравшихся отовсюду из-за жажды жалования, не отличается ни верностью, ни спокойной силой, но, состоя из людей разных племен, он, конечно, и в мыслях своих не единодушен. Не думайте, что эти гунны, лангобарды, герулы, нанятые за бог знает какие огромные деньги, будут сражаться за них до последнего издыхания» (Procop. BG, IV, 30.17—18. Ср. ibid., IV, 28.2). Сам Нарсес хорошо сознавал, что этническая пестрота является ахиллесовой пятой его армии и не очень доверял наемникам-варварам, особенно лангобардам (см. ниже, стр 409).

С этой армией византийский полководец и двинулся по суше из Салоны в Италию. Однако на пути в Равенну Нарсес столкнулся с большими трудностями. Первым препятствием оказалось враждебное отношение франков, которые не пожелали пропустить византийские войска через те области Венетии, которые находились под их контролем. Франки сделали это не из желания сохранить верность своим союзникам-остготам, не раз обманутым ими, а из опасения потерять захваченные ими владения в случае усиления византийцев в Италии. Предлогом для своего отказа они выдвинули наличие в войске Нарсеса лангобардов, являвшихся злейшими врагами франков (Procop. BG, IV, 26.18—20).

Остготы в это время также принимали меры, для того чтобы затруднить проникновение армии Нарсеса на Апеннинский полуостров. С этой целью Тотила послал в Верону отборный

---

[107] Procop. BG, IV, 26.10—17. Общее число воинов Нарсеса исследователи определяют в 25 тыс. (J. B. Bury. History..., vol. II, p. 262) или даже 30 тыс. человек (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 346).

отряд остготских воинов под командованием храброго военачальника Тейи. Он должен был, используя особенности местности, преградить войскам Нарсеса дорогу к реке По и переправу через нее (Procop. BG, IV, 26.21—23).

Однако ни франкам, ни отряду Тейи не удалось задержать войско Нарсеса, так как оно по совету бывших при нем италийцев из числа сторонников империи и полководца Иоанна двинулось вдоль самого побережья Адриатического моря. Византийцы избрали этот путь, потому что в прибрежных областях еще сохранялось византийское господство и местные жители подчинялись власти империи [108]. Не встретив здесь никакого сопротивления, Нарсес благополучно прибыл в Равенну [109]. Там к нему присоединились оставшиеся в Равенне византийские отряды под командованием Валериана и Юстина (Procop. BG, IV, 28.1).

Имея в своем распоряжении значительные силы, Нарсес был заинтересован в том, чтобы решительная встреча с Тотилой произошла как можно скорей. Поэтому, отдохнув в Равенне всего несколько дней, он двинулся далее на юг, не задерживаясь по пути для осады крепостей, занятых остготскими гарнизонами. Он прошел мимо сильно укрепленного города Аримина и не поддался соблазну попытаться «с ходу» взять эту крепость, хотя случайная гибель в одной из стычек командира остготского гарнизона в Аримине Усдрилы открывала Нарсесу такую возможность [110].

В это время Тотила, узнав, что отряду Тейи не удалось задержать в Северной Италии продвижение византийской армии, начал готовиться к решительному сражению. Он приказал Тейе спешно идти на соединение с основными силами остготов и поджидал его прибытия в лагере близ Рима. Когда же этот отряд (за исключением задержавшихся в пути двух тысяч всадников) прибыл, остготский король тотчас двинулся через Тусцию навстречу армии Нарсеса, стараясь найти наиболее удобную для своих войск позицию.

Для Тотилы скорейшая встреча с Нарсесом была тем более необходимой, что как раз в это время создалось очень напряженное положение на юге полуострова. Знатный гот Рагнарис, командир остготского гарнизона в Таренте, и остготский военачальник Мора, командир гарнизона в Ахеронтии, вместе со своими сотоварищами составили заговор против правительства

---

[108] Procop. BG, IV, 26.24; ср. ibid., IV, 24.8.

[109] Ibid., IV, 26.25. Агнелл в истории Равеннской церкви сообщает, что Нарсес вступил в Равенну 5 июня 552 г. (Agn., 62).

[110] Procop. BG, IV, 28.2—12. См. S. Fuchs. Die Schlacht im Apennin 552 n. Chr.—«Forschungen und Fortschritte», Jg. 19. 1943, S. 234—236.

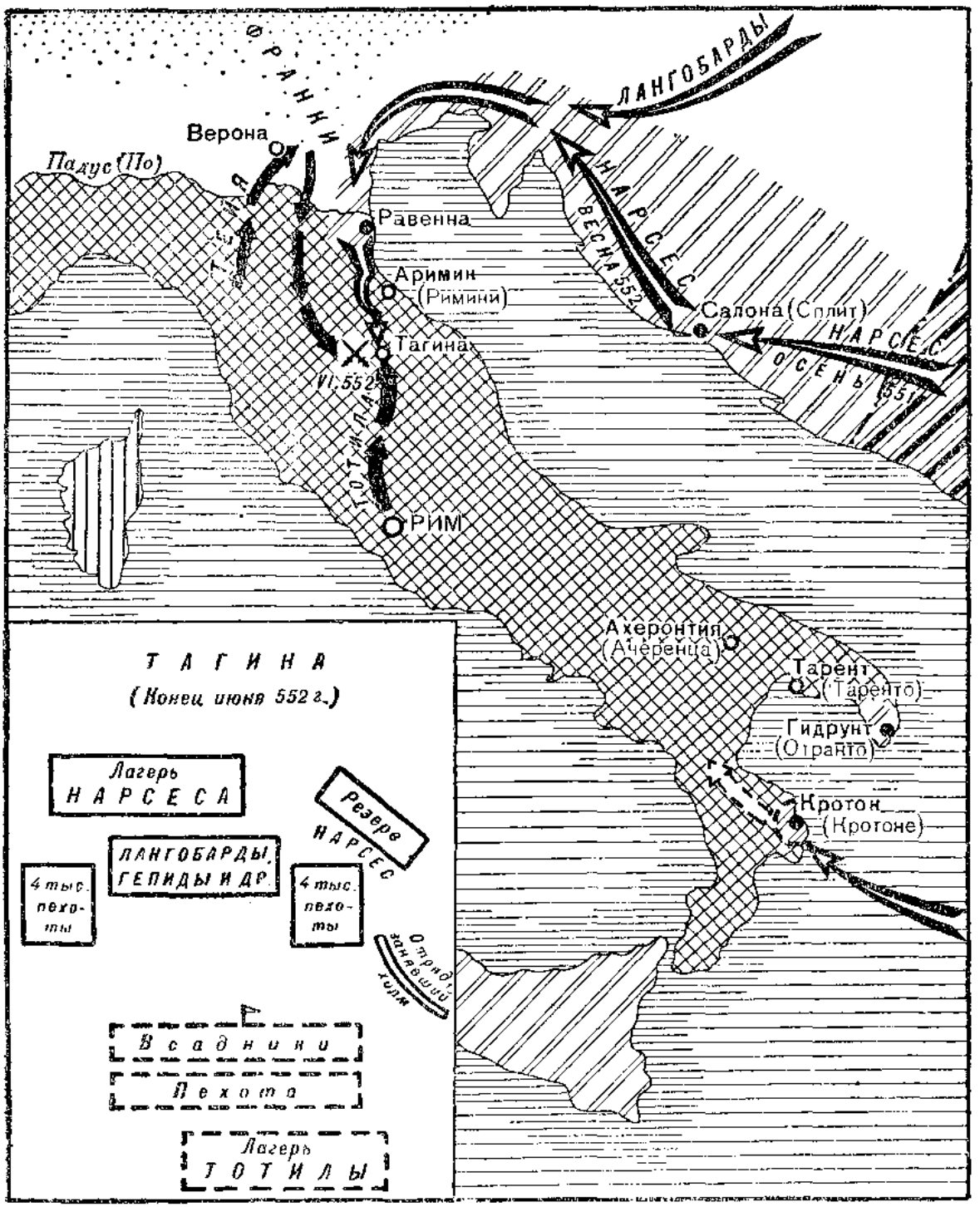


Схема 19. Действия войск Нарсеса и Тотилы (552 г.)

Условные знаки см. на стр. 14

Тотилы и начали тайные переговоры с византийским военачальником Пакурием, стоявшим во главе императорских войск в Гидрунте. Знатные готы соглашались перейти на сторону империи и сдать охраняемые ими крепости при условии, что им и всем их сторонникам будет гарантирована личная неприкосновенность. Прокопий объясняет измену Рагнариса и Моры «унынием духа и ума готов» (Procop. BG, IV, 26.4), усиленным неудачей остготских войск у Кротона (ныне Кротоне)[111]. Если эти события даже и находились в какой-то связи между собой, то все же действительную причину заговора военачальников надо искать в тех глубоких противоречиях в среде высшей остготской знати, которые с большей или меньшей остротой сказывались в период всего правления Тотилы.

К этому же времени, по-видимому, вновь усилилась враждебность римской аристократии к готам. Во всяком случае Тотила, готовясь к решающей схватке с Нарсесом, принял меры для предотвращения возможных выступлений римской знати в тылу его войск. Во многих городах Италии он взял у знатных римлян в качестве заложников их сыновей и отослал их в области, расположенные за рекой По, где остготы чувствовали себя наиболее прочно (Procop. BG, IV, 34.7—8).

Встреча армий Тотилы и Нарсеса произошла в конце июня 552 г. у местечка Тагины (ныне Гвальдо Тадино, Gualdo Tadino), в холмистой долине, известной под названием Busta Gallorum («Галльские погребальные костры»)[112], где некогда римляне нанесли страшное поражение галлам (Procop. BG, IV, 29.3—6).

Решительному сражению предшествовали мелкие стычки отдельных отрядов. Особенно упорная борьба, по данным Прокопия, развернулась между византийцами и остготами за высоту, господствующую над местностью. Эта высота была захвачена византийским отрядом под командованием Павла и Ансилы и, несмотря на многократные попытки остготов выбить

---

[111] Длительное время осаждаемый войсками остготов византийский гарнизон этой крепости во главе с военачальником Палладием страдал от голода и готов был сдаться остготам. Однако узнав о прибытии в Сицилию Артабана и новых византийских войск, Палладий обратился к к ним за помощью (Procop. BG, IV, 25.24—25). Но на этот раз помощь осажденным пришла не из Сицилии, а из самой империи. Византийское правительство, не желая терять этот важный центр в Южной Италии, послало морем подкрепления из Греции. Неожиданное прибытие византийского флота заставило остготов снять осаду Кротона (ibid., IV, 26.1—3).

[112] О местонахождении Busta Gallorum см. L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 321; J. B. Bury. History..., vol. II, p. 288 f.; H. Delbrück. Geschichte der Kriegskunst, Bd. II. Berlin, 1921, S. 374—386; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 598—599; S. Fuchs. Die Schlacht im Apennin, S. 234 f.

византийцев, так и осталась в их руках (Procop. BG, IV, 29.11—28) [113].

Перед самым боем полководцы обходили ряды своих армий, стремясь поднять их боевой дух. Нарсес с презрением отзывался о воинах Тотилы, как о беглых рабах императора, а о самом Тотиле, как о заурядном тиране, из грязи поднявшемся к власти. Хитрый евнух стремился не только убедить своих воинов в их превосходстве над войсками Тотилы, но и пробуждал в солдатах, особенно в наемниках-варварах, самые низменные инстинкты, суля им после победы богатую добычу. Для разжигания алчности солдат Нарсес приказал перед самым боем показывать драгоценные вещи: золотые браслеты, ожерелья, украшенные золотом уздечки, убеждая, что они получат все это в награду за храбрость, проявленную в предстоящей битве (Procop. BG, IV, 30.1—6; 31.9—10).

В противоположность самоуверенной и преисполненной презрения к врагу речи Нарсеса обращение Тотилы к воинам было, по словам Прокопия, проникнуто духом суровой решимости и сознанием того, что предстоящая битва определит не только исход всей войны, но и судьбу остготов и Остготского государства. В своей речи Тотила возлагал большие надежды не только на храбрость своих воинов, но также и на то, что наемники-варвары, служившие в войске Нарсеса, не захотят в решительную минуту жертвовать своей жизнью ради византийского золота (Procop. BG, IV, 30.8—20).

По обычаю тех времен битва началась с поединка между остготским воином, перебежчиком из византийского войска, по имени Кокка и одним из телохранителей Нарсеса Алзалой. Победа досталась византийцу, и Кокка пал, сраженный копьем своего противника (Procop. BG, IV, 31.11—16).

Оба войска, разгоряченные зрелищем этого поединка, уже готовы были завязать сражение, но в это время Тотила в роскошной пурпурной, украшенной золотом одежде выехал между двумя армиями и на глазах у врагов стал показывать искусство в верховой езде и владении оружием. Тем самым Тотила хотел задержать начало битвы, ожидая прибытия запоздавшего отряда из 2 тысяч всадников. С этой же целью он даже начал переговоры о перемирии (Procop. BG, IV, 31.17—21). И хотя Нарсес, разгадав его намерения, отверг это предложение, Тотиле все же удалось выиграть время.

А когда с таким нетерпением ожидаемые Тотилой подкреп-

---

[113] Подробное описание битвы при Тагине см. в цит. труде F. Martroye. L'Occident a l'époque Byzantine. Goths et Vandales, p. 527 sq. См. также A. Gaudenzi. La battaglia degli Appennini fra Totila e Narsete. — «Atti e Memorie di Reale Deputatione di Storia Patria di Romagna», III, 2, 1884.

ления, наконец, прибыли, остготский король смело повел свою конницу в атаку на византийскую армию. Началось ожесточенное сражение, ставшее роковым как для самого Тотилы, так и для дела всей его жизни.

Нарсес построил свою армию полумесяцем с загнутыми вперед флангами, каждый из которых состоял из четырех тысяч пеших стрелков. В центре Нарсес поместил вспомогательные отряды герулов, гуннов и лангобардов и, не очень полагаясь на их верность, приказал всем спешиться, чтобы лишить их возможности бегства. За левым флангом, которым командовал сам Нарсес, был расположен резерв из полутора тысяч всадников (Procop. BG, IV, 32.5—7). По-видимому, византийское командование предвидело, что готы в соответствии с особенностями своей тактики будут стараться завязать рукопашный бой.

И действительно, основой оперативного замысла Тотилы был стремительный удар конницы по центру построения византийских войск с тем, чтобы, смяв боевой порядок, лишить врага возможности эффективно использовать своих лучников. Поэтому именно конница остготов была выдвинута вперед, а пехоте отводилась явно второстепенная роль. Вполне возможно, что это было вызвано также и тем, что на пехоту Тотила не мог вполне положиться, поскольку она состояла не только из остготов, но и из отрядов, набранных среди италийского населения и перебежчиков из византийской армии.

Битва началась стремительной атакой остготской конницы, попытавшейся прорваться к центру византийского войска [114]. Однако эта атака, несмотря на всю ее стремительность и ожесточенность, не принесла победы войскам Тотилы, ибо всадники попали под фланговый обстрел византийских лучников. Неся большие потери, остготская конница начала в беспорядке отступать и увлекла за собой стоящую позади пехоту. Поражение армии Тотилы довершило неожиданное появление из засады тех отрядов византийской кавалерии, которые были сосредоточены Нарсесом в резерве за левым флангом. Попытки Тотилы, Тейи и других остготских военачальников восстановить боевые порядки своих войск, хотя и позволили остготам сопротивляться до позднего вечера, однако исправить положения уже не могли.

---

[114] Прокопий утверждает, что Тотила перед началом сражения опрометчиво (Procop. BG, IV, 32.6—7) запретил всем готам пользоваться каким бы то ни было метательным оружием. Если такой приказ и был отдан, то он отнюдь не был «роковой ошибкой» остготского короля, ибо свидетельствовал только о том, что Тотила, правильно учитывая свои возможности, ставил ставку на рукопашный бой, в условиях которого, как нам уже приходилось говорить, остготы в наибольшей степени могли бы проявить свое военное искусство.

К ночи все было кончено. Более 6 тысяч воинов Тотилы пало на поле сражения, многие, сдавшиеся в плен, были перебиты врагами. Большое число и византийских солдат-перебежчиков, перешедших ранее на сторону Тотилы, теперь сложило свои головы в борьбе с империей. Остальные же остготские воины, которым удалось уцелеть от жестокой расправы, искали спасения в бегстве (Procop. BG, IV, 32.20—21).

В сражении при Busta Gallorum трагическая судьба постигла и самого Тотилу. Смертельно раненый в кровопролитной схватке, он искал убежище в местечке Капры (Capgae, *Κάπραι*, ныне Капрара, Capraga), где, истекая кровью, умер спустя несколько часов после окончания битвы [115].

Ненависть византийцев к Тотиле и страх перед ним были столь велики, что, узнав о гибели Тотилы, некоторые из них решили лично удостовериться в правильности этого известия. Они прибыли в Капры, где Тотила был похоронен своими друзьями, разрыли его могилу, выкопали труп и, убедившись, что это действительно останки Тотилы, похоронили его вновь. С великой радостью они сообщили о гибели Тотилы своему полководцу Нарсесу (Procop. BG, IV, 32. 31—33).

По словам некоторых хронистов (Малалы, Феофана и Ландольфа), Нарсес, торжествуя победу над опасным врагом империи, отправил в Константинополь окровавленные одежды Тотилы и знаки его королевского достоинства. Ландольф не жалеет красок при описании этого события: «Когда готы почти все были перебиты, Нарсес убил короля Тотилу, который царствовал уже свыше 10 лет; окровавленные же его одежды и корона, украшенная драгоценными камнями, были отосланы в царственный град (Константинополь) и брошены к ногам императора в присутствии сената». Другой хронист Виктор Тоненский добавляет, что Нарсес захватил все богатства этого остготского короля (omnes eius divitias tollit).

Деятельность Тотилы оставила значительный след в истории Италии VI в., а его образ привлекал как современных ему

---

[115] Прокопий приводит две версии гибели Тотилы. Первая версия, скорее всего, была создана победителями для унижения ненавистного им вождя остготов. Согласно этой версии, Тотила бежал с поля сражения и уже во время бегства получил смертельную рану от преследовавшего его гепида (Procop. BG, IV, 32.22—33). По другой версии, Тотила умер от ран, полученных им во время сражения (ibid., IV, 32. 34—35). О разгроме армии Тотилы при Тагине и о гибели в этом сражении самого остготского короля сообщают многие другие источники. См. Lib. Pont. V. Vigil., 8; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 23. Hydat. Lemici, p. 36; Vict. Tonnen., a. 554; Mar. Avent., a. 553; Isidor. Junioris. Chron., p. 476; Malal., p. 486; Auct. Prosp. Havn., extr. 3; Cons. Ital., p. 337; Agn., 62; Theophan., I, 228; Landolf., XVIII, 19. О местонахождении местечка Капры см. J. B. Bury. History..., t. II, p. 291.

писателей и хронистов, так и историков более позднего времени. В зависимости от своих политических убеждений и национальных интересов одни восхваляли его, другие поносили, но мало кто мог оставаться к нему равнодушным.

В чем же была притягательная сила этого вождя варварских дружин, воспоминания о котором на несколько столетий пережили его самого? Она крылась в его личном обаянии, доблести и отваге, в его незаурядном полководческом таланте. Его ранняя и столь трагическая гибель также способствовала созданию вокруг него ореола героя, отдавшего жизнь за спасение государства остготов. Образ Тотилы особенно импонировал некоторым националистически настроенным немецким ученым, видевшим в нем идеал вождя германского племени [116].

Другие, более рационалистически мыслящие историки, ценили в Тотиле не только военного вождя, но и прежде всего дальновидного политического деятеля. Они восхваляли Тотилу за его умеренность в отношении римского сената, за его решительность и последовательность в проведении социально-экономических преобразований, во многом обеспечивших его успехи [117].

---

[116] Dr. P. Kampfner. Totila, König der Ostgoten.— Königl. Gymnasium zu Inowrazlaw, Bd. XIX, 1882, S. 1—14; F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. III, S. 319 f; S. Haury. Die letzten Ostgoten. Monaco, 1915; L. Schmidt. Die letzten Ostgoten.— «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-histor. Klasse», 1943, № 10, etc.

[117] Выразителем этой точки зрения был Л. М. Гартман, который дал весьма положительную оценку правления Тотилы и с восхищением описал его героическую борьбу с Восточной Римской империей и его реформаторскую деятельность (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I. Gotha, 1897, S. 296 f.). К этой оценке в целом присоединяется и Э. Штейн. Однако Э. Штейн считает, что историческая роль Тотилы в конечном счете была отрицательной, ибо его деятельность в течение десятилетней изнурительной войны с Византией привела якобы к опустошению Италии, а успехи в этой борьбе оказались эфемерными. Поэтому Э. Штейн полагает, что Тотилу нельзя безоговорочно причислить к выдающимся деятелям всемирной истории. И все же, по мнению Э. Штейна, Тотилу можно в некоторых отношениях сравнивать с Ганнибалом, не рискуя быть смешным. Во всяком случае Э. Штейн признает, что «трудно найти государственного человека после Юлия Цезаря и до Ираклия, который был бы столь прозорлив в экономических и социальных делах, столь смел в выборе средств, столь искусен в их использовании, как Тотила» (E. Stein. Op. cit., t, II, p. 568 sq). Весьма высокую оценку деятельности Тотилы дают и некоторые другие исследователи. См., напр., F. Martroye. Op. cit., p. 415 sq; P. Villari. Le invasioni barbariche in Italia. Milano, 1901, p. 216 sg.; T. Hodgkin. Italy and her invaders. Oxford, 1916; G. Romano, A. Solmi. Le dominazioni barbariche in Italia. Milano, 1940, p. 244—250. Даже современный панегирист Велисария французский генерал Л. М. Шассен признает, что Велисарий имел в лице Тотилы достойного противника (L. M. Schassin. Bélisaire, généralissime byzantin, 1957, p. 169 sq.).

Третьи, наконец, отбрасывали все положительное в деятельности Тотилы и рисовали его образ лишь черной краской. Они изображали Тотилу злобным и коварным варваром, разрушителем римской культуры, одинаково беспощадным как к врагам, так и к подданным. Эти историки тщательно выискивали все промахи и ошибки Тотилы, всячески стараясь принизить его полководческий талант [118].

В этом разноречивом хоре звучит немало фальшивых нот, немало преувеличений как в излишнем восхвалении Тотилы, так и в неправомерном отрицании его заслуг. Марксистско-ленинская наука применяет иные критерии для оценки исторической роли того или иного политического деятеля.

Признавая одаренность Тотилы, его незаурядный талант полководца и трезвый ум политика, мы в то же время считаем, что не только и не столько эти личные качества выдвинули Тотилу на одно из видных мест среди полководцев и политических деятелей VI в. Личной храбростью, полководческим талантом и политической дальновидностью были одарены и многие другие военачальники и правители того времени.

Историческая роль Тотилы, на наш взгляд, состоит в том, что он, будучи сыном своего века и своего класса, все же в отличие от других остготских правителей искал пути для сближения с широкими слоями италийского населения и на определенном этапе своей деятельности не только допускал, но и содействовал социально-экономическим преобразованиям, объективно нанесшим удар по отживающим рабовладельческим отношениям. Вместе с тем привлекая рабов и колонов в свою армию, облегчая налоговый гнет для земледельцев и жителей городов, Тотила и его сподвижники временно улучшали положение довольно широких слоев населения Италии.

Конечно, нет сомнения в том, что, проводя социально-экономические преобразования, остготская знать и ее ставленник Тотила отнюдь не помышляли о создании нового общественного строя, об окончательном искоренении института рабовладения,

---

[118] См. J. B. Bury. History..., vol. II, p. 268 f. Дж. Бьюри восстает против признания гуманности Тотилы, хотя бы и относительной, которую не отрицает даже Прокопий (Procop. BG, III, 5.19; 20.25; 21.1,6—11 и 17; 36.25 и 28) и автор «Жизнеописания Вигилия» (Lib. Pont. V. Vigil., 7). Используя другие места труда Прокопия (Procop. BG, III, 6.26; 10.19—22; 12.19; 15.14—16; 20.24; 26.26—28; 30.20) и легендарную церковную традицию, нашедшую отражение в диалогах папы Григория I (Greg. I. Dial., I,2; II, 15; 31; III, 18), Дж. Бьюри рисует Тотилу коварным и жестоким варваром, свирепость которого не знала пределов. Подобная отрицательная оценка правления Тотилы характерна и для других историков, главным образом романистической школы. См., например, O. Bertolini. Roma di fronte a Bisantio e ai Longobardi. Bologna, 1941, p. 179 sg.

о полном освобождении угнетенных народных масс. Зачастую они лишь были вынуждены законодательным путем оформить те прогрессивные сдвиги в сфере социально-экономических отношений, которые происходили в это время в стране. И все же, поддерживая то новое, передовое, что рождалось в обществе того времени, Тотила и его соратники объективно, независимо от их воли, всей своей деятельностью расчищали путь для дальнейшего развития в Италии более прогрессивного социально-экономического строя — феодализма. В этом мы прежде всего и видим историческое значение правления Тотилы. Именно благодаря этому имя Тотилы вошло в историю среди имен наиболее выдающихся политических деятелей раннего средневековья.

Вместе с тем, мы далеки от идеализации Тотилы, от попыток изобразить его бескорыстным покровителем угнетенных, «народным королем», а его социально-экономические преобразования некоей революцией [119]. И дело, конечно, не столько в его личных слабостях и недостатках, сколько в классовой ограниченности его политики. Проводя социально-экономические реформы, Тотила исходил отнюдь не из гуманных идеалов заботы о благе народа, а из вполне реальных политических интересов своего класса.

В исторической обстановке, создавшейся к началу второго периода войны, остготская знать, выдвинувшая Тотилу, и он сам вынуждены были ценой некоторых уступок искать поддержки у народных масс, ибо лишь эта поддержка могла обеспечить им успех в борьбе с таким опасным и грозным врагом, как Восточная Римская империя. В тяжелой войне решались судьбы Остготского государства, и Тотила искал временного союза с народными массами во имя сохранения в Италии господства остготской знати. При этом правительство Тотилы никогда не забывало об интересах остготской знати и шло на уступки в пользу широких масс населения преимущественно за счет *римской* аристократии, да и в этой политике оно проявляло немало непоследовательности и колебаний.

Нельзя отрицать также и того, что Тотила в течение своего десятилетнего правления совершил немало неоправданных жестокостей и серьезных ошибок как военно-стратегического, так и политического характера. Не приходится, конечно, удивляться и тому, что Тотила,— этот, с точки зрения римских писателей, «грубый и жестокий варвар», — оставался

---

[119] Подобную точку зрения выдвигает Э. Штейн, который характеризует социально-экономические преобразования Тотилы как экономическую революцию. Анализ реформ Тотилы Э. Штейн заключает следующей их оценкой: «В общем никогда в Италии не было произведено экономической революции подобного размаха» (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 571).

варваром до конца своих дней и что римская культура коснулась его лишь в незначительной степени.

Таким образом, сложная и противоречивая фигура Тотилы, имевшего и сильные и слабые стороны, была рождена бурной эпохой крушения рабовладельческого мира и формирования нового, феодального общества и несла в себе отражение противоречий своего времени.

Трагическая гибель такого талантливого полководца и выдающегося политического деятеля, как Тотила, была тяжким ударом для остготов и всех, кто их поддерживал. Однако потеря вождя не сломила сопротивления противников империи. Спасшиеся от расправы воины Тотилы вновь стали собираться в Северной Италии близ города Тичин. Область за рекой По опять, как и раньше, стала центром возрождения разбитой остготской армии. Собравшиеся здесь остготы провозгласили своим королем храброго сподвижника Тотилы, совсем еще молодого, но талантливого военачальника Тейю (Procop. BG, IV, 33.6—7; Mar. Avent., a. 553; Agn.,62).

Тейя с большой энергией тотчас приступил к созданию новой остготской армии и стал собирать под свои знамена противников империи. Часть богатств Тотилы, которые сохранились и попали в руки его преемника, он решил употребить на подкуп франков и привлечение новых союзников (Procop. BG, IV, 33.7). Таким образом, несмотря на поражение под Busta Gallorum, остготы не сложили оружия и вновь стали собирать силы для новой схватки. Борьба в Италии продолжалась. Это скоро хорошо поняли и сами византийцы.

Когда первое опьянение победой несколько прошло, Нарсес ясно увидел, что, хотя врагу нанесен тяжкий удар и «Погребальные поля галлов» стали местом гибели многих готов, однако противники империи еще не разбиты окончательно и византийцам необходимо срочно принять самые энергичные меры для закрепления своих успехов.

Первоначально план Нарсеса состоял в том, чтобы занять всю Венетию, закрепиться в ней и создать там плацдарм для наступления на остготов в Лигурии. Но когда византийские войска окружили и стали осаждать крупный центр Венетии город Верону, они неожиданно для Нарсеса встретили противодействие франков, которые, чувствуя себя господами в этой области, не желали пускать туда византийцев. Нарсес, не собираясь ввязываться в войну с франками, покуда еще не было покончено с остготами, принужден был снять осаду Вероны и отступить к югу (Procop. BG, IV, 33.3—5).

Он двинулся к Риму, так как хорошо понимал политическое значение этого города. По дороге византийские войска без особого труда овладели крепостями Нарнией и Спеленцием

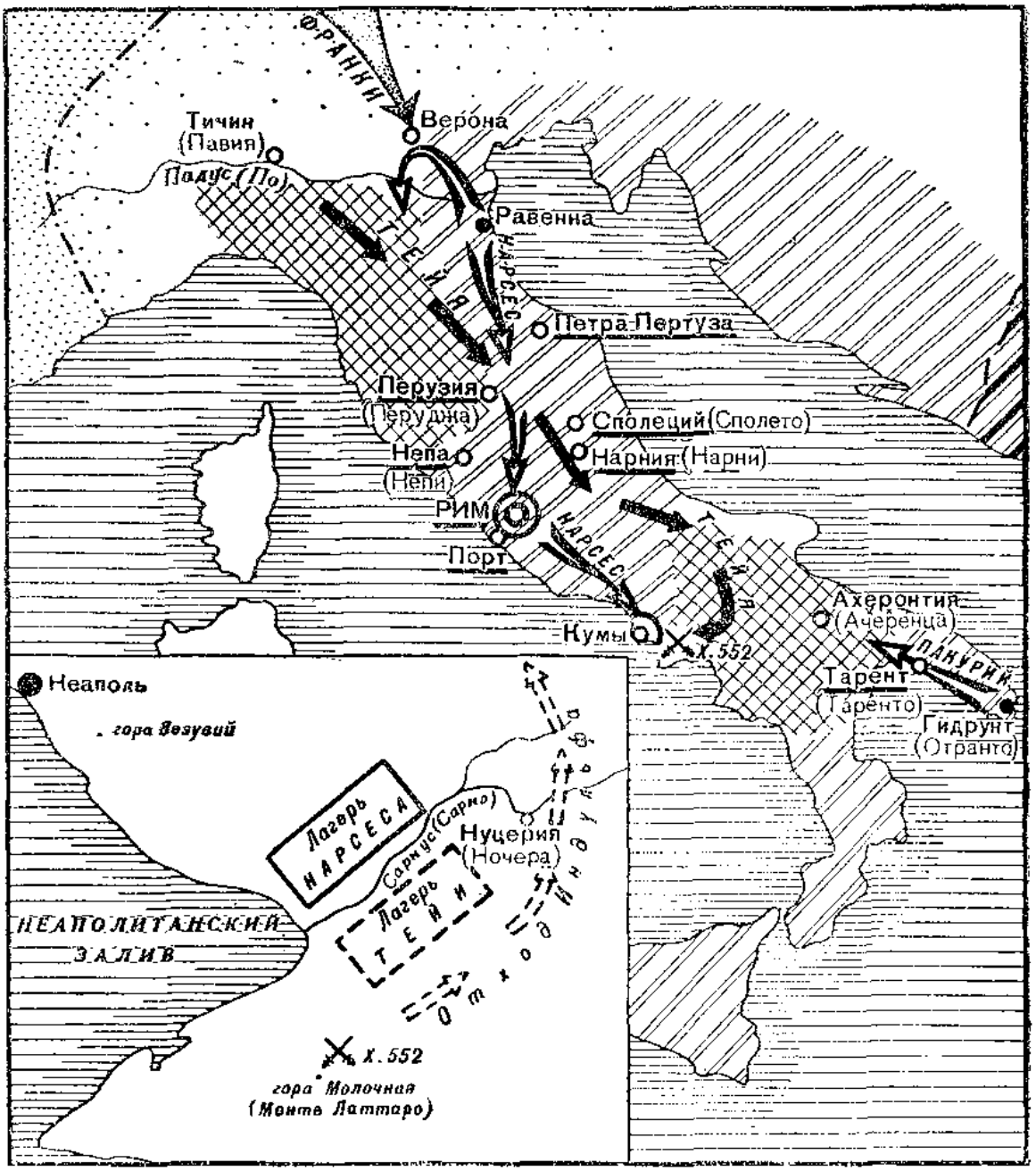


Схема 20. Действия войск Нарсеса и Тейи (552 г.)
Условные знаки см. на стр. 14.

и подошли к Перузии (Прокоп. BG, IV, 33.8—10). В это время в Перузии, как и во многих других городах Италии, вспыхнула ожесточенная внутренняя борьба между сторонниками и противниками империи. Во главе гарнизона этой крепости стояли два перебежчика из византийской армии Мелигидий и Улиф [120]. После начала осады Улиф сохранил верность

[120] Улиф, как мы рассказывали выше, был телохранителем византийского военачальника Киприана и, пытаясь сдать Перузию Тотиле, убил своего командира (Прокоп. BG, III, 12.19).

остготам, а Мелигидий, склоненный щедрыми обещаниями Нарсеса, заключил тайное соглашение с византийцами, намереваясь сдать им крепость и тем спасти жизнь себе и своим сторонникам. Узнав о заговоре Мелигидия, Улиф со своими солдатами поднял против него восстание. Однако сторонники остготов, раскрывшие заговор Мелигидия, потерпели поражение и были перебиты заговорщиками, которые затем сдали Перузию византийцам (Procop. BG, IV, 33.10—12).

Недолго длилась на этот раз и осада Рима. Немногочисленный остготский гарнизон не мог защищать обширные укрепления, и византийцам удалось скоро проникнуть в город в том месте, где его стены не охранялись. Первым в город ворвался отряд Дагисфея, а затем на штурм двинулась основная часть войск Нарсеса. Остготы засели в мавзолее Адриана, превращенном в крепость еще при Тотиле. Однако голод принудил их начать переговоры с Нарсесом и, получив заверения, что всем им будет сохранена жизнь, готы сложили оружие. Византийцы полностью овладели городом. В знак победы Нарсес, как и его предшественник Велисарий, торжественно отослал ключи от ворот Рима Юстиниану [121]. Так Рим в пятый раз в течение войны Византии с остготами был осажден и взят чужеземными войсками. Но теперь византийцы прочно овладели городом и оставались его хозяевами в течение двух столетий.

Во время боев тяжело пострадало население города, особенно простые граждане, ибо они подвергались нападениям и насилиям со стороны солдат как той, так и другой армии. Даже Прокопий вынужден признать, что «варвары, служившие в римском войске, обращались, как с врагами, со всеми, с кем они встречались при своем вступлении в город» (Procop. BG, IV,34.4). Такие же бесчинства по отношению к мирному населению Италии допускали, конечно, византийские наемники и в других местах. Недаром Нарсес, стремясь не повторить ошибок своих предшественников и вновь из-за бесчинств солдат не оттолкнуть от империи население Италии, не только отослал из Италии лангобардов, но и приказал военачальнику Валериану и своему племяннику Дамиану отправиться с ними до границ государства и следить за тем, чтобы во время обратного похода они не причиняли насилий жителям (Procop. BG, IV, 33.2).

В то же время, поскольку стало ясно, что борьба остготов с византийцами вступила в последнюю фазу и достигла наивысшего напряжения, то и противники империи не останавли-

---

[121] Procop. BG, IV, 33.13—27; Agn., 62; Pauli Diac. Hist. Rom., XVI, 23; Lib. Pont. V. Vigil., 8; Mal., p. 486; Theophan., I, 228.

вались перед самыми жестокими мерами по отношению к врагам. Так, когда после взятия Нарсесом Рима римские сенаторы, поселенные Тотилой в Кампании, ликуя по поводу победы византийцев, пожелали возвратиться в Рим, по дороге все они были беспощадно перебиты остготами (Procop. BG, IV, 34.2—6). К этому же времени относится и казнь по приказу Тейи тех 300 юношей из знатных семей Италии, которые были взяты Тотилой в качестве заложников перед битвой при Тагине. Надо думать, что эти суровые меры нового остготского правителя были вызваны как усилившимся в результате поражений ожесточением остготов, так и тем, что сама римская знать, узнав о победе византийцев и ненавидя остготов и «бунтовавшую чернь», стала еще более активно действовать против них. Это, следовательно, были не только акты мести со стороны остготов, но и меры устрашения римской и италийской знати, вновь поднявшей голову в борьбе против остготов в различных городах Италии [122].

В этот же период наметилось известное, впрочем кратковременное и неполное, сплочение различных групп остготской знати вокруг правительства Тейи. Некоторые готские военачальники, раньше из-за несогласия с политикой Тотилы или просто из корыстных побуждений вступившие в переговоры с византийцами о сдаче тех или иных городов, прервали переговоры и отказались от своих обещаний. Так поступил, например, Рагнарис, командир остготского гарнизона в Таренте [123]. По-видимому, готская знать поняла, что в этот период ее привилегированному положению не столько грозили народные движения, сколько новые завоеватели, поэтому она и решилась вновь на борьбу против византийцев. Рагнарису, впрочем, не удалось добиться каких-либо успехов. В результате неудачной вылазки он потерял Тарент, и ему пришлось бежать с горсткой уцелевших воинов в крепость Ахеронтию, еще оставшуюся в руках остготов.

Между тем византийцы продолжали планомерное завоевание Средней Италии. Они захватили Порт и ряд других городов, в том числе такие прекрасно укрепленные пункты, как Петра Пертуза, Непа (Непи) и некоторые другие (Procop. BG, IV, 34.16). Перед лицом реальной угрозы окончательной

---

[122] По мнению Э. Штейна, гибель римских сенаторов и знатных юношей-заложников является одной из самых тяжелых жертв Италии за всю эту войну (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 601—602). При этом примечательно, что гибель трудового населения Рима, также весьма пострадавшего в этот период войны, Э. Штейн отнюдь не оплакивает.

[123] Procop. BG, IV, 34.9—15. О Рагнарисе см. ibid., IV, 26.4. Прокопий считает Рагнариса готом, однако Агафий называет его гупном из племени витторов (Agath., II, 13).

потери всей Италии остготское правительство вновь отправило послов к франкскому королю Теодебальду и, суля ему огромные сокровища, предлагало совместно начать военные действия против византийцев. Однако и на этот раз посольство остготов успеха не имело (Procop. BG, IV, 34.17—18).

В это время Нарсес, оставив гарнизоны в захваченных византийцами крепостях Тусции, двинул свои войска в Кампанию и начал осаду Кум, оборону которых возглавлял младший брат Тейи — Алигерн [124]. Узнав об этом, Тейя поспешил на помощь к осажденному в Кумах брату, опасаясь за его судьбу и боясь, чтобы в руки византийцев не попала та часть сокровищ Тотилы, которая хранилась в этой крепости и которая была крайне необходима остготам для продолжения борьбы.

Войска Тейи вступили в Южную Италию примерно в том районе, куда за десять лет до этого прорвался Тотила. Едва ли у Тотилы тогда было больше воинов, чем у Тейи, и уже во всяком случае в 542 г. у Тотилы не было на юге полуострова ни одного укрепленного пункта, в то время как во второй половине 552 г. остготы владели там рядом городов, в гарнизонах которых насчитывалось не одна тысяча воинов. Но активная поддержка широких слоев местного населения дала тогда Тотиле возможность в несколько месяцев стать хозяином всего юга Италии. Теперь же, в 552 г., этой поддержки уже не было, и Тейя вынужден был перейти к обороне, даже не подойдя вплотную к византийским войскам, осаждавшим Кумы. Он занял прекрасно укрепленную позицию близ города Нуцерии (ныне Ночера), к югу от Везувия, на левом берегу реки Сарн (Сарно). Противоположный берег той же реки занял Нарсес (Procop. BG, IV, 34.24; 35.1—7).

Около двух месяцев обе армии стояли лицом к лицу, разделенные лишь водами Сарно. Они не вступали в сражение, а ограничивались мелкими стычками. Остготы всеми силами оттягивали решительное столкновение, пока могли подвозить продовольствие морем. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что их лагерь был расположен недалеко от моря. Тейя, видимо, надеялся, что к ним на помощь прибудут новые отряды остготов из близлежащих областей Италии. Византийцы же, имея несомненное численное превосходство, были недовольны затяжкой и всячески стремились вынудить остготов покинуть укрепленный лагерь. С этой целью византийское ко-

---

[124] Procop. BG, IV, 34, 19—20. Прокопий утверждает, что обороной Кум руководил брат Тотилы, однако, по словам Агафия, это был Алигерн, младший брат Тейи (Agath., I, 8; ср. Agath., I, 20). Дж. Бьюри ошибается (J. B. Bury. History..., vol. II, p. 271), отдавая предпочтение версии Прокопия. См. O. Körbs. Untersuchungen..., S. 94 f.

мандование решило прежде всего помешать подвозу продовольствия войскам Тейи. Оно подкупило командира остготского флота, не пожалев, видимо, для этого больших средств и щедрых обещаний, и тот помог византийцам захватить корабли остготов.

Это был тяжкий удар для армии Тейи, удар предательски нанесенный в спину. Измена командира флота показывает нам, что даже в этот трагический момент истории Остготского государства, когда решалась судьба всей войны против империи, некоторые представители высшей остготской знати вновь заняли предательскую позицию. Успеху византийцев на море способствовало и то, что к ним прибыло из Сицилии и из других мест империи большое число военных кораблей (Procop. BG, IV, 35.12—13).

Лишившись подвоза продовольствия, войска Тейи принуждены были покинуть свой лагерь и удалиться на так называемую Молочную гору (Mons Lactarius, Γάλακτος Ὄρος, ныне Монте Латтаро), расположенную в нескольких километрах к югу от реки Сарно (Procop. BG, IV, 35.15). Здесь на склонах горы они заняли казалось бы совершенно неприступную позицию. Но уже скоро они стали сильно страдать от голода. Находясь в критическом положении, войска Тейи с храбростью отчаяния, предпочитая гибель в бою мучительной смерти от голода, решили внезапно атаковать императорскую армию.

В октябре 552 г.[125] у подножия Молочной горы произошла знаменитая битва, принадлежащая к наиболее героическим страницам истории войны в Италии и окончательно решившая судьбу Остготского государства. Даже Прокопий принужден признать беспримерный героизм и необычайное мужество, проявленные воинами Тейи во время этой битвы. «Готов воодушевляло отчаяние, римляне же стыдились уступить более малочисленным противникам и выдерживали их натиск. Те и другие с яростью устремлялись друг на друга; одни искали смерти, другие — славы» (Procop. BG, IV, 35.21).

Сам Тейя проявил в этой битве доблесть, не уступающую, по словам Прокопия, доблести ни одного из прославленных героев. В течение нескольких часов он находился в самом центре боя; закрывшись щитом, принимал на него удары копий и, внезапно нападая на врагов, многих из них убил. Но

---

[125] Дату битвы при Молочной горе приводит Агнелл. Он пишет по этому поводу следующее: «В это время произошла битва между готами и солдатами армии Нарсеса в октябрьские календы в Кампании, и готы были разбиты, и много готов было изрублено, и король готов Тейя был убит Нарсесом» (Agn., 79). Э. Штейн полагает, что Агнелл мог допустить ошибку, и вместо «календы октября», быть может, следует читать «календы ноября» (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 604, n. 1).

бой был неравным,и Тейя пал,сраженный ударом вражеского дротика (Procop. BG, IV, 35.20; 24 и 26—29). Византийцы в надежде, что гибель вождя заставит противников сложить оружие, захватили труп Тейи, отрубили ему голову и, насадив ее на пику, показывали сражавшимся воинам. Они были уверены, что известие о смерти Тейи придаст византийским воинам еще большую храбрость, а их противников приведет в отчаяние и заставит прекратит войну (Procop. BG, IV, 35.30).

Однако остготы и после гибели своего вождя продолжали героически сражаться до позднего вечера. Более того, на следующий день битва возобновилась и вновь длилась до самой ночи. По словам Прокопия, обе армии не отступали ни на шаг, хотя и с той и с другой стороны было много убитых; «готы знали, что они сражаются в последний раз, римляне считали для себя недостойным оказаться слабее их» (Procop. BG, IV, 35.32). Однако перевес сил был на стороне византийцев, и остготы принуждены были начать переговоры с Нарсесом. Готы соглашались сложить оружие при условии, что им будет разрешено покинуть пределы Италии и сохранить имущество, приобретенное во время этой войны (Procop. BG, IV, 35.33).

Героизм воинов армии Тейи был оценен даже их врагами. Нарсес согласился прекратить страшное кровопролитие и сохранить жизнь и имущество оставшимся в живых. Всем желающим было разрешено покинуть Италию. Византийцы лишь потребовали, чтобы остготы дали обязательство никогда больше не вести войн против империи. «И вот,— пишет Прокопий,— около тысячи готов удалились из лагеря в город Тичин и в область за рекой По» (Procop. BG, IV, 35.37). Во главе их находился Индульф, перебежчик из византийской армии. Остальным же, согласившимся стать подданными византийского императора, Нарсес позволил беспрепятственно жить на своих землях. «И одни из них,— говорит Агафий,— жившие раньше южнее реки По, отправились в Тусцию и Лигурию и куда кто захотел, другие же, переправившись на ту сторону, расселились, как и раньше, по Венетии около тамошних укреплений и городов» (Agath., I, 1).

Поражение армии Тейи, как и поражение Тотилы, нашло широкий отклик по всей Италии и было отмечено многими летописцами [126].

---

[126] Помимо уже цитированных сочинений Прокопия и Агафия, см.: Agn., 79; Mar. Avent., a. 554,568.Ср. H. Delbrück. Op. cit. Bd. II,S. 387—392; O. Körbs. Untersuchungen..., S. 80—84, 87, 91—97; J. B. Bury. History..., vol. II, p. 271—274;L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. II, S. 337 f; E. Stein. Op. cit.,t. II, p. 603—604.

И действительно, реальные последствия этих событий, как в военно-стратегическом, так особенно в политическом отношении были весьма значительными. С военно-стратегической точки зрения разгром основных сил остготов и их союзников привел к тому, что остготская армия как крупная боевая единица фактически перестала существовать и, если остготы в дальнейшем и продолжали военные действия, то вели их лишь отдельными разрозненными отрядами. В последующие годы остготам так и не удалось полностью оправиться от этого удара и возродить свою армию. Все это развязало руки византийцам для дальнейшего завоевания крепостей и городов Италии, еще занятых остготскими гарнизонами.

С политической точки зрения поражение остготских войск при Busta Gallorum и Mons Lactarius по существу знаменовало собой конец существования независимого Остготского государства на Апеннинском полуострове. Все дальнейшие попытки остготов восстановить свое государство в Италии оказались тщетными. Им так и не удалось объединить силы противников империи, создать единый центр управления и военного командования, избрать короля или общего вождя, который возглавил бы военные действия. Приходится лишь удивляться стойкости остготов и их союзников из местного населения, которые, несмотря на разгром их армии и явный перевес сил противника, еще в течение ряда лет продолжали упорную борьбу против империи.

§ 5. Последние годы войны в Италии. Вторжение франков и алеманнов и разгром их войсками Нарсеса

После заключения соглашения между Нарсесом и остатками разбитой у Молочной горы армии Тейи византийцы надеялись, что и все другие готы откажутся от продолжения борьбы. «Всем казалось,— писал Агафий Миринейский [127],— что все войны в Италии кончились» (A g a t h., I, 1).

Однако этим надеждам еще не суждено было осуществиться, и, как показали последующие события, поражение Тотилы и Тейи явилось не финалом войны в Италии, а лишь прелюдией к новым битвам. Противники империи, несмотря на поражения, не пали духом и, согласно рассказу того же Агафия, «переждав очень короткое время, снова захотели перемен и начали сеять семена новой войны» (A g a t h., I, 1). Инициатива организации

[127] Для этого периода войны остготов и византийцев в Италии Агафий Миринейский наряду с Павлом Диаконом является одним из лучших и наиболее достоверных источников: продолжая труд Прокопия, Агафий сообщает весьма ценные сведения о заключительном периоде борьбы византийцев за Италию.

сопротивления византийцам и на этот раз, как и в предшествующее время, вновь исходила от той части остготов, которые заселяли области севернее реки По.

Наученные горьким опытом предшествующих поражений, сознавая свою слабость и невозможность одним бороться против многочисленной византийской армии, остготы опять возвратились к идее заключения военного союза с франками, рассматривая этот союз, как последнюю надежду на спасение. Они отправили новое посольство к франкскому королю Теодебальду и убеждали его, не медля ни одного дня, поднять оружие против византийцев. Послы остготов говорили правителям франков, что если те не окажут им помощи, то весь их народ, родственный и дружественный франкскому народу, будет поставлен перед угрозой окончательной гибели. Приводя различные аргументы в пользу войны с империей, они особенно подчеркивали то обстоятельство, что для самих франков крайне опасно усиление византийцев в Италии, ибо за истреблением остготов последует нападение императорских войск на франкские земли. Завоевав Италию, Юстиниан, говорили послы, конечно, пожелает подчинить себе и Галлию, также бывшую некогда провинцией империи. При этом «у византийцев не будет недостатка в законных поводах для прикрытия своей жадности... Поэтому они будут прикидываться не насильниками, а ведущими справедливую войну, не ищущими чужого, но возвращающими владения своих предков». Послы убеждали франков предупредить грозящее им нападение византийцев и самим в союзе с остготами двинуть войска против армии Нарсеса, изгнать византийцев из Италии и возвратить остготам потерянные земли. В случае победы над общим врагом остготы обещали всегда сохранять мир с франками и быть для них добрыми соседями. Остготские послы соблазняли франкского короля и его приближенных заманчивой перспективой захвата в Италии богатейшей добычи и, кроме того, обещали щедро заплатить за их помощь (A g a t h., I, 5).

На этот раз посольство остготов имело некоторый успех. Правители франков сочли, видимо, что настал, наконец, момент, когда они могут, воспользовавшись ослаблением обеих воюющих сторон, вмешаться в дела Италии и попытаться подчинить своей власти эту страну.

На первых порах, однако, король Теодебальд (по словам Агафия, юноша трусливый и больной) проявил известную осторожность и не решился открыто объявить войну Восточной Римской империи. Он ограничился посылкой в Италию двух больших воинских отрядов под командованием братьев Левтариса и Бутилина. Официально Левтарис и Бутилин, родом алеманны, начиная поход в Италию, действовали якобы на

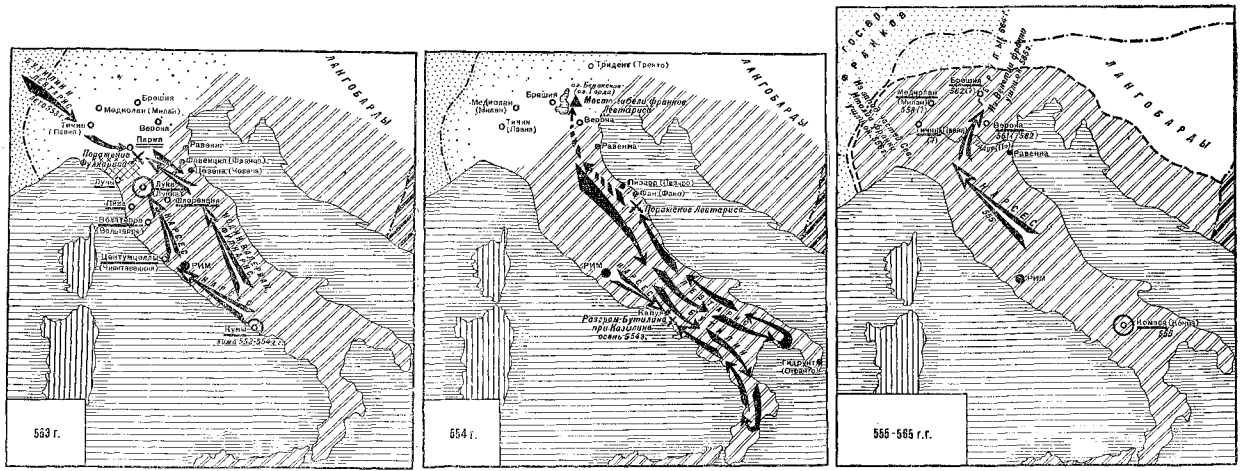


Схема 21. Борьба за Италию в 553–565 гг.

свой страх и риск и даже вопреки желанию короля Теодебальда (A g a t h., I, 6). Однако Павел Диакон, хорошо осведомленный о делах франков, считает, что инициатива похода франкских и алеманнских войск в Италию исходила от самого Теодебальда. Это подтверждается, в частности, тем, что Бутилин впоследствии отсылал часть добычи, захваченной в Италии, королю (P a u l i D i a c. Hist. Lang., II, 2). Во всяком случае Теодебальд, хотя, быть может, и не дал послам остготов никаких официальных обещаний начать войну с византийцами, но фактически молчаливо согласился на вторжение полчищ Бутилина и Левтариса в Италию, рассчитывая извлечь из этого большие выгоды: этот поход, по замыслу франкских правителей, должен был проложить путь для окончательного завоевания Апеннинского полуострова войсками франкского короля.

Выбор Бутилина в качестве одного из вождей похода не был простой случайностью, ибо он еще при жизни франкского короля Теодеберта участвовал в завоевании франками Венетии и был знаком с обстановкой в Италии [128]. По данным Агафия, возможно, преувеличенным, предприимчивым вождям в короткий срок удалось собрать большое войско в 75 тысяч воинов, состоящее преимущественно из франков и алеманнов. «Они полагали,— пишет Агафий,— что Нарсес не выдержит даже первого их натиска, что вся Италия вместе с Сицилией станет их достоянием» (A g a t h., I, 7). Заранее торжествуя победу, войска Левтариса и Бутилина двинулись весной 553 г. в Италию и вскоре появились в долине реки По.

Над Италией вновь нависла грозная опасность. В то время как новые полчища варваров готовы были лавиной обрушиться на Апеннинский полуостров, в самой Италии продолжалась борьба между последними противниками империи и византийским полководцем Нарсесом. Остготы еще продолжали владеть не только почти всеми землями к северу от реки По, но также и рядом городов в Средней и Южной Италии (A g a t h., I, 8—9).

Самой неотложной задачей для византийских войск в этот момент являлся захват важнейшего опорного пункта остготов в Кампании, крепости Кум [129]. Эта крепость была для византийцев весьма лакомой добычей, особенно потому, что остготские короли Тотила и Тейя хранили в ней свои сокровища (P r o c o p. BG, IV, 34.19; A g a t h., I, 8). Однако остготские войска, собранные в этой крепости Алигерном, отнюдь не желали сдавать Кумы неприятелю, надеясь, что защищенная

[128] P a u l i D i a c. Hist. Lang., II, 2; G r e g. T u r. Hist. Franc. III, 32.

[129] A g a t h., I, 8. Осада Кум началась еще в конце июля 552 г. (см. O. K ö r b s. Untersuchungen..., S. 86).

природой и крепкими стенами крепость, к тому же снабженная в изобилии продовольствием, сможет выдержать длительную осаду (Agath., I, 8).

Надежды остготов вполне оправдались. Даже подкоп, устроенный византийцами под одной из стен крепости, не принес им желаемого успеха (Agath., I, 10). Армия Нарсеса еще была занята осадой Кум, когда войска франков и алеманнов уже проникли в Северную Италию (Agath., I, 11).

Стремясь задержать движение новых врагов в глубь страны, Нарсес разделил свою армию на три части. Самому многочисленному и наиболее сильному отряду под командованием вождя герулов Фулкариса и византийских военачальников Иоанна, Валериана и Артабана, он приказал, заняв укрепленные позиции на берегу реки По, задержать врагов и воспрепятствовать их наступлению в восточном направлении. Другой отряд Нарсес оставил под стенами Кум с тем, чтобы он продолжал блокаду крепости и попытался взять ее измором. Сам же наместник со всей остальной армией спешно двинулся в Тусцию с целью занять эту область до прибытия войск Левтариса и Бутилина и сломить последнее сопротивление находившихся здесь остготов и их союзников [130].

Первоначально продвижение армии Нарсеса было весьма успешным. Византийские войска без особого труда овладели такими крупными городами Тусции, как Флоренция, Пиза, Центумцеллы, Волатерра (Вольтерра) и Луна (в юго-восточной части современной провинции Специи). К моменту прибытия византийских войск в этих городах, по-видимому, так же как и в других местах Италии, происходила внутренняя борьба между сторонниками и противниками империи. Известие о приближении многочисленной и хорошо вооруженной армии Нарсеса привело к тому, что в этой борьбе перевес получили союзники Византии, которые и заставили жителей крупнейших городских центров области добровольно капитулировать, получив от византийцев гарантии сохранения их жизни и их имущества (Agath., I, 11).

Несколько по-иному сложилась обстановка лишь в городе Лука (ныне Лукка): византийские войска внезапно натолкнулись здесь на упорное сопротивление со стороны местного населения, продолжавшееся около трех месяцев. Упорство жителей Луки было для Нарсеса тем более неожиданным, что

---

[130] Agath., I, 11. Когда Нарсес узнал о переходе войск Бутилина и Левтариса через реку По, осада Кум (она началась еще в конце июля 552 г.) длилась уже около года. (Agath., I,14;O. Körbs. Untersuchungen..., S. 86; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 606; M. Ites. Zur Bewertung des Agathias, BZ, Bd. 26, 1926, S. 281).

вначале луканцы согласны были сдать город в случае, если в течение 30 дней они не получат помощи извне. При заключении этого договора жители Луки выдали Нарсесу заложников из самых знатных и «благородных» семей своего города. Агафий, правда, утверждает, что, заключая договор с Нарсесом, луканцы тайно надеялись на помощь франков и уже тогда отнюдь не собирались всерьез выполнять условия соглашения.

По-видимому, в осажденном городе, как можно судить по отрывочным данным, содержащимся в труде Агафия, разгорелась ожесточенная борьба между знатью, стоявшей за соглашение с Нарсесом, и остальными горожанами («неразумной толпой», как их называет Агафий), требовавшими продолжать сопротивление византийцам [131]. О борьбе, происходившей внутри города, были осведомлены и осаждавшие. Во всяком случае Нарсес, учитывая, видимо, эту борьбу, придумал хитроумный план использования заложников для воздействия на граждан осажденного города. Первоначально он инсценировал казнь заложников [132], рассчитывая этим зрелищем запугать луканцев. Уловка не удалась, так как вопреки призывам знати «толпа» из средних и беднейших слоев населения, все же настояла на дальнейшей обороне города (Agath., I, 12). Тогда Нарсес отпустил на свободу всех пленников без всякого выкупа, но с условием, что они будут убеждать сограждан сдаться. Их речи,— пишет Агафий,— «в короткий срок должны были сделать больше, чем оружие: заставить замолчать желающих продолжения вражды и принудить многих колеблющихся предпочесть римлян (варварам)» (Agath., I, 13). И, действительно, агитация знатных пленников, отпущенных Нарсесом, подняла дух сторонников империи и во многом способствовала капитуляции Луки.

Таким образом, византийцы всячески стремились использовать внутреннюю социальную и политическую борьбу в городах Тусции, в частности в Луке, с целью привлечь на свою сторону население и подчинить своей власти важнейшие города.

Пока под стенами Луки и внутри осажденного города разыгрывались эти события, византийские войска, посланные в Эмилию для отражения нашествия франков и алеманнов,

---

[131] Agath., I, 12; ср. E. Stein. Op. cit., t. II, p. 606.

[132] По рассказу Агафия, византийские солдаты, вместо того чтобы действительно казнить пленных, отрубив им мечами головы, наносили своим оружием удары по доскам, незаметным для жителей города образом прикрепленным к шеям заложников, а пленные по договоренности с Нарсесом падали на землю и изображали, будто они умирают в страшных мучениях. Детали этого рассказа вызывают некоторые сомнения (см., например, E. Stein. Op. cit., t. II, p. 606, ср. J. B. Bury. History..., vol. II, p. 276). Однако считать его полностью неправдоподобным, по нашему мнению, нет оснований.

неожиданно попали в ловушку, расставленную врагами, и потерпели тяжкое поражение. Основной причиной их неудачи было отсутствие дисциплины и жажда грабежа, царившая в византийских войсках, особенно у наемников-герулов. Отряды византийских войск в Эмилии бесчеловечно грабили местное население, захватывали добычу и опустошали всю округу [133]. Командир отряда герулов Фулкарис, отчаянно храбрый воин, но легкомысленный и безрассудный военачальник, решил совершить набег на город Парму, уже занятый в то время неприятелем, в надежде поживиться там богатой добычей. Однако вождь франков Бутилин, воспользовавшись легкомыслием Фулкариса, не выславшего даже разведчиков, устроил византийским войскам засаду, спрятав своих солдат в амфитеатре, расположенном близ Пармы. Ничего не подозревавшие воины Фулкариса были внезапно окружены и почти все перебиты. Сам вождь герулов поплатился жизнью за свое безрассудство, предпочтя смерть в сражении позору бегства [134].

Поражение войск Фулкариса было особенно опасно для византийцев потому, что оно не только придало новые силы франкам и алеманнам, но и подняло боевой дух разбитых ранее остготов, вселив в них бодрость и новую надежду на успех в борьбе с ненавистной империей. «Ибо готы, — пишет Агафий, — населяющие Эмилию и Лигурию и ближайшие места, раньше заключившие непрочный и неискренний мир и военный союз с римлянами, скорее устрашенные, чем добровольно, теперь немедленно перешли к варварам, будучи связаны с ними общностью нравов и быта» [135].

Теперь повсюду при приближении войск Левтариса и Бутулина открывались ворота городов и крепостей, еще занятых остготами и их союзниками. Остготские воины, охранявшие эти города, охотно принимали сильные франкские гарнизоны и деятельно готовились к новому натиску на войска Нарсеса. Все это заставило Иоанна, Валериана и Артабана, находившихся в Эмилии, отказаться от намерения захватить Парму и спешно отойти к городу Фавенции (Agath., I, 15).

Отступление византийских войск от Пармы к Фавенции, нарушавшее план главнокомандующего, поставило Нарсеса, все еще осаждавшего Луку, в крайне затруднительное поло-

---

[133] Agath., I, 14. Агафий не осуждает византийских солдат за их грабежи, а лишь упрекает их командиров в том, что они совершали грабительские набеги без должной осторожности и без необходимой охраны.

[134] Agath., I, 15. Агафий, прославляя мужество Фулкариса, подчеркивает, что тот не был бы побежден врагами, если бы с храбростью соединял благоразумие.

[135] Agath., I, 15. Возможно, что именно эти события имел в виду Павел Диакон, сообщая, что «против Нарсеса восстали вожди готов Амминг и Видин» (Pauli Diac. Hist. Lang., II, 2).

жение, так как открыло путь полчищам франков и алеманнов в глубь Италии, а следовательно, и в тыл войск самого Нарсеса. Опасность увеличивалась еще и тем, что франки и алеманны, прорвавшись в Среднюю Италию, могли окончательно отрезать друг от друга обе группировки византийских войск, действовавшие в Тусции и Эмилии. Связь с Фавенцией и так уже была значительно затруднена. Отряды варваров свирепствовали даже в южной Эмилии, нападая на италийские деревни. Повсюду, отмечает Агафий, «слышались вопли земледельцев, мычание угоняемых быков, треск при рубке леса» (Agath., I,17).

Нарсес послал в Фавенцию одного из своих приближенных Стефана с приказом Иоанну, Валериану и Артабану немедленно возвратиться к Парме и вновь занять там укрепленные позиции для отражения главных сил франков. Приказ главнокомандующего поверг командиров византийских войск, отступивших от Пармы, в большое замешательство. Дело в том, что в тот момент положение в их армии было весьма напряженным. Среди солдат росло сильное недовольство, вызванное отсутствием провианта и задержкой выплаты жалования. Поэтому византийские командиры, хотя и опасались гнева Нарсеса, никак не могли немедленно выполнить его приказ [136].

Узнав об этом, Стефан тотчас отправился в Равенну и добился приезда к войскам префекта претория Италии Антиоха [137], ведавшего финансами, для уплаты жалования воинам. И лишь после того как требования армии были удовлетворены, войска возвратились на прежние позиции и расположились лагерем близ города Пармы (Agath., I, 18).

Рассказ Агафия убеждает в том, что неудачи императорских войск в Италии весьма часто были обусловлены, с одной стороны, недальновидностью и легкомыслием командиров, с другой же — недовольством солдат из-за невыплаты им жалования и недостатка продовольствия. Прямым следствием были падение дисциплины и мародерство в армии, столь пагубные перед лицом сильного врага. Византийские чиновники во главе с префектом претория Антиохом продолжали творить всяческие беззакония и утаивать продукты и деньги, предназначенные для солдат; поэтому-то и могли возникнуть жалобы воинов на плохое снабжение армии и задержку жалования.

---

[136] Agath., I, 18. Впрочем, не исключена возможность того, что опасаясь гнева своего полководца и особенно гнева императора, византийские военачальники, трусливо бежавшие от стен Пармы и открывшие врагу дорогу в глубь Италии, хотели оправдать свое отступление отсутствием провианта для армии и задержкой выплаты жалования солдатам и поэтому несколько преувеличивали бедственное положение своих войск.

[137] Об Антиохе, префекте претория Италии, имеются упоминания и в других источниках. См. RE, Bd. I, Sp. 2492.

Возвращение византийских войск к Парме развязало руки Нарсесу в борьбе с луканцами и в то же время заставило его еще более энергично взяться за осаду города. Между тем борьба внутри осажденного города достигла наивысшего напряжения. Агенты Нарсеса, особенно из числа отпущенных на свободу знатных заложников, вносили разложение и сеяли панику среди защитников города. Агафий прямо говорит, что «прежние заложники много делали в пользу римлян, и если бы дело зависело от них, то скоро весь город был бы склонен к сдаче» (Agath., I, 18).

Однако в Луке еще были сильны противники капитуляции. Их возглавляли, по данным Агафия, франкские воины, проникшие в осажденный город, и остготы [138]. Осажденные довольно часто делали вылазки и тревожили войска Нарсеса. Но их силы мало-помалу начали слабеть. Все более остро чувствовалась нехватка продовольствия. Часть городских укреплений была разрушена византийцами. Боевой дух защитников Луки падал. В то же время все активнее действовали союзники империи, луканская знать, призывавшая своих сограждан сложить оружие и прекратить сопротивление. «Очень многие луканцы,— пишет об этом Агафий,— уже убежденные действующими внутри (города агентами Нарсеса.— *З. У.*), намеренно сражались вяло» (Agath., I, 18). Вылазки осажденных все чаще терпели неудачу, и защитники города несли большие потери. В такой тяжелой обстановке в городе окончательно победили сторонники империи, которые заставили сдать Луку на милость победителя. Византийские войска вступили в город, видимо, в ноябре или в самом начале декабре 553 г.[139]

Таким образом, мы видим, что взятие Луки византийскими войсками произошло при прямой поддержке союзников империи из числа местной знати, деятельно помогавших Нарсесу склонить население города к капитуляции. Население Луки принуждено было признать власть императора. Однако условия капитуляции города были не слишком суровы. Это объяс-

---

[138] Agath., I, 18—19; ср. Agn., 79.

[139] Такой вывод можно сделать из рассказа Агафия (Agath., I, 19) о том, что, прибыв уже после взятия Луки в Равенну, Нарсес решил послать свои войска на зимовку, «так как осень уже кончилась и дело происходило около зимнего поворота солнца» (что по принятому тогда календарю падало на 9 декабря). Однако Агнелл утверждает, что войска Нарсеса вступили в Луку уже в сентябре этого же года («И вернувшись с миром, пришел к Луку и изгнал оттуда готов в сентябре месяце».— Agn., 79). О. Кэрбс (O. Körbs. Untersuchungen..., Bd. 1, S. 110) и Э. Штейн (E. Stein. Op. cit., t. II, p. 607, n. 1) предполагают, что это место у Агнелла испорчено и что сентябрем надо датировать начало, а не конец осады Луки. Ср. L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, B. I, p. 337, n. 21.

нялось тем, что для Нарсеса в то время главным было как можно скорее развязать себе руки для отпора натиску франков. Поэтому для ускорения сдачи города он согласился пощадить население Луки и милостиво обойтись с ее защитниками.

В завоеванном городе был оставлен сильный гарнизон, под командованием способного военачальника, бывшего стратига Мёзии — Бона. На Бона была возложена задача охранять Луку и тщательно наблюдать за оставшимися в городе варварами, сурово карая их, если они нарушат заключенный с Нарсесом договор и вновь поднимут оружие против империи (A g a t h., I, 19).

Опасаясь в зимнее время продолжать военные действия против закаленных в суровом климате своей родины франков, Нарсес решил отправить византийские войска на зимние квартиры и возобновить войну лишь с наступлением весны следующего 554 года.

Подобное, крайне осторожное решение Нарсеса было вызвано серьезным беспокойством по поводу напряженного положения в византийских войсках, проявившегося, в частности, в описанных выше событиях в Фавенции. Очевидно, главнокомандующий не надеялся на боевой дух своих воинов и хотел выгадать время для поднятия дисциплины, отправив их на зимние квартиры. При этом он совершенно не пожелал посчитаться с тем, что это решение было крайне пагубно для населения Италии, ибо оно фактически отдавало на произвол полчищ франков и алеманнов всех сельских жителей, которые не могли найти убежища за стенами укреплений. Войска были расквартированы в городах и крепостях Средней Италии, а сам главнокомандующий со своей свитой, состоящей из 400 приближенных и телохранителей прибыл в Равенну. «И снова возвратился Нарсес в Равенну с великой победой»,— пишет Агнелл, прославляя в своем труде подвиги наместника Италии (A g n., 79).

Оставшиеся до весны месяцы было решено использовать для подготовки генерального наступления против полчищ франков и алеманнов.

В это же время внутри антивизантийской коалиции наметились первые признаки серьезного раскола между остготами и франками. Представитель высшей остготской знати Алигерн после длительных колебаний решил перейти на сторону византийцев и отказаться от союза с франками. По утверждению Агафия, Алигерн понял, что франки в случае победы над империей «не пожелают возвратить готам Италию, но на деле прежде всего поработят их самих, которым на словах пришли на помощь, поставят над ними начальниками франков и лишат их отечественных законов» (A g a t h., I, 20).

Перспектива подчинения франкам отнюдь не улыбалась представителям остготской знати, и памятуя, что многие годы, в правление Теодориха и Амаласунты, остготская знать поддерживала союзные отношения с Восточной Римской империей, некоторые из них считали и теперь более выгодным вновь пойти на соглашение с ней.

Зимой 553—554 г. Алигерн прибыл в порт Равенны Класис, где в то время находился Нарсес, и вручил главнокомандующему византийской армии ключи от крепости Кумы [140].

Нарсес решил использовать измену Алигерна и для устрашения еще сопротивлявшихся империи остготов, а также их союзников франков. Как раз в это время свободно бродившие по стране отряды франков и присоединившиеся к ним остготы показались недалеко от занятой византийскими войсками крепости Цезены. Нарсес тотчас приказал Алигерну срочно отправиться в эту крепость и с ее стен объявить неприятелю о добровольной сдаче остготами Кум византийским войскам.

Появление Алигерна на стенах Цезены и его заявление о том, что Кумы сданы, а сокровища остготских королей и королевские инсигнии попали в руки византийцев, вызвали прежде всего бурю возмущения среди его соплеменников. По словам Агафия, они осыпали Алигерна горькими упреками в измене своему народу. Но вместе с тем часть франков, соблазненная примером Алигерна и заманчивой перспективой заключения выгодного соглашения с византийцами, стала сомневаться в целесообразности продолжения войны. На этот раз, однако, возобладало мнение наиболее непримиримых противников империи, и было решено продолжать военные действия (A g a t h., I, 20). Но уже сам рассказ Агафия о колебаниях франков наводит на мысль, что в войсках Левтариса и Бутилина появились сторонники заключения мира с империей, соблазненные щедрыми посулами византийцев, а быть может, и подкупленные ими. Ведь известно, что политика подкупа знати варварских племен, столь обычная для византийской дипломатии, широко применялась и Нарсесом в Италии. Порою эта политика была весьма эффективна и приносила реальные плоды. Так, например, Нарсесу удалось подкупом склонить к союзу с империей молодого правителя германского племени варнов [141], по имени Февдибальд, недавно получивше-

---

[140] Источники расходятся в датировке сдачи Кум византийцам. Агафий сообщает, что Нарсес прибыл зимой 553—554 г., в Равенну, куда скоро к нему приехал Алигерн для сдачи Кум (A g a t h., I, 19—20). Прокопий же ошибочно указывает, что сдача Кум произошла на 18-м году войны в Италии, т. е. в 552—553 гг. (P r o c o p. BG, IV, 35. 38).

[141] О варнах или варинах см. P r o c o p. BG, II, 15.2; III, 35.15; IV,20.2,11, 18, 20, 21, 31,33.См.также «Cambridge Medieval History»,1,284.

го власть над соплеменниками после смерти своего отца Ваккара (A g a t h., I, 21).

Вторую половину зимы 553—554 гг. Нарсес провел в Риме. По словам Агафия, он очень заботился о том, чтобы воины, «живя безопасно на зимних квартирах, не отвыкли совершенно от войны, а затем не ослабели бы и в самой битве» (A g a t h., II, 1). По его приказу войска систематически занимались военными упражнениями. Эти данные Агафия подтверждают наше предположение о том, что Нарсес воздержался от активных действий против франков зимой 553—554 г. именно из-за неблагополучного положения в его армии, ибо ему пришлось потратить почти всю зиму на приведение в боевую готовность своих войск и поднятие дисциплины.

Между тем франки и алеманны, не встречая серьезного сопротивления, медленно, но неуклонно продвигались с севера на юг Апеннинского полуострова, предавая огню и мечу все на своем пути. Обойдя Рим, войска Левтариса и Бутилина проникли в Самний, где разделились на два больших отряда. Бутилин с большей частью войск двинулся в Кампанию, опустошил почти всю эту область, а затем совершил грабительский набег на Луканию и Бруттий, дойдя до самого Мессинского пролива. Другая же часть варваров под командованием Левтариса, разграбила Апулию и Калабрию, вплоть до города Гидрунта. Особенно зверствовали алеманны, которые «кровью оросили святыни и оскверняли посевы, так что везде были разбросаны непогребенные трупы» [142].

---

[142] A g a t h., II, 1. Рассказ Агафия о грабежах и насилиях франков и алеманнов в Италии подтверждается данными других авторов. Так, Павел Диакон сообщает, что Бутилин (у него Буцеллин) опустошал всю Италию и отсылал захваченную добычу Теодебальду (P a u l i D i a c. Hist. Lang., II, 2). О бедствиях, которые терпела Италия от нашествия варваров, говорится и в «Жизнеописании Иоанна III»: «Затем пришли вожди франков Амминг и Буцеллин, и они равным образом угнетали Италию» (Lib. Pont. V. Johan. III, 2). Здесь вождь алеманнов Левтарис, брат Бутилина, ошибочно назван Аммингом. Амминг, по-видимому, был одним из вождей остготов, сражавшихся вместе с франками и алеманнами против Нарсеса. Этническая принадлежность Амминга в источниках характеризуется различно: в то время как Павел Диакон (P a u l i D i a c. Hist. Lang., II, 2) называет его готом, в «Жизнеописании Иоанна III» о нем говорится как о вожде франков. Это дало Э. Штейну основание считать, что Амминг был вождем франков, который пришел на помощь командиру остготов Видину и пал в сражении с войсками Нарсеса (E. S t e i n. Op. cit., t. II, p. 610—611). Однако эта трактовка событий еще нуждается в доказательствах. Кроме того, Штейн высказывает предположение, что Видин мог быть комендантом гарнизона остготов в Вероне после того, как этот город был взят византийцами в первый раз в июле 561 г., и что восстание в нем заставило Нарсеса взять этот город вторично в ноябре 562 г. Но и это предположение требует дополнительной аргументации.

С огромной добычей и множеством пленных Левтарис и его воины решили двинуться обратно на родину и доставить туда награбленные ими богатства. Бутилин же, которого остготы обещали провозгласить королем, если он будет продолжать борьбу с Нарсесом, отказался возвратиться на родину, надеясь, очевидно, после победы над византийцами сделаться единодержавным правителем Италии (A g a t h., II, 2).

Когда варвары Левтариса с добычей и пленными достигли Пицена, византийские военачальники, до того лишь пассивно наблюдавшие за продвижением франков и алеманнов, решили, наконец, вмешаться в происходящие события. В районе городов Пизавра(Пезаро) и Фана (Фано) императорские войска под командованием армянина Артабана и гунна Улдаха неожиданно напали на отряды Левтариса и нанесли им поражение. Многим пленным италийцам удалось бежать, унеся с собой и значительную часть добычи варваров (A g a t h., II, 2). Но у византийцев не оказалось достаточных сил, для того чтобы преградить дальнейшее продвижение войск Левтариса на север, и франки, пройдя Эмилию, переправились через реку По. В Венетии они почувствовали себя в безопасности, ибо эта местность была подвластна франкскому королю.

Однако, именно здесь их ожидала бесславная гибель: среди утомленных войной и длительными переходами полчищ внезапно началась страшная эпидемия чумы, унесшая и самого их вождя. «Такой гибельный конец имел поход Левтариса и тех, кто за ним следовал»,— заключает свой рассказ об этих трагических событиях Агафий (A g a t h., II, 3). Рассказ Агафия, по-видимому, вполне достоверен, ибо он полностью совпадает с данными других авторов, в частности Павла Диакона [143].

Столь же плачевная участь постигла и другой отряд франков, оставшийся в Италии для продолжения войны с империей. Опустошив и разграбив области Южной Италии, Бутилин двинулся в Кампанию, намереваясь решить войну генеральным сражением с армией Нарсеса, концентрировавшейся около Рима. Он спешил с решительным сражением, так как его войска таяли от эпидемических заболеваний. Непривычные к жаркому климату Италии, франки и алеманны в течение всего лета страдали от жары и желудочных болезней. Их тяжелое положение усугублялось еще тем, что по приказу Нарсеса визан-

---

[143] P a u l i D i a c. Hist. Lang., II,2.Павел Диакон ошибочно называет Левтариса не братом, а зятем Бутилина. В остальном же его рассказ почти идентичен рассказу Агафия. Но Павел Диакон вносит и некоторые дополнения, помогающие более точно установить место гибели Левтариса и его армии. Он прямо указывает, что Левтарис погиб между Вероной и Тридентом (Тренто), около Бенакского озера (ныне оз. Гарда). См. о гибели Левтариса J. B. B u r y. History..., vol. II, p. 277.

тийцы уничтожали продовольствие в тех местах, где должна была пройти армия Бутилина, и франки начали терпеть нужду в съестных припасах. Население же Италии страдало одновременно и от опустошительных набегов франков и от грабежей византийской армии.

Но Нарсес все же еще намеренно оттягивал решительную встречу с врагом. По-видимому, он выжидал еще большего ослабления сил противника в результате опустошительного действия болезней, косивших воинов Бутилина. Весьма вероятно, однако, что медлительность Нарсеса объяснялась также и положением в самой византийской армии. Так, нам известно о конфликте между Нарсесом и подчиненным ему отрядом наемников-герулов, который принял столь острые формы, что герулы отказались было даже принять участие в решительном сражении (Agath., II, 7). К сожалению, Агафий сообщает только о поводе к возмущению герулов (да и то не совсем ясно, хотя и многословно) и ничего не говорит о причинах этих событий; едва ли можно допустить, что недовольство вспыхнуло внезапно.

Так или иначе, но активные действия против Бутилина Нарсес начал лишь осенью 554 г. К этому времени войска Бутилина прибыли в Кампанию и расположились лагерем недалеко от города Капуи, на берегах реки Вольтурно, у Казилина. Неподалеку от врагов разбил свой лагерь и Нарсес (Agath., II, 4 и 6).

Внутренняя борьба, то разгоравшаяся, то затухавшая в городах Италии в течение всей войны, в этот напряженный момент вспыхнула с новой силой. «Все италийские города,— записал Агафий,— находились в волнении и колебались, не зная, к какой стороне примкнуть» (Agath., II, 6).

В числе сторонников соглашения с франками, конечно, в первую очередь находились оставшиеся еще в городах Кампании остготы, которые пытались склонить население к союзу с новыми завоевателями. Однако их попытки не могли иметь значительного успеха, ибо франки своим поведением отталкивали местных жителей. Накануне генерального сражения войска Бутилина весьма остро нуждались в продовольствии и фураже и поэтому открыто грабили население близлежащих городов и сельских поселений Кампании (Agath., II, 4). Агенты Нарсеса всячески пытались разжечь ненависть местного населения к франкам и выставить византийцев защитниками мирных жителей от грабежей этих варваров (Agath., II, 6). Их поддерживали и исконные союзники византийцев из италийской знати. Однако и им не удалось склонить сколько-нибудь широкие слои местных жителей к активной поддержке Нарсеса. Памятуя о недавних грабежах

и насилиях византийцев, население не проявляло к ним симпатий, в противном случае об этом не преминул бы упомянуть Агафий.

Таким образом, в условиях острой социально-политической борьбы в городах Кампании большинство трудового населения, несмотря на настойчивые требования борющихся партий, уже не желало поддерживать ни тех, ни других в равной мере ненавистных ему завоевателей.

В такой обстановке осенью 554 г. при Казилине (вблизи Капуи)[144] произошло одно из самых кровопролитных сражений, какие только знала Италия того времени.

По словам Агафия, в этой битве против византийцев сражалось более 30 тысяч франков и алеманнов (Agath., II, 4) Бутилин решил нанести главный удар по центру неприятельской армии и поэтому построил свои войска в виде клина, «головы кабана», говорит Агафий (Agath., II, 8). Армия Нарсеса была менее многочисленной, и по данным византийского историка (правда, быть может, несколько преуменьшенным), она состояла лишь из 18 тысяч воинов (Agath., II, 4). Однако византийцы учли особенности тактики франков и в соответствии с этим построили свои войска. Их основные силы были сконцентрированы на флангах, а значительный отряд конницы был спрятан в засаде для внезапного нападения на врага.

В начале сражения франкскому «кабану» удалось добиться некоторого успеха в центре. Но как раз в это время Нарсес бросил в бой конных стрелков, расположенных на флангах, и этим решил исход битвы. Франки и алеманны дрогнули, стали отступать и, наконец, обратились в бегство.

Не оправдались надежды франков и на помощь герулов, которые, как было уже упомянуто, перед самой битвой отказались подчиняться Нарсесу. Герулы, как только увидели, что военное счастье стало явно склоняться в пользу византийцев, примкнули к ним и содействовали их победе над войсками Бутилина (Agath., II, 9). Прижатые к берегу франки и алеманны бросались в реку, и многие находили в ней гибель. Сам вождь варваров Бутилин пал в сражении, а все его войско было почти поголовно истреблено.

Победа византийских войск над более многочисленным и воинственным противником объясняется прежде всего пре-

---

[144] Павел Диакон сообщает, что решительное сражение между франками Бутилина и войсками Нарсеса произошло близ местечка Таннент (Tannentum): «После того как Бутилин (Буцеллин) опустошал всю Италию и собирался перезимовать в Кампании, в местечке Таннент, он был в упорном сражении разбит Нарсесом и убит» (Pauli Diac. Hist. Lang., II, 2). Источники несколько расходятся в датировке этого события.

восходством конницы византийцев по сравнению с малоповоротливой и хуже вооруженной пехотой франков (A g a t h., II, 9). «При Юстиниане,— писал о византийской армии Ф. Энгельс,— ее конница стояла на сравнительно приличной высоте, и в сражении при Капуе... евнух Нарсес, как говорят источники, нанес поражение вторгшимся в Италию тевтонцам главным образом при помощи этого рода войск» [145]. К тому же надо учитывать, что армия Бутилина еще перед сражением была значительно ослаблена эпидемическими болезнями, свирепствовавшими среди франкских и алеманнских воинов.

Победа византийцев была полной, и победители проявили чрезвычайную жестокость, бесчеловечно уничтожив пленных врагов [146] и ограбив трупы убитых. Византийские солдаты разрушили и опустошили лагерь противника и захватили там большую добычу (A g a t h., II, 10). Вернувшись в Рим, они вместе с римскими гражданами торжественно отпраздновали победу (A g a t h., II, 11). «Вся Италия пребывала в радости»,— писал церковный писатель, прославлявший победу византийского оружия (Lib. Pont. V. Iohan. III, 2).

---

[145] Ф. Э н г е л ь с. Избранные военные произведения, т. I, стр. 211.

[146] По словам Агафия, в битве при Казилине было уничтожено 30-тысячное войско франков и алеманнов и только 5 воинов случайно спаслись и возвратились на родину. Потери же византийцев были будто бы крайне незначительны и составляли всего 80 убитых (A g a t h., II, 9). Данные Агафия трудно проверить, но столь большое различие в потерях франков и византийцев вызывает сомнение и наводит на мысль, что византийский писатель в силу своих «патриотических» чувств и политической тенденциозности (или в силу подобных чувств тех очевидцев, которые рассказывали ему об этой битве) значительно преуменьшил потери армии Нарсеса и преувеличил число погибших варваров. Однако поражение войск Бутилина было действительно сокрушительным, это подтверждается данными других источников (P a u l i D i a c. Hist. Lang., II, 2; M a r. A v e n t., a. 555; Lib. Pont. V. Iohan. III, 2; G r e g. T u r. Hist. Franc., IV, 9; G r e g. I. Dial., I, 2). Некоторые ученые подвергают сомнению достоверность сведений Агафия об этой битве. См., например, M. I t e s. Zur Bewertung des Agathias, S. 281 f., E. S t e i n. Op. cit., t. II, p. 608 sq. Э. Штейн предполагает, что часть армии Бутилина спаслась бегством с поля сражения и нашла убежище в крепости Комиса (у Агафия — Κόμφαι, ныне Conza, см. E. S t e i n. Op. cit., t. II, p. 609, n. 2), расположенной к юго-востоку от места битвы. Эта крепость находилась еще в руках союзников франков — остготов. Позднее там собралось около 7 тыс. воинов, что Э. Штейн объясняет бегством в эту крепость части разбитого при Казилине войска Бутилина. Предположение Э. Штейна заслуживает внимания, но все же требует дополнительных доказательств. О битве при Казилине см. Е. А. Р а з и н. История военного искусства, т. I. М., 1955, стр. 503—506. Ср. H. D e l b r ü c k. Geschichte der Kriegskunst, Bd. II, S. 396—399; J. Bd. B u r y. History..., vol. II, p. 278—280; L. M. H a r t m a n n. Geschichte Italiens, B. I, S. 332.

И действительно, радость жителей Италии была вполне понятна. Благодаря победе при Казилине италийцы избавились от одного из наиболее жестоких и беспощадных завоевателей, беспрепятственно опустошавшего всю страну и причинявшего ей невиданные бедствия. Однако, избавившись от одних завоевателей, жители Италии окончательно подпали под власть других. Ибо с разгромом войск франков не осталось силы, способной противостоять византийцам, и полное завоевание страны Нарсесом теперь было вопросом времени. Тем не менее борьба в Италии продолжалась еще в течение нескольких лет. Византийцам предстояло еще завоевать не только всю Северную Италию, но и сломить сопротивление тех остготских (а возможно, и франкских) воинов, которые собрались в крепости Комиса. По словам Агафия, их было около 7 тысяч. Вдохновителем и руководителем последнего отчаянного сопротивления остготов стал Рагнарис, бывший ранее командиром остготского гарнизона в Таренте (Agath., II, 13).

Агафий характеризует Рагнариса как хитрого и ловкого честолюбца, возобновившего войну с византийцами ради захвата власти в Италии. Прокопий также рисует Рагнариса честолюбивым и вероломным человеком, готовым в удобный момент пойти на соглашение с империей на выгодных для себя условиях (Procop. BG, IV, 26.4; 34.9—15). Вместе с тем Агафий признает, что Рагнарис пользовался влиянием на широкие массы варваров и поэтому смог возглавить их на последнем этапе борьбы. В эту трудную для остготов минуту Рагнарис, несомненно, проявил большое упорство и смелость и решительно приступил к обороне крепости от византийцев. Хотя Комису осаждали войска самого Нарсеса, остготы стойко продержались всю зиму 554/555 г. При этом остготские воины часто совершали смелые вылазки из крепости и завязывали стычки с византийскими войсками (Agath., II, 13—14).

Но с наступлением весны 555 г., теряя надежду на успех, Рагнарис, как некогда в Таренте, решил начать переговоры с византийцами, стремясь добиться у них благоприятных для остготов условий сдачи. Однако переговоры оказались бесплодными. Нарсес не принял предложенных Рагнарисом условий, сочтя требования остготов чрезмерными. Более того, Рагнарис, обвиненный в покушении на жизнь главнокомандующего византийской армией, был убит во время переговоров телохранителями Нарсеса. Лишившись своего вождя и не имея сил долее выдерживать осаду, остготы сдались, наконец, Нарсесу, выговорив у него обещание, что им будет сохранена жизнь. Все пленные действительно были пощажены, но желая обезопасить себя от возможности восстания остготов, Нарсес отослал их всех в Византию (Agath., II, 14).

Взятие Комисы позволило византийцам направить все силы в Северную Италию, чтобы окончательно подчинить власти Восточной Римской империи все земли вплоть до Альп. Продвижение византийских войск на север началось с завоевания городов и крепостей Лигурии, остававшихся еще в руках остготов и их союзников, и по мнению некоторых историков, было проведено византийским полководцем Иоанном (тем самым, который еще в первый период войны получил прозвище «Кровавый») и Асвадом, командиром вспомогательных отрядов гепидов [147].

Франки, занятые в это время междоусобицами и войной с саксами [148], не могли оказать действенной помощи остготам в Лигурии и воспрепятствовать продвижению византийских войск в Северной Италии. Более того, сами франки к 556 г. вынуждены были покинуть земли, завоеванные при короле Теодеберте в западной части Северной Италии [149].

В это время, по-видимому, было заключено перемирие между Восточной Римской империей и Франкской державой, по которому в Северной Италии сохранялся еще status quo и за франками признавалось обладание почти всей Венетией (Menandr., fr. 2). Надо думать, что, пойдя на заключение подобного перемирия, византийцы прежде всего хотели развязать себе руки для завершения борьбы с остатками остготских отрядов. Франки же, занятые внутренними делами, не имели сил для нового наступления на Италию.

Но и при этих условиях сопротивление византийцам в Северной Италии длилось еще несколько лет, и даже такие центры транспаданских областей, как Милан, Верона и Бренния, все это время оставались в руках остготов.

К сожалению, наши сведения о последних годах борьбы в Северной Италии чрезвычайно скудны и отрывочны. Однако все же можно установить, что Милан перешел в руки

---

[147] К такому заключению приходит Э. Штейн на основании того, что Иоанн не упоминается среди византийских полководцев, участвовавших в битве при Казилине, а в 558—559 гг. он командовал войсками империи за рекой По (Agath., II, 8; см. E. Stein. Op. cit., t. II, p. 609). Об Асваде см. Procop. BG, IV, 26.13; 32.22—25; Auct. Prosp. Havn., extr. I (Cons. Ital., p. 337). Ср. L. Schmidt in: «Zeitschrift für Schweiz. Geschichte», Bd. III, 1923, S. 446.

[148] В это время умер франкский король Теодебальд, и власть в стране захватил Хлотарь I, который вел упорную борьбу за престол со своим братом Хильдебертом и другими претендентами (Agath., II, 14; Mar. Avent., a. 555, 1—3; a. 556, 1—3; a. 560,2; Greg. Tur. Hist. Franc., IV, 9, 14, 16, 20; E. Stein. Op. cit., t. II, p. 610, 816—817).

[149] Mar. Avent., a. 556; L. Schmidt in: «Zeitschrift für Schweiz. Geschichte». Bd. III, 1923, S. 446, Anm. 9.

византийцев, вероятно, лишь осенью 558 г.[150], а Верона и Брешия еще позднее [151].

Столь длительное и упорное сопротивление, которое встретили византийцы в Северной Италии, объясняется прежде всего тем, что здесь в большей степени, чем в других областях страны, сохранились поселения остготов и других варваров. Кроме того, в борьбе против византийцев принимали здесь участие и жители некоторых городских центров Северной Италии. Агнелл рассказывает, что византийским войскам пришлось сражаться не только с засевшими в Вероне остготами, но и с гражданами этого города (et pugnaverunt contra Veronenses cives.— A g n., 79).

По мере захвата византийцами крупных центров Северной Италии и вытеснения оттуда последних отрядов остготов ослабевали и позиции франков в Венетии. Возможно, франкские правители и предпринимали отдельные попытки отстоять эту область и помочь остготам в их последней борьбе с империей, однако все попытки оказались бесплодными, и вскоре эти земли перешли под власть Восточной Римской империи [152]. Франки не могли воспрепятствовать этому, так как в их стране продолжались междоусобицы [153]. Кроме того, как раз в это время им приходилось отражать набеги аваров.

С изгнанием франков и подавлением восстания герулов (ок. 565 г.) Италия после длительной и тяжелой войны была полностью завоевана византийцами.

---

[150] JK, 983. Во всяком случае в марте 559 г. в Милане уже безраздельно господствовали византийцы (JK, 1018).

[151] Точная датировка этих событий весьма затруднительна из-за противоречивости источников. Так, Агнелл сообщает, что Верона была взята византийскими войсками 20 июля 561 г. (A g n., 79). По сообщению же византийского хрониста Иоанна Малалы, ключи от захваченных у остготов византийскими войсками крепостей Вероны и Брешии были отправлены Нарсесом Юстиниану только в ноябре 562 г. (M a l a l., p. 492). Э. Штейн (E. S t e i n. Op. cit., t. II, p. 640 sq.) высказывает предположение, что Верону византийским войскам, возможно, пришлось брать дважды: в первый раз в июле 561 г. и вторично после восстания остготов в 562 г. Но это предположение, хотя и заманчивое, также нуждается в дополнительных доказательствах.

[152] Expulsi sunt Franci de Italia per Narsem patricium.— A g n., 90. Этим словам Агнелла в его хронике предшествует запись о появлении кометы в августе 565 г., из чего можно заключить, что окончательное изгнание франков из Италии Агнелл относит примерно к этому времени. Ср. M a r. A v e n t., a. 566; P a u l i D i a c. Hist. Lang., II, 2.

[153] В декабре 561 г. после смерти короля Хлотаря I (G r e g. T u r. Hist. Franc., IV, 21) ему наследовали четыре сына, боровшиеся за власть. Сигиберт Австразийский, который формально считался владетелем Венетии, в это время воевал с аварами, а затем должен был защищать свои владения от нападения своего брата Хильперика (G r e g. T u r. Hist. Franc., IV, 22—23; M a r. A v e n t., a. 558, 561; см. E. S t e i n. Op. cit., t. II, p. 610—611).

Глава III

ПОЛИТИКА ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИТАЛИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

§ 1. Аграрные отношения в Италии после византийского завоевания

а) Судьбы крупного и мелкого землевладения

Героическое сопротивление войск готов и восставших народных масс не было окончательно сломлено, отдельные отряды повстанцев еще продолжали упорную борьбу, а император Юстиниан, заранее торжествуя победу, принимал меры по внутренней организации Италии. 13 августа 554 г. византийское правительство издало особую Прагматическую санкцию об устройстве этой провинции [1].

По своему общему характеру и социальной направленности Прагматическая санкция была близка к законодательным актам правительства Юстиниана относительно устройства Северной Африки, изданным после разгрома византийскими войсками королевства вандалов (C. J., I, 27; Nov. Just., 36—37).

Основным принципом аграрной политики правительства империи в отношении населения Италии было восстановление крупного землевладения и возврат земель прежним владельцам. Ту же политику, как известно, правительство Юстиниана проводило и в Северной Африке после ее завоевания византийскими войсками. Так, в 534 г. было издано специальное предписание византийского правительства, по которому

---

[1] О Прагматической санкции см. З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания.— «Вестник МГУ», № 3, 1958, стр. 21 сл. Там же указана литература вопроса.

устанавливалось, что все земли, потерянные прежними собственниками во времена владычества вандалов, должны быть отобраны у незаконных держателей (iniustis detentatoribus) и возвращены старым владельцам (Nov. Just., 36). Аналогичные предписания мы находим и в Прагматической санкции об устройстве Италии. Согласно Прагматической санкции, все недвижимое, движимое и способное двигаться (res... seseque moventes) имущество, которым владели римляне со времени правления Теодориха до прихода к власти «нечестивейшего» Тотилы, сохранялось на будущие времена твердо и нерушимо за его прежними владельцами на тех же условиях, на которых они им ранее владели. При этом особо оговаривалось, что речь идет и о том имуществе, которым владели римские посессоры через арендаторов (узуфруктуариев) или при посредстве других лиц (Pragm. Sanc., 8). В данном предписании Прагматической санкции, по-видимому, в первую очередь имелся в виду возврат прежним владельцам крупной земельной собственности, сдаваемой в аренду или обрабатываемой колонами. Права прежних собственников полностью восстанавливались и при этом указывалось, что даже потеря документов, удостоверяющих эти права, не являлась препятствием для возвращения утраченного имущества (Pragm. Sanc., 3; ср. выше, стр. 346 сл.).

При анализе постановлений Прагматической санкции становятся более отчетливыми имущественное положение и социальная принадлежность собственников, которым теперь возвращались земли и другое имущество. В законе говорится прежде всего о возврате имущества отсутствующим или монашим в плен владельцам имений, а также их наследникам (Pragm. Sanc., 4). В той же Прагматической санкции имеется прямое свидетельство о том, что среди «отсутствующих» посессоров, которым возвращалось утраченное имущество, было немало эмигрировавших в Восточную Римскую империю крупных римских землевладельцев и рабовладельцев из старой сенаторской аристократии. Римским аристократам — «славнейшим мужам» (viri gloriosissimi) и «блистательным сенаторам» (magnifici senatores) разрешалось после «освобождения» Италии или поселиться при дворе императора в Константинополе и примкнуть к его свите, или же возвратиться в Италию для восстановления своих владений (pro reparandis possessionibus) (Pragm. Sanc., 27) [2].

---

[2] Об эмиграции римской аристократии в Восточную Римскую империю в период владычества остготов, см. выше, стр. 393 сл.

Характерно, что, согласно новелле Юстиниана об устройстве Северной Африки, земли, отобранные у вандалов и их союзников, возвращались также преимущественно потомкам римских аристократов, эмигрировавших из Африки в период господства вандалов (Nov. Just., 36).

Ту же цель реставрации крупного землевладения римской знати преследует предписание Прагматической санкции о восстановлении всех пожалований, сделанных римлянам в Италии Юстинианом и Феодорой, а также остготскими правителями Аталарихом, Амаласунтой и даже Теодатом. При этом особо подчеркивалось, что пожалования, ныне подлежащие возврату прежним владельцам, были им дарованы остготскими королями по просьбе римского сената (senatu poscente.— Pragm. Sanc., 1). Эти пожалования, по-видимому отмененные в период правления Тотилы, после византийского завоевания вновь приобретали законную силу и служили основанием для предъявления исков о возврате имущества прежним владельцам. Пожалования же «тирана» Тотилы, дарованные римлянам или остготам, теперь отменялись, имущество отбиралось у незаконных «держателей» (detentatores) и возвращалось прежним владельцам (antiquis dominis) [3].

Среди имущества, подлежащего возврату прежним владельцам, в Прагматической санкции особо упоминалось о стадах скота, потерянных хозяевами во время войны с готами (Pragm. Sanc., 13). При отсутствии определенного хозяина производился раздел найденных в этой провинции стад между теми собственниками, которые смогут доказать, что они потеряли свой скот именно в данной области. Упоминание о возврате прежним владельцам стад — лишнее свидетельство того, что реставрация собственности производилась византийским правительством в интересах крупных землевладельцев, имевших обширные пастбища и много скота.

Возврату подлежало не только имущество, отобранное у прежних владельцев во время войн с готами и народных восстаний [4], но и то имущество, которое было утрачено в результате заключения какой-либо сделки, например продажи или контракта (Pragm. Sanc., 5). Однако сделки расторгались лишь в том случае, если они были заключены со сторонниками Тотилы, т. е. с кем-нибудь из его приближенных, занимавших

---

[3] Pragm. Sanc., 2. См. E. Stein. Histoire..., t. II, p. 614; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 348 f., 405.

[4] В этом отношении характерно еще одно постановление Прагматической санкции, предписывающее возвращать прежним владельцам принадлежащие к их недвижимому имуществу архитектурные украшения и строительные материалы (ornatum vel materiam). В случае если эти материалы были уже использованы при постройке других зданий, то прежнему хозяину должна быть возмещена их стоимость (Pragm. Sanc., 21). Тем самым византийское правительство стремилось создать наиболее благоприятные условия для восстановления разрушенных домов и других построек в имениях крупных римских собственников и в то же время открывало для них возможность судебных преследований лиц, участвовавших в разгроме имений.

при нем государственные должности, обладавших властью и пользовавшихся его милостями. В подобном случае сделка объявлялась заключенной под влиянием «страха и насилия» и признавалась недействительной (ср. выше, стр. 347).

Вместе с тем сделки между римлянами о продаже или отчуждении имущества в какой-либо другой форме, заключенные как в самом Риме, так и в других городах во время их осады войсками готов, признавались законными и сохраняли свою силу (Pragm. Sanc., 7). Подобные сделки считались действительными даже в случае потери документов, их подтверждающих.

Сохраняя в силе сделки, заключенные между жителями осажденных готами городов Италии, византийское правительство, по-видимому, имело в виду отнюдь не защиту интересов населения, а выгоды представителей византийской администрации и римской знати, которые, пользуясь голодом и страшными бедствиями осады, вымогали под видом фиктивных сделок имущество у разорившихся жителей. Ярким свидетельством этого служит рассказ Прокопия о грабежах Бессы, Конона и других византийских военачальников в осажденном войсками Тотилы Риме (см. выше, стр. 369 сл.).

В приведенных постановлениях Прагматической санкции ясно видно желание византийского правительства защитить интересы сторонников империи, находившихся во время войны в осажденных остготами городах, в противовес приверженцам Тотилы, что не только было вызвано политическими соображениями, но также имело и социальную подоплеку.

Таким образом, реставрация крупного землевладения, возврат земель, скота и другого имущества прежним владельцам проводились правительством Юстиниана в интересах высшей римской и италийской аристократии, являвшейся важнейшей социальной опорой византийского правительства в завоеванной Италии и активным союзником Восточной Римской империи в ее борьбе против остготов и восставших народных масс.

Другим союзником и деятельным помощником византийских войск в борьбе против волны народных движений в западных областях бывшей Римской империи, активно способствовавшим восстановлению в Италии власти восточного императора, была, как уже отмечалось, католическая церковь. Поэтому вполне естественно, что после победы византийского оружия этот влиятельный союзник также был щедро вознагражден.

Прежде всего обращает внимание то обстоятельство, что Прагматическая санкция была издана византийским правительством по просьбе папы Вигилия (Pragm. Sanc., 1). Это до-

казывает заинтересованность католической церкви в реставрации на Апеннинском полуострове старых порядков Римской империи. Первейшей заботой католической церкви был возврат церковных имуществ, некогда принадлежавших католическому духовенству, а затем во время правления остготов переданных арианам или захваченных восставшими народными массами.

Поэтому Прагматическая санкция учитывала интересы католической церкви и монастырей. Помимо общих предписаний о возврате имущества прежним владельцам, распространявшихся и на владения церкви, там имеется особое предписание о возврате монастырям и церквам приданого монахинь, вышедших замуж во времена «тиранической жестокости» (Pragm. Sanc., 17).

Подобное постановление было вызвано стремлением католической церкви вернуть дарения (в том числе и земельные) богатых монахинь, ибо потеря этих вкладов была весьма чувствительной утратой для католического духовенства.

Совершенно аналогичную политику проводило правительство Юстиниана и в Северной Африке. Вскоре после завоевания этой провинции византийцами ортодоксальная церковь была восстановлена во всех своих правах и привилегиях. Все земли, отнятые у нее во времена владычества вандалов, подлежали немедленному возврату. Согласно особой новелле Юстиниана, за ортодоксальными церквами африканского диоцеза на «вечные времена» закреплялись права собственности на возвращенные им земли (Nov. Just., 37).

Реформы византийского законодательства в сфере землевладения в Италии позволяют прийти к выводу, что защита и приумножение собственности крупных землевладельцев из числа высшей римской аристократии и католического духовенства являлись одной из важнейших задач внутренней политики императорского правительства по отношению к населению завоеванной провинции.

Однако эффективность законодательства, направленного на реставрацию старых социально-экономических отношений в Италии, не всегда соответствовала расчетам византийских правителей. От издания законодательных предписаний до реального претворения их в жизнь было еще весьма далеко. Отнюдь не все законодательные акты византийского правительства осуществлялись на деле, и поэтому необходимо строго различать общую направленность политики византийского правительства в завоеванной Италии от реальных результатов византийского завоевания.

Для определения действенности византийского законодательства в Италии в сфере поземельных отношений большое значение имеет выяснение вопроса о том, в руки каких

категорий собственников перешли земли в Италии после византийского завоевания.

Прежде всего, следует указать, что значительная часть имущества готов, покинувших пределы Италии или не перешедших на службу императора, по-видимому, была конфискована в пользу византийского государства. После подчинения Италии власти империи земельные владения остготских королей, а также земли приверженцев Тотилы и Тейи, как знатных остготов, так и рядовых остготских воинов, были почти целиком отобраны имперским правительством и стали собственностью византийского императора [5].

Аналогичную картину можно было наблюдать и в Северной Африке, где конфискованные у вандалов земли в первую очередь передавались императору и фиску (Nov. Just., 36; Procop. BV, II, 14. 10). В «Тайной истории» Прокопий прямо говорит, что Юстиниан в Северной Африке «лучшие земли присвоил себе» (Procop. H. a., XVIII, 10).

Точно так же, как и в Северной Африке, львиная доля конфискованных в Италии земель отошла императору и императорскому фиску. Часть из них превратилась в доменциальные владения византийского императора, доходы с которых поступали в казну. Императорские домены были расположены главным образом на западе и севере Италии, где находилась основная масса остготских поселений, и на самом юге Апеннинского полуострова, где к императору перешли преимущественно владения остготских королей [6].

Вместе с тем за счет вновь приобретенных земель обогащались высшие византийские военачальники и в первую очередь, конечно, Нарсес, отличавшийся необычайной жадностью и наживший в Италии огромные богатства [7].

Конфисковав владения сторонников Тотилы, византийское правительство получило значительные земельные ресурсы

---

[5] В научной литературе обсуждался вопрос, были ли земельные участки (sortes) римлян, некогда отошедшие по разделу к остготам, теперь вновь возвращены прежним хозяевам или конфискованы в пользу византийского государства. Против первой гипотезы говорит давность земельного раздела и отсутствие особых упоминаний об этом в имперском законодательстве; в пользу второй — политика византийского правительства в Северной Африке, где после завоевания значительная часть земель, в том числе некогда полученные вандалами по разделу, перешли к императорскому фиску (L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 75; его же. Geschichte Italiens, Bd. 1, S. 366 f.; K. Hegel. Op. cit., Cp. E. Th. Gaupp. Die germanischen Ansiedlungen..., S. 494; F. Dahn. S. 131. Könige der Germanen, III, S. 8—10).

[6] L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 75, 165.

[7] Procop. BG, IV, 26. 8—9; Agn., 90; Lib. Pont. V Iohan. III, 3; Greg. Tur. Hist. Franc., V, 19; Landolf, XIX, 3.

в Италии и в дальнейшем щедро наделяло землей византийских военачальников и высших чиновников администрации.

Действительно, равеннские папирусы, письма римских пап и надписи свидетельствуют о переходе земельных владений в Италии после византийского завоевания в руки византийской знати, чиновничества, военных властей. Так, в папирусе, датированном началом VII в., говорится о вкладе в пользу церкви Марии Маджьоре в Риме, сделанном дочерью императорского секретаря Магиста Флавией Ксантиппой и состоявшем из земельных владений, охватывавших массу Паганицензе и включавших несколько имений (fundi) и мыз (casales), а также обширное имение Кандициан. Дарительница-гречанка, видимо, плохо знала латинский язык и подписала свое имя на дарственной грамоте греческими буквами. Дарение Флавии Ксантиппы было столь богатым и имело такое значение для католического духовенства, что в IX в. с этого документа была сделана копия и высечена в виде надписи на стене одной из церквей Рима, называемой базиликой Богоматери «у яслей» (M a r., 91=T j ä d e r, 17).

Также в начале VII в. знатный грек (vir magnificus et illustris) по имени Стефан, родом из города Неаполя, подарил Равеннской церкви несколько имений, которыми он владел в области Губбио (M a r., 92=T j ä d e r, 18—19) [8].

Среди землевладельцев Италии, даривших свои земли церкви, встречаются и византийские военачальники. Так, около 600 г. приближенный византийского полководца Георгия и начальник Феодосиевского нумера в Италии по имени Иоанн подарил Равеннской церкви половину своих земельных владений (M a r., 90=T j ä d e r, 16). Другой Иоанн, командир Равеннского нумера, и его жена Стефания подарили около 700 г. 3 унции своего имения Целлюлас монастырю Иоанна Крестителя «у лодки» в Равенне (M a r., 109=T j ä d e r, 23).

Итак, непосредственным результатом византийского завоевания в сфере землевладения было то, что немалая часть земель в Италии перешла к новым собственникам — византий-

---

[8] Подобные примеры наличия земель в Италии в руках византийской знати можно умножить. Так, например, знатный грек Феодор, сын Каганканта, имел дом в Риме, а его отец владел землями в Италии (Lib. Pont., 224). Дети византийца Феофилакта Бонифаций и Сергия пожертвовали свои земельные владения церкви св. Марии-Маджьоре в Риме (A. M a i. Scriptorum veterum nova collectio. Romae, 1825—1838, vol. V, 215). Богатый дар монастырю св. Марии в Космедии сделала позже, уже в VIII в., гречанка Евдокия. Редкие надписи, дошедшие до нас от VII в., сохранили имена знатных (viri clarissimi) греков, похороненных в Риме,— Феодора Graecus Visanteus и Феодора Graecus (L. A. M u r a t o r i. Inscr., 432, 2). См. Ch. D i e h l. Études sur l'administration byzantine dans l'Exarchat de Ravenne (568—751). Paris, 1888, p. 277 sq.

скому императору, фиску, высшей византийской знати и командирам византийской армии. Уже это явно опровергает демагогические утверждения Прагматической санкции о том, что императорское правительство в своей политике прежде всего исходит из заботы о своих италийских подданных. На самом деле оно в первую очередь заботилось о наделении землей византийской знати. Это не могло не задевать в известной мере интересов римских землевладельцев и в дальнейшем вызвало рост недовольства новыми завоевателями.

Вместе с тем возникает и другой вопрос: в какой степени византийское правительство смогло реально возвратить земли в Италии старой римской аристократии и католическому духовенству? Как оно могло на деле осуществить политику, декларированную в Прагматической санкции?

К сожалению, отсутствие сколько-нибудь полных данных в источниках не позволяет с точностью определить, в какой степени римской аристократии и католическому духовенству удалось, используя имперское законодательство, возвратить обратно земли, утраченные ими в правление Тотилы. Сведения, содержащиеся в источниках относительно имущественного положения римской аристократии после установления византийского владычества, довольно противоречивы. Некоторые источники указывают на обеднение римской знати и даже католической церкви. Так, папа Пелагий I (556—561) сообщает, что во время его понтификата имения церкви в Италии были разорены, а бедность представителей знатных римских семей достигала крайних пределов (JK, 943, 947). В переписке Григория I также имеются упоминания о разорении знатных патрицианских родов, например в Кампании (Greg. I, R. Epp. I, 37, 57).

Однако этим отдельным сведениям о разорении и обеднении сенатской аристократии Италии противоречат противоположные известия, свидетельствующие о том, что богатства римских сенаторов, интересы которых в Италии охранялись законами Юстиниана, были в известной степени восстановлены, хотя часть сенаторов, бежавших из Италии на Восток, так и осталась жить при императорском дворе в Константинополе. Так, например, римская патрицианка Рустициана, внучка Боэция, предпочла жить в Константинополе, что, однако, не мешало ей владеть крупными имениями в Италии и Сицилии [9].

Во время понтификата Григория I (590—604) римская знать еще располагала значительными богатствами и пользо-

---

[9] О размерах этих имений Рустицианы можно судить хотя бы по тому, что она управляла ими при помощи vicedominus, имевшего ранг vir clarissimus (Greg. I. R. Epp., VIII, 22; IX, 83; XIII, 26).

валась большим политическим влиянием. В переписке папы Григория I встречаются многочисленные упоминания знатных и богатых римских родов в Неаполе, Сицилии и в Константинополе. Сам папа Григорий I был выходцем из высшей римской знати и располагал значительными богатствами; не менее богата была и сестра его отца — одна из представительниц весьма влиятельной римской аристократии. Подобные примеры можно было бы умножить [10].

Римская аристократия смогла в известной степени восстановить свои земельные владения в Италии главным образом потому, что претворение в жизнь предписаний Прагматической санкции о возврате римской знати земель и другого имущества проводилось при помощи византийской военной администрации. Так, например, в одном из писем Пелагия I к Нарсесу, относящемся к этому времени, сообщается, что византийские военные власти в Италии отдавали имущество бедных богатым лицам, «не испытывающим никакой нужды» (JK, 962).

Вместе с тем реальный возврат земель римской аристократии встречал в Италии сопротивление со стороны новых собственников, и поэтому предписания Прагматической санкции иногда выполнялись с большим запозданием или даже совсем не выполнялись. В противном случае совершенно излишним было бы издание в 565 г. особой конституции императора Юстиниана о возврате имущества потомкам древнего рода Тицианов. Многие представители знатного рода Тицианов бежали из Италии во время владычества остготов, а затем воевали на стороне византийцев против варваров. Так, трибун Луций Гальбин Тициан сражался еще в первый период гото-византийской войны на стороне империи и пал в битве с войсками Витигиса у Равенны. Его сыновья Авл Андуаций, Гай Туберон и Луций Рейциард служили в византийской армии в Италии под начальством Нарсеса. Поскольку все богатства рода Тицианов были конфискованы во время правления остготов и до 565 г. не были возвращены их наследникам, Юстиниан строжайшим образом предписал Нарсесу вернуть сыновьям

---

[10] Greg. I. R. Epp., I, 6; II, 27, 33, 36; III, 1, 57, 63; IV, 44; VI, 40; VII, 22, 27; VIII, 22; IX, 13, 38, 83, 85, 119, 232, 236; X, 6; XI, 18, 23, 25, 59; XIII, 14, 26, 35. Кроме того, см. ibid., IX, 72; XI, 26 — о богатствах Цетега и правнука Боэция — Симмаха. О роде патрициев Венанциев и других знатных родах Италии см. E. Stein. La disparition du Sénat de Rome à la fin du VI-e siècle.— «Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques de l'Académie de Belgique», 5 série, t. XXV, 1939, p. 319—320; XXVI, 1940, p. 49; J. Sundwall. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919, S. 167; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 618, n. 2; E. Caspar. Geschichte des Papsttums, Bd. II. Tübingen, 1933, S. 339—343.

Луция Гальбина Тициона обширные земельные владения их предков, расположенные близ Рима и в других областях Италии, и передать им все их имущество, кому бы оно теперь ни принадлежало. В Риме семье Тицианов должны были быть переданы все их дома, а новые владельцы изгнаны. Это предписание, касавшееся рода Тицианов, было распространено и на других представителей римской знати, еще не получивших назад утраченные ими наследственные владения (причем полностью отменялось всякое право давности для новых владельцев, захвативших имущество римской аристократии) [11]. За невыполнение этого предписания устанавливался штраф в 100 либр золота (Const. Just., VI).

Все это показывает, как трудно было римской аристократии даже при поддержке византийского правительства отобрать свои прежние владения у завладевших ими новых собственников.

Итак, сопоставляя отрывочные и порою противоречивые данные источников об экономическом положении старой римской аристократии после византийского завоевания, мы можем прийти к заключению, что усилия византийского правительства гальванизировать пришедшее в упадок в правление Тотилы и Тейи сенаторское сословие Рима, хотя и имели некоторый временный успех, но далеко не столь значительный, как ожидал константинопольский двор и как этого требовали знатные эмигранты. Римская аристократия частично восстановила свои владения, но потрясения войны и народных восстаний 40-х — 50-х годов не прошли для нее даром, и она начинает играть все более второстепенную роль рядом с новой феодализирующейся знатью и высшим католическим духовенством.

Несколько более полными сведениями мы располагаем относительно положения церковного землевладения после византийского завоевания.

Политика особого благоприятствования крупному землевладению ортодоксальной церкви, проводимая Юстинианом в Восточной Римской империи, была полностью перенесена в Италию. Церковное землевладение постоянно находило защиту в законодательных предписаниях византийского правительства, охранявших права и привилегии церковной собственности.

Продажа и отдача в залог церковного имущества были запрещены, и церковные земли могли быть сданы в аренду не более чем на три поколения наследственных арендаторов (C. J., I, 2.5;23;24;Nov. Just.,7 и 9). Эти предписания имели целью

---

[11] Очевидно, новые владельцы вели судебные тяжбы с наследниками старых римских родов о спорном имуществе, используя при этом право давности, что и потребовало полной отмены его византийским правительством.

сохранить целостность церковных имуществ, после завоевания они были распространены и на Италию. Особенно важным для католического духовенства Италии было восстановление его прав на захваченные арианами и остготским правительством земли.

Передача в VI в. ортодоксальному духовенству Равенны всех владений арианских церквей и имущества готов-ариан описана историком Равеннской церкви Агнеллом. Он рассказывает, что во время правления его тезки, равеннского епископа Агнелла, после победы Нарсеса над готами, «император Юстиниан, придерживающийся истинной веры, все имущество (substantia) готов уступил этой церкви и велел владеть им блаженному епископу Агнеллу; и не только то, чем они владели в городах, но и в пригородных виллах и даже в деревеньках, и храмы, и алтари, рабов и рабынь и все, что могло иметь отношение к их языческому культу и обычаям,— все это он подарил и уступил» (A g n., 85). Рассказ Агнелла подтверждается документальными данными.

В равеннском папирусе, датированном 565/570 г., содержится упоминание о передаче ортодоксальной церкви Равенны земель, некогда принадлежавших арианской церкви (quod Arianorum quondam ecclesiae fuit). Эти владения были переданы по приказу (pragmatico) патриция Захария дефензорам Равеннской церкви, после чего были установлены размеры подати, уплачиваемой этой церковью в казну (M a r., 87 = T j ä d e r, 2). К сожалению, утрата значительной части текста этого папируса не позволяет определить с точностью, какие именно владения ариан были переданы Равеннской церкви. Однако крупные суммы платежей, вносимые церковью с этих земель в государственную казну, свидетельствуют, что переданные равеннскому ортодоксальному духовенству земельные владения арианской церкви были весьма значительными и по своим размерам и по своей доходности [12].

После византийского завоевания равеннские епископы, используя покровительство правительства, проявили особую энергию в деле приумножения владений своей церкви, весьма обширных уже и в предшествующее время. Важным источником расширения патримониев Равеннской церкви были дарения

[12] Так, равеннское ортодоксальное духовенство приняло на себя обязательства делать установленные взносы и согласилось платить государству с полученных ею владений арианской церкви ежегодно в виде арендной платы (pensio) $932^1/_2$ солида, в виде налогов — 1239 солидов (из них $1153^1/_2$ солида вносить в кассу префекта претория Италии) и, кроме того, выделить еще на раздачи государственным чиновникам (in titulum largitionalem) $85^1/_2$ солидов. Всего Равеннская церковь должна была внести государству с вновь приобретенных земель арианского духовенства $2171^1/_2$ солидов (M a r., 87 = T j ä d e r, 2).

и передача по завещаниям земель представителями самых различных социальных слоев общества. В собрании равеннских папирусов содержится ценнейший материал, характеризующий рост земельных владений Равеннской церкви во второй половине VI — начале VII в.

Пользуясь благоприятной для католического духовенства политической ситуацией после византийского завоевания, высшие сановники Равеннской церкви постарались прежде всего прочно закрепить за своей церковью ранее приобретенные по завещаниям земли и другое имущество. Возможно, они опасались, что эти дарения могут быть кем-либо оспорены. Поэтому между 552—575 гг. дефензоры Равеннской церкви Фома и Киприан, а также церковные нотары обратились к префекту претория Италии Флавию Аврелиану с просьбой удостоверить на заседании Равеннской курии подлинность шести завещаний, сделанных в пользу Равеннской церкви и выдать им официально оформленные документы, подтверждающие права церкви на завещанное имущество (M a r., 74—74A=T j ä d e r, 4—5). Завещания были вскрыты на заседании курии в присутствии префекта претория, магистратов, принципалов, куриалов, свидетелей и представителей церкви; подписи свидетелей были признаны подлинными и установлено, что все завещания имеют законную силу. В документе, к сожалению, не приводится полностью содержание всех завещаний, поэтому мы лишены возможности точно определить ценность завещанного имущества. Однако сам факт обращения Равеннской церкви для подтверждения своих владельческих прав к префекту претория Италии (обычно подобные дела рассматривались лишь чиновниками курии) уже свидетельствует о большом значении для нее завещанных владений. Настойчивые домогательства Равеннской церкви увенчались успехом, и ее представителям были выданы имеющие силу официальных документов копии протоколов заседаний равеннской курии, где была признана подлинность всех шести завещаний.

На основании других равеннских папирусов, датируемых второй половиной VI—VII в., мы можем составить некоторое представление о характере даримого церкви имущества и о социальной принадлежности дарителей.

Общественное положение дарителей можно установить как по их титулам, так и по размерам и богатству дарений. Подавляющее число дарителей принадлежало к землевладельческой и служилой знати, носившей почетные титулы viri clarissimi, magnifices, sublimes, honesta femina (M a r., 74—76, 86; T j ä d e r, 4—6, 13).

К числу знатных и богатых дарителей следует причислить и упомянутых выше представителей византийской администра-

ции и византийских военачальников (M a r., 90, 92, 109 = T j ä d e r, 16, 18—19, 23). Помимо землевладельческой аристократии, среди дарителей церкви встречались также представители богатой торгово-ремесленной верхушки городов Италии, о чем подробно будет сказано ниже.

Как правило, эти знатные и богатые дарители передавали церкви лишь часть своих обширных земельных владений.

В собрании равеннских папирусов сохранилось также несколько завещаний и дарственных грамот, в которых говорится о передаче имущества Равеннской церкви представителями высшего и среднего ортодоксального духовенства. Так, равеннский епископ Аврелиан завещал все имущество своей церкви (M a r., 74—74A = T j ä d e r, 4—5). Богатое дарение монастырям сделал в 587 г. диакон Григорий — он подарил 4 унции в трех своих имениях (Лавериани, Снейяни, Анцессани) с построенным там укреплением (castellum), со всеми домами, лесами, полями, лугами, солеварнями, виноградниками, оливковыми рощами, фруктовыми садами, колодцами и источниками. На содержание монастырской братии передавались все доходы с этих земель, а также право сбора повинностей с живущих там зависимых людей. Сверх того диакон Григорий пожертвовал равеннским монастырям 8 унций из своих земельных владений на Тибуртинской дороге, близлежащее имение Мемордиан и другие смежные имения со всем их имуществом. В дарственной грамоте при этом сделана оговорка, что вместе с имениями к монастырям переходит и обязанность платить с них налоги в казну (Mar. 89). Равеннской церкви завещал свое имущество и диакон Каллоник (M a r., 74—74A = T j ä d e r, 4—5). Приведенные документы показывают наличие значительных богатств и обширных земельных владений, находившихся в частной собственности высшего и среднего католического духовенства Италии.

Помимо этого, сохранилось несколько грамот, в которых из-за их порчи невозможно установить социальную принадлежность дарителей, однако размеры дарений позволяют отнести этих людей к группе богатых вкладчиков. Так, например, неизвестный даритель в VI в. завещал в пользу Равеннской церкви для украшения базилик и на содержание бедных 100 золотых солидов и 100 солидов на постройку укреплений в г. Салонитане и украшение тамошних церквей. Часть имущества завещателя передавалась на выкуп пленных (M a r., 78) [13].

---

[13] К середине VI в. относится и другой фрагмент дарственной грамоты, составленной в пользу Равеннской церкви (T j ä d e r, 27). Состав свидетелей (член корпорации оружейников, сборщик податей, казначей и т. д.) наводит на мысль, что даритель принадлежал к торгово-ремесленной знати.

Итак, указанные завещания и дарственные грамоты относятся к дарениям высшей землевладельческой знати Италии, чиновничества, торгово-ремесленной верхушки городов, высшего и среднего католического духовенства. Таким образом, здесь,как и в предшествующее время (см. выше, стр.55сл.), мы имеем дело с документами, которые свидетельствуют о перераспределении земельной собственности внутри господствующего класса: часть земель переходит из рук землевладельческой и служилой знати, а также торгово-ремесленной верхушки в руки церкви.

Вместе с тем, кроме богатых и знатных дарителей, в равеннских папирусах упоминаются дарители, принадлежавшие к средним слоям общества, имеющие весьма скромное состояние (к сожалению, от изучаемой эпохи сохранилось всего три дарственных грамоты, говорящих о дарении Равеннской церкви небольших участков земли средними и мелкими землевладельцами (M a r.,75,93, 110=T j ä d e r, 6, 20, 24) [14]. Тем не менее они показывают, что и в это время продолжался процесс концентрации земель в руках церкви за счет мелких и средних собственников.

Итак, рост богатств Равеннской церкви продолжался и в конце VI—VII в.[15] И хотя подробное изучение этого вопроса выходит за рамки нашего исследования, для нас важно подчеркнуть, что византийское завоевание бесспорно создало благоприятные условия для дальнейшего роста церковного землевладения и особенно способствовало росту богатств ортодоксальной церкви Равенны — столицы византийских владений в Италии.

История приумножения богатств Равеннской церкви — наиболее яркий и, конечно, не единственный пример роста церковного землевладения в Италии VI—VII вв. (в силу характера сохранившихся документов мы о ней наиболее осведомлены). Другие церкви Италии и, конечно, в первую очередь Римская

---

[14] Эти грамоты будут подробно рассмотрены в связи с изучением положения мелких и средних землевладельцев.

[15] Так, например, в середине VII в. Равеннская церковь получала со своих патримониев в Сицилии большой ежегодный доход, равный, по данным Агнелла, 31 тыс. золотых солидов; кроме того, церковь взимала с сицилийских владений хлеб, овощи, овечьи шкуры, одежду и пр. (A g n., 111). В известные периоды богатство Равеннской церкви мало чем уступало богатствам Римской церкви. Материалы о росте церковного землевладения в Италии после византийского завоевания собраны в следующих работах: П. Н. К у д р я в ц е в. Судьбы Италии..., стр. 85 сл.; L. M. H a r t m a n n. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 357, 396; E. C a s p a r. Geschichte des Papsttums, Bd. II. Tübingen, 1933, S. 320,323; E. S t e i n. Histoire...,t.II,p. 621—622; L. M. H a r t m a n n. Untersuchungen..., S.48-f.; O. B e r t o l i n i. Op. cit., p. 195—197, 208—210.

церковь располагали в этот период значительными земельными владениями и другими богатствами[16]. Патримонии Римской церкви находились, по данным Григория I, в Кампании, в Сицилии, в Далмации близ Салоны, в Галлии и других местах[17].

Забота о росте богатств Римской церкви является лейтмотивом писем многих понтификов VI в., в том числе папы Пелагия I. Пелагий I, а затем особенно Григорий I очень много приложили усилий для укрепления экономического положения папского престола и Римской церкви в Италии, для приумножения церковных богатств и расширения владений католического духовенства[18].

Другие церкви в Италии также располагали земельными владениями, но, конечно, меньших размеров, чем патримонии Равеннской и Римской церквей[19].

Итак, мы рассмотрели в общих чертах судьбы церковного землевладения в Италии после византийского завоевания и можем прийти к заключению, что политика благоприятствования росту землевладения ортодоксальной церкви, проводимая Юстинианом и его ближайшими преемниками, во многом способствовала дальнейшему укреплению экономических позиций католической церкви в Италии.

В заключение обзора положения крупного землевладения в Италии после византийского завоевания нам остается рассмотреть еще вопрос о судьбах крупного землевладения остготской и другой варварской знати.

---

[16] Обширный материал об этом содержит переписка Григория I. Так, например, по данным этой переписки, Римская церковь в конце VI в. располагала в Сицилии такими патримониями, которые она могла сдавать 400 арендаторам-кондукторам. Арендаторы вносили с арендуемых церковных земель государственные налоги в размере около 1500 солидов в год (Greg. I. R. Epp., II, 38). В VIII в. богатства Римской церкви еще более возросли; так, в это время патримонии Римской церкви, расположенные в Сицилии и Калабрии, уплачивали около 25 тыс. солидов налогов, и они приносили доход церкви, равный 356 либрам золота (Teophan. 410).

[17] Greg. I. R. Epp., I, 65—67; 69—71; II, 23, 38; III, 1, 5, 9, 19, 22, 23, 34, 35, 39, 55; IV, 15, 31; V, 7, 31; VI, 10, 13, 34; см. Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. III, S. 187 f.

[18] Вопрос о земельных владениях католической церкви в Италии в конце VI — начале VII в. подробно рассмотрен в следующих исследованиях: Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. III, S. 177—191; E. Spearing. The patrimony of the church in the time of Gregor the Great. Cambridge, 1918; Дж. Луццатто. Указ. соч., стр. 171 сл.

[19] Иногда владения других церквей были тоже весьма обширными; например, в Истрии в VIII в. церковь Аквилеи, кажется, уплачивала около половины налогов всей области (L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 89, 170—171). О земельных владениях различных церквей и монастырей Италии см. P. F. Kehr. Italia Pontificia sive repertorium privilegiorum et litterarum a Romanis pontificibus ante annum 1598 concessorum, vol. I. Berolini, 1906.

Некоторые ученые полагали, что в результате византийского завоевания землевладение остготской знати в Италии было почти полностью уничтожено[20]. Однако это мнение противоречит данным источников.

Проведенная византийским правительством конфискация земель остготов отнюдь не исключала того, что часть представителей высшей остготской знати, перешедшей на сторону империи, сохранила свои земельные владения в Италии.

Равеннские папирусы содержат ценные данные о сохранении в Италии в VI—VII вв. крупных и средних земельных владений остготской и вообще варварской знати. Так, в 553 г. знатная готская женщина Ранила, с согласия своего мужа Фелитханга, передала в дар Равеннской церкви половину своего имения, расположенного на территории Урбино и Лукки. Вместе с половиной земель церкви передавались все рабы и колоны (mancipia), жившие в этой части имения, инвентарь, а также право сбора всех повинностей с зависимых людей поместья. Сверх этого церкви жертвовалось богатое имущество в деньгах, украшениях и одежде. Из перечисленного имущества выделялась часть имения, 15 либр серебра и 50 золотых солидов в одежде и украшениях незаконному сыну покойного отца дарительницы Адерита — Адемунту, при крещении получившему имя Андрея (Mar., 86=Tjäder, 13).

От VII в. сохранилось завещание богатого варвара, видимо остгота, передавшего свои обширные поместья Равеннской церкви и своим родственникам: сыну и семье умершего сына Деоревальда — внукам Бертигизилу и Бертерику, внучке Деороваре и невестке Бертоваре. Имущество завещателя состояло, кроме ценной одежды, украшений и различной утвари, из нескольких имений с виноградниками, полями, лугами, стадами овец, быков, свиней, с сельскохозяйственным инвентарем и зависимыми людьми (Mar., 76). В другом документе упоминается знатная готка Теудифара, выделившая вольноотпущеннице часть своего имения в области Аримина, которую затем вольноотпущенница подарила Равеннской церкви (Mar., 93=Tjäder, 20). Знатная готская женщина (clarissima femina) Вилилива подарила между 613—641 гг. Равеннской церкви свое движимое и недвижимое имущество. В акте дарения

---

[20] F. Martroye. L'Occident à l'époque Byzantine. Goths et Vandales. Paris, 1904; D. de Guldencrone. L'Italie byzantine. Paris, 1914; O. Bertolini. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941. Л.М. Гартман хотя и упоминает о наличии в равеннских папирусах VI—VII вв. остготских имен среди землевладельцев, но все же ошибочно полагает, что после византийского завоевания в Италии сохранились лишь незначительные остатки остготского землевладения (L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 75, 165).

особо оговаривается, что при чтении дарственной грамоты дарительница поняла смысл прочитанного, который был, видимо, разъяснен ей писцом на ее родном языке, ибо латинский язык она плохо понимала (T j ä d e r, 28).

В другом завещании, датируемом 690 г., говорится о передаче Равеннской церкви земельных владений богатого землевладельца — варвара, состоящих из вилл, расположенных в различных местах Равеннской округи. В состав этих вилл входили дома, поля (возделанные и невозделанные), луга, пастбища, леса, водоемы и проточные воды. Всего в завещании перечислено 11 вилл, из которых 9 фактически переходят церкви (в двух из них сохраняется пожизненный узуфрукт — в вилле Гиннахарио в пользу матери завещателя Идданы и в вилле Лектерико — в пользу самого завещателя, с последующей передачей после их смерти этих вилл церкви), одна — жене завещателя Храмнетруде и одна вилла — фиску (M a r., 77).

Из приведенных документов — завещаний, дарственных грамот и т. п. — вырисовывается картина сохранения в Италии после византийского завоевания крупного землевладения остготской знати; в этих документах перед нами предстают имения крупных землевладельцев — варваров, с их разнообразными угодьями, полями, лугами, стадами скота, инвентарем и зависимыми людьми. Все они, в прошлом «еретики» (ариане), теперь стали ревностными католиками и дарят свое имущество церкви «для спасения души» или для получения места погребения в какой-либо церкви (M a r., 76, 77) [21].

Данные равеннских папирусов о наличии в византийских областях Италии в конце VI—VII в. землевладельческой остготской знати подтверждаются известиями нарративных и эпистолярных источников и эпиграфических памятников, упоминающих среди жителей Рима, Равенны и других городов знатных варваров [22]. Сохранились известия и о том, что остготская знать

---

[21] Однако не только эти благочестивые заботы толкали варварскую знать на передачу своих владений церкви; иногда ее представители, вероятно, теснимые византийскими чиновниками и византийской знатью, прибывшей с Востока, искали покровительства и защиты у церкви. Так, например, упомянутая выше знатная готская женщина Ранила искала защиты (tuitio) у Равеннской церкви (M a r., 86=T j ä d e r, 13). В других случаях разоряющиеся потомки остготской знати искали защиты даже у знатных римлян. Так, в 557 г. знатная женщина-варварка, вдова Гудахала, Гундихильда, просила курию города Риети учредить опеку над ее малолетними сыновьями Лендаритом и Ландаритом, ибо имуществу, в том числе земельным владениям сирот, угрожала опасность от других претендентов на наследство и кредиторов. Опека была поручена представителям местной знати (M a r., 79=T j ä d e r 7).

[22] J. B. R o s s i. Inscriptiones christianae urbis Romae septimo saeculo antiquiores, vol. I. Romae, 1861; № 1125—1126; CIL, V, 1588; A g a t h. I, 1; Lib. Pont., 113; G r e g. I. Dial., III, 30.

перешедшая на службу империи, занимала иногда видные посты в военной и гражданской администрации византийской Италии и проникала даже в церковную иерархию господствующей ортодоксальной церкви [23].

Таким образом, после византийского завоевания области Италии, сохранившиеся в дальнейшем в руках империи, имели очень пестрое по этническому составу население, среди которого оставалось немало варваров. Это варварское население, недовольное правлением византийцев, всегда готово было вновь поднять восстание против империи и представляло для византийского правительства постоянную угрозу (особенно во время нашествия лангобардов). Поэтому-то византийцы и пытались привлечь на свою сторону оставшуюся в Италии остготскую знать путем сохранения за ней части ее земельных владений.

Для определения характера изменений, происшедших в сфере поземельных отношений после византийского завоевания Италии, очень важно рассмотреть судьбы мелкого свободного землевладения в изучаемую эпоху. К сожалению, разрешение этой проблемы крайне затруднено краткостью и фрагментарностью источников.

Прежде всего следует отметить, что конфискованные у остготских воинов и их союзников земли все же не целиком отошли византийскому фиску и крупным собственникам, а в какой-то части попали в руки мелких землевладельцев.

Удачливый полководец Нарсес, назначенный наместником и полноправным правителем Италии, роздал, видимо, часть этих земель войскам, в том числе и рядовым воинам пограничных отрядов, охранявших пределы этой провинции от новых набегов варваров. Среди византийских командиров и солдат, получивших эти наделы, конечно, было немало самих варваров, служивших в армии императора и теперь осевших в Италии. Во всяком случае, в равеннских папирусах сохранился документ, свидетельствующий о наличии земельных

---

[23] Так, например, гот Трасарих был magister militum в Риме, а его племянник Вилиарих принадлежал к высшей аристократии этого города (J. B. Rossi. Inscriptiones..., № 1126); пост магистра войск занимал в период византийского владычества в Италии и другой гот Синдила (JK, 1031); готы Ауфрид и Гурдимер были комитами на службе византийского императора (JK, 1782, 1034). Варварские вожди достигали даже таких высоких постов, как дука Неаполя, которым был гот Гудуин (Greg. I. R. Epp., XIV, 10), дука Кампании, обязанности которого выполнял гот Гудискалк (ibid., X, 5), и дука Истрии — гот Гульфар (ibid., IX, 160). Сын гота Унигильда стал папой под именем Пелагия II (Lib. Pont. V. Pelag. II, 1); гот Вилиарий был архидиаконом Равеннской церкви (Agn., 158), Гундилеп и Аламунд — диаконами (Mar., 118), а гот Винкомал дефензором той же церкви (Greg. I. R. Epp., V, 26).

участков в Италии у солдат византийской армии. Так, в 639 г. солдат одного из воинских подразделений византийской армии (т. н. армянского нумера), расквартированного в Италии, по имени Пауляций передал в «дар» Равеннской церкви 3 унции своего земельного владения, называемого Терриатик. Взамен этого дарения он получил от церкви единовременно деньгами 36 золотых солидов и заключил договор о долгосрочной эмфитевтической аренде на все эти 3 унции имения при условии ежегодного внесения арендной платы размером в 1 солид (Mar., 95=Tjäder, 22).

Среди солдат византийской армии в Италии было немало остготов, перешедших на службу императору (Agath., I, 1,20, II,9; Procop. BG, IV, 35, 37). Эти остготские воины-земледельцы, оставшиеся в Италии, переходя на службу к новым правителям, видимо, сохраняли свои земельные участки или какую-то их часть. Свидетельства источников, хотя и очень скудные, все же говорят о сохранении мелкого и среднего остготского землевладения в византийских областях Италии. Так, остгот Манна, подаривший в 575 г. Равеннской церкви свой участок земли, был, видимо, небогат, он имел только одного раба с женой и двумя дочерьми, которых он по завещанию отпустил на волю (Mar., 75=Tjäder, 6). Готы — Вуадульф и его жена Сикифрида—тоже, по-видимому, принадлежали к небогатым землевладельцам средней руки, поскольку они долго вели тяжбу с навикулярием Львом лишь из-за 1 унции какого-то спорного земельного владения и охотно пошли на мировую, по которой Лев заплатил супругам всего 5 солидов (Mar., 131 — середина VI в.).

Еще в конце VI в. рабы-варвары, отпущенные на волю своими господами из числа остготской знати, становились свободными земельными собственниками. Например, между 590—602 гг. вольноотпущенница — варварка Сисевера подарила Равеннской церкви свою часть имения Балониан, расположенного в области Аримина. Этот участок земли она получила, как мы видели, от своей госпожи, знатной готской женщины Теудифары как дар для обеспечения ей средств к существованию после отпуска на волю. Вольноотпущенница удерживала за собой право узуфрукта в течение 10 дней с даримого имущества, вплоть до оформления дарения (Mar.,93=Tjäder, 20).

Вместе с тем, как мы увидим ниже (стр. 463 сл.), немалая часть некогда свободных остготских воинов-земледельцев после византийского завоевания превратилась в зависимых людей, рабов, колонов или арендаторов на землях крупных собственников.

В этот период, как мы упоминали, продолжалось перемещение земельной собственности из рук мелких и средних

собственников в руки крупных, в том числе церкви. Так, среди дарителей, отдающих свои участки земли Равеннской церкви, кроме упомянутых выше, были средние земельные собственники, располагающие незначительными участками земли, в частности духовные лица, имеющие небольшое состояние. Так, дефензор Равеннской церкви Гаудиоз в середине VII в. подарил своей церкви все свое имущество, состоящее только из сада с виноградником в городе Равенне, сохраняя за собой право пожизненного узуфрукта с этого владения (Mar., 110=Tjäder, 24).

Недостаток источников не позволяет сделать какие-либо окончательные выводы о судьбах свободного мелкого землевладения в Италии после византийского завоевания. Можно лишь предположить, что господство византийцев способствовало усилению общей тенденции поглощения мелкой свободной собственности крупной. И только новый приток в Италию свободных земледельцев — лангобардов задержал этот процесс и ограничил его на некоторое время преимущественно византийскими владениями.

Таким образом, в результате византийского завоевания Италии и законодательных мероприятий императорского правительства в завоеванной провинции вновь произошло некоторое перераспределение земельной собственности. Значительную долю конфискованных у остготов и их союзников земель захватили византийские военачальники и чиновники, ставшие крупными землевладельцами, особенно в Северной и Северо-Западной Италии, где по преимуществу находились владения остготов. По всей Италии владения арианской церкви были конфискованы и переданы католической, которая не только восстановила ранее потерянные владения, но и приумножила свои богатства. Земельные владения старой римской аристократии были восстановлены, но, видимо, лишь частично, ибо старая римская знать так и не смогла полностью оправиться от ударов, нанесенных ей в предшествовавший период. Наряду с упомянутыми крупными собственниками в Италии сохранялось и крупное землевладение варварской, в том числе и остготской знати,перешедшей на службу империи.

Возросшее в правление остготов, особенно Тотилы, мелкое свободное землевладение (преимущественно остготское), конечно, сократилось, однако, видимо, не в столь значительных масштабах, так как часть конфискованных у свободных остготских воинов участков земли передавалась солдатам византийской армии, по большей части также варварам.

Из местного населения Италии, конечно, особенно сильно пострадали от византийского завоевания зависимые люди,

освобождавшиеся во времена Тотилы и получавшие небольшие участки земли, а также свободные италийские земледельцы, которые в предшествующее время расширили свои владения за счет земель знати. Теперь именно им приходилось возвращать земли старым собственникам.

б) Изменения в положении сельского зависимого населения Италии после византийского завоевания.

Основным вопросом, встающим перед исследователем, занимающимся историей Италии после византийского завоевания, является вопрос о том, как же изменилось положение народных масс этой страны после подчинения ее власти империи, что принесло византийское завоевание широким слоям трудового населения Италии.

Покорив Италию, византийское правительство прежде всего попыталось реставрировать и укрепить в этой провинции рабовладение и колонат. Иными словами, оно стремилось полностью восстановить социально-экономические устои, столь глубоко потрясенные в период обострения социальной борьбы на Апеннинском полуострове.

Аналогичную политику правительство Юстиниана проводило и в Северной Африке, где после ее завоевания византийскими войсками тоже была сделана попытка укрепить колонат и рабовладение [24]. Однако надо отметить, что если в Северной Африке основное внимание правительства империи было направлено на реставрацию колоната, то в Италии акцент делался на восстановлении рабовладения, что, вероятно, объясняется несколько бо́льшими масштабами сохранения рабства в Италии, чем в Северной Африке [25].

Прежде всего в Прагматической санкции 554 г. об устройстве Италии предписывается возврат всех удерживаемых рабов и колонов (servos etiam vel colonos) их прежним господам вместе с родившимся в течение этого времени потомством (Pragm. Sanc., 16). Привлекает внимание тот факт, что в этом предписании говорится о возврате прежним хозяевам именно тех рабов и колонов, которые удерживаются какими-то другими лицами, т. е. тех, которые лишь переменили хозяев, а не совсем

---

[24] Const. Just., IX; C. E. Zachariae a Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, vol. III, Nov. VI, XIII.

[25] З. В. Удальцова. Политика Византии в Северной Африке при Юстиниане.—ВВ, VI, 1953, стр. 105 сл. Ср. с е ж е. Сельское зависимое население Италии VI века.— ВДИ, 1955, № 3, стр. 86—101.

освободились от власти господ. Объяснить это можно, по-видимому, тем, что старой римской аристократии, в интересах которой, как мы видели, и была в первую очередь издана Прагматическая санкция, наиболее важным представлялось возвратить именно тех рабов и колонов, которые в предшествующий период тем или иным путем осели на землях новой, преимущественно остготской или связанной с остготами италийской феодализирующейся знати. Часть этой знати во время византийского завоевания была разгромлена, но другая часть, и, быть может, довольно значительная, как указывалось выше, сохранила еще свои земельные владения и зависимых людей. Поэтому старым владельцам, требовавшим теперь возврата своих рабов и колонов, приходилось сталкиваться с новыми хозяевами, которые, конечно, всячески сопротивлялись осуществлению этих требований. Именно в связи с этим и стало необходимым издание особого постановления, восстанавливающего в полном объеме права прежних владельцев.

Что же касается беглых рабов и колонов, освободившихся от власти своих господ, то на них теперь распространялись обычные для римского права крайне суровые законы, предписывающие возврат беглецов их прежним господам, ибо в завоеванной Италии восстанавливалось все законодательство Восточной Римской империи (Pragm. Sanc., 11). Возвращение рабов прежним владельцам предусматривала также и другая статья Прагматической санкции, касающаяся вопроса о браках между свободными и рабами (Pragm. Sanc., 15). В этой статье указывалось, что в «нечестивейшее время свирепости готов» нередки были случаи, когда рабы (servi) женились на свободных женщинах или свободные мужчины вступали в брак с рабынями (ancillae). Прагматическая санкция разрешала расторжение подобных браков, предоставляя свободным лицам право ухода; при этом рабыня или раб оставались во власти своих господ, ибо, мотивирует подобное решение законодатель, «господин не должен терпеть никакого ущерба от потери в прошедшее время рабов или рабынь». В случае же, если свободные мужчина или женщина пожелают и в будущем сохранить брачные отношения соответственно с рабыней или рабом, то они не теряют своей свободы, однако дети, родившиеся от этого союза (conjugio), так же, как и все потомство, рожденное ранее, наследуют положение (conditio) матери.

Эта чрезвычайно важная статья Прагматической санкции свидетельствует, что во время подъема волны народных движений многие рабы и рабыни покинули имения своих хозяев и жили среди свободных, вступив в брак со свободными людьми. Ту же картину мы видим и в Северной Африке в период вандальского завоевания и народных восстаний в этой про-

винции [26]. Одной из неотложных задач византийского правительства после завоевания Италии был возврат освободившихся и вступивших в брак со свободными людьми рабов и рабынь их прежним хозяевам, нуждавшимся в рабочих руках для обработки возвращенных им имений. Более того, крупные римские землевладельцы были крайне заинтересованы в возврате не только своих бывших рабов, но и их потомства. Поэтому Прагматическая санкция повторяла положение римского права о том, что дети, рожденные от смешанных браков свободных и рабов, получают статус матери.

Однако византийское правительство все же не хотело слишком обострять ситуацию в только что завоеванной провинции, и потому в Италии вводилось более мягкое, чем в остальной империи, законодательство о смешанных браках. Прагматическая санкция подтверждала более умеренное предписание римского права, согласно которому свободный человек, даже продолжая брачные отношения с рабыней, сохранял свою свободу [27].

Итак, все эти постановления Прагматической санкции имели целью возвратить рабов и колонов прежним хозяевам, чтобы обеспечить римскую рабовладельческую знать не только землей, но и рабочими руками, столь ей необходимыми для восстановления ее хозяйства. При этом основное внимание уделялось возврату рабов.

Однако в сфере социальных отношений, как и в сфере землевладения, византийское законодательство не всегда было вполне эффективно, и далеко не все суровые предписания относительно рабов и колонов могли быть реально претворены в жизнь [28]. Так, особенно большие затруднения встали перед римской знатью и высшим католическим духовенством в отношении возвращения бывших рабов и колонов в зависимое состояние. Конечно, иногда с возвратом прежним собственникам имений под их власть вновь переходило и все сельское

---

[26] C. E. Zachariae a Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, vol. III, Nov. VI, XIII. Ср. З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане.— ВВ, т. V, 1952, стр. 19 сл.; его же. Политика византийского правительства..., стр. 104 сл.

[27] Pragm. Sanc., 15. Ср. Nov. Valentin. III, 30.5.

[28] О социально-экономическом развитии Италии в этот период см. L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 74—93; его же. Analecten zur Wirtschaftgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Gotha, 1904, S. 3—6, 14; его же. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 356, 366; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 614—616; N. Tamassia. L'Italia verso la fine del sesto secolo.— «Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti», LXV, 2 (1905/1906), p. 689—727; R. Cessi. Bizantini e Longobardi in Italia nel sec. VI.— «Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti», XCV, (1935/1936), p. 435—462.

население поместья, находившееся в зависимости от этих господ в предшествующее время. Но, видимо, очень часто возвратившиеся собственники находили свои имения опустевшими и лишенными рабочей силы. Об этом свидетельствуют постоянные жалобы современников на запустение и обезлюдение имений.

В течение длительной и кровопролитной войны в Италии и особенно после поражения войск Тотилы и его союзников — восставших народных масс, много колонов и рабов погибло в неравной борьбе с империей. Но немалое число их бежало из имений господ и нашло убежище в городах или отдаленных областях Италии.

Вкусив свободу, получив в свои руки оружие, рабы и колоны, сражавшиеся в армии Тотилы, не могли добровольно примириться с возвратом в прежнее зависимое положение, и никакая Прагматическая санкция не была в силах вернуть их всех под власть старых господ. Для этого новым правителям Италии пришлось бы в больших масштабах применять самые суровые полицейские меры и насильственно возвращать освободившихся рабов и колонов на прежние места жительства. Однако византийское правительство, видимо, опасалось прибегать к подобным чрезвычайным мерам в недавно завоеванной и еще окончательно не замиренной провинции. Поэтому современные византийскому завоеванию источники, как мы видели, лишь вскользь упоминают о помощи византийской военной администрации в возврате утерянного римской знатью имущества.

В связи с этим очень важно выяснить, насколько удалось византийскому правительству реставрировать рабовладение и усилить зависимость колонов в завоеванной Италии и какие изменения в положении различных групп зависимого населения произошли в это время.

Сведения о рабовладении и положении рабов в Италии во второй половине VI — начале VII в. довольно скудны. Известно, что рабовладение сохраняется как в сельском хозяйстве, так и в ремесле (см. ниже, стр. 481). В подавляющем большинстве дошедших от этого времени дарственных грамот, завещаний, актов продажи имеются упоминания о рабах [29].

Равеннские папирусы содержат данные об этнической принадлежности рабов в Италии конца VI—VII в. Наличие большого числа варварских, главным образом готских, имен среди рабов и рабынь, живших в имениях римско-византийской земле-

---

[29] Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5; Mar., 75 = Tjäder, 6; Mar., 76, 77, 80 = Tjäder, 8; Mar., 81 = Tjäder, 9; Mar., 86 = Tjäder, 13; Mar., 88—84A = Tjäder, 14—15; Mar., 89, 90 = Tjäder, 16; Mar., 91 = Tjäder, 17; Mar., 93 = Täjder, 20.

владельческой знати, свидетельствует о том, что победители в довольно широких масштабах обращали в рабство попавших к ним в плен остготских воинов и их союзников из других варварских племен. Рабы-готы встречались и в имениях остготской знати, перешедшей на службу к империи и сохранившей свои земельные владения в Италии [30].

В этот период рабство еще сохраняет известное хозяйственное значение.

При дарении или завещании те или иные имения обычно передавались новым владельцам вместе с рабами, поскольку рабы еще составляли неотъемлемую их часть и без рабов нормальная обработка земельных владений была невозможна [31]. Патримонии арианской церкви, как мы видели, были переданы ортодоксальному духовенству Равенны вместе с жившими там рабами и рабынями (servos et ancillas.— Agn., 85).

Как видно из документов, рабы выполняли в имениях крупных землевладельцев из остготской и римско-византийской знати, а также во владениях церкви различные сельскохозяйственные работы: ухаживали за виноградниками, пасли скот (Mar.,76), возделывали землю (Mar., 76, 77; Mar., 80= Tjäder, 8; Mar., 86=Tjäder, 13; Mar., 89;91=Tjäder, 17).

Рабы обычно дарились и завещались одновременно со всем сельскохозяйственным инвентарем и рабочим скотом поместья [32].

Папа Григорий I в своих письмах также сообщает о исполь-

---

[30] Последний факт подтверждает наши предшествующие выводы о росте социальной дифференциации среди готов в VI в. и об использовании остготской знатью труда рабов — своих соплеменников. В папирусах встречаются следующие варварские, главным образом готские, имена рабов и рабынь: 1) в имении богатого гота рабы Лунемунд, Баудульф, Гаугиульф, Гигон, Гундилеп, Гундофред, Гунтрахарий, Инигисил, Медигисил, Нинегисил, Синеульф; рабыни Агнехильда, Аудехильда, Аусегунда, Бакиона, Гибертруда (и ее дочь Анфимия, получившая, видимо, это имя при вторичном крещении, связанном с переходом из арианства в католичество), Имнегесила, Имнегунта, Танехильда, Тейгунда и Теодеруга (Mar., 76).

В имении римского богача Колликта жили: рабыня Ранигильда и вольноотпущенник Гудерит (Mar., 80 = Tjäder, 8). В имении готки Теудифары, бывшая рабыня Сисевара (Mar., 93;=Tjäder, 20). Среди вольноотпущенников, которых отпускали знатные готы на волю в VII в., были названы почти исключительно варварские, главным образом германские, имена (Mar., 76, 77).

[31] Mar., 76, 77; Mar., 80 = Tjäder, 8; Mar., 86 = Tjäder, 13; Mar., 89, 90 = Tjäder 16. Лишь в отдельных случаях земли передавались новым владельцам (в частности, жертвовались церкви) без рабов (Mar., 91 = Tjäder, 17; Mar., 88—88A = Tjäder, 14—15).

[32] Mar., 74—74A = Tjäder. 4—5; Mar., 76, 77, 80 = Tjäder, 8; Mar., 86 = Tjäder, 13; Mar., 89, 90 = Tjäder, 16; Mar., 91 = Tjäder, 17.

зовании труда рабов в конце VI в. при обработке земель церкви [33].

Большинство рабов, упомянутых в равеннских папирусах, было посажено на землю и имело свой пекулий. Так, например, по данным одной дарственной грамоты, датируемой VII в., пекулий раба состоял из небольшого домика (hospitiolum), дворика (areola), садика (hortellus), маленького виноградника (vincola) и рабочего скота (Mar., 76) [34].

Дарение и завещание раба обычно сопровождалось передачей новому хозяину пекулия раба (Mar., 76, 77, 89). Отпуск рабов на волю, как правило, производился обязательно с выделением рабу его пекулия для обеспечения ему средств к существованию после получения свободы (Mar., 76, 77; 80 = Tjäder, 8; Mar. 93=Tjäder, 20). Все это указывает на то, что хозяйственная связь раба с его пекулием делалась все прочнее.

Вместе с тем в среде рабов, упомянутых в дарственных грамотах и завещаниях, можно явственно проследить имущественное различие, и труд их использовался в хозяйстве господина по-разному.

Рабы, наделенные пекулием в виде участка земли, принадлежали к числу более обеспеченных рабов. Но наряду с рабами, располагавшими клочками земли, какая-то часть рабов имела в качестве пекулия только рабочий или вьючный скот, используемый при их работе. Так, раб Вуалахарий после отпуска на свободу получил от господина быков, на которых он возил тяжести; очевидно, эти быки составляли пекулий Вуалахария; другие рабы—Гундофред, Баудульф и Сумтахарий тоже получили при отпуске на волю от господина по паре быков. При этом все они после отпуска на волю должны были продолжать работать, возить тяжести, заготовлять дрова, воск, но уже в пользу нового хозяина — Равеннской церкви (Mar., 76).

Лишь некоторые рабы были совсем лишены пекулия. Так, рабы-пастухи и виноградари в иных случаях работали под присмотром колонов, помогали им ухаживать за скотом и возделывать виноградники. Эти рабы, видимо, не имели своего пекулия, ибо пастухи передавались по завещанию вместе со стадами скота, а виноградари — вместе с виноградниками, которые находились на обработке у колонов [35].

---

[33] Greg. I. R. Epp., I, 41, 42; VIII, 5 (говорится о поместье cum servis duobus et boum paria duo); IX,29,30 (familiae massarum).Ср.Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. III, S. 181 f.

[34] И. Дворецкая ошибочно распространяет данные этого папируса на период владычества остготов в Италии (И. Дворецкая. К вопросу о положении зависимого крестьянства..., стр. 179).

[35] Так, один знатный гот передал по наследству своему сыну половину овец, которых стерег колон Вигилий и раб-пастух по имени Гауги-

Из приведенных документов видно, что в поместье крупного землевладельца в Италии VII в. труд раба в большей степени, чем раньше, был связан с трудом колона. При этом колону, как более заинтересованному в труде и более квалифицированному работнику, принадлежала руководящая роль в трудовом процессе, а рабу, как лицу более низкого социального состояния — роль помощника.

Выяснить изменения в экономическом положении рабов в изучаемый период помогают известия источников о том, что рабы, помимо пекулия, зачастую имели и какое-то свое собственное имущество. Так, например, упомянутый выше раб Вуалахарий был отпущен на волю с сохранением всего своего личного имущества (M a r., 76). О личном имуществе бывшего раба говорится и в другом документе (M a r., 80 = T j ä d e r, 8).

Все эти известия источников позволяют наметить в общих чертах основные тенденции дальнейшей эволюции форм рабовладения в Италии после византийского завоевания. Возрастание хозяйственной связи раба с пекулием, увеличение числа рабов, посаженных на землю, все более широкое использование господских рабов в качестве подсобных работников в хозяйстве колонов, живущих на землях господина,— все это указывает на окончательный упадок латифундиального рабства и все большее укоренение новых форм использования рабского труда. В связи с этим происходило дальнейшее изменение если не правового, то во всяком случае реального положения рабов в области семейных отношений. Всеобщим явлением, молчаливо признанным господами, стало теперь наличие семьи у раба. Это подтверждается, в частности, постоянными упоминаниями в равеннских папирусах о семьях рабов [36].

Несмотря на попытки рабовладельческой аристократии Италии при поддержке византийского правительства возродить рабовладение, нерентабельность рабского труда неминуемо вела к дальнейшему сокращению рабства. Так, равеннские папирусы рисуют картину постоянного отпуска рабов на волю, широко практикуемого землевладельцами Италии в конце

ульф, а также двух рабов и четырех рабынь вместе со стадом свиней, за которым они ухаживали. Базилике св. Синсуриана тот же завещатель передал раба-свинопаса со стадом свиней и раба-пастуха со стадом овец и вьючного скота. Своим родственникам он завещал несколько виноградников, обрабатываемых колонами при помощи рабов, принадлежавших хозяину имения (M a r., 76).

[36] Например, рабов отпускали на волю целыми семьями. В одном завещании говорится об отпуске на волю раба Альбана с женой и двумя детьми (M a r.,75). Свои семьи имели упомянутые в равеннских папирусах рабы Синеульф, Гигон, рабыня Иверия (M a r., 76). О семьях рабов рассказывается и в других документах (M a r., 77, 89).

VI — начале VII в. Отпуск рабов совершался по-прежнему как официальный акт, при оформлении которого составлялся особый документ, где точно указывались условия освобождения (Mar., 77, 78; 80 = Tjäder, 8; Mar., 93 = Tjäder, 20)[37]. Нередко отпуск на волю (с сохранением прежних условий) заново подтверждался в завещании господина (Mar., 76, 77)[38]. Часто рабы отпускались на волю по завещанию и делались свободными после смерти хозяина (Mar., 75 = Tjäder, 6; Mar., 76,77).

Как правило, в конце VI — начале VII в. при отпуске на волю раб получал от господина пекулий, обычно состоявший, как мы видели, из небольшого участка земли с домом и двором (Mar., 76; 80 = Tjäder, 8)[39].

По-прежнему существовали различные оттенки в правовом положении отпущенных на волю рабов и в степени сохранения их зависимости от прежнего господина. Иногда отпуск на свободу производился при условии, что вольноотпущенник будет продолжать выполнение определенных работ в пользу прежнего господина[40], в других случаях рабы по милости господина могли быть освобождены от несения повинностей после отпуска на волю[41].

Но в документах конца VI—VII вв. значительно явственнее, чем в предшествующее время, проявляется общая тенденция к полному освобождению раба и приобретению им всех

---

[37] Так, в равенских папирусах сохранился фрагмент записи протокола муниципальных актов равенской курии об отпуске раба на волю. Лицо, отпускающее на свободу раба, обратилось сперва для совершения акта освобождения к епископу Равенны, но тот передал это дело на рассмотрение равенской курии (Mar., 81 = Tjäder, 9; середина VII в.).

[38] Например, епископ Аврелиан и олосприкопрат Георгий, завещая свое имущество церкви, одновременно отпустили на волю своих рабов и рабынь (Mar., 74—74A = Tjäder., 4—5).

[39] Иногда по воле господина раб мог получить и довольно значительное пожалование. В качестве примера можно указать, что упомянутая выше вольноотпущенница Сисевера получила в 590/602 г. при отпуске на волю от госпожи — богатой и знатной женщины Теудифары — «как обеспечение ее свободы» часть имения (fundus), называемого Балоциан, расположенного в области Аримина и включавшего различные угодия (Mar., 93 = Tjäder, 20).

[40] В подобных случаях в документе об отпуске рабов на волю особо оговаривалось, что бывшие рабы и после освобождения должны были выполнять на самого господина и его наследников или на нового хозяина (в случае передачи имения новому владельцу) определенные работы (возить тяжести, доставлять дрова, заготовлять воск и т. п.). При этом оговаривалось, что бывшие рабы будут работать на нового хозяина (в данном документе речь идет о Равенской церкви) столько, сколько он им прикажет (Mar., 76).

[41] Так, например, рабы одного знатного гота вместе с их детьми становились свободными без всяких условий, сохранив свое личное имущество (Mar., 76).

прав свободного гражданина. В равеннских папирусах сохранились документы, свидетельствующие о том, что вольноотпущенники все чаще становятся полноправными римскими гражданами (Mar., 75 = Tjäder, 6); при этом они именуются уже не liberti, а ingenui (Mar., 76; ср. Mar., 77, 81)[42].

Итак, хотя упоминания о рабах в равеннских папирусах и других источниках этой эпохи довольно многочисленны, и не вызывает сомнения, что рабство еще сохранило в известной степени свое значение в сельскохозяйственном производстве, однако экономическое развитие Италии неминуемо вело не только к изменению форм использования труда рабов, но и к дальнейшему сокращению удельного веса рабовладения в хозяйственной жизни италийского общества. Одновременно с сокращением применения рабского труда в поместьях землевладельческой светской и духовной знати, естественно, все большее значение приобретал труд других категорий зависимых людей — колонов и рустиков[43].

Источники сохранили ценные сведения о распространении колоната на землях светских и особенно церковных землевладельцев Италии в конце VI—VII в. Продажа, дарение, завещание земли, по данным равеннских папирусов, в это время обычно связаны с передачей обрабатывающих эти земли колонов (Mar., 76, 86, 89, 114, 115). Дарение и завещание колонов производились обязательно вместе с участками земли, которые обычно назывались колонскими землями (Mar., 86 = Tjäder, 13).

Так, например, в дарственной грамоте от 553 г. указывается, что дарение поместья сделано вместе со всеми его угодьями и сервитутами (servitutibus), а также с жившими в поместье рабами и колонами (Mar., 86 = Tjäder, 13).

Диакон Григорий в 587 г. подарил на содержание монахов одного монастыря свои земли в нескольких имениях и вместе с ними не только рабов, но и колонов. Колоны передавались церкви со всем их имуществом — домами, хозяйственными

---

[42] Правда, иногда рабы получали после отпуска на волю права римского гражданства, но при выполнении определенных условий. Так, рабыня Нимулана становилась свободной гражданкой при условии выделения известной суммы из своего личного имущества в качестве приношения на украшение базилики св. Бонациана (Mar., 76). См. P. S. Leicht. La formula dei cives romani nella manumissione medievale.— «Rivista di studi e di vita romana», 16,1938,p. 499 sg. Следует отметить, что И. Дворецкая ошибочно использует данные приведенных выше документов VII в. для доказательства наличия новых форм отпуска на волю в Остготском государстве (И. Дворецкая. Указ. соч., стр. 179).

[43] См. P. Fabre. Les colons de l'Église Romaine au VI siècle.— «Revue d'histoire et de littérature religieux», vol. I, 1896, p. 74—91.

пристройками, участками пахотной земли, виноградниками, садами и другими угодьями (M a r., 89). Из одного документа мы можем судить о наделах колонов, сидящих на землях крупного землевладельца. По данным этого документа, колон обычно имел в своем владении виноградник на земле землевладельца и обрабатывал его личным трудом, используя в качестве подсобного работника господского раба (M a r., 76). Из другого документа мы видели, что наделы колонов, кроме виноградников, включали поля, луга, пастбища, сады, оливковые насаждения и другие угодья (M a r., 89).

В случае передачи имения вместе с колонами новому владельцу, колоны, как правило, продолжали нести в его пользу все свои повинности, причем новый господин был вправе изменить размеры этих повинностей [44].

Повинности колонов выражались как в барщине, так и в уплате натуральных и денежных взносов. Этнический состав колонов в Италии того времени был пестрым, и среди них были как местные италийские земледельцы, так и превращенные в колонов остготы и другие варвары [45].

Особые категории колонов — рустики и клирики—сидели главным образом на доменциальных землях и в патримониях католической церкви.

---

[44] По данным завещания VII в., некий землевладелец передал Равенской церкви свои имения и своих колонов, которые должны были выполнять теперь различные работы в пользу церкви. Например, колон Лендульф из виллы Латиниак передавался церкви вместе с виноградником, который он обрабатывал; и хозяин приказал, чтобы он работал на церковь и выполнял все повинности, которые будут ему указаны управляющими церковных имений. То же самое относится и к переданным церкви (вместе с виноградниками) колонам Ювию, Ивасию, Леудефреду и другим. При этом ясно указывалось, что на будущие времена новый хозяин — Равенская церковь получала полное право устанавливать по своему усмотрению повинности колонов (M a r., 76).

[45] Среди упомянутых в папирусах имен колонов, живших в имениях готской и римско-византийской знати, встречаются готские и вообще варварские имена: Гаримунд, Имнахарий, Леудефред, Теодахарий, Агила, Синехильда и др. (M a r., 76). Но в отличие от имен рабов, почти исключительно варварских, среди колонов преобладают римско-италийские имена: Абундацций, Ахилий, Валерий, Вигилий, Виктор, Виктуриан, Ивасий, Иоанн, Квинтул, Лев, Проект, Репарат, Сабин, Север, Сивила, Ювий, Юстин (M a r., 76; 137 — T j ä d e r, 3). Наличие у колонов в VII в. готских имен дало основание А. Шиберу утверждать, что якобы после византийского завоевания Италии все побежденные остготы были обращены в колонов (A. S c h i b e r. Das Deutschtum in Süden der Alpen.—«Zeitschrift des Deutschen und österreich. Alpenvereins», Bd. II, 1902—1903). Но мы уже видели, что подобное утверждение противоречит фактам: среди крупных землевладельцев, упомянутых в грамотах этого времени, тоже было немало остготов, впрочем, как и среди рабов. Социальная и имущественная дифференциация оставшихся в Италии остготов, видимо, после византийского завоевания еще больше углубилась.

Представление о хозяйственной организации и управлении церковными патримониями в конце VI — начале VII в. дает переписка папы Григория I. Управление отдельными церковными патримониями находилось в руках управляющих — ректоров (rectores patrimonii) или субдиаконов (subdiaconi) и их чиновников. Они обычно сдавали церковные земли в аренду крупными и мелкими участками арендаторам — кондукторам. Кондукторы в свою очередь ведали сбором платежей с колонов, обрабатывавших эти земли, и несли ответственность за аккуратное выполнение колонами всех повинностей и платежей в пользу церкви.

Во второй половине VI — начале VII в. рустики, по-видимому, являлись довольно распространенной категорией зависимых людей Италии, живших на землях католической церкви. В отличие от предшествующего времени, когда среди рустиков еще было немало лично свободных людей (см.выше,стр.106 сл.), в этот период термин «rusticі» применяется уже почти исключительно к зависимым земледельцам. Хотя рустики в документах VI в. еще отличаются от колонов [46], но их положение все время сближается.

Папа Григорий I называет рустиков «людьми церкви» (homines ecclesiae) и подчеркивает, что в отличие от свободных арендаторов рустики, обрабатывавшие земли церкви, находились от нее в поземельной зависимости. Они уплачивали ренту в пользу церкви как натурой (главным образом зерном), так и деньгами и выполняли барщинные работы (G r e g. I. R. Epp., I, 42; IX, 203—206).

Размер платежей рустиков в большинстве случаев произвольно устанавливался самим высшим духовенством, однако, по-видимому, с учетом освященных обычаем норм, а также урожая данного года [47].

---

[46] Некоторые важные данные, проливающие свет на реальное значение термина «рустик» (rusticus) в Италии VI в., содержит письмо папы Пелагия I к епископу цингуланскому Иоанну, датируемое 555/560 г. В письме идет речь об обмене зависимых людей церкви (mancipia); при этом указывается, что раба-ремесленника (artifex) и министериала (ministerialis puer) следует приравнивать по цене к рустику и колону (contra rusticum vel colonum). Для церкви большую ценность имели сельские работники, поэтому папа Пелагий предписывает епископу Иоанну не отдавать таких людей, которые могли бы иметь хижину (casa) и обрабатывать поле, он предостерегает от обмена их на бесполезных для церкви лиц. С особой строгостью он предписывает заботиться о рустиках, которые, как он поясняет, могут быть кондукторами или колонами, и под страхом личной ответственности запрещает епископу передавать их кому-либо (JK, 956).

[47] О размере денежной ренты, уплачиваемой рустиками патримониев Римской церкви в Сицилии, можно косвенным образом судить по упомянутому выше предписанию папы Григория I (датируемому 591 годом),

Представление если не о точном размере, то о составе повинностей колонов церковных патримониев Равеннской церкви в Падуе дает фрагмент папируса, относящийся, по-видимому, к середине или ко второй половине VI в. Повинности с зависимых людей церкви — колонов, согласно описи, взимались в деньгах и натуре; колоны были обязаны поставлять церкви в виде так называемых добровольных приношений (in xeniis) свиное сало (lardum), гусей, кур, яйца, мед, молоко. Церковные колоны были обязаны отрабатывать недельные барщины (per ebdomada operas) в пользу церкви от одного до трех дней в неделю, причем наиболее часто в описи встречается упоминание о трехдневной барщине (Mar., 137 = Tjäder, 3)[48].

Помимо натуральных и денежных платежей в пользу церкви, рустики уплачивали налоги государству, а также принуждались к выполнению различных ангарий и других повинностей (Greg. I. R.Epp., IX, 203—206; Mar., 137= Tjäder, 3).

Григорий I энергично протестовал против обременения рустиков различными не установленными законами и обычаем платежами и повинностями в пользу государства и частных лиц, однако делал это отнюдь не в интересах защиты прав рустиков, а исключительно в целях сохранения рабочих рук и доходов для самой церкви. Вместе с тем он не советовал своим подчиненным снижать платежи рустиков в пользу самой церкви, а наоборот, требовал их самого тщательного взыскания[49].

в котором говорилось о том, что доходы Римской церкви в Сицилии составляли около 70 фунтов золота в год. Значительная их часть взыскивалась с рустиков этой церковной округи (Greg. I. R. Epp., I, 42).

[48] Размеры денежных взносов с различных владений колебались от 3 до 13 солидов; натуральные поставки: свиного сала от 80 до 160 ф.; гусей от 1 до 4; кур от 8 до 16; яиц от 60 до 120 штук; меда от 70 до 130 ф., молока 100 ф. Всего, по сохранившейся части описи, колоны в Падуе вносили церкви около 3760 ф. свиного сала, 3450 ф. меду, 888 кур, 8880 яиц, 266 цыплят. Однодневная барщина упоминается два раза, двухдневная — раз, трехдневная — четыре раза. Опись сильно попорчена, что не дает возможность сделать окончательных выводов о размере барщины и других повинностей колонов церкви.

О натуральных повинностях колонов в изучаемую эпоху см. Th. Mommsen. Gesammelte Schriften, Bd. III, S. 184 f.

[49] В одном из посланий Григорий I, обращаясь к трибуну Гидрунта с требованием прекратить незаконные поборы с рустиков этой местности, писал: «Ведь Вы знаете, что место это является собственностью нашей церкви, и те немногие рустики, которые там еще остались, в случае если они будут притесняться какими-нибудь неустановленными ангариями или повинностями, покинут это место, чего мы не желаем, и врагам будет дана возможность его грабить» (Greg. I. R. Epp., IX, 205). Сетуя в другом послании на то, что зависимые люди Каллиполитанской крепости, являющейся собственностью церкви, угнетены непомерными повинностями в пользу различных лиц, истощены ангариями и обременены высокими платежами, Григорий I предписывает епископу этой епархии энергично отстаивать привилегии церкви и не допускать

С этой же целью он запрещал передавать управление церковными землями светским людям (G r e g. I. R. Epp., IX, 204) и особо подчеркивал, что трудом церковных рустиков и клириков может располагать лишь тот епископ, под властью которого они живут (G r e g. I. R. Epp., IX, 203).

Приведенные документы достаточно ярко характеризуют борьбу внутри господствующего класса между светскими и духовными землевладельцами за раздел ренты рустиков. Эта борьба заставляла церковь, чтобы сохранить рустиков на своих землях идти на некоторые уступки. Так, например, учитывая хозяйственные нужды рустиков, Григорий I изменил сроки платежей. Если ранее рустики обязаны были вносить первый взнос 1 сентября каждого года, т. е. еще до того как они продавали урожай, то теперь папа разрешил дать им отсрочку для реализации урожая (G r e g. I. R. Epp., I, 42).

Важным свидетельством усиления в конце VI—VII в. зависимости церковных колонов — рустиков было их дальнейшее прикрепление к земле (G r e g. I. R. Epp., IV, 21).

Так, католическая церковь сурово пресекала уход рустиков с церковных земель во владения частных лиц.

Узнав, что рустики Каралитанской церкви покинули свои участки и переселились во владения частных лиц Григорий I строго предписал дефензору Сардинии пресечь уход рустиков на частновладельческие земли, так как это наносит большой ущерб интересам церкви и ее поля остаются невозделанными. Как сообщается в этом послании, высшее духовенство могло насильственным образом возвращать ушедших с земель церкви рустиков и клириков и даже подвергать их за самовольный уход наказаниям (G r e g. I. R. Epp., IX, 203). Стремление католического престола и высшего духовенства удержать рустиков на церковных землях доказывает, кстати сказать, что их труд играл значительную роль в экономической жизни церковных патримониев того времени.

Возрастала и личная зависимость рустиков, живших на церковных землях. Рустики не могли женить своих детей за пределами имения (massa), где они жили (G r e g. I. R. Epp., IX, 128). При вступлении в брак рустики должны были уплачивать в пользу церкви особый денежный сбор в размере одного солида. Взимание этих поборов было связано с различными злоупотреблениями со стороны духовенства. Лишь в случае крайней бедности рустика сумма этого побора снижалась (G r e g. I. R. Epp., I, 42. Ср. IX, 128).

подобных злоупотреблений. В то же время он требует у него тщательного выяснения платежеспособности зависимого населения Каллиполитанской округи, с целью взимания налогов в пользу самой церкви (G r e g. I. R. Epp., IX, 206).

Личная зависимость рустиков, живших на церковных землях, характеризовалась тем, что они (наряду с клириками) подлежали церковной юрисдикции и все дела рустиков разбирались в епископальном суде[50]. Кроме того, рустики были обязаны в случае нужды брать ссуды исключительно у церкви, а не у ростовщиков (G r e g. I. R. Epp., I, 42).

Необходимо отметить, что внутри такой категории зависимых людей, как рустики, в конце VI—VII в. все же существовала имущественная дифференциация. Так, Григорий I различает две группы рустиков — бедняков (pauperes) и зажиточных (divites) (G r e g. I. R. Epp., I, 42). Последних, конечно, было лишь незначительное меньшинство, основная же масса рустиков все больше разорялась.

Разорению рустиков прежде всего способствовали грабежи и притеснения как гражданских чиновников и светских лиц, так и самого духовенства (G r e g. I. R. Epp., IX, 203—206). Немалую роль в обеднении рустиков играла и долговая кабала. В переписке Григория I, например, рассказывается такой случай, когда опутанные долгами рустики разорились и принуждены были продать свое зерно на рынке по дешевым ценам (G r e g. I. R. Epp., I, 42).

Результатом разорения рустиков было их бегство из владений церкви, принявшее в понтификат Григория I значительные размеры. Так, сам папа рассказывает о том, что рустики и клирики Каралитанской церкви покидают ее владения и переселяются на земли частных лиц вследствие притеснений со стороны епископа, причем они ищут защиты от насилий и беззаконий у дефензора Сардинии (G r e g. I. R. Epp., IX, 203). Точно так же и в церковных патримониях, сданных в управление светским людям, рустики были ограблены и бежали, покинув свои насиженные места (G r e g. I. R. Epp., IX, 204).

Массовый характер ухода рустиков с земель церкви приводил иногда к тому, что отдельные местности обрекались на запустение, а в других оставались лишь «немногие рустики» (G r e g. I. R. Epp., IX, 205).

Все сказанное выше показывает, что в положении рустиков в конце VI—VII в. произошли важные изменения по сравнению с временем владычества остготов. Эти изменения выразились в окончательном закрепощении основной массы рустиков и превращении их в наиболее распространенную категорию зависимого населения византийской Италии.

---

[50] В частности, католическая церковь строго следила за благонадежностью и правоверием зависимых от нее людей и сурово преследовала всякое отклонение от догматов «истинной» веры, настаивая на переходе рустиков—ариан и язычников—в католичество, под страхом тяжелых наказаний (G r e g. I. R. Epp., I, 42; IX, 204).

Одновременно в этот период все большее распространение начинают получать различные виды аренды. Как и в Восточной Римской империи, в Италии доменальные земли, владения фиска и отчасти церковные патримонии в VI в. обычно сдавались в наследственную долгосрочную аренду — эмфитевсис (C. J., XI, 62—68). Среди эмфитевтов были как зажиточные землевладельцы, так и небогатые свободные земледельцы. В случае если эмфитевты были недостаточно состоятельными и не могли гарантировать уплату аренды, им по закону назначался богатый поручитель, отвечавший за своевременный взнос ими арендной платы. Для обработки арендованных земель более богатые эмфитевты обычно использовали труд колонов, прикрепленных к земле (C. J., XI, 63. 1.3). Колоны доменальных земель уплачивали через посредство эмфитевтов в казну комита патримониев натуральные (зерном, маслом, вином и другими продуктами) и денежные повинности. Краткосрочная аренда, при которой домены обрабатывались мелкими арендаторами под непосредственным наблюдением государственных чиновников, в VI в. распространения уже почти не имела. Долгосрочная аренда применялась, правда, несколько в меньших масштабах и на частновладельческих землях. Отношения крупных земельных собственников и мелких земледельцев теперь довольно часто основывались на условиях найма-аренды с возобновлением срока арендного договора обычно через 29 лет. При этом арендаторы сохраняли за собой право покинуть места своего жительства по истечении срока аренды.

В VI — начале VII в. эмфитевтическая аренда получила распространение и на церковных землях. В церковных патримониях встречались арендаторы — эмфитевты самого различного имущественного и социального положения. Преобладали среди них, по-видимому, кондукторы, арендовавшие участки земли средних и небольших размеров. Так, в сицилийских патримониях Римской церкви жило около 400 семей мелких свободных арендаторов, имевших только дом, двор и небольшой участок земли (G r e g. I. R. Epp., II, 38). Вместе с тем византийское правительство иногда заставляло церковь в принудительном порядке сдавать свои земли крупными участками в долгосрочную аренду императорским чиновникам, переселявшимся в Италию. Папа Григорий I хотя и понимал хозяйственную эффективность долгосрочной аренды, однако опасался, как бы подобная аренда не привела к фактическому отчуждению эмфитевтами церковных земель, и придерживался правила, установленного еще правительством Юстиниана, об ограничении срока эмфитевтической аренды церковных земель тремя поколениями арендаторов. Конечно, подобные опасения были вполне правомерны в отношении долгосрочных арендаторов

из числа знати и чиновничества, но отнюдь не могли относиться к мелким арендаторам, которые, наоборот, все больше сами попадали в зависимость от церкви. Арендаторы платили канон церкви обычно в деньгах, в отличие от колонов и рустиков, которые кроме того, выполняли натуральные и отработочные повинности. Церковь всячески покровительствовала различным сделкам прекарного характера, когда мелкие свободные землевладельцы уступали ей верховные права собственности, получая обратно свои участки земли в эмфитевтическую аренду (M a r., 95 = T j ä d e r, 22); поощряла церковь также и передачу ей земли с сохранением за прежними владельцами права пользования (узуфрукта), пожизненного или временного, переданным имением или его частью [51].

Долгосрочная аренда для мелких землевладельцев и прекарные сделки в дальнейшем очень часто приводили к превращению их в зависимых от духовных и светских землевладельцев людей.

Итак, заканчивая краткий обзор основных изменений, происшедших в положении сельского зависимого населения Италии после византийского завоевания, мы можем прийти к заключению, что несмотря на значительную пестроту и текучесть различных категорий сельского населения Италии после византийского завоевания, все яснее вырисовывается основная тенденция развития, выразившаяся в сближении положения этих категорий, в их нивелировке.

Если формы использования труда рабов и их положение изменяются в сторону сближения с положением колонов, то одновременно наиболее привилегированные категории колонов, например рустики, теряют свои былые преимущества и окончательно попадают в зависимость от светских и церковных землевладельцев.

И несмотря на то, что византийское правительство, римская аристократия и католическое духовенство прилагали все силы, чтобы повернуть вспять социально-экономическое развитие завоеванной провинции и восстановить для значительной части сельского населения Апеннинского полуострова прежнее зависимое положение, осуществить это им далеко не всегда удавалось. Задуманная византийским правительством и его союзниками реставрация рабовладения на деле успеха не имела. Ос-

---

[51] При этом, конечно, необходимо строго различать дарения небогатых людей с сохранением узуфрукта, обычно пожизненного, которые являлись по существу той же прекарной сделкой с церковью (M a r., 88—88A; 93, 110 = T j ä d e r, 14—15, 20, 24), и сохранение временного узуфрукта богатыми жертвователями (M a r., 77, 86, 89, 90—92 = T j ä d e r, 13, 16, 17, 18, 19).

вободительная борьба народных масс Италии и остготов, с особой силой вспыхнувшая в 40—50-х годах, все же, несмотря на поражение сторонников Тотилы, принесла свои реальные плоды, и победители волей-неволей должны были считаться с завоеваниями народных масс и с реальными изменениями, которые произошли в социально-экономической жизни этой провинции.

Византийским завоевателям и римской аристократии в силу необходимости приходилось, наряду с применением законодательных предписаний о возврате рабов и колонов старым хозяевам, изыскивать еще и другие, более гибкие формы привлечения сельского населения Италии к обработке своих имений.

Иными словами, реставраторская политика византийского правительства, направленная на восстановление рабовладения, по существу потерпела крах, ибо социально-экономические процессы, связанные с общим развитием феодализма в Италии, конечно, не могли быть на сколько-нибудь длительное время задержаны или приостановлены никаким императорским законодательством, никакой Прагматической санкцией Юстиниана.

§ 2. Города, ремесло и торговля в Италии после византийского завоевания

При изучении экономики Италии после византийского завоевания наибольшие трудности возникают в связи с крайней скудостью источников, характеризующих положение городов Апеннинского полуострова в конце VI—VII в.[52]

По окончании войны византийское правительство приложило немало усилий для восстановления разрушенных и пришедших в запустение городов страны. В правление Нарсеса был восстановлен Милан и другие города Северной Италии. Марий из Авентика, восхваляя строительную деятельность византийского наместника, пишет по этому поводу: «Нарсес — префект и патрикий, победитель таких тиранов, как Бадуила и Тейя, короли готов, и вождь франков Буцеллин, а также герул Синдевальд, — достойным образом восстановил Милан и другие города, которые были разрушены готами» (Mar. Avent. a. 568).

По словам другого хрониста, патрикий Нарсес, после того как он прекрасным образом управлял Италией в течение 12

---

[52] О городах в Италии в этот период см. G. Mengozzi. La città italiana nell alto Medio Evo. Roma, 1914 (ed. 2, Firenze, 1931), parte I, p. 1—79; F. Cusin. Per la Storia del castello medievale.—«Rivista storica Italiana», ser. V, vol. IV, 1939, p. 491—542.

лет, восстановил города и укрепления до прежнего их состояния (Cons. Ital., p. 337). Агнелл сообщает, что еще во время войны с готами византийцы восстановили разрушенный ранее город Форум Корнелия (Agn., 79).

Предметом особой заботы Юстиниана и его наместника являлся Рим, защитниками древних привилегий которого были римские сенаторы и папский престол. По данным Иоанна Лида, император давно лелеял честолюбивую мечту «возвратить Риму все привилегии Рима» (Lyd. De mag., 55) [53].

Византийское правительство проявляло заботу о восстановлении древней столицы империи, преследуя в первую очередь политические цели: укрепление престижа империи, связанного во многом с традициями ее древней столицы — местом пребывания сената, римской аристократии и высшего католического духовенства. С этой целью предписывалось возобновить все привилегии, дарованные некогда Риму, для восстановления государственных мастерских и проведения общественных работ по очистке русла Тибра, благоустройству форума, римского порта и реставрации города. При этом особо оговаривалось, что привилегии Рима ныне восстанавливались на тех же условиях, на которых они ему были ранее дарованы. Иными словами, возобновлялись государственные субсидии на проведение общественных работ в Риме, как это было в Поздней Римской империи (Pragm. Sanc., 25).

Вполне возможно, что византийское правительство, следуя традиционной политике римских императоров, широко покровительствовало проведению общественных работ в Риме, исходя не только из желания восстановить былой блеск древней столицы, но и стремясь обеспечить работой и средствами к существованию наиболее опасную для правительства и беспокойную часть населения города — римских ремесленников и городскую бедноту Рима.

Трудно судить из-за отсутствия источников, насколько выполнялись обещания византийского правительства о проведении работ по восстановлению Рима и в каких масштабах осуществлялись эти работы. Лишь некоторые косвенные данные указывают, что при тяжелом финансовом положении Италии, да и всей Восточной Римской империи, обещания византийского правительства о широком проведении общественных работ по восстановлению Рима во многом долгое время оставались лишь обещаниями. Так, мост через реку Анио, по которому пролегала одна из важнейших торговых дорог Рима и всей Италии

---

[53] См. F. Cognasso. Relazioni religiose e politiche tra Roma e Bisanzio. Torino, 1947, p. 1—274; P. Classen. Rom und Byzanz von Diocletian bis zu Karl dem Grossen. Stuttgart, 1954, S. 1—56.

Via Salaria, был восстановлен лишь к 565 г., т. е. спустя одиннадцать лет после издания Прагматической санкции [54].

Другие законодательные предписания правительства Юстиниана, направленные в известной мере на поднятие экономического состояния разоренных войной городов Италии, одновременно являлись немаловажной политической уступкой населению этой провинции. Серьезной уступкой населению Рима, вызванной стремлением предотвратить возможную вспышку новых народных волнений, было восстановление в прежнем размере государственных раздач хлеба и других продуктов беднейшим гражданам города [55]. Вновь восстанавливая раздачу аннон беднейшему населению Рима [56], византийское правительство надеялось таким путем приобрести популярность среди жителей древней столицы и тем самым упрочить свое положение в Италии.

Зерно для снабжения жителей Рима обычно доставлялось из Сицилии, где оно взималось в качестве натуральных налогов (Greg. I. R. Epp., I, 2); в период византийского господства лишь иногда в виде особой милости императорское правительство посылало в Рим субсидии зерном или деньгами (Greg. I. R. Epp., V, 30).

Стремясь вновь сделать Рим важным центром науки и просвещения, византийское правительство старалось привлечь на свою сторону симпатии образованных римлян. С этой целью императорское правительство должно было в первую очередь позаботиться о материальном положении обедневших римских риторов и грамматиков. Особым постановлением Прагматической санкции византийское правительство вновь восстановило государственное содержание, выдававшееся ранее грамматикам, риторам, медикам и юристам, обучавшим знатных юношей в Риме (Pragm. Sanc., 22).

В целях укрепления экономики завоеванной Италии византийское правительство принимало некоторые меры для поощрения развития ремесла. Главной заботой византийского правительства было восстановление государственных мастерских.

Прагматическая санкция предписывала восстановить в Риме государственные мастерские (publicarum fabricarum reparatio), используя государственные субсидии (Pragm. Sanc.,

---

[54] H. Dessau. Inscriptiones latinae selectae, vol. I. Berolini, 1892, № 832. См. E. Stein. Histoire..., t. II, p. 647.

[55] Pragm. Sanc., 22. Раздачи были восстановлены в том же размере, что и при Теодорихе (см. выше, стр. 329 сл)..

[56] О раздачах других продуктов, кроме хлеба, точных сведений не сохранилось, но если такие натуральные поставки, как поставки мяса, могли заменяться денежными взносами, то и раздачи этих продуктов, видимо, заменялись денежными выдачами (Greg. I. R. Epp., V, 39).

25). Крайняя скудость источников не позволяет, однако, установить, насколько успешной была эта попытка возродить государственное ремесленное производство в Италии; вероятно, значительных результатов она не принесла. Мы имеем лишь краткое упоминание в письме папы Пелагия I о том, что в его понтификат в Италии была восстановлена одна государственная мастерская по производству одежды (гинекей) (JK, 956)[57].

Очень мало сведений дошло до нас и о положении частного ремесла. Однако не вызывает сомнения существование в конце VI—VII в. довольно развитого ремесленного производства в таких крупных городах Италии, как Рим, Равенна, Неаполь, Милан, Отранто и др.[58]

Равенские папирусы и другие источники сохранили сведения как о привилегированных ремесленниках, производивших предметы роскоши, так и о рядовых, изготовлявших предметы первой необходимости и другие разнообразные ремесленные изделия, рассчитанные на потребление широких народных масс. К первой категории можно отнести менял (argentarii)[59], золотых дел мастеров (aurifices) (Mar., 91 = Tjäder, 17), меховщиков (gunnarii) (Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5) и др.; ко второй — булочников (Mar., 121; Greg. I. R. Epp., IX, 200), портных (Mar., 88—88A = Tjäder, 14—15); красильщиков (Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5), свечников, изготовлявших восковые свечи (cereari) (Mar., 120), сапонариев — мыловаров (Mar., 117) и др. Есть упоминание и о таком специальном ремесленном производстве, как производство различного оружия (Tjäder, 27). Особое и довольно привилегированное положение занимали врачи (Mar., 120) и писцы (Mar., 91, 92 = Tjäder, 17, 18—19).

В городах Италии в это время жило много гончаров, плотников, строительных рабочих и других мелких ремесленников, обслуживающих нужды жителей городов и государственного и частного строительства. Немало было и искусных резчиков по камню, мозаичистов, художников, архитекторов, о чем ярко

---

[57] Возможно также, что в это время существовали государственные мастерские по окраске тканей, ибо в одном равенском папирусе упоминается красильщик, принадлежащий к числу государственных ремесленников (tinctor publicus.— Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5).

[58] О ремесле в Италии в раннее средневековье см. L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 76—77; P. Boissonade. Le travail dans l'Europe chrétienne au Moyen-Âge (V—XV ss.). Paris, 1921; P. S. Leicht. Operai artigiani agricoltori in Italia dal secolo VI — al XVI. Milano, 1946, p. 31 sq.; M. Lombard. L' évolution urbaine pendant le haut moyen âge.— «Annales», 1957.

[59] Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5; Agn., 57, 59, 77; CIL, XI, 350; JE, 1805.

свидетельствуют замечательные произведения архитектуры и искусства той эпохи.

В Италии на рубеже VI—VII вв. ремесленники одной какой-либо профессии по-прежнему были объединены в корпорации (ars или corpus) [60].

Очень важно упоминание в недавно изданном фрагменте папируса середины VI в. о существовании корпорации оружейников в Равенне (T j ä d e r, 27). Известны, кроме того, корпорации булочников (ars pistorum) в Отранто (G r e g. I.R.Epp., IX, 200) и в Равенне (M a r., 121), сапонариев в Неаполе (JE, 1639), врачей в Равенне (M a r., 120). Особенно многочисленны упоминания в равенских папирусах о корпорации писцов (tabelliones). Объединения писцов существовали в Риме (M a r., 92 = T j ä d e r, 18—19), в Равенне и в Равенском Классисе [61]. Писцы были организованы в специальные scholae, во главе которых стоял примицерий (primicerius. — M a r., 110 = T j ä d e r, 24).

Ремесленные корпорации имели свои статуты, которым обязаны были подчиняться все ремесленники, входившие в корпорацию [62]. За нарушение установлений этих статутов виновным грозило наказание, обычно в виде штрафа. При вступлении в корпорацию ремесленники должны были вносить особый вступительный взнос, а при самовольном уходе из корпорации уплачивать штраф (M a r., 112, 113, 114, 121).

Имеются, однако, сведения об упадке некоторых корпораций в конце VI в. Так, папа Григорий I сообщает о временном прекращении деятельности менял в Риме в конце VI в. (JE, 1805). Упадок корпорации менял, видимо, был связан с сокращением денежных операций в Риме в это время.

---

[60] О ремесленных корпорациях в Поздней Римской империи и в Италии в раннее средневековье см. J. P. W a l t z i n g. Étude historique sur les corporations professionelles chez les Romains, vol. 1—4. Bruxelles, 1895—1900; A. S t ö k l e. Spätrömische und byzantinische Zünfte. Leipzig, 1911; F. G. Lo B i a n c o. Storia dei Collegi artigiani dell'Impero. Bologna, 1934; G. M. M o n t i. Le Corporazioni nell'evo antico e nel l'alto Medio Evo. Bari, 1934; P.S. L e i c h t. Corporazioni romane ed arti medievali. Torino, 1937. О дальнейшей эволюции корпораций и превращении их в цехи в средневековой Италии см. E. R o d o c a n a c h i. Les corporations ouvrières à Rome depuis la chute de l'Empire Romain, vol. 1—2. Paris, 1894; A. S o l m i. Le Associazioni in Italia avanti le origini del Comune. Modena, 1898; A. S o l m i. Le Corporazioni nel Medio Evo. Milano, 1934.

[61] M a r., 75, 80, 88—88A, 95, 112, 113, 114, 120, 122 = T j ä d e r, 6, 8, 14—15, 22, 25, 28.

[62] Например, корпорация сапонариев города Неаполя жаловалась папе Григорию I на одного чиновника дворца эпарха (palatinus), обвиняя его в том, что он наложил на них незаконные поборы и не уважал их статуты (JE, 1639).

Равеннские папирусы и другие источники сохранили хотя и отрывочные, но все же весьма ценные сведения об имущественном и общественном положении представителей некоторых ремесленных профессий.

Ремесленники, принадлежащие к привилегированным профессиям, особенно менялы, золотых дел мастера, меховщики и т. п., видимо, были людьми весьма состоятельными, располагавшими значительными средствами. Агнелл, например, рассказывает о богатом равеннском аргентарии Юлиане, построившем на свои средства церковь (Agn., 57, 59). Золотых дел мастер Епифаний был человеком богатым и влиятельным в городе Риме, ибо он выступает в качестве свидетеля при составлении акта дарения вместе с другими почтенными римскими гражданами — трибуном Флавием Анастасием, адоратором Теодатом и военным командиром Георгием (Mar., 91 = Tjäder, 17).

Состоятельные ремесленники привилегированных профессий были одновременно и землевладельцами, обычно владевшими в городской округе имениями, населенными зависимыми людьми.

Так, vir honestus аргентарий Флавий Василий владел имением по названию Ветезека, расположенным в городской округе Равенны (Mar., 113). Исаакий, сапонарий в Равеннском Классисе, купил в 541 г. за 20 солидов у клирика Минула 2 унции имения, называемого Домициан, с солеварнями, посевами, оливами, фруктовыми деревьями и источниками (Mar., 117).

Vir honestus, портной (bracarius) Бон, выступающий в одном документе в качестве дарителя и узуфруктуария Равеннской церкви, обладал довольно большим имением (fundus) близ Равенны, а также домом и мастерской в самом городе. Согласно сохранившейся дарственной грамоте, Бон и его жена Мартирия подарили епископу Равеннской церкви Петру в 572 г. 6 унций своего городского имущества и $7^1/_2$ унций имения, называемого Квадрантул. При этом они сохранили за собой право пожизненного узуфрукта с этого имения (Mar., 88—88A = Tjäder, 14—15).

Богатые аргентарии, меховщики, ювелиры и другие именуются обыкновенно в сохранившихся документах cives honesti, viri honesti или даже viri clarissimi. Это указывает на то, что они занимали почетное место среди граждан своего города.

Совершенно иным было имущественное и социальное положение городских ремесленников непривилегированных профессий, живущих трудом своих рук. К сожалению, известий о них источники почти не сохранили. Да это и немудрено: хронисты и историки из высшей знати и духовенства не интере-

совались бедными ремесленниками, а в актовом материале зафиксированы лишь сделки, требующие владения немалым имуществом, которого у мелких ремесленников, естественно, не могло быть.

В городском ремесле изучаемой эпохи по-прежнему еще применялся рабский труд. Доказательством этому является включение в состав городского имущества упомянутого выше портного Бона городских рабов, работавших в его ремесленной мастерской. Характерно, что при дарении этого имущества церкви даритель сохранил за собой всех своих рабов. Это объясняется, видимо, тем, что, покидая город и переселяясь в свое сельское имение, Бон перевел туда и своих рабов с целью использования их труда при обработке имения (Mar., 88—88A= Tjäder, 14—15).

К сожалению, скудость источников не дает нам возможности определить масштабы сохранения рабства в ремесленном производстве в городах Италии после византийского завоевания.

Известный интерес для исследователя представляет попытка установить, хотя бы в самых общих чертах, этническую принадлежность ремесленного населения крупных городов Италии конца VI—VII в. Почти все без исключения имена представителей ремесленных профессий, упомянутые в папирусах VI—VII вв., являются латинскими или греческими, варварские имена среди них отсутствуют[63].

Вместе с тем сельское население Равенны и ее округи (как землевладельцы, так и колоны и рабы) носило, наряду с греко-латинскими, варварские имена [64]. Следовательно, варварские этнические элементы в городское ремесло Италии проникали в значительно меньшей степени, чем в сельское хозяйство. Очевидно, что в городском ремесле таких крупных италийских центров, как Равенна, Рим, Неаполь, преобладали римские, а с VI — начала VII в. все больше стали появляться греческие ремесленники [65].

При изучении положения ремесленного производства в Италии в ту эпоху наиболее сложным является вопрос о деревенском ремесле и ремесле в поместьях земледельческой знати.

Недостаток источников не позволяет определить, в какой степени было развито ремесленное производство в сельской

---

[63] В папирусах и других источниках конца VI—VII в. встречаются такие имена ремесленников различных профессий: Аммоний, Бон, Виталий, Епифаний, Исаакий, Лаврентий, Лев, Флавий Василий, Флавий Констанций, Юлиан и др.

[64] См. выше, стр. 463 и 468.

[65] О проникновении в Италию византийцев и византийской культуры см. Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 241—288.

округе, в имениях землевладельцев. В равеннских папирусах сохранилось только одно прямое указание на наличие ремесленного производства непосредственно в деревенском поместье.

В документе, говорящем о передаче Равеннской церкви владений арианского духовенства, рассказывается о том, что в поместье (massa), которое арендовал некий Иоанн Капитулярий, была мастерская (taberna.— Mar., 87 = Tjäder, 2).

В равеннских папирусах имеется, кроме того, упоминание о таком специфическом промысле, как переработка воска непосредственно в поместье. В сохранившемся от VII в. завещании богатого варвара-землевладельца говорится о передаче Равеннской церкви повинности колонов данного поместья по изготовлению изделий из воска (Mar., 76).

Некоторые косвенные данные убеждают в том, что в имениях, видимо, производились главным образом предметы первой необходимости, особенно нужные для удовлетворения потребностей зависимого и неимущего свободного населения сельских местностей. Так, в описи передаваемого по наследству имущества вольноотпущенника Гудерита перечисляются грубые керамические изделия, глиняная и металлическая посуда, домашняя утварь, примитивные сельскохозяйственные орудия, грубая одежда и т. п. (Mar., 80 = Tjäder, 8).

Вполне допустимо предположить, что какая-то часть этих вещей (например, единственная дорогая вещь — шелковая рубашка) была куплена в городе, но скорее всего бедняку-вольноотпущеннику было не под силу покупать в городе предметы ремесленного производства, и он принужден был довольствоваться более грубыми вещами, изготовленными кузнецами, гончарами, шорниками, ткачами и другими ремесленниками, жившими в деревенских поместьях италийской знати. Быть может, какая-то часть ремесленных изделий, принадлежащих самим землевладельцам, перечисленных в той же грамоте (сельскохозяйственные орудия — серп, кирка, сосуды для масла и вина, упряжь для вьючного и рабочего скота, посуда, утварь, ступки для размола зерна и т. п.— Mar., 80 = Tjäder, 8), также была произведена в самом поместье. Эти сведения слишком скудны для каких-либо определенных выводов и тем не менее можно предполагать, что общий ход экономического развития Италии, как и других стран Европы, вел в раннем средневековье к временному перемещению ремесленного производства из городов в поместья [66].

Вместе с тем мы все же не имеем достаточных оснований говорить о полном упадке городского ремесла в конце VI—

---

[66] Дж. Луццатто. Указ. соч., стр. 163.

VII в., поскольку приведенные выше данные свидетельствуют о сохранении в городах ремесленного производства, а приток из Византии искусных ремесленников-греков мог этому только способствовать.

Сведения источников о состоянии италийской торговли в VI в. столь же отрывочны, как и о положении ремесленного производства. Подчинив себе Италию, византийское правительство должно было столкнуться с тяжелым положением италийской торговли и принять меры к ее подъему, поскольку, видимо, сознавало необходимость укрепления как внешних, так и внутренних торговых связей для Италии. В этих целях оно провело некоторые, правда, довольно ограниченные мероприятия по улучшению состояния торговли в завоеванной провинции.

Прежде всего развитию торговли в Италии должно было способствовать предписание Прагматической санкции, предусматривающее проведение на государственные средства мелиоративных и строительных работ по очистке русла Тибра и по восстановлению римского порта (Pragm. Sanc., 25). Особое внимание византийского правительства к поощрению торговли, и в первую очередь морской, объясняется непосредственной заинтересованностью Восточной Римской империи в восстановлении ее торговых связей с Италией.

Установление хотя бы относительного политического единства Италии и сближение ее с остальной империей, бесспорно, должно было в известной мере содействовать возрождению торговых связей Италии с восточными провинциями империи и укреплению торговли внутри страны. Однако, как и в области ремесленного производства, законодательные распоряжения византийского правительства, стимулирующие развитие торговли в Италии, не всегда могли быть осуществлены. Строительство дорог, мостов, восстановление портов и гаваней, намеченное византийским правительством, хотя и проводилось, но все же очень медленно из-за постоянной нехватки средств и поэтому не было завершено до лангобардского завоевания Италии. Этому мешало как общее разорение страны, так и грабежи византийских правителей во главе с Нарсесом, черпавших без всякого стеснения из государственной казны значительные суммы, зачастую предназначавшиеся на общественные работы.

Кроме того, политика византийского правительства в отношении купечества Италии отнюдь не была последовательно покровительственной.

В тех случаях, когда интересы торговых слоев в какой-то степени сталкивались с интересами землевладельческой знати Италии, византийское правительство всегда становилось на сторону последней. Так, императорское законодательство

переложило на купцов Апулии и Калабрии всю тяжесть проведения принудительных закупок продуктов в пользу государства (coemptio), освобождая от выполнения данной повинности посессоров этих областей Италии (Pragm. Sanc., 26). Оно накладывало на купцов различные пошлины [67]. Подобные меры были обусловлены прежде всего общей социальной направленностью экономической политики в Италии, проводимой в интересах римской землевладельческой знати.

Кроме того, правительство империи, поощряя в известной мере развитие торговли Италии и тем самым стремясь стимулировать экономический подъем разоренной войной провинции, одновременно преследовало свои особые цели фискального характера.

Вместе с тем вполне возможно, что определенное влияние на введение подобных ограничительных мер в отношении купечества Италии имело и давление, оказываемое на правительство Юстиниана константинопольской торгово-ремесленной знатью и торговцами восточных провинций империи, видевшими в италийских купцах своих конкурентов.

Таким образом, экономическая политика византийского правительства в конечном счете была направлена к обеспечению подъема италийской торговли, с целью повышения благосостояния и тем самым платежеспособности населения Италии; но вместе с тем экономические интересы купечества Италии и Сицилии, как правило, все же подчинялись интересам крупных землевладельцев, и политика благоприятствования италийской торговли зачастую сменялась ограничительными мерами по отношению к купечеству как самого Апеннинского полуострова, так и Сицилии.

В целях оздоровления торговли и финансов правительством Юстиниана были проведены некоторые мероприятия по урегулированию монетного обращения в Италии и укреплению полноценной монеты — золотого солида [68]. В особой главе Прагматической санкции предписывалось, чтобы во всех провинциях Италии имели беспрепятственное хождение полноценные солиды древних римских императоров без всякого снижения их реальной стоимости при обмене. При посредстве императорских солидов теперь должны были заключаться все

---

[67] См. ниже, стр. 514.

[68] Непосредственно после византийского завоевания наибольшее значение имели монетные дворы в Равенне и Риме, позднее в Неаполе, Сицилии, Катании, а в лангобардской Италии — в Милане; чеканилась главным образом медная, а при Юстиниане еще и серебряная монета; чеканка золотой монеты была монополией самой империи. Позднее монеты стал чеканить и папский престол. См. L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 77, 166—167.

сделки. За несоблюдение этого предписания виновные несли материальную ответственность. «Тот,— говорится в постановлении,— кто осмелится причинить какой-либо убыток из-за обмена монеты за каждый солид уплачивает другой солид тому, с кем он заключил сделку» (Pragm. Sanc., 20).

Причины издания этого постановления указываются в самой Прагматической санкции. Византийскому правительству стало известно, говорится там, что в Италии имеется много солидов древних римских императоров, но купцы и разные другие лица при обмене таких солидов снижают их стоимость и тем самым наносят ущерб налогоплательщикам (Pragm. Sanc., 20).

Сама эта мотивировка уже наводит на мысль, что византийское правительство, заботясь о стабилизации монетного обращения в Италии, преследовало прежде всего фискальные цели. Оно стремилось поднять платежеспособность своих подданных и в то же время следило, чтобы в казну поступали при уплате налогов преимущественно полновесные золотые солиды римских императоров, а не монеты, чеканенные в период господства остготов. Кроме того, это постановление ставило своей задачей поднять значение римской монеты и повысить доверие населения к деньгам, чеканившимся римскими императорами. Иными словами, оно носило тот же характер реставрации порядков Римской империи, как и другие предписания Прагматической санкции. Можно предположить, что издание законодательного акта, возрождавшего прежнее значение римской монетной системы, отвечало также и интересам высшей римской аристократии. Ведь полноценные золотые солиды римских императоров накапливались длительное время в виде сокровищ именно у представителей римских аристократических родов и припрятывались ими в период господства в Италии остготов и других варваров. Интересы римской знати весьма чувствительно ущемлялись тем, что в Италии в период, предшествовавший византийскому завоеванию, обмен римских золотых солидов на монету, чеканившуюся в правление остготских королей, производился не эквивалентно их стоимости. Пользуясь тяжелыми обстоятельствами военного времени, купцы и менялы обменивали полновесные золотые солиды на невыгодных для прежних владельцев монеты условиях. Поэтому-то высшая аристократия Италии была особенно заинтересована в восстановлении старого римского монетного обращения. Стабилизация монетного обращения и восстановление старой римской денежной системы были выгодны и католической церкви, располагавшей немалыми денежными сокровищами в римской монете.

Известные выгоды она приносила и для части купечества Италии, ибо унификация монетной системы содействовала

укреплению торговых связей с Востоком. Старая римская денежная система была также привычнее и удобнее для византийской администрации и византийских налоговых сборщиков в Италии. В целом же реформа денежного обращения, проведенная византийским правительством, до известной степени укрепляла административные и финансовые связи Италии со всей Восточной Римской империей. В то же время она носила консервативный характер и выражала обычное для правительства Римской империи стремление — «постоянно покровительствовать денежному обмену, укрепляя традиционную для Римской империи хозяйственную основу рабовладельческого государства» [69].

Каковы же были реальные результаты политики византийского правительства для дальнейшего развития торговли Италии? [70] Равеннские папирусы, нарративные и законодательные источники, к сожалению, сохранили лишь краткие упоминания о существовании купеческого населения в различных городах Италии в изучаемую эпоху. Так, в новой столице Италии, связанной торговыми отношениями с Византией, и в ее порту Классис в VI — начале VII в. сохранялась еще влиятельная прослойка купечества (negotiatores) [71]. Среди купцов своим богатством выделялись торговцы драгоценными шелковыми тка-

---

[69] Э. Кондураки. К вопросу о натуральном и денежном обмене в Римской империи.— ВВ, XIV, 1958, стр. 37. О монетном обращении в Италии VI в. см. Ugo Monneret De Villard. La monetazione nell'Italia barbarica.— «Rivista italiana di numismatica e scienze affini», vol. 32, 1919, p. 22—112.

[70] В научной литературе нет единого мнения в оценке роли византийского завоевания в судьбах италийской торговли. Л. М. Гартман полагал, что постоянные войны с остготами, византийцами и лангобардами и бедствия «смутного» времени привели к постепенному упадку торговли Италии (L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 92). А. Допш, наоборот, доказывал, что торговля в Италии в это время не переживала упадка (A. Dopsch. Op. cit., S. 185 f.). Д. Луццатто занимает промежуточную позицию, считая, что после византийского завоевания торговля Италии, особенно Равенны и Неаполя и других городов, с Востоком возрастает, хотя в общем преобладание в управлении страны греческой бюрократии и политика раздачи привилегий крупным земельным собственникам наносили ущерб купечеству городов и городской буржуазии (!) (Дж. Луццатто. Указ. соч., стр. 160).

[71] Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5; Mar., 112 = Tjäder, 25. О торговле в Италии в изучаемый период см. F. Carli. Storia del Commercio italiano. Il mercato nell'Alto Medio Evo. Padova, 1934; C. Calisse. Il governo dei Bisantini in Italia.— «Rivista storica Italiana», t. II, 1885; p. 265—336; G. Luzzatto. Storia del Comercio. Firenze, 1914; G. Salvioli. Storia economica d'Italia nell'alto Medio Evo. Napoli, 1913; N. Turchi. L'Italia bizantina. Roma, 1924; G. Mickwitz. Der Verkehr auf dem westlichen Mittelmeer um 600 n. Ch. Wirtschaft und Kultur.— «Festschrift zum 70 Geburtstag von A. Dopsch». Baden — Wien — Leipzig, 1938, S. 74—83.

ями — олосирикопраты, одновременно, видимо, являющиеся предпринимателями, связанными и с производством этих ценных товаров (Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5). Точно так же, упомянутые выше меховщики занимались, быть может, не только обработкой, но скупкой и продажей ценных мехов (Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5). Наряду с олосирикопратами и меховщиками видное положение в купеческих кругах Равенны занимали скупщики; например, богатый скупщик (proemptor) Иоанн, именуемый vir clarissimus, выступал вместе с аргентарием Виталием и другими представителями торгово-ремесленной верхушки Равенны в качестве свидетеля при составлении завещания олосирикопрата Георгия (Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5). О купце Либерате, жившем в массе Цинциана, упомянул папа Григорий I (Greg. I. R. Epp., I, 42).

В документах, кроме того, особо упоминаются навикуляри — корабельщики, видимо, игравшие значительную роль в морской торговле Италии (Mar., 131; ср. Procop. H. a., XXV, 8).

По данным папирусов, богатые купцы были влиятельными в городах Италии людьми, именуемыми viri honesti, viri strenui или даже viri clarissimi. Вместе с представителями привилегированных ремесленных профессий они составляли торгово-ремесленную верхушку италийских городов.

В Равенне, Риме, Неаполе и других крупных, преимущественно портовых городах Италии в VI в. жило немало чужеземных купцов, прибывших сюда с Востока, в частности сирийских и греческих торговцев. Особенно большую активность развивали в Италии сирийские купцы [72].

В период византийского владычества, надо полагать, число восточных купцов в Италии должно было возрасти. Греческие купцы, менялы, корабельщики теперь не только приезжают

---

[72] Об активной деятельности сирийских купцов на Западе см. Greg. Tur. Hist. Franc., X, 26; Sid. Appol., I, 8. К числу сирийских купцов, ведущих свои коммерческие дела в Равенне, надо причислить упомянутого выше олосирикопрата Георгия, отец которого Юлиан был выходцем из Антиохии (Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5), а также прибывшего с Востока меховщика Лаврентия (ibid). Сирийские купцы, торговавшие в Италии, упоминаются в переписке Григория I (Greg. I. R. Epp., VII, 37).

Сирийские и александрийские купцы проникали не только в Равенну, но и в Рим. Сицилия и Южная Италия, в частности торговый город Неаполь, особенно притягивали к себе торговцев с Востока (Procop. BG, I, 8, 21; см. еще Mar., 92 = Tjäder, 18—19). О восточных купцах в Риме, Неаполе и других городах Италии VI в. см. L. Bréhier. Les colonies d'Orientaux en Occident au commencement du Moyen Âge (V — VIII sc).— BZ, Bd. XII, 1903, p. 1—39; S. Borsari. Il dominio bizantino a Napoli.— «La parola del Passato», fasc. 25/27, 1952, p. 358—369

торговать в Италию, но нередко и обосновываются здесь на постоянное жительство (Mar., 131 = Tjäder, 16).

Торговые связи Равеннского экзархата с Византией были довольно оживленными. Не только греческие купцы приезжали в Равенну, но и италийские купцы из Равенны ездили торговать в Константинополь (Agn., 30, 137). Активную торговую деятельность в VII—VIII вв. начали развивать и венецианцы, торговые корабли которых доходили до Константинополя и Северной Африки [73].

Сведений о предметах ввоза и вывоза для Италии VI в. сохранилось очень мало. Помимо упомянутых выше известий о торговле предметами роскоши (шелковыми тканями, мехами и т. д.), мы располагаем еще данными о торговле рабами (Ioh. Diac. V. Greg. I, 21; V. Greg. II, 22).

Особенно скудны сведения о внутренней торговле Италии. После лангобардского завоевания внутренняя торговля Италии, видимо, переживала большие затруднения [74].

Подобно ремесленникам, торговцы в Италии в VI в. как местные (Mar., 74—74A=Tjäder, 4—5), так и чужеземные были организованы в корпорации. Надписи сохранили известия о существовании в конце VI в. в Риме корпорации (σωματεῖον) александрийских купцов, патроном которых был св. Мена [75]. Другие источники подтверждают, что в это время торговые связи между Италией и Александрией были весьма оживленными, что хорошо объясняет существование в Риме особой корпорации купцов из Александрии [76].

Заканчивая обзор мероприятий византийского правительства в области торговли, мы можем прийти к заключению, что хотя правительство империи и пыталось проводить покровительственную политику в отношении италийской торговли, но делало оно это довольно непоследовательно и, видимо, значительных результатов эта политика не принесла.

Несмотря на некоторое временное оживление торговли Италии с Византией, и особенно с ее восточными провинциями, общая, все усиливающаяся натурализация хозяйства Италии, связанная с развитием феодальных отношений, и длительные войны неминуемо приводили к замиранию торговых связей, особенно внутри страны.

---

[73] Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 276—280.

[74] C. Troya. Storia d'Italia nel Medio Evo. Napoli, 1839—1859, t. IV, p. 480 sq.; L. M. Hartmann. Analecten zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Gotha, 1904, S. 74 f.; L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 92, 172.

[75] A. Silvagni. Inscriptiones christianae urbis Romae VII s. Roma, 1922, vol. I, p. 481.

[76] Greg. I. R. Epp., X, 21. О корпорациях ремесленников и купцов IV — VI вв. см. L. M. Hartmann. Analecten..., S. 22—25.

Весьма сложен вопрос об организации городского управления, о положении городских курий и сословия куриалов в Италии после византийского завоевания [77].

Стремясь к реставрации социально-экономических и политических институтов Римской империи, правительство Юстиниана настойчиво пыталось возродить муниципальное устройство во всем подвластном ему государстве.

Однако упадок курий был уже столь глубок, что удержать куриалов в курии можно было лишь насильственными мерами, в связи с чем правительством Юстиниана, как мы видели, были изданы строгие законодательные предписания о прикреплении куриалов к курии и о расширении прав курии на наследство куриалов (Nov. Just., 38, см. выше, стр. 327 сл.).

Законы Юстиниана, направленные на поддержание гибнущего муниципального строя, были после византийского завоевания полностью распространены и на Италию. Но и здесь, видимо, они были столь же мало эффективны, как и в других провинциях Восточной Римской империи, и реально вряд ли могли на длительное время способствовать возрождению курий и оживлению муниципального управления, хотя само существование курий римского типа в завоеванной византийцами Италии не подлежит сомнению.

В равеннских папирусах сохранились свидетельства наличия муниципальной организации между 445 и 625 гг. в таких городах, как Равенна, Рим (Mar., 91, 92=Tjäder, 17, 18—19), Сиракузы (Mar., 82—83=Tjäder, 10—11), Падуя (Mar., 137=Tjäder, 3), Фаэнца (Mar., 116), Риети (Mar., 79=Tjäder, 7). Существовала муниципальная организация и в других городах Италии и Сицилии, это подтверждается письмами Григория I (в частности, в Неаполе.—JE, 1568, 1642, 1659, 1687) [78].

На основании сообщений источников мы можем составить некоторое представление о дальнейшей эволюции муниципального управления в городах Италии и Сицилии в конце VI — начале VII в. Прежде всего бросается в глаза значительное сокращение круга дел, подлежавших теперь ведению городской курии. В документах не сохранилось следов судебной деятельности городских магистратов, их реального участия в раскладке и сборе государственных налогов. От старых, весьма важных функций куриалов по сбору налогов, видимо, осталось очень ограниченное право вносить изменения в податные

---

[77] О спорах в научной литературе по этому вопросу см. З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в завоеванной Италии...— «Вестник МГУ», № 3, 1958, стр. 53 сл.

[78] О городе Фриуле (Форум Юлия) см. P. Paschini. Storia del Friuli. Udine, 1934.

списки (in polypthicis publicis) в связи с передачей земельных владений новым собственникам (Mar., 82—83=Tjäder, 10—11). Основной обязанностью курии в этот период, по данным папирусов, было рассмотрение гражданских дел, связанных с завещанием, дарением и продажей имущества, с назначением по просьбе заинтересованных лиц опекуна (fideiussor) малолетним (Mar., 79=Tjäder, 7) и с другими подобными же вопросами.

Важной функцией курии оставалось по-прежнему утверждение актов об отпуске рабов на волю [79].

Хотя формально курия занималась только делами о завещании, дарении и продаже имущества, фактически параллельно решались вопросы о положении рабов, колонов и другого зависимого населения передаваемых имений. Одновременно рассматривались также вопросы о повинностях колонов, право взимания которых часто передавалось вместе с имением новым владельцам (Mar., 76, 89). Иногда дарение земли было связано с прекарной сделкой или с заключением договора об эмфитевтической аренде (Mar., 95=Tjäder, 22), что также утверждалось курией. В актах о передаче имущества иногда особо фиксировались государственные повинности и налоги, уплату которых принимал на себя новый владелец (Mar., 87, 82—83, 137=Tjäder, 2, 10—11,3).

Все это показывает, что дела имущественного характера, все еще рассматриваемые курией, имели немаловажное практическое значение в социально-экономической жизни населения городов и городской округи того времени. Решения по всем этим делам заносились в муниципальные акты (gesta municipalia — Mar., 74, 80, 88—88A, 90, 113, 115=Tjäder 4—5, 8, 14—15, 16).

Рассмотрение дел обычно происходило в присутствии коллегии куриалов или чаще всего нескольких чиновников курии principales. Курия регистрировала завещания, дарственные и купчие грамоты, внося их в свои акты (actis indi) (Mar., 82—83=Tjäder, 10—11), gestis municipalibus allegare (Mar., 80=Tjäder, 8); documentis adscribi (Mar., 80=Tjäder, 8) [80].

---

[79] Так, например, сохранился фрагмент протокола заседания курии Равенны от середины VI в., где рассматривался вопрос об отпуске раба на волю. При этом хозяин раба для оформления его отпуска на свободу сперва обратился к епископу Равенны, но тот направил это дело на решение чиновникам курии (Mar, 81 = Tjäder, 9). Вопрос об отпуске рабов на волю рассматривается и в ряде других сохранившихся от VI и начала VII в. документах (Mar., 74—74A, 75, 76, 80, 93; Tjäder, 4—5, 6, 8, 20).

[80] Обсуждение всех этих дел и содержание составленных грамот заносились в особые протоколы заседаний курии, которые обычно состав-

Важной функцией муниципальных чиновников было, кроме того, оформление в присутствии представителей заинтересованных сторон реальной передачи имущества новым владельцам, причем эта передача (traditio solemnis, traditio corporalis) иногда сопровождалась подробным осмотром имения муниципальными чиновниками (Mar., 82—83, 114, 116; Tjäder, 10—11).

Из других функций муниципальные организации Италии (в частности, в Неаполе) вплоть до начала VII в. частично сохранили такие прерогативы, как забота о благоустройстве и водоснабжении городов, об охране стен, поддержании порядка и т. п., хотя теперь они были принуждены делить их с гражданскими и военными чиновниками и епископом города (JE, 1568, 1687). В какой-то мере они сохранили контроль над взиманием повинностей с владений городской общины, но сами уже не участвовали в сборе государственных налогов.

Несмотря на то, что курия в Италии VI—VII вв. по-прежнему была окружена известным внешним почетом и упоминания о куриалах в документах всегда сопровождаются почетными эпитетами viri laudabiles, laudabilitas vestra (Mar., 122), domini praedicabiles (Mar., 115), jure colendi parentes (Mar., 116), и т. д., сокращение как круга реальных обязанностей и прав куриалов, так и прерогатив курии знаменует упадок муниципального строя, связанный с переходом наиболее важных функций курии к государственным чиновникам, военным властям и католическому духовенству.

Заседания курии обычно проводились муниципальными чиновниками-принципалами (principales)[81]. Скорее всего, именно принципалы в VI и VII вв. реально руководили всеми делами курии в таких больших городах, как Равенна, Рим, Неаполь, Сиракузы и др. Иногда вместо принципалов в документах упоминаются просто куриалы (curiales) (Mar., 79, 86=Tjäder, 7, 13), которые решали, видимо, менее важные дела. Председательствовал на заседании курии высший

лялись в двух экземплярах, один из которых оставался в архиве курии, а второй по требованию сторон выдавался на руки и служил официальным документом, подтверждающим сделку (Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5). Иногда вся процедура оформления дарственной грамоты и внесения ее в муниципальные акты повторялась дважды: первый раз в курии города, где было произведено дарение, а второй раз в курии города, на территории которого находились передаваемые имения (Mar., 82—83 = = Tjäder, 10—11).

[81] В Сиракузах они именовались decemprimi (Mar., 82—83 = Tjäder, 10—11). В Равенне на заседаниях курии присутствовало то три (Mar., 88—88A = Tjäder, 14—15), то пять (Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5) принципалов.

муниципальный чиновник — магистрат (magistratus) [82]. Компетенция магистрата и круг его обязанностей в конце VI в.— VII в. уже значительно сузились. Его наиболее важные административные функции перешли к куратору, а судебные обязанности к дефензору города (см. ниже, стр. 493 сл.). Теперь его полномочия фактически ограничивались председательствованием на заседаниях курии во время регистрации актов, выдачей официальных копий протоколов заседаний курии заинтересованным лицам, внесением изменений в податные списки в связи с переходом собственности к новым владельцам (Mar., 82—83, 115; Tjäder, 10—11) и другими подобными делами. В особо важных случаях заседания курии Равенны мог проводить префект претория Италии [83].

Постепенный упадок курий в этот период выразился, кроме сокращения прерогатив муниципальных властей, также и в росте абсентеизма и индифферентизма чиновников курии[84].

---

[82] Mar., 74—74A, 75, 80, 82—83, 84, 88—88A, 94, 113, 115, 141; Tjäder, 4—5, 8, 10—11, 12, 14—15. Официальным титулом магистрата был vir laudabilis (Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5), иногда он назывался quinquennalus (Mar., 84). Некоторые историки отождествляли его с древним дуумвиром (duumvir) (F. K. Savigny. Op. cit., Bd. I, S. 48; Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 97). В Равенне возглавляли заседания курии то 1, то 2 магистрата. Протоколы заседаний курий вел особый писец (exceptor), который обычно сам составлял документы и записывал их в акты курии (Mar., 94, 115—116). Ему помогали apparitor, tabularius (Mar., 74—74A, 92; Tjäder, 4—5) и другие чиновники, которые принадлежали к канцелярии магистрата.

[83] Mar., 74—74A = Tjäder, 4—5; см. выше, стр. 450.

[84] Подобный абсентеизм куриалов начался еще в период Поздней Римской империи и был даже узаконен правительством, которое постановило, что для регистрации актов в курии достаточно присутствия на заседании председателя-магистрата, трех принципалов и писца (C. Th., XII, 1. 15).

В конце VI — VII в. обычно на заседаниях курии присутствовало очень мало чиновников и куриалов, всего три или максимум пять человек (Mar., 74—74A, 88—88A, 115 = Tjäder, 4—5, 14—16). В городе Ристи курия состояла всего из шести человек (Mar., 79 = Tjäder, 7), такое же положение было, видимо, и в других небольших городах Италии. В Фавенции на заседаниях, кроме писцов, был только один магистрат (Mar., 116). Характерным явлением, весьма показательным для растущего абсентеизма куриалов, было частое отсутствие принципалов (principales), а иногда даже самого магистрата, которых на заседаниях курии заменяли их родственники, чаще всего их отцы (Mar., 74—74A, 80, 82—83; Tjäder, 4—5, 8, 10—11). Подобное явление встречалось даже в больших городах — Равенне и Сиракузах. Иногда магистраты, пренебрегая выполнением своих обязанностей, передавали председательствование на заседаниях курии кому-либо из куриалов; подобный случай, например, произошел в 557 г. в городе Ристи (Mar., 79 = Tjäder, 7). Даже в более ранний период, в конце V в., магистраты намеренно уклонялись от выполнения таких хлопотливых обязанностей, как передача имущества новым владельцам, и поручали ее одному из чиновников курии (decemprimus) (Mar., 82—83 = Tjäder, 10—11).

Среди муниципальных чиновников встречались неграмотные люди, которые не могли поставить своей подписи под актами, составляемыми в курии (M a r., 82—83, 84=T j ä d e r, 10—11, 12).

Упадок курий привел к тому, что в самом городском управлении Италии, как и во всей империи, муниципальные магистраты все больше и больше отходят на задний план; в административно-финансовых делах, связанных с благоустройством городов и поддержанием в них порядка, их сменяют кураторы (curatores), а в судебных — дефензоры (defensores).

В VI в. кураторы, или «отцы города», были еще влиятельными чиновниками городского управления, часто упоминаемыми в источниках [85]. Они обычно избирались сроком на один год епископом, приматами города и посессорами (Nov. Just., 128.16.). Однако выборы получали законную силу только при условии утверждения их центральной властью (Nov. Just., 75)[86].

Круг обязанностей кураторов был довольно широк: они наблюдали за финансами города и за тем, чтобы на город не накладывались незаконные повинности (G r e g. I. R. Epp., IX, 53); ведали общественными работами: постройкой и ремонтом городских стен, акведуков, мостов (ibid., IX, 76). Важной обязанностью кураторов была защита привилегий города, дарованных императорами, от посягательств со стороны военных властей (G r e g. I. R. Epp., IX, 53, 133). Нередко кураторы протестовали против превышения власти епископом или правителем провинций, незаконно вмешивающимся во внутренние или административно-финансовые дела городов (G r e g. I. R. Epp., IX, 53). В отдельных случаях кураторы выступали в качестве посредников в переговорах между папским престолом и экзархом и даже принимали участие во внешней политике, в частности, в заключении мира с лангобардами (G r e g. I. R. Epp., IV, 2; IX, 44). Ниже кураторов по

---

[85] Этот чиновник в различных случаях именовался по-разному, иногда как curator (G r e g. I. R. Epp., IX, 44, 92, 116, 133); как major populi (ibid., IX, 47, 76) и patronus civitatis (ibid., IX, 53), или как pater civitatis (ibid., IX, 47, 76). Nov. Just., 75).

Кураторы носили обычно почетные титулы: gloria vestra (G r e g. I R. Epp., IX, 44, 92, 16, 133) или vir magnificus (ibid., IX, 47, 53, 76).

[86] Сицилийских кураторов утверждал в Константинополе квестор дворца (Nov. Just., 75); италийских, видимо, префект претория Италии (см. ниже, стр. 498 сл.). О кураторах в Италии см. F. C a b o t t o. Storia dell'Italia Ocidentale nel Medio Evo, vol. I. Pinerolo, 1911, p. 554 sq.; Ch. D i e h l. L'Exarchat..., p. 97 sq.; H. C o h n. Die Stellnug der byzantinischen Staathalter in Ober- und Mittelitalien (540—751). Berlin, 1889, S. 1—10; RE, Bd. II, Sp. 1811.

административной лестнице в городском управлении стояли дефензоры (defensor civitatis). В VI в. влиятельные граждане городов должны были по очереди, без всякого исключения, по два года выполнять обязанности дефензора (Nov. Just., 15). Дефензоры, так же как и кураторы, утверждались центральной властью (Nov. Just., 75=104). Правительство Юстиниана всячески стремилось поднять значение городских дефензоров и сделать их независимыми от правителей провинций. Правители рповинций не могли сместить, отозвать дефензора или заменить его своим представителем; дефензор мог быть смещен только центральной властью, правда, часто по обвинению правителя провинции (Nov. Just., 15.2)[87].

В VI в. дефензоры еще были судьями по гражданским делам, где стоимость объекта тяжбы не превышала 300 солидов, и обладали юрисдикцией по менее важным уголовным делам; рассмотрение же более важных уголовных дел они должны были передавать в суд правителя провинции. Однако за ними сохранялось право присутствовать на заседаниях суда наместника провинции (Nov. Just., 15.3).

Реформы Юстиниана, направленные на поднятие авторитета дефензоров, особого успеха в Италии не имели, так как упоминания о дефензорах в источниках, относящихся ко времени византийского господства в этой провинции, немногочисленны.

В письмах Григория I упоминается лишь о городских дефензорах в Кампании, Сицилии и Истрии (JE, 1244, 1681, 1725). В это время дефензоры иногда выполняют обязанности магистратов, участвуют в заседаниях курии (M a r., 74—74A, 115, 117; T j ä d e r, 4—5). В равеннских папирусах дефензор носит обычно еще почетный титул vir clarissimus (M a r., 113) или vir gloriosissimus (ibid., 115), однако реальная власть дефензоров постепенно уменьшается, и с VII в. они отходят на задний план, уступая свои прерогативы епископам и другим духовным сановникам[88].

С VI в. в городах империи все больше усиливается власть епископа. Под его контроль теперь постепенно подпадают городское управление, суд, полиция, городская администрация и доходы города. Он оказывает решающее воздействие на избрание чиновников гражданского управления. Надзор за нравственностью жителей города дает епископу могущественное оружие в борьбе с политическими противниками и со всеми

---

[87] О дефензорах см. еще Nov. Just., 30.7.1; 86.7; 75=104; C. J. I, 55, 57; III, 1. 18; VIII, 53. 30.

[88] О дефензорах см. L. M. H a r t m a n n. Untersuchungen..., S. 45—46, 150; Ch. D i e h l. L'Exarchat..., p. 101—103; F. K. S a v i g n y. Op. cit., Bd. I, S. 243. RE, Bd. IV, Sp. 2365—2371.

инакомыслящими. Все это открывает путь к укреплению светской власти епископа (Nov. Just., 128, 16). Влияние епископов на городское управление особенно возрастает в Италии, удаленной от центральной власти и менее связанной контролем чиновников центрального управления [89].

Усиление власти епископа было одним из ярких свидетельств вырождения муниципального строя. Упадок курий был длительным и постепенным процессом, который происходил в различных городах Италии с неодинаковой быстротой. В крупных городах, сохранявших значение торгово-ремесленных или административных центров (Равенна, Неаполь, Рим и др.), курии существовали более длительное время. Дольше других городов сохраняла курию столица экзархата Равенна, где в еще 625 г., по данным равеннских папирусов, находился магистрат, стоявший во главе муниципального управления (Mar., 94=Tjäder, 21), и Неаполь, где при Григории I она продолжала играть еще значительную роль в управлении городом (JE, 1568, 1617, 1642, 1659).

К середине VII в. курии в Италии приходят в полный упадок, уступая место новым формам городского управления, связанным уже с феодальным обществом.

Таким образом, правительство Юстиниана, хотя и не всегда последовательно, все же проводило политику, направленную к возрождению городов, городской жизни, ремесла и торговли в завоеванной провинции. Византийское правительство было заинтересовано в восстановлении курий и городов как оплота господства римских рабовладельцев и как источника доходов, столь необходимых для пополнения казны Восточной Римской империи. Вместе с тем упадок городов и торговли Италии был столь значительным, что никакие законодательные и административные меры, проводимые императорским правительством, уже не могли привести к сколько-нибудь заметному оживлению ремесла, торговли и городской жизни Италии в кратковременный период византийского господства в этой провинции.

Говоря словами Ф. Энгельса, «город утратил в последние столетия существования Римской империи свое прежнее господство над деревней и не вернул его себе в первые столетия владычества германцев. Это предполагает низкую ступень развития как земледелия, так и промышленности. Такое общее

---

[89] L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 46—47; E. Stein. Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätrömischer und byzantinischer Zeit.— «Klio», t. XVI, 1—2, 1919; П. П. Кудрявцев. Судьбы Италии..., стр. 214—215; O. Bertolini. Op. cit., p. 208—210; Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 110 sq.

положение с необходимостью порождает крупных землевладельцев, обладающих властью, и зависимых мелких крестьян»[90].

Византийское завоевание, конечно, не могло предотвратить дальнейшего упадка городов Италии и помешать все большей натурализации хозяйства, связанной с общим процессом развития феодальных отношений.

§ 3. Реорганизация административного управления в Италии после византийского завоевания

Не менее ярко реставраторский характер политики византийского правительства и социальная направленность законодательства Юстиниана в Италии проявились и в области реорганизации административного устройства завоеванной провинции.

а) Административное деление Италии в середине VI в.

Завершив завоевание Италии, Нарсес, согласно предписанию византийского правительства, тотчас приступил к созданию новых административных округов и к реорганизации административного управления завоеванной провинции. Прежде всего ему необходимо было позаботиться об административном устройстве пограничных областей Италии и о создании системы обороны ее границ.

Территория, принадлежавшая византийцам в Италии, была несколько меньше владений Остготского королевства в период его наивысшего расцвета в правление Теодориха. Южные области Реции и Норика были уступлены лангобардам, в то время как при Теодорихе они служили важным форпостом, охранявшим Остготское королевство от нападений с северо-востока.

Нарсесу пришлось теперь создавать линию обороны Италии на ее естественных границах, образуемых Альпами. Были созданы четыре пограничных военно-административных округа-дуката, где располагались пограничные крепости, снабженные сильными византийскими гарнизонами.

Для охраны Венетии и Истрии от нападения с севера и северо-востока были образованы два дуката с центрами в Форуме Юлия (Фриуль) и в Тридентe; рядом с Тридентским дукатом был создан еще один дукат в долине озер Маджьоре и Комо. В этих местах византийцы использовали остготскую линию обороны, заменив остготские гарнизоны своими войсками и возобновив те укрепления, которые были разрушены в предшествующее время.

---

[90] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1955, стр. 289.

Наконец, на крайнем западе Северной Италии византийское правительство образовало четвертый пограничный военно-административный округ для защиты Альпийских проходов и подступов к Коттийским Альпам. Византийцы, как и остготы, должны были тщательно охранять северо-западные границы Италии, которым постоянно угрожало нападение франков. Таким образом, создавая оборону завоеванной провинции, византийцы умело использовали образованный самой природой заслон Альпийских гор и воздвигли всерообразную линию укреплений, охранявших плодородные области Италии от все возраставшего напора соседних народов. Четыре дуката, составлявшие эту линию обороны, были тесно связаны между собой стратегическими дорогами, и в случае крайней опасности часть войск из одного дуката могла быть переброшена в другой.

Наряду с созданием системы оборонительных укреплений на границах Италии для защиты от внешних врагов византийское правительство, стремясь упрочить свое господство во внутренних областях страны и обезопасить себя от новых выступлений местного населения, тотчас после завоевания приступило к восстановлению крепостей и городов, разрушенных во время войны с остготами.

Административное деление внутренних областей Италии после византийского завоевания подверглось сравнительно небольшим изменениям. К нововведениям VI века в сфере административного деления внутренних областей Италии можно, по-видимому, отнести лишь создание двух новых провинций — провинции Коттийских Альп, которая была выделена из провинции Лигурии, и провинции Апеннинских Альп, которая в 556 г. заменила провинцию Тусцию Аннонарию [91].

---

[91] В остальном же перечень провинций Италии в период лангобардского завоевания, сохраненный Павлом Диаконом, почти полностью соответствует списку римских провинций Италии IV—V вв. (Paulli Diac. Hist. Lang., II. 14 — 23). По вопросу об административном устройстве Италии в период византийского владычества и о топографии вновь созданных административных округов имеется обширная литература; см., например, F. Schneider. Die Entstehung von Burg- und Landgemeinde in Italien. Berlin, 1924. S. 15, 33, 36, 62; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 341—343, 393; L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 53, 151; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 612—613; L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme, Bd. I. S. 586; Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 1 — 78; D. de Guldencrone. L'Italie byzantine. Étude sur le haut moyen âge (400—1050). Paris, 1914; O. Bertolini. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi, p. 197—200; N. Turchi. L'Italia Bizantina. Roma, 1924, p. 3 — 11, 319 — 327; N. Turchi. La civiltà bizantina. Torino, 1915; C. Calisse. Il governo dei Bizantini in Italia. — «Rivista Storica Italiana», vol. II. Torino, 1885.

б) Реорганизация административного управления Италии после византийского завоевания

Реформы административного управления провинций Восточной империи, предусматривавшие соединение военной и гражданской власти в руках правителей провинций (см. выше, стр. 321), непосредственно после завоевания не были распространены на Италию. Во вновь завоеванных и еще не замиренных провинциях, таких, как Северная Африка (C. J., I, 27), Сицилия (Nov., 75 = 104) и Италия (Pragm. Sanc., 23, 27), сохранялась прежняя система административного управления, основанная на разделении гражданской и военной власти. Одной из причин сохранения в Северной Африке, Сицилии и Италии отделения гражданской власти от военной, видимо, явилось то, что эти провинции, только что испытавшие варварское завоевание, особенно тяготились произволом военных командиров, и усиление военных властей могло вызвать большое недовольство населения. Византийское правительство стремилось в противовес варварским государствам — Остготскому и Вандальскому, где явно преобладала военная администрация, сосредоточенная к тому же в руках остготской и вандальской знати,— поднять значение гражданской администрации, более приемлемой для местной римской аристократии.

Видимо, это была серьезная политическая уступка местной знати завоеванных провинций, крайне нуждавшейся в защите ее интересов от посягательств военной администрации.

Одновременно это была попытка ограничить влияние слишком опасных для государства военных командиров и поднять авторитет более покорной центральному правительству гражданской администрации. Во главе гражданского управления завоеванной византийцами провинции стоял префект претория Италии (praefectus praetorio per Italiam).

Во время гото-византийской войны и непосредственно после византийского завоевания префект претория Италии оставался еще довольно влиятельным сановником, занимавшим видное место в византийской административной иерархии [92].

Префект претория Италии назначался императором; его резиденцией была Равенна. Прерогативы префекта претория Италии в то время охватывали важные отрасли управления: законодательство, суд, гражданскую администрацию и финансы. Его законодательные функции сводились к публикации в Италии императорских законов и к изданию эдиктов.

Законодательство Юстиниана устанавливало, что никакой

---

[92] Префект претория Италии имел высокий ранг препозита (praepositus Italiae) и почетные титулы illustris, eminentissimus (Greg. I. R. Epp. I, 22; III, 28; V, 11; XI, 26; XII, 6).

указ, изданный на имя наместника провинции, не имеет силы закона, пока он не будет передан префекту, который должен позаботиться о его опубликовании и исполнении (Nov. Just., 8. 14). Однако в действительности права префекта претория Италии в сфере законодательства стали фактически нарушаться в пользу военной власти. Так, уже первые законы, изданные Юстинианом для завоеванной провинции, в том числе Прагматическая санкция, были адресованы прежде всего главнокомандующему византийской армии Нарсесу, а затем уже префекту претория Италии [93].

В дальнейшем, с образованием Равеннского экзархата, все законы и эдикты для Италии (до половины VII в.) издаются на имя экзарха и одновременно на имя префекта претория. Постепенно все законодательные функции от префекта претория переходят к экзарху (Greg. I. R. Epp., IX, 9).

Прерогативы префекта претория Италии в сфере суда и судопроизводства состояли преимущественно в том, что он обладал правом принимать апелляции на судебные решения гражданских правителей провинций (C. J., VII, 62. 19; Nov. Just., 126). Его же решения могли быть обжалованы только в самом Константинополе — в квестуре или префектуре претория. Еще во времена Григория I префект претория упоминается в качестве судьи, но главным образом по финансовым делам (Greg. I. R. Epp., X, 8). В дальнейшем права префекта претория в области юрисдикции переходят в руки экзарха, а префекту претория, видимо, остается решение второстепенных судебных дел. В области гражданской администрации мы наблюдаем ту же эволюцию: префект претория постепенно теряет свои основные функции в этой сфере — функции назначения чиновников гражданского управления; так, в конце VI в. он сохраняет право назначать лишь второстепенных чиновников, как, например, чиновников, наблюдавших за общественными работами, и чиновников финансового ведомства (Greg. I. R. Epp., XII, 6). Назначение высших чиновников гражданского управления и выплата им жалованья перешли в руки экзарха. Единственная сфера управления завоеванной Италией, где префект претория пользовался наибольшим влиянием и сохранил это влияние более длительное время и в больших масштабах,— это была сфера финансового управления. Здесь в руках префекта претория

---

[93] Прагматическая санкция 554 г. была издана на имя Нарсеса и префекта претория Италии Антиоха (Narsi viro ill. praeposito sacri cubiculi, Antiocho viro magnifico praefecto per Italiam.— Pragm. Sanc., 27). Закон 556 г. был адресован Нарсесу, сенату Рима и Панфронию, который также, видимо, был префектом претория Италии (Narsi Panfronio et Senatui — Const., VIII).

находилась такая важная функция, как раскладка и взимание государственных налогов с населения всей Италии. Префект претория мог даровать отсрочки по уплате податей и другие налоговые льготы и привилегии; кроме того, префект рассматривал жалобы налогоплательщиков на тех правителей провинций, которые взимали незаконные поборы с населения (Greg. I. R. Epp., VII, 3); он наблюдал за деятельностью правителей провинций в сфере финансов (Pragm. Sanc., 9; Greg. I. R. Epp., X, 8), назначал и сменял всех чиновников финансового ведомства и контролировал их деятельность (Greg. I. R. Epp., XII, 6). Однако в этой сфере с течением времени права префекта претория также были существенно ограничены: он не мог самостоятельно распределять доходы, полученные от налогового обложения населения Италии — распределение всех расходов на военные нужды перешло в руки экзарха, в том числе и уплата жалования войскам. И в области распределения средств на нужды гражданского управления префект претория зависел от экзарха и находился под его неусыпным контролем.

Для осуществления своих многообразных функций по гражданскому управлению Италией префект претория в VI в. имел особых помощников и располагал еще довольно многочисленным штатом чиновников префектуры (praefectiani. — Mar., 75), составлявших его оффиций (officium)[94]. Таким образом, заканчивая обзор данных о префектуре претория Италии, мы можем прийти к заключению, что непосредственно после завоевания византийцами Италии префект претория еще пользовался значительным влиянием на гражданское управление провинции, хотя и тогда уже должен был признавать верховную власть главнокомандующего Нарсеса и подчиняться его контролю. С образованием же экзархата и усилением военных властей наиболее важные функции префекта претория переходят к экзарху, и префект претория должен довольствоваться положением второстепенного чиновника, а со второй половины VII в. эта должность совсем исчезает[95].

---

[94] В числе ближайших помощников префекта претория были, возможно, два викария (викарий Рима, помогавший в управлении южными провинциями Италии, и викарий Милана — северными); однако при скудости данных источников вопрос о викариях в Италии VI в. остается еще спорным. Ш. Диль, опираясь на некоторые места из писем Григория I, настаивает на существовании викариата в Италии VI в. (Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 157, 161—162). Л. М. Гартман вслед за Т. Моммзеном отрицает существование в Италии VI в. викариев префектуры претория, а упоминаемых у Григория I лиц относит к викариям городской префектуры (L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 39, 144—145).

[95] L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 41, 145—146; Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 165—167; H. Cohn. Die Stellung der by-

Гражданское управление в провинциях Италии возглавлялось правителями провинций (judices provinciarum). Согласно Прагматической санкции, гражданские правители провинций избирались в Италии епископом и приматами, т. е. первыми, наиболее значительными и влиятельными гражданами провинции (Pragm. Sanc., 12). При этом особо оговаривалось, что правителем мог быть избран только житель той провинции, которой он будет управлять. Выборы правителей провинций ратифицировались префектом претория Италии и подтверждались специальным декретом префекта об их вступлении в должность. Принцип избрания правителей провинций епископом и приматами являлся важным нововведением византийского правительства по сравнению с порядками, существовавшими в других провинциях Восточной Римской империи[96]; выборность правителей провинций была значительной уступкой, которую сделало правительство Юстиниана католическому духовенству и провинциальной знати Италии.

В своей деятельности гражданские правители провинций были непосредственно подчинены префекту претория Италии. Каждый из них находился под постоянным наблюдением двух скриниариев префектуры. Префект мог потребовать от правителей провинций отчет об их деятельности за все время управления провинцией, предать их суду в случае совершения преступлений и отрешить от должности[97].

Гражданские правители провинций в середине VI в. обладали довольно широкими полномочиями, имели свой штат чиновников и соединяли в своих руках гражданскую администрацию провинции, контроль за сбором налогов и суд над римлянами по гражданским и уголовным делам. Прежде всего они полностью отвечали перед префектом претория Италии за аккуратный и своевременный сбор налогов с населения подчиненной им провинции. Весьма важной прерогативой гражданских правителей провинций Италии являлась судебная юрисдикция. Юрисдикция гражданских судей в Италии была в середине VI в. даже расширена в ущерб юрисдикции военных судов (judicium militare).

Строго следуя принципу разделения гражданской и военной власти, правительство Юстиниана разграничило компетенцию гражданских и военных судей, ограничив прерогативы последних, что явилось весьма серьезным изменением административного управления Италии. В то время как в Остготском

---

zantischen Statthalter in Ober-und Mittelitalien. Berlin, 1889, S. 1—115. E. Stein. Op. cit., t. II, p. 862; RE, Halbb. 44, Sp. 2498.

[96] На Востоке гражданские правители провинции назначались центральной властью или наместниками провинций (Nov. Just., 8. 2. 9. 14; 149).

[97] C. J., I, 26. 3; Nov Just., 8. 8; 15, 1. 5; 134. 2. Pragm. Sanc., 9.

королевстве юрисдикция военных судов распространялась на все процессы, где одной из тяжущихся сторон (будь то истец или ответчик) был командир или солдат остготской армии, в Италии после византийского завоевания юрисдикция военных властей ограничивалась лишь процессами, в которых в качестве ответчика выступало лицо, принадлежавшее к военному сословию. Иными словами, разбору военных судов подлежали теперь лишь дела о преступлениях, совершенных солдатами и командирами византийской армии. Все же тяжбы между римлянами, а также такие процессы, где в качестве ответчика выступал римлянин, подлежали рассмотрению гражданских судей и изымались из ведения военных судов (Pragm. Sanc., 23)[98]. Это постановление, защищавшее интересы римлян, т. е. местного населения, являлось важной привилегией, которой добилась землевладельческая аристократия Италии, весьма заинтересованная в освобождении от тяжести военной юрисдикции и стремившаяся к независимости от военных властей.

Однако подобное положение, когда гражданские правители провинций, избираемые епископом и местной провинциальной знатью, пользовались широкими полномочиями в области суда и гражданской администрации, длилось недолго. После образования Равеннского экзархата и раздробления владений империи в Италии, гражданские правители провинций мало-помалу (так же как и префектура претория) утеряли влияние, уступив свои функции военным властям и епископам провинций[99].

Ту же эволюцию, как мы видели, переживает и городское управление в Италии. Следует лишь упомянуть, что непосредственно после завоевания Италии византийскими войсками поднявшая голову старая римская аристократия делает, правда, попытку возродить городское управление Италии, особенно

---

[98] Это постановление Прагматической санкции повторяло, правда, с некоторыми изменениями предписания кодекса Юстиниана. Согласно закону от 416 г., было запрещено под угрозой штрафа в 50 либр золота принуждать частных граждан (privatae conditionis homines) или куриалов (будь то истец или ответчик) являться в военный суд (ad militare judicium) (C. J., I, 46.2). В Прагматической санкции термины privatae conditionis homines и curiales (противопоставленные термину milites) заменены более специфическим для Италии термином Romani (Pragm. Sanc., 23). Внесение в Прагматическую санкцию этого изменения терминологии, на наш взгляд, было сделано под влиянием римской знати, настойчиво добивавшейся от византийского правительства освобождения римлян от юрисдикции военных судов. Римская аристократия испытала на собственном опыте всю тяжесть военной администрации и военных судов в период правления остготов и хорошо помнила суровую руку готских графов, чинивших суд и расправу в Остготском королевстве.

[99] Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 83, 133—140; L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 41—42, 146—147; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 614—615.

укрепить городскую префектуру в Риме. В этом отношении она встречает поддержку со стороны византийского правительства. В конце VI в. префект города Рима занимал еще известное положение в гражданской администрации Италии[100].

Из своих полномочий он, правда, теперь сохранил, видимо, только право вершить в Риме суд по уголовным делам, обязанность снабжать город продовольствием и оказывать помощь военным властям в защите города от внешних врагов и в охране внутреннего порядка в Риме.

Но с VII в. городская префектура Рима переживает глубокий упадок, теряя реальные права и былую пышность и блеск. Функции охраны Рима окончательно переходят к военным властям, а снабжение города хлебом и заботу о его благоустройстве все больше и больше забирает в свои руки папский престол[101].

Непосредственно после завоевания Италии правительство Юстиниана принимает меры к возрождению римского сената, пришедшего в упадок во время гото-византийской войны, и к поднятию его политического авторитета (Pragm. Sanc., 12, 19, 27). Сенаторам не только возвращалось их имущество в Италии, но и утерянные ими сословные привилегии. Сенаторам, покинувшим Италию, создавались все условия для возвращения на родину и восстановления их имений (Pragm. Sanc., 27); сенату и римскому папе поручался в Италии надзор за мерами и весом (Pragm. Sanc., 19), что имело значение при сборе налогов. Получив известия о резком сокращении числа римских сенаторов, Юстиниан принимает некоторые экстренные меры для пополнения состава сенаторского сословия в Италии. Так, император широко раздавал привилегии патрициата знати Италии и уменьшил в ее пользу, более чем на $^2/_3$, взносы, весьма значительные, которые должны были платить консулы при вступлении в должность[102].

---

[100] Greg. I. R. Epp., VII, 34; IX, 116—117.

[101] Чиновники городской префектуры Рима, в том числе curator sitonici, ведавший доставкой зерна в Рим, и чиновники, следившие за водоснабжением города и его благоустройством, также теряют свое былое значение, уступая место представителям военных властей и духовенства (Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 129—132; L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 45, 149).

[102] В письмах Григория I сохранилось известие о том, что в последние годы своего правления Юстиниан, пораженный упадком римского сената и исчезновением римских сенаторов, назначал консулов на Западе, которым это назначение открывало путь в римский сенат; при вступлении в должность консулы платили взносы не более 30 либр золота (Greg. I. R. Epp., II, 36) вместо 100 либр золота, установленных в качестве консульских взносов императором Зиноном (это постановление вошло в кодекс Юстиниана: C. J., XII, 3. 3. 1; 4. 1). Ср. E. Stein. La disparition..., p. 319.

Трудно сказать, насколько эффективными были эти меры византийского правительства, направленные на возрождение политического влияния римских сенаторов. Во всяком случае у нас нет данных о сколько-нибудь длительном и реальном возрождении сенаторского сословия Италии и римского сената во второй половине VI в. Кроме того, само византийское правительство, раздавая одной рукой привилегии патрициата италийской знати, другой всячески способствовало введению в состав римского сената выходцев из Византии.

Византийское правительство, хотя и покровительствовало римской аристократии, но в целях укрепления своей власти в завоеванной Италии прежде всего стремилось усилить влияние выходцев с Востока в политической жизни и государственном управлении Италии, поручая им выполнение многих важных государственных должностей.

Таким образом, хотя римский сенат в конце VI в. еще сохранялся в Италии как политическое учреждение, его нормальное и регулярное пополнение стало крайне затруднительным, что является ярким примером прогрессирующего упадка сенаторского сословия Италии того времени[103]. Исчезновение этого аристократического учреждения Рима было теснейшим образом связано с коренной ломкой социальных отношений в Италии того времени и глубоким экономическим и политическим упадком старой римской рабовладельческой аристократии. Вместе с тем самое исчезновение римского сената свидетельствовало о рождении нового господствующего класса феодального общества и новых политических учреждений, отражавших его интересы.

Итак, после завоевания византийское правительство пыталось восстановить в Италии старую римскую систему управления, основанную на разделении гражданской и военной властей. При этом оно тщетно стремилось поднять авторитет гражданской администрации и расширить ее влияние на ход государственных дел. Подобная политика была обусловлена желанием господствующих кругов византийского общества завоевать прочную поддержку старой италийской аристократии и католического духовенства, обеспечив им известное влияние на гражданскую администрацию и оградив их на первых порах от посягательств военных властей.

---

[103] Большинство ученых, опираясь на неоспоримые данные источников, признает упадок и затем исчезновение римского сената в конце VI — начале VII в. См. L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 37; Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 125—126; Ch. Lécrivain. Le sénat romain..., p. 207; J. Sundwall. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919, S. 184 f.; C. Calisse. Il governo dei Bisantini in Italia.—«Rivista stor. ital.», II, 1885, p. 312—315; E. Stein. La disparition..., p. 308—322.

Однако все попытки гальванизировать старый административный строй Римской империи успеха не имели; развитие феодальных отношений и разрушение остатков рабовладельческого строя способствовали упадку старых форм гражданской администрации и замене их новыми формами, уже соответствовавшими новым потребностям феодального общества. Большую роль при этом сыграла эволюция военного управления в сторону увеличения власти военных командиров, не только в военной, но и в гражданской администрации страны.

На первых порах, непосредственно после завоевания, византийское правительство вводило во вновь завоеванных областях военное устройство по римскому образцу. В Италии, как и в Северной Африке, во главе вновь созданных военно-административных округов были поставлены военные командиры, носившие титул comites или duces [104]. После византийского завоевания высшие военные командиры в Италии, как и в Северной Африке, назначались из числа византийских военачальников, заслуживших доверие константинопольского двора. Почти все они были выходцами с Востока, и назначение на этот высокий военный пост представителя местной знати было очень редким явлением и предполагало особые заслуги перед византийским правительством.

Дуки, командиры пограничных войск, фактически возглавляли всю военную администрацию в военно-административных округах. Они являлись проводниками политики Византии в провинциях Италии и были особенно ненавистны местному населению, которое во время восстаний прежде всего стремилось избавиться от этих жестоких правителей. С образованием экзархата назначение дуков перешло в ведение экзарха, которому они были непосредственно подчинены.

С течением времени власть дуков в провинциях Италии все возрастает. Дуки могли самостоятельно проводить военные операции по охране провинции, наблюдали за спокойствием в городах и крепостях своего дуката, могли привлекать его жителей к выполнению военной повинности по охране стен городов (Greg. I. R. Epp., VIII, 19); им подчинялись военные командиры гарнизонов городов и крепостей (tribuni) и другие военные чины.

---

[104] Об организации византийской армии в VI в. см. R. Grosse. Die Rangordnung der römischen Armee des 4—6. Jahrhunderts.— «Klio», Bd. 15, H. 1—2, S. 122—161. R. Grosse. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920. Об организации армии в Италии в раннее средневековье см. P. Rasi. «Exercitus italicus» e milizie cittadine nell'alto Medioevo. Padova, 1937.

Дуки возглавляли военную администрацию дуката и имели судебные функции. Их юрисдикция распространялась на все уголовные и гражданские преступления, совершенные солдатами и военачальниками воинских частей, расположенных в подчиненном им округе [105].

Попытка византийского правительства ограничить юрисдикцию военных судов, о которой мы упоминали, имела лишь кратковременное значение. С созданием экзархата положение их вновь изменилось, юрисдикция дуков и их трибуналов снова была распространена на многие процессы гражданских лиц. В VII—VIII вв. дуки часто контролируют суды гражданских правителей провинций, принимают апелляции на их решения, вмешиваются в дела гражданской администрации и церкви, назначают чиновников не только военной, но и гражданской администрации.

Военные правители провинций вмешиваются и в финансовые дела дуката, контролируют раскладку и сбор налогов; вводят по собственному усмотрению экстраординарные повинности, даруют привилегии купцам.

Все чаще и чаще раздаются жалобы католического духовенства на вмешательство дуков в дела церкви: они бесцеремонно оказывают давление при выборах епископов и диаконов, организуют преследование еретиков и язычников, не считаясь с притязаниями духовных сановников; все это, естественно, вызывает недовольство папского престола. Дуки располагают своим оффицием, состоящим из значительного штата различных чиновников.

В конце VII—VIII в. дуки окончательно превращаются в могущественных магнатов — герцогов, зависимость которых от центральной власти все ослабевает.

Во главе гарнизонов городов и крепостей, а также во главе отдельных войсковых соединений стояли подчиненные дукам военные командиры, обычно именуемые в источниках tribuni (Greg. I. R. Epp., I, 13).

Трибуны могли проводить самостоятельно небольшие военные операции, опираясь на подчиненные им гарнизоны. В Италии обычно власть дука распространялась на провинцию, а власть трибуна на город с его округой (Greg. I. R. Epp., IX, 112, 174, 200, 205) [106].

Трибуны должны были заботиться об охране своего города и поддержании в нем порядка, они могли привлекать граждан

---

[105] C. J., III, 13, 6; Greg. I. R. Epp., XIV, 10; Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 143; M. A. Bethmann-Hollweg. Der römische Civilprocess. Bonn, 1864—1866, Bd. III, S. 84—85.

[106] О трибунах см. L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 57—58, 154—155; Ch. Diehl. L'Exarchat..., p. 112—123.

к несению повинностей по охране стен города (murorum vigilia.— G r e g. I. R. Epp., VIII, 19), по постройке и возобновлению его укреплений (ibid., IX, 205). С конца VI и особенно в VII в. власть трибунов в городах Италии все возрастает и не ограничивается только военными делами; трибуны начинают вмешиваться в дела гражданской администрации и города, разбирают гражданские тяжбы не только военных лиц, но всех жителей (G r e g. I. R. Epp., IX, 99, 105; 112, 200), наблюдают за взиманием налогов и сами накладывают подати на население городской округи (ibid., IX, 99), контролируют гражданских судей и финансовых чиновников и т. д. С течением времени трибун делается первым лицом в подчиненном ему городе, перед ним склоняется гражданская администрация, с ним должна считаться и католическая церковь. Трибуны участвуют в выборах епископа города и часто вмешиваются в дела церкви (G r e g. I. R. Epp., IX, 174)[107]. Муниципальные власти рядом с трибунами скоро теряют свое значение. Сами же трибуны по мере роста их власти делаются все более самостоятельными, все более независимыми от центрального правительства.

Таким образом, по мере дальнейшего укрепления и развития феодальных отношений в Италии происходит процесс соединения гражданской и военной власти в руках военных командиров, что подготавливало коренную перестройку административной системы Италии. Правительство Юстиниана на первых порах после завоевания страны пыталось препятствовать подобным тенденциям, строго разделив гражданскую и военную власть и стремясь ограничить прерогативы военных командиров. Однако жизнь ломала эти предписания и, несмотря на них, реальная власть в Италии фактически переходила в руки высших военачальников. Наиболее ярким проявлением этого явилось создание при преемниках Юстиниана экзархата с центром в Равенне[108].

---

[107] E. C a s p a r. Geschichte des Papsttums, Bd. II, S. 288, 292—298, 303; E. S t e i n. Histoire..., t. II, p. 615.

[108] Год создания экзархата точно не известен, но большинство ученых склоняется к тому, что экзархат был основан в правление Маврикия, ибо первое упоминание Равеннского экзархата в письме папы Пелагия II (см. M i g n e. PL, t. LXXII, col. 703) относится к 584 г. См. L. M. H a r t m a n n. Untersuchungen..., S. 8; Ch. D i e h l. L'Exarchat..., p. 6—22; Ф. И. У с п е н с к и й. История Византийской империи, т. I, стр. 739. О Равеннском экзархате и функциях экзарха см. H. C o h n. Die Stellung der byzantinischen Statthalter in Ober- und Mittelitalien. Berlin, 1889; G. B o n o l i s. I titoli di nobilità nell'Italia bizantina. Firenze, 1905; Ch. D i e h l. L'Exarchat..., p. 168 sq.; S. B o r s a r i. Il dominio bizantino a Napoli.—«La parola del Passato», fasc. 25/27 1952, p. 358—369; D. de G u l d e n c r o n e. L'Italie byzantine. Paris, 1914; N. T u r c h i. L'Italia bizantina. Napoli, 1924; E. S t e i n. Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätrömischer und byzantinischer

Во главе вновь созданной административной единицы империи был поставлен особый правитель, экзарх, принадлежавший к высшим чинам византийской администрации и обычно имевший сан патрикия.

Экзарх как верховный правитель Италии, назначенный для управления всей страной (ad regendam omnem Italiam), соединял в своих руках как военную, так и гражданскую власть. Он пользовался почти неограниченными полномочиями и был ответствен лишь перед императором. В качестве главы военной администрации экзарх командовал всеми войсками экзархата, решая вопросы войны и мира. Возглавляя гражданское управление в экзархате, экзарх ведал всей гражданской администрацией и вершил суд над населением подвластной ему области. Суд и финансы экзархата находились под его контролем как высшей апелляционной инстанции. Все государственные указы, административные и гражданские акты, издаваемые в Равеннском экзархате, датировались годом царствования императора и годом правления экзарха. Экзарху была подвластна даже церковная администрация, и он стремился подчинить своему влиянию папский престол, хотя это ему не всегда удавалось в связи с обособлением Рима от Равенны и ростом папской власти.

Создание экзархата в Равенне должно было укрепить и действительно на некоторое время укрепило владычество Византии в еще подвластных ей областях Апеннинского полуострова. Оно дало возможность централизовать силы византийцев в Италии для борьбы с лангобардами и для подавления недовольства широких масс. Однако для Византийской империи подобная концентрация власти в руках экзарха была чревата весьма важными последствиями. Она привела к росту сепаратистских тенденций в экзархате и к постоянному стремлению экзархов к независимости.

Очевидно, что такая экстраординарная мера, как создание экзархата, была вызвана чрезвычайными обстоятельствами — постоянной угрозой со стороны лангобардов, как и возникновение другого византийского экзархата в Северной Африке было обусловлено непрерывными нападениями берберийских племен на византийские владения в этой провинции. Однако создание экзархатов в Италии и в Северной Африке являлось прежде всего выражением феодализации государственного

Zeit.— «Klio», XIV, 1919, p. 40—71; C. Calisse. Il governo dei Bizantini in Italia.— «Riv. Stor. Ital.», II, 1885; R. Cessi. «Regnum» ed «Imperium» in Italia, vol. I. Bologna, 1919. О Равенне и Равеннском экзархате см. подробный библиографический указатель: Principiale bibliografia su Ravenna antica et sui suoi più importanti monumenti, a cura di G. Bovini. Ravenna, 1956.

управления в Византийской империи, связанной с ослаблением центральной власти и все растущим обособлением отдельных областей Византийского государства. Это в свою очередь было обусловлено неуклонным, хоть и медленным, развитием феодализма в империи.

Все сказанное приводит к выводу, что, несмотря на попытки византийского правительства возродить в Италии старые формы государственного управления, характерные для рабовладельческой империи, развитие феодальных отношений в стране и ломка остатков рабовладельческого строя неминуемо привели к феодализации всего государственного аппарата, к его перестройке на новых основах, отвечавших потребностям феодального общества.

§ 4. Финансовая политика византийского правительства и налоговое обложение в завоеванной Италии

В своей финансовой политике в завоеванной Италии византийское правительство, хотя и прикрывалось демагогическими декларациями о защите интересов всех подданных империи, прежде всего преследовало интересы фиска и византийской знати; помимо того, оно руководствовалось стремлением удовлетворить требования римской земельной аристократии и высшего католического духовенства. Для трудового населения Италии византийская финансовая система несла новые бедствия. На покоренную провинцию была наложена тяжкая рука императорского фиска.

В завоеванной провинции полностью реставрировалась римская система налогового обложения (Pragm. Sanc., 10). На всех посессоров Италии была возложена, *без всяких изъятий*, обязанность платить поземельный налог, который именовался теперь не только tributum, но и capitatio-jugatio, как и во всей империи[109].

---

[109] При обложении посессоров этим налогом учитывались не только размеры их земельных участков, но и плодородие этих земель, а также — что особенно важно — рабочая сила, связанная с этой землей: колоны и сельские рабы, которые фактически обрабатывали эти владения. Правительство строжайшим образом запрещало скрывать от государства число колонов и рабов, живущих в имении. При установлении размера tributum принималось во внимание также количество рабочего скота и инвентаря, которым располагали землевладельцы. Таким образом, при Юстиниане tributum представлял собой налог не только на землю, но фактически на все основное имущество землевладельцев (C. J., XI, 48.3. 8.10. 22; XI, 51—53; XII, 22; ср. C. Th., VI, 2; Nov. Just., 128). См. A. Segrè. The byzantine colonate.— «Traditio», 5 (1947), p. 103—133; F. Lot. L'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire et à l'époque franque. Paris, 1928, p. 1—37; A. Piganiol. L'impôt de capitation sous le Bas-Empire Romain. Chambéry, 1916; G. Ostrogor-

Основной налог — tributum с посессоров взимался частично натурой, частично деньгами. Ведомство префекта претория Италии должно было ежегодно устанавливать, какое количество налога в деньгах, а какое количество в натуре будет вносить на следующий год каждая провинция Италии и по каким ценам будет оценен каждый вид натуральных поступлений (зерно, скот, масло, одежда и т. п.) (Nov. Just., 128). Однако удельный вес натуральных поставок возрастал, ибо содержание армии в Италии требовало значительного количества продовольствия.

Учитывая крайне тяжелое экономическое положение Италии, разоренной длительной войной, Юстиниан, видимо, не решился теперь, как в 40-х годах VI в., повысить размеры tributum, опасаясь вызвать новое недовольство населения завоеванной провинции. Однако существенного облегчения налогового бремени византийское правительство также не провело вследствие постоянной нужды государства в средствах (Р г о с о р. Н. а., XXIII, 1—6).

Более того, Прагматическая санкция со всей строгостью предписывала населению вносить налоги в установленных еще в римское время местах и в прежние сроки. Всякие «нововведения» (innovationes) в налоговом обложении, возникшие «вследствие нашествия врагов», безоговорочно отменялись (Pragm. Sanc., 10). Это указывает, по-видимому, на отмену византийским правительством всех налоговых льгот для трудового населения, введенных во время правления Тотилы, и в то же время на восстановление налоговых привилегий земельной аристократии, уничтоженных Тотилой (см. выше, стр. 351 сл.). К тяжести tributum для землевладельцев прибавлялись еще дополнительные платежи и повинности.

Особенно большим бременем оставалась coemptio — принудительная закупка съестных припасов (в первую очередь хлеба) по установленным государством ценам.

В остготской Италии, как мы видели, шла борьба между землевладельцами и купечеством из-за того, кому выполнять эту тяжелую повинность, причем накануне византийского завоевания купцам удалось освободиться от проведения coemptio и переложить эту обязанность на землевладельцев (см. выше, стр. 188 сл.).

Во всяком случае, после завоевания Италии византийское правительство, видимо, под давлением крупных землевладельцев отменило это постановление и предписало, чтобы купцы (mercatores, negotiatores) Калабрии и Апулии не отказывались вносить coemptio (Pragm. Sanc., 26). Свое постановление

---

s k y. Histoire de l'État Byzantin. Paris, 1956, p. 67 sq. (там и библиография вопроса).

оно мотивировало тем, что к дополнительным платежам (superindictitium titulum) землевладельцев невозможно еще прибавлять тяжесть закупки продуктов (coemptio). Тем самым правительство Юстиниана принуждено было признать, что посессоры Южной Италии были не в состоянии выполнять одновременно обе эти повинности. Желая привлечь на свою сторону население Италии, Юстиниан даже попытался несколько облегчить бремя принудительных закупок. В связи с этим Прагматическая санкция предписывала, чтобы в каждой провинции Италии производилась скупка только тех продуктов, которые имеются в изобилии в данной области. На закупаемые правительством продукты устанавливались рыночные цены (Pragm. Sanct., 18). В какой мере успешной была попытка правительства Юстиниана переложить тяжесть coemptio с крупных землевладельцев на купцов — сказать трудно. В этой связи Г. Гейсс справедливо обращает внимание на то обстоятельство, что в VII в. эту повинность должны были нести снова земельные собственники [110].

Вряд ли достаточно эффективными были и упомянутые выше меры византийского правительства по облегчению принудительной закупки, ибо coemptio использовалась чиновниками фиска для отягощения налогоплательщиков самыми различными способами, а не только путем понижения закупочных цен [111]. Для Италии, как и для других провинций империи, особенно тягостным, видимо, было требование принудительной перевозки продуктов, сдаваемых в счет coemptio в государственные амбары [112]. Быть может, именно поэтому купцы Южной Италии, обязанные по приказу правительства принять на себя тяготы принудительных закупок, все же добились особого

---

[110] H. Geiss. Op. cit., S. 35. Cp. L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 90.

[111] Например, обычным явлением было применение чиновниками при приемке продуктов, сдаваемых в свет coemptio, неверных мер и веса (Nov. Just.,128.15; Procop. H.a.,XXIII, 11—12); требование поставки злаков, которые не произрастали в данной области (Nov. Just., 128.9) и т. п. Против этих злоупотреблений византийское правительство также пыталось принять меры (Pragm. Sanc., 18, 19), но без установления действенного контроля государства над налоговыми сборщиками никакие меры против их злоупотреблений не могли реально облегчить положение налогоплательщиков.

[112] По сообщению Прокопия, византийское правительство с такой строгостью требовало выполнения принудительных закупок, что многие землевладельцы были принуждены, когда им не хватало собственных запасов зерна, покупать его в отдаленных местах по высоким ценам, лишь бы выполнить эту повинность (Procop. H. a., XXIII, 12). По данным того же Прокопия, вследствие введения принудительных закупок землевладельцы были обязаны уплачивать в десятикратном размере то, что они вносили в качестве tributum (Procop. H. a., XXIII, 14, ср. ibid., XXII, 18—19).

разрешения использовать при этом морскую торговлю (commerciis videlicet navium nulle modo prohibendis.— Pragm. Sanct. 18). Это давало возможность купцам не только закупать необходимые продукты в тех областях, где они были в изобилии, но и перевозить их морским путем на кораблях в государственные амбары, что было гораздо дешевле и, естественно, значительно выгоднее, чем перевозки продуктов по суше.

Борясь с злоупотреблениями чиновников при взимании coemptio и пытаясь облегчить ее тяжесть, византийское правительство, конечно, в какой-то степени заботилось и о поднятии платежеспособности разоренных войной налогоплательщиков Италии. Но основной заботой правительства оставалась все же забота о регулярном снабжении армии необходимыми съестными припасами (Nov. Just., 130). И поскольку принудительно закупаемые у налогоплательщиков продукты шли в первую очередь на содержание войска (Pragm. Sanc., 18), интересы налогоплательщиков в конечном счете приносились в жертву решению этой основной задачи. Как правило, принудительные закупки продуктов проводились в больших масштабах именно в тех областях, которые подвергались постоянным нападениям внешних врагов и где было расквартировано больше войск; вследствие же тягот войны землевладельцы как раз этих областей были особенно разорены и им особенно трудно было сдавать продукты в счет coemptio (Procop. H. a., XXIII, 11—12). Это зачастую фактически сводило на нет все облегчения по проведению принудительных закупок, введенные Прагматической санкцией. Кроме того, все рассуждения Юстиниана о благе подданных, которыми пестрит Прагматическая санкция, оставались лишь пустыми декларациями, и распоряжения византийского правительства относительно взимания coemptio принесли мало облегчения основной массе трудового населения Италии, поскольку распределение принудительных закупок было передано в руки правителя каждой области и приматов (primates) этих провинций (Pragm. Sanc., 18). Иными словами, в руки землевладельческой аристократии фактически передавалась раскладка этой повинности, и нет сомнения в том, что она проводилась в интересах крупных землевладельцев, а следовательно, о каком-либо реальном облегчении положения основной массы налогоплательщиков не могло быть и речи.

Наряду с coemptio тяжелым бременем для населения Восточной Римской империи в правление Юстиниана была так называемая прикидка — эпиболе[113]. Как известно, одной из

[113] Об эпиболе см. H. Monnier. Études de droit byzantin. I. L'ἐπιβολή.— «Nouvelles revues historiques de droit francais et étranger», t. 16, 18, 19, 1892—1895; J. Karayannopulos. Die Kollektive

постоянных забот Восточноримского государства была забота о получении полностью всех налогов согласно земельному кадастру, несмотря на то что земли были заброшены своими владельцами и запустели. Ко времени Юстиниана с упадком курий прежнее средство, применяемое государством для этого,— возложение ответственности за получение всей суммы налогов на куриалов, уже не могло принести реальных результатов. Мало помогали и предложения государства посессорам брать в собственность пустующие земли и платить с них налоги, ибо заброшенные имения, с которых надо было вносить высокие подати, требовали слишком больших средств для их восстановления. Тогда государство должно было прибегнуть к мерам принуждения. Заброшенные земли насильственно присоединялись к имениям посессоров, которые должны были платить за них государственные налоги. Такая система получила название прикидки (ἐπιβολή — adiectio)[114]. Тяжесть прикидки усугублялась тем, что обычно забрасывались самые неплодородные земли, которые было весьма невыгодно обрабатывать. Эта система особенно тяжело отзывалась на мелком и среднем землевладении и приводила к упадку хозяйств мелких посессоров, которые все больше попадали в зависимость от крупных землевладельцев. Действие системы эпиболе, без сомнения, было распространено после византийского завоевания и на Италию, где вследствие длительной войны было особенно много пустующих земель.

Эти — наиболее важные — налоги и повинности отнюдь не исчерпывали всех платежей, которые вносило население Восточной Римской империи, а с середины VI в. и завоеванной Италии в пользу Византийского государства[115].

Перечисленные выше налоги в основном взимались с сельского населения.

Все подданные империи, не обладавшие земельными владениями и не связанные с сельским хозяйством — купцы, менялы, ремесленники различных профессий,— не были обложены поземельным налогом, но выполняли в пользу государства различные повинности и платили налоги обычно деньгами

Steuerverantwortung in der frühbyzantinischen Zeit.— «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. 43, 1956; G. Ostrogorsky. Histoire de l'État Byzantin, p. 68; L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 80—81.

[114] C. J., XI, 59; Nov. Just., 17.8; 128. 7—8; Procop. H. a., XXIII, 9, 15—16, 21.

[115] К этим налогам можно добавить такие дополнительные платежи, как диаграфе (Procop. H. a., XXIII, 9, 17) и аэрикон (ibid., XXI, 2—4), введенные правительством Юстиниана в качестве экстраординарных повинностей. Об аэриконе см. F. Dölger. Das ἀερικόν. — BZ, 30, 1929—1930, 21; и указанную там литературу.

или предметами своего ремесла (Procop. H. a., XX, 1—2). Кроме того, купцы должны были уплачивать высокие торговые пошлины. Так, по словам Прокопия, при Юстиниане корабельщики (навикулярии), привозившие товары в Константинополь из Италии, Северной Африки и других областей, должны были уплачивать торговые пошлины, равные стоимости всего провоза, или возвращаться с товарами обратно. Некоторые из них предпочитали сжечь свои корабли и бросить заниматься морским делом, нежели платить такие разорительные пошлины. Другие требовали с купцов тройную плату за провоз, а те, чтобы возместить свои убытки, поднимали цены на товары и перекладывали расходы на покупателей (Procop. H. a., XXV, 7—10).

После византийского завоевания в Италии в более широких масштабах, чем в остготское время, применялась система торговых монополий. Согласно данным Прокопия, купцы, обязанные платить государству высокий налог за право монопольной торговли, произвольно увеличивали цены на товары, что тяжелым бременем ложилось на население (Procop. H. a., XX, 1—5).

При рассмотрении финансовой системы Италии после византийского завоевания следует также учитывать такие фактические надбавки к налогам, как спортулы, выплачиваемые государственным чиновникам сверх их жалованья[116].

После византийского завоевания раскладка налогов по всей Италии производилась ведомством префекта претория Италии. Чиновники префектуры под руководством префекта подготовляли так называемую particularis delegationum notitia, в которой устанавливали размер налогов для каждой провинции и городской округи, а также указывали соотношение натуральных и денежных взносов и расценку по рыночным ценам продуктов, вносимых в счет натуральных налогов. Эти delegationes подготавливались к началу каждого индикта и рассылались правителям провинций, которые ставили о них в известность население подвластной им территории[117]. Правители провинций Италии, согласно предписанию Прагматической санкции, должны были лично отвечать за правильное взыскание налогов с данной провинции (Pragm. Sanc., 9).

---

[116] Спортулы чиновников обычно составлялись из судебных издержек, уплачиваемых за ведение судебных процессов; из прибавок к налогам, шедших в пользу сборщиков за их труды; и из платы самих чиновников за получение должностей. Хотя спортулы были довольно высоки, но в целом они составляли незначительную часть доходов чиновников, главными из которых были незаконные поборы с населения (C. J., III, 2; Nov. Just., 8, 130).

[117] C. J., X, 17.2; 23. 4; 48.8; Nov. Just., 128. 1.

Взимание налогов в провинциях Италии производилось сборщиками податей (susceptores), которые ранее избирались куриями городов на один-два года из среды куриалов, а теперь, с упадком курий, назначались правителями провинций из числа чиновников их оффиция (officiales)[118]. Новый порядок назначения сборщиков податей ухудшал положение налогоплательщиков, отдавая их на произвол чиновников, более беззастенчивых в своих вымогательствах, чем выборные и периодически сменяемые куриалы [119].

Итак, непосредственно после византийского завоевания Италии правители провинций и их чиновники держали фактически в своих руках сбор налогов. Поэтому крупные светские и церковные землевладельцы стремились подчинить их своему влиянию и тем самым поставить под свое наблюдение раскладку и сбор податей в провинциях Италии. И византийское правительство, как мы видели, в этом отношении пошло им навстречу, даровав приматам и епископам право избрания правителей провинций (Pragm. Sanc., 12. См. выше, стр. 501).

Держа в своих руках выборы правителей провинций, епископы и наиболее знатные и влиятельные землевладельцы каждой области добились того, что раскладка повинностей между налогоплательщиками данной провинции Италии фактически производилась по их усмотрению.

Прикрываясь демагогическими фразами о защите имущественных прав налогоплательщиков (collatores.— Pragm. Sanc., 9, 18, 19, 20, 26), правительство Юстиниана в действительности предоставило в Италии реальные привилегии в области налогового обложения в первую очередь земельной аристократии и католической церкви (Pragm. Sanc., 12, 18, 19, 26).

Так, например, Прагматическая санкция защищала италийскую знать от злоупотреблений со стороны провинциальных чиновников, устанавливая, что последние должны возмещать из собственных средств ущерб, причиненный владельцам имений. При этом особо оговаривалось, что местная администрация должна возмещать землевладельцем даже тот ущерб, который был причинен во времена «правления нечестивейших тиранов» (Pragm. Sanc., 12). Этим постановлением землевладельцам предоставлялось право возбуждать судебные процессы против представителей администрации, управлявшей страной

---

[118] C. Th., XII, 6; C. J., X, 22, 1.1; 72; 74; Nov. Just., 25, 5.1 128, 2.5.

[119] В дальнейшем в византийской Италии VII—VIII вв. все большую роль в сборе налогов начинают играть palatini — чиновники дворца равеннского экзарха, которые фактически оттесняют чиновников префекта и правителей провинций и контролируют наряду с военными командирами весь сбор налогов в Равеннском экзархате.

при последних остготских королях, особенно при Тотиле. Иными словами, законодательство Юстиниана защищало интересы сторонников империи, имущественные права которых были ущемлены представителями местной администрации в правление Тотилы[120].

Усиление роли землевладельческой аристократии Италии во взимании налогов в провинциях засвидетельствовано и другим постановлением Прагматической санкции, отстранявшим государственных чиновников высших рангов (maioris dignitatis) от взимания налогов на местах: теперь высшим чиновникам разрешалось вмешиваться в это дело лишь в исключительных случаях (главным образом при неуплате налогов в срок) с целью соблюдения интересов государства и пресечения злоупотреблений провинциальной администрации (Pragm. Sanc., 9)[121].

Вместе с тем в целях бесперебойного получения налогов с Италии для византийского правительства было весьма важно как можно скорее ликвидировать тяжелые последствия гото-византийской войны и восстановить платежеспособность

---

[120] Подтверждением того, что это постановление Прагматической санкции в какой-то степени претворялось в жизнь, может служить реестр отчетности остготских налоговых сборщиков, сохраненный в собрании равеннских папирусов. Составленный для производства расследования деятельности сборщиков податей при остготах, этот реестр мог преследовать цели не только требования налоговых недоимок за время правления остготов, но и возмещения убытков римским крупным землевладельцам, с которых в то время были «незаконно» взяты лишние налоги (Mar., 138—139).

В связи с упомянутым выше предписанием Прагматической санкции находится и другое постановление того же закона о возмещении налогоплательщикам убытков, которые они потерпели от незаконного взимания налогов, и о возврате «без всяких уверток» (sine ambiguitate) прежним владельцам золота или продуктов (species), незаконно у них отобранных под видом взимания налогов или под предлогом какого-либо побора (oneris.—Pragm. Sanc., 14).

Подобные иски в условиях того времени, конечно, могли предъявляться лишь состоятельными лицами, имевшими средства вести судебный процесс. Для беднейшего населения Италии звучали лишь горькой насмешкой слова законодателя о том, что это постановление даст возможность «жителям провинции повсюду на законном основании получить обратно свое (имущество) и почувствовать счастье нашего времени» (Pragm. Sanc., 14).

[121] Даже в борьбе против злоупотреблений чиновников, проводимой в целях укрепления авторитета центральной власти и урегулирования финансов, правительство Юстиниана не забывает об интересах католической церкви и земельной аристократии. Так, Прагматическая санкция, выступая против злоупотреблений местной администрации, выражавшихся в применении неверных мер и весов при взимании налогов и заключении сделок, указывает, что единые меры и вес, устанавливаемые правительством для Италии, передаются под наблюдение римского папы или сената (Pragm. Sanc., 19).

основной массы налогоплательщиков. В это время экономические затруднения в покоренной Италии были столь велики, что византийское правительство, помимо общих законодательных предписаний, направленных на упорядочение налогообложения и финансов, должно было прибегать к экстраординарным мерам. Такой чрезвычайной мерой явилось издание около 556 г. византийским правительством особого закона относительно уплаты долгов в Италии и Сицилии (Const. Just., VIII). Этот закон устанавливал мораторий на 5 лет по всем долгам, сделанным у частных лиц в Италии и Сицилии до нападения войск франков и алеманнов, т. е. до 554 г. [122]

Однако, предоставляя важные привилегии католическому духовенству и земельной аристократии, делая уступки всем землевладельцам Италии, Юстиниан никогда не забывал об интересах фиска; поэтому он со всей строгостью предписывал неукоснительно взимать со всех налогоплательщиков Италии установленные законом налоги (Pragm. Sanc., 9, 10) [123].

Крайняя скудость источников не позволяет нам с точностью определить размеры налогов, платимых населением Италии византийскому правительству. Однако о тяжести налогов на рубеже VI—VII вв. мы можем судить по письмам Григория I, которые полны жалобами на налоговое бремя, особенно тягостное для мелких землевладельцев Италии, беззащитных перед лицом чрезмерных притязаний фиска. Григорий I рассказывает случаи, когда разоренные налогоплательщики должны были продавать в рабство своих детей, чтобы уплатить налоги государству (G r e g. I. R. Epp., V, 38). Он же сообщает о бегстве к лангобардам подавленных нуждой и налогами мелких землевладельцев византийской Италии (G r e g. I. R. Epp., V, 38).

Помимо тяжести налогов, жители Италии очень страдали от злоупотреблений византийских финансовых чиновников и особенно военных властей. Так, главнокомандующий византийской армии в Италии Нарсес применял, видимо, в завоеванной провинции систему военных реквизиций, широко распространенную в то время в Восточной Римской империи (Nov.

---

[122] Об этом см. З. В. У д а л ь ц о в а. Политика византийского правительства...— «Вестник МГУ», № 3, 1958, стр. 46 сл.

[123] В фискальных же интересах правители провинций, хотя и избираемые епископами и знатью, были поставлены под контроль центральной власти. Этот контроль осуществлялся через чиновников (скриниариев) префектуры, посылаемых в провинции для наблюдения за действиями местной администрации. Каждый правитель области находился под надзором двух скриниариев (τοὺς σκρινιαρίους) префектуры, которые контролировали его деятельность (Ed. Just., XIII, 9—11, Nov. Just., 128. 18; О скриниариях префектуры претория см. RE, Bd. II, Halbb. III, Sp. 904; E. S t e i n. Op. cit., t. II, p. 615, n. 2).

Just., 130). Одновременно в Италии была введена система принудительного расквартирования византийских войск, также весьма тягостная для населения страны.

Практика военных реквизиций была вызвана тем, что все усилия правителей Италии регулярно выплачивать жалованье войскам не могли увенчаться успехом из-за разорения страны, и жалованье солдатам, как правило, задерживалось, что вызывало большое недовольство в армии[124].

В связи с этим военные власти все активнее вмешивались в дела, связанные со сбором налогов и все настойчивее требовали выдачи довольствия войскам в точно установленные сроки. Если в какой-либо провинции имелись недоимки по уплате налогов (а это случалось весьма часто), туда посылались военные чиновники (opinatores) для оказания воздействия на правителя провинции и ускорения уплаты податей. Правда, этим чиновникам строжайшим образом предписывалось обращаться со своими требованиями только к правителю провинции и его оффицию, а отнюдь не к самим налогоплательщикам, однако система военных реквизиций сводила фактически на нет все эти предписания (Nov. Just., 130.1)[125].

Меры византийского правительства, принимаемые против злоупотребления чиновников фиска и военных властей, были столь же мало действенны, как и все законодательство Юстиниана, направленное на упорядочение налогового обложения

[124] В Восточной Римской империи VI в. существовала сложная система натуральных и денежных выдач (erogatio) государственным чиновникам, солдатам и командирам из доходов казны, главным образом из налоговых поступлений (C. J., XII, 37). После завоевания на Италию была также распространена эта система выдач, неразрывно связанная с системой налогового обложения. Первоначально выдачи распределялись ведомством префекта претория Италии, под его непосредственным наблюдением; в дальнейшем эти важные функции перешли к экзарху Равенны. Главной статьей расхода государства была выдача жалованья войскам. Префект, принимая во внимание численность расквартированных в каждой провинции войск, устанавливал, какое количество зерна и других продуктов должно остаться в государственных амбарах (horrea) каждой провинции и сколько должно быть переслано для снабжения крупных городов Италии или отослано в Византию (Nov. Just., 128). Префект назначал особого чиновника (erogator), который производил все расчеты по уплате денежного жалованья солдатам и устанавливал соотношение между денежным и натуральным довольствием солдат, которое в различных областях было различным (C. J., XII, 37.16. § 6).

[125] В дальнейшем в Равенском экзархате с усилением влияния военных властей на все управление Италией еще более повысилась их роль во взимании налогов с населения и все чаще военные командиры прибегали к реквизициям продуктов у жителей покоренной страны. В провинциях сбор налогов в VIII в. обычно находился фактически в руках военных трибунов, которые отсылали известную их часть центральному правительству через особых посланцев императора (missi), но львиную долю доходов оставляли для прокормления армии и военных чиновников (L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 98 f.).

в империи. Несправедливости и грабежи византийских чиновников при взимании налогов продолжались, несмотря на демагогические сетования и законодательные постановления правительства. Об этом можно судить по многочисленным жалобам населения Италии на злоупотребления, вымогательства и чрезвычайную жадность Нарсеса, финансовая политика которого вызвала большое недовольство жителей провинции.

О злоупотреблениях Нарсеса и его приближенных можно судить еще и по тому, что Нарсес, не получая больше субсидий из Константинополя, сумел в разоренной войной стране не только покрывать все текущие расходы на государственные нужды, но и нажить немалые богатства (Landolf, XIX, 3). Конечно, часть богатств, увезенных Нарсесом из Италии, была захвачена им в виде военной добычи у остготов; немало было получено в виде доходов с имений, приобретенных в Италии; но вместе с тем несомненно, что и сам ловкий правитель покоренной провинции и его приближенные постоянно обогащались за счет государственной казны, а в конце концов — за счет систематического ограбления населения Италии. Кроме населения собственно Италии, ограблению подвергались жители Сицилии, Сардинии и Корсики, налоги с которых, видимо, уже при Нарсесе, как и в последующее время, поступали в пользу финансового ведомства Италии (Greg. I. R. Epp., V, 38)[126]. Недовольство финансовой политикой византийского правителя особенно усилилось в конце правления Нарсеса и было одной из причин его отставки. Павел Диакон рассказывает так о последних годах правления Нарсеса в Италии: «Разбив и уничтожив все племя готов, Нарсес, воспылав жадностью и стремясь к захвату большого количества золота, серебра и других богатств, вызвал этим большое недовольство римлян, которым внушил ненависть к себе»[127]. Ему вторит Агнелл, который, описывая правление византийского наместника, с горечью замечает, что все римляне в Италии были ограблены Нарсесом (Agn., 95).

Итак, после византийского завоевания в финансовом управлении Италии произошли серьезные изменения, непосредственно связанные с изменением структуры и характера

---

[126] L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 339, 346; E. Stein. Histoire..., t. II, p. 616; L. M. Hartmann. Untersuchungen..., S. 100—101, 174. О положении Сардинии и Сицилии в период византийского господства см. E. Besta. La Sardegna medievale, t. I. Palermo, 1908, p. 17—28; t. II, Palermo, 1909, p. 1—7; R. Castra Raspi. La Sardegna nell'alto Medio Evo. Cagliari, 1935; L. Genuardi. L'organizzazione pubblica della Sicilia nei tempi bizantini.— «Atti dei Società italiana per il progresso delle Scienze», t. V, (1936), p. 7—48.

[127] Pauli Diac. Hist. Lang., II, 5. Cp. Lib. Pont. V. Johann. III, 3.

центрального финансового управления всей империи. В результате общей натурализации хозяйства и развития феодальных отношений в налоговом обложении империи, как и Италии, все большее место занимают натуральные налоги, идущие главным образом на содержание войск и военных чиновников. В связи с общим усилением значения военных властей в экзархатах (а затем в фемах) возросло их влияние и на финансовые дела — на раскладку, сбор и распределение налогов. В дальнейшем же экономическое и политическое обособление византийской Италии от империи в период экзархата способствовало росту независимости финансового управления Италии от центрального правительства.

§ 5. Значение византийского завоевания для исторических судеб Италии

Каково же было значение византийского завоевания для исторических судеб Италии? Что принесло оно этой стране, ее народу?

Придя в Италию под видом ее освободителей от ига варваров, византийцы на самом деле оказались для народных масс этой страны столь же жестокими завоевателями, как и их предшественники — остготы Теодориха. В некоторых же отношениях господство византийской аристократии было даже более тягостным, чем власть остготской знати.

Если при остготах увеличился удельный вес свободного мелкого землевладения и происходила ломка старых отношений рабовладельческого общества, то византийцы несли с собой реставрацию крупного римского землевладения, восстановление зависимого положения рабов и колонов, обременительную систему налогов, гнет бюрократической машины, воссозданной по образу и подобию имперской. Все это чрезвычайно тяжело отзывалось на положении народных масс завоеванной страны. Политика реставрации старых порядков Римской империи, покровительство римской рабовладельческой аристократии и наступление на мелкое свободное землевладение — все это привело к тому, что в сфере социально-экономических отношений византийское завоевание временно затормозило развитие феодализма, хотя остановить его не могло.

Но именно благодаря тому, что византийская рабовладельческая знать в союзе с римской аристократией и католическим духовенством попыталась повернуть вспять историческое развитие Италии, восстановить социально-экономический и политический строй Римской империи и уничтожить все завоевания народных масс, их господство было недолговечно и вскоре вызвало новый подъем народных движений и рост недоволь-

ства византийским владычеством различных слоев населения страны.

Наибольшее недовольство народных масс вызывала социально-экономическая политика византийского правительства, направленная к реставрации старых порядков Римской империи. Особенно тягостными для народных масс были попытки восстановить крупное землевладение, отобрать земли у мелких собственников и возвратить их римской знати и высшему католическому духовенству. Для освободившихся рабов и колонов постоянной угрозой были предписания византийского правительства о возврате всех зависимых людей в их прежнее состояние. Сильное недовольство породила также и финансовая политика, от которой в наибольшей степени страдали опять-таки широкие массы трудового населения.

Поэтому немудрено, что народные массы Италии на первых порах встречали лангобардов как своих освободителей от ига византийцев. Лишь позднее кровавая политика лангобардской знати оттолкнула от новых завоевателей население Италии.

Вместе с тем вторжение лангобардов вновь привело к увеличению числа свободных землевладельцев Италии и усилению общинных отношений.

В областях Италии, завоеванных лангобардами, развитие феодализма шло более интенсивно, чем на землях, оставшихся под властью Византии. Лангобардское завоевание, как показали советские ученые [128], окончательно сломило сопротивление отживающего класса римской аристократии и расчистило путь для быстрого роста феодальной собственности и развития феодальных отношений. Между тем в византийской Италии более длительное время сохранялось крупное римское землевладение латифундиального типа (особенно в южной Италии), существовали пережитки рабовладения и другие старые формы зависимости трудового населения (колонат, эмфитевзис и т. п.), римская финансовая и налоговая система и бюрократический аппарат. Как показали советские исследователи, в византийских областях Италии феодальные отношения начали интенсивно развиваться лишь в IX—XI вв.[129]

В области развития торговли и возрождения городов Италии византийское завоевание на первых порах в некоторой степени содействовало временному оживлению городской жизни и укреплению торговых связей Италии с Восточной Римской

---

[128] См. фундаментальную работу советского исследователя А. И. Неусыхина «Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI — VIII вв.» М., 1956, глава V — «Формирование элементов зависимого крестьянства в лангобардском обществе VI— VIII вв.», стр. 225—284.

[129] М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX — XI вв.).— ВВ, т. VII. М., 1953, стр. 161—193.

империей. Однако эти положительные результаты были весьма недолговечны. Упрочению и развитию торговых связей Византии с Италией в дальнейшем мешали как конкуренция византийских и итальянских купцов, так и появление арабского флота, пиратские нападения которого затрудняли торговые связи в бассейне Адриатического и Средиземного морей. Кроме того, политика византийского правительства в Италии была направлена на покровительство морской торговли экзархата с империей и не способствовала развитию внутренней торговли в самой Италии. Постоянная же вражда византийцев с лангобардами и разделение страны между ними мешали в дальнейшем подъему внутренней торговли страны и развитию торговых связей между отдельными областями Италии.

Столь же отрицательными были для Италии последствия византийского завоевания и в сфере политических отношений. Византийские и лангобардские завоеватели, поделив между собой Италию, мешали политическому единству страны, формированию единого итальянского государства и образованию итальянской народности.

Вместе с тем безраздельное господство византийской военной и гражданской администрации во главе с экзархом, продажность и корыстолюбие византийских чиновников, грабивших подвластную им страну, бюрократизация всего государственного управления, беспощадное подавление народных восстаний и всех стремлений населения к независимости — такова была политическая система, которую принесли с собой византийцы в Италию.

Подводя итоги нашему исследованию, мы приходим к выводу, что византийское завоевание Италии не только не принесло освобождения этой стране, но, наоборот, ухудшило положение народных масс, временно затормозило развитие феодальных отношений и помешало политическому объединению Италии.

Таковы, на наш взгляд, были наиболее важные последствия византийского завоевания для Италии. Таково его значение в судьбах этой страны.

ИСТОЧНИКИ

Acta concil.— Acta conciliorum oecumenicorum, ed. Schwartz, t. II. Concilium universale Chalcedonense, vol. 1—6, 1933—1938; t. IV. Concilium universale Constantinopolitanum sub Justiniano habitum, vol. 2, 1914.

Agath.— Agathiae Historiae, ed. Niebuhr. Berolini, t. I, 1828; ed. Dindorf.— Historici graeci minores, t. II, Lipsiae, Teubneri, 1871, pp. 132—453.

Agn.— Agnelli Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis, ed. Holder-Egger.— MGH. Scriptores rerum langobardicarum et Italicarum saec. VI — IX, 1878, p. 265—391; ed Testi-Rasponi, 1924.

Ammian. Marc. — Ammiani Marcellini Res gestae, ed. Clark, 2 vol. 1910—1915.

Anon. Vales.— Anonymus Valesianus, pars posterior, ed. T. Mommsen.— MGH, AA, t. IX, 1892, p. 306—328.

Auct. Prosp. Havn.— Auctarium Prosperi Havniensis, ed. T. Mommsen.— MGH, AA, t. IX, 1892, p. 307—339; ed. R. Cessi.— Studi sulle fonti dell'età gotica e longobarda, II, Prosperi Continuatio Havniensis («Archivio Muratori», II, fasc. 22, 1922, pp. 629—641).

Bedae — Bedae Chronica, ed. T. Mommsen. — MGH, AA, t. XIII, 1895.

Boeth. de consol. philos.— Boethii, Anici Manli Severini, De consolatione philosophiae, ed. G. Weinberger.— Corpus Scriptorum Eccles. Latin. Vindobonae, 1934; ed. Peiper, 1871; ed. Stewart et Rand, 1918; ed. Forti-Scuto et Smith, 1925.

Candid.— Candidi Fragmenta, FHG, t. IV, p. 135—137.

Cass. Chron.— Cassiodori Chronica, ed. T. Mommsen. MGH, AA, t. XI, 1894, p. 120—161.

Cass. Instit.— Cassiodori Institutiones.— PL, t. LXX, 1865, col. 1105—1150; ed. Mynors, 1937.

Cass. Orat.— Cassiodori Orationes, ed. Traube.— MGH, AA, t. XII, 1894, p. 457—484.

Cass. Var.— Cassiodori Variae, ed. T. Mommsen.— Ibid., p. 1—385.

Chron. Caesaraug.— Chronica Caesaraugustana, ed. T. Mommsen.—MGH, AA, t. XI, 1894, p. 222—223.

Chron. Gall.— Chronica Gallica a DXI, ed. T. Mommsen.— MGH, AA, t. IX, 1892, p. 611—666.

Chr. Benedet. mon.— Il Chronicon di Benedetto monaco di S. Andrea del Soratte, ed. G. Zucchetti.— Fonti per la storia d'Italia, vol. 55. Roma, 1920.

Chron. Paschal.— Chronicon Paschale, ed. Dindorf, t. XVI, XVII. Bonnae, 1832.

CIL — Corpus inscriptionum Latinarum, t. I—XVI, 1861 sq.
Coll. Avell.— Epistulae imperatorum, pontificum, aliorum Avellana quae dicitur Collectio (367—553), rec. O. Guenther.— Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vindobonae, vol. XXXV, 1—2. 1895—1898.
Coll. Caesaraug.— Collectio Caesaraugustana.— ed. P. Fournier in «Nouvelle Revue Historique de Droit», t. XLV, 1921, p. 53—79.
Cons. Ital.— Consularia Italica, ed. Th. Mommsen.— MGH, AA, t. IX, 1892, p. 249—336.
Const. Just.— Constitutiones Justiniani, см. Corp. jur. civ., t. III.
Coripp. Paneg.— Corippi Panegyricus in laudem Anastasii quaestoris et magistri, ed. Partsch.— MGH, AA, t. III, 2, 1879; ed. Petschenig in «Berliner Studien für klassische Philologie», IV, 2, 1886.
Coripp. Johan.— Corippi Johannidos seu de bellis Libycis.— MGH, AA, t. III, 2.
Coripp. Just.— Corippi in laudem Justini Augusti minoris.— Ibidem.
Corp. jur. civ.— Corpus juris civilis, t. I: Institutiones, Digesta, ed. Th. Mommsen et P. Krueger, Berolini, 1954; t. II: Codex Justinianus, ed. P. Krueger, Berolini, 1954; t. III: Novellae, ed. R. Schoell et G. Kroll, Berolini, 1954.
C. J.— Codex Justinianus, см. Corp. jur. civ., t. II.
C. Th.— Codex Theodosianus, ed. Th. Mommsen et E. Meyer, 2 vol. 1905.
H. Dessau. Insr.— H. Dessau Inscriptiones latinae selectae, vol. I—III. Berolini, 1892—1916.
Deusdedit. Coll. canon.— Deusdedit. Collectio canonum, ed. W. v. Glanvell. 1905.
Dig.— Digesta, см. Corp. jur. civ., t. I.
E. Theod.— Edictum Theoderici, ed. Blubme.— MGH, Leges, t. V, 1875, p. 145—171; Fontes juris romani antejustiniani, pars II, ed. J. Baviera, Florentiae, 1940.
Ed. Just.— Edicta Justiniani, см. Corp. jur. civ., t. III.
Ennod. Dict.— Ennodii Dictiones, ed. Vogel.— MGH, AA, t. VII, 1885; ed. Hartel.— Corp. scr. eccl. lat., t. VI, Berolini, 1882.
Ennod. Epp.— Ennodii Epistolae.— Ibidem.
Ennod. Paneg.— Ennodii Panegiricus dictus Theoderico regi. — Ibidem.
Ennod. V. Epif.— Ennodii Vita Epifanii.— Ibidem.
Euagr.— Euagrii Historia ecclesiastica, ed. Bidez et Parmentier, 1898.
Exc. Sangall — Excerpta Sangallensia — см. Cons. Ital.
Facund. Ep. — Facundi Hermianensis Epistola fidei catholicae.— PL, t. LXVII, col. 527—878.
Facundi Liber contra Mocianum— Facundi Hermianensis Liber contra Mocianum.— Ibidem.
Fasti Vindob.— Fasti Vindobonenses — см. Cons. Ital.
Ferrand. Epp.— Ferrandi Epistolae.— PL, t. LXV, col. 378—380, 392—394; t. LXVII, col. 887—950.
Ferrand. V. Fulg.— Ferrandi Vita Fulgentii — PL, t. LXV, col. 117—150; ed. Lapeyre, 1929.
Fibig.— O. Fibiger. Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen. Neue Folge. (I). Wien — Leipzig, 1939.
Fibig. Schmidt.— O. Fibiger, L. Schmidt. Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen. Wien, 1917.
Fontes juris rom. antejust.— Fontes juris romani antejustiniani, ed. J. Baviera, pars II, Florentiae, 1940.
Gajus. Inst.— Gajus. Institutiones, ed. E. Seckel — B. Kübler. 8 ed. Leipzig, 1939.

Greg. I. Dial.— Gregorii I papae Dialogi de vita et miraculis patrum Italicorum, ed. U. Moricca.— Fonti per la storia d'Italia pubbl. dall' Istituto Storico Italiano, Roma, 1924.

Greg. I. R. Epp.— Gregorii I papae Registrum epistolarum, ed. Caspar. MGH, Epp., t. II, pars 1—2, 1920—1923.

Greg. Tur. Hist. Franc. — Gregorii Turonensis Historia Francorum, ed. Arndt et Krusch.— MGH, Scr. rer. Merov., t. I, 1885.

Hist. Lang cod. goth.—Historia Langobardorum codicis gothani, ed. Waitz.— MGH, Scr. rer. Lang., 1878, p. 7—11.

Horm. Epp.— Hormisdae papae Epistolae, ed. Thiel.— Epistolae romanorum pontificum, t. I, 1898.

Hydat. Lemici.— Hydatii Lemici continuatio chronicorum Hieronymianorum, ed. T. Mommsen.— MGH, AA, t. XI, vol. II, 1894, p. 36.

Ioh. Ant. — Iohannis Antiocheni Fragmenta. — FHG, t. IV, p. 534—622; t. V, p. 27—38.

Ioh. Lyd. de mag.— Iohannis Lydi De magistratibus, ed. Wuensch, Lipsiae, 1903.

Ioh. Lyd. de mens.— Iohannis Lydi De mensibus, ed. Wuensch. Lipsiae, 1898.

Iord. Get.— Iordanis Romana et Getica, ed. T. Mommsen.— MGH, AA, t. V, p. 1, 1882.

Isid. Chron.— Isidori Hispaliensis Chronica, ed. T. Mommsen.— MGH, AA, t. XI, 2, 1894, p. 391—488.

Isid. Hist.— Isidori Hispaliensis Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum.— Ibidem.

JE, JK — см. Regesta Pont. Rom.

JusGR— C. E. Zachariae a Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, 2 ed., t. I — III, Lipsiae, 1931.

Kehr.— P. F. Kehr. Italia Pontifica sive repertorium privilegiorum et litterarum a Romanis Pontificibus ante annum 1598 concessorum, Berolini, 1906.

Landolf.— Landolfi Sagacis Historia Miscella, ed. Droysen.— MGH, AA, t. II, 1879, p. 225—376.

Landolf. — Landolfi Sagacis Historia Romana, ed. A. Crivellucci.— Fonti per la storia d'Italia, pubbl. dall'Istituto Storico Italiano. Roma, 1912—1913.

Laterc. reg. Vand.— Lateculus regum Vandalorum, ed. T. Mommsen.— MGH, AA, t. XIII, 1898, p. 458—460.

Later. reg. Visig.— Lateculus regum Visigothorum.— MGH, AA, t. XIII, p. 464—469.

Leg. Alam.— Leges Alamannorum, ed. K. Lehmann.— MGH, Legum Sectio I, t. V, 1, 1888.

Leg. Burg.— Leges Burgundionum, ed. L. de Salis, MGH, Leges nationum Germanicarum, t. II, p. 1, Hannoverae, 1892, p. 117—122.

Leg. Lang.— Leges Langobardorum, ed. F. Bluhme.— MGH, Legum Sectio I, t. IV, 1868.

Leg. Visigoth.— Leges Visigothorum, ed. J. Zeumer, ibid., t. I, Hannoverae et Lipsiae, 1902.

Lex R. Burg.— Lex Romana Burgundionum, ed. S. Baviera. Fontes juris romani antejustiniani, pars II, Florentiae, 1940, p. 711—750.

Lex Salica — Lex Salica, hrsg. von. K. A. Eckhardt. Weimar, 1953.

Lib. diurn. — Liber diurnus romanorum pontificum, ed. Sickel, 1889.

Lib. Pont.— Liber. pontificalis, Fragmentum Laurentianum, ed. Duchesne, 1886; ed. T. Mommsen.— MGH, Gesta Pontif. Rom., t. I, 1898.

Liberat. Brev.— Liberati Breviarium causae Nestorianorum et Eutychianorum, ed. Schwartz.— Acta Concil., t. II, pars 5, 1936, p. 98—141.
Malal.— Iohannis Malalae Chronographia, ed. Dindorf, t. XV, Bonnae, 1831.
Marc. Chron.— Marcellini comitis Chronicon.— MGH, AA, t. XI, vol. 2, 1894, p. 60—104.
Marc. Chron. add.— Marcellini comitis Chronicae additamentum.— Ibidem, p. 104—108.
Mar.— G. Marini. I papiri diplomatici raccolti ed illustrati. Roma, 1805.
Mar. Avent.— Marii, episcopi Aventicensis, Chronica, ed. T. Mommsen.— MGH, AA. t. XI, vol. 2, 1894, p. 232—239.
Menandr.— Menandri Protectoris Fragmenta— FHG, t. IV, p. 200—269; ed. Dindorf.— Historici Graeci minores, t. II, Lipsiae, 1871, p. 1—131.
Mich. Syr.— Michel le Syrien. Chronique, ed. Chabot. 5 vol. 1899—1924.
Murator.— L. A. Muratori. Annali d'Italia del principio dell' era volgare fino all'anno 1750, vol. 1—3. Milano, 1753 sq.
Murator.— L. A. Muratori. Antiquitates Italiae medii aevi, t. 1—3. Milano, 1738 sq.
Murator. Inscr.— L. A. Muratori. Novus thesaurus veterum inscriptionum, t. I—IV, Mediolani, 1739—1742.
Murator. Scr.— L. A. Muratori, Rerum Italicarum Scriptores. Milano, 1723 sq.
Not. dign. Occ., Or.— Notitia dignitatum utriusque imperii, pars Occidentis et Orientis, ed. Seck. 1876.
Nov. Just— Novellae Justiniani, см. Corp. jur. civ., t. III. Nov. Majorian.— Novellae Majoriani, см. C. Th., t. 2. Nov. Valent. III.— Novellae Valentiniani III, см. C. Th., t. 2.
Nov. Theod. II — Novellae Theodosii II.—Cod. Theod., t. II, p 1—178.
Origo gent. Lang.— Origo gentis Langobardorum, ed. Waitz.— MGH, Scr. rer. Lang., 1878, p. 1—6.
Pauli Diac. Hist. Lang.— Pauli Diaconi Historia Langobardorum, ed. Bethmann et Waitz.— MGH, Scr. rer. Lang., 1878, p. 45—187.
Pauli Diac. Hist. Rom.— Pauli Diaconi Historia Romana, ed. Droysen.— MGH, AA, t. II, 1879, p. 4—224.
Pauli Sent.—Pauli Sententiae, см. Fontes juris rom. antejust.
Pragm. Sanc.— Pragmatica Sanctio, см. Corp. jur. civ., t. III, app. VII.
Prisc.— Prisci Fragmenta, t. IX, Bonnae, 1829; FHG, t. IV—V.
Procop. H. a.— Procopii Caesaraeensis Anecdota, ed. Haury, 3 vol. Lipsiae, 1905—1913.
Procop. BG. — Procopii Caesaraeensis Bellum Gothicum. Ibidem.
Procop. BP — Procopii Caesaraeensis Bellum Persicum.— Ibidem.
Procop. BV — Procopii Caesaraeeensis Bellum Vandalicum.— Ibidem.
Procop. de aedif.— Procopii Caesaraeensis De aedificiis.— Ibidem.
Regesta Pont. Rom.— Regesta pontificum romanorum, ed. P. Jaffé, 2 ed. G. Wattenbach, S. Loewenfeld, F. Kalterbrunner, P. Ewald, t. I, 1885 (JK — до 590 г.; JE — 590—882 г.).
Rossi — J. B. Rossi. Inscriptiones christianae urbis Romae, t. I—II.

Rufin. Hist. eccl.— Rufini Historia ecclesiastica, ed. T. Mommsen.— Eusebius. Werke, t. II, 1909.
Salv. de gub. Dei — Salviani De gubernatione Dei, ed. Halm.— MGH, AA, t. I, 1, 1877, p. 1—108.
Sidon. Apoll. carm.— Sidonii Apollinaris Carmina ed. Leutjohann.— MGH, AA, t. VIII, 1887.
Sidon. Apoll. Epp.— Sidonii Apollinaris Epistulae.— Ibidem.
Silvagni — A. Silvagni. Inscriptiones christianae urbis Romae. Roma, 1922.
Sozom.— Sozomeni Historia ecclesiastica, PG, t. LXVII, col. 843—1630.
Symm. Epp. — Symmachi papae Epistolae, ed. A. Thiel.—Epistolae Romanorum pontificum (461—523), t. I. Lipsiae, 1868.
Theophan.— Theophanis Chronographia, ed. De Boor, 2 vol. 1883—1885.
Thiel — ed. A. Thiel. Epistolae Romanorum pontificum (461—513), t. I. Lipsiae, 1868.
Tjäder — J. O. Tjäder. Die Nichtliterarischen Lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700, T. 1—2. Uppsala, 1955.
Vict. Tonnen.— Victoris Tonnenensis Chronica, ed. T. Mommsen.— MGH, AA, t. XI, 1894, p. 184—206.
Vict. Vit.— Victoris Vitensis Historia persecutionis africanae provinciae, ed. Helm.— MGH, AA, t. III, 1, 1879.
Vig. Epp.— Vigilii papae Epistolae, ed. Schwartz; Vigiliusbriefe. Zur Kirchenpolitik Justinians.— «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Philol.-hist. Abt., 1940, S. 1—32.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Абунданций 468
Авары 438
Авдуин 404
Авентий 380
Авентик 312, 475
Авиен 213, 214, 242
Авл Ацдуаций 447
Аврелиан 451, 466
Аврелиевы (Панкратиевы) ворота 287
Австразия 310
Агапит (папа) 261, 267, 293, 294
Агапит (префект Рима) 152, 214, 215
Агафий 417, 418, 420—423, 425—436
Агенанция 128
Агила 468
Агнелл (епископ) 449
Агнелл (историк) 18, 71, 126, 210, 275, 316, 334, 405, 419, 428, 429, 438, 449, 452, 476, 480, 519
Агнелл (патриций) 153
Агнехильда 463
Аддуа (Адда) 16, 17
Адемунт 454
Адорит 454
Адила 62
Адриан 395, 416
Адриана 130, 182
Адрианополь 402
Адриатика 118
Адриатическое море 29, 306, 405, 522
Азинариевы ворота 279, 294, 375
Аквилея 12, 453
Аламунд 456
Аланы 7
Аларих 19, 174, 175
Аларих II 332
Алгедон 382
Александр (византийский сенатор) 247
Александр (логофет) 329—331, 333, 358
Александр (полководец) 298
Александрия 488
Алеманны 43, 87, 421—427, 429, 431, 432, 434, 435, 517
Алигерн 418, 423, 429, 430
Альбан 465
Альбанская область 298
Альбин, Фавст 152, 213, 214, 232—235
Альбис 287
Альпы 310, 437, 496, 497
Альпы Апеннинские 497
Альпы Коттийские 42, 53, 313, 316, 337, 362, 402, 497
Альпы Юлийские 12
Альтгейм Ф. 9
Амабила 139
Амаларих 332
Амаласунта 28, 52, 62, 135 145, 223, 236—255, 259, 261, 277, 278, 358, 366, 378, 430, 441
Амалафрид 317
Амалафрида 247, 249, 317
Амалы 26, 145, 158, 223, 241, 243, 247, 248, 260, 275, 277, 291, 400
Амандиан 53, 62
Аммипг 426, 431
Аммоний 481
Ампелий 119
Анастасий (император) 143, 167, 232, 325, 380
Анастасий II (папа) 219
Анастасий (церковный писатель) 294, 344
Ангофрида 55
Андрей 230
Андрей (Адемунт) 454

* Указатель составлен А. Я. Сыркиным.

Анзала 408
Анио 476
Аницции 260
Анкона 305, 400
Аноним Валезия 143, 217, 232, 233
Ансила 407
Антиох (префект претория) 427, 499
Антиох (сирийский купец) 122, 270
Антиохия 487
Антоний 61
Антонина 258, 294, 297, 363, 374, 390
Анты 286, 289, 361, 380
Анфимий 293, 294
Анфимия 463
Анхиал 401
Анцессант 451
Анций (Анцио) 289
Апеннинский п-ов 3, 6, 8, 11, 24, 69, 123, 137, 281, 342, 353, 356, 359, 373, 386, 395, 404, 421, 423, 431, 443, 444, 459, 474, 475, 484, 508
Апеннины 300, 339
Аппиева дорога 284, 289 298
Апулийцы 124
Апулия 25, 34, 38, 39, 53, 112, 188, 189, 230, 273, 280, 341, 342, 344, 370—373, 380, 382, 386 431, 484, 510
Аратий 315
Арбитан 53
Арголик 53, 62
Арелат 119
Аретуза 108
Аригерн 141, 152
Аримин (Римини) 300, 301, 304—307, 405, 454, 457, 466
Армения 322
Армяне 315, 353, 386, 394, 432
Артабаз 338
Артабан (византийский вельможа) 394
Артабан (военачальник) 407, 424, 426, 427, 432
Артемидор 216
Аруф 385
Аршак 394
Асвад 437
Асизий (Ассизи) 362, 363, 380
Асинарий 265, 281.
Аскленодот 270
Аскул 357, 362
Ассизи 362
Астика 402
Аталарих 43, 52, 59, 62, 64, 69 85, 104 106, 108, 117, 122, 123 126—128, 131, 134, 135, 143, 145, 158, 160, 163, 164, 171, 172, 174, 180, 182, 206, 218, 223, 230, 236—242, 245, 247, 252, 267, 279, 352, 441
Аудехильда 463
Ауксим (Озимо) 300, 304—306, 310, 312— 314, 360, 362, 363, 400
Аунемунд 463
Аусегунда 463
Ауфрид 456
Афанасий 265, 266, 315, 322
Африка Северная 27, 38, 69, 122, 153, 245—247, 254, 256, 266—268, 272, 309, 318, 320, 321, 341, 368, 373, 397, 401, 439, 440, 443, 444, 459, 460, 488, 498, 505, 508, 514
Ахеронтия (Ачеренца) 384, 405, 417
Ахилий 468

Бадуила (Тотила) 334, 475
Бакиона 463
Балканский п-ов 401, 402
Балониан 457, 466
Балтика 122
Баудульф 463, 464
Беда 334
Белград 12, 394
Бенакское оз. (Гарда) 432
Беневент (Беневенто) 280, 355
Бенедикт 52
Бенедикт Нурсийский 57, 376
Беньямин 222
Бергома (Бергамо) 302
Бертегизил 454
Бертерик 454
Бертовара 454
Бесса 256, 281, 282, 286, 315, 366, 367, 369, 370, 374, 375 377, 442
Бессы 312
Болгары 246, 385]
Бон (военачальник) 429
Бон (ремесленник) 480, 481
Бонациан 467
Бонифаций 445
Бонония (Болонья) 362
Боэций 152, 224, 231—236, 238, 242, 246, 378, 446, 447
Бренция 437, 438
Брионы 74
Брундизий 370
Бруннер Г. 165, 167, 176
Брут 21
Бруттии 209, 341, 371, 431
Бруттий 34, 35, 39, 51, 53, 54, 57, 69, 104, 106, 109, 117, 122, 124,

126, 127, 139, 187, 209, 223, 240, 268, 269, 342, 344, 372, 373, 382, 386
Буза 353
Бургундское королевство 26, 174
Бургунды 16, 27, 33, 37, 52, 164, 174, 175, 302, 307, 308
Бутилан 54, 190
Бутилин 422—424, 426, 430—435
Буцеллин (Бутилин) 431, 434, 475
Бьюри Дж. 412, 418

Вайнштейн О. Л. 7, 9
Вакис 284
Вакк 263, 264, 284
Ваккар 431
Валентин (военачальник) 290, 360, 364, 365
Валентин (епископ) 366
Валентиниан III 328
Валериан 286, 289, 386, 400, 405, 416, 424, 426, 427
Валерий 468
Вандальское королевство 232, 245, 254, 498
Вандалы 27, 121, 243, 245, 246, 252, 254, 257, 439, 440, 444
Вандея 372
Вараза 386
Варны (Варины) 122, 430
Везувий 418
Велас 333, 334
Велисарий 25, 72, 245, 246, 252, 253, 255—259, 264—272, 274, 279—284, 286—301, 304—310, 312—318, 320, 322, 330, 332, 333, 353, 354, 359, 360, 362—365, 370, 373, 374, 382, 383, 386, 388—390, 392—394, 397, 411
Венанции 447
Венанций 106, 109, 110
Веперий 63
Венетия 24, 39, 44, 315, 333, 394, 402, 404, 414, 420, 423, 432, 437, 438, 496
Веран 157
Вергентин 292, 308
Верона 12, 17, 24, 53, 118, 119, 145, 217, 220, 338, 404, 414, 431, 432, 437, 438
Вестготское королевство 26, 122, 174
Вестготы 16, 27, 33, 37, 174, 175, 181, 184, 332
Ветезска 109, 480
Виварий (поместье) 57, 223
Виварий (участок римской стены) 287
Вигилий (колон) 464, 468
Вигилий (папа) 292, 294, 295, 317, 366, 367, 369, 375, 376, 393, 394, 412, 442
Видин 426, 431
Византий (Константинополь) 402
Виктор (колон) 468
Виктор (правитель Сицилии) 240
Виктор Тонненский 292, 294, 334, 410
Виктуриан 468
Вилиарий 456,
Вилиарих 456
Вилигис 157
Вилилива 454
Виминаций (Костолац) 12
Винкомал 456
Виноградов П. 29, 30, 32, 37, 38, 44, 100, 101, 107, 157, 186, 189, 191
Виннах 12
Вир 386
Висмара Дж. 162—164
Виталиан 297
Виталий (военачальник) 333, 360, 362
Виталий (ремесленник) 481, 487
Витигизкл 240
Витигис 44, 223, 272, 274—284, 286, 287, 291, 292, 294, 296, 298—302, 304, 305, 309, 310, 312—318, 320, 329, 330, 332—334, 347, 356, 359, 360, 362, 364, 384, 386, 395, 400, 401
Витторы 417
Волатерра (Вольтерра) 424
Вольсиненское оз. 251, 275, 307
Вольсинии 275
Вольтурно 433
Вуадульф 457
Вуалахарий 464, 465

Гай Туберон 447
Галлия 39, 44, 45, 50, 52, 69, 74, 122, 123, 139, 141, 157, 222, 240, 244, 255, 267, 279, 281, 282, 302, 422, 453
Галло-римляне 27, 33, 174
Галлы 407, 414
Гальбан А. 115
Ганнибал 411
Гарда оз. 432
Гаримунд 468
Гартман Л. М. 100, 148, 161, 167, 197, 242, 284, 411, 454, 486, 500
Гаугиульф 463, 464
Гаудиоз 458

Гвальдо Тадино 407
Гезила 182, 199, 200
Гейсс Г. 21, 116, 188, 511
Гелимер 243, 245, 246, 254, 359, 360
Гелладий 213, 214
Генуя 302, 312
Георгий (военный командир) 480
Георгий (полководец) 445
Георгий (торговец) 466, 487
Гепиды 7, 12, 43, 44, 157, 242, 247, 274, 333, 361, 394, 404, 410
Герман (землевладелец) 61
Герман (племянник Юстиниана) 317, 363, 394, 397, 399, 400, 403
Германцы 9, 37, 44, 45, 137, 166, 167
Герменефрид 317
Геронтий 55
Герулы 7, 17, 21, 28, 78, 298, 305, 309, 333, 361, 385, 386, 394, 404, 409, 424, 426, 433, 434, 475
Гиббон Э. 183
Гибертруда 463
Гигон 463, 465
Гидрунт (Отранто) 124, 297, 341, 356, 360, 364, 370, 381, 382, 385, 386, 400, 407, 431, 470
Гиппахарио 455
Глэден И. 161
Гонфарис 298
Грациана 247
Греки 119, 284, 358, 382, 445
Греция 122, 407
Григорий (диакон) 451, 467
Григорий I 72, 344, 346, 412, 446, 447, 453, 463, 469—473, 479, 481, 489, 494, 495, 499, 500, 503, 517
Грин 266
Губбио 445
Гудахал 455
Гудерит 463, 482
Гудила 75, 130, 152
Гудискалк 456
Гудуин (дука Неаполя) 456
Гудуин (сайон) 46, 157
Гульфар 456
Гундебад 16
Гундефред 464
Гундилеп (диакон) 55, 456
Гундилеп (раб) 463
Гундихильда 455
Гундофред 463
Гунны 246, 256, 269, 286, 289, 298, 353, 361, 404, 409, 417, 432
Гунтрахарий 463
Гурдимер 456
Дагисфей 416
Дакия 394
Далмация 25, 50, 117, 139, 240, 255, 266, 267, 281, 282, 308, 360, 393, 394, 453
Дамиан 416
Дан Ф. 8, 83, 94, 100, 108, 148, 156, 164, 196, 203, 204, 208, 219
Датис 301
Дворецкая И. А. 9, 44, 45, 91, 101, 176, 464, 467
Девтерий 55
Деоревальд 454
Деоровара 454
Деоферон 388
Деции 244
Диль Ш. 500
Димитрий 353, 354
Диоген 388, 394
Диоклетиан 181
Диррахий (Дуррес) 243, 267, 364, 370, 394
Додона 401
Доминциан 55, 480
Домиций 61, 158
Домицилий 65
Домник 32, 55
Домника 55
Допш А. 115, 116, 186, 486
Дуда 62, 158
Думерит 158, 206
Дунай 12, 401
Дуррес 243
Дюмулен М. 148

Евдокия 445
Европа 3, 37, 116, 160, 482
Евсевий 233, 235
Евсторгий 62
Евтарих 217, 223, 241
Евфалий 295
Египет 38, 122, 322
Епифан 109
Епифаний (епископ) 20, 169
Епифаний (ремесленник) 480, 481

Захарий 449
Зинон (военачальник) 298, 299
Зинон (император) 7, 11, 12, 20, 167, 241, 503

Иберы 256, 386
Ибба 152
Ивасий 468
Иверия 465
Иддана 455
Изонцо 12

Иллирик 325, 326, 360, 380, 394
Ильдибад 317, 332—335
Ильдигер 305
Ильдигис 394
Имнахарий 468
Имнегесила 463
Имнегунта 463
Индульф 393, 420
Инигисил 463
Иоанн (византийский полководец) 298—301, 305—308, 310, 312—315, 317, 339, 353, 358, 362—365, 370—373, 380, 384—386, 400, 403, 405, 424, 426, 427, 437
Иоанн (епископ Равенны) 18, 20
Иоанн (епископ Цингуланский) 469
Иоанн (колон) 468
Иоанн (командир Равеннского нумера) 445
Иоанн (командир Феодосиевского нумера) 445
Иоанн (кредитор) 55, 56
Иоанн (предводитель фракийских воинов) 297
Иоанн (референдарий) 53
Иоанн (скупщик) 487
Иоанн I 230, 234
Иоанн II 218, 239
Иоанн III 431
Иоанн Капитулярий 482
Иоанн Креститель 445
Иоанн Лид 476
Иоанн Малала 334, 410, 438
Иоанн Троглита 401
Ионийский залив 281, 382
Иордан 10, 20, 145, 224, 236, 237, 247, 251—253, 256, 258, 259, 267—269, 274, 275, 280, 296, 312, 334—336, 339, 376, 379, 383, 390, 394, 400
Ираклий 411
Иран 309, 310, 315, 390
Иродиан 354, 363, 378
Исаак 364, 374
Исаакий 55, 480,
Исавры 256, 269, 271, 297, 301, 356, 357, 361, 375, 376, 378, 394, 395
Испания 28, 42, 50, 122, 195, 332
Истр (Дунай) 12
Истрия 38, 39, 117, 125, 187, 189, 456, 494, 496
Италийцы 26, 68, 79, 139, 143, 207, 221, 250, 252, 274, 315, 329—331, 340, 356, 357, 371, 388, 392, 393, 406, 432, 436
Иудеи 132, 146, 216, 217, 271
Казилин 433—437
Калабрия 25, 38, 39, 188, 189, 223, 230, 273, 280, 341, 342, 344, 356, 370, 382, 386, 431, 453, 484, 510
Калабры 124
Каллиполитанская округа 471
Каллопик 451
Кальяри 401
Кампаниан 128
Кампания 38, 50, 51, 53, 123, 124, 139, 268, 269, 282, 284, 289, 297, 298, 340, 364, 376, 379, 383—385, 395, 417—419, 423, 431—434, 446, 453, 456, 494
Кандициан 445
Канузий (Каноса-ди-Пулья) 370
Капры (Капрара) 410
Капуя 373, 433—435
Карапалис (Кальяри) 401
Карфаген 246
Каспар Э. 13
Кассий 21
Кассиодор, Флавий Магн Аврелий Сенатор 29, 35, 36, 39—45, 49, 52, 53, 55, 57, 58, 60—62, 65, 69, 70, 72, 75, 77, 79, 80, 84, 104, 106, 108—110, 112, 116, 117, 119, 122, 124, 125, 130—132, 145, 152, 156, 163, 166, 181, 182, 186, 187, 189, 191—195, 199, 200, 206, 208, 209, 212, 216, 218, 221—225, 228, 229, 236—239, 242, 244, 247, 259, 281
Касторий 58, 222
Катаксант 445
Каталиенцы 189
Катана (Катания) 118, 258, 484
Кателл 357
Квадрантул 480
Квинт 275
Квинтул 468
Керкира (Корфу) 401
Киприан (военачальник) 310, 312, 363, 415
Киприан (дефензор Равеннской церкви) 450
Киприан (рефендарий) 232, 233, 235, 242
Киприан (христианский святой) 124
Клавдиан 393
Классис 140, 316, 430, 479, 480, 486
Клементин 385
Клодия вал 300
Клузия (Кьюси) 304, 305, 363
Ковалевский М. М. 37, 101
Козилин 124

Кокка 408
Колликт 463
Колоссей 210—212
Кома (Комо, город) 302
Комо (озеро) 496
Компса 435—437
Кондратьев С. П. 231, 256, 282, 300, 315
Конкордиак 55
Конкордия 119
Конон 297, 305, 341, 354, 367, 369, 375, 387, 442
Константиан 267, 281, 318, 331, 335, 356, 359, 392
Константин (военачальник) 256, 281, 282, 286, 287, 304
Константин (император) 93
Константинополь 11, 20, 126, 139, 143, 188, 222, 232, 234, 235, 241, 254, 261, 268, 294, 308, 309, 317, 322, 334, 363, 367, 379, 380, 392, 393, 402, 403, 410, 440, 446, 447, 488, 493, 499, 514, 519
Констанций 63
Корвины 222
Корсика 401, 519
Корсунский А. Р. 87, 98, 108
Корфу 401
Космедия 445
Костолац 12
Кремона 13, 119
Кротон (Кротонс) 407
Кудрявцев П. Н. 8, 219, 271
Кумы 25, 272, 279, 364, 418, 423, 424, 430
Кьюси 304

Лавериани 451
Лавреата 393
Лаврентий (епископ Милана) —13, 20, 222
Лаврентий (землевладелец) 55
Лаврентий (папа) 219
Лаврентий (ремесленник) 481, 487
Лаго ди Больсена 251
Лазика 370
Лангобарды 6, 361, 394, 404, 409, 416, 456, 458, 486, 493, 508, 517, 521, 522
Ландарит 455
Ландольф 253, 272, 273, 293, 410
Латеран 294
Латиниак 468
Латинская дорога 279, 284, 289, 298
Лаций 53, 364
Лев (колон) 368
Лев (навикулярий) 457, 481
Левдерис 277, 280
Левкотея 79, 124, 125
Левтарис 422—424, 426, 430—432
Лендарит 455
Лендульф 468
Леодефрид 158
Леудефред 468
Либерат (купец) 487
Либерат (писатель) 261, 293, 294
Либерий, Петр Марцеллин Феликс 27—32, 35, 53, 152, 242, 244, 247, 399, 400
Либертин 346
Либила 17
Либурия 272
Либурния 25, 267, 281
Ливия 246, 401
Лигурия 24, 38, 39, 42, 44, 158, 292, 301, 302, 308—310, 312, 315, 316, 333, 398, 402, 414, 420, 426, 437, 497
Лигуры 302, 313
Лилибей (Марсала) 246, 247
Липарские острова 364
Лука (Лукка) 119, 424—426, 428, 429
Лукания 34, 35, 38 39, 51, 53, 54, 79, 106, 123—126, 139, 187, 209, 269, 342, 344, 372, 373, 380, 381, 384—386, 431
Луканцы (жители Лукании) 209, 341, 371
Луканцы (жители Луки) 425, 428
Лукка 424, 454
Лукристанская область 44
Лукулланский лагерь 53
Луна 424
Луций Гальбин Тицион 447
Луций Мариний 282
Луций Рейциард 447
Луццато Д. 29, 116, 118, 162, 167, 486

Маврикий 507
Маврусии 256, 361, 373
Маги (военачальник) 298, 362
Маги (землевладелец) 53, 74
Маджьоре 496
Майориан 75, 134
Максим 53, 260, 291, 375
Максимин 353, 354
Малая Азия 122, 317
Манна 457
Мансо И. 167
Мантуя 119
Марий 312, 475

Мария (римлянка) 56, 65
Мария (христианская святая) 445
Марк 230
Марк Схоластик 294
Маркентий 298
Маркиан 338
Маркс К. 341
Марсала 246
Мартано 251
Мартин 286, 289, 298, 305, 307, 310, 312—314, 362
Мартиниан 382
Мартирия 480
Мартруай Ф. 19, 316
Марцеллин 246, 251, 252, 258, 267, 268, 274, 275, 277, 292, 296, 298, 300, 304, 307, 308, 313, 332, 335, 338, 354—357, 359, 363, 376, 380, 385
Марциан 53
Марций 279, 286, 287, 290
Массагеты 361
Матасунта 277, 278, 301, 314, 317, 318, 399, 400
Мегист 445
Медигисил 463
Медиолан (Милан) 12, 304
Мезия 10, 429
Мезия Нижняя 7, 12
Меланий 55
Мелигидий 415, 416
Мемордиан 451
Мена 488
Мессана (Мессина) 268
Мессинский пролив 373, 431
Милан 12, 13, 20, 29, 53, 119, 146, 233, 301, 302, 304, 306—308, 313, 320, 437, 438, 475, 478, 484, 500
Минд 395
Минул 55, 480
Митровица Сремская 12, 242
Молочная гора (Монте-Латтаро) 419, 421
Моммзен Т. 44, 136, 140, 142, 148, 150, 161, 167, 222, 260, 500
Мониарий 74
Монс Феретр (Сан-Лео) 305, 339
Монтан 32, 55
Монтекассино 57
Мора 405, 407
Моравчик Д. 246
Мосс Г. 269
Мункур 393
Мукелла (Муджелло) 339
Мульвийский мост 284
Мунд 255, 256, 266
Мундила 301, 302, 304, 307, 308

Нагль 28
Наис (Ниш) 402
Панд 157
Нарния (Нарни) 281, 282, 414
Нарсес (византийский полководец) 305—309, 315, 396, 403, 404—410, 414, 416—436, 438, 444, 447, 449, 456, 475, 483, 496, 499, 500, 517, 519
Нарсес (военачальник, сторонник полководца Нарсеса) 315
Неаполитанцы 269, 271, 272, 354
Неаполь 25, 57, 122, 124, 246, 269—274, 279, 293, 297, 305, 340, 341, 353—356, 364, 385, 445, 447, 456, 478, 479, 481, 484, 486, 487, 489, 491, 495
Пена (Неци) 417
Нероново поле 284, 286, 290, 295
Неусыхин А. И. 37, 44
Нибелунги 333
Никополь 401
Нимулана 467
Нинегисил 463
Ниш 402
Новария (Новара) 302
Нолы 272
Норик 39, 141, 496
Нуцерия (Ночера) 418

Одоакр 7, 11—13, 16—23, 25—31, 33, 34, 143, 151, 186, 223, 226, 231
Озимо 300
Олибрий 375
Онилион 242
Онтарис 275
Орвието 275
Орест 237, 375
Ориген 61
Остийские (Азинариевы) ворота 375
Остия 289
Отранто 124, 297, 478, 479

Павел (апостол) 298, 375, 394
Павел (византийский военачальник) 304, 308
Павел (воин Нарсеса) 407
Павел (миланец) 307
Павел (начальник отряда в Риме) 395
Павел (начальник отряда исавров) 297
Павел (юрист) 203

Павле Диакон 13, 261, 272, 293, 296, 317, 334, 375, 376, 394, 421, 423, 426, 431, 432, 434, 497, 519
Павия 13, 302
Павлин (епископ) 72
Павлин (член комитата) 152
Паганицензе 445
Падус (По) 16
Падуя 470, 489
Пакурий 386, 407
Палермо 258
Палладий 407
Паллентиан 53, 62
Пальман Р. 148
Панкратиевы ворота 287, 290
Паннония 10, 12, 25, 120
Паннония Сирмийская 52, 141, 210—212
Панорм (Палермо) 25, 258, 268
Панфроний 499
Париан 55
Парма 118, 426—428
Пастор (неаполитанец) 270
Пастор В. 148
Пауляций 457
Пелагий I 71, 98, 347, 349, 367—369, 380, 446, 453, 469, 478
Пелагий II 456, 507
Пераний 256, 386
Перварий 373
Перегрин 55
Персы 257, 317, 359, 390
Перузия (Перуджа) 282, 363, 384, 392, 415, 416
Петр (апостол) 54, 375
Петр (епископ) 61
Петр (епископ Равенны до 520 г.) 217
Петр (епископ Равенны в 572 г.) 480
Петр Патрикий 251, 252, 264—266
Петра Пертуза 304, 305, 339, 417
Петрушевский Д. М. 8, 38, 101, 157, 186
Пиза 424
Пизавр (Пезаро) 432
Пинет 16, 17
Пинцианские ворота 286, 290, 295
Пинцис 294
Пиренн А. 116
Писцинула 272
Питца 52, 152, 281
Пицен 24, 46, 182, 299, 300, 304, 305, 310, 360, 363, 384, 386, 432
Пиценская область 299, 300
Плайя 272
Плаценция (Пьяченца) 364, 366
Пловдив 403
По 16, 40, 50, 117, 307, 310, 315, 317, 332, 334, 405, 407, 414, 420, 422—424, 432, 437
Пола (Пула) 360
Понт 295
Порт 289, 299, 364—366, 370, 373, 374, 382, 417
Президий 304
Пренестинские ворота 284, 286
Принкиний 290
Присциан 232
Прованс 122, 267
Проект 468
Прокопий 8, 21, 25—27, 43, 51, 70, 78, 143, 188, 231, 235, 236, 238, 242—244, 246, 247, 249—252, 256, 258, 260, 264—268, 270, 272, 274, 278, 280—282, 284, 286—288, 290—293, 296—302, 304—306, 308, 312, 313, 315—317, 322, 329—335, 339, 340, 344, 345, 347, 349, 351, 353—357, 359, 360, 362, 363, 366, 367, 369—372, 374, 375, 377—388, 390, 392—394, 396—398, 400, 402, 404, 407—410, 412, 416, 418—421, 430, 436 442, 444, 511, 514
Протоболгары 246
Путеолы 272
Пьяченца 364

Равенна 12, 13, 16—18, 22, 24, 38, 39, 53, 118, 119, 124—127, 139, 140, 142, 143, 145, 153, 157, 158, 187, 210, 217, 220, 233, 244, 267, 275—277, 280, 291, 300—302, 304, 306, 308, 312—318, 332, 360, 362, 364, 380, 392, 395, 400, 404, 405, 427—430, 445, 449, 452, 455, 458, 463, 466, 478—481, 484, 486—492, 495, 498, 507, 508, 518
Равеннская область 53, 55, 282
Равеннский экзархат 499, 502, 507, 508, 515, 518
Рагнарис 405, 407, 417, 436
Рапила 349, 454, 455
Рапихильда 463
Регата (Регета) 274
Регий (Реджио-ди-Калабрия) 25 108, 268, 269, 341, 373
Ренат 60
Ренарат (колон) 468
Ренарат (сенатор) 292, 302, 308
Рецимунд 373
Реция 141, 279, 496

Риети 455, 489, 492
Рим 13, 39, 49, 53, 54, 65, 72, 118, 119, 127, 130, 133, 139—141, 145, 153, 154, 185, 187, 212—220, 224, 225, 227, 228, 230, 232, 234, 236, 240, 244, 246, 248, 253, 254, 262—264, 271, 274—277, 279—284, 286—291, 293—302, 304, 305, 307, 317, 318, 322, 329, 330, 340, 341, 347, 349, 353, 354, 356, 358, 359, 364—370, 373—380, 382—388, 392, 394, 395, 397, 398, 405, 414, 416, 417, 431, 432, 435, 442, 445, 448, 455, 456, 476—481, 484, 487, 491, 495, 499, 503, 504, 508
Римини 300
Римская Империя 5, 41, 42, 63, 64 79, 83, 85—87, 90, 115, 116, 119, 121, 128, 131, 133, 137, 149, 162, 180, 184, 186, 223, 228, 253, 255, 324, 341, 382, 394, 442, 443, 476, 479, 485, 486, 489, 492, 495, 505, 520, 521
Римская Империя Западная 5, 6, 12, 26, 40, 69, 148, 181, 184, 359
Роборат 55
Родерих 374
Ромул 32
Росциана 381, 386, 388
Ротари 175
Рубикон 300
Руги 7, 17, 21, 26, 28, 334
Рустик 265
Рустициан 117, 240
Рустициана (внучка Боэция) 446
Рустициана (жена Боэция) 378

Сабин 468
Савиньи Ф. 161, 167
Саксы 437
Саларийские ворота 284, 286, 287, 290, 295
Салона (Сплит) 256, 266, 267, 281, 360, 393, 400, 403, 404, 453
Салонитана 451
Сальвеций 218
Самний 24, 46, 280, 281, 298, 340, 346, 364, 431
Сан-Лео 305
Сантери 275
Сардиния 401, 471, 472, 519
Сарматы 7, 12
Сарн (Сарно) 418, 419
Сарсена 130
Сарториус Г. 115, 161
Сасаниды 309
Север (колон) 468
Север (правитель Лукании и Бруттия) 106, 126
Сена Галльская (Сенигаллия) 400
Сенарий 210
Сенигаллия 400, 401
Сергий 386
Сергия 445
Сиботы 401
Сивила 468
Сигиберт Австразийский 438
Сизифрид 362
Сикифрида 457
Сильва Кандида 366
Сильверий 267, 272, 276, 279, 280, 283, 284, 292—296
Симсон 230
Симмах, Аврелий Меммий (патриций) 152, 219, 224, 231—233, 235, 236, 238, 246, 278
Симмах (папа) 219
Симмах (правнук Боэция) 447
Сингидун (Белград) 12, 394
Синдевальд 475
Синдерих 258, 259
Синдила 456
Синеульф 463, 465
Синехильда 468
Синсуриан 465
Синфуэс 298
Сипонт 123, 189
Сиракузы 25, 118, 124, 258, 268, 273, 489, 491, 492
Сирентина 272
Сирийцы 122, 270
Сирия 122, 222
Сирмий 12, 119, 242, 247, 394
Сисевера 457, 463, 466
Сисигис 313
Сицилийцы 240, 258, 367
Сицилия 16, 25, 28, 29, 38, 39, 53, 62, 123, 139, 146, 208—210, 212, 223, 240, 241, 245, 246, 253, 255, 256, 258, 259, 264, 266, 268, 273, 280, 298, 305, 319—321, 322, 333, 341, 353, 354, 364, 366, 368, 369, 373, 385, 386, 392, 398, 407, 419, 423, 446, 447, 452, 453, 469, 470, 477, 484, 487, 489, 494, 498, 517, 519
Склавины 394
Славяне 269, 286, 289, 361, 401, 402
Соломон 386
Солы 272
Сонций (Изонцо) 12, 32
Спейяни 451

Специя 424
Спин 347
Сплит 256
Сполеций (Сполето) 54, 118, 282, 304, 362, 363, 378, 382, 383, 414
Средиземное море 522
Средиземноморье 113
Стаби 272
Стефан (знатный грек) 445
Стефан (посол неаполитанцев) 269—271
Стефан (приближенный Нарсеса) 427
Стефан (римский посессор) 61, 202
Стефания 445
Стотза 266, 267, 362, 397
Суммы 272
Сумтахарий 464
Сциллатинская область 108, 200
Сциры 7, 21, 26, 28
Сюзюмов М. Я. 74

Тагина (Гвальдо Тадино) 407, 408, 410, 417
Танехильда 463
Таннент 434
Тарвизий (Тревизо) 333, 335
Тарент 405, 417, 436
Тармут 290
Татан 157
Тевдис 152
Тевтонцы 435
Тейгунда 463
Тейя 405, 409, 414, 417—421, 423, 444, 448, 475
Тела 18
Теодагунда 60
Теодат (адоратор) 480
Теодат (остготский король) 28, 42, 51—53, 61, 62, 145, 158, 223, 230, 247—251, 254, 256, 259—268, 271—276, 278, 279, 284, 291, 293—295, 334, 441
Теодахарий 468
Теодебальд 402, 418, 422, 423, 431, 437
Теодеберт 279, 302, 310, 312, 423, 437
Теодегискл 275
Теодената 268
Теодеруга 463
Теодорих 6—13, 16—20, 22, 26—28, 31, 35, 39—42, 46—49, 52—54, 56—65, 67—86, 88—90, 92—98, 100—105, 107—110, 112, 116—118, 120, 124, 126, 127, 129, 130, 133, 134, 139, 141—148, 152, 155—158, 160—182, 185, 186, 189, 190, 194, 196—219, 221—225, 227—231, 233—237, 239—241, 243, 244, 246, 247, 250, 251, 259, 271, 274, 276, 277, 281, 317, 318, 324, 325, 328, 329, 332, 350—352, 358, 366, 378, 380, 399, 402, 430, 440, 477, 496, 520
Террацина (Террачина) 274, 295, 298
Терриатик 457
Теудифара 454, 463, 466
Тибо Ф. 184, 185, 187, 192
Тибр 141, 282, 284, 289, 290, 299, 366, 373, 374, 476, 483
Тибур (Тиволи) 298, 356, 357, 364, 384
Тибуртинская дорога 451
Тиволи 298
Тицционы 447, 448
Тичин (Павия) 13, 17, 20, 118, 119, 222, 233, 235, 302, 310, 314, 332, 414, 420
Торбекке А. 148
Торимут 362
Тородон 213
Тоскана 275, 299
Тотила 163, 185, 207, 321, 322, 331, 334—336, 338—364, 366—369, 371—386, 388, 390, 392, 394—399, 401—418, 420, 421, 423, 440—442, 444, 446, 448, 458, 459, 462, 475, 510, 516
Трасарих 456
Траян 298
Тревизо 333
Трибониан 321
Триван 152, 217
Тридент (Тренто) 17, 432, 496
Тридентская область 54
Тридентский дукат 496
Тринакрия 258, 267
Троккл 272
Тудера 304, 305
Тулгилона 55
Туллиан 371, 372, 380, 381, 388
Тулуин 52, 152, 238, 244
Туринги 317
Туркилинги 7
Тусция 24, 38, 123, 139, 182, 248—251, 254, 282, 300, 304, 339, 363, 384, 392, 405, 418, 420, 424, 425, 427
Тусция Аннонария 497
Туфа 13, 17, 26
Тэвдис 332

Улдах 432
Улиарий (военачальник) 307
Улиарий (комит готов) 246
Улигисал 281
Улиф 363, 415, 416
Улифей 300
Улия 299
Умбрия 24, 43, 130
Унигильд (Пелагий II) 456
Унцилы 230
Урайя 302, 304, 309, 313, 314, 332—334, 384
Урбик 169
Урбин (Урбино) 300, 304, 307, 339, 454
Усдрила 405

Фавентинская область 55, 158, 206, 207
Фавенция (Фаэнца) 13, 55, 338, 426, 427, 429
Фавст 42, 58, 143, 152, 189, 221, 222, 226, 242
Фаза 354, 386
Фан (Фано) 432
Фаэнца 13, 338, 489, 492
Февдибальд 430
Фезулы (Фьезоле) 310, 312—314
Фелитханг 454
Феодор (знатный грек) 445
Феодор (ремесленник) 117
Феодор (ритор) 347, 380
Феодора 244, 251, 257, 293, 294, 329, 359, 363, 389, 390, 441
Феодосий (император) 175
Феодосий (приближенный Теодата) 260
Феодул 119
Феофан 334, 403, 410
Феофилакт 445
Фермо 306
Ферриол 52
Фессалоника 402
Феттер Г. 9, 148
Фиделий 279, 280, 287, 291, 301, 302, 322
Филимуф 404
Филиппополь (Пловдив) 403
Филиппы 21
Фирм (Фермо) 306, 357, 362
Флавий Аврелиан 450
Флавий Анастасий 480
Флавий Василий 109, 480, 481
Флавий Констанций 481
Флавий Фест 20, 143, 153, 222
Флавия Ксантиппа 445
Фламиниева дорога 119
Фламиниевы ворота 279, 284, 286
Фламиний 125
Флорентиан 206
Флоренция 339, 424
Фока 364, 365
Фома (арендатор) 112
Фома (военачальник) 313
Фома (дефензор Равеннской церкви) 450
Фома (римский землевладелец) 61
Форум Корнелия 476
Форум Юлия 489, 496
Фракийцы 301, 353, 361
Фракия 7, 256, 360, 394
Франки 52, 53, 164, 173, 174, 181, 184, 243, 252, 256, 267, 279, 302, 307, 310, 312, 314, 394, 402, 404, 405, 414, 421—427, 429—438, 475, 497, 517
Фридерих 17
Фриуль (Форум Юлия) 489, 496
Фрумарит 106
Фулкарис 424, 426
Фьезоле 310

Хельпидий 54
Хильдеберт 279, 384, 437
Хильдевара 56
Хильдерик 245, 254
Хильперик 438
Хлотарь I 279, 437, 438
Хосров I Ануширван 309, 316
Храмнеструда 455

Цезена (Чезена) 119, 305, 339, 430
Целлюлас 445
Цемтумцеллы (Чивита-Веккия) 299, 397, 424
Цетег, Флавий Руфин Петроний Никомах 367
Цимитерий 272
Цинциана 487

Чезена 119, 305
Чивита-Веккия 299
Чиполла 8

Шассен Л. М. 258, 411
Шибер А. 468
Шмидт Л. 13, 138, 166
Штаерман Е. М. 41
Штейн Э. 13, 21, 29, 162, 186, 225, 246, 250, 304, 367, 372, 411, 413, 417, 419, 431, 435, 437, 438

Эврримуд (Эбремуд) 268, 281
Эйхгорн К. 165, 167, 176
Эллада 292

Эмилия 24, 306—308, 312, 337, 338, 362, 364, 425—427, 432
Энгельс Ф. 45, 257, 435, 495
Эннодий, Магн Феликс 9, 22, 106, 142, 145, 169, 221, 222, 225
Энсслин В. 11, 28, 140, 148, 153, 163, 165, 166, 222
Эоловы (Липарские) острова 364
Эпир 7, 353, 401
Эрарих 334, 335
Эсты 122

Ювий 468
Юлиан (аргентарий) 480, 481
Юлиан (купец) 487
Юлиан (преторианец) 294
Юлиан (римский посессор) 61
Юлий 317
Юлий Цезарь 411
Юстин (военачальник) 307, 308, 310, 312, 405
Юстин (колон) 468
Юстин I 234, 241
Юстиниан 28, 71, 230, 236, 243, 244, 247, 249, 252—257, 261, 264—266, 268, 274, 278, 288, 292, 302, 308, 309, 315—318, 320—323, 325—330, 334, 338, 343, 347, 351, 353, 359, 360, 363, 368, 378, 380, 385—388, 390, 392—394, 397, 399, 402, 416, 422, 435, 438—444, 446—449, 453, 459, 473, 475—477, 484, 489, 494—499, 501—503, 507, 509—518.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3
Введение 5

Часть первая

Социально-экономические отношения в Италии в период владычества остготов

Глава I. Завоевание остготами Италии 7

Глава II. Аграрные отношения в Италии в конце V — начале VI века. Мелкая и крупная собственность 24
§ 1. Расселение остготов в Италии и наделение их землей 24
§ 2. Мелкое и крупное землевладение в Италии в конце V — первой половине VI века 40

Глава III. Аграрные отношения в Италии в конце V — начале VI века. Формы эксплуатации 67
§ 1. Рабовладение в Остготском королевстве и положение рабов 68
§ 2. Колонат в Остготском королевстве и положение колонов 92
а) Оригинарии 95
б) Колоны 102
в) Рустики 105

Глава IV. Ремесло, торговля и города Италии в конце V — первой половине VI века 115

Глава V. Политический строй Италии в конце V — начале VI в. 136
§ 1. Государственное и административное устройство Италии в конце V — начале VI века 136
§ 2. Законодательство в Остготском королевстве в конце V — первой половине VI века 159
§ 3. Налоги и налоговое обложение в Италии после остготского завоевания 181

Глава VI. Классовая и политическая борьба в Италии в конце V — начале VI в. 196
§ 1. Классовая борьба в Остготском государстве в конце V — начале VI в. 196
§ 2. Остготы и римско-италийская знать 221

Часть вторая

Завоевание Италии византийскими войсками и политика Византии в завоеванной провинции

Глава I. Первый период войны Византии с остготами в Италии (535—540) 236
§ 1. Внутренняя и внешняя политика Остготского государства в 526—535 гг. Разрыв между Восточной Римской империей и Остготским королевством 236
§ 2. Ход войны Византии с остготами в правление короля Теодата (535—536). Социальная борьба в Южной Италии и отношение населения к византийским завоевателям 256
§ 3. Начало правления остготского короля Витигиса. Неудачная осада Рима остготскими войсками 275
§ 4. Поражения Витигиса и его капитуляция 301
Глава II. Борьба остготов и народных масс Италии под руководством Тотилы против византийского завоевания . . . 321
§ 1. Политика византийского правительства в завоеванных областях Италии. Начало второго периода войны и приход к власти Тотилы 321
§ 2. Обострение классовой борьбы в Италии и политика Тотилы в первые годы его правления 339
§ 3. Успехи остготов и их союзников в 543—550 гг. 353
§ 4. Новый этап войны. Поход Нарсеса в Италию и поражение Тотилы и Тейи 396
§ 5. Последние годы войны в Италии. Вторжение франков и алеманнов и разгром их войсками Нарсеса 421
Глава III. Политика византийского правительства в Италии и результаты византийского завоевания 439
§ 1. Аграрные отношения в Италии после византийского завоевания 439
а) Судьбы крупного и мелкого землевладения 439
б) Изменения в положении сельского зависимого населения Италии после византийского завоевания. 459
§ 2. Города, ремесло и торговля в Италии после византийского завоевания 475

§ 3. Реорганизация административного управления в Италии после византийского завоевания 496
а) Административное деление Италии в середине VI в. . . 496
б) Реорганизация административного управления Италии после византийского завоевания 498
§ 4. Финансовая политика византийского правительства и налоговое обложение в завоеванной Италии 509
§ 5. Значение византийского завоевания для исторических судеб Италии 520
Источники 523
Указатель имен и географических названий 528

Зинаида Владимировна Удальцова

Италия и Византия в VI в.

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор Издательства *А. П. Каждан*
Технический редактор *П. С. Кашина*
Оформление художника *А. М. Олевского*

РИСО АН СССР № 4-71В. Сдано в набор 3/X 1959 г.
Подписано к печати 30/XI 1959 г. Формат 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 34+1 вкл. Уч.-издат. л. 37,2+0,1 вкл. Тираж 1700 экз.
Т-13502. Изд. № 3508. Тип. зак. № 2296

Цена 24 р. 30 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
96	14 св.	своего	ее
104	1 св.	conturbernium	contubernium
171	15 сн.	Sallica	Salica
177	24 св.	праве;	праве,
493	9 сн.	16	116